

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
INSTITUT N. J. MARR D'HISTOIRE DE LA CULTURE MATÉRIELLE

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

MATÉRIAUX ET RECHERCHES
D'ARCHÉOLOGIE DE L'URSS

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1941 · ЛЕНИНГРАД
ÉDITION DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
MOSCOU · 1941 · LENINGRAD

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БОСПОРА И ХЕРСОНЕСА

MONUMENTS ARCHÉOLOGIQUES DU BOSPHORE CIMMÉRIEN ET CHERSONESE TAURIQUE

Под редакцией

акад. С. А. ЖЕБЕЛЕВА и В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1941 · ЛЕНИНГРАД

ÉDITION DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
MOSCOU · 1941 · LENINGRAD

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
директор Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра
проф. М. И. Артамонов

СОДЕРЖАНИЕ

БОСФОР	Стр.
(Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг.)	
Предисловие	9
Тиритака	
Отчет о раскопках в 1932—1934 гг.	
1. Ю. Ю. Марти. Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн	11
2. Ю. Ю. Марти. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки	25
3. Т. Н. Книпович и Л. М. Славин. Раскопки юго-западной части Тиритаки	37
4. В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Тиритаки в 1933 г.	61
5. М. М. Кобылина. Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г.	75
Исследования	
В. Ф. Гайдукевич. О местоположении древней Тиритаки	85
В. Ю. Марти. Рыбозасолочные ванны Тиритаки	93
Мирмекий	
Отчет о раскопках в 1934 г.	
1. В. Ф. Гайдукевич. Археологическое изучение Мирмекия	96
2. В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская. Раскопки северной и западной частей Мирмекия в 1934 г.	110
Исследования	
С. А. Жебелев. Откуда ведет свое происхождение название «Мирмекий»?	149
А. Н. Зограф. Мирмекийский клад монет III в. до н. э., найденный в 1934 г.	152
Материалы	
А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг.	157
Е. М. Придик . Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг.	173
Гидравлические растворы, примененные в мирмекийской античной винодельне [Справка Института археологической технологии (б. ГАИМК)]	194
Fouilles de Tyritaké et de Myrmékion en 1932—1934. (Résumé)	196

TABLES DES MATIÈRES

BOSPHORE	Page
(Fouilles de Tyritaké et de Myrmékion en 1932—1934)	
Préface	9
Tyritaké	
Compte rendu des fouilles de 1932—1934	
1. J. Marty. L'enceinte fortifiée de la ville de Tyritaké et le complexe de bassins de salage de poisson y attenant	11
2. J. Marty. Fouilles d'exploration hors des murs de la ville de Tyritaké	25
3. T. Knipovič et L. Slavin. Fouilles des parties sud-ouest de Tyritaké	37
4. V. Blavatskij. Fouilles de la nécropole de Tyritaké en 1933	61
5. M. Kobylina. Fouilles de la nécropole de Tyritaké en 1934	75
Investigations	
V. Gajdukévič. Sur l'emplacement de l'ancienne Tyritaké	85
V. Marty. Les bassins de salage de poisson de Tyritaké	93
Myrmékion	
Compte rendu des fouilles de 1934	
1. V. Gajdukévič. Étude archéologique de Myrmékion	96
2. V. Gajdukévič, E. Lévi, E. Průševskaja. Fouilles des parties nord et ouest de Myrmékion en 1934	110
Investigations	
S. Žebělev. D'où le nom de «Myrmékion» tire-t-il son origine?	149
A. Zograph. Le trésor de monnaies de Myrmékion trouvé en 1934	152
Matériaux	
A. Zograph. Monnaies provenant des fouilles de Tyritaké et de Myrmékion en 1932—1934	157
Е. Придик . Inscriptions céramiques provenant des fouilles de Tyritaké et de Myrmékion en 1932—1934	173
Les solutions hydrauliques appliquées dans une fabrique de vins antique. [Communication de l'Institut de Technologie Archéologique (ci-devant Académie de l'Histoire de la culture matérielle)]	194
Fouilles de Tyritaké et de Myrmékion en 1932—1934. (Résumé en français)	196

ХЕРСОНЕС	Стр.
(Раскопки в Херсонесе в 1931—1933 гг.)	
Предисловие	201
Отчет о раскопках в 1931—1933 гг.	
Г. Д. Белов. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг.	202
Материалы	
Л. Н. Белова-Кудь. Монеты из раскопок Херсонеса в 1931 и 1932 гг.	268
Fouilles de Chersonèse Taurique (Crimée) en 1931—1933 (Résumé).	275

CHERSONÈSE	Page
(Fouilles de Chersonèse Tauriques en 1931—1933)	
Préface	201
Compte rendu des fouilles de 1931—1933	
G. B é l o v. Fouilles dans la partie nord de Chersonèse en 1931—1933	202
Matériaux	
L. B é l o v a - K o u d j. Monnaies provenant des fouilles de Chersonèse en 1931—1932	268
Fouilles de Chersonèse Taurique (Crimée) en 1931—1933. (Résumé en français)	275

Б о с п о р

ПРЕДИСЛОВИЕ

Планомерного археологического изучения поселений Боспорского царства, как и столицы его, Пантикапея, строго говоря, до сих пор почти не производилось, хотя уже свыше ста лет территория древнего Боспора является объектом археологического исследования. До недавнего времени внимание было, главным образом, сосредоточено на раскопках курганов и могильников, дававших, правда, первоклассные памятники античного и местного искусства. Погоня за эффектными находками, щедро представленными в курганах Керченского и Таманского полуостровов и прилегающих к ним районов, отодвигала на задний план изучение городов Боспорского государства и его периферии. Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции начата была планомерная работа по изучению боспорских поселений. Пионером в этом отношении явился Керченский историко-археологический музей им. А. С. Пушкина, с директором его Ю. Ю. Марти во главе. Музей, начиная с 1927 г., провел под руководством Ю. Ю. Марти ряд интересных разведок на городищах Керченского полуострова и в самой Керчи.

В связи с общим развертыванием социалистического строительства в стране началось сооружение крупных промышленных предприятий и на Керченском полуострове.

Одновременно усилилось городское строительство в самой Керчи. Все это не могло не коснуться древних памятников и городищ, оказавшихся в зоне строительства. В связи с этим потребовалось значительное расширение археологических работ и проведение их в первую очередь в тех местах, где строительства затрагивали археологические памятники. В плане археологических работ по Боспору именно этими соображениями и руководствовалась Академия истории материальной культуры им. Н. Я. Марра (ныне Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР), избрав два боспорских городища — Тиритаку (в 11 км к югу от Керчи) и Мирмекий (в 4 км к северо-востоку от Керчи) — объектами первоочередных археологических исследований на Керченском полуострове.

Должно отметить, что раскопки Тиритаки и Мирмекия, отчет о которых за 1932—1934 гг.

здесь публикуется, проводились в тесном контакте с управлениями строительства, на территориях которых оказались указанные поселения и древние памятники, причем при производстве археологических работ научные работники встречали всегда самое внимательное отношение со стороны местных общественных организаций, рабочих новостроек и руководящих работников строительства.

Для осуществления археологических работ на Керченском полуострове, проводимых ежегодно специально организованной для этой цели Боспорской археологической экспедицией, Академия, наряду со своими научными работниками, включала также средства и научные силы других учреждений, заинтересованных в проведении и расширении археологических исследований древнего Боспора. В 1933 и 1934 гг. в работах Боспорской экспедиции принимали участие Керченский музей и Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва). Благодаря такому объединению удалось достичь единого плана работ и целесообразного распределения научных сил и материальных средств.

В 1933 г. производителем работ в Тиритаке был Л. М. Славин. Группу работников Керченского музея, который первым начал работу на городище Тиритаки еще в 1932 г., на раскопках возглавлял Ю. Ю. Марти. Раскопки некрополя Тиритаки производил В. Д. Блаватский.

Кроме раскопок в Камыш-буруне, в 1933 г., по поручению Наркомпроса РСФСР, была проведена большая работа по вымежеванию важнейших археологических памятников, расположенных в Керчи и на Керченском полуострове (наиболее крупные городища, архитектурные памятники, склепы и т. д.), в целях объявления их заповедниками. Эта работа была выполнена под руководством В. Ф. Гайдукевича и Ю. Ю. Марти. К работе были привлечены керченские городской и районный землемеры. Были вымежеваны с обозначением межевыми знаками границ заповедников следующие пункты: Пантикапейское городище, Мирмекий, Тиритака, Китэй, городище к западу от Чурбашского оз. около дер. Ивановки (б. Джапар), Нимфей, Киммерик и крепость на плато горы Опук.

В Керчи, кроме вымежевания территории городища, была проделана работа по точному нанесению на городской план Керченского горсовета всех древних склепов с росписью. Это даст возможность в будущем при всех строительных городских работах проектировать последние так, чтобы они не затрагивали этих памятников древности.

На основании материалов, полученных в результате проведения вышеуказанных работ, соответствующие городища и другие ценные археологические памятники были включены в список заповедников, состоящих под государственной охраной (согласно постановлению Президиума ВЦИК от 10 декабря 1934 г., протокол № 129).

В 1934 г. общее руководство лежало на Л. М. Славине; он же непосредственно руководил раскопками Тиритаки, которые производились несколькими группами во главе с Ю. Ю. Марти, Т. Н. Книпович, М. М. Кобылиной и С. И. Капошиной.

Впервые начатыми в 1934 г. раскопками Мирмекия руководил В. Ф. Гайдукевич.

В связи с расширением здания греческой школы в 1934 г. небольшие разведочные работы во дворе б. Иоанно-Предтеченской церкви в Керчи были произведены В. Д. Блаватским. Эти разведки не обнаружили данных, которые подтвердили бы существование предполагавшейся в данном месте агоры древнего Пантикапея. Однако для вполне определенных выводов произведенные работы не являются достаточными; окончательное решение вопроса могут дать исследования более значительной территории.

Раскопки Тиритаки и Мирмекия дали исключительные по своему интересу и значению материалы. В результате этих работ открыт ряд важных памятников, напр. рыбопромышленные сооружения в Тиритаке, винодельня в Мирмекии и т. д. Среди обнаруженных раскопками находок имеется немало выдающихся по своему научному значению вещей, импортированных и местного боспорского производства. Особого упоминания заслуживают архаические туземные каменные стелы, комплекс терракот из Тиритаки, резные костяные пластинки, ионийская керамика из Мирмекия и др. Два боспорских поселения, об одном из которых (Тиритака) до этих раскопок ничего не было известно, о другом же (Мирмекий) имелось смутное представление, могут быть

благодаря отчетным работам введены уже и теперь в научный обиход.¹

Следует также отметить и большую общественную работу, которая проводилась археологами на ряду с их научно-исследовательской работой на раскопках Тиритаки и Мирмекия. Предварительные сообщения и систематическое отражение на страницах газет хода и окончательных научных результатов раскопочных изысканий; лекции для местного населения по радио, в рабочих клубах, в домах просвещения и школах; специальные доклады для педагогов и учащихся; наконец организация непосредственно на местах раскопок многочисленных экскурсий рабочих, инженерно-технических работников, учащихся, а также туристов — вот те средства, при помощи которых научные работники проводили на месте раскопок широкую работу по популяризации сведений об исторических памятниках Боспора и по разъяснению научного значения результатов новых археологических открытий.

В составлении настоящего отчета приняли участие: В. Д. Блаватский, В. Ф. Гайдукевич, Т. Н. Книпович, М. М. Кобылина, Е. И. Леви, Ю. Ю. Марти, Е. О. Прушевская и Л. М. Славин. Кроме того, в отчете публикуются результаты исследований, проведенных В. Ф. Гайдукевичем, С. А. Жебелевым, А. Н. Зографом, В. Ю. Марти и Е. М. Придином² над отдельными темами, связанными с отчетом. Чертежи подготовлены для издания А. Н. Карасевым и А. Г. Литовченко.³

¹ Находки из раскопок Тиритаки и Мирмекия сосредоточены в Керченском музее. Находки из некрополя Тиритаки поступили в Государственный музей изобразительных искусств в Москве и в Керченский музей.

² Работа Е. М. Придика над статьей „Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия“, публикуемая в настоящем отчете, была прервана смертью автора и закончена Б. Н. Граковым.

³ Дальнейшие археологические работы, производившиеся ежегодно на протяжении 1935—1940 гг. под руководством В. Ф. Гайдукевича, привели к открытию в Тиритаке и Мирмекии новых памятников и дали много новых важных сведений об этих поселениях. В некоторой своей части раскопки 1935—1940 гг. преследовали задачу дополнительного выяснения ряда вопросов, связанных с уже открытыми и публикуемыми в настоящем отчете памятниками, которые по тем или иным причинам раньше не удалось раскопать исчерпывающе. Полученные в этом направлении данные, поскольку они лишь уточняют или дополняют уже выявленное раньше, включены в издаваемый отчет с соответствующей оговоркой. Остальные материалы 1935—1940 гг. будут опубликованы в следующем очередном отчете о работах Боспорской экспедиции ИИМК.

ТИРИТАКА

ОТЧЕТ О РАСКОПКАХ 1932—1934 гг.

*

Ю. Ю. МАРТИ

ГОРОДСКИЕ КРЕПОСТНЫЕ СТЕНЫ ТИРИТАКИ И ПРИЛЕГАЮЩИЙ КОМПЛЕКС РЫБОЗАСОЛОЧНЫХ ВАНН

В 1931 г. на территории Камыш-буруна, на юго-запад от Керчи по берегу Керченского пролива, начались крупные строительные работы по сооружению железорудного комбината и большого жилого городка при нем.

В связи с этим зимой 1931—1932 гг. в Керченский музей стали поступать сведения, что при земляных работах в Камыш-буруне сделаны находки древних предметов (преимущественно античной керамики) и обнаружены остатки древних сооружений.

Выехав на место строительства, музейные работники нашли следующую картину. Большой косогор, на котором в дореволюционное время находилась помещичья усадьба, постепенно понижавшийся к дороге, ведущей из Керчи в Эльтигенъ, оказался срезанным в юго-западной части со стороны шоссе двумя большими уступами по обе стороны насыпи. Образовались таким образом три террасы: верхняя, самая большая (приблизительные размеры 230 × 155 м), средняя, непосредственно с востока прилегающая к насыпи (приблизительные размеры 140 × 60 м), и нижняя, небольшая терраса на запад от насыпи (размером 190 × 27 м). Высота образовавшихся земляных бортов колебалась от 3 до 5 м.

Осмотром местности было установлено, что вся эта площадь, ограниченная с запада шоссе, ведущим в Эльтигенъ, с юга — ровной низиной, расстилающейся у берега пролива на значительном пространстве от Камыш-буруна до Эльтигеня, с севера и востока — неглубокой балкой, опоясывающей косогор, содержит в себе остатки античного поселения. Вертикальные обрезы насыпи, образовавшиеся в результате выемок земли, показывали наличие мощных культурных наслоений, содержащих массу обломков античной керамики; во многих местах были обнажены остатки ям-зернохранилищ, пифосов, фундаментов больших и малых построек. В верхних слоях выступали в разных местах

остатки каменных ящиков-гробниц послеримской эпохи. В разных частях городища уже лежали вывороченные при земляных работах большие квадратные строительные плиты, жернова, большой тарапан-пресс для выжимания винограда, огромное количество фрагментов керамики.

Земляные работы, одновременно производившиеся к западу и северо-западу от городища, стали обнаруживать многочисленные древние погребения на некрополе, связанные, несомненно, с тем же Камыш-бурунским городищем, в котором есть все основания видеть остатки боспорского города Тиритаки.¹

Вышеуказанные обстоятельства создали настоятельную необходимость организовать систематические наблюдения за земляными работами на некрополе и начать раскопки городища, оказавшегося под угрозой разрушения в процессе дальнейшего хода строительных работ. Летом 1932 г. Керченский музей приступил к этим раскопкам на юго-западном участке городища,² где земляными работами строительства были затронуты часть древней крепостной стены с башнями и непосредственно примыкающие к ним городские постройки.³

¹ См. ниже статью В. Ф. Гайдукевича „О местоположении древней Тиритаки“.

² Осуществление этих наблюдений дало возможность Керченскому музею зафиксировать и собрать находки более чем из 50 древних могил тиритакского некрополя.

³ Ни городище Тиритаки, ни тиритакский некрополь раскопкам ранее не подвергались. Лишь в 1859 г. Люценко на средства Археологической комиссии был исследован один небольшой курган, лежащий на берегу пролива „у Камыш-Бурунской межи, вышиной в 1 саж., окруженностью в основании около 28 саж.“. В шахте, спущенной посредине кургана „длинной и шириной на 2 саж., была открыта плитовая гробница длиной внутри 3 1/2, шириной 1 1/2 и глубиной 1 1/4 аршина“. Хорошо сохранившийся женский костяк лежал головой на восток, при нем находилась четыре краснофигурные и клетчатый лекифы, медная монета, шпилька (ОАК, 1859, 20). 11 других небольших курганов, исследованных в 1861 г. по дороге в Камыш-бурун, на берегу моря, близ город-

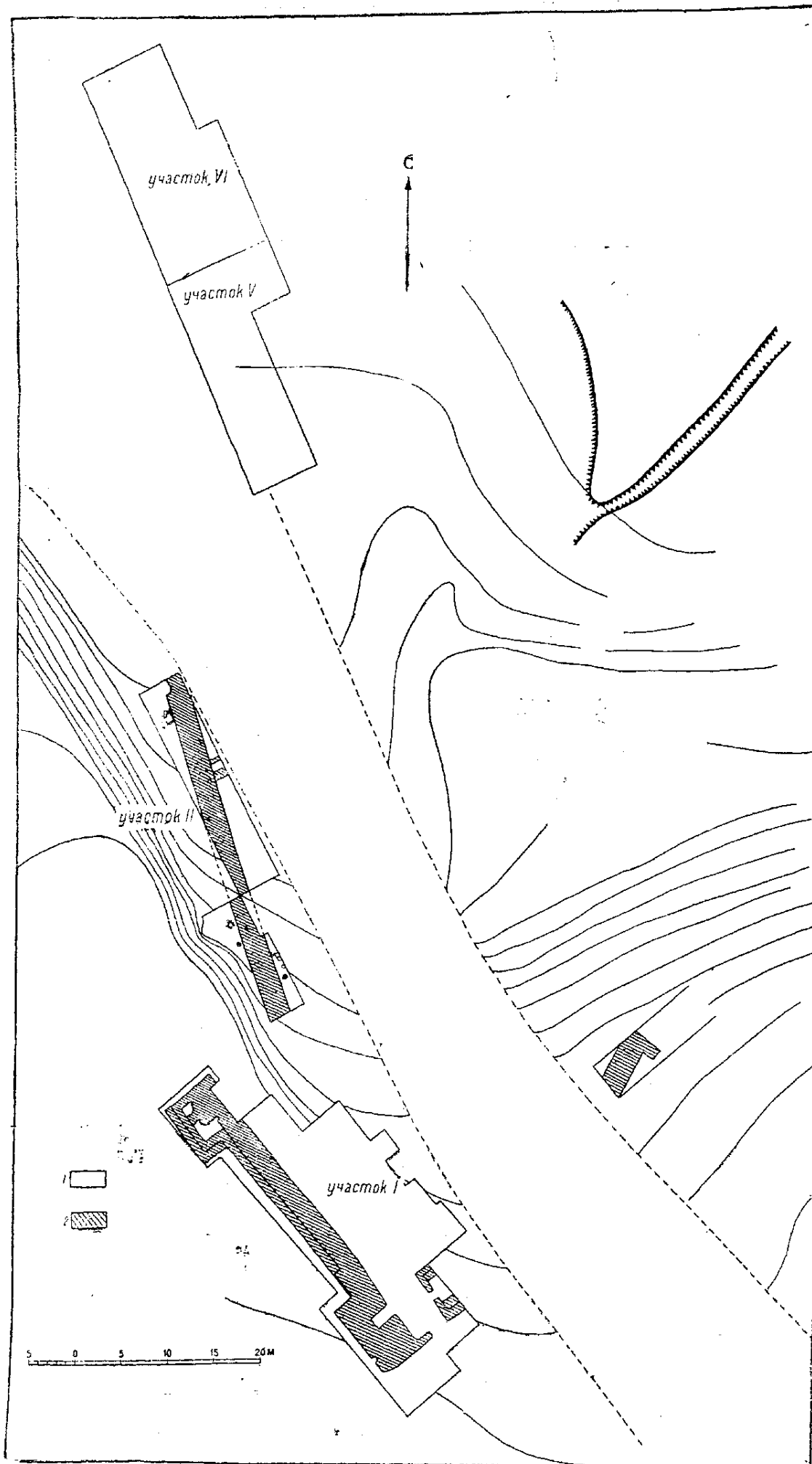

Рис. 1. Тиритака. Общий схематический план открытых участков крепостной стены в раскопках 1932—1934 гг.
 1 — границы раскопанных участков, 2 — остатки древней крепостной стены.

Рис. 2. Башня I, вид с юга.

Раскопки городских крепостных стен были продолжены в 1933 и 1934 гг. с целью изучения всей системы укреплений юго-западной части Тиритаки.¹

Башня I была угловой (табл. I); от нее стены уходили на северо-восток и северо-запад, опоясывая территорию древнего города (рис. 1). Сохранившаяся нижняя часть башни имеет высоту от основания 2.75 м, длину 8 м, ширину

5.20 м. Башня построена из больших квадратных хорошо отесанных известняковых массивов длиной до 1 м, сложенных насухо. Два ряда камней лицевой стороны башни были снабжены рустами, имеющими гладкоотесанное обрамление с трех или четырех сторон (рис. 2).¹

С восточной стороны башня построена также из однородного строительного материала в виде больших известняковых плит (без рустов), сложенных насухо. Большая выемка в башне размерами 1.37 × 2.65 м (рис. 3) со стороны города (с северо-восточной стороны) свидетельствует, что здесь находился ход на башню. Обе боковые стенки хода были обложены большими квадратными плитами.

Хороший строительный материал в виде больших известняковых плит, кладка насухо, русты на облицовочных камнях фасада — все эти признаки говорят о раннеэллинистическом происхождении башни. Это подтверждается также и находками: большим количеством обломков чернолаковой керамики, клеймами на амфорных ручках и монетами, относящимися к раннеэллинистическому времени.

Необходимо однако отметить, что под юго-западной стеной башни I открыты остатки от

ской межи (ОАК, 1861, IV), очень трудно даже предположительно поместить на карте. Ростовцев счел возможным поставить их в связь с камыш-бурунским некрополем, оговорив, правда, что „к сожалению, место точно не указано и нет уверенности, что погребения находились в ближайшем соседстве с мысом (Камышбурунским)“. Найденные в этих 11 небольших курганах погребения „все оказались принадлежащими тому же времени расцвета“ (IV—III вв. — Ю. М.). Особенно интересно погребение с двумя скелетами, в котором найдены „две амфоры, у одного из костяков пук бронзовых наконечников стрел, у бедра длинный железный меч, выше левого плеча наконечник железного копья; у второго — два клетчатых лекифа, чернолаковые сосуды и зеркало“ (M. Rostowzew. *Skythien und der Bosphorus*, S. 233).

Прежние владельцы земли, помещики Ольвы, широко практиковали при помощи „счастливчиков“ раскапывание погребений, с целью отыскания золота и других ценных и интересных предметов древности. С установлением Советской власти в Керченский музей поступили из оливской коллекции некоторые находки (керамика, медные монеты и т. п.).

¹ Исследования укреплений Тиритаки продолжались и в 1935—1936 гг.: были открыты новые участки стен, расширены и местами углублены раскопки прежде обнаруженных стен и башен. В результате этого получены некоторые новые данные, позволяющие внести частичные дополнения в вопрос об основных этапах построения стен, их переустройстве в различные периоды и т. д.

¹ Подобную обработку облицовочных плит мы видим в керсонесских стенах IV в. до н. э., где лицевые камни также имеют русты с гладким обрамлением с трех сторон. В стенах Ольвы имеются русты изящной отделки, обрамленные гладкими кромками с четырех сторон (Б. В. Фармаковский. *Розкупованні Ольвії р. 1926*. Одеса, 1929). В Керчи подобные тщательно отделанные русты имеются на стенах дромоса Царского кургана (Ю. Ю. Марти. *Сто лет Керченского музея*). В кладке башни I в Тиритаке мы видим те же русты, но худшей техники.

Рис. 3. Башня I, ход на башню со стороны города; вид с северо-востока.

более раннего сооружения: перед фасадом башни с рустованными блоками обнаружен прямоугольный настил из больших плит размерами 1.80×1.20 м, а к северу от настила вдоль стены — узкая каменная кладка, уходящая вместе с настилом под фундамент башни. Повидимому, мы имеем здесь дело с остатками более ранних, может быть, также фортификационного характера строений, перекрытых эллинистической башней (табл. I, впереди башни). Хотя керамика, найденная при расследовании этих более ранних строительных остатков, относится, главным образом, к позднеэллинистическому времени, это не мешает указанной датировке, потому что за стеной, с внешней стороны, могли происходить скопления мусора, попадавшего сюда из города, в более позднее время.

От башни I в северо-западном направлении идет стена n° 1 до башни II. Стена эта, к которой со стороны города пристроены в римское время рыбозасолочные вайны, имела снаружи облицовку из штучных камней с рустами и должна быть признана постройкой раннеэллинистического времени. Длина стены 21 м, ширина 3.68 м. На всем протяжении стены с западной (наружной) стороны идет выемка шириной 1.20 м, являющаяся результатом изъятия облицовочных камней при разрушении стены еще в древности. Только около башен сохранились облицовочные большие плиты с такими же рустами, как и на фасаде башни. Ширина стены без облицовки 2.50 м; построена она из бутовых камней.

К раннеэллинистическому времени относится также и водосток, открытый в углу между башней I и стеной n° 1 (рис. 4). Водосток служил для отвода сточных вод из города в море, которое в древности близко подходило в данном месте к стене города. Водосток сложен из каменных плит, поставленных на ребро. Дно его выложено плитами; сверху он был перекрыт поперечными плитами, из которых сохранилась только одна. Водосток имел направление с северо-востока на юго-запад. Сточная вода направлялась к водостоку со стороны города по мостовой, имеющей легкий наклон к стене. Принимая во внимание естественный скат плато, на котором находится городище, вполне естественным является такое направление дождевых вод и их отвод за черту города.

На северо-восток от башни I, в 3.60 м от нее, расположена другая башня (III), также выстроенная в раннеэллинистическое время и составляющая с башней I единый комплекс, фланкирующий находящийся между этими башнями въезд в город. Башню III не удалось раскрыть полностью, так как восточная ее часть уходит под насыпь. Длина открытой части башни 6.30 м, толщина внешней южной стены 1 м, толщина внутренней, позднее пристроенной стены n° 15 равна 1.12 м. Фундаменты стен башни III уходят глубоко в землю и являются наиболее глубокими. Слой земли всюду песчано-глинистый; окружение целиком эллинистическое (чернолаковая посуда, овалы в сечении

амфорные ручки, монеты). Стены башни III по кладке похожи на оборонительную стену n° 2 (на участке II). Зачистка вымостки у башни III дала также эллинистический материал.

Между башнями I и III находились городские ворота, очевидно, многократно перестраивавшиеся. Открытая у южного угла башни III и сложенная из каменных тесаных плит четырехугольная кладка n° 17 (рис. 5, табл. I), в центре которой находится квадратное отверстие (для столба?), являлась, вероятно, частью городских ворот.

Аналогичное назначение и связь с воротами, надо полагать, имели углубления с тремя перегородками, примыкавшие вплотную к фундаменту башни I и разрушенной раннеэллинистической вымостке (n° 55 на плане).

В пространстве между башнями I и III сохранилась раннеэллинистическая (времени сооружения башен и ворот) вымостка и вымостка позднеэллинистическая.

Выше уже отмечено, что башня III не могла быть полностью расследована в виду того, что над восточной ее частью начинается крутая насыпь. Возникшее во время этих работ предположение, что от башни III отходит стена на северо-восток, защищавшая город со стороны моря по линии крутого, почти отвесного обрыва, составлявшего естественную границу города с востока, нашло подтверждение в конце работы экспедиции 1934 г. К северо-востоку от башни III, по другую сторону насыпи земляными работами была открыта часть этой оборонительной стены n° 3, длина ее 5.50 м, ширина 2.50 м, наибольшая высота в юго-западном конце достигает 2.50 м (местоположение

Рис. 4. Водосток возле башни I.

стены показано на рис. 1). Характер материала и основные приемы постройки стены такие же, что и у стены n° 1. Стратиграфические наблюдения (в частности находка фрагментов черно-

лаковой посуды под основанием стены) вполне определенно датируют сооружение этой стены эллинистическим временем.

В позднеэллинистический период на северном конце стены n° 1 была сооружена башня II. Частично она закрывает собою небольшой участок облицовочных плит стены, свидетельствуя этим, что в течение некоторого периода, когда стена была выстроена, башни в этом месте еще не было.

Первоначальные стены башни II (толщиной 0.80 м) построены из хорошего тесаного камня; позднее они были утол-

Рис. 5. Вымостка n° 14 между башнями I и III, вид с востока.

щены бутовой кладкой значительно худшего качества. Длина эллинистических стен башни: южной (п^о 60) — 2.72 м, западной (п^о 61) — 6.50 м, северной (п^о 62) — 7.70 м. Башня II, фланкирующая стену п^о 1 с северной стороны, значительно уступает по своей мощности башне I и отличается от нее как по конструкции, так и по строительному материалу.

Южнее башни II поперек стены проходит водосток, со стороны города перекрытый плоским камнем (п^о 51). Подробнее об этом водостоке будет идти речь ниже, в связи с описанием комплекса рыбозасолочных ванн.

Дальнейшие работы были направлены на выяснение продолжения линии городских укреплений на север и северо-запад от участка с башнями I—II—III и стены п^о 1.

В направлении на северо-восток от башни II стена поворачивает вверх и поднимается по откосу. Здесь, на крутом повороте (к северо-востоку от башни II), было какое-то сооружение из больших плит (может быть, еще одна башня), которое в 1932—1934 гг. раскопать не удалось, так как это место было застроено лестницей для спуска с насыпи.

Рис. 6. Кладка крепостной стены п^о 2, открытой на участке II (снимок 1935 г.).

Стена п^о 2 (план на рис. 1), идущая в направлении с юго-юго-востока на северо-северо-запад, открыта на протяжении 38 м. Стена построена на насыпи, насыщенной чернолаковой керамикой V—IV вв. до н. э. Это обстоятельство указывает на постройку стены в эллинистическое время, но по материалу она несколько разнится от стены п^о 1. В стене п^о 2 мы имеем плитовый камень, местами большие квадратные камни (рис. 6). Ширина стены 2.50 м, на всем ее протяжении одинаковая (точно такую же ширину имеет и стена п^о 3, открытая к востоку от насыпи).

Все это указывает на единый план строительства рассматриваемых фортификационных сооружений, которые необходимо отнести к определенному небольшому промежутку времени. Таким образом стена п^о 2 тоже должна быть отнесена к эллинистическому времени, возможно, немного позднее стены п^о 1, т. е. к III в. до н. э.

Стена п^о 2 исследована до ее ухода под насыпь. Следует ожидать, что при расследовании всей площадки средней террасы на участке V—VI удастся раскрыть продолжение стены п^о 2. По обе ее стороны найдена в значительном количестве чернолаковая керамика, особенно на запад от стены. Вместе с обломками чернолаковой посуды встретились и другие предметы той же эпохи: грузила и черепица.

Находки раннеэллинистического времени встречаются гораздо реже на поверхности стены, римская керамика и стекло решительно преобладают.

Перейдем теперь к основным строительным остаткам римского времени, которые имеются на расследованном участке.

Все описанные выше стены и башни эллинистического периода должны были, конечно, служить городу и в римское время. Отдельные части сооружений подверглись перестройке и были еще более укреплены.

Культурные слои, прилегающие к стенам, и смежная с ними полоса города говорят, что и после разрушения крепостных стен жизнь города еще долго не угасала, хотя стены уже не восстанавливались. Монеты, найденные в верхнем слое над развалинами крепостных стен, относятся к III—IV вв. н. э.

Башня I (угловая) в римское время была укреплена с южной стороны дополнительной кладкой п^о 56 (рис. 7). Сохранился лишь один ряд этой кладки, выходящей за восточную линию башни. Длина кладки 6.36 м, ширина 1.25 м. Такой же системы кладка стены п^о 58, расположенной на расстоянии 1 м перед пристроенной к башне кладкой п^о 56. Эта стена (п^о 58) имеет длину 5.13 м, ширину 1.11 м. Обе стены впущены в землю на незначительную глубину по сравнению с основной кладкой башни. Характер кладки стены п^о 58 (большие каменные глыбы округлой формы с забутовкой из мелкого камня) резко отличается от первоначальной эллини-

Рис. 7. Кладки п^оп^о 56 и 58 с юго-восточной стороны башни I, вид с северо-востока.

стической кладки башни. Очевидно, указанные две стены (п^оп^о 56 и 58) возникли в целях усиления боеспособности башен в поздне-римское время. Это подтверждается находками поздней керамики, в частности круглодонной амфоры с горизонтальными желобками, и значительного количества обломков лепной посуды. Таким образом эти пристройки являются последним этапом строительства оборонительных стен в поздне-римский период. Назначение их, вероятно, заключалось в укреплении угловой башни, игравшей ответственную боевую роль по своему местоположению.

Уже отмечено выше, что башня I и стена п^о 1 в римское время продолжали служить целям защиты города. В римское время значительно перестраивается башня II. К южной и западной ее эллинистическим стенам пристраиваются новые. Общая толщина стен башни достигала почти 2 м. Помещение внутри башни имеет на поверхности вымостку.

О позднейшей жизни на месте разрушенных стен говорят следующие факты: в одном месте над стеной п^о 2 построена кладка-вымостка; под ней значительной толщины слой земли. В другом месте непосредственно на кладке разрушенной крепостной стены устроен глинобитный пол (рис. 9) со следами какого-то производства (зола, куски зеленоватого шлака). С внешней

Рис. 8. Очаг возле крепостной стены п^о 2 (участок II), вид с юго-запада.

стороны этой стены в двух местах обнаружены очаги. Особенно хорошо сохранился большой очаг овальной формы, с запада за городской стеной (рис. 8); боковые стены очага сложены из камней, сверху он имел перекрытие из саманной глины, частично сохранившееся; в перекрытии уцелело круглое отверстие, служившее дымоходом; топочное устье, расположенное с севера, по бокам выложено двумя большими камнями.

Очаг, находящийся за городской стеной, несомненно, построен после ее разрушения. Куски угля, обгорелые кости, фрагменты обгоревшей лепной посуды возле очага указывают, что он предназначался для приготовления пищи. Другой очаг, простейшей формы, с глинобитным полом, также находился за пределами городской стены. Значительно выше встречены остатки более поздней культуры: черепки поливной посуды яркозеленого цвета, найденной над очагом среди обильных залежей камки (*Zostera marina*).

Часть древнего города примыкает с северо-востока вплотную к описанной выше крепостной стене. Открытые здесь строительные остатки относятся к двум периодам: эллинистическому и римскому. Остатки более раннего времени, повидимому, были использованы при последующем строительстве. Наличие слоя классического периода подтверждается отдельными ве-

Рис. 9. Начало раскопок крепостной стены № 2 (участок II) в 1934 г.; глинобитная площадка на развалинах стен, вид с северо-запада.

ществленными находками, напр. обломками чернолаковой керамики. Для эллинистического периода характерны обширные хорошо выстланные плитами мостовые, открытые вдоль оборонительной стены. Вымостки эти находятся не на одном уровне и построены, очевидно, в разное время.

Против водостока, проходящего под крепостной стеной у башни I, открыта особенно хорошо сохранившаяся часть вымостки № 41 раннеэллинистического периода (рис. 10). Южная часть вымостки состоит из больших прямоугольных плит, имеющих свыше 2 м в длину. Плиты положены так, что они образуют незначительную покатость к городской стене, очевидно для того, чтобы вода лучше стекала в водосток. Вымостка была положена на земляную подсыпку, в которой обнаружены фрагменты чернолаковой керамики высокого качества. В последующее римское время вымостка была засыпана и своего назначения не выполняла.

К раннеэллинистическому периоду относятся также остатки разрушенной вымостки № 50, которая от колодца Б (против башни II) доходит до каменной облицовки рыбозасолочных ванн № 10. В позднеэллинистическое время ее перекрыла другая вымостка (№ 47), расположенная на 0,60 м выше, также частично раз-

рушенная; она проходила вдоль городской стены (рис. 11). Из находок, обнаруженных возле этой вымостки, надо отметить монеты эллинистического времени и костяную розетку (рис. 12). С этой вымосткой связан, повидимому, и водосток № 51, прорезающий крепостную стену и перекрытый плоским камнем.

К позднеэллинистическому времени относится ряд других вымосток и остатков строений на этом участке. Отметим, прежде всего, колодец Б, открытый против башни II (рис. 13). Отверстие колодца оказалось прикрытым каменными плитами: углы внутри колодца слегка закруглены. Этот колодец, построенный в позднеэллинистический период, очевидно, действовал и в римское время, вплоть до момента гибели города, когда он был оставлен жителями. Это подтверждается, в частности, тем, что в римский период над позднеэллинистической вымосткой № 47, проходящей близ колодца, был положен настил из больших каменных плит № 46.

Такие вымостки вокруг колодцев мы увидим и ниже.

Прекрасно сохранилась вымостка № 34 с восточной стороны рыбозасолочных ванн (рис. 14). В северо-восточной части она состоит из хорошо обработанных плит, больших — в северной части, средних и малых — ближе к оборонительной стене. На этой вымостке

Рис. 10. Вымостка № 41, вид с востока.

Рис. 11. Вымостка № 47, вид с северо-востока.

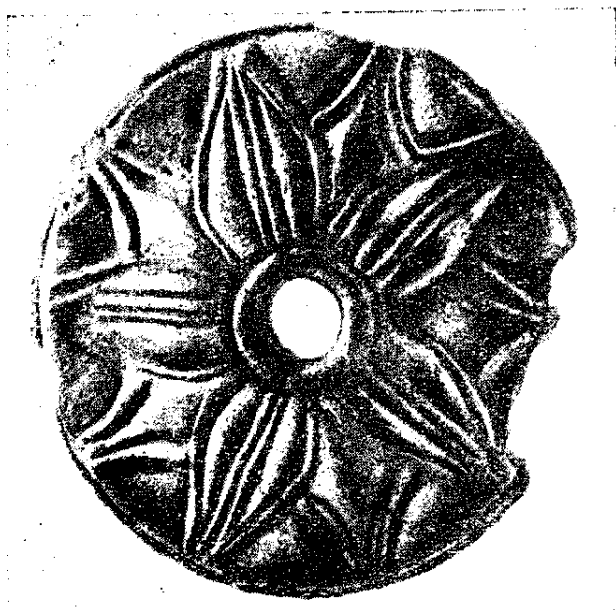

Рис. 12. Костяная розетка эллинистического времени

сохранились остатки двух стен п^оп^о 31 и 33, образующих угол помещения. Внутри помещения открыт широкий каменный настил п^о 37, может быть служивший полом. Длина настила 3 м, шир. 1.80 м, толщ. 0.30 м. Здесь из находок следует отметить ручку родосской амфоры

Рис. 14. Строительные остатки с юго-восточной стороны рыбозасолочных ванн, вид с востока.

Рис. 13. Колодез Б.

и обломки краснолаковой керамики; этими находками вышеуказанные стены и прилегающий к ним настил датируются позднеэллинистическим временем.

Крупным сооружением, открытым на данном участке городища, является комплекс 16 рыбозасолочных ванн, постепенно, одна за другой, выявленных раскопками (рис. 15 и табл. I). Средний размер ванн следующий: дл. 3.10 м, шир. 1.70 м, глуб. 2.50 м. Таким образом средняя емкость одной цистерны равна 13.175 куб. м, а вместимость всех ванн вместе — свыше 210 куб. м.

Стены цистерн построены из мелкого бута на растворе розоватого цвета, состоящем из извести, песка и цемянки, т. е. толченой керамики.

Внутренние стены и днища ванн покрыты раствором того же состава, что и раствор, связывающий бутовую кладку стен. Обмазка внутри ванн неоднократно обновлялась; местами можно наблюдать до 5 слоев цемента. Чтобы цементная обмазка лучше держалась, стены предварительно были изрезаны крестообразными бороздами (рис. 16). Все ванны имеют закругленные углы, очевидно для того, чтобы сделать стены их совершенно непроницаемыми и предупредить утечку рассола. Поверхность днищ ванн покрыта всюду красной краской, повидимому с той же целью — добиться полной непроницаемости дна.

Вскрытие дна, сделанное в одной из ванн, показало следующее его устройство (рис. 17): оно имеет толщину 0.58—0.60 м; на слое глины толщиной 0.05 м, которую подстилает морской песок, уложены два яруса поставленных на ребро специально подобранных бутовых камней. Нижний ярус высотой в 0.30 м и верхний 0.12 м залиты известковым раствором с большой прибавкой цемянки; сверху это „бетонное“ днище покрыто слоем такого же раствора толщиной 0.11 м.

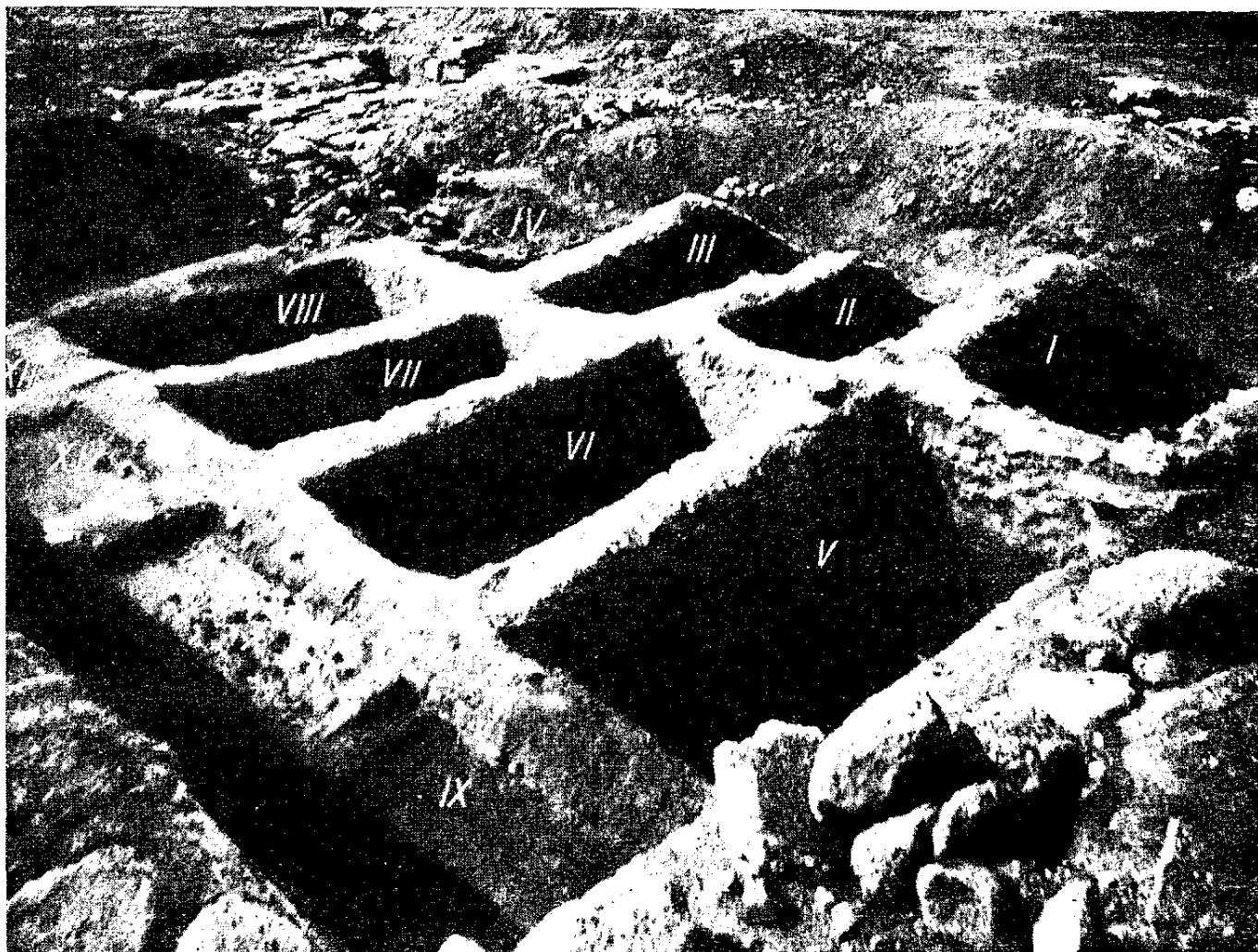

Рис. 15. Комплекс рыбозасолочных ванн, вид с севера.

Не все 16 ванн удалось раскрыть полностью, так как на северо-востоке этот комплекс уходит под насыпь.

Как видно на плане, полностью раскрыты 8 ванн (I—VIII в первых двух рядах). Третий ряд ванн (IX, X, XI и XII) раскрыт в большей своей части. Из четвертого ряда открыта лишь часть одной ванны; углубляться дальше под насыпь оказалось невозможным.

Нельзя поэтому утверждать, что данное рыбозасолочное производство имело только 16 ванн: возможно, за четвертым рядом шел еще и пятый. Весь комплекс рыбозасолочных ванн выстроен, повидимому, одновременно, о чем можно судить, прежде всего, по технике сооружения отдельных частей. Первыми по времени были выстроены два первых ряда с восемью ваннами, примыкающими к оборонительной стене. Они построены более тщательно, стены их сложены аккуратнее, чем в остальных ваннах, пристроенных несколько позднее.

При расчистке ванн на дне I, V, VIII и отчасти VI были обнаружены слежавшиеся слои мелких рыбьих костей и чешуи. По определению специалистов-ихтиологов собранные рыбьи остатки принадлежат керченской сельди (*Cas-*

pialosa).¹ Вместе с остатками рыб на дне ванн обнаружены слои морского песка, принявшего красноватый цвет (от покраски днищ), а местами серо-зеленоватый (признак присутствия перегнивших рыбьих остатков). В некоторых ваннах дно было устлано тонким слоем камки.

В процессе расчистки ванн от заполнявшей их земли обнаружены на разной глубине обломки местной черепицы;² они встречались в придонном слое засыпи на глубине 1.30—1.60 м и в верхних слоях. Во всех ваннах найдены куски истлевшего дерева. Среди находок были четыре костяные иглы для вязания рыболовных сетей.

С северо-запада и юго-востока внешние стороны рыбозасолочных ванн были облицованы плитами (n° 9 и 10 на плане).

Указанные облицовки представляют солидные кладки из массивных каменных плит, расположенных по системе „тычок на ложок“ (рис. 18).

Навеса или крыши над ваннами, вероятно, не было; тщательное обследование стен нигде

¹ См. ниже статью научного сотрудника Азербайджанской рыбохозяйственной станции в Баку В. Ю. Марти „Рыбозасолочные ванны Тиритаки“.

² Черепицы изданы В. Ф. Гайдукевичем в ИГАИМК, в. 104, стр. 240—243.

Рис. 16. Цементированная стена внутри одной из рыбозасолочных ванн.

Рис. 18. Облицовка наружных стен рыбозасолочных ванн (кладка п^о 10), вид с юго-запада.

не обнаружило следов подпор, которые должны были быть довольно солидными вследствие значительного веса древней черепицы. Современная практика показывает, что навесы над рыбо-

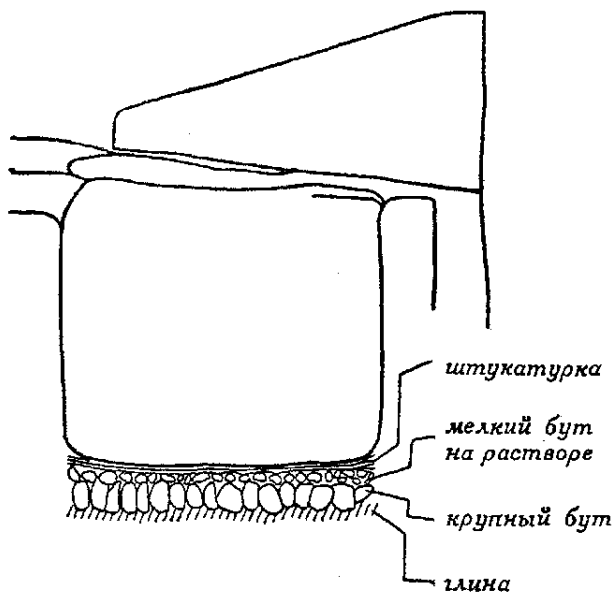

Рис. 17. Устройство дна в рыбозасолочной ванне.

засолочными ваннами необязательны: есть система ванн открытых, не имеющих никакого навеса, и есть ванны в закрытых помещениях. Черепицы, обнаруженные в ваннах, попали, по-видимому, с соседних зданий. Не лишено ве-

роятности предположение, что ванны покрывались деревянными крышками, тем более, что, как уже указывалось, во всех ваннах были найдены куски истлевшего дерева.

Стратиграфия культурных слоев, находки, а также взаимоотношения открытых построек между собой позволяют датировать открытый памятник более или менее уверенно. При вскрытии дна одной из ванн, как и следовало ожидать, было обнаружено, что под ванной находится материк в виде чистого морского песка, и никаких следов построек или культурных остатков там нет. Таким образом необходимо предположить, что эллинистические мостовые, примыкавшие к оборонительной стене в этом районе, были уничтожены позднее, при постройке ванн. Облицовочные кладки, укрепляющие северо-западную и юго-восточную стены комплекса ванн, значительно выше уровня позднеэллинистических вымосток, а в одном месте (с юго-восточной стороны) облицовочные плиты п^о 9 даже поставлены на остатки стены п^о 33 позднеэллинистического времени.

Внутреннее содержание ванн дало в изобилии фрагменты римской керамики, терракот и стекла I—II вв. н. э.; вещей III в. н. э. было гораздо меньше. Интересно, между прочим, отметить обилие лепной туземной керамики в верхних слоях засыпи. Сравнительно мало вещей позднеэллинистических, представленных, главным образом, фрагментами черепиц и находками монет,

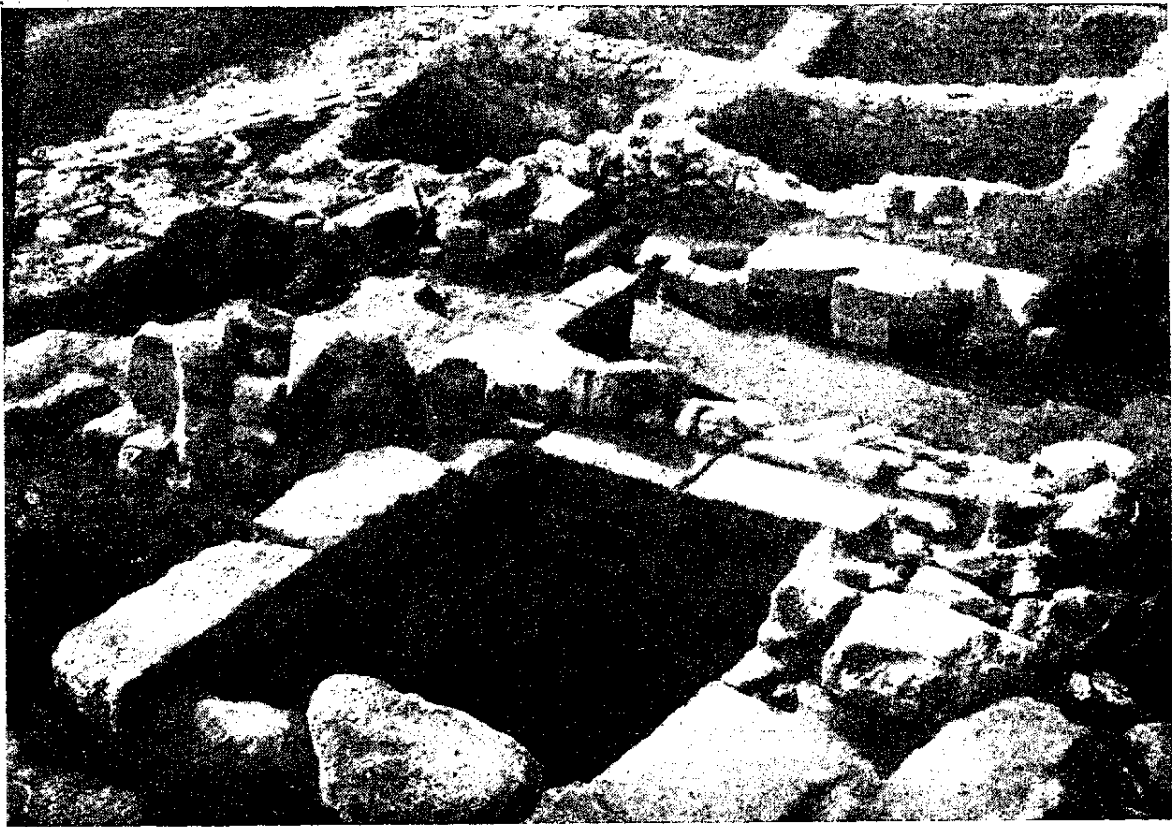

Рис. 19. Колодец А с юго-восточной стороны рыбозасолочных ванн, вид с востока.

что не является, конечно, решающим, поскольку эти вещи могли бытовать и значительно позднее. Все эти данные позволяют предположить, что комплекс рыбозасолочных ванн основан был в раннеримский период (I в. н. э.). В пользу этой датировки говорит и техника постройки ванн из мелкого бута, скрепленного известью со значительной примесью цемянки (толченого черепка). Этот строительный способ характерен, как известно, преимущественно для римской техники. Сооружение первых двух рядов ванн было осуществлено несколько раньше, чем постройка остальных ванн, но промежуток времени, разделявший их, был, несомненно, небольшой.

Данный рыбозасолочный комплекс, очевидно, был использован до III в. н. э., что подтверждается находкой монеты Фарсанза в слое с рыбными остатками на примыкающем к ваннам участке, входившем в состав производства.

На юго-восток от комплекса рыбозасолочных ванн был открыт большой колодец А (рис. 19) римского времени, безусловно входивший, как одна из основных частей, в состав оборудования рыбозасолочного предприятия. Колодец построен из больших квадратных плит (дл. 0.60—0.85 м, шир. 0.20—0.45 м, толщ. до 0.40 м), взятых, повидимому, из построек более раннего времени. За это говорит форма и обработка большинства камней, имеющих правильные, сделанные во всю длину, вырезки. Наружная кладка колодца также содержит камни вторичного использования, напр.

большую каменную плиту, выдолбленную внутри для каких-то, повидимому, хозяйственных нужд. На высоте четвертого ряда камней (колодец сложен из шести рядов кладки), в северо-западном углу колодца обнаружена на глубине 1.50 м сквозная арка, заложная бутовым мелким камнем. Дно колодца, на глубине 3.50 м, вымощено каменными плитами. Вода в колодец поступала через арку, являвшуюся, повидимому, устьем водопроводного канала. Когда рыбозасолочные ванны перестали действовать, оказавшийся ненужным колодец-бассейн был использован как мусорная яма, канал был уничтожен и отверстие на высоте четвертого ряда камней заделано. Такое использование колодца подтверждается и тем, что при его расчистке были извлечены многочисленные кухонные отбросы: кости млекопитающих и рыб, ракушки и в большом количестве темносерая зола. Для сооружения колодца была вырыта специальная выемка, перерезавшая на своем пути всю толщу культурных наслоений. Снаружи колодец имел каменный помост из больших плит п⁰ 29, сохранившийся с восточной стороны. Такие каменные настилы окружают и другие открытые в Тиритаке древние колодцы. Целью таких каменных помостов как в древности, так и в настоящее время является предохранение от заболочивания площадки возле источника воды.

На участке между рыбозасолочными ваннами и большим колодцем, над вымостками п⁰ 34 и 37 и фундаментами двух стен п⁰ 31 и 33, принадлежащих постройке позднеэллинистиче-

Рис. 20. Пифос П₁ близ рыбозасолочных ванн.

ского периода, было открыто небольшое сооружение из тесаных плит с перегородкой посредине, n° 20, 23, 24. Слои над этой постройкой оказались переполненными обломками плоских черепиц, а также желобчатыми калиптерами, напоминающими современную крымскую черепицу, так наз. „татарку“. Слои черепицы перемежались с обильными рыбными остатками зеленоватого цвета и морским песком. Огромное количество черепицы указывает, что здесь было какое-то здание, впоследствии разрушенное и завалившееся. Непосредственная близость этого сооружения к рыбозасолочным ваннам и большому колодцу А заставляет предполагать, что на этой площадке и в находившемся здесь помещении происходили в течение долгого времени работы, связанные с обработкой рыбы, подвергавшейся затем засолке в ваннах. Эта постройка должна быть отнесена по высоте наслоений, ярко выявившихся на срезанном сверху донизу борту насыпи, к I—II вв. н. э. Судя по большому количеству найденной в этом здании черепицы, можно заключить, что оно имело перекрытие.

Слой черепицы, перемежающийся с рыбой и песком, имеет толщину до 1 м. Как уже указывалось, в слое с рыбными остатками обнаружена монета Фарсанза 253 г. н. э. (по описи № 288). Отсюда ясно, что рыбное производство просуществовало длительное время, до III в. н. э.

Наконец, к юго-западу от колодца (в сторону крепостной стены) найдены остатки двух боль-

ших пифосов (рис. 20, П₁ и П₂ на плане), уровень горл которых совпадал приблизительно с уровнем колодца. Пифосы имели выпуклые обручевидные полосы на наружной стороне. В пифосе П₁ найдены рыбы остатки (чешуя, кости), что определенно говорит о принадлежности их к уже описанному рыбопромышленному комплексу.

Таким образом раскопками удалось открыть почти полную картину производственного комплекса, принадлежавшего крупному рыбопромышленному предприятию. Отдельные производственные объекты были расположены здесь вполне целесообразно: колодец-бассейн с водой и большие пифосы-чаны для промывки рыбы; помещение, в котором рыба готовилась к засолке, а, может быть, и консервированию; наконец, ванны для засолки.

Большой масштаб открытого на данном участке рыбного промысла и расчеты ежегодного улова сельди, основанные на современных данных,¹ заставляют предполагать, что организация рыбного промысла в Тиритакке имела государственный характер и ставила целью удовлетворение государственных потребностей.

Надо полагать, что в римское время рыба в первую очередь вывозилась в многочисленные укрепленные наблюдательные пункты на берегу Крыма и Кавказа, где стояли римские военные гарнизоны, требовавшие регулярного снабжения провиантом. Широкая деятельность Рима по укреплению крымского и кавказского побережий началась в середине I в. н. э. Не исключена возможность, что особенная интенсивность рыбного промысла и связана как раз с этим периодом.

Вкратце остановимся и на других сооружениях римского времени, вскрытых раскопками.

На восток от колодца А открыты южные части фундаментов n° 25 и 26 стен римского здания, уходящего под насыпь. В позднеимское время на месте этого здания уже проходила мостовая, мощеная большими каменными плитами.

Над комплексом ванн при раскопках был снят мощный слой насыпи. После III в. н. э., когда рыбозасолочное предприятие прекратило существование, ванны стали засыпаться мусором. Непосредственно над третьим рядом цистерн (IX—XII) были обнаружены остатки очень непрочных примитивных построек, повидимому, позднеимского времени.

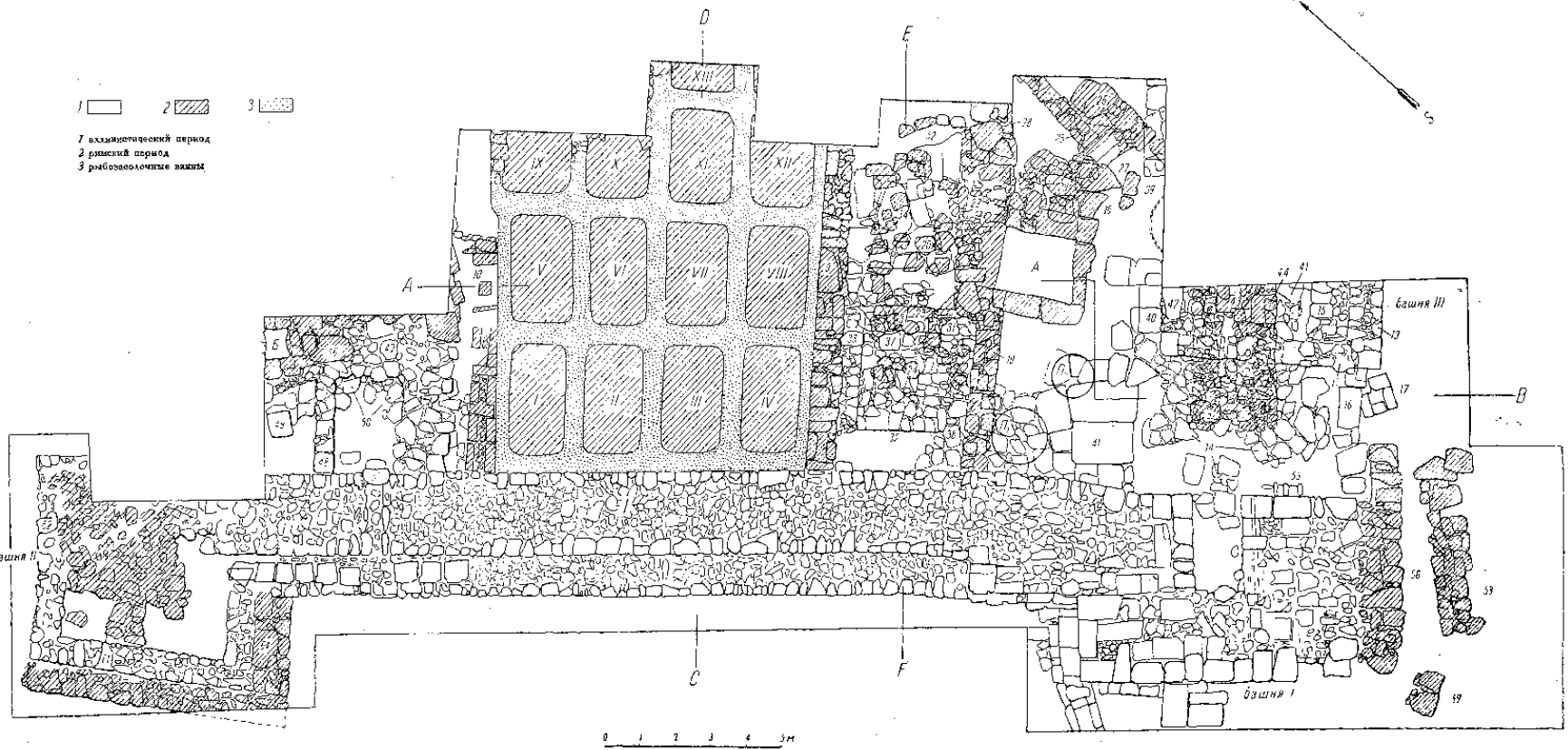
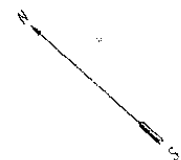
На более высоком уровне, чем эти постройки, над вторым рядом цистерн (V—VIII) были открыты два погребения без находок, повидимому, уже раннесредневекового времени.

¹ См. ниже статью В. Ю. Марти.

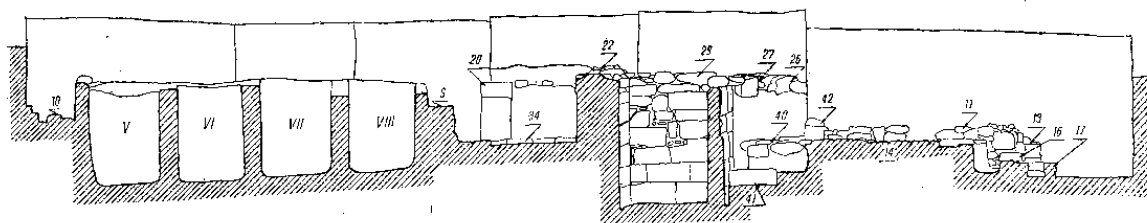
ТИРИТАКА

ПЛАН И РАЗРЕЗЫ УЧАСТКА I

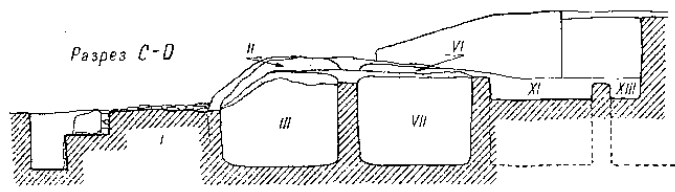
- 1 2 3
- 1 византийский период
- 2 римский период
- 3 разновременные валики

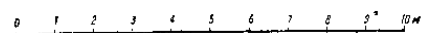
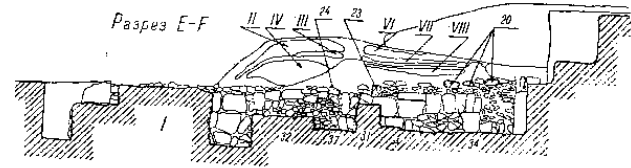
Разрез А-В

Разрез С-Д

Разрез Е-Ф

Ю. Ю. МАРТИ

РАЗВЕДОЧНЫЕ РАСКОПКИ ВНЕ ГОРОДСКИХ СТЕН ТИРИТАКИ

В 1932—1933 гг. Керченскому музею пришлось вести ряд разведочных работ в Камышбуруне за пределами территории древнего городища, в порядке наблюдения за земляными работами строительства, обнаруживавшими то здесь, то там остатки, связанные с древним городом, или могилы некрополя. Ниже дается краткое описание этих разведочных работ, которые велись целиком за пределами городских стен.

А) ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ КОЛОДЕЦ

Во время земляных работ строительства 1933 г. в 50 м на северо-запад от городской стены п⁰ 2, близ насыпи, были обнаружены древние строительные остатки. В связи с этим были проведены раскопки на площади 15 × 10 м.

Первоначально, повидимому с начала эллинистической эпохи, этот район служил местом свалки битой посуды. Таким образом здесь получилось целое наслоение амфорных обломков с большим количеством синопских клейменных ручек, причем более древние ручки (III и II вв. до н. э.) оказались в нижних слоях, а над ними — ручки более поздних амфор (II и I вв. до н. э.). Это и было древнейшим культурным наслоением на этом участке. В I в. до н. э. здесь был сооружен монументальный колодец из больших прекрасно отесанных, насухо положенных каменных плит, имеющий в плане форму прямоугольника с закругленными углами (рис. 21 и 22).

Длина колодца 2.17 м, ширина 1.20 м. Глубину колодца не удалось точно выяснить, так как на глубине 2 м пришлось прекратить работы из-за того, что строительство засыпало участок земель.

Одновременно с колодцем здесь была сооружена невысокая стена, от которой сохранились лишь два ряда кладки длиной 5.70 м, построенной из таких же камней и такой же техники, как и колодец. К этому же времени принадлежит и каменный настил, выложенный вокруг колодца.¹

К востоку от колодца и стены идет трехслойная черепяная вымостка, содержащая монеты I—II вв. н. э. и относящаяся таким образом к римскому времени (эти вымостки показаны в верхней части плана участка штриховкой разной частоты).

Принимая во внимание, что данный комплекс находится за оборонительной стеной, мало оснований предполагать наличие здесь остатков жилья; скорее следует думать, что здесь близ города проходила дорога. Колодец же, из которого жители города брали питьевую воду, был соответствующим образом оборудован: он имел помост, ограду и вымостку.

Б) „ПОДЗЕМНЫЙ ХОД“

Другое строение, которое пришлось расследовать в спешном порядке, это обнаруженный земляными работами строительства подземный ход, расположенный в направлении с северо-востока-востока на юго-западо-запад в 20 м на запад от городской стены п⁰ 2, вдоль насыпи. Как показали раскопки, подземный ход состоит из двух боковых стен, выложенных каменными плитами и перекрытых сверху четырнадцатью каменными плитами длиной до 2 м. Щели между плитами заложены были мелкими камнями (рис. 23).

Высота хода 1.76 м, ширина 1.05 м. С запада и востока ход не был закрыт или заложен, он был сквозным, открытым с обеих сторон. Земля, заполнявшая ход и проникавшая очевидно через щели в перекрытии, не содержала культурных остатков.

Стратиграфическое изучение обреза насыпи, прилегающего к ходу, показало, что нижние слои насыщены керамическими фрагментами чернофигурных, краснофигурных и чернолаковых сосудов VI—IV вв. до н. э., в числе их оказался фрагмент интересной чернолаковой маски силена (рис. 24).

Определению времени постройки хода помогает находка надгробия антропоморфного типа с закругленным верхом, лежавшего над плитами перекрытия южной половины хода (в правой части плана перекрытия). Подобного рода надгробия с закругленным верхом появляются на Боспоре в эллинистическое время, но особенно

¹ В кладке настила найдена монета с головой Диониса митридатского времени. Ср. Бурачков, табл. XXIII, 25—30.

Рис. 21. Эллиптический колодец, открытый на участке IV, вид с северо-запада.

часто встречаются в римское время. Это дает некоторое основание для отнесения сооружения этого подземного хода к позднеэллинистическому или раннеримскому периоду. Назначение его остается невыясненным. К сожалению, условия земляных работ строительства не позволили расширить вокруг этого интересного сооружения раскопочные работы.

Над ходом было какое-то сооружение из двух параллельно поставленных плит в направлении с северо-востока на юго-запад. Между плитами было много золы и обгорелого самана. Имеет ли это сооружение какое-либо отношение к ходу, или оно является остатком поздне-римской поры — выяснить не было возможности.

В) КОМПЛЕКС ТЕРРАКОТ

В 1933 г. при земляных работах, связанных с сооружением Агломерационной фабрики, у подножья холма на глубине 1 м были найдены скопления терракот, главным образом фрагментированных (всего собрано свыше 200 экз.). Все терракотовые изделия большей частью протомы-односторонки. Особенно излюбленным типом является тип Коры или Деметры со сложенными на груди руками. Тип этот представлен в наибольшем количестве экземпляров в различных вариантах. Богиня представлена то в одеянии, то совершенно нагой, — в разнообразных головных уборах, то с покрывалом на голове, то с пышной стефаной, то во фригийском колпаке. Большая часть

статуэток — IV в. до н. э. Есть несколько головок явно архаического типа. Из статуэток других божеств отметим Артемиду верхом на лани и Афродиту в раковине (фрагментированные экземпляры). Жанр почти отсутствует. Из мужских фигур повторяется фигура юноши с ремнем через плечо. Тут же поблизости была найдена пантикапейская монетка с изображением юного Пана, подтверждающая указанную выше датировку.

В той же траншее строительства в верхних слоях найден жернов; восточнее траншеи извлечен был из земли большой пифос; ближе к месту строительства обнаружена в каменном ящике краснофигурная пелика, использованная для хранения жженого праха. Все эти данные говорят за то, что в этом районе под горой, близко к которой в древности подходил залив, на расстоянии $1\frac{1}{2}$ км от городища Тиритакки, был небольшой отселок. Возможно, что здесь было производство терракот, но не исключено и другое, пожалуй, более вероятное предположение, что скопление такого рода терракот могло быть связано с каким-нибудь местом культа (святилище?), где терракоты являлись вотивными приношениями.

Ниже мы даем краткое описание наиболее типичных из найденных терракот.¹

Инв. № 3711. Протома Кибелы (?) во фри-

¹ Описание составлено научным сотрудником Керченского музея А. Ю. Марти.

гийском головном уборе, с покрывалом, ниспадающим на плечи (рис. 25). Из-под головного убора видны длинные косы, падающие на грудь. В ушах серьги в форме розетки.левой рукой, задрапированной в покрывало, прижи-

ломе черная; плохой обжиг. Отверстие, имеющееся в верхнем крае терракоты, указывает на то, что она предназначалась к подвешиванию. Высота протомы 0.17 м.

Инв. № 3712а. Особенно распространенным

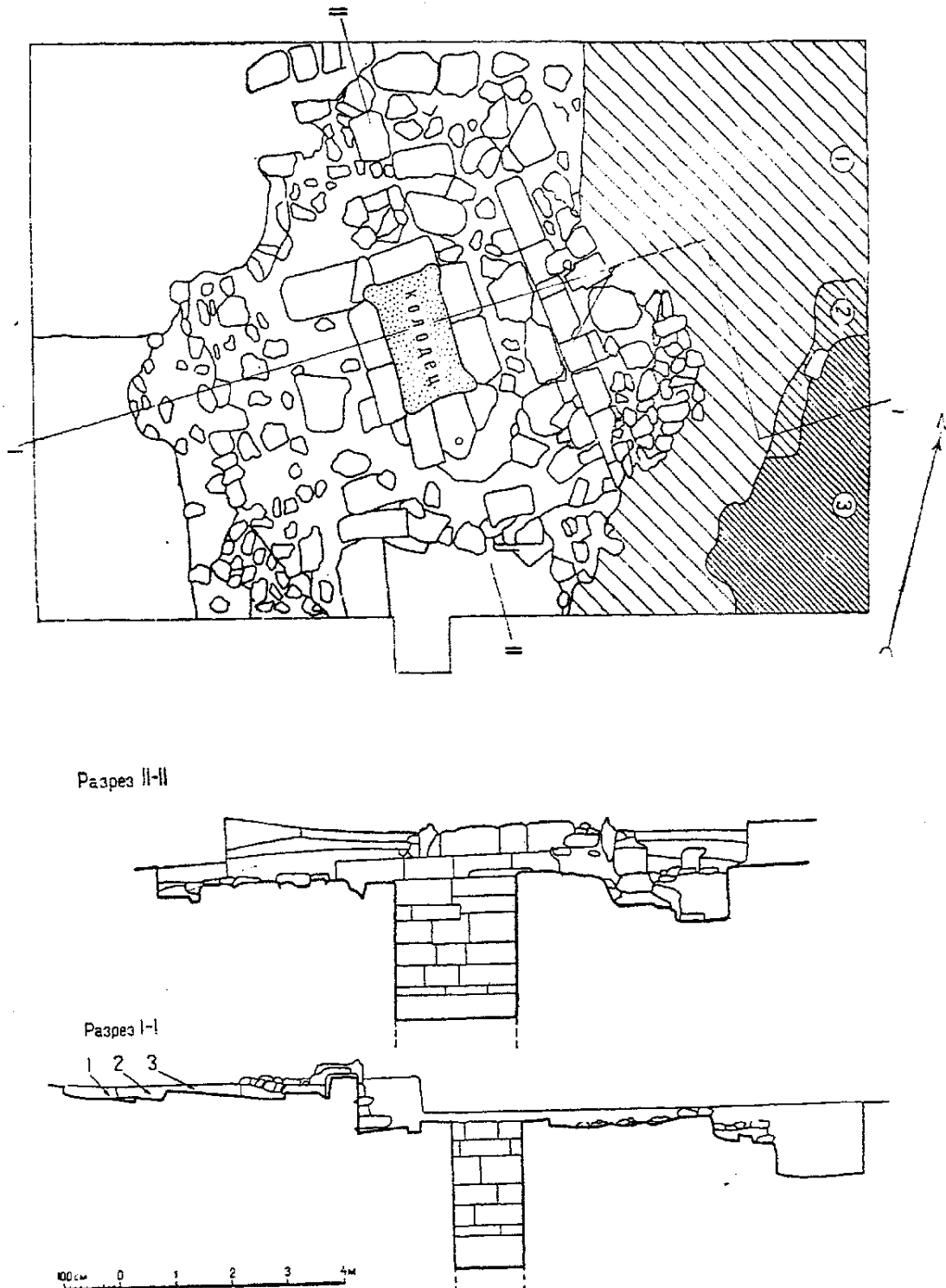

Рис. 22. План и разрезы раскопа на участке IV.

мает к себе какое-то маленькое животное (ягненок или львенок); правая рука у груди. Протома разбита и реставрирована. Утрачена правая сторона от плеча, туловище животного и нижняя часть левой и правой стороны терракоты. Лицо в выбоинах и трещинах; кончик носа отбит. Глина коричневато-оранжевая, в из-

типом среди найденных терракот является протома Кору (рис. 26) со сложными на груди руками, двух вариантов: в покрывале с обнаженной правой стороной торса и в калафе с покрывалом, драпирующим фигуру.

Инв. № 3712б. Протома Кору с покрыв-

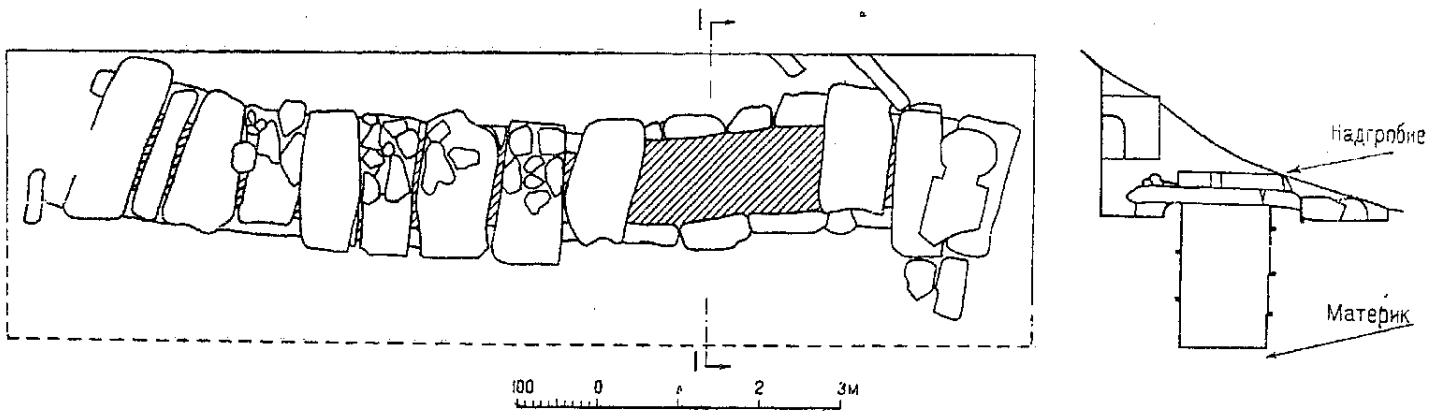

Рис. 23. План и разрез „подземного хода“.

валом на голове, падающим на плечи; из-под него видна стезана и волосы; в ушах серьги. Правая сторона торса обнажена, левую закрывает покрывало. Руки симметрично сложены на груди. Моделировка лица и тела грубая. Утрачена нижняя часть терракоты с правой и левой стороны; попорчен нос. Глина коричневато-оранжевая. Высота протомы 0.14 м. Подобных целых терракот найдено 7 экз. Аналогичные изображения встречались и раньше: так, в Херсонесе был найден подобный тип.¹ Э. Р. Штерн² дает изображение подобной Кору со сложенными на груди руками. Протома найдена в Смирне. Это показывает, что подобный тип

завезен на Боспор из Малой Азии или Греции.¹

Инв. № 3719. Протома Кору в калафе с покрывалом, ниспадающим на плечи и красиво драпирующим фигуру (рис. 27). Волосы расчесаны пробормом и спускаются стилизованными локонами на грудь. Руки симметрично сложены на груди. Моделировка лица грубая, одежда обработана более тщательно. Глина коричневато-оранжевая. Сохранность хорошая.

¹ Ср.: Farnel. *The Cults of the Greek States*, III, tab. IX. Автор отмечает, что сложенные на груди руки — иератический жест, восходящий к древним временам и указывающий на кормление и плодородие. В связи с этим интересно отметить изображение, представляющее в архаическом стиле женское божество с руками, охватывающими груди, подобно нашим терракотам (ОАК, 1881, табл. IV, рис. 5).

¹ ИАК, 25, стр. 103, рис. 11.

² Музей Одесского общества истории и древностей, в I. Терракоты. Одесса, 1897, II, табл. III, рис 1.

Рис. 24. Обломок чернолаковой маски силена.

Рис. 25. Протома Кибелы.

Высота протомы 0.11 м. Аналогичных цельных экземпляров найдено 8. Подобные изображения и раньше были находимы на Боспоре.¹ В коллекции терракот Керченского музея имеются 2 подобных экземпляра.

Инв. № 3722. Протома Коры (вариант № 3719). Из-под калафа видны волосы, украшенные розеткой; в ушах серьги (рис. 28). Моделировка протомы лучше, чем в № 3719. Сохранность удовлетворительная. Отбит небольшой край нижней левой стороны терракоты, поврежден нос. Глина коричневатая; поверхность более светлая. Высота протомы 0.11 м.

Инв. № 3723. Протома, изображающая голову какого-то женского божества, украшенную стэфаной, из-под которой видны расчесанные пробором волнистые волосы (рис. 29). Работа хорошая, особенно изящно моделированы волосы. В ушах круглые подвески, с головы на плечи падает ровными полосами покрывало. Тщательно моделировано лицо. Протома разбита и реставрирована. Утрачены края правой и левой стороны покрывала, есть несколько выбоин. Поверхность протомы светлая, глина в изломе более темного цвета. Высота протомы 0.11 м.

Инв. № 3742. Фрагмент протомы Коры архаического стиля в форме гермы. Моделировано только покрывало, ниспадающее ровными симметричными полосами по обеим сторонам головы. Голова и часть правой стороны покрывала отбиты, уцелели нижняя часть подбородка и большая круглая подвеска с левой стороны. Глина коричневатая. Высота до подбородка 0.07 м. Подобных фрагментированных экземпляров найдено 4. Аналогичные фигуры изданы ОАК (1877, табл. VI, рис. 2), ИАК (13, стр. 170, рис. 115; 35, стр. 20, рис. 5), у Штерна (ук. соч. I, табл. X, рис. 6). В коллекции терракот Керченского музея имеется один экземпляр аналогичного типа.

Инв. № 3746. Две женские маски архаического типа в низких головных уборах (рис. 30а и 30б). Лицо и волосы моделированы очень примитивно; глаза почти не обработаны; выделяется большой нос и толстые чуть улыбающиеся губы. У обеих масок отбиты края головного убора. Глина светлая. Высота масок 0.08 м. Подобного типа голова найдена в Ольвии.²

Инв. № 3750. Фрагмент протомы Коры, типа № 3712. Уцелела только правая сторона торса без головы (рис. 31). Правая рука и грудь обнажены, моделировка терракоты очень тонкая. Глина светлокоричневая. Высота фрагмента 0.09 м.

Инв. № 3751. Фрагмент протомы Коры. Уцелела левая сторона торса, задрапированная в покрывало; в руке цветок или веточка (рис. 32).

Рис. 26. Протома Коры.

Глина красновато-коричневая. Высота фрагмента 0.07 м. Подобное изображение Коры с цветком найдено в Ольвии.¹

Инв. № 3771. Фрагмент лица какого-то божества, возможно Афродиты (рис. 33). Моделировка хорошая. В работе видно влияние стиля Скопаса. Лицо сильно попорчено выбоинами и царапинами. Высота фрагмента 0.09 м.

¹ ИАК, 13, стр. 170, рис. 117.

Рис. 27 и 28. Протомы Коры.

¹ Древности Босфора Киммерийского, табл. LXIX, рис. 4 и LXXa, рис. 4. — А. А. Шик. Воспорское царство, II, табл. IX.

² ИАК, 13, стр. 179, рис. 128.

Рис. 29. Протома женского божества.

Инв. № 3776. Небольшой фрагмент протомы Коры. Уцелели грудь и правая рука. Очень красиво моделированы складки покрывала над грудью и на руке (рис. 34). На плече розетка, служившая застежкой. Глина светлая. Высота фрагмента 0.06 м.

Инв. № 3781. Фрагмент односторонней терракоты, изображающей Афродиту, сидящую в раскрытой половине раковины (рис. 35). Обнаженный торс Афродиты наклонен в правую сторону; с головы ниспадает длинное покрывало, окаймляющее ее с боков. Красивые завитки волос ложатся на плечи. Сохранность очень плохая (терракота разбита и реставрирована). Сбита часть головы и лица, утрачены низ торса и края раковины, во многих местах выбоины и трещины. Терракота имеет с задней стороны приспособление для подвешивания. Высота фрагмента 0.08 м. Такая же терракота воспроизведена в „Древностях Босфора Киммерийского“ (табл. LXI, рис. 3).

Инв. № 3784. Фрагмент протомы, голова Коры в stefane. Лицо сильно повреждено выбоинами (рис. 36). Моделировка лица грубая. Глина коричневатая. Высота головы 0.09 м.

Инв. № 3790. Односторонняя терракота, изображающая Артемиду (рис. 37) на лани, со спущенными вправо ногами; слева, на постаменте,

небольшая женская фигура в высокоопоясанной одежде. Между фигурой и головой Артемиды неясное изображение, повидимому, крыла птицы. Сохранность плохая; терракота разбита и реставрирована. Сбиты руки, ноги и лицо Артемиды, круп и одна нога лани. Высота терракоты 0.18 м.¹

Г) РАБОТЫ НА НЕКРОПОЛЕ ТИРИТАКИ

Керченский музей, осуществляя охрану городища и некрополя Тиритаки, производил в течение 1932—1934 гг. раскопку и, главным образом, доследования погребений, обнаруженных при земляных работах. Всего таким образом вскрыто и зарегистрировано свыше 50 погребений. Большая часть из них значительно повреждена строительными работами; поэтому изучить устройство погребений не всегда удавалось. Ниже даются краткие сведения о находках и основных моментах работ.

В районе древнейшего некрополя к северо-востоку от городской стены найдены две земляные могилы: в одной, перекрытой большой каменной плитой, найден разбитый на части чернолаковый килик V в. до н. э. В другой земляной могиле, перекрытой плитами, обнаруженной недалеко от предыдущей, найден лекиф V в. до н. э. с темными полосками.

Пример трупосожжения представлен круглой могильной ямой (глуб. 1 м, диам. 0.37 м), в которой оказалась амфора V в. до н. э. со жженными костями, без каких бы то ни было предметов. Другой пример трупосожжения дает могила, открытая в районе земляных работ, недалеко от площадки, на которой строилась Аглофабрика. Внутри каменного ящика найдена краснофигурная пелика IV в. до н. э. (выс. 0.40 м) с изображением боя амазонок с греческими воинами (рис. 38а и 38б).

¹ Изображение Артемиды на лани см.: Farnel, op. cit., III, tab. XXX, 6, а также: ОАК, 1868, табл. I, рис. 2.

Рис. 30а и 30б. Две маски женского божества.

Рис. 31. Фрагмент протомы Коры.

Рис. 32. Фрагмент протомы Коры.

Детский впускной каменный склеп IV в. до н. э. открыт в поле кургана, снесенного земляными работами „Гражданстрой“ на участке, где им строились жилые дома. Внутри склепа был расписной сосновый саркофаг (дл. 1.25 м, выс. 0.55 м) (рис. 39) и следующие предметы: пять расписных терракот (две из них на рис. 40, 41), маленькая чернолаковая энохоя, деревянная круглая коробочка с инкрустацией, а также резные деревянные ножки и капители, повидимому, предназначавшиеся для украшения саркофага.

Могил позднеримского времени открыто две. Преобладающее количество остальных погребений относится к римскому времени, главным образом к II в. н. э.; расположены они в районе рудника, к северу и северо-западу от „Красной Горки“. Гораздо меньшее количество погребений относится к позднеримскому времени III—IV вв. Типы погребений: земляные склепы, могилы, перекрытые каменными плитами, подбойные. Находки свидетельствуют о сравнительной бедности части населения, избравшего этот район местом погребения: обычные простые одноручные и двуручные кувшины и горшки римского времени, значительное количество лепной посуды из темной грубой глины, стеклянная посуда II в. н. э. с преобладанием бальзамариев; из украшений — серьги, браслеты, бронзовые кольца; в единичных случаях — серебряные и золотые кольца.

Большой интерес представляет раннесредневековый некрополь, обнаруженный в районе обогатительной фабрики. Ниже дается описание могил, открытых в 1932 г.

Могилы № 2.¹ На участке Энергостроя, при рытье котлованов на незначительной глубине открыта могила, где оказались два костяка и фрагменты двух амфор с сферическими днищами.

¹ Могилы №№ 1 и 4 открыты в 1932 г. в другом районе Камыш-буруна и относятся к античной эпохе.

Рис. 33. Фрагмент лица женского божества.

Рис. 34. Обломок протомы Коры.

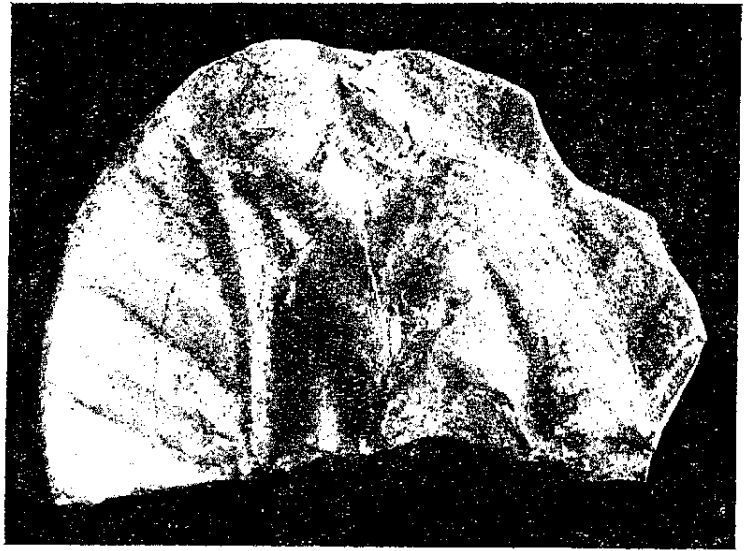

Рис. 35. Обломок терракоты с изображением Афродиты в раковине.

Могила № 3. Открыта недалеко от участка раскопок I внизу у дороги возле большой ямы, из которой берут глину. Могила земляная (дл. 1.70 м, шир. 2.00 м, глубина от поверхности земли 2.50 м). Над костяком лежали в беспорядке небольшие камни неправильной формы. В могиле оказалось девять человеческих черепов, расположенных ближе к краям могилы, и два черепа собак; в центре могилы находился каменный круглый жернов. В восточной части могилы найдено надетое на кость пальца бронзовое кольцо со вставленным стеклышком синего цвета (рис. 42). Кроме того в земле,

заполнявшей могилу, найден небольшой обломок стенки сосуда, поверхность которого украшена полосами из горизонтальных мелких желобков (рис. 43), и обломок боковой части сосуда с ручкой из красноватой глины.

Могила № 5. Открыта на плато холма, находящегося к западу от раскопок южного участка крепостной стены, по другую сторону дороги. Стены могилы сложены из хорошо обработанных прямоугольных каменных плит толщиной 0.17 м, пол земляной; сверху могила была перекрыта тремя плитами. Длина моги-

Рис. 36. Голова протомы Коры.

Рис. 37. Фрагментированная терракота с изображением Артемиды на лани.

лы 1.87 м, ширина изголовья 0.45 м, у ног 0.30 м, высота 0.37 м, от поверхности почвы до плит, перекрывающих могилу, 0.58 м. В могиле лежали рядом два костяка, ориентированные головами на восток; поверх них лежал третий костяк. Вещей не найдено. Плита у изголовья имеет выдолбленную нишу (рис. 44).

Могилы № 6. Открыта в нескольких метрах к северу от могилы № 5 и устроена совершенно так же, как и могила № 5 (только плита у изголовья не имеет ниши). Длина могилы 1.70 м, ширина у изголовья 0.54 м, у ног 0.41 м, глубина 0.40 м, толщина плит 0.10 м, от поверхности почвы до плит, перекрывающих могилу, 0.60 м.

В могиле лежали три костяка головами на запад. Посредине гробницы, примерно у пояса, найдена костяная трубочка (рис. 45, 7) (дл. 0.11 м, шир. 0.02 м). Один конец ее ровно срезан и имеет два небольших отверстия, другой конец отломан. В обломанном конце видны остатки отломанной деревянной палочки. Там же най-

дены железный нож, разломанный пополам, и обломок второго ножа (рис. 45, 2—3). Два бесформенных куска железа и три фрагмента тонкого бронзового колечка. Второе бронзовое колечко (рис. 45, 4), удлиненной формы, разломано на две части. Две скачущие лошади (рис. 45, 5—6) из бронзовых пластинок; на спине у лошадок сделаны ушки, очевидно для привешивания их как украшений. Небольшой бронзовый ключик (рис. 45, 7). Бронзовая усеченная пирамидка из тонкой пластинки (рис. 45, 8).

Могилы № 7. Открыта в трех метрах от могилы № 6. Каменный ящик могилы с земляным полом был покрыт хорошо отесанными плитами толщиной 0.12 м. Длина могилы 1.73 м, ширина у головы 0.45 м, у ног 0.35 м, высота 0.40 м, от поверхности земли до плит 0.80 м. В могиле лежал костяк (женский) головой на запад. Около шеи найдено 49 мелких бус из стекла, цасты и кости (рис. 46, 1). На уровне груди четыре бронзовых подвески; из них

Рис. 38а. Краснофигурная пелика IV в. до н. э.

Рис. 38б. Краснофигурная пелика IV в. до н. э. (с другой стороны).

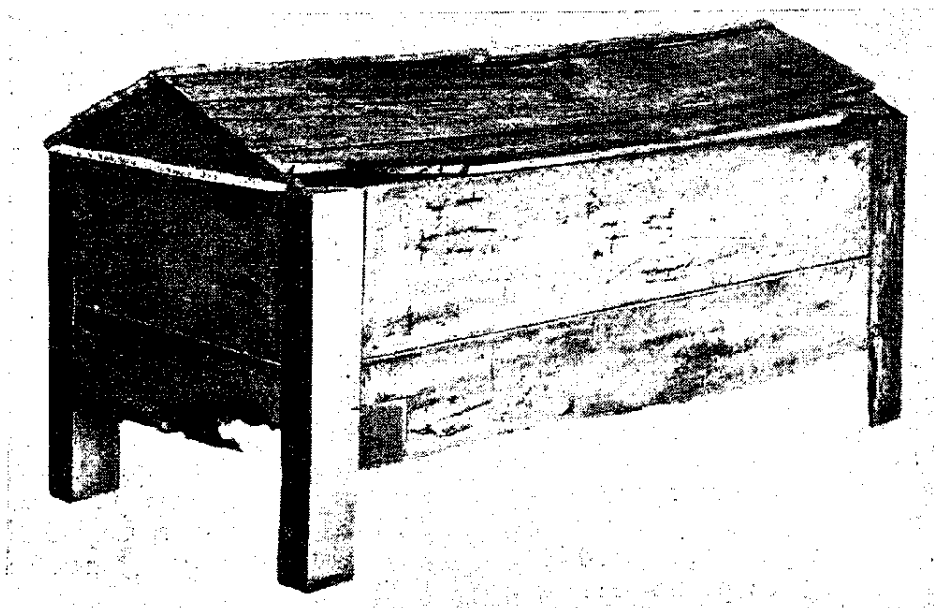

Рис. 39. Детский деревянный саркофаг IV в. до н. э.

три фрагментированных (целая на рис. 46, 2). У пояса небольшой обломок бронзового колокольчика. Два бронзовых браслета, из них один фрагментированный (целый на рис. 46, 3). На пальцах рук три бронзовых кольца (46, 4—6), из них одно кольцо имеет гнездо для камня.

Могилы № 8. Могила обнаружена к юго-западу от могил №№ 5, 6 и 7, на краю плато. Могила в виде каменного ящика с земляным полом, перекрыта хорошо отесанными плитами толщиной 0.10 м. Длина могилы 1.50 м, ширина у головы 0.45 м, у ног 0.35 м, высота

Рис. 40. Расписная терракотовая статуэтка пляшущего скифа IV в. до н. э.

Рис. 41. Расписная терракотовая статуэтка крылатого гения IV в. до н. э.

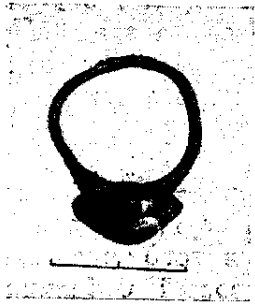

Рис. 42. Перстень из могилы № 3.

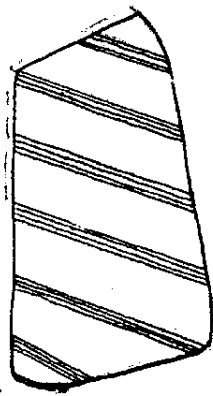

Рис. 43. Обломок стенки глиняного сосуда из могилы № 3.

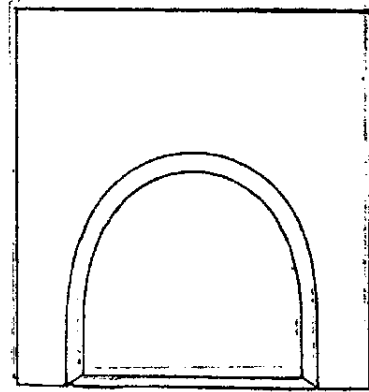

Рис. 44. Плита с нишей из могилы № 5.

2

3

1

8

4

7

6

5

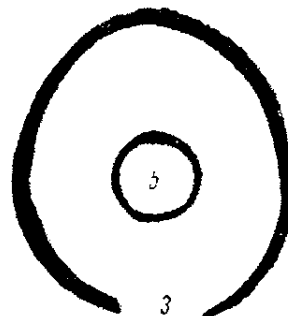
Рис. 45. Находки из могилы № 6

1

4

3

6

Рис. 46. Находки из могилы № 7

Рис. 47. Находки из могилы № 8.

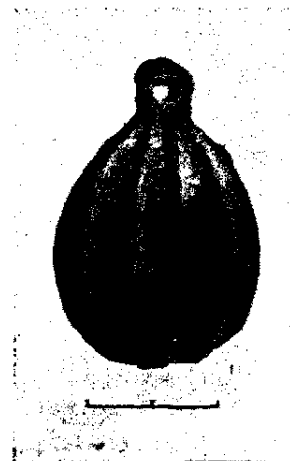

Рис. 48. Бронзовый бубенчик из могилы № 9.

0.50 м, глубина от поверхности земли до плит 0.55 м. В могиле лежал костяк головой на запад. У пояса найдены следующие вещи. Бронзовая подвеска (рис. 47, 2) и бронзовая застежка в виде витого стержня с тремя колечками: два по концам, одно посередине (рис. 47, 1). Там же найден бесформенный кусок какого-то железного предмета (рис. 47, 3). У пальцев правой руки лежало три фрагмента железного кольца и одно бронзовое кольцо. В разных местах могилы найдены три кусочка кремня со следами обработки (рис. 47, 4).

Могилы № 9. Открыта там же, где и № 8, на краю плато. Могилы представляет каменный ящик с земляным полом, перекрытый плитами. Длина могилы 1.50 м, ширина 0.30 м,

высота 0.35 м, глубина до плит 0.40 м. Костяк ориентирован головой на запад. При костяке найден большой бубенчик круглой формы, сделанный из двух половинок с вертикальными желобками, расширяющимися книзу (рис. 48).

Инвентарь вышеперечисленных могил, как то: бронзовые перстни, серьги, бронзовые подделки в виде ключа и витого стержня с тремя отверстиями, бронзовый бубенчик и пр. представляют сходство с находками Верхне-Салтовского могильника в Харьковской обл.¹ Это заставляет отнести данный некрополь к VII—VIII вв. н. э.

¹ Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях 1905 г. ИАК, 19, стр., 122 и сл.

Т. Н. КНИПОВИЧ и Л. М. СЛАВИН

РАСКОПКИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ТИРИТАКИ

Участок раскопок V—VI (план и разрезы на табл. II, схема раскопа на рис. 49) находится на небольшой террасе, примыкающей с востока к насыпи к югу и юго-западу этого участка по другую сторону насыпи в 1932—1933 гг., как известно, были открыты остатки древних крепостных сооружений и большой комплекс рыбозасолочных ванн римского времени. На участке V—VI работы начались в 1933 г.; первоначально были заложены два небольших раскопа V и VI, имевшие целью обнаружить продолжение крепостной стены города. Выбор места новых участков раскопок диктовался направлением крепостных стен, открытых на юг и запад от полотна; вместе с тем намеченная площадка с участками V и VI примыкает в северной части к балке, очевидно, служившей границей древнего города. В процессе работы выяснилось, что на этой террасе сохранились остатки городских построек почти всех периодов существования Тиритаки. Было обнаружено значительное количество фундаментов стен жилых и хозяйственных построек, мощеных улиц и вымосток домов и дворов, остатков производственных сооружений, большое количество остатков бытовых вещей, орудий производства, пищевых остатков.

Участки V—VI дают, таким образом, представление о жизни данной части города на всех этапах его существования.

Участки V и VI в 1934 г. объединены в один сплошной раскоп, расширенный во все стороны; исследование его производилось в 1936 г.

Первоначальный рельеф городища на участке V—VI оказался сильно измененным при производившихся в 1932 г. земляных работах. Отсюда было взято много земли для сооружения насыпи. Над уровнем, с которого начались раскопки, был снят слой земли толщиной приблизительно от 0.50 до 1.20 м. Раскопки начались поэтому уже в слое римского времени. О находившихся над римским слоем более поздних культурных отложениях свидетельствуют только находки отдельных фрагмен-

тов средневековой керамики в слоях античной эпохи. Некоторые из этих фрагментов составляют часть содержимого ям, начинавшихся, повидимому, на уровне средневековых построек и врезавшихся в нижележащие более древние слои. Работы на участке V—VI заключались, главным образом, в исследовании строительных остатков эллинистического и римского времени и лишь в очень незначительной степени коснулись предшествующих периодов; это было обусловлено характером обнаруженных здесь сооружений. На участке VI уже в начале работ были встречены части крупных построек эллинистического и римского времени: раскрытие их посредством расширения площади раскопа стало первоочередной задачей, которую предстояло выполнить до производства дальнейшего углубления в нижележащие слои. Наоборот, на участке V таких больших остатков построек встречено не было, и это дало возможность в ряде пунктов этого участка углубиться до материка и изучить все культурные наслоения.

Расширение участка V—VI не могло быть проведено во всех нужных направлениях. Возможность расширения к западу была отрезана наличием с этой стороны насыпи; в восточной части раскапываемого участка все сооружения оказались в большей или меньшей степени поврежденными.

Все эти обстоятельства исключили возможность полного исследования открывавшихся здесь древних сооружений и вместе с тем не могли не создавать в процессе работы известных затруднений, связанных с нарушением правительственных наслоений там, где в эти наслоения врезались современные сооружения.

Как уже указывалось, наиболее полно на участке V—VI раскопаны были слои римского и эллинистического периодов. Что же касается классического и архаического периодов, то соответствующие этому времени слои удалось вскрыть на очень ограниченной площади. До максимальной глубины были доведены исследования в юго-западном углу участка.

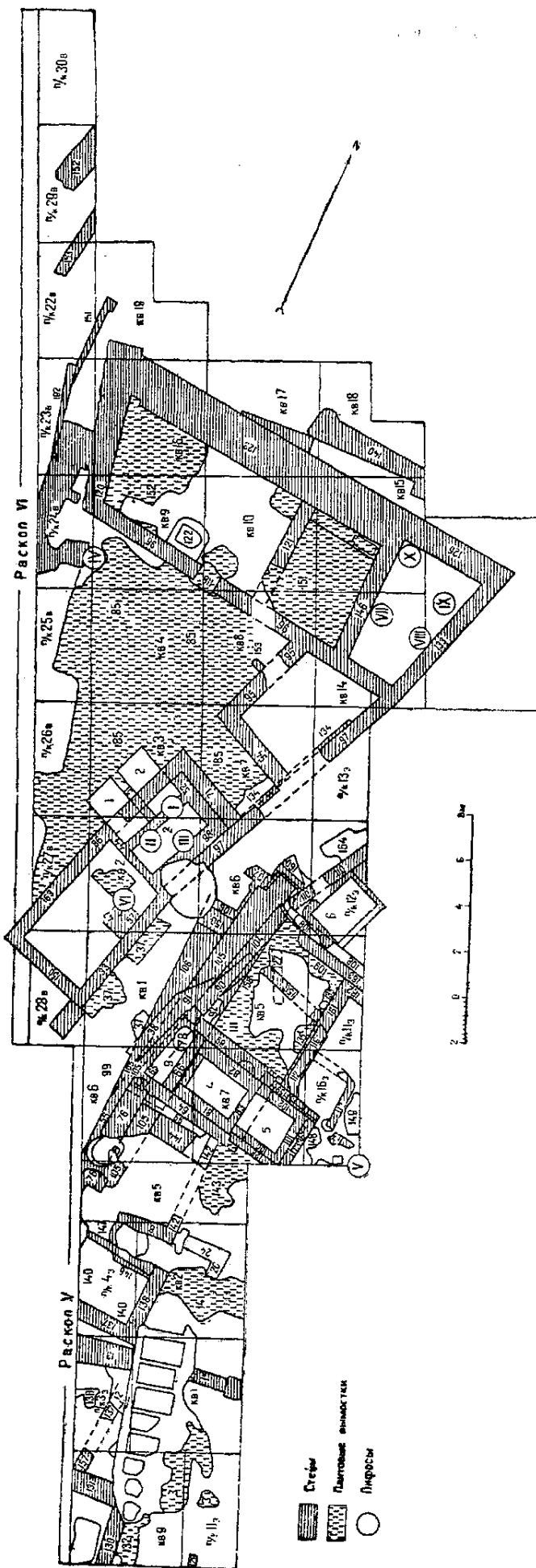

Рис. 49. Схематический план раскопов на участке V—VI (после исследования в 1936 г.).

В результате произведенных на участке V—VI исследований удалось установить следующие слои:

I — глинистый слой. В основе суглинков почти всегда с большей или меньшей примесью мелкого песка. Грунт плотный, однородный, желтосерого цвета; слоистая стратификация или отсутствует совсем или выражена слабо. Слой I везде начинался с поверхности и шел обычно на небольшой глубине 0.50—0.70 м от поверхности.

II — глинисто-золенный слой. В основе суглинков с примесью золы и довольно многочисленными включениями мельчайших кусочков раковин и известняка. Цвет близок к цвету слоя I, но темнее и серее; плотность значительно меньше.

III — глинисто-песчаный слой. В основе суглинков с большим количеством крупного песка, осколков раковин и золы; главная отличительная черта — наличие железистых соединений. Цвет темный, буроватый, почти везде с рыжеватым, иногда зеленоватым оттенком, обусловленным железистыми примесями; местами встречаются крупные скопления железной руды. Слой III в одном месте (квадрат 3) окончился на значительной глубине.

Все три слоя, в особенности слой II, были насыщены культурными остатками, главным образом обломками керамики. Исследование этих остатков¹ свидетельствует о том, что три вышеуказанных слоя соответствуют трем одновременным периодам жизни города. В слое I материал, за единичными исключениями, оказался принадлежащим римскому времени, с конца I в. н. э.; преобладали предметы II и III, отчасти IV в. н. э. Слой II содержал предметы конца IV—I вв. до н. э. Слой III заключал материал конца VI, V и IV вв. до н. э. Материал этих наслоений свидетельствует, таким образом, о жизни данной части города в течение длительного периода — с конца VI в. до н. э. вплоть до IV в. н. э. Отдельные находки дают возможность еще несколько расширить эти границы.

Некоторые находки, датирующиеся временем более ранним, чем отложения слоя III, должны быть рассмотрены особо. На первом месте здесь стоят два каменные изваяния (рис. 50 и 51), обнаруженные в основании кладки раннеклассического периода n° 106, в которой они были использованы как строительный материал (рис. 52). Изваяния представляют грубо выполненные изображения человеческих фигур, одно — мужчины, другое — женщины (показаны груди). Изваяния имеют следующие размеры: с мужским изображением — высота 1.40 м, ширина в пле-

¹ В работе по подготовке материалов к данному отчету приняла участие С. И. Капошина, составившая сводку находок участка V.

Рис. 50. Мужское каменное изваяние.

Рис. 51. Женское каменное изваяние.

цах 0.55 м, ширина основания 0.24 м, толщина в плечах 0.17 м, толщина основания 0.23 м; с женским изображением — высота 1.28 м, ширина в плечах 0.63 м, ширина у основания 0.30 м, толщина в плечах 0.13 м, толщина у основания 0.18 м. Над плечами, при отеске камней, был оставлен посредине небольшой выступ на каждой плите (0.16 × 0.08 м, 0.14 × 0.06 м), соответствующий верхней части головы. Лица на обоих изваяниях лишь намечены. Руки до локтя показаны вдоль верхнего края плиты; от локтя руки сгибаются и направлены книзу, причем показаны все пальцы обеих рук. Изваяния предназначались

для установки в земле, о чем свидетельствует неотделанная нижняя часть, отличающаяся и по цвету.

Рядом со стеной, в основании которой были найдены описанные изваяния, в завале камней, оказалась часть третьего такого же изваяния.

Совершенно очевидно, что найденные каменные изваяния принадлежат поселению или связанному с ним могильнику, находившимся на месте данного городища или поблизости от него еще до греческой колонизации. Аналогичные памятники доскифской эпохи были открыты ранее в районе северного Причерноморья (напр. в Белогрудовке).

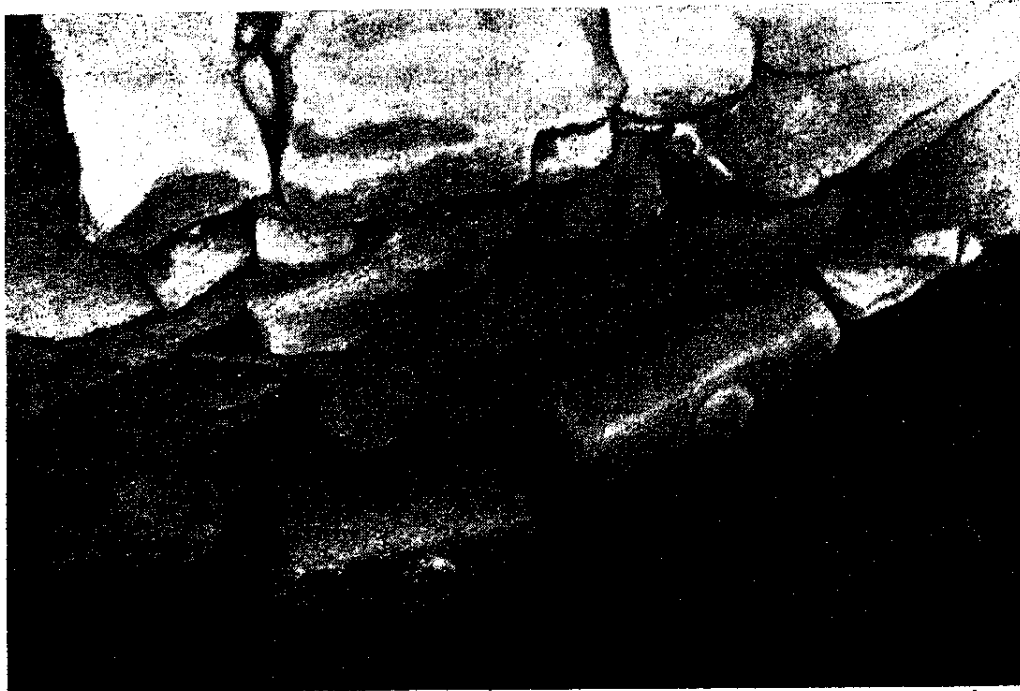

Рис. 52. Часть кладки № 106 с изваяниями *in situ*, вид с запада

К более ранним культурным остаткам, чем те, которые представлены в слое III, относится также ряд отдельных обломков керамики. К числу экземпляров керамики доскифской или раннескифской должны быть отнесены найденные в слое III три обломка туземных лепных сосудов с примитивным резным орнаментом (рис. 53).

Из привозной античной керамики наиболее ранним временем датируются два обломка сосудов так наз. стиля „фикеллур“ (т. е. скорее всего самосских). Оба принадлежат сосудам распространенной в данной группе формы амфориска. Один (рис. 54, 1) представляет часть плеч сосуда; на нем сохранились розетка и часть орнамента „лестницы“. Другой (рис. 54, 2) принадлежит нижней части сосуда и украшен характерными для этой группы фризами лотосов и полумесяцев. Как техника, так и стиль обломков свидетельствуют о сравнительно раннем времени, едва ли много позд-

нее середины VI в. до н. э. Несколько моложе первых двух третий обломок с характерным орнаментом чешуек (рис. 54, 3): он принадлежит к самосской группе керамики „клязоменского стиля“. Приблизительно к тому же времени, что и три упомянутых обломка, относится также ряд менее выразительных экземпляров ионийской керамики, а также некоторые из обломков амфор архаического типа, с „вздутым“ горлом и короткой ножкой; среди последних особенно характерны для раннего времени экземпляры с простейшей росписью, исполненной коричневым лаком в виде полосок, колечек, крестов и т. д.

Все эти ранние обломки найдены в нижних наслоениях южной и отчасти средней части участка V—VI, но с определенным слоем они не связаны: как уже отмечено, наиболее ранний слой принадлежит времени несколько более позднему. Тем не менее, факт нахождения типичного архаического материала представ-

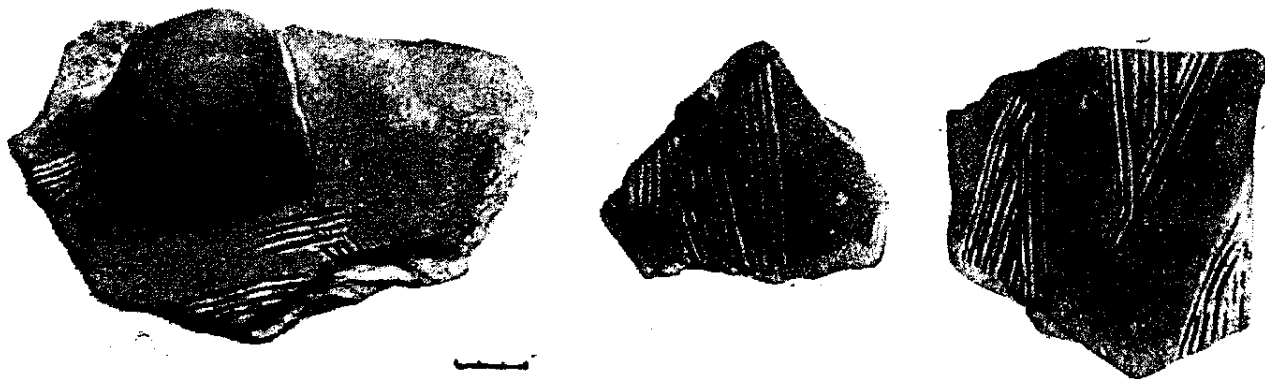

Рис. 53. Обломки раннескифских лепных сосудов.

лает безусловный интерес: повидимому, поселение существовало здесь уже около середины VI в. до н. э.

Что касается кладок, которые относятся к этой, самой ранней, поре жизни Тиритаки, то здесь мы имеем сравнительно незначительные остатки, которые могут быть датированы концом VI—началом V в. до н. э. В центральной части участка сохранились остатки двух помещений здания позднеархаического времени. Стены этого здания (п⁰п⁰ 156 и 175) имеют свое продолжение под строительными комплексами более позднего времени (классического и эллинистического), проходящими в этой части раскопа. Нижние ряды кладки стен состоят из плоских плиток, верхние ряды сложены из более крупных камней (рис. 55).

Классический период представлен уже вполне выраженным слоем III. Среди вещественных находок этого слоя представлен прежде всего ряд групп керамики: остродонных амфор, чернолаковой керамики, часть которой привозилась из Аттики и Малой Азии, часть представляет продукт производства боспорских мастерских; простой посуды из красной и серой глины, тоже боспорского производства. Немногочисленны предметы металлические (из железа или меди): наконечники стрел, гвозди, части обивки и т. д.

Монет в слое III было найдено мало (всего 10) и притом исключительно в верхнем его горизонте. Те из монет, которые оказалось возможным определить (№№ А 1477, 2086, 2201), принадлежат к числу пантикапейских и датируются серединой или второй половиной IV в. до н. э. К V и IV вв. до н. э. относятся и остальные находки того же слоя. Среди обломков остродонных амфор большинство принадлежит амфорам архаического и

Рис. 55. Остатки стен здания позднеархаического времени.

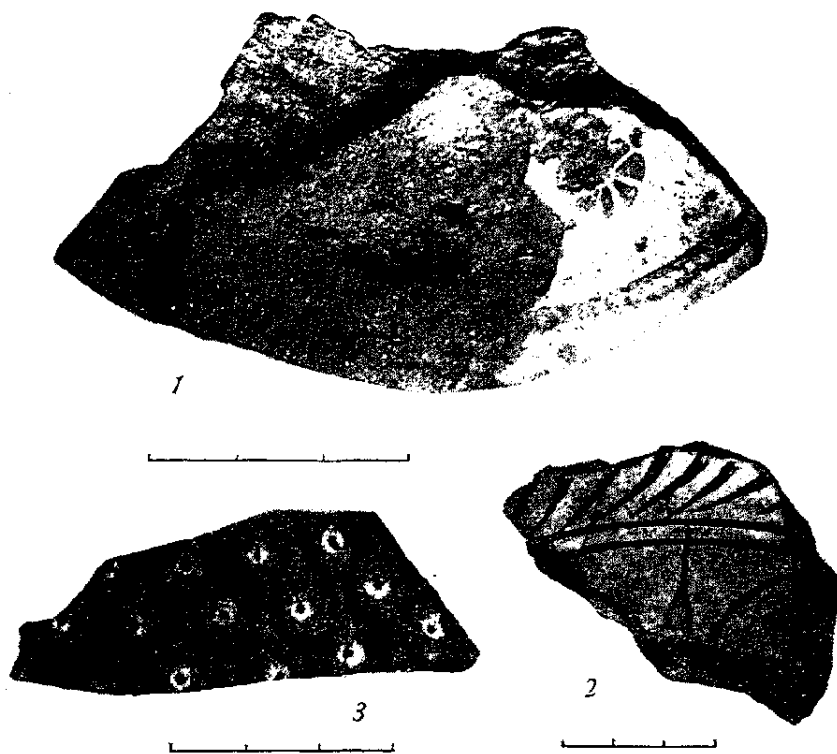

Рис. 54. Обломки греческой расписной керамики VI в. до н. э.

раннеклассического времени, характеризующимся коротким „вздутым“ горлом, короткой ножкой, округлым туловищем: из амфор более позднего типа, с удлиненным горлом и длинной ножкой, представлены только ранние типы, не позже IV в. до н. э. Обломков амфор с клеймами, типичными для эллинистической эпохи, не встретилось вовсе. Обломки чернолаковой керамики по лаку и очертаниям также безусловно должны быть отнесены к тем же V—IV вв., IV в. принадлежит единственный найденный в этом слое краснофигурный обломок.

О том же времени говорит и ряд обломков типа открытого светильника, характерного для V, даже VI в. до н. э.

В одном месте участка, у той стены п⁰ 106, где найдены два каменных изваяния, обнаружено значительное скопление обломков керамики несколько более раннего времени, чем большинство находок III слоя. Здесь было найдено довольно большое количество обломков чернофигурных сосудов конца VI—начала V в. до н. э. (рис. 56) и ранняя чернолаковая керамика; обломки ионийской керамики относились приблизительно к тому же и более раннему (рис. 57) времени. Крайняя ограниченность участка, на котором расследования производились, не дает возможности определить, имеем ли мы здесь все тот же слой III или верхний горизонт следующего архаического слоя.

Что касается соотношения всех перечисленных групп материала между собой, то наиболее характерным для данного слоя фактом является очень небольшой процент туземной лепной керамики. Во всех группах посуды

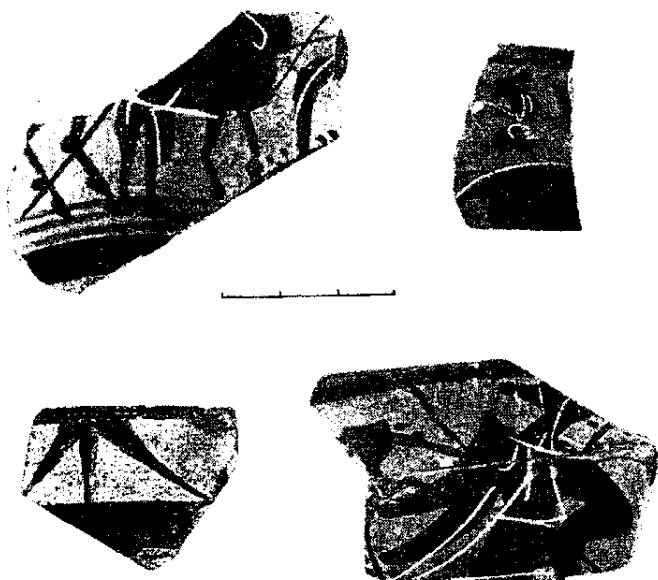

Рис. 56. Обломки чернофигурных сосудов конца VI в. до н.э.

доминируют типы в основе греческие; на первом месте по числу находок стоит привозная чернолаковая керамика (рис. 58).

Остатки пищи представлены многочисленными костями млекопитающих, гораздо реже костями рыб и раковинами съедобных моллюсков — мидий (*Mytilus galloprovincialis*) и устриц (*Ostrea taurica* Kryn.).

К классическому периоду относятся кладки п⁰п⁰ 105 и 106 в центральной части участка (табл. II, рис. 59), идущие в направлении с севера на юг. Кладка п⁰ 106 (в нижнем ряду фундамента ее были положены лицевой стороной вниз два каменных изваяния, описанные выше) более ранняя, вероятно конца VI — начала V в. до н. э. Она сложена насухо в четыре ряда из больших необработанных камней.

Над кладкой п⁰ 106 в следующий период того же классического времени была положена другая кладка п⁰ 105 (шир. 2.05 м), в северной части отступающая к востоку от западного края стены п⁰ 106. Западная сторона кладки п⁰ 105 состоит из двух рядов больших прямоугольных плит, имеющих размеры до 0.80 × 0.25 м, положенных в системе, напоминающей кладку „логом и тычком“. Восточная сторона кладки состоит из трех рядов таких же плит.

Ширину кладки п⁰ 105, из-за перекрытия ее на всем протяжении кладками более позднего времени, выяснить не представилось возможным. В нижнем ряду кладки п⁰ 105, с восточной стороны, выступают углами большие хорошо обработанные плиты п⁰ 158. Возможно, они служили частью вымостки помещения, стеной которого являлась кладка п⁰ 105.

Стена п⁰ 106, имеющая свыше 2 м ширины, могла принадлежать крепостной стене раннего периода существования города: она находится на той же оси, что и другие древние кре-

постные сооружения, открытые на запад от насыпи, и имеет, примерно, такую же ширину. Спустя сравнительно короткое время после ее сооружения, в V в. до н. э., продолжавшийся процесс расширения города мог заставить перенести линию стены дальше на запад.

В том же V в. до н. э. остатки старой крепостной стены (п⁰ 106) были, повидимому, использованы как фундаменты для стен какого-то крупного сооружения.

Заметим, однако, что против предположения о крепостном назначении стены п⁰ 106 имеется одно очень важное соображение: стена п⁰ 106 здесь заканчивается, и никаких следов ее дальнейшего продолжения на север не обнаружено. Возможно, впрочем, что она в значительной своей части была разобрана на камень.

Из остатков других кладок, которые должны быть отнесены к классическому периоду, отметим следующие: 1) кладка п⁰ 134, являющаяся частью фундамента стены IV в. (?), сложена насухо из крупных хорошо отесанных и хорошо пригнанных друг к другу камней; 2) угол здания, от которого сохранились лишь части стен п⁰п⁰ 161 и 162, образующие угол; 3) расположенные на запад от этого угла части вымостки (п⁰п⁰ 127, 135) из небольших плоских камней.

Эллинистической эпохе (III—I вв. до н. э.) принадлежит слой II (глинисто-золенный), с которым связано довольно значительное количество строительных остатков. К ним относится прежде всего пересекавшая центральную часть участка V—VI, в направлении с юго-запада на северо-восток, вымостка проходившей здесь улицы, сплошь состоящая из черепков (черепяная вымостка II). Последовательные наслоения этой вымостки свидетельствуют, что она существовала в течение всего эллинистического времени и по мере надобности ремонтировалась и переделывалась. Наличием черепяной вымостки, строительным материалом для которой служила, главным образом, битая посуда, объясняется большое количество культурных, особенно керамических, остатков в слое II.

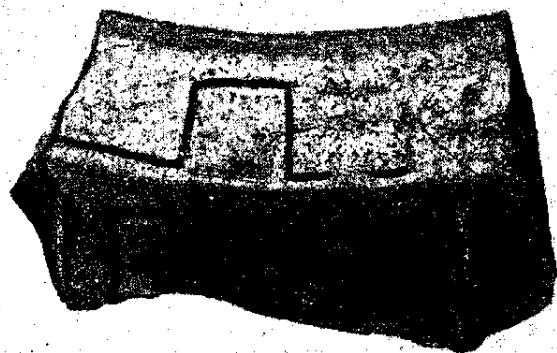

Рис. 57. Обломок края расписного сосуда VI в. до н.э.

Все они принадлежат эллинистическому времени, с конца IV по I в. до н. э. Все амфорные обломки этого слоя относятся к типам эллинистических амфор с длинной ножкой; много обломков ручек с клеймами, преимущественно родосскими и синопскими, а также херсонесскими, кидскими, „энглифическими“ и некоторыми другими, происхождение которых установить не удастся. Поддающиеся датировке обломки амфор относятся к III—I вв. до н. э. Из других керамических групп наиболее распространена простая керамика боспорского производства из красной, реже серой, глины; в меньшем количестве встречается привозная из различных греческих центров керамика, покрытая лаком черным, коричневым или красным, иногда с росписью и резьбой по лаку (рис. 60), обломки так наз. „мегарских“ чашек и т. д. Характерны фрагменты бальзамариев и амфорисков. Процент лепной керамики здесь несколько больше, чем в слое III; но и в слое II она уступает другим группам.

В слое II был найден ряд боспорских черепиц с клеймами (№№ А 1347, 1381, 1385, 1407, 1410).

Многочисленные находки монет подтверждают основанную на керамическом материале датировку слоя. Всего было найдено 77 монет, все медные. Из них 23 не поддаются определению из-за плохой сохранности; 51 принадлежит к числу автономных пантикапейских и датируется IV в., главным образом второй его половиной,¹ концом IV—началом III в.,²

¹ 9 монет (№№ А 721, 906, 971, 977, 1166, 1170, 1174, 1425, 1426).

² 2 монеты (№№ А 844 и 1256).

Рис. 59. Кладки стен п⁰п⁰ 105—106, вид с севера.

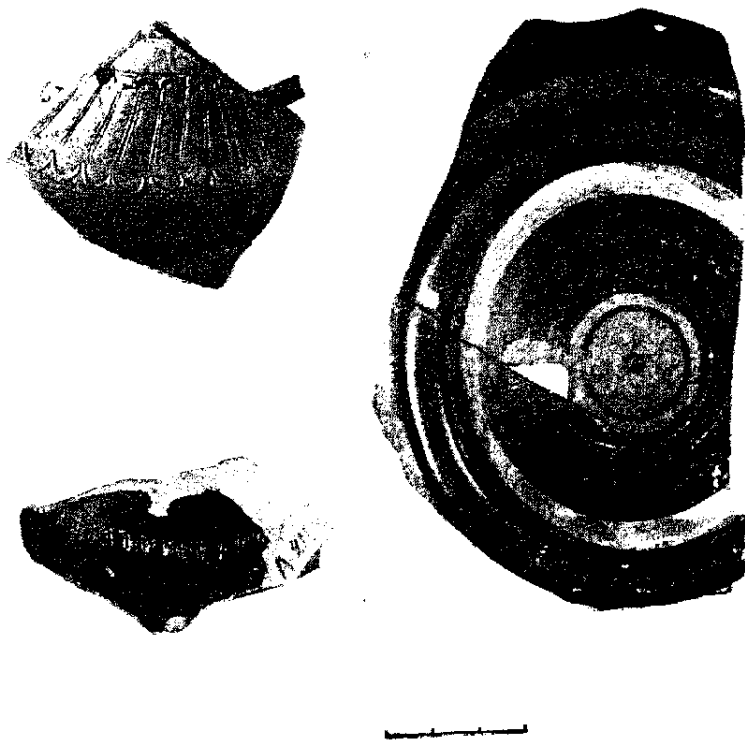

Рис. 58. Обломки чернолаковой керамики.

III в.,¹ II в.² и I в. до н. э.;³ один экземпляр представляет монету Фанагории, конца III—начала II в. до н. э.;⁴ одна — Диоскуриады, I в. до н. э.⁵

Из других металлических изделий большая часть была найдена в очень плохом состоянии. Среди лучше сохранившихся предметов следует отметить медные трехгранные стрелки, рыболовные крючки (рис. 61), обломки тонких медных браслетов.

В небольшом количестве встречались бусы и подвески из белого и разноцветного стекла; из них заслуживают внимания две почти одинаковые стеклянные подвески в виде двойного лица (рис. 62).

Распределение всех этих находок по слою заставляет различать в нем ряд не вполне одновременных напластований. Только в верхнем горизонте наблюдается наличие находок II в. и начала I в. до н. э. Так, здесь были найдены все монеты II и I вв. до н. э.; из керамического материала здесь сосредоточивались все наиболее поздние экземпляры „мегарских“ чашек, обломки эллинистической краснолаковой керамики и т. д., здесь же были найдены и наиболее поздние обломки амфорных ручек с клеймами. Ниже попадались находки более ранние,

¹ 35 монет (№№ А 719, 810, 877, 879, 882, 904, 905, 907, 908, 923, 972, 973, 974, 976, 1012, 1140, 1168, 1169, 1171, 1172, 1258, 1259, 1355, 1356, 1372, 1373, 1763, 1764, 1765, 1766, 1768, 1769, 1770, 1771, 1772).

² 4 монеты (№№ А 903, 1117, 1141, 1357).

³ № А 1173.

⁴ № А 729.

⁵ № А 720.

Рис. 60. Обломки эллинистической керамики.

с преобладанием материала III в. до н. э.; наконец, еще ниже, близ слоя III, стали встречаться отдельные предметы IV в. Таким образом, и материал отражает те последовательные переделки черепяной вымостки, о которых уже говорилось.

К материалу слоя II мы должны также присоединить ряд находок, найденных в неправильно лежащем глинисто-зольном грунте, но принадлежащих тому же времени, что и отложения слоя II. Некоторые из этих находок имеют первостепенный интерес. Отметим, прежде всего, небольшую костяную пластинку с рельефным изображением головы силена (рис. 63). Тип этого изображения, живо переданного резчиком, близок хорошо известному типу пантикапейских монет; монетные аналогии, а также общий стиль изображения позволяют отнести пластинку к III—II вв. до н. э.¹ На пластинке имеется небольшое отверстие, может быть для укрепления или подвески ее. Интересно, что вместе с этой пластинкой найдена небольшая костяная трубочка, полая внутри, с двумя отверстиями, очевидно воспроизводящая музыкальный инструмент.

Далее, заслуживает особого внимания обнаруженное в 4-м полуквадрате участка V скопление свыше 30 терракот, в целых экземплярах и обломках. Большая часть терракот представляет протомы Деметры, обеими руками поддерживающей груди; этот тип представлен 18 экземплярами. Мотив этот, хорошо извест-

ный в греческой коропластике, получил особенно широкое распространение в северном Причерноморье, где он имеет в виду подчеркнуть культовые черты Деметры как богини плодородия. Из остальных терракот отметим изображения танцующей женщины, стоящей женской фигуры, Кибелы, сидящей на троне, женщины с Эротом и др. Ближайшей аналогией всем этим терракотам являются найденные в 1932 г., на юго-запад от Тиритаки, в большом количестве терракоты, частично со следами производственного брака, что позволило высказать предположение о наличии в этом районе мастерской коропласта (см. выше, стр. 26 сл.). Терракоты, найденные в 4-м квадрате, лежали в глинистом грунте, на пространстве не более чем в 2 кв. м, вне остатков построек.

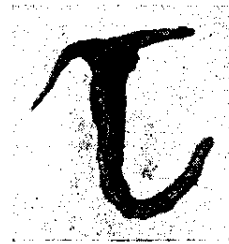

Рис. 61. Рыболовный крючок.

Рис. 62. Стекло-клянная подвеска в виде двойного лица.

Интересны найденные в слое II предметы, имеющие отношение к рыболовному промыслу: костяные иглы для плетения сетей (рис. 64), рыболовные крючки и грузила, глиняные (рис. 65) и каменные. Все эти находки приобретают особый интерес в связи с обнаруженными здесь сооружениями, о которых будет речь в дальнейшем.

Наконец, и здесь попадалось много костей млекопитающих, иногда костей рыб, в меньшем количестве — раковины съедобных моллю-

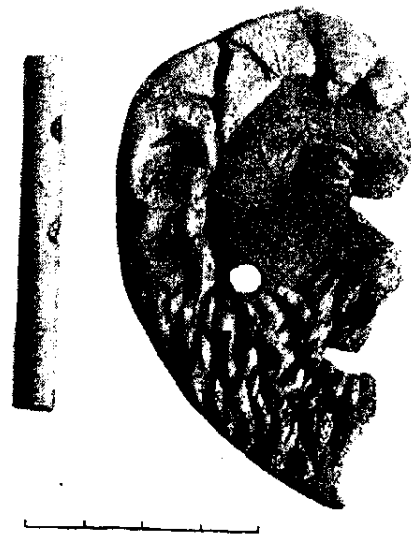

Рис. 63. Костяная пластинка с изображением головы силена и найденная вместе с ней костяная трубочка.

¹ Аналогичная пластинка найдена при раскопках Мирмекия, см. ниже, стр. 113.

сков — мидий (*Mytilus galloprovincialis* L.) и устриц (*Ostrea taurica* Kryn.).¹ Эти остатки пищи иногда были рассеяны в толще культурного слоя, иногда составляли содержимое специальных мусорных ям. Таких мусорных ям в данном слое, в северной половине раскопа, было обнаружено три; все они сравнительно невелики и неглубоки (наибольший диаметр вверх 1.70 м, наибольшая глубина 1.50 м) и заключали золу, раковины, кости, обломки посуды. Безусловно преобладающими среди остатков пищи остаются и в этом слое кости млекопитающих.

К границе между классическим и эллинистическим периодами относятся две стены, п⁰п⁰ 130 и 131, в юго-западном углу участка. Эти стены, образующие угол здания, сложены впереплет. Обе стены открыты лишь частично. Длина открытой части стен: п⁰ 130 — 2.70 м, п⁰ 131 — 1.98 м.

Культурный слой на участке этого строения был перерыт. У восточного борта оказалась яма диаметром 2.85 м, глубиной до 3.60 м. В связи с этим и находки не дают картины правильных последовательных наслоений: вместе с обломками ионийской чернофигурной и чернолаковой керамики здесь были найдены вещи римского времени.

Часть мостовой из небольших камней, открытая на восток от стены п⁰ 130 (на плане п⁰ 132),

¹ Кроме мидий и устриц в том же слое встречались отдельные раковины сердцевидок (*Cardium*), в частности съедобной сердцевидки (*C. edule*); однако состояние найденных здесь раковин этого моллюска, широко употребляемого в пищу также и в наше время, не позволяет решить с уверенностью, имеем ли мы дело с раковинами моллюска, употреблявшегося населением Тиритаки в пищу, или с раковинами из геологических отложений.

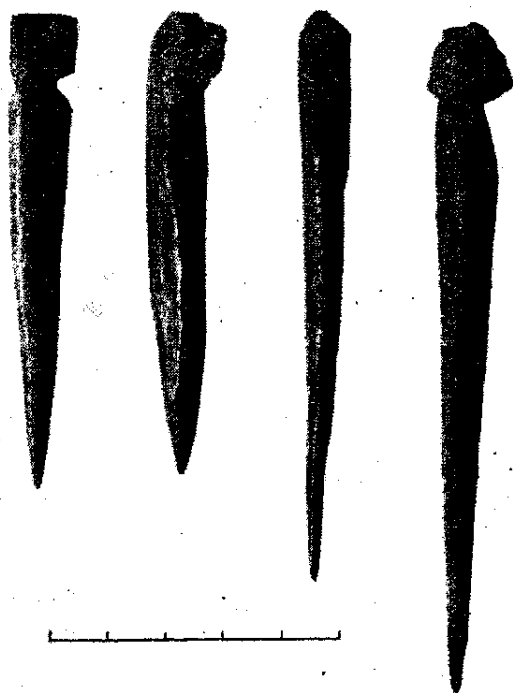

Рис. 64. Костяные иглы для вязания сетей.

Рис. 65. Глиняные грузила.

должна относиться к следующему периоду, когда здание, стенами которого служили кладки п⁰п⁰ 130—131, уже не существовало; эта вымостка перекрывает стену п⁰ 130.

К раннеэллинистическому времени относятся остатки строения, обнаруженного у восточного борта участка V. Раскрыты три его стены: п⁰п⁰ 137, 138 и 139. Западная стена находится, по видимому, в нерасследованной части насыпи.

На небольшой глубине от современной поверхности внутри открытой части этого помещения находился завал из сырцовых кирпичей. Сырец лежал в виде неправильных кусков и производил впечатление обрушившейся при пожаре сырцовой стены. Непосредственно под сырцом залегал слой глины толщиной 0.60 м; под ним слой золы, углей и жженого рушенного мелкого сырца толщиной 0.40 м. Стены строения сложены из мелких камней неправильной формы.

Стена п⁰ 139 была положена на другую стену п⁰ 146, имеющую то же направление. Стена п⁰ 146 также сложена из небольших камней и имеет в своей верхней части следы белой штукатурки. Она, по видимому, относится к классическому периоду.

Остатки большого строения эллинистического времени были обнаружены в центральной части участка. Оно существовало длитель-

Рис. 66. Комплекс рыбозасолочных ванн (№№ 1, 2, 3) позднеэллинистического времени, вид с запада.

ное время (III—I вв. до н. э.), в течение которого неоднократно перестраивалось. Это строение, вероятно жилого характера, состоит из двух помещений. Северное помещение (5.20 × 4.15 м) значительно больше южного (3.20 × 2.75 м). Наружной западной стеной всему строению служит кладка п⁰ 104, построенная на остатках стен классического периода п⁰ 105—106, имевших то же направление — с севера на юг. Кладка п⁰ 104 сохранилась почти на всем своем протяжении. Наружной южной стеной служит кладка п⁰ 64. Внутренней стеной, разделяющей строение на два помещения, служит кладка п⁰ 89. Восточная (п⁰ 116) и северная (п⁰ 109) наружные стены сохранились хуже трех других.

В северном помещении (большем по размерам) сохранились остатки вымостки п⁰ 92, 111.

Кладка п⁰ 104, в которой использованы в качестве фундамента более ранние кладки, состоит из двух рядов камней.

Кладка п⁰ 89, имеющая направление с запада на восток, примыкает непосредственно к стене п⁰ 104. Она состоит из восьми рядов мелких камней неправильной формы.

Кладка п⁰ 116, ориентированная с севера на юг, состоит из шести рядов камней. По технике кладки стена эта похожа на описанные выше стены п⁰ 130—131 в юго-западном углу раскопа.

Кладка п⁰ 109 соединяется под прямым углом со стеной п⁰ 104. Кладка сильно разрушена земляными работами строительства. При расчистке каменного завала была найдена часть надгробной плиты с двустрочной надписью. В верхней строке читается *Καλλιπίδη[ς]*, в нижней *Καλλιμάχ[ου]*. Нижняя строка надписи сохранилась не полностью; конец ее отбит. Очевидно, надгробие уже было использовано как строительный материал.

В верхний горизонт черепяной вымостки слоя II глубоко врезаются кладки п⁰ 97 и 133. Кладки эти сложены насухо из камней различной, часто неправильной формы. Кладка п⁰ 97

представляет остаток стены помещения, пол которого находится на уровне верхних сложенных слоев II. Это дает возможность датировать весь связанный с данной кладкой комплекс тем же временем, которому принадлежит верхний горизонт слоя II, т. е. скорее всего II или началом I в. до н. э.

Сохранившаяся небольшая часть пола помещения оцемментирована раствором извести с примесью цемьянки (толченой керамики), покрывающим также и нижнюю часть стенки; на поверхности ее сохранились кое-где остатки ярко-красной краски. В полу — три глубокие ванны прямоугольной формы, из которых две (ванны №№ 1 и 2) расположены рядом, в направлении с юга на север, третья (ванна № 3) — в направлении, перпендикулярном двум первым (рис. 66).

Все три ванны были в момент их открытия доверху полны землей и крупными камнями от обвалившихся в них сверху частей более поздних кладок и мостовых. Расчистке до дна подвергнута была только одна ванна (№ 1), другие две ванны расчищены до глубины 0.76—0.97 м. В верхней части ванны № 1 (до глуб. 1.70 м), под завалом камней, шла темная земля с немногочисленным разновременным материалом, как куски проволоки, кусок обгорелого дерева и т. д.; обломки керамики принадлежали преимущественно римскому периоду. Ниже земля становилась все более и более влажной и была перемешана с большим количеством морского песка и истлевшей морской травы — камки; камкой были, между прочим, сплошь забиты два найденные здесь горла больших глиняных сосудов.¹ Обломков керамики и прочих остатков было очень мало, и они все принадлежали античной эпохе. Для датировки комплекса существенное значение имеют найденные в нижней части ванны несколько обломков керамики позднеэллинистического времени: два днища остродонных амфор эллинистического типа и обломок эллинистического малоазийского сосуда, покрытого лаком коричневого цвета. Все эти находки относятся к тому же времени, что и верхние пласты слоя II, находящиеся на одном уровне с полом помещения. Таким образом находки в ванне также говорят о принадлежности комплекса позднеэллинистическому времени.

На дне и в нижней части ванны не было обнаружено, как это встречалось в некоторых других ваннах Тиритакки, сплошных залежей рыбьих костей и чешуи. Но примесь в наполнявшей нижнюю часть цистерны земле мелких рыбьих косточек и рыбьей чешуи все же была обнаружена, притом как раз в самом низу; очевидно, и в данном случае мы имеем дело с цементированной рыбозасолочной ванной.

¹ Исследование образцов камки показало, что она состоит из остатков листьев двух видов *Zostera*: *Zostera marina* и *Zostera nana* Roth.

Привлекает внимание большое количество морского песка и камки. Камка встречалась не только внутри ванны; ею была также сплошь устлана сохранившаяся у восточного угла ванны часть оцементированного пола. Отметим, что и в других местах участка VI постоянно встречались залежи морского песка и камки; в большей части они были обнаружены вблизи от ванны. Сама собою напрашивается мысль о том, что „морские остатки“ как-то связаны с рыбозаготовочными промыслами. Разгадку этого можно найти в современных рыбных промыслах.

В книге М. И. Турпаева о посоле сельди в Астрахани имеется следующее описание процесса посола: „Когда сельдь уложена доверху, ее покрывают слоем соли около 5 см; покрывают сверху рогожами, поверх которых снова насыпают для балласта несколько десятков пудов соли, назначение которой удерживать сельдь, чтобы при созревании она не всплывала в своем собственном тузлуке. В случае если этого балласта бывает недостаточно, и масса сельди при созревании в ларе поднимается, балласт увеличивают прибавлением нового количества соли“¹.

В приведенном отрывке интересно наличие двух моментов:

1) покрывание сложенной в ларь засаливаемой рыбы рогожами и 2) насыпание поверх рогож балласта, в данном случае нескольких десятков пудов соли.

Ценные дополнения к сведениям, почерпнутым из литературы по рыбным промыслам, дала нам личная беседа с известным специалистом по рыбному делу С. А. Митропольским. Последний сообщил, между прочим, что в настоящее время на некоторых промыслах, напр. Дагестанских (на западном берегу средней части Каспийского моря), перешли к употреблению в качестве балласта песка, так как соль может проникнуть в слой рыбы и создать рассол большей крепости, чем желательно; на Дагестанских промыслах песок обыкновенно насыпают в бочки, а последние ставят на досках поверх покрытой рогожей рыбы. Это может, как нам кажется, объяснить обнаруженное в ванне и на полу рыбозасолочного заведения большое количество песка и камки. Морской песок здесь мог служить необходимым при посоле балластом, камка заменяла, по видимому, рогожи, предохраня засаливаемую в ванне рыбу от засаривания служившим балластом морским песком; то и другое было просто и легко достать — берег моря находился тут же поблизости. Интересно также то объяснение, которое С. А. Митропольский дает с первого взгляда непонятной и неудобной глубине тиритакских ванн: он обратил внимание на то, что

Рис. 67. Общий вид остатков здания раннеримского времени и связанных с ним вымосток, вид с севера.

на большой глубине мы имеем более низкую температуру; это и могло послужить причиной для устройства глубоких ванн, особенно в жарких местностях, где приходится принимать меры против возможной порчи рыбы. Высказанное предположение о назначении ванн кажется особенно вероятным, если вспомнить уже отмеченное значительное количество находок, имеющих отношение к рыбному промыслу.

Помещение с рыбозасолочными ваннами №№ 1—3 перекрывается сложенной из крупных каменных плит вымосткой п⁰ 85, являющейся частью большого здания, остатки которого занимают почти весь участок VI.

Здание, о котором идет речь, занимает большую часть северной половины участка V—VI; оно состоит из мощеного дворика и ряда помещений, идущих на север (А и В), восток (С и D) и юг (Е) от дворика (табл. II, рис. 67). Весь строительный комплекс располагается по западную сторону улицы, проходящей по участку V—VI, в направлении с севера на юг. Юго-западную часть здания, находящуюся под насыпью, открыть не удалось.

Здание было выстроено в I в. н. э.; об этом более подробно будет сказано ниже. Однако оно продолжало служить и в более позднюю эпоху жизни Тиритак.

Мощеный двор занимает центральную часть здания. Вымостка двора п⁰ 85 сложена из известняковых плит разных размеров. Наибольшие размеры двора: 14.50 м с севера на юг и 7.10 м с запада на восток. С улицей двор соединяется коридорообразным проходом, дл. 4 м, шир. 2.05—2.15 м. Проход также выложен большими каменными плитами, являющимися продолжением вымостки п⁰ 85. Можно предполагать, что двор имел какое-то перекрытие; на это указывают мелкие ямки (от столбов?), встреченные на нескольких плитах; все эти ямки имеют приблизительно одинаковую величину и отстоят на одинаковом расстоянии от помещений.

¹ М. И. Турпаев. Теория и практика посола сельди в Астрахани. Изв. Петровского общ. исслед. Астраханского края, II, Агр., 1926, стр. 8.

Рис. 68. Северная стена здания раннеримского времени, вид с запада.

В северо-западной части двора находился большой пифос яйцевидной формы (IV) с рельефными поясками на наружной поверхности. Верхняя часть его не сохранилась; высота сохранившейся части 1.06 м, наибольший диаметр 1.16 м. Части трех других разбитых на куски пифосов (I—III) были обнаружены в юго-восточной части двора, прямо над рибозасолочными ваннами №№ 1—3, над которыми, как уже указано выше, продолжался дворик с вымосткой № 85. Пифос I стоял над стенкой, отделяющей ванну № 2 от ванны № 3, дном врезаясь в эту стенку: в верхней ее части вырезано углубление по форме дна пифоса. Пифос II еще при его употреблении был разбит и скреплен свинцовыми скрепами. В пифосах находились черепки, зола, кости и другие остатки, не представляющие, повидимому, материала, имеющего отношение к первоначальному назначению пифосов.

Самым большим помещением здания является помещение А, расположенное на север от двора (дл. около 13 м, шир. 4.70 м). В стене № 96, отделяющей помещение А от двора, имеется вход шириной 1.18 м; со стороны двора вход выложен внизу четырехугольной

плитой, представлявшей, повидимому, порог, а со стороны внутреннего помещения — двумя плитами неправильной формы. Четвертая плита, большая и округлая, лежит на более низком уровне. Сама стена № 96 (толщина ее 0.75—0.80 м, сохранившаяся высота 1.35 м), как и большая часть стен этого здания, состоит одновременно из больших плит разных форм и камней средней величины, сложенных на глинистой заливке. Несколько отличается от общего характера стен здания кладка северной и западной стен помещения (№№ 120 и 123). Так, северная стена № 123 (рис. 68) сложена из двух ярусов, причем нижний ярус относится к I в. н. э., а верхний к несколько более позднему времени. Верхний ярус отступает на 0.40 м к югу от внешней северной линии стены нижнего яруса в восточной части и на 0.60 м в западной части. Нижний ярус стены сохранился высотой в 0.42—0.72 м. Ширина верхнего яруса стены достигает местами двух метров, тогда как ширина почти всех других стен этого же здания колеблется от 0.55 до 0.70 м. За северной стеной № 123 обнаружены остатки мощной стены № 140 из крупных плит и забутовки из мелких камней и земли, шириной до 0.70—0.75 м. Стена № 140 связана с нижним ярусом стены № 123, продолжение ее уходит в восточный земляной борт, оставшийся нераскопанным. На ряду с северной стеной помещения выделяется и западная стена № 120, состоящая по существу из двух примыкающих одна к другой стен: восточной, связанной в переплет со стеной № 96 и сходной с ней по своему устройству, и западной, связанной со стеной № 123, такой же ширины и такого же характера кладки. Таким образом к ранее существовавшей нормальной западной стене помещения А была пристроена, вплотную к ней, мощная стена.

Помещение А было вымощено каменными плитами; части этой вымостки сохранились в западной и восточной частях помещения. Восточная часть помещения была в более позднее время отделена стеной № 121, небрежно сложенной из мелких камней (дл. 3.10 м, шир. 0.45—0.50 м). Северная часть этой половины была загорожена большими каменными плитами, поставленными на ребро (№ 145). Внутри загородки (3.55 × 0.50 м) обнаружено большое количество камки и песка. Среди плит каменной вымостки этой маленькой кладовой находилось прямоугольное, известняковое надгробие I в. н. э., лежавшее лицевой стороной вверх, с рельефным изображением в четырехугольном поле верхней половины фигур двух женщин и ребенка. В верхней части надгробия находилось рельефное изображение фронтона с акротериями и с розеткой внутри. Надпись не сохранилась. Размеры надгробия 0.45 × 1.05 м. Нижняя часть надгробия отколота. Сразу у входа в помещение А, вплотную к стене № 96,

Рис. 69. Печь n° 122 в помещении А.

Открыты остатки печи n° 122, выстроенной, по видимому, не одновременно с помещением, в котором она находится, а много позже; это доказывается найденным при ее исследовании материалом. Печь (рис. 69) имеет в плане неправильную форму, приближающуюся к форме четырехугольника; размеры ее 1.10 × 1.20 м. Сделана она из глины, смешанной с рубленой соломой, и снаружи обложена плоскими, поставленными на ребро камнями. Топочное устье, устроенное с северо-восточной стороны, с боков и снизу было выложено плоскими камнями. Максимальная высота, какую могла иметь печь, 0.80 м. Часть стенок печи и свод обвалились, о чем свидетельствуют многочисленные ошлаковавшиеся комки глины, обнаруженные внутри печи, и крупные куски обожженных глиняных стенок. Внутри печь оказалась полна золой; в золе найдено несколько обломков железных костей и ряд фрагментов керамики, лепной, лощенной и др.

Вокруг печи вымостка пола помещения, сохранившаяся в западной и восточной ее частях, разобрана. Интересно также отметить находившуюся поблизости яму, куда сыпалась накапливавшаяся в печи зола и где было найдено также много обломков битой посуды, светильник и обломок сосуда из зеленоватого стекла со шлифованным орнаментом, принадлежащего III—IV в. н. э.

Помещение В (рис. 70), имеет трапециевидную форму: северная часть помещения значительно шире (3.95 м) южной части (2.40 м). Длина помещения 5.80—6.05 м. Помещение В служило, очевидно, хранилищем хозяйствен-

ных припасов, о чем свидетельствуют остатки четырех пифосов, открытых в нем на глубине 0.90 м от сохранившейся поверхности стен.

Вход в это помещение, находившийся, вероятно в южной стене, впоследствии был заделан; это видно из того, что южная стена в нынешнем виде поставлена впритык к западной и восточной стенам помещения В.

На юг от помещения В расположено другое помещение С, вход со двора в него был, по видимому, в стене n° 95. Размеры помещения С 4.50 × 3.50 м.

Помещения D и E, занимающие юго-восточную часть комплекса, сохранились несколько хуже помещений северной половины здания. Так, значительная часть стен помещения D, находящегося на юг от коридоробразного входа, соединяющего улицу с двором, осела в рыбозасолочные ванны, которые они пересекали, вследствие общей осадки насыпи, заполнявшей ванны.

В римское время улица имела каменное покрытие; об этом свидетельствуют остатки мостовой n° 37 из каменных плит в южной половине открытой части улицы, проходившей в том же направлении с севера на юг, как и в предыдущий период, когда улица имела черепяную вымостку.

Вдоль насыпи раскоп V—VI был продолжен на север. Здесь открыты части двух кладок, идущих в направлении с севера на юг и уходящих под нераскопанную насыпь. Кладка n° 153 (длина открытой части 2.62 м, ширина 0.74 м) сложена насухо из

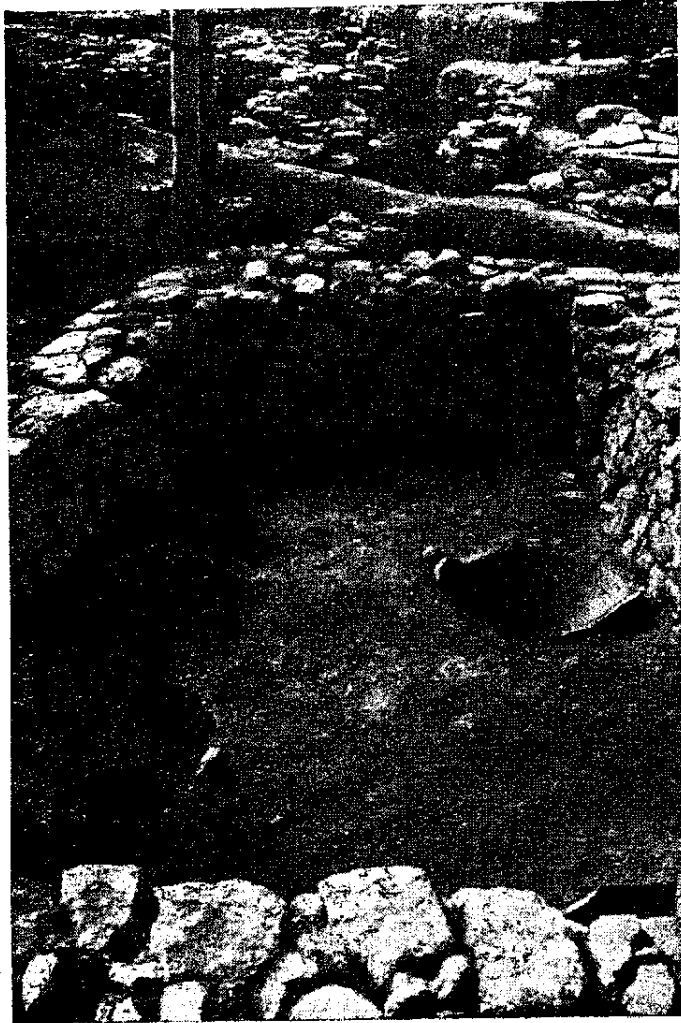

Рис. 70. Помещение В, вид с севера

правильных небольших плит в два ряда и относится к эллинистическому периоду. Кладка № 152, длиной 2.00 м, шириной 0.95 м, относится к римскому времени.

Что касается датировки большого здания, открытого на участке VI, то постройка его состоялась, повидимому, в I в. н. э. Мы отмечали, что вымостка № 85 большого двора перекрывает ванны №№ 1—3, следовательно связанное с двором здание должно быть отнесено ко времени более позднему, чем ванны, принадлежащие, как было сказано выше, II—I вв. до н. э. Вместе с тем, здание очевидно не входит в систему I римского слоя, заключавшего в большей своей части материал II—IV вв. н. э. С этим интересно сопоставить характер сделанных при расследовании здания находок: все поддающиеся датировке предметы оказались принадлежащими концу I в. до н. э. — началу I в. н. э. Из материала, найденного при расчистке вымостки № 85, наиболее ранний экземпляр представляет монета Митридата VI (№ А 924); другая монета принадлежит времени Асандра (№ А 1556). Здесь же был найден ряд обломков краснолаковой керамики конца I в. до н. э. — начала I в. н. э. и обломок бальзамария того же времени. Наконец, отметим на-

ходку уже упоминавшегося надгробия I в. н. э.,¹ а также находку в помещении С светильника начала I в. н. э. Все это говорит о I в. н. э. как наиболее вероятном времени постройки здания.

Как мы упоминали, здание продолжало существовать и позже. Наиболее поздние следы его функционирования относятся к III в. н. э.

Рассмотренное здание перекрывалось культурным слоем римского времени. Время этого слоя определяется наличием в нем легко поддающихся датировке обломков краснолаковой керамики и стеклянных сосудов. Большая часть этих обломков принадлежит II и III вв. н. э.; менее многочисленные экземпляры относятся ко времени несколько более раннему (вторая половина I в. н. э.) и более позднему (IV в. н. э.). О том же времени свидетельствует также сменившийся в данном слое более ранние формы тип узкогорлой амфоры с реберчатыми ручками.

Необходимо отметить, что если в слоях III и II, принадлежащих периоду с V по I в. до н. э., керамика античных типов была безусловно преобладающей, а находки лепной керамики не были особенно многочисленны, то в первые века нашей эры наблюдается почти всегда обратное соотношение — лепная посуда далеко превышает по количеству керамику античных типов. Характерно богатство форм в этой керамике: мы встречаем здесь ряд различных типов одноручных сосудов — высоких и низких, маленьких и больших; кувшины типа греческой энохи; ряд разновидностей чашек — мелких и глубоких, со стенками прямыми или округлыми; несколько разновидностей светильников (рис. 71). Многие

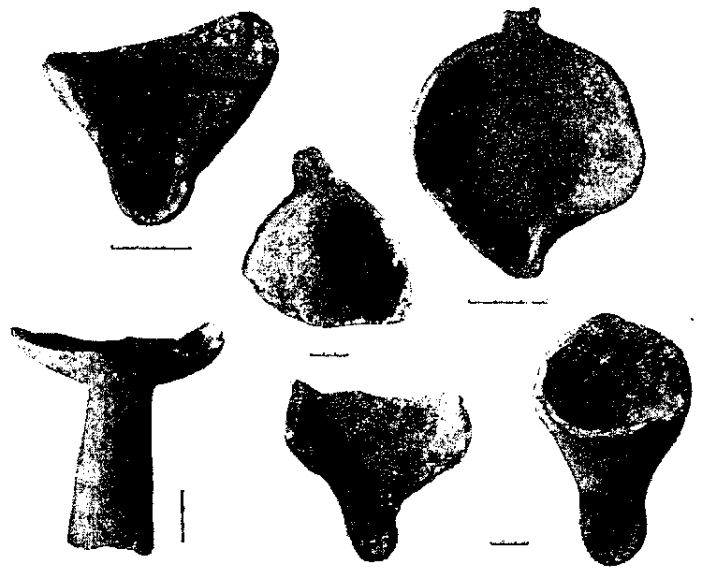

Рис. 71. Обломки светильников римского времени.

¹ Датировка надгробия дана Ю. Ю. Марти.

экземпляры украшены орнаментом; интересно украшение сосуда налепной фигуркой собаки (рис. 72). Такой характер лепной керамики Тиритаки не дает возможности считать ее только кухонной утварью: здесь эта группа представляет посуду, так сказать, универсального характера.

На ряду с лепной посудой встречается и в это время ряд групп посуды привозной из малоазийских центров (рис. 73). Наибольшим количеством экземпляров представлена пергамская краснолаковая керамика.

Как и повсюду в римское время, наравне с глиняной посудой применяются сосуды из стекла. Но все эти группы, как уже отмечено, далеко уступают по численности лепной керамике.

С этим интересно сопоставить крайнюю немногочисленность найденных в римском слое монет: дошла всего одна монета конца I—начала II в. (№ А 2, Савромата I); двумя монетами представлена вторая половина III в. (боспорские монеты царя Фофорса, №№ А 591 и 984); также двумя монетами представлено время Рискупорида VI (№№ А 429 и 1603). Все это тем более показательно, что римский слой был расследован на гораздо большей площади, чем слой эллинистический, давший, как мы видели, значительное количество монетных находок.

Необходимо особо упомянуть найденную в северном помещении римского здания интересную костяную пластинку с силуэтным изображением Тритона с трубой, обращенного вправо (рис. 74).

Обнаруженные в римском слое остатки пищи содержат значительное количество костей рыб и особенно раковин съедобных моллюсков. В значительном количестве представлены раковины мидий (*Mytilus galloprovincialis*), уже попадавшиеся, хотя и не так обильно, в слоях II и отчасти III; кроме них, в меньшем количестве, встречаются раковины наземной улитки (*Helix*). Обстоятельства находки раковин улитки заслуживают особого внимания. Кроме случая находок этих раковин или их осколков в типичных мусорных ямах, полных кухонными отбросами (зола, кости рыб и отчасти млекопитающих, черепки битой посуды) и расположенных в ближайшем соседстве с жилыми помещениями, здесь встретились и такого рода скопления тех же раковин, которые естественнее всего рассматривать как пищевые запасы. Так, в центральной части раскопа была обнаружена яма диаметром 0.90 × 0.80 м, стенки которой выложены камнями. Кроме заполнявшей верхнюю часть осыпной земли с немногочисленными обломками керамики, содержимое ямы оказалось сплошь состоящим из раковин. Такая картина заставляет вспомнить упоминаемое Брэмом хранение в овсе в холодное время года виноградных улиток — другого вида

Рис. 72. Обломок лепного сосуда с рельефным изображением собаки.

Рис. 73. [Обломки краснолаковой посуды.

того же рода *Helix*, — имевшее место в Штирии.¹

Вид встретившейся наземной улитки не удалось определить в Институте археологической технологии (б. ГАИМК), взявшем на себя определение раковин, найденных при раскопках. Поэтому осталось неясным, имеем ли мы дело с одним из широко употреблявшихся в пищу и в наше время видов этого моллюска, или с каким-то другим видом. Во всяком случае имеются достаточные основания для того, чтобы рассматривать обнаруженные в процессе раскопок скопления раковин улитки как пищевые остатки. Помимо обстоятельства их находки, следует прежде всего указать на широкое употребление в пищу также и в наше время целого ряда видов того же рода *Helix*.² Все это приводит к заключению, что наземная улитка вместе с мидиями стала в римское время одним из очень важных пищевых ресурсов населения.

Отметим далее, что и для слоя I в меньшей степени, чем для более ранних слоев, характерны остатки, имеющие отношение к рыболовству — костяные иглы для плетения сетей, грузила, рыболовные крючки и т. д. Из находок такого рода представляет интерес большое круглое глиняное грузило, с наружной стороны украшенное глубокими зигзагообразными линиями (рис. 75).

К позднеимскому времени относятся две большие рыбозасолочные ванны, открытые в центральной части участка. Ванны эти расположены рядом; в плане они имеют форму четырехугольника (рис. 76 и 77). Размеры их: западной № 4 — дл. 2.47 м, шир. 1.68 м, глуб. 3.27 м; восточной № 5 — дл. 2.20 м, шир. 1.90 м, глуб. 3.25 м. Толщина стены между ваннами 0.26 м, наружных стен — от 0.20 до 0.32 м. Стены ванн сложены из мелких известняковых камней неправильной формы на известковом растворе. Стены и днища ванн покрыты толстым слоем известкового раствора, содержащего большое количество толченой керамики. По обвалившимся от верхних частей стен кускам обмазки видно, что она наносилась слоями; в некоторых местах можно было видеть до семи слоев.

Западная ванна (№ 4) была заключена между стенами п⁰ 64 и 189, сохранившимися от здания эллинистического времени и использованными таким образом в качестве своего рода контрфорсов. На западе, впритык к ванне, была пристроена стенка п⁰ 66. За одновременность постройки этой стены-контрфорса и рыбозасолочных ванн говорит характер совершенно аналогичной кладки их стен.

Что касается ванны № 5, то здесь пришлось, за отсутствием остатков раннего строитель-

ства, пристроить к южной, восточной и северной стенам ванны контрфорсы из больших хорошо отесанных известняковых плит, плохо пригнанных к стене, в системе „тычок на ложок“, подобно тому, как это устроено в большом комплексе рыбозасолочных ванн у оборонительной стены. На дне обеих ванн найден толстый слой (до 0.05 — 0.07 м) рыбьих головок, костей и чешуи, принадлежащих, главным образом, керченской сельди. Сделанный в днище восточной ванны разведочный разрез показал, что дно имеет толщину 0.75 м и состоит из известняковых камней, покрытых несколькими слоями известкового раствора с примесью толченой керамики.

В засыпи обеих ванн содержалось большое количество камней большой и средней величины. В восточной ванне, на довольно большой глубине, были обнаружены кости скелета человека. Находок в засыпи ванн было сравнительно немного: обломки круглодонных амфор с горизонтальными желобками на стенках VI—VII вв. н. э. (в обеих ваннах), две реберчатые ручки амфор и др. Среди камней, извлеченных из ванны № 5, обнаружена верхняя часть надгробия в виде фронтона, украшенная тремя розетками. Таким образом в засыпи ванн оказались как находки римского времени,¹ так и вещи, относящиеся к раннему средневековью.

На север от ванны № 5 открыты остатки другого помещения, которое тоже, может быть, имеет отношение к рыбозасолочному производству. Принадлежность этого помещения тому же периоду, что и ванны, подсказывается устройством его стен и местом его постройки. Раскопками открыты были остатки стен: восточной п⁰ 113, северной п⁰ 114 и западной п⁰ 112, построенных из мелких необработанных камней в такой же технике, как и стены ванн. Помещение имеет форму неправильного четырехугольника, вследствие чего длина помещения большая на севере (2.04 м), меньшая на юге (1.75 м). Некоторые углы (северо-восточный, юго-западный) слегка закруглены. Южная стена не сохранилась. В качестве фундамента стены п⁰ 112 использована стена здания эллинистического времени (п⁰ 116), с которой она совпадает своим направлением.²

Находки, обнаруженные при раскрытии данного помещения, относятся в большей своей части к позднеимскому времени (III—IV вв.); имеются, однако, фрагменты керамики ранне-средневекового периода (VI—VIII вв.). Если правильно предположение о том, что данное помещение входило в состав рыбозасолочного комплекса, то оно могло служить рабочим по-

¹ В римском слое данного участка были также сделаны находки орудий рыбного лова (рыболовные крючки, иглы для плетения сетей и др.).

² Между прочим, и для стены п⁰ 116 (здания эллинистического времени) использована в качестве фундамента стена п⁰ 161 классического периода — характерный пример того, как последующее строительство использовало все, что возможно, из предшествующих строительных остатков,

¹ А. Э. Брем. Жизнь животных. Перевод с 3-го нем. испр. и доп. изд., под ред. К. К. Сент-Илера, т. X, 1896, стр. 333.

² Там же.

мещением, подобно тому, как это было в большом рыбозасолочном комплексе, открытом у крепостной стены.

К тому же комплексу, что и рыбозасолочные ванны №№ 4 и 5, относится небольшое помещение неправильной четырехугольной формы, примыкающее к ним с запада. Стенами для этого помещения послужили: с востока кладка п⁰ 66, выстроенная как контрфорс к западной ванне, с запада — стена п⁰ 38, возведенная на более древних стенах классического времени (п⁰ 106). Длина этого помещения (с севера на юг) 2.74 м, ширина 1.48 м. Чтобы устроить пол этого помещения на уровне более низком, чем современный зданию уровень города, пришлось произвести выборку камней из стены п⁰ 106 классической эпохи. В юго-западном углу помещения сложен из камня контрфорс в виде четырехугольного столба невыясненного назначения, имеющий в плане размеры 0.40×0.38 м. Слой, заполнивший помещение, оказался сильно перемешанным; на ряду с находками раннего времени (обломки ионийских сосудов) встречались обломки керамики римского периода, причем часто последние оказывались под первыми. В самом низу этого помещения была найдена зернотерка. В слое содержалось значительное количество крупных углей. Можно предположить, что здесь было подвальное помещение, связанное с рыбозасолочными ваннами.

Также к поздне римскому времени относится открытый в южной части участка комплекс восьми днищ цистерн (рис. 78), принадлежащих, по видимому, находившейся здесь винодельне.

Рис. 75. Круглое глиняное грузило.

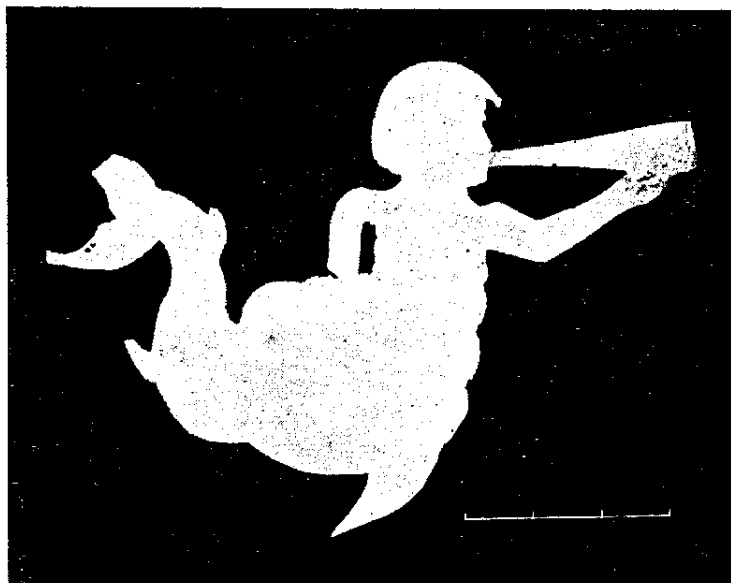

Рис. 74. Костяная пластинка с изображением Тритона.

Стены цистерн не сохранились: они были снесены при земляных работах строительства, и комплекс открытых раскопками днищ цистерн оказался, вследствие этого, непосредственно под современной поверхностью (на глубине 0.05—0.10 м). Днища цистерн располагаются одно за другим, с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Длина всего комплекса цистерн в указанном направлении 8.60 м, ширина (максимальная) 2.75 м. Не все днища сохранились одинаково; три крайних днища северной стороны сохранились лучше других. Размеры днищ неодинаковы: длина от 1.90—1.93 м („а“ и „в“) до 0.77 м („ж“); ширина от 1.07 м („а“) до 0.60 м („з“). Цистерны отделялись друг от друга стенками, состоящими из известняковых плит, поставленных на ребро, и покрытыми с обеих сторон известью с примесью очень мелко истолченной керамики. Такой же обмазкой толщ. 0.05, состоящей из нескольких слоев, покрыты и днища.

Днище каждой цистерны имеет в западной части вогнутую поверхность размерами от 0.42×0.83 м („а“) до 0.30×0.45 м („з“). Скат в днищах сделан в направлении с востока на запад. Глубина вогнутости колеблется от 0.20—0.25 м до 0.10 м.¹ Наружные стены комплекса, как и само его основание, состоят из известняковых плит средней величины, положенных плашмя одна на другую на таком же растворе, каким цистерны были оштукатурены внутри.

Раскопки показали, что этим производственным сооружением пользовались и в раннесредневековое время (VI—VIII вв. н. э.), когда в четырех бассейнах в северной половине комплекса

¹ Описанное устройство днищ встречает аналогии в открытых в 1935—1936 гг. цистернах виноделен Мирмская и Тиритаки. Это и позволяет сделать предположение, что и данный комплекс днищ цистерн на участке V представляет остатки винодельни.

Рис. 76. Две рыбозасолочные ванны (№№ 4 и 5) позднеимперского времени, вид с востока.

Рис. 77. Две рыбозасолочные ванны (№№ 4 и 5) позднеимперского времени, вид с запада.

была заделана вогнутая поверхность днищ и устроены плоские днища. Пространство между нижним (позднеримским) и верхним (раннесредневековым) днищами было заполнено черепками сосудов с горизонтальными рельефными поясами и кусками кирпичей, имеющих на верхней поверхности вдавленные, вероятно пальцами, линии, идущие по диагонали. И то и другое относится примерно к VI—VIII вв. К числу сооружений позднеримского времени принадлежит также обнаруженная в центральной части у восточного борта участка V—VI ванна № 6. Она имеет в плане форму не вполне правильного четырехугольника с закругленными углами; размеры ее 2.50×1.75 м. По устройству (каменные стенки, обмазанные известью с примесью толченой керамики) она аналогична ваннам №№ 1—3, но стенки ее сложены из камней меньшей величины, кладка менее правильная.

Расчистка ванны № 6 производилась только до глубины 0.85 м. В ванне была темная земля с немногочисленными обломками керамики позднеримского времени (III—IV вв. н. э.).

Рис. 78. Комплекс днищ 8 цистерн позднеримского времени, вид с юга.

Культурные отложения с находками III—IV вв. н. э. — самое позднее, что в виде правильных

Рис. 80. Сосуды V—VI вв. н. э.

Рис. 79. Обломки посуды ранне-средневекового времени.

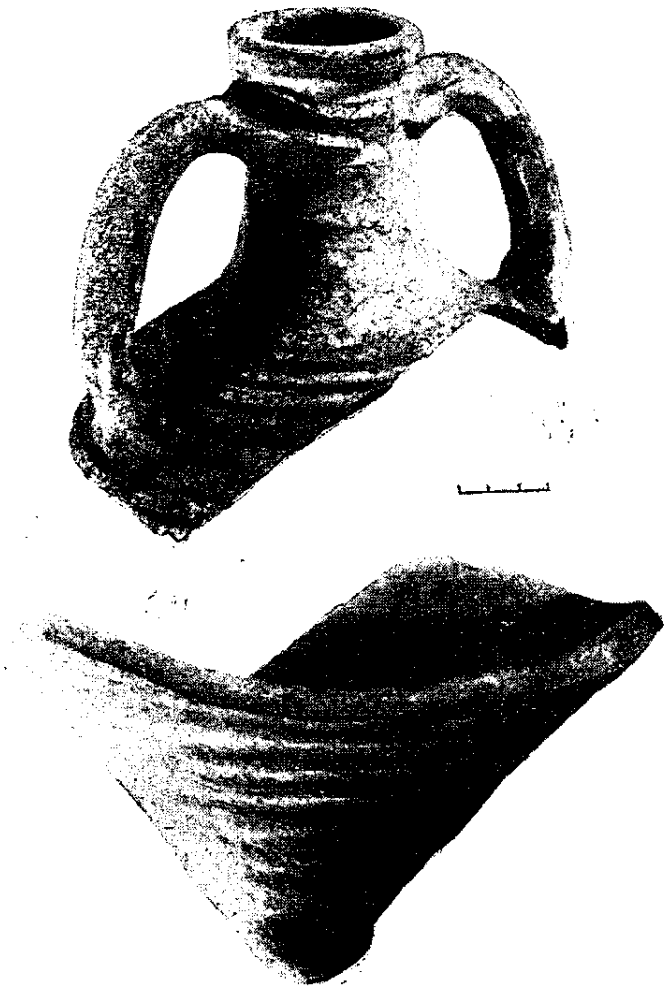

Рис. 81. Обломки амфор V—VII вв. н. э.

наслоений дал участок V—VI. Незначительное количество материала более позднего времени было обнаружено, кроме только что упомянутых находок в комплексе днищ, еще в двух ямах, начинавшихся, несомненно, в уже снесенном к началу работ на данном участке слое. Здесь найден ряд крупных обломков сосудов из грубой глины, с черной, покрытой поперечными бороздками поверхностью, и из глины более тонко обработанной, с лощеным орнаментом (рис. 79). Из этих обломков удалось восстановить большую часть двух сосудов V—VI вв. н. э. (рис. 80). Здесь же встречались обломки амфор V—VII вв. н. э. (рис. 81). К тому же времени относятся и уже упомянутые находки в ваннах №№ 4—5 и в яме поблизости от них.

На ряду с описанными выше раскопками экспедицией были проведены на территории городища некоторые работы разведочного характера.¹

Основной задачей этих работ было выяснение стратиграфии слоев возвышенной части городища. Исследование производилось в центральной части городища и по юго-западному

обрезу возвышенной части, образовавшемуся при выемке земли для насыпи.

Участок VIII. В центральной части городища исследование произведено на площади 25 кв. м, ниже, на глубине 1.20 м,¹ суженной приблизительно до 13 кв. м. Эта площадь была вскрыта до материка, обнаруженного на небольшой глубине. Нетронутые культурные слои были перекрыты слоем почвы с большим содержанием строительного мусора; толщина почвенного слоя значительно колебалась, общая же толщина всех культурных слоев, лежавших под слоем почвы, достигала 3.00 м в юго-западном углу раскопа, 3.70 м в центральной части западной стенки.

Во всей толще культурных наслоений отчетливо выделяются следующие слои.

Слой III. Непосредственно на материке лежал глинисто-песчаный слой с примесью золы, толщиной в среднем 0.70 м, в юго-западном углу 0.40 м. Он достигал в юго-западном углу раскопа небольшой глубины, а у середины западной стенки толщина слоя увеличилась;² различие уровней зависит от искусственного уступа высотой 0.70 м, расположенного на расстоянии 1.10 м от южной стенки раскопа, параллельно этой стенке. На дне впадины, на глубине 4.45 м, было найдено несколько сломанных челюстей лошади. Сохранившихся *in situ* строительных остатков слой III не содержит. В северо-западном углу, на глубине 3.00—3.88 м, обнаружен завал из больших плоских каменных плит, толщиной

¹ Все промеры, если нет особой оговорки, даются от уровня почвы в северо-западном углу раскопа.

² В северо-западном углу раскоп до материка доведен не был, так как этому препятствовали лежавшие почти на самом дне раскопа плоские глыбы камня, уходившие в стенки раскопа.

Рис. 82. Горло архаической амфоры, найденное на участке VIII.

¹ Работы эти были произведены А. В. Мачинским

в среднем 0.08—0.10 м, длиной до 1.20 м; в большей части завал был перекрыт глинисто-песчаным грунтом. Материал глинисто-песчаного слоя принадлежал второй половине VI—V вв. до н. э. Среди керамических находок преобладали обломки остродонных амфор; представлены были исключительно типы VI и V вв., преимущественно архаический тип, характеризующийся коротким вздутым горлом (рис. 82), тяжелым овальным туловищем и короткой ножкой. Из остальных обломков керамики большая часть представляет характерные экземпляры греческой привозной посуды второй половины VI—первой половины V вв., ионийской, аттической чернофигурной и краснофигурной (рис. 83). Заслуживает внимания обломок краснофигурного сосуда первой половины V в. до н. э. с частью фигуры опирающегося на палку мужчины; изображение окаймлено орнаментом меандра. Встречалась также простая обиходная керамика без росписи и лака из красной и серой глины; судя по технике, и здесь преобладает импорт из Ионии.

На ряду с привозной встречалась и туземная лепная керамика. Кроме керамического материала была найдена также медная поделка; остатки пищи представлены костями млекопитающих и рыб.

В юго-западном углу, непосредственно на глинисто-песчаном слое, на глубине 3.20 м от уровня этого угла, находилось большое угольное пятно толщиной около 0.20 м. Оно уходило под южную и западную стенки раскопа и занимало пространство радиусом в 1.10 м от юго-западного угла. В нем были найдены обломки амфор архаического типа, несколько обломков лепных сосудов, обломок железного предмета и перегорелые кости млекопитающих.

Слой II. На глинисто-песчаном слое лежал слой глинисто-золенный, с многочисленными песчаными и зольными прослойками и значительными скоплениями раковин мидий. Толщина глинисто-золенного слоя от 1.00 м (в юго-западном углу) до 1.30 м (посредине западной стенки).

Строительных остатков слой не содержал. Что касается находок, то следует отметить различие между материалом части, непосредственно прилегающей к глинисто-песчаному слою, и всей остальной толщи глинисто-золенного слоя. В нижней части встречался материал V частью еще и VI вв. до н. э., аналогичный находкам слоя III: очевидно, нижние прослойки глинисто-золенных наслоений входят в систему слоя III. Вся остальная часть глинисто-золенного слоя содержала находки несколько более позднего времени. Преобладающее количество их принадлежит IV, частью уже III в. до н. э.: материал VI в. отсутствовал, материал V в. встречался в незначительном количестве. Амфоры архаического типа уступают здесь место типам позднеклассическим — раннеэллинистическим, характеризую-

Рис. 83. Образцы фрагментов греческой расписной керамики VI—V вв. до н. э., найденных на участке VIII.

щимся удлиненным горлом и вытянутой ножкой; среди чернолаковой керамики преобладают типы IV в. С другой стороны, характерные типы развитого и позднего эллинизма отсутствуют.

Группы материала и их соотношение между собой в общем сходны со слоем III; следует только отметить уменьшение количества ионийской керамики и появление простой красноглиняной и сероглиняной керамики боспорского производства. Интересно наличие обломков туземной лощеной керамики очень высокого качества. Из металлических предметов большинство представляло бесформенные обломки, исключением являются два медных наконечника стрел, найденные на границе слоев III и II.

Среди остатков пищи, на ряду с обломками костей млекопитающих и рыб, встречались большие скопления раковин мидий.

Слой I. На глинисто-зольном слое лежал глинистый слой, в своей верхней, большей, части содержащий значительное количество перегноя, в нижней кончавшийся прослойкой зеленоватого цвета с большим количеством рыбьих костей и раковин мидий. К этому слою относятся все обнаруженные в раскопе остатки кладок и вымосток: материал данного слоя оказался лежащим ниже оставленных кладок и под снесенными кладками. Кладки сложены из камней различной величины, более или менее правильной прямоугольной формы; остатки кладок настолько незначительны, что по ним невозможно сказать что-либо о постройках, которым они принадлежали. Вымостка, лежащая на глубине 1.40 м, занимала восточную

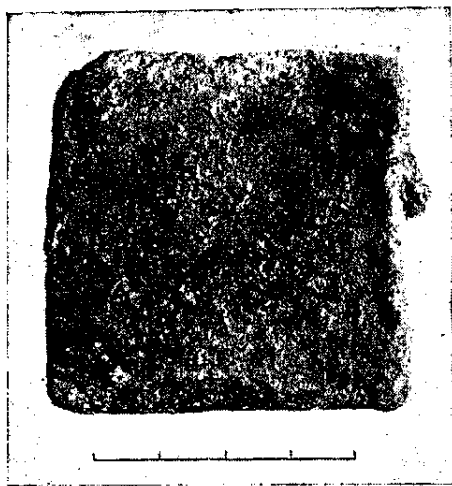

Рис. 84. Свинцовая гирия, найденная на участке VIII.

часть раскопа; она сложена из плоских камней неправильной формы. На вымостке найден небольшой обломок жернова. По времени вымостка представляет наиболее поздний строительный остаток раскопа VIII.

Все находки слоя I относятся к римскому времени (I—IV вв. н. э.). Найденные в этом слое обломки амфор принадлежат римскому типу узкогорлых амфор с реберчатыми ручками. Из других поддающихся датировке групп представлена краснолаковая керамика I—IV вв. малоазиатского производства; встречались также отдельные осколки стеклянных сосудов того же времени. Следует отметить, что в этом слое почти отсутствует привозная керамика высокого качества, характерная для нижележащих слоев; на втором после амфор месте стоит простая красноглиняная керамика боспорского производства. Увеличивается также процент местной лепной керамики. Следует, впрочем, отметить, что и в этот период посуда античной техники и типов доминирует над лепной местной.

Интересную находку представляют две свинцовые гири, найденные под кладкой п^о 3, вместе с находками римского и эллинистического времени. Обе гири имеют форму, приближающуюся к квадрату; размеры одной из них (А 2074) 0.054 × 0.055 м, вес 276 г (рис. 84); другой (А 2075) 0.075 × 0.078 м, вес 388 г; у последней посередине неясное клеймо в форме квадрата с закругленными углами (рис. 85).

Слой почвы, перекрывавший глинистый слой и содержащий большое количество строительного мусора, заключал разновременный материал, начиная с обломков характерных для классического или эллинистического времени овальных амфорных ручек и кончая обломками современных черепиц. Материал средневековой эпохи встречался в этом мешаном слое в значительном количестве; по большей части это были обломки раннесредневековых амфор с поперечными желобками; попадались также обломки поздней (не раньше XIV в.) поливной керамики.

Рассмотренный материал раскопа VIII позволяет сделать следующие наблюдения:

1. Античная эпоха, представленная здесь слоями I—III, охватывает период времени со второй половины VI в. до н. э. по IV в. н. э. Известный перерыв наблюдается здесь, по-видимому, только в позднеэллинистический период (II—I вв. до н. э.).

2. Средневековая эпоха не представлена правильно лежащим слоем, но количество средневекового материала, обнаруженного в верхнем „мусорном“ слое, довольно велико, что свидетельствует о наличии жизни в данном участке также и в этот период.

3. Характер находок античной эпохи создает впечатление о большей состоятельности населения данного участка по сравнению с населением участков, расположенных ближе к морю.

В связи с задачей выяснения стратиграфии культурных слоев на территории городища, экспедицией были сделаны разведочные подчистки в четырех пунктах: три по юго-западному обрезу верхней террасы, один по восточному обрезу близ его южного конца. В каждом из пунктов с целью выявления всех наслоений зачищался небольшой участок обреза и затем производилась выемка материала из каждого слоя.

Пункт I у северного конца юго-западного обреза (топографическую схему расположения разведочных пунктов и чертеж обреза пункта I см. на рис. 86 и 87). Подчистка произведена на участке 2.50 × 1.00 м по стенке, идущей к западу от обреза. Здесь оказались следующие слои: непосредственно на материке, обнаруженном на небольшой глубине от поверхности почвы, лежал слабо выраженный глинисто-

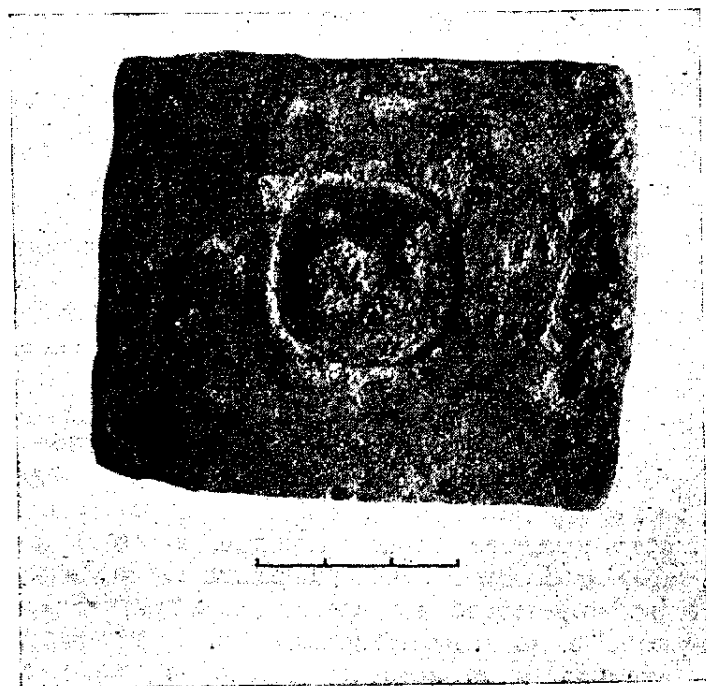

Рис. 85. Свинцовая гирия с клеймом, найденная на участке VIII.

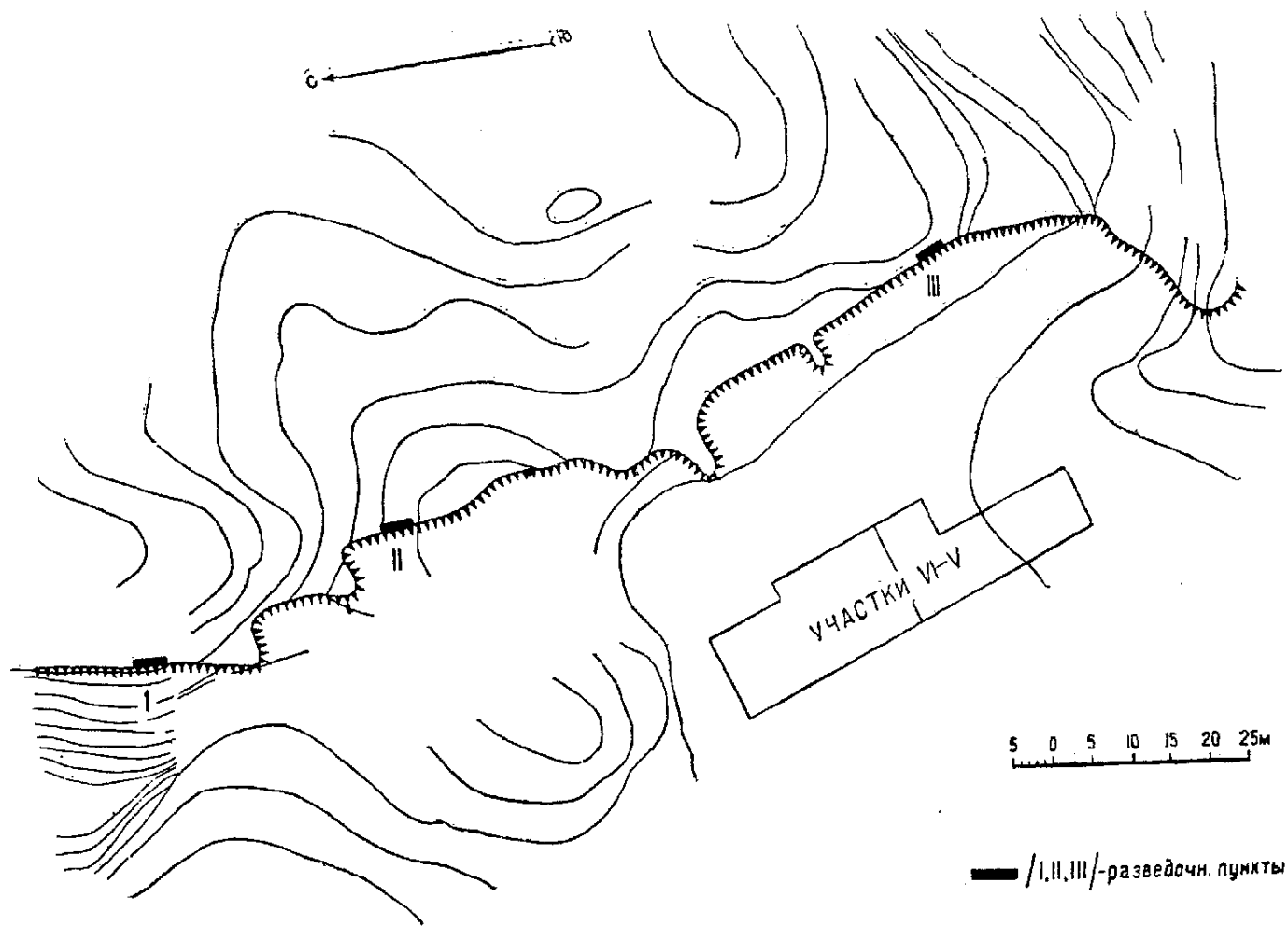

Рис. 86. Схема расположения пунктов разведочных работ.

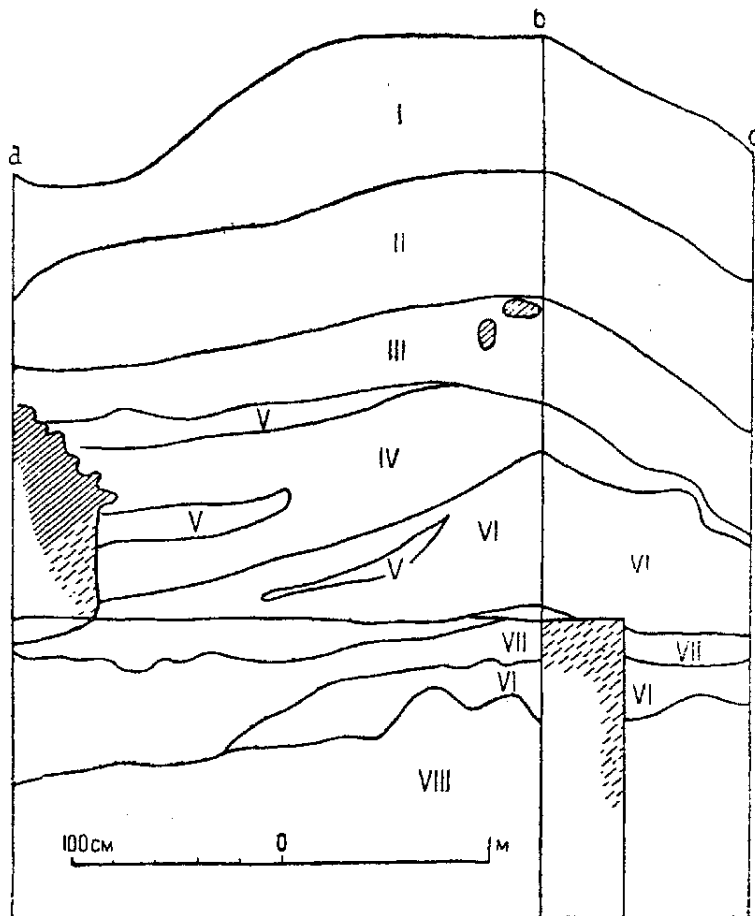

Рис. 87. Разрез культурных наслоений в разведочном пункте I: I — гумус; II — глинистый слой; III — глинистый слой с небольшим количеством раковин; IV — глинисто-зольный слой; V — песчаные прослойки; VI — рушевый материк с примесью золы; VII — глинисто-песчаный слой с примесью золы; VIII — материк.

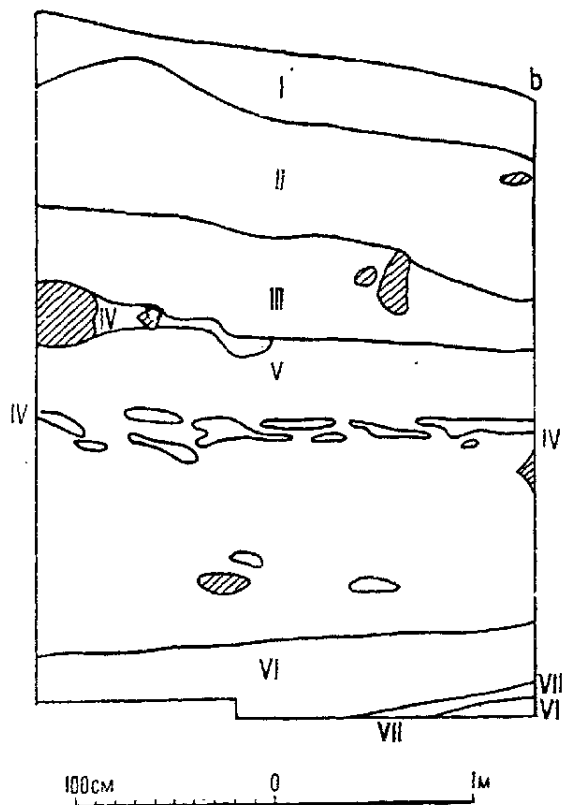

Рис. 88. Разрез культурных наслоений в разведочном пункте II: I — гумус; II — глинистый слой; III — глинистый слой; IV — песчаные прослойки; V — глинисто-зольный слой; VI — рушевый материк; VII — глинисто-песчаный слой.

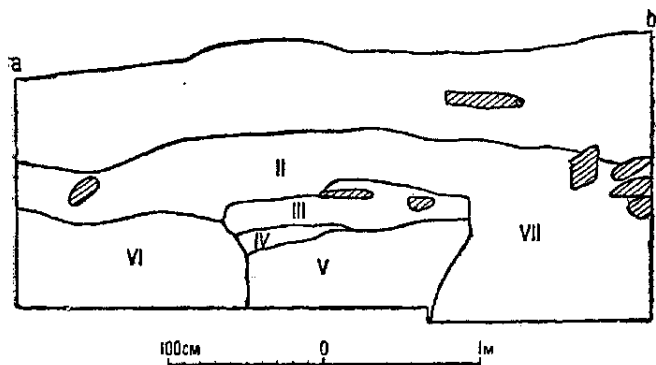

Рис. 89. Разрез культурных слоев в разведочном пункте III: I — гумус; II — глинистый слой с примесью гумуса; III — глинисто-зольный слой; IV — глинисто-песчаный слой; V — материк; VI — яма глинистого слоя с большим количеством строительного мусора; VII — яма глинистого слоя.

песчаный слой с примыкающими к нему прослойками рушеного материка. Кроме материала, не поддающегося датировке, слой содержал пять фрагментов керамики классического периода (два чернолаковых V и IV вв. до н. э. и три от амфор IV в. до н. э.). Следующий за ним глинисто-зольный слой дал из поддающегося датировке материала один фрагмент ножки амфоры IV—III вв. до н. э. Третий глинистый слой, содержащий небольшое количество раковин мидий, дал два фрагмента амфор эллинистического времени. Верхний слой, в нижней части состоящий из гумуса с большими примесями глины и в верхней из чистого гумуса, не содержал поддающихся определению обломков керамики. Следует отметить, что для подчистки в пункте I вообще характерно незначительное количество обломков керамики; среди них преобладают обломки амфор. Все слои имели значительный (около 30°) наклон к югу.

Пункт II (рис. 88) находится к югу от пункта I (позади современного здания конюшни). Здесь подчистка дала очень небольшое количество обломков керамики. Слои продолжались те же. Глинисто-песчаный слой был чрезвычайно слабо выражен (прослойка до 0.05 м толщины и только у южного конца). В противоположность ему глинисто-зольный слой достигает толщины 1.50 м. Поддающийся датировке материал этого слоя принадлежал весь эллинистическому времени (один обломок сосуда, покрытого тусклым черным лаком; обломки амфор эллинистического типа). Глинистый слой толщиной около 1.00 м содержал обломки керамики римского времени (обломки амфор; обломок красноглиняного сосуда). В слое гумуса, в нижней части смешанном с гли-

нистым слоем, найден обломок стеклянного сосуда IV—V вв. н. э. (стекло зеленоватого цвета с вкраплениями более темного синеватого стекла) и два обломка стенок средневековых амфор; другие обломки стенок амфор этого слоя принадлежали, по видимому, амфорам античной эпохи. На самой поверхности почвы найден фрагмент средневековой поливной керамики (не ранее XIV в.).

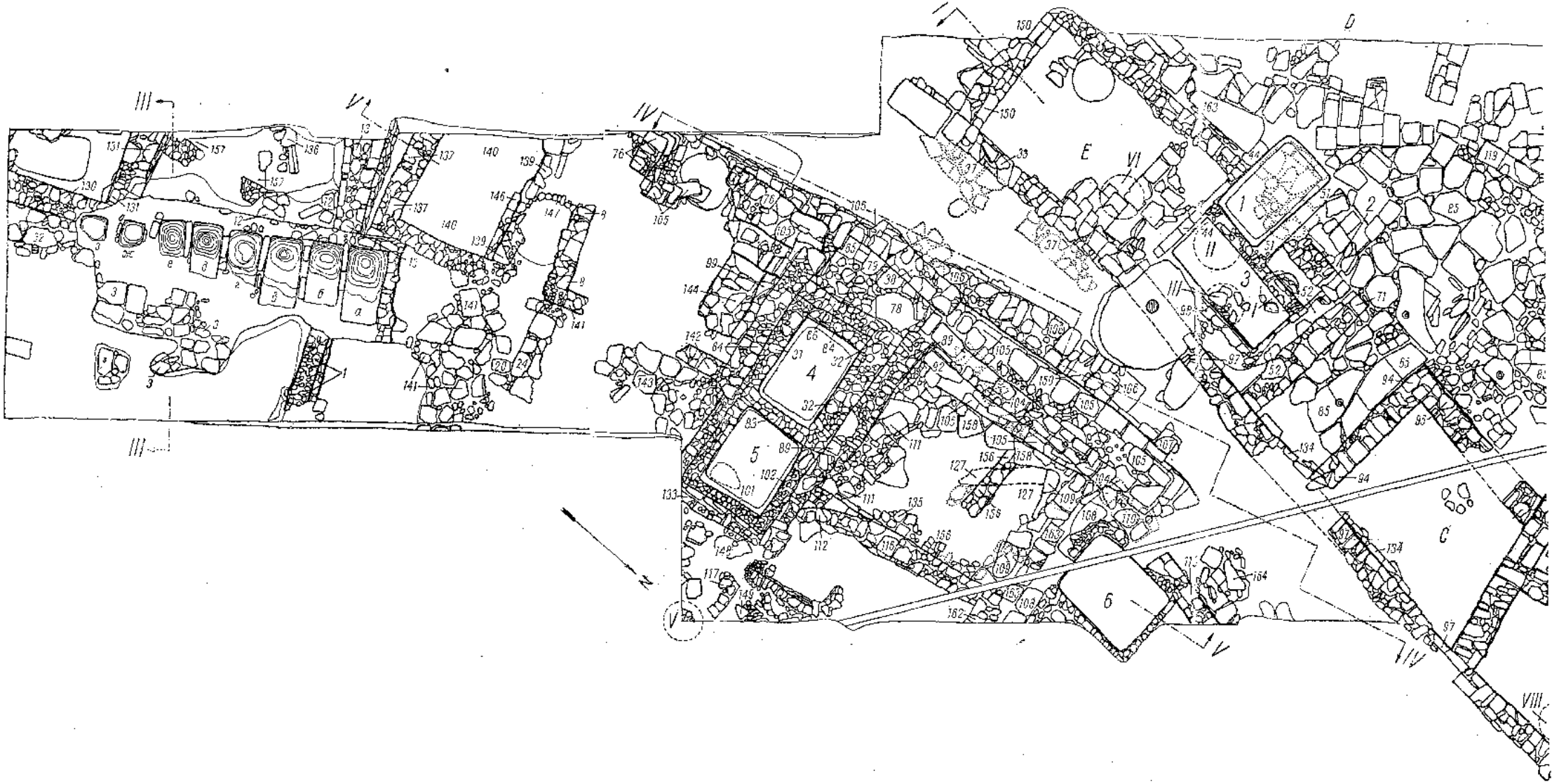
Пункт III (рис. 89) у южного конца юго-западного обреза. Место для подчистки оказалось выбранным неудачно в том отношении, что только центральная его часть дала ненарушенные слои, по бокам же были обнаружены две далеко уходящие в материк ямы; в виду недостатка времени ямы не были доследованы до конца. В средней части материк оказался на небольшой глубине от поверхности почвы. Лежавший на материке тонкий (около 0.10 м), но ясно выраженный глинисто-песчаный слой дал хороший материал конца VI—начала V вв. до н. э. (два обломка чернолаковых и два обломка чернофигурных сосудов). Глинисто-зольный (также незначительный) слой содержал материал III—I вв. до н. э. (обломки амфор, обломки краснолакового сосуда). Более мощный глинистый слой дал обломки позднеэллинистической (I в. до н. э.) и римской (II в. н. э.) керамики. В слое гумуса найдены обломки остродонных амфор и краснолаковых сосудов позднееримского времени (не ранее III в. н. э.) и два обломка средневековых амфор VI—VII вв. н. э. В ямах находился смешанный материал различных периодов (от раннеклассического до позднееримского) и очень большие скопления мидий. В противоположность подчисткам в пунктах I и II для подчисток в пункте III характерна большая насыщенность всех слоев обломками керамики.

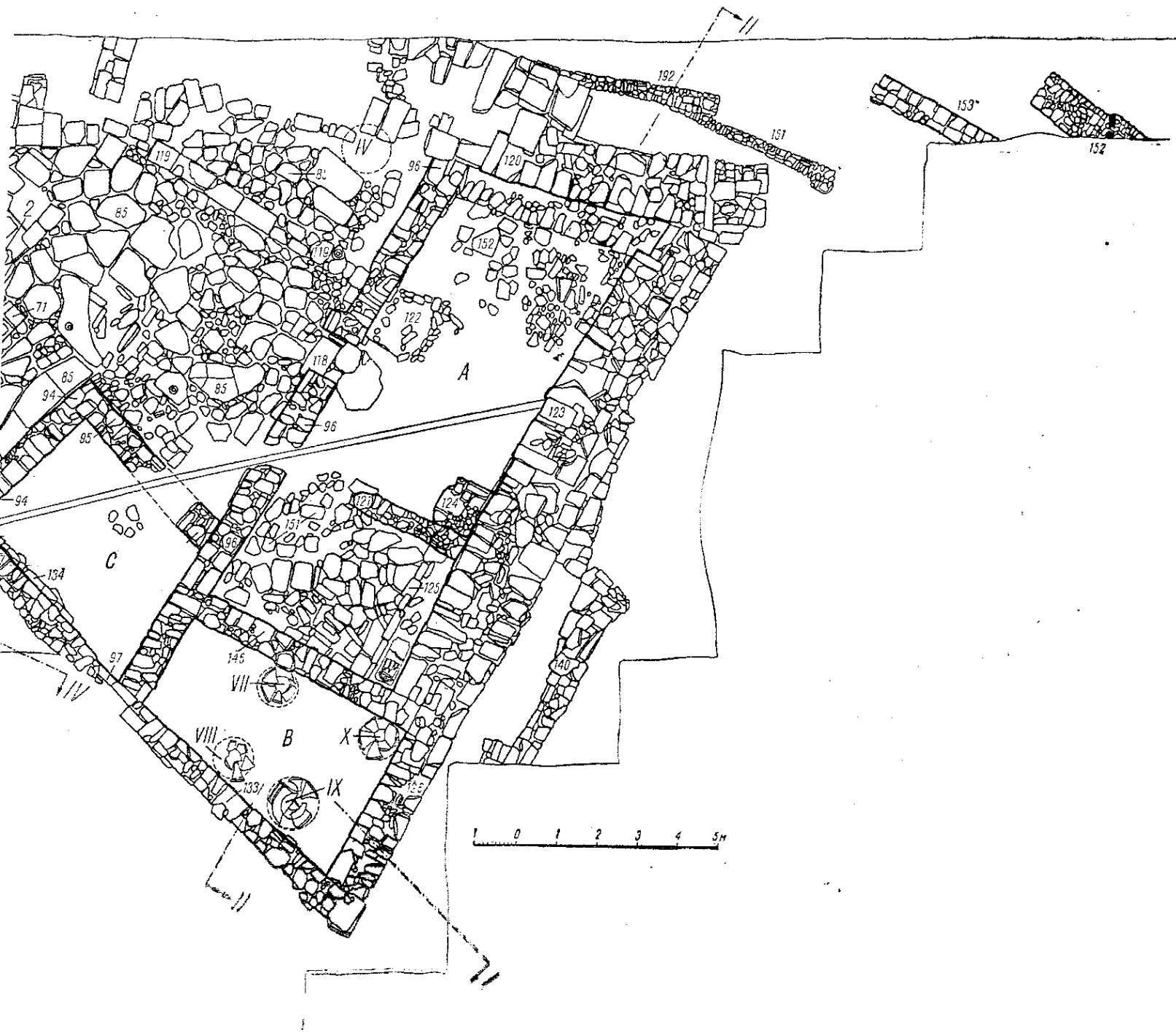
Пункт IV на восточном обреза. Подчистка дала смешанный материал архаического, римского и средневекового периодов.

В итоге можно отметить следующие основные наблюдения: 1) средневекового слоя подчистками не обнаружено; средневековая керамика встречалась в почвенном мешаном слое, но в сравнительно незначительном количестве; 2) наиболее хорошо представленной оказалась в подчистках керамика эллинистического и римского времени, в соответствии с резкой выраженностью соответствующих слоев; в противоположность этому классический слой оказался везде сравнительно незначительным; 3) распределение материала определенных эпох по грунтам в основном повторило картину, выяснившуюся в расследованных раскопах (особенно в раскопе V—VI).

ТИРИТАКА

ПЛАН УЧАСТКА V—VI

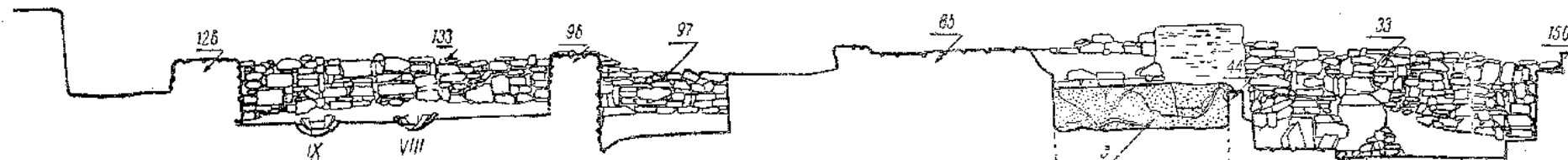

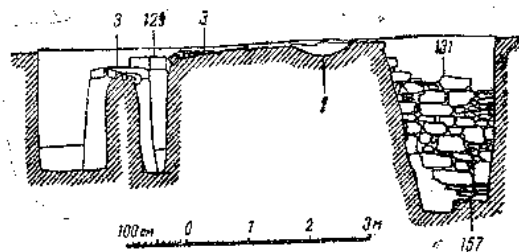
ТИРИТАКА

РАЗРЕЗЫ К ПЛАНУ УЧАСТКА V

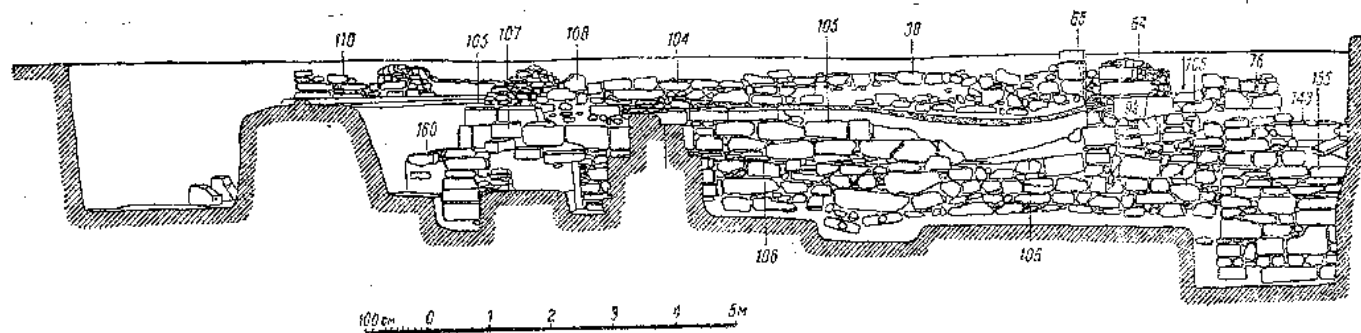
Разрез I-I

Разрез III-III

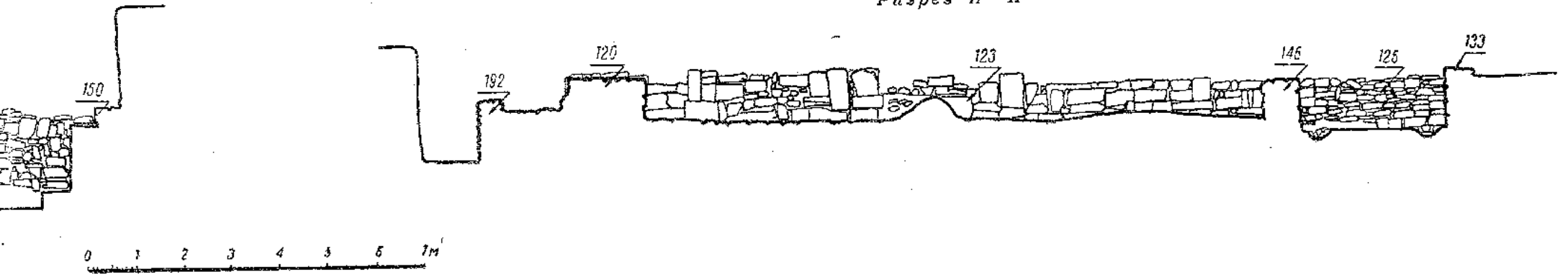
Разрез IV-IV

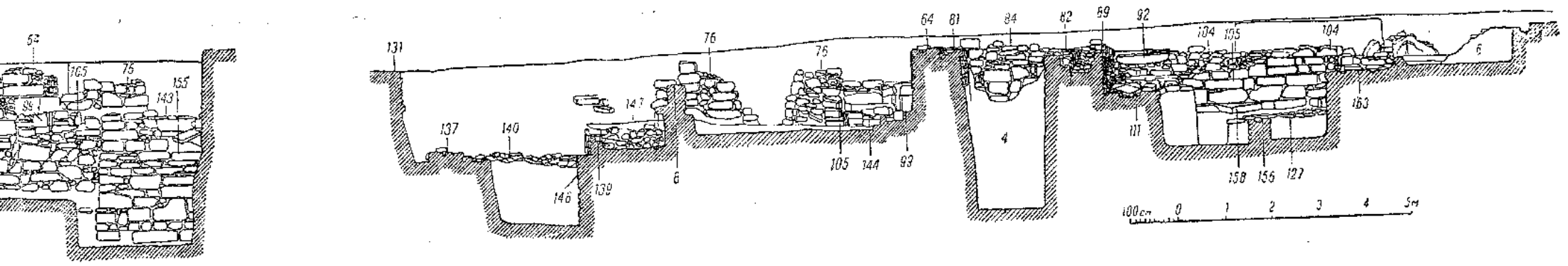
ПРИТКА

ПЛАНУ УЧАСТКА V—VI

Разрез II—II

Разрез V—V

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ ТИРИТАКИ в 1933 г.

В прошлом некрополь Тиритаки был обследован крайне недостаточно. Небольшие раскопки, которые в середине прошлого столетия коснулись группы курганов в районе Камышбуруна, выявили лишь погребения IV—III вв. до н. э., характеризовавшиеся находками краснофигурных и сетчатых лекифов.¹ В результате работ, произведенных летом 1933 г., были обнаружены и исследованы могилы римского времени. Работы производились в пределах начальной рудничной траншеи, прорытой строительством и имевшей свыше 60 м в ширину и небольшую глубину.² По обеим сторонам выемки уцелели иногда поврежденные земляными работами могилы. Обследование их и было задачей работ 1933 г.

В течение 16 дней было обследовано 8 могил, представлявших, за исключением одной колодеобразной, перекрытой плитами, большие земляные склепы. Эти склепы сильно пострадали от грабителей древнего и нового времени. Два из раскопанных склепов состоят из двух камер, остальные однокамерные. В каждый склеп вел более или менее длинный дромос. Вход закрывался большой прямоугольной плитой. Все раскопанные погребения относятся к римскому времени.

Мои́ла № 1 обнаружена почти у самой насыпи.³ Раскопки могилы велись в двух направлениях, которые диктовались условиями строительных работ: дромос расчищался туннелем, начиная от прилегавшей к плите части, камера раскапывалась сверху. В результате произведенной работы были исследованы погребальная камера и примыкавшая к ней с востока часть дромоса до закладной плиты, остальная же (наружная) часть дромоса оказалась недоступной обследованию, так как по ней проходила дорога строительства.

Закладная известняковая плита, стоявшая с наклоном на восток, имеет высоту 1.72 м,

ширину 1.16 м, толщину 0.12 м. Дромос ориентирован с востока на запад: длина его от плиты до камеры равняется 2.20 м, ширина 0.90 м, высота 1.10 м. Пол дромоса имеет небольшой наклон к западу, понижаясь на 0.23 м. В дромосе было найдено несколько фрагментов простой посуды. Расположенная на запад от дромоса камера имеет в плане фигуру, близкую к трапеции. Длина стен камеры: северной 2.00 м, южной 2.10 м, восточной 3.15 м, западной 3.30 м. Уровень пола камеры на 0.20 м ниже уровня прилегающей к ней части дромоса. Глубина могилы 1.85 м от уровня, с которого велись раскопки.

Мои́ла была уже в прежние годы разграблена через большую „мину“, шедшую сверху, разорившую значительную часть камеры и сильно повредившую западную стенку. „Мина“ была заполнена заплывшей полевой землей с большим количеством включений рушевого материка; в ней было найдено на глубине 1.35 м от поверхности, с которой начаты раскопки, несколько фрагментов простой посуды, один обломок края плоской черепицы и несколько обломков костей. На той же глубине, в части „мины“, разрушившей материковый грунт к западу от камеры, обнаружен фрагмент верхней части одноручного кувшинчика из бесцветного стекла. На 0.25 м ниже, на расстоянии 5.32—5.74 м к западу от закладной плиты, найдены две трубчатые кости голени, фрагментированный лакримарий прозрачного стекла, обломки узкой изогнутой бронзовой пластины и следы пятна истлевшего дерева.

В остальных частях выемки обнаружено было лишь несколько фрагментов простых сосудов: среди них часть шейки узкогорлой амфоры, а также фрагмент края стеклянного сосуда и обломок бронзового предмета. Большая часть пола камеры оказалась пустой.

Вдоль восточной стены склепа лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками костяк, обращенный головой на юго-юго-запад; череп был наклонен на правую сторону лицом на север. Ноги лежали накрест (левая на правой), пересекаясь в коленной части. Сохран-

¹ M. Rostowzew. *Skythien und der Bosphorus*, S. 233.

² В 1933 г. глубина выемки была неодинаковой в различных местах, подвергнувшихся исследованию; она колебалась от 2 до 4 м.

³ Указать точное расстояние не было возможно в виду того, что насыпь все время увеличивалась.

Рис. 90. Бронзовый ключ из могилы № 2.

ность костей очень плохая. Около середины лучевых костей левой руки лежали две боспорские медные монеты: 1) Риметалка 131—136 гг. (№ 23) и 2) Савромата II, около 190 г. (№ 24). Под правой голенью лежал железный нож. В ногах находился раздавленный одноручный кувшин из бесцветного стекла.¹ На 0.20 м на запад от черепа костяка лежал другой плохой сохранности череп, в том же

положении, что и первый. Судя по находкам, могила должна быть отнесена к концу II в. н. э.

Мои́ла № 2 находилась под полотном узкоколейной железной дороги, приблизительно в 110 м, на северо-северо-восток от могилы № 1; она была обнаружена землекопками строительства и раскрыта наблюдавшим за земляными работами строительства надсмотрщиком Керченского музея Л. Ф. Демиденко еще до начала работ экспедиции. Последней были произведены дополнительное ее расследование и фиксация.

Мои́ла представляла камеру с дромосом. Работами строительства грунт был скрыт приблизительно на 2 м над могилой, в силу чего сохранилась лишь незначительная часть дромоса и нижняя часть камеры (на высоту 0.60 м). Дромос расположен с северо-восточной стороны камеры. Длина сохранившейся части дромоса была прослежена по пятну² и достигала 6 м. Ширина дромоса при входе в камеру 0.95 м; на расстоянии около 4.50 м от входа он суживается до 0.85 м. Дромос был загорожен известняковой плитой (шир. 1.15 м, толщ. 0.13 м),³ стоявшей несколько наискось. План могильной камеры близок по форме к трапеции. Длина стенок камеры: северо-восточной 2.30 м, юго-западной 2.80 м, юго-восточной 3.20 м, северо-западной 3.05 м. Глубина была, вероятно, около 2.60 м.

В могиле, сильно разграбленной в прежние годы, по словам разбиравшего ее надсмотрщика, было несколько костяков, в том числе детский. По всей камере были разбросаны обломки костей, куски дерева от гробов и гипсовые украшения; в восточной части, по словам Демиденко, найдены куски дерева от шкапулки, железные части ее запора и бронзовый ключ (рис. 90); там же обнаружен кувшин (рис. 91).

¹ Ср. тип А. Kisa (Das Glas im Altertum. Leipzig, 1908, II, 314, Formentafel E 264).

² Раскопать дромос было невозможно из-за земляных работ строительства.

³ Высота плиты не могла быть установлена в виду того, что значительная часть ее была отбита и утрачена до начала работ экспедиции.

При зачистке камеры обнаружены следы грабительской „мины“, находившейся на 2.05—2.40 м от юго-западной стенки и 0.60—1.00 м от северо-восточной. На восток, юго-восток и юг от этих следов „мины“ были обнаружены остатки сильно поврежденного скелета, обращенного головой на северо-восток. Значительной части костей не было на месте. Сохранился череп, лежавший на правой щеке лицом на запад, несколько позвонков и ребер, ключица, часть таза и одна из лучевых костей ноги. Около черепа найден фрагмент золотого листка, около позвонков мелкие обломки листового золота.

В склепе найдены следующие предметы (часть их была получена от Демиденко, часть обнаружена в перекопанной земле, в силу чего установить первоначальное местонахождение не представляется возможным): большое количество различных гипсовых украшений гробов; среди них следует отметить три протомы силенов, три маски львов, украшения круглой формы с умбонами¹ и их фрагменты, а также обломки различных украшений (волюты,

¹ Ср. эти украшения (а равно и гипсовые украшения из могилы № 7) с бронзовыми украшениями дверей, от которых, вероятно, происходят эти гипсы. — Th. Macridy. Un tumulus Macédonien à Langaza. Arch. Jahrb., XXVI (1911), s. 199 sq., fig. 8, 16, 17, 18, 19; s. 195 sq., fig. 4, 5, tab. 5, 6. Протомы силенов ср.: Adolf Greifenhagen. Bronzekline im Pariser Kunsthandel. Röm. Mitt., 45 (1930), S. 156 ff., Taf. 40, Fig. 41, 42.

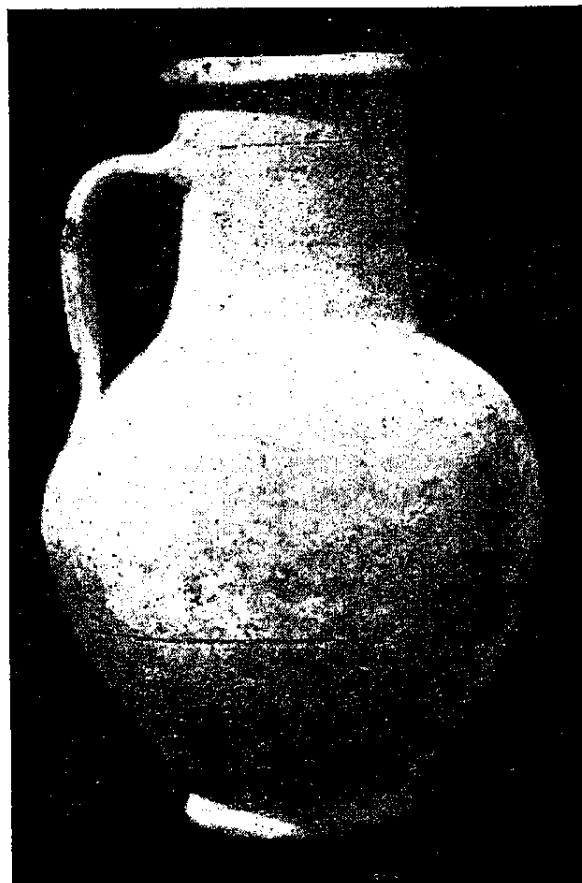

Рис. 91. Кувшин из могилы № 2.

Рис. 92. Бусы из могилы № 2.

растительные орнаменты, шаррики и пр.); небольшой фрагментированный сосуд синего стекла, стеклянный лакримарий и фрагменты сосудов из бесцветного стекла; большое количество бус: черные, среди них — в форме двухлезвийного топора и удлиненные; темные шаровидной формы (рис. 92), цилиндрической и вытянутые сигаровидные; голубоватые реберчатые; синие грушевидные; зеленоватые граненные; янтарные цилиндрической формы и приплюснутые; сердоликовые граненные: мелкие зеленые, синие, голубоватые и др.; несколько подвесок (рис. 93), среди них одна фрагментированная в виде фигурки беса, другая в виде головы беса;¹ две голубые подвески, имеющие форму виноградной кисти; фрагментированная витая палочка из цветного стекла² (рис. 94); уже упоминавшийся простой глиняный кувшин (рис. 91) и фрагменты простых и сероглиняных сосудов; три медные боспорские монеты Рискупорида III (№ 127), вероятно 210—220 гг., Котия II (№ 126), вероятно 123—125 гг., Рискупорида II (№ 128) 68—92 гг. или Савромата I (93—123 гг.); несколько предметов из бронзы и значительное количество обломков последних, среди них два браслета, пряжка, серьги, фибулы, пластины, скрепы, ключ³ (рис. 90) и пр. Далее были найдены: обломки железной пластины и щеколды от запора, также железное кольцо, скрепа, клинок ножа и обломки ножей и гвоздей, фрагменты свинцовой оправы, серебряная серьга и фрагменты серебра, золотая серьга⁴ и кусочки листового золота, щиток перстня с резным камнем (дельфин) и резной камень (птица?) в бронзовой оправе, фрагментированная терракотовая статуэтка — женская фигура (голова не сохранилась); светильник краснолаковый с рельефным изображением канфара на щитке⁵ (рис. 95), костяное пряслице, десять астрагалов и точильный камень. Кроме того были обнаружены обломки яичной скорлупы, череп птицы, а также в значительном количестве отдельные человеческие кости и куски дерева от гроба. Вещи, найденные в могиле № 2, относятся к I—III вв. н. э.

Могила № 3 открыта в 70 м на юго-юго-восток от могилы № 1 при земляных работах строительства, обнаруживших каменный

заклад; почти весь грунт под закладом был скрыт при проведении большой коридорообразной выемки. Обследование выявило земляную колодцеобразную перекрытую плитами могилу (рис. 96). Могильная яма могла быть надлежащим образом прослежена в нижней части, начиная от каменных плит перекрытия.

Могила найдена на глубине 2.63 м от современной поверхности. Размеры дна могильной ямы (по оси) 1.95 м; длина восточного борта 1.85 м, западного 1.95 м, северного 0.36 м, южного 0.46 м. Стенки могилы постепенно расширяются кверху, и могила достигает у подошвы перекрывающих плит (на высоте 0.53 м от дна) следующих размеров: длина (по оси) 2.20 м, ширина в южной части 0.64 м, в северной 0.49 м. Могила была ориентирована с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Каменное перекрытие могилы имело в длину 2.20 м, наибольшая ширина 1.14 м. Оно состояло из трех горизонтально положенных одна возле другой плит неправильной формы и одной плиты (на северо-северо-запад от предшествующих), по форме близкой четырехугольнику, поставленной на ребро, с небольшим наклоном к юго-юго-востоку. Верхняя часть четвертой плиты возвышалась над остальными на 0.18—0.23 м. Толщина плит от 0.14 до 0.21 м. Могильную яму под плитами заполняла рыхлая земля; в ней обнаружены нора и недалеко от нее мелкие кости животного (вероятно, грызуна); кроме того, в могильной земле найдены несколько фрагментов простой посуды, один грубой серой глины, один краснолаковый.

На дне могильной ямы лежал на спине костяк, головой на юго-юго-восток. Череп был расположен почти вертикально, руки вытянуты вдоль туловища (правая немного согнута в локте), вытянутые ноги положены накрест (правая на левой) между щиколоткой и коленом. Сохранность костей очень плохая. Судя по состоянию зубов, костяк принадлежал человеку старческого возраста. Длина костяка 1.48 м, расстояние между плечами 0.35 м. Часть костей была обнаружена не на первоначальном месте: часть фаланг — на уровне более высоком, чем остальные, несколько фаланг — под черепом, один

Рис. 93. Фигурка беса, голова беса и подвеска в виде виноградной кисти — из могилы № 2.

¹ ОАК, 1865, стр. 194—204, табл. VI, № 14.

² ОАК, 1875, стр. 41, табл. II, № 25.

³ Третеский. О древних херсонесских замках и ключах. ИАК, 42, стр. 128 сл., табл. VI.

⁴ Б. Фармаковский. Заметка о времени сосуда, найденного с костяными тессерами. ИАК, 10, стр. 124, рис. 4, стр. 126—127.

⁵ O. Waldhauer. Antike Tonlampen. 1914, Taf. XXXVI, № 350.

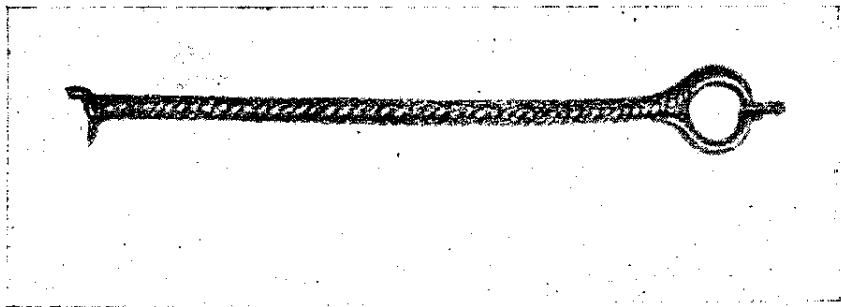

Рис. 94. Стеклопалочка из могилы № 2.

из позвонков лежал против лба. Нужно думать, что эти перемещения—результат деятельности грызуна, нора которого найдена в могиле.

Над костяком около таза найдена массивная бронзовая пряжка (дл. 0.041 м, шир. 0.033 м). В ногах костяка стоял кувшин (рис. 97) из светлой серовато-желтой глины (выс. 0.125 м, диам. устья 0.045 м).

Около черепа обнаружен фрагмент краснолакового сосуда, обломок железного кольца и железной пластинки, а также следы дерева, может быть остатки шкатулки. Там же найден обломок костяной рукоятки, а в юго-восточном углу погребения обломки бронзовой булавы. Около правого плеча найден кусок руды, у лучевых костей правой руки—клинок ножа, разломанный на две части (дл. 0.15 м, шир. 0.023 м). На клинке сохранились следы ткани, повидимому от обшивки ножен. Около локтя левой руки обнаружен фрагмент сосуда из грубой серой глины.

Судя по положению покойника и инвентарю, могила № 3 довольно близка по времени могиле № 1 (конец II в. н. э.).

Могила № 4 обнаружена на расстоянии около 65 м на север от могилы № 1. Она была перерезана земляными работами строительства еще до начала раскопок и имела вид „пещеры“, расположенной на значительной глубине от уровня почвы и обращенной на северо-восток. „Пещера“ представляла юго-западную часть могильной камеры, потолок которой рухнул (поэтому свод „пещеры“ новый). Над северо-восточной частью могилы свод не сохранился, и она имела вид открытой ямы.

Могила была заполнена перерытым рыхлым грунтом. В нем было обнаружено большое количество мелких раковин (устриц), значительное число человеческих костей и их обломков, несколько фрагментов железных гвоздей, куски дерева и пятно красно-коричневого цвета (вероятно, остатки дерева). На земле, прилегавшей к стенкам камеры, обнаружен беловатый налет. Попадались отдельные куски земли с явными остатками белой обмазки, повидимому покрывавшей стенки камеры.

Раскопки выяснили, что „пещера“ представляла второе (юго-западное) помещение двукла-

мерного склепа;¹ первая (северо-восточная) камера очень сильно пострадала, могила же оказалась разграбленной в прежнее время. Длина обеих камер 5.70 м, юго-западной камеры 3.00 м; эта камера имеет не вполне правильную форму: ширина ее в средней части доходит до 2.60 м, суживаясь к краям до 1.90 м. В северо-западной стенке камеры, на высоте 0.51 м от пола последней, обнаружена небольшая ниша длиной 0.50 м, высотой 0.42 м и глубиной 0.22 м; в верхней части ниша постепенно переходит в стенку камеры.² Пол в северо-восточной части камеры довольно сильно поврежден. На полу поперек камеры тянулась полоса крупных и мелких раковин (дл. 2.34 м, шир. 0.68—0.42 м). Над раковинами были остатки дерева от гроба и фрагменты железных предметов.

Пол первой (северо-восточной) камеры был на 0.80 м ниже уровня второй (юго-западной)

¹ Юго-западная, вторая, камера этой могилы по расположению, устройству и уровню пола несколько напоминает лежанку.

² Ниша по форме напоминает нишу склепа сабазистов 1901 г.—М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, табл. ХСVIII.

Рис. 95. Светильник из могилы № 2.

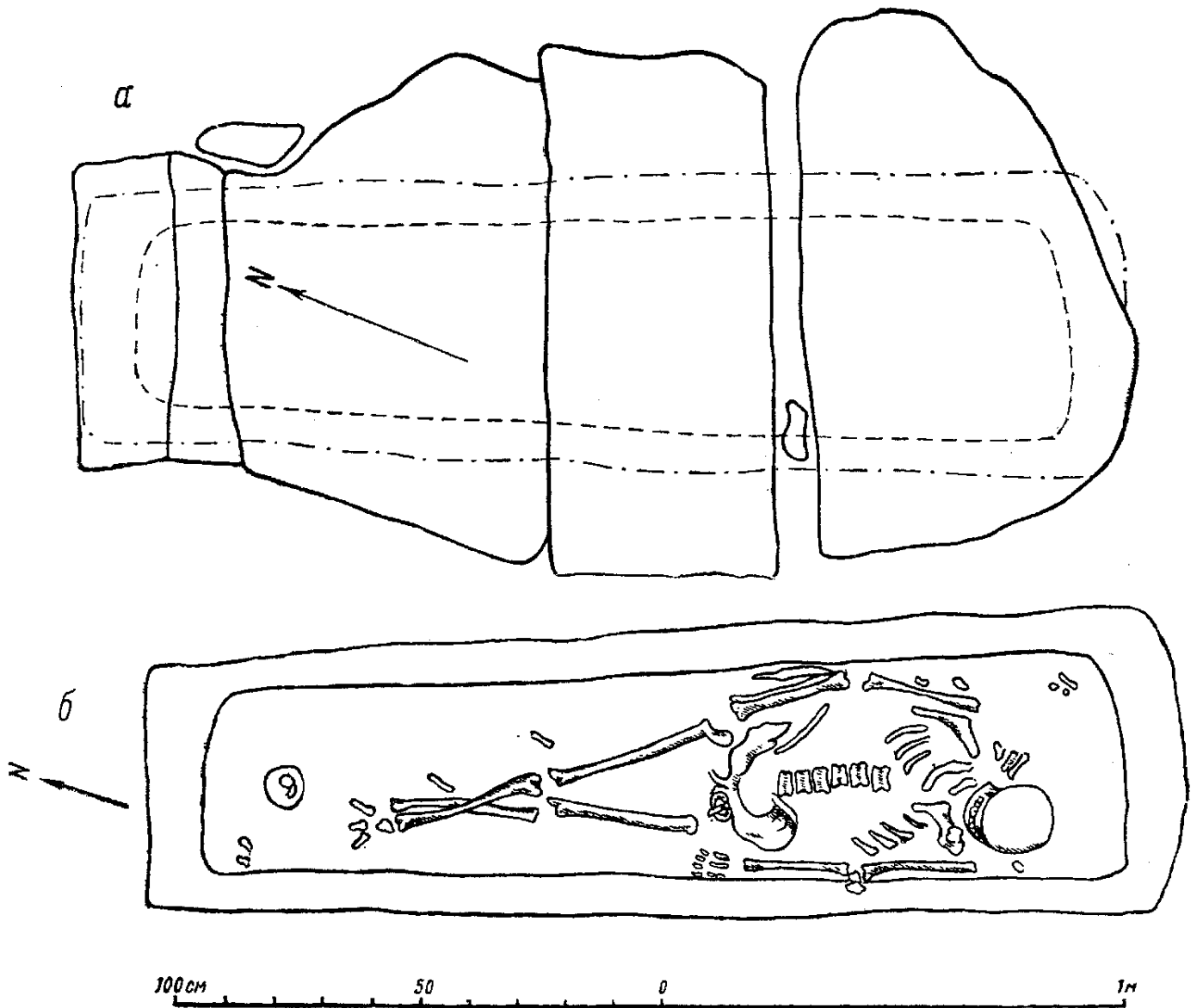

Рис. 96. План могилы № 2.

камеры и находился на глубине 5.80 м от уровня почвы. Расстояние от пола до современного „свода пещеры“ 2.40 м. Вдоль северо-западного и юго-восточного бортов первой камеры шли лежанки, от которых сохранились лишь незначительные части, прилегающие к южному и западному углам. Пол широкого пространства между ними имел в плане трапецию. Длина его 2.70 м, ширина по северо-восточному борту 1.38 м, по юго-западному 1.83 м. Лежанки возвышались над полом на 0.95 м. Ширина северо-западной лежанки 0.50 м, а юго-восточной 0.45 м (по линии юго-восточного борта). Лежанка и примыкающая к ней часть пола камеры покрыты слоем раковин.

Посредине северо-восточной стенки обнаружили признаки дромоса. Ширина дромоса 1.00 м, пол его был на 0.20 м выше пола пространства между лежанками. Сохранилась лишь нижняя часть дромоса (на 0.50 м высоты). Проследить дромос не было возможности, так как над ним проходит насыпь.

В юго-западной части северо-западной лежанки найдено глиняное пряслице. На полу близ лежанки обнаружены два фрагмента бронзовых фибул, фрагмент простого реберчатого сосуда и фрагмент сосуда из прозрачного (бесцветного) стекла.

Могилы № 5 обнаружена в 10 м на северо-северо-запад от могилы № 4. Она представляет земляной склеп с рухнувшим потолком и имеет вид „пещеры“, начинавшейся на глубине 2.30 м от поверхности почвы.

После зачистки выяснилась форма склепа (рис. 98), состоявшего из двух камер: северо-восточной, имевшей в плане трапециевидную форму, и юго-западной¹ неправильной формы, близкой к кругу или многоугольнику. Обе камеры соединяет проход шириной 0.90 м. Уровень пола юго-западной камеры на 0.70 м выше пола северо-восточной камеры. Размеры северо-западной камеры: протяжение с северо-запада

¹ Юго-западная камера могилы № 5, подобно такой же камере могилы № 4, несколько напоминает лежанку.

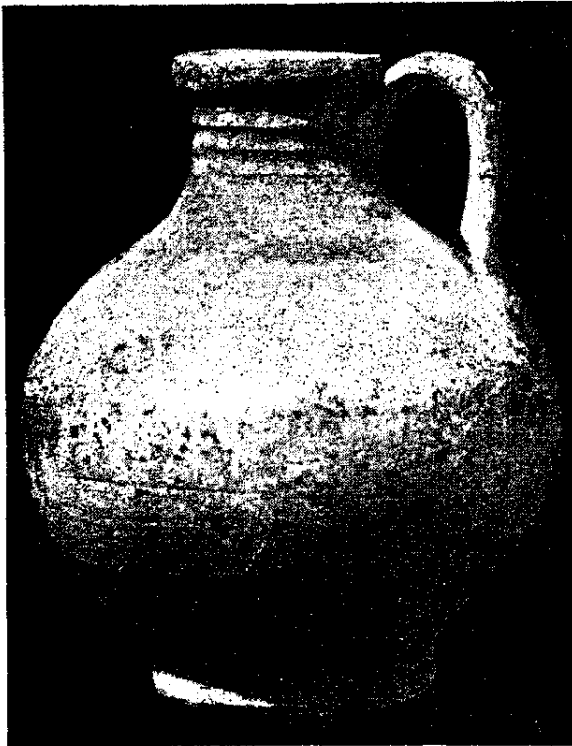

Рис. 97. Кувшин из могилы № 3.

на юго-восток около 2.50 м, с северо-востока на юго-запад (включая проход в северо-восточную камеру, до уступа) около 2.60 м. Стенки юго-западной камеры, отвесные в нижней части, чуть вогнуты в верхней; высота потолка (современного) достигает 2.30 м.

Вся поверхность пола в юго-западной камере покрыта слоем раковин, на котором были заметны следы дерева. Около этого пятна найдено несколько кусков дерева и железных гвоздей, также небольшие обломки костей. Аналогичные находки обнаружены вдоль юго-восточной стенки камеры. Помимо этих незначительных остатков погребения в юго-западной камере, в части, прилегающей к проходу, найдены две бусы из темной пасты „с глазками“, три бусы продолговатые, темные, фрагменты сосудов прозрачного стекла, обломки бронзовых предметов и кусочек листового золота.

В проходе между юго-западной и северо-восточной камерами найдены обломки жевых костей и зуб. Проход находится на уровне юго-западной камеры. Ширина его (в узкой части) 0.90 м. Проход постепенно расширяется к северо-востоку, достигая 1.60 м, и заканчивается уступом шириной в среднем 0.15 м и на 0.25 м ниже уровня северо-восточной камеры.

Юго-восточная камера близка по форме к трапеции; длина ее стенок: юго-западной 4.25 м, северо-восточной 3.65 м, северо-западной 2.46 м, юго-восточной 2.45 м. Длина камеры с северо-востока на юго-запад 2.65 м.

Вдоль юго-восточной и северо-западной стенок устроены две лежанки, уровень которых немного ниже пола юго-западной камеры.

Борта обеих лежанок (особенно юго-восточной) крутые, но не отвесные. Юго-восточная лежанка уже северо-западной.

Глубина пола северо-восточной камеры от поверхности почвы 5.28 м. Стенки северо-восточной камеры сохранились в высоту на 1.50—1.75 м от уровня пола. До 1.00—1.20 м они вертикально поднимаются, а выше начинают постепенно переходить в свод.

Сохранившиеся на лежанках остатки захоронений так же ничтожны, как и в юго-западной камере. На покрытой раковинами юго-восточной лежанке сохранились следы разрушившегося дерева, вероятно, трех досок, лежавших вдоль лежанки; около них обнаружено несколько обломков железных гвоздей. В юго-западной части лежанки найдены обломки черепной коробки, несколько зубов и два фрагмента бронзы.

Северо-западная лежанка имеет с юго-восточной стороны облицовку из довольно правильно обтесанных известняковых плит, шедшую с северо-востока на юго-запад параллельно оси склепа и имевшую в длину 2.68 м. Северо-западная лежанка сплошь покрыта слоем раковин. Над раковинами около середины северо-западного борта найдено несколько костей животных; на юго-юго-восток от них около облицовки борта выявились два пятна следов дерева; в одном из них обнаружен пучок „сварившихся“ трехлопастных черешковых железных наконечников стрел с обломками древков. Около следов дерева найдены обломки кости и фрагмент дна стеклянного сосуда. Средняя часть северо-восточной камеры представляет широкий коридор, обрамленный с северо-запада и юго-востока крутыми бортами лежанок, с юго-запада и северо-востока отвесными стенками; в юго-западной стенке проход с уступом в верхней части борта в юго-западную камеру, в северо-восточной вход в дромос.

Зачистка обнаружила в середине коридора очень большое пятно остатков дерева; в пределах пятна и около него найдено несколько фрагментов железных гвоздей; на юго-запад от пятна найдены берцовая кость и фрагменты стеклянного сосуда, а на юг обнаружено другое пятно меньших размеров. Под большим пятном дерева (и отчасти на восток за его пределами) обнаружен плохо сохранившийся, лежавший в беспорядке костяк. По расположению оставшихся непо потревоженными костей ног (берцовой правой ноги и лучевых обеих ног) можно предполагать, что скелет лежал ногами на северо-восток-восток, а головой на юго-запад-запад.

В юго-западной части коридора (около середины юго-западного борта) обнаружены обломки черепа, может быть принадлежавшие костяку и сдвинутые к юго-востоку. На запад от них у уступа юго-западного борта найдено еще несколько обломков черепа (может быть, от того же, что и первые) и два фрагмента

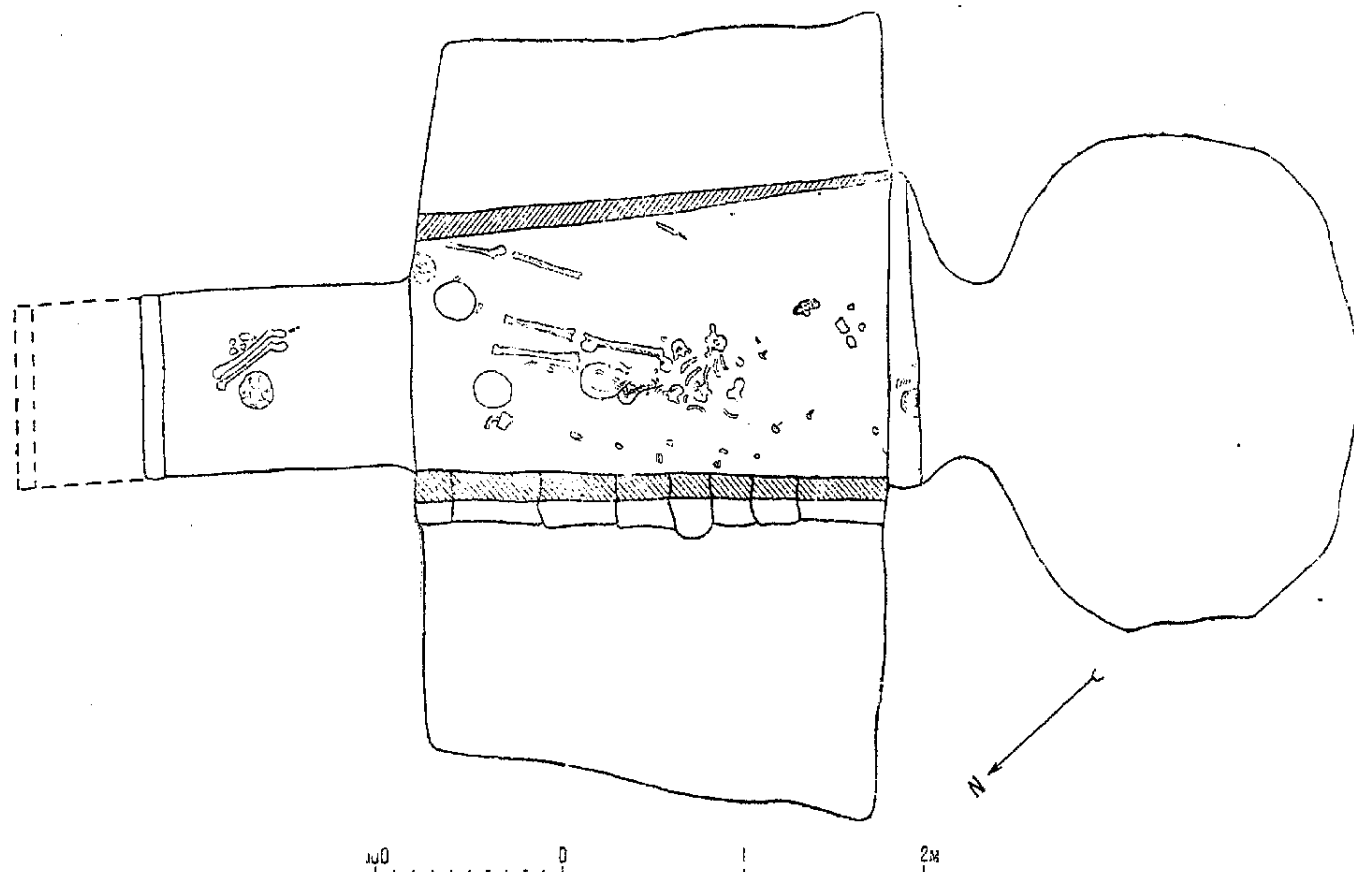

Рис. 98. План могилы № 5.

железных наконечников стрел. Близ восточного угла коридора обнаружен плохо сохранившийся череп, на восток от него (в самом углу) найдены ничтожные остатки костей, а недалеко от черепа вдоль юго-западного борта лежали две совершенно истлевшие трубчатые кости.

Помимо остатков костяков в коридоре были найдены следующие предметы: в юго-западной части несколько трехлопастных наконечников стрел и их фрагментов, круглая бронзовая пластинка, вероятно от ларца, и фрагменты стекла; ближе к позвонкам лежали бронзовая пряжка с небольшой овальной обоймой для ремня и пластинкой у корня язычка, обломок серебряного предмета (?) и несколько железных гвоздей и их фрагментов. Около ребер и позвонков найдены трехлопастный железный наконечник стрелы (дл. 0.059 м), бронзовая пряжка с овальной обоймой и пластинкой у корня язычка. На юго-восток от позвонков обнаружена сильно изъеденная окисью медная монета (№ 244), повидимому пантикапейская, автономная. Вдоль юго-восточного борта лежали железный нож, мелкие обломки серебряного предмета (?) и бронзовая пряжка с овальной обоймой и двойной листообразной пластинкой у корня язычка.

На северо-запад от берцовой кости скелета найдены: фрагмент края открытого сосуда из прозрачного стекла, украшенного зеленовато-синим глазком, бронзовая фибула, две бронзовые пряжки, одна с овальной, другая с вось-

меркообразной обоймой,¹ и медная монета Р.с-купорида VII 621 г. боспорской эры — 324/5 гг. н. э. (№ 245).

На северо-запад от лучевых костей обнаружены серебряная ложечка с колечком на конце (дл. 0.105 м) (рис. 99), фрагмент бронзовой ложечки и фрагментированный неполностью сохранившийся одноручный кувшин из коричнево-серой глины с украшением на верхней части ручки (выс. 0.16 м) (рис. 100). Около черепа в южном углу лежали два обломка железных наконечников стрел и фрагментированный нож.

Помимо упомянутых предметов, около костяка были найдены еще несколько незначительных обломков железа, бронзы и листового золота, а также куски шлака и, наконец, 13 бус четырех типов: а) округлая из темносиней пасты с белыми и красноватыми жилками; б) фрагмент бусы спиралевидной формы, из темной пасты; в) три бусы цилиндрической формы из зеленого стекла и г) восемь бус темного цвета цилиндрической формы.

В северо-восточной стенке камеры находится вход в дромос; пол его на 0.20 м выше уровня коридора. Ширина дромоса на уровне пола около 1.00 м (т. е. почти ширина коридора); в верхней части он суживается: ширина на

¹ Первую пряжку ср.: P. Ra u. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrovsk, 1926, SS. 73—74, Fig. 68 B. Для второй пряжки аналогия там же, рис. 68 С.

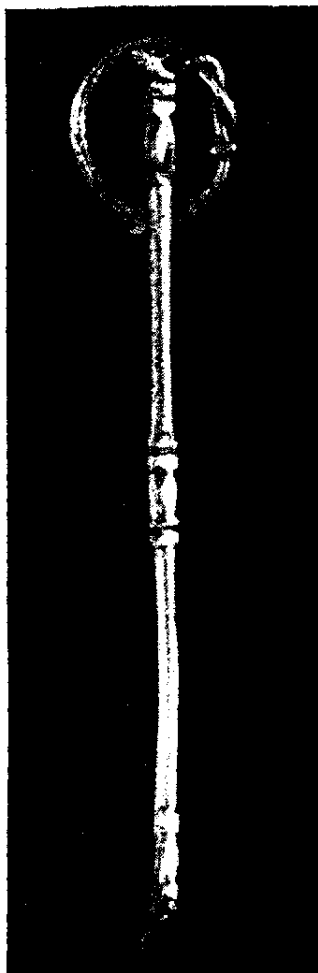

Рис. 99. Серебряная ложка из могилы № 5.

высоте 1.00 м равняется 0.85 м, выше переходит в коробовый свод. Высота дромоса 1.30 м; в длину он сохранился примерно на 2.00 м. На стенках дромоса обнаружены следы обмазки.

Дромос закрывала плита, верхняя часть которой выступала еще до начала работ. Размеры плиты: выс. 1.23 м, шир. 0.97 м, толщ. 0.10 м. Плита стояла с сильным наклоном на северо-восток. В дромосе найдено несколько фрагментов простой керамики. Средняя часть дромоса была завалена камнями, под которыми лежал череп; рядом с ним обнаружены две трубчатые кости, фрагменты большой краснолаковой чашки, большое пряслице из алебаstra диам. 0.043 м, бронзовая пряжка и обломки бронзовых и железных предметов.

Часть дромоса, расположенная к северо-востоку от плиты, не сохранилась.

Судя по находкам, могила № 5 должна быть отнесена к III—IV вв. н. э.

Могила № 6 обнаружена в 43 м к востоку от могилы № 4. В могиле совершенно не сохранились стенки камеры, от пола осталась небольшая площадь неправильной формы. Наибольшая длина с севера на юг около 2.30 м и с востока на запад около 1.80 м. Уровень пола камеры приблизительно на 3.50 м ниже современной поверхности почвы. Пол был выстлан раковинами, земля над ним перерыта.

На северо-востоко-восток от остатков камеры сохранились в обрезах грунта остатки дромоса. В указанном направлении в 4.90 м от пятна пола начинался круто поднимающийся обрез грунта (высота его 1.75 м, длина ската 2.20 м), на котором было заметно пятно дромоса шириной около 1.00 м, сохранившегося на 0.40 м вниз от гребня обреза. Далее в направлении на северо-востоко-восток в 7.80 м от первого обреза находился второй отвесный обрез, на котором было видно пятно дромоса, имевшее ширину 1.10 м и глубину 1.40 м. Таким образом выяснилось, что дромос тянется более чем на 14 м, имея довольно значительную глубину (1.40 м) в самой отдаленной от камеры части.

В перекопанной земле склепа были найдены: фрагменты сосудов бесцветного стекла; две бусы — продолговатая цилиндрическая зеленого стекла и граневая синего стекла, а также фрагмент третьей бусы, светлой, круглой; фрагменты простой посуды (среди них два обкатанных морем, вероятно, попавшие в могилу вместе с раковинами), фрагмент края сосуда серовато-коричневой глины и фрагмент сосуда из грубой серо-коричневой глины; золотая индикация; фрагменты бронзовых предметов (семь); фрагмент клинка железного ножа; фрагменты железных гвоздей. Рабочими строительства был сдан экспедиции найденный ими около этого склепа простой сосуд из серовато-коричневой глины, высотой 0.073 м (рис. 101).

Могила № 7 обнаружена в 3.00 м на юго-восток от могилы № 2. Пятно более темного и рыхлого, чем окружающий материк, могильного грунта можно было проследить по откосу; намечался дромос и юго-восточный угол борта камеры, которые сохранились на довольно значительном протяжении вверх, вплоть до перехода их в округлый свод (рис. 102). Расследование могилы производилось одновременно в двух частях: раскапывались дромос и камера. Грунт над дромосом на площади выше откоса был снят во время земляных работ строительства на 0.55 м. Обследование наружной части дромоса установило, что он сохранился на 5.20 м в длину от входа до закладной плиты.

Рис. 100. Кувшин из могилы № 5.

Дромос вначале имеет 1.20—1.25 м в ширину и довольно круто падает вниз. Далее дромос идет горизонтально, постепенно расширяясь (у закладной плиты ширина 1.75 м). Находок в земле, заполнявшей дромос, было очень мало: несколько фрагментов простой посуды, обломки гипсовой маски Медузы со следами голубой краски¹ и гипсовая фигурка птицы. Закладная плита из плотного песчаника (выс. 1.75 м, шир. 1.10 м, толщ. 0.15 м) стояла в 0.20 м от южной и 0.45 м от северной стенки дромоса. Верх плиты на 0.10 м наклонен на северо-западо-запад. Расстояние верхней части плиты от первоначального уровня поверхности почвы 0.80 м. С наружной стороны закладная плита подперта плитой неправильной формы (рис. 103).

Глубина дромоса за закладной плитой (считая от входа) та же, что и перед ней, — 2.55 м. В юго-восточной стенке дромоса около камеры находилась небольшая ниша (шир. 0.30 м, глуб. 0.15 м, выс. 0.25 м; ниша расположена на 0.45 м выше пола дромоса). В северо-восточном углу дромоса около закладной плиты было обнаружено несколько не очень больших камней. Пол дромоса выше пола камеры на 0.30 м (переход имел вид ступеньки).

Четырехугольная в плане камера имеет следующие размеры: длина северо-восточной стены 2.82 м, юго-западной 2.82 м, северо-западной 3.85 м, юго-восточной 3.65 м; глубина пола от поверхности почвы 2.95 м. Судя по восточному углу камеры, стенки последней вертикально поднимались до 1.20 м; выше на-

¹ Обломок той же маски был найден в камере могилы в пределах гроба № 2 у юго-западного борта. Маску эту ср.: Древности Босфора Киммерийского, табл. LXXV.

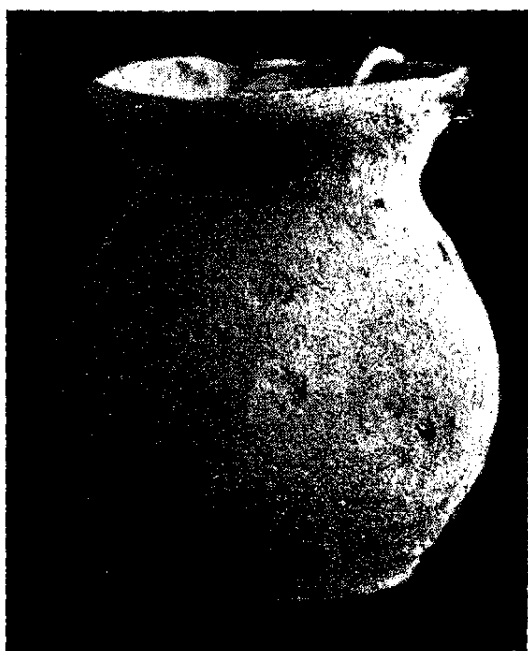

Рис. 101. Сосуд, найденный близ могилы № 6.

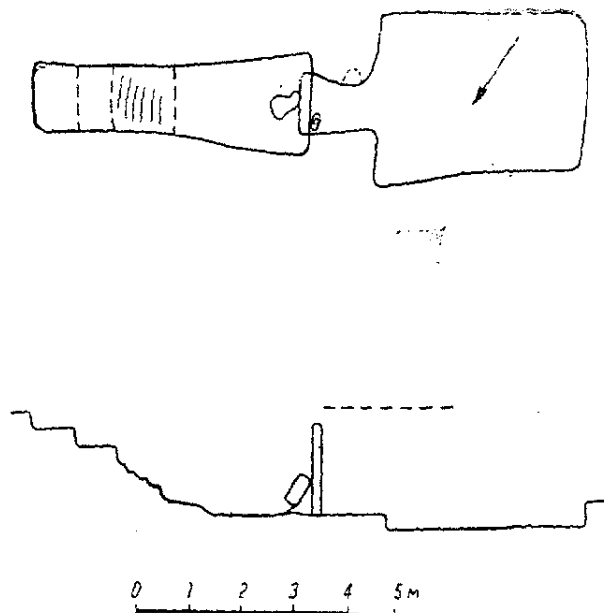

Рис. 102. План и разрез могилы № 7.

чиналась криватура свода, причем на высоте 1.60 м отклонение от вертикали достигло 0.15 м.

В камере обнаружены остатки четырех истлевших деревянных гробов. Первый гроб небольшой, сохранившийся лучше других, наполовину помещался в камере, наполовину уходил в дромос и был расположен с сильным наклоном (в сторону камеры). Ширина гроба 0.40 м, длина не менее 1.50 м. Второй гроб сохранился хуже; четко были видны две группы сдвинутых досок. Гроб стоял вдоль юго-западной стенки, примыкая к западному углу. Судя по остаткам досок, длина гроба была около 2.15 м, ширина около 1.00 м. Остатки третьего гроба были беспорядочно расположены вдоль юго-западной стенки на пространстве около 3.15 м в длину и 1.10 м в ширину. Установить размеры гроба не было возможно. Четвертый гроб стоял вдоль северной стенки. Ничтожная сохранность его не дает возможности установить размеры; остатки прослеживаются на 2.00 м в длину и 1.00 м в ширину. В первом (детском) гробу костяк почти не сохранился; в остатках остальных гробов костяки более или менее хорошо сохранились, причем в четвертом гробу, кроме скелета, найдены два черепа.

Ниже уровня остатков гробов на полу камеры, покрытом раковинами (с примесью гальки и обкатанных черепков), лежали остатки костяков взрослых покойников, три в средней части могилы, четвертый около северо-восточной стенки, пятый в западном углу камеры. Наконец по всей камере были разбросаны отдельные кости. Наличие девяти более или менее хорошо сохранившихся тазов скелетов взрослых и одного детского гроба показывает, что похоронено было не менее десяти человек.

Рис. 103. Закладная планка могилы № 7.

Вещественных находок в склепе было много, но лежали они в беспорядке. Около первого гроба были обнаружены бронзовые пряжки и фибулы, обломки железных гвоздей, фрагменты черных бочковидных бус и небольшое количество фрагментированных гипсовых украшений (маска, протома, части больших угловых акротериев, украшения с умбонами), повидимому, не принадлежавших гробу. В дромосе под гробом найдены железные фрагменты (может быть, принадлежавшие наконечнику копья).

В районе первого гроба найдена медная монета (№ 574), очень плохой сохранности, возможно ольвийская, ближайшего после гетского разгрома времени.

Значительно больше находок было в расположении второго гроба. В досках его местами торчали железные гвозди. Среди досок попадались отдельные кости нарушенного плохо сохранившегося скелета, лежавшего головой на юго-восток. Около остатков раздавленного черепа обнаружены золотая серьга из витой проволоки, несколько кусочков листового золота, бронзовая фибула, большое количество бус, подвеска из оникса с бронзовым ушком, подвеска из зеленоватой пасты в виде руки, делающей апотропейческий жест (рис. 104, справа), и пронизь из голубовато-зеленой пасты в виде фигурки лежащего льва (рис. 104, слева).

В средней части гроба найдены золотой перстень,¹ украшенный резным сердоликом с изображением головы в профиль, фрагменты деревянного веретена и бронзовых предметов, а также несколько бус. Там же обнаружен одноручный сосуд из бесцветного стекла (выс. 0.117 м) с разбитым горлом, наполовину наполненный просочившейся сверху водой. Около ног обнаружена терракотовая протома Деметры с белой облицовкой и следами раскраски, а также большое количество гипсовых украшений.² Некоторые из этих украшений были найдены и в других частях гроба. Украшения представляли кружки с умбонами, небольшие протомы, две фигурки эротов на дельфинах,³ маленький угловой акротерий, облицовку точеных ножек, фигурку птички и фрагменты растительных и других орнаментов.

Найденные в различных местах гроба бусы принадлежали разным типам (цилиндробразные бронзовые, голубовато-зеленые реберчатые, черные цилиндрические, черные в виде двухлезвийного топора, черная цилиндрическая малая, черная округлая, округлая янтарная, округлая сердоликовая, кольцеобразная зеленого стекла, бочкообразная темнозеленого стекла и т. д. Среди других находок отметим два лакримария из прозрачного стекла (в юго-западном углу) и бронзовую ложечку. Под досками средней части гроба найдено краснолаковое блюдо.⁴ Между юго-западной стенкой камеры и вторым гробом обнаружены раздавленный стеклянный сосуд, серебряный перстень и медная монета, не поддающаяся определению. Около костей, сброшенных в западный угол камеры, вещей найдено не было.

¹ Ср.: L. P o l l a k. Klassisch-antike Goldschmiedearbeiten im Besitze von Nelidow. Leipzig, 1903, SS. 153—154, Tab. XVIII, Nr. 445, 448.

² Эти гипсовые украшения, а равно и гипсовые украшения из других частей могилы ср.: E. M i n n s. Scythians and Greeks, pp. 272—273.

³ ОАК, 1864, стр. 203—230, табл. VI, № 4.

⁴ Ср.: T. K n i p o w i t s c h. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia. Frankfurt a/M., 1929, S. 38, Taf. V, 3.

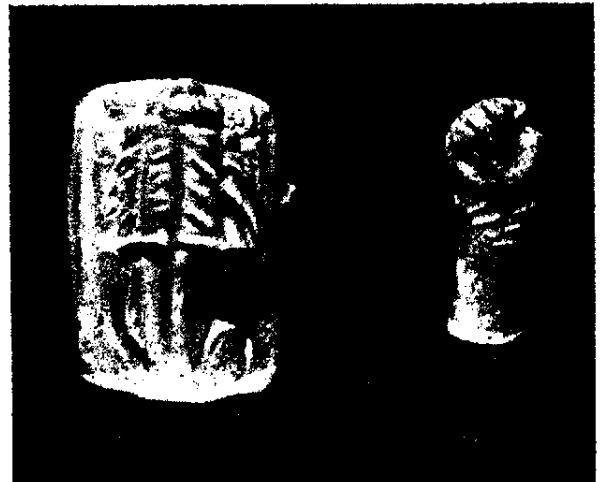

Рис. 104. Подвески из пасты из могилы № 7

Хуже сохранились остатки третьего гроба, состоявшие из двух грубых досок: одна около юго-восточной стенки (доски до 1.90 м в длину) и другая на северо-восток от последних (обломки дерева в 0.15—0.45 м). Расположение костей беспорядочное; большая часть позвонков, ребер и трубчатых костей сдвинута к юго-восточной стенке, а череп и таз лежали вместе с северо-восточной группой. Сохранность костей плохая.

Около северо-восточной группы досок были найдены: фрагменты стеклянных сосудов, бронзовые подвески в виде головы быка, гермы и человеческой фигурки, бронзовая фибула и фрагменты украшений из бронзы. Там же обнаружены фрагменты железного клинка и других предметов из железа, а также две медные монеты: первая (№ 585) — боспорская, Аспурга или Рискупорида I (30-е годы н. э.), вторая (№ 586) — тоже боспорская, Котия I (45—54 гг. н. э.). Кроме того найдено значительное количество бус: из голубовато-зеленой пасты — реберчатые и цилиндрические; черные в виде двулезвийного топора, бочковидные и с прямыми гранями; зеленая бочкообразная; янтарные округлые; темнолиловая чечевицеобразная; бочковидная и округлая из сердолика; граненая из зеленого стекла; фигурная из бесцветного стекла с позолотой и др.

Около досок, лежащих вдоль юго-восточной стенки, найдены три лакримария из прозрачного стекла и фрагменты других стеклянных сосудов, бронзовый браслет, фрагменты бронзовых украшений, фрагмент костяного пряслица и остатки румян. Там же найдена медная монета (№ 587) города Кесарии конца I в. до н. э. и несколько бус, в основном таких же, как и вышеперечисленные.

На всем протяжении третьего гроба найдено большое количество гипсовых украшений и фрагментов их, а именно: кружки с умбонами, маленький акротерий, обломки фигурок мальчиков,¹ обломки маски Медузы и трагической маски, профилированные облицовки баз. В юго-западном углу найдена пронизь из зеленого и белого стекла, украшенная инкрустацией, изображающей лицо (рис. 105).

Сохранность погребения в четвертом гробу несколько лучше, чем в других, хотя и его доски сильно истлели. Гроб, повидимому, был раздавлен землей. На крышке сохранились остатки ветвей кипариса; выстланное морской травой дно отстояло от крышки в среднем на 0.13 м. Почти совершенно истлевший костяк лежал головой на юго-

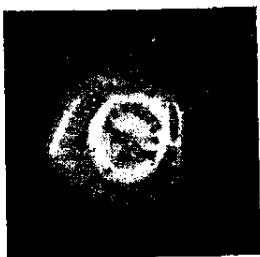

Рис. 105. Стеклянная пронизь из могилы № 7

Рис. 106. Угловой гипсовый акротерий из могилы № 7.

запад, ногами на северо-восток (лучше других костей сохранились череп, позвоночник, таз и берцовые кости). Под ногами лежали лавровые листья. Помимо костяка в гробу были два черепа (около левого бедра и в ногах), кроме того попадались беспорядочно расположенные отдельные кости. Под черепами найдены остатки плетенки с бронзовым зеркалом¹ и кольцом. Рядом обнаружены фрагментированные простые кувшины, а также бронзовая фибула и несколько фрагментов стеклянных сосудов. Около туловища найдены бронзовая пряжка, пронизь из горного хрусталя с резным изображением Перуна и обломки точеного дерева. Среди костей таза и рядом с ними обнаружены следы разрушенной деревянной шкатулки (с железными частями), железный нож, бронзовая пряжка, обломки бронзы и гредкий орех.² Около ног

¹ Ср.: P. Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit an der Untern Wolga. Pokrovsk, 1927, 9—10, SS. 53—55, Fig. 1 A, 83 A, 85 C; S. 92, Fig. 90. — P. Rau. Prähistorische Ausgrabungen auf d. Steppenseite d. Deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926, SS. 24—25, 29—30, 35, 73—74, Fig. 13 A, 22 B, 68 B, C.

² Ср.: В. В. Шкорпил. ИАК, 47, стр. 52, могила № 28; ср. деревянную пиксиду (стр. 53, рис. 5).

¹ Ср.: В. В. Шкорпил. ИАК, 47, стр. 24, могила № 61 (8), рис. 16.

Рис. 107. Гипсовый акротерий из могилы № 7.

фрагмент бронзовых фибул и других предметов, фрагментированный стеклянный лакримарий, золотой перстень, украшенный резным сердоликом (с гностическим изображением), бронзовый перстень (надетый на фалангу, остальных костей руки рядом не было) и медная боспорская монета Фарсанза 253 г. н. э. (№ 590). Кроме того в районе четвертого гроба найдено значительное количество бус, преимущественно около лакримария (янтарные округлые; округлая стеклянная позолоченная, черные граненая, бочковидная, округлые, зеленого стекла округлая, зеленовато-голубоватой пасты цилиндрическая, белого стекла цилиндрическая; сердоликовые, сферическая и округлая). Значительная часть янтарных бус найдена около черепа. Наконец, там же найдено большое количество гипсовых украшений, по большей части в сильно поврежденном виде. Обнаружены круглые украшения с умбонами, фигурки птичек, небольшой акротерий маски Медузы и трагические протомы, четыре фрагментированных ажурных угловых акротерия¹ высотой 0.25 м (рис. 106 и 107), два больших ажурных (плоских) коньковых акротерия и большое количество обломков.

Ниже залегания гробов на полу камеры обнаружены остатки следующих костяков. Сильно истлевший костяк лежал вдоль северо-восточной стенки камеры головой на северо-запад. Череп раздавлен, с трудом прослежены позвонки, таз, часть трубчатых костей рук и

ног. Около черепа следы истлевшей камки и дерева; там же найдены медная боспорская монета Рискупорида V, около 250 г. н. э. (№ 589), два целых¹ и два фрагментированных стеклянных лакримария, пряслице из синего стекла, украшенное белой спиралью, краснолаковый светильник и значительное количество гипсовых украшений, залегавших под этими находками и частично на их уровне и, очевидно, относящихся к четвертому гробу. Около таза обнаружены бронзовые игла и пластинка, а около ног лежали обломки металлических предметов, а также лопатка ключицы и нижняя челюсть (повидимому не принадлежащие описанному костяку). Посредине камеры на полу обнаружены три костяка, обращенные ногами на юго-запад. От одного из них (под краем четвертого гроба) сохранились лишь часть позвонков, таз и кости ног; около этого костяка найдены стеклянное пряслице и фрагменты стеклянных сосудов. На юго-восток от указанного костяка лежали два других, так близко один от другого, что восточный налегал на западный. От западного сохранились верхние части берцовых костей, таз, часть позвонков и костей рук. Череп был сдвинут к востоку. Часть фаланг находилась у таза, другая часть была разбросана (с последними было бронзовое кольцо, с первыми — нож). Восточный костяк сохранился частично. На лучевых костях правой руки был найден бронзовый браслет; около таза лежала бронзовая пряжка. На восток от костяка обнаружены поясной набор с остатками ремня и медная боспорская монета Савромата I, вероятно около 117 г. н. э. (№ 588). На северо-восток от западного костяка почти рядом с ним лежал таз; других костей, относящихся к этому скелету, поблизости не было.

Судя по находкам, могила № 7 относится к I—III вв. н. э.

Могила № 8 обнаружена в 4 м на восток (с отклонением на северо-восток) от закладной плиты могилы № 1. При земляных работах строительства были найдены остатки дерева, фрагменты железных гвоздей и ножа, две бронзовые пряжки,² золотой листок. Произведенными раскопками были исследованы могильная камера и прилегающая к ней часть дромоса (весь дромос не был доступен, в связи с работами строительства). Выяснилось, что камера имеет форму неправильного четырехугольника, стороны которого были ориентированы по странам света. Длина их: восточная 2.75 м; южная 2.40 м; северная сохранилась лишь на 2.10 м (вероятные размеры 2.40 м); западная сохранилась на 0.34 м (вероятные размеры 2.45 м). Глубина пола камеры от уровня грунта, образовавшегося в результате земляных работ, 0.81 м (первоначальная, вероятно, около 3.30 м).

¹ Эти украшения могут быть сопоставлены с акротериями, увенчивающими надгробные памятники римского времени с Боспора. Kieseritzky u. C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland №№ 132, 134, 193, 215, 270, 599—600, 647, 669, 680, 703, 709, 719

¹ Ср.: A. Kisa, op. cit., III, S. 328, Formentafel A, 19.
² P. Rau. Prähistorische Ausgrabungen, SS. 73—74, Fig. 68 B.

Почти посредине восточной стенки камеры (на 1.10—1.95 м от северо-восточного угла) находится выход дромоса, уровень которого на 0.09 м выше пола камеры. Далее дромос постепенно повышается: на расстоянии 1.00 м уровень его на 0.22 м выше камеры. Ширина дромоса у подошвы 0.80 м; постепенно расширяясь кверху, он достигает 1.00 м в ширину на высоте 0.65 м (выше стенки его не сохранились). Направление дромоса с северо-востока на юго-западо-запад. При расчистке дромоса в нем были найдены фрагменты простой серой и грубой посуды.

В склепе было обнаружено семь захоронений. На полу камеры, вдоль южной и северной стенок, лежали в ряд, головами на восток, ногами на запад, шесть плохо сохранившихся костяков; череп первого костяка (у южной стенки) был в 0.62 м от восточной стенки, а череп шестого (у северной стенки) был в 0.54 м от западной стенки.

Сохранившийся лучше других первый костяк лежал на спине с вытянутыми руками и ногами, лицо было обращено на юг. Около черепа найдены фрагмент края стеклянного сосуда, обломки железных гвоздей и медная боспорская монета Фофорса 302—303 гг. н. э. (№ 661). От лежавшего рядом (расстояние между черепами 0.20 м) второго костяка сохранились лишь следы, около которых найдены обломки гвоздей. В головах лежал разбитый сосуд из прозрачного с зеленоватым оттенком стекла. Около туловища и ног две медные монеты (№№ 658—659) очень плохо сохранившиеся: пантикапейская конца III—начала II в. до н. э. и боспорская Фофорса, 290—291 гг. В ногах лежал обломок ножа. Сохранность третьего костяка плохая (между черепами костяков второго и третьего немного более 0.20 м). Кости сдвинуты. У ребер обнаружена боспорская медная монета Рискупорида VI, 323—324 гг. н. э. (№ 660). От четвертого костяка, лежавшего на расстоянии 0.30 м от черепа третьего костяка, сохранились ничтожные остатки костей, рассыпавшиеся от прикосновения кисти. В ногах костяка лежал клинок железного ножа. Лучше сохранился пятый костяк (расстояние от черепа четвертого костяка 0.50 м). Костяки лежали в порядке. Около костяка обнаружены остатки дерева и фрагменты железных гвоздей. У головы найдены одноручный краснолаковый кувшин (рис. 108) вытянутой формы (выс. 0.19 м и диам. устья 0.047) и бронзовый рыболовный крючок. Около таза найдена боспорская медная монета Рискупорида VI, 318—332 гг. н. э. (№ 662). Сохранность шестого костяка плохая (расстояние от черепа пятого костяка 0.36 м). Около костяка найдено несколько бус. В головах лежали два раздавленных простых глиняных кувшина, около таза обнаружена медная боспорская монета Рискупорида VI, 326—327 гг. н. э. (№ 663). На восток от шестого костяка в северо-восточном углу могилы были найдены

Рис. 108. Краснолаковый кувшин из могилы № 8.

две удлиненные биконические черные бусы и лежавший вверх дном глиняный светильник с изображением Эрота на щитке.¹ Рожок светильника закопчен. На высоте около 0.20 м над уровнем пола, над третьим и четвертым костяками, залегали едва заметные остатки седьмого костяка, ориентированного, подобно другим, головой на восток. Около костей найдено много бус (граненая синего стекла, цилиндрическая зеленого стекла, вытянутая зе-

¹ Ср.: O. Waldhauer. Antike Tonlampen. Taf. XLV, № 477.

леного стекла, фигурная желтоватого стекла, округлая зеленого стекла, сферическая бесцветного стекла и др.) и фрагменты сосудов. Около правой руки обнаружены два перстня: бронзовый и золотой с камнем; около черепа найдены золотые листочки.

Находки относятся к III—IV вв. н. э. Наличие при четырех костяках монет первой половины IV в. заставляет считать временем погребения IV в. н. э.

Помимо могил на территории некрополя были обследованы еще два пункта. На расстоянии 46.5 м, на северо-запад от могилы № 7, в грунте была обнаружена глинобитая печь, большая часть которой однако не сохранилась. Печь имеет удлиненную форму (длина около 2 м, ширина не менее 1 м, толщина стенок

0.05—0.18 м), с северо-северо-западной стороны было небрежно вымощенное топочное отверстие, на северо-северо-запад от которого лежала небольшая группа сырцовых кирпичей, подвергавшихся действию огня. Размеры одного из них 0.053×0.46 м $\times$ не менее 0.40 м.

К северу от могилы № 7 обнаружено пятно находившейся там ямы. Раскопки установили, что яма сохранилась наполовину и, повидимому, первоначально имела грушевидную форму. Глубина ямы 1.44 м, наибольшая ширина 1.40 м. В яме найден сильно истлевший череп кабана. Найденные в земле, заполнявшей яму, фрагменты простой посуды и обломки ручки остродонной амфоры позволяют отнести яму к античному времени.

М. М. КОБЫЛИНА

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ ТИРИТАКИ в 1934 г.

Летом 1934 г. работа на некрополе Тиритаки производилась в 4 пунктах: 1) на Красной Горке, 2) на участке юго-западной Красной Горки, за насыпью, 3) на участке, расположенном на северо-восток от Рудопромывочной фабрики, и 4) на участке на северо-запад от Аглофабрики.

РАСКОПКИ НА КРАСНОЙ ГОРКЕ

Красная Горка представляет холмистый спуск к дороге, ведущей из Камыш-буруна на ровную большую площадку-низину у пролива; с востока к этому спуску примыкают раскопки городища Тиритаки.

Внимание экспедиции к этому участку было привлечено ямой, образовавшейся при установке телеграфного столба и являвшейся провалом над камерой склепа. Близ этого места экспедиция обнаружила другой склеп, утративший свою первоначальную форму. Площадь между этими двумя пунктами была разбита на полуквадраты в шахматном порядке (по направлению с юга на север). Раскопки полуквадратов открыли еще четыре склепа, идущие в одном и том же направлении дромосом на восток, параллельно один другому.

Всего на Красной Горке было раскопано пять земляных склепов, представлявших четырехугольные в плане земляные сводчатые камеры со сводчатыми входами, закрытыми обычно большой каменной плитой (планы и разрезы на рис. 109).

К каждой погребальной камере вел узкий длинный спуск — дромос.

Лучше всего сохранились первые два склепа. Свод у всех склепов оказался рушемым; поэтому при раскопке камер удаление заполнявшей их земли производилось сначала через вход в камеру; затем, по выяснении стен камеры, работы велись сверху над рушеной частью потолка камеры.

Все склепы оказались ограбленными в прежнее время; сохранившиеся же остатки погребений большей частью повреждены и перевернуты. Работы пришлось особо форсировать, так как раскапываемый участок быстро засыпался для проведения дороги; поэтому в последних трех склепах не удалось расчистить полностью их

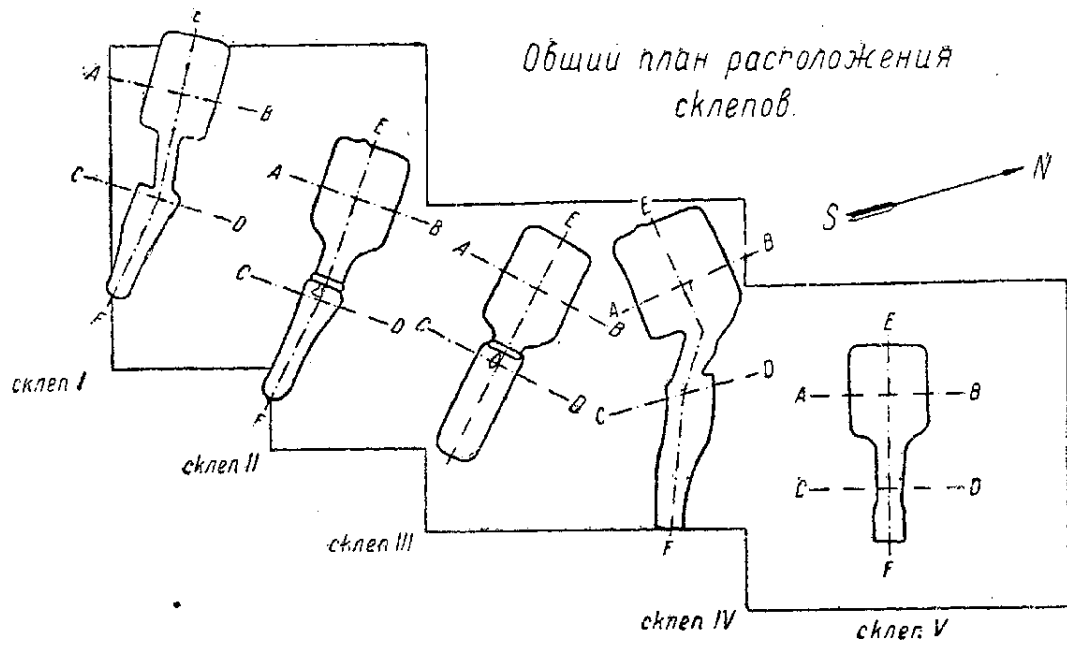
дромосы, представлявшие тот же тип, что и расследованные полностью дромосы первых двух склепов.

Склеп I (могила № 2)¹ оказался ограбленным через дромос. Закрывающая вход плита (толщ. 0.18 м) найдена разбитой на куски. Камера склепа немного вытянута с запада на восток. Глубина пола от поверхности 3.65 м, длина камеры 3.10 м, ширина 2.10 м, высота стен 1.30 м. В углах сохранились очертания свода, по которым можно судить, что вход имел цилиндрический свод. Высота входа 1.30—1.75 м, длина 1.60 м, ширина 0.70—0.85 м. Спуск к склепу идет, постепенно суживаясь вверх, от 1.60 до 0.60 м. Глубина пола дромоса от 3.00 до 1.00 м от поверхности земли. На расстоянии 2.25 м от входа в дромосе идут крутые ступеньки вверх. Над входом в склеп у самой поверхности земли была найдена раздавленная амфора III—IV вв. н. э. При удалении земли, заполнявшей склеп, найдены: сосуд в виде фигуры Деметры, кусочек золотого листика, свидетельствующий о том, что из склепа были унесены золотые украшения, фрагмент гипса, обломки стеклянных сосудов I—II вв. н. э., бронзовая пряжка, бронзовый ключ, бронзовый наконечник стрелы, обломки бронзовых фибул и браслетов, обломки железных ножей, обломки римской краснолаковой посуды I—II вв. н. э., местной посуды — тонкостенной из оранжевой глины с черной обмазкой и толстостенной из грубой черно-серой глины.

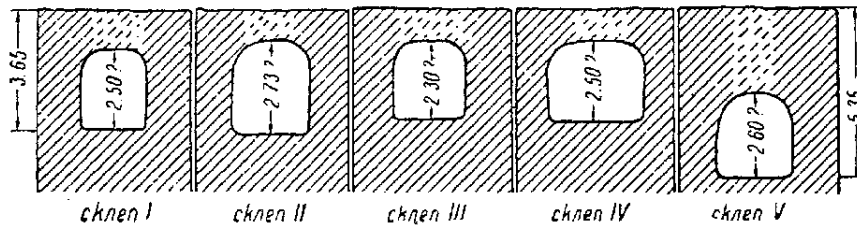
При расчистке спуска к дромосу обнаружен в насыпной земле человеческий костяк, положенный по направлению дромоса, головой на восток. Голова костяка лежала на небольшом камне неправильной формы. Вдоль правой руки костяка вертикально стояла большая плита (дл. 0.63 м, шир. 0.17 м) и неправильной формы камень (дл. 0.25 м, шир. 0.17 м). Вещей при костяке не было найдено.

В камере склепа обнаружены остатки пяти погребений. Вдоль южной и восточной стен сохранились следы деревянного гроба, пере-

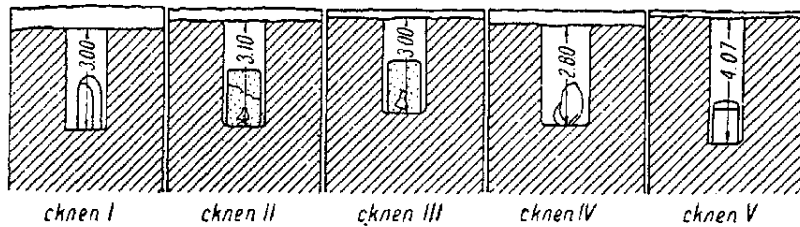
¹ Все погребения, открытые в 1934 г., имеют общую нумерацию. Кроме того пять склепов, расследованных на Красной Горке, также сохранили свою отдельную нумерацию (I—V), параллельную общей.

Сопоставление разрезов по линии A-B

Сопоставление разрезов по линии C-D

Сопоставление разрезов по линии E-F

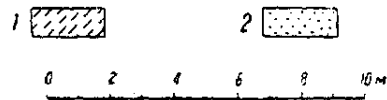
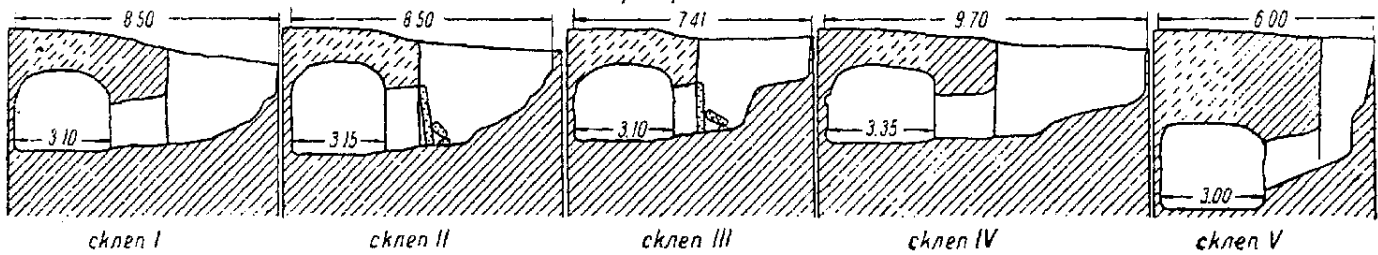

Рис. 109. Планы и разрезы пяти земляных склепов на Красной Горке.

1 — обрушившиеся части перекрытий, 2 — закладные каменные плиты.

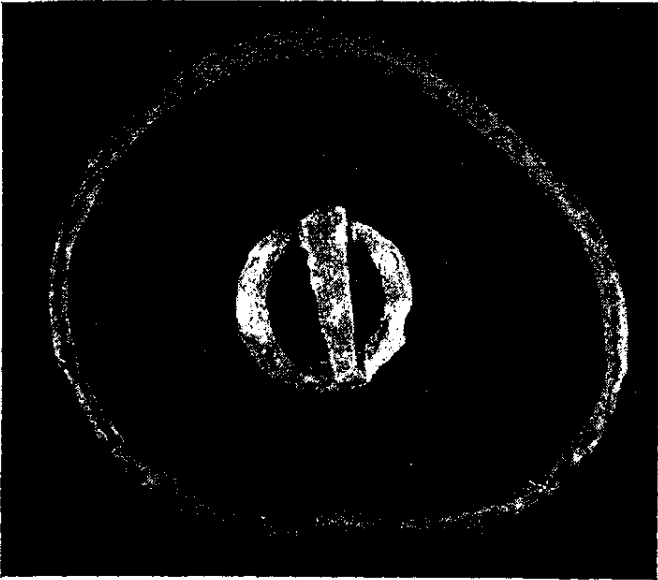

Рис. 110. Браслет и пряжка из склепа I.
($\frac{4}{5}$ в. в.)

вернутые сгнившие доски от него были обнаружены на высоте 0.32 м от пола, на расстоянии 0.60 м от западной и южной стен.

У южной стены на высоте 0.25 м найдено плоское дно большого сосуда из черно-серой глины (диам. 0.15 м); под ним верхняя часть тонкостенного одноручного сосуда с черной обмазкой.

В северо-западном углу на той же высоте от пола оказался небольшой камень-корытце, лежавший отверстием вниз. Вдоль северной стены, на полу камеры, обнаружен мужской поврежденный костяк, лежавший головой на восток.

Находки: на руке бронзовый браслет (рис. 110, у ног 2 стеклянных одноручных сосуда II в. н. э. (один из них разбитый), две круглые бронзовые пряжки (рис. 110), обломок железного ножа, осколок кремня. Под правой рукой лепной одноручный остродонный сосуд (рис. 111), краснолаковая чашка, разбитая, лежащая дном вверх, под ней кости птицы. От погребения вдоль западной стены сохранились: разложившееся дерево, потревоженные кости скелета, бронзовая фибула, бронзовые пряжки, бронзовое кольцо, обломки бронзовых браслетов и железного ножа, разбитый большой одноручный стеклянный сосуд II в. н. э., два стеклянных бальзамария I—II вв. н. э., две боспорские медные монеты Савромата I.

В средней части камеры обнаружены остатки двух погребений — одно ближе к южной стене, головой на восток. При нем оказались: бусы из пасты — шаровидные, цилиндрические, реберчатые, в виде двойного толора, хрустальная шаровидная, граненые из яшмы, стеклянные с золотой фольгой; бронзовая пряжка, обломки бронзовой фибулы, два больших стеклянных разбитых сосуда I в. н. э.,

стеклянный бальзамарий II в. н. э., два точильных камня. У ног сохранились следы раскраски гроба в виде белой, голубой и красной краски; здесь же найдены фрагменты гипса. От другого погребения сохранились следы истлевших костей, железные гвозди, обломок железного ножа и бронзовая фибула. Пол склепа был покрыт морскими раковинами.

На основании находок можно отнести склеп I ко времени I—II вв. н. э.

Склеп II (могила № 5) того же типа, что и первый. Глубина пола камеры от поверхности земли 3.75 м. Высота стен 1.75 м. Длина камеры 3.15 м, ширина 2.69 м. В западной стене на высоте 1.36 м от пола четырехугольной формы ниша (выс. 0.24 м, шир. 0.25 м, глуб. 0.15 м). Грабительская „мина“, проведенная в прежние годы, проходила в камеру через дромос, круто спускаясь вниз и разветвляясь на два хода вдоль северной и южной стен. Плита, закрывавшая вход в склеп, стояла нетронутая. Размеры плиты: выс. 1.75 м, шир. 1.14 м, толщ. 0.17 м. Расстояние до верхней грани плиты от поверхности земли 1.30 м. Верхняя часть входного проема была уничтожена; длина его 1.32 м, ширина 1.00 м.

У входа в склеп, с южной стороны, находится ниша, имеющая вид раскрытой раковины на высоте 0.80 м от пола (шир. 0.30 м, выс. 0.23 м, глуб. 0.12 м). Плиту с внешней

Рис. 111. Остродонный лепной сосуд из склепа I.
($\frac{5}{6}$ в. в.)

Рис. 112. Стекланный сосуд с рельефным орнаментом и бальзамарий из склепа II. (3/5 н. в.)

стороны подпирали два камня неправильной формы, расположенные один на другом. Дромос представляет спуск, шириной от 1.70 до 0.80 м и длиной 4.50 м.

Свод камеры склепа оказался обрушившимся, вероятно вследствие тяжести находившейся над ним группы больших камней, являвшихся, возможно, развалинами постройки, так как многие из них имеют правильно отесанные грани. Склеп был ограблен, повидимому, уже после того как обвалился свод, так как под плотной массой свода в центре камеры и у западной стены были обнаружены погребения, в то время как остальная часть камеры была совершенно разграблена.

При удалении рушеной земли в левой и правой „mine“ были обнаружены однотипные находки: бусы из стеклянной пасты и сердолика, бусы стеклянные с золотой фольгой, обломки стеклянных сосудов I—II вв. н. э., обломки гипсовых украшений гроба, бронзовых фибул, браслетов, колокольчиков, железных предметов, тонкостенного одноручного сосуда с белой обмазкой, фрагменты терракотовой маски, terra sigillata, куски дерева, человеческие кости. Пол склепа был покрыт раковинами. Вдоль стен и в центре камеры на полу стояли деревянные гробы, следы которых сохранились.

В центральной части камеры было три погребения головой к выходу. Среднее погребение — женское. В нем сохранился череп и нижние конечности. От двух других осталась только труха

костей на истлевшем дереве. Два гроба, ближайšie к северной стене, имели гипсовые украшения, внутри были расписаны черной сеткой ромбов по белому и голубому фону. У головы среднего костяка были найдены: шестигранные бусы из черной кости с просверлинами на четырех боковых гранях, под рукой монета Савромата I (№ 172), у ног два стеклянных бальзамария, одноручный стеклянный сосуд II в. н. э., серебряное кольцо на руке, бронзовая фибула во фрагментах, гипсовые украшения в виде шишечек и профилированных ножек; в земле был рассыпан черный бисер.

Между ногами среднего и ближайшего к северной стене костяка был найден железный наконечник копья. У ног тех же погребений с внешней стороны около следов дерева найден ряд предметов, которые, вероятно, относятся к погребению вдоль западной стены: бусы из стеклянной пасты, лигнита, янтаря, бронзовый перстень, обломки железной обшивки коробки и бронзовой фибулы.

От погребения, находившегося вдоль западной стены, сохранились куски деревянного гроба и следующие предметы: небольшой одноручный сосуд (рис. 112) из стекла желтовато-голубоватого цвета с рельефным орнаментом I в. н. э.,¹ два стеклянных бальзамария I в. н. э. (один из них представлен на рис. 112), железная ручка деревянной шкатулки, обломки бронзового кольца, бусы темнозеленой пасты, янтаря, хрустала, лигнита, одноручный тонкостенный сосуд с тонким слоем белой обмазки (рис. 113), глиняная энохоя (рис. 113), верхняя часть которой покрыта тонким слоем красной краски, развалившейся на куски, одноручный глиняный сосуд с шаровидным туловищем и цилиндрической шейкой, покрытый в верхней части тонким слоем красной краски. Тут же был най-

¹ Ср.: М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, стр. 216, табл. I, II.

Рис. 113. Глиняный одноручный кувшин и энохоя из склепа II. (кувшин — 1/2 н. в., энохоя 1/3 н. в.)

ден римский светильник II в. н. э. (рис. 114), лежавший дном вверх (упал, повидимому, из находящейся над ним ниши).

В северо-западном углу камеры были найдены: три бальзамария I в. н. э., бусы различных форм из пасты, лигнита, янтаря, стекла с золотой фольгой, серебряная булавка, бронзовые разбитая пластинка и пронизь, браслет с утолщенными краями, обломки фибул, браслетов, гипсовые украшения гроба в виде шишечек и профилированных ножек. Тут же были найдены беспорядочно лежащие полуистлевшие кости. На костях и гипсовых украшениях стоял прислоненный к стене большой одноручный глиняный сосуд выс. 0.50 м (рис. 115), закрытый вставленным в отверстие устья доньшком разбитого сосуда. Сосуд был наполнен жжеными костями, среди которых найдено много шлаков, обломок железного лезвия, бронзовый браслет, две большие реберчатые бусы из голубой пасты, бронзовый перстень; все эти предметы побывали в огне. Вероятно, сосуд был поставлен на более раннее погребение; датируется он II в. н. э.

От погребения вдоль северной стены сохранились: лезвие железного ножа, разбитый стеклянный сосуд II в. н. э. и стеклянный лакримарий II в. н. э. Вдоль южной стены остались следы деревянного гроба и бронзовая монета Савромата I (№ 306).

По характеру находок склеп II так же, как и I, относится к I—II вв. н. э.

Склеп III (могила № 6) был ограблен еще в древности и заполнен заплывшей очень плотной землей. Длина погребальной камеры 3.10 м, глубина пола камеры от поверхности земли 3.20—3.40 м. Сохранились северо-западный и северо-восточный углы свода. Входной проем деформирован: ширина его 1.00 м у закладной плиты. Пол в нем постепенно понижается к камере и заканчивается небольшим порогом высотой 0.05 м. Пол камеры покрыт раковинами. Склеп закрыт плитой. Размеры плиты: выс. 1.60 м, шир. 1.05 м, толщ. 0.15—0.17 м, расстояние до верхней грани плиты от поверхности почвы 1.20 м. С наружной стороны плиту подпирал большой камень (дл. 0.85 м, шир. 0.40 м, толщ. 0.35 м).

Рис. 114. Светильник из склепа II.
(1/2 н. в.)

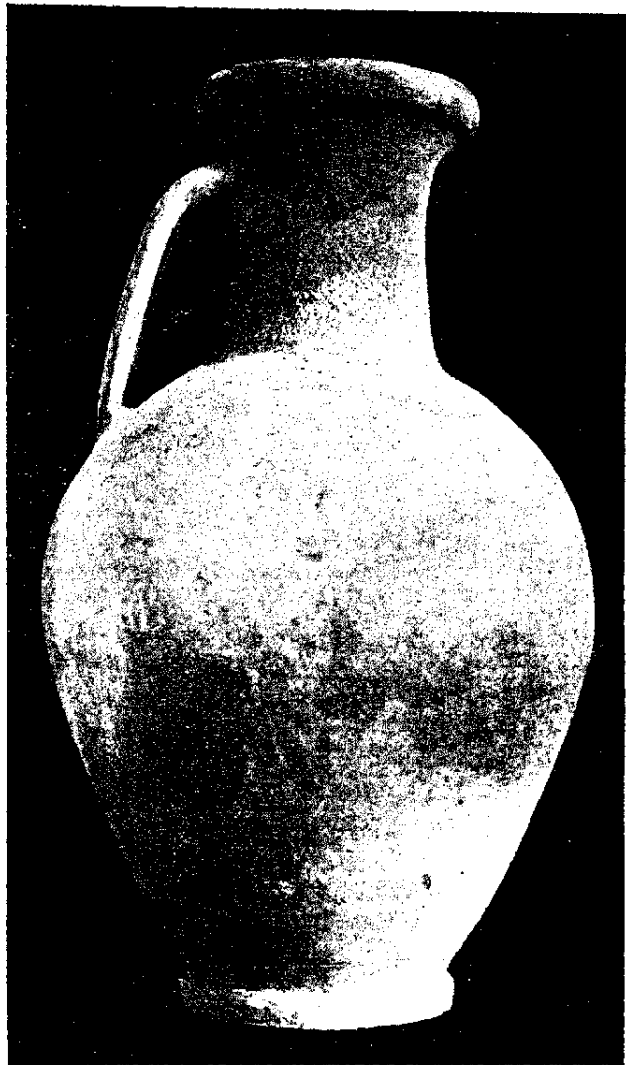

Рис. 115. Глиняная урна из склепа II.
(1/5 н. в.)

В земле, заполнявшей камеру, находок было мало: непосредственно за плитой в нижней части входного проема найдены кости животного; в камере обнаружены обломки поливной посуды, римских амфор, фрагмент краснолакового доньшка, край тонкостенного яркооранжевой глины сосуда, человеческие кости. На полу камеры сохранились следы погребений. У северной стены — полуистлевшие остатки костяка, обращенного головой на запад; около бедренной кости найден стеклянный бальзамарий II в. н. э. и обломок краснолаковой чашки; на земле следы голубой и зеленой краски. Вдоль западной стены — поврежденные и полуистлевшие кости, обломки тонкостенного сосуда, бронзового тонкого стержня и остатки красной краски. Вдоль южной стены — следы деревянного гроба, обломок железного предмета, край стеклянного бальзамария. Посредине камеры истлевшие кости и сгнившее дерево. Склеп относится ко II в. н. э.

Склеп IV (могила № 7) был ограблен в прежние годы через две „мины“, из которых одна шла по дромосу, другая сверху над камерой, разветвляясь вниз к стенам склепа.

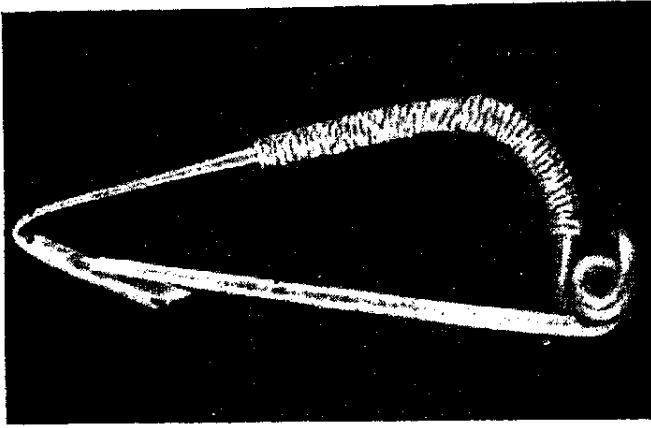

Рис. 116. Серебряная фибула из склепа V.

Склеп сохранился хуже других. Стены уцелели только в нижней части: северная и южная до 0.70—0.80 м, западная до 1.65 м; сохранился юго-западный угол камеры, но со следами отслоений; высота этого угла от пола камеры 1.60 м. Размеры пола камеры: северная сторона 3.00 м, южная 2.80 м, западная 2.57 м, восточная 2.56 м. На западной стене имеется хорошо сохранившийся кусок, на котором видны следы обработки в виде сглаженных полос шириной 0.04 м. В западной стене на высоте 1.35 м от пола — ниша четырехугольной формы (шир. 0.30 м, выс. 0.27 м, глуб. 0.18 м). Вход имеет вид сводчатого проема (дл. 1.90 м, шир. 0.95—1.00 м, выс. 1.50 м); однако, эти размеры не первоначальные, так как имеются следы отслоений. Плиты нет. Пол входа, переходя в пол камеры, немного опускается, образуя ступеньку высотой 0.05—0.06 м. Пол камеры покрыт раковинами.

При удалении рушеной земли, заполнявшей вход и камеру, были найдены обломки поливной посуды, человеческие кости, обломки стенок римских амфор, сосудов из серой глины, простых тонкостенных и грубых из черно-серой глины, обломок римского краснолакового блюда, фрагменты большого стеклянного одноручного сосуда II в. н. э., стеклянных бальзамариев II в. н. э., железный нож, обломки бронзовой фибулы, бусы из янтаря и сердолика.

Средняя часть пола камеры оказалась перерытой; здесь были найдены: обломок железного ножа, обломок бронзового браслета, фрагменты тонкостенного сосуда из грубой глины с засечками по краю, ряд бронзовых фрагментов; среди них бронзовая пластинка с колечком, обгорелое железное кольцо, бронзовый браслет, бусы из пестрого стекла, пасты, лигнита, янтаря, кусочек кремня, стеклянный бальзамарий II в. н. э., разбитый стеклянный одноручный сосуд II в. н. э. Вдоль стены было обнаружено несколько истлевших, но сохранивших свою форму деревянных гробов.

Вдоль западной стены открыты два погребения, одно на другом. На расстоянии 0.20 м

от северной стены камеры — детский гроб (дл. 1.15 м, шир. 0.23 м); содержимое было перерыто. Находки: детские зубы, большой стеклянный одноручный сосуд II в. н. э., зерна пшеницы, бусы из пестрой пасты и прозрачного зеленого стекла, бронзовая буса, подвески из пестрой стеклянной пасты в виде капли, две бронзовые пряжки.

Ниже дна деревянного гроба найдена большая округлая буса из стекла с золотой фольгой, пряжка, два обломка кремня, бронзовый рыболовный крючок и глиняный одноручный сосуд с белой обмазкой того же типа, как и найденный в склепе II, монета Котия I (№ 573). Часть этих вещей относится к погребению, находившемуся под детским гробом; оно ориентировано головою на север, и от костяка сохранились только кости ног, выступающих из-под детского гроба; около ног найдены: обломок свинцового предмета, точильный камень, обломок кремня. К этому же погребению, вероятно, относится и железный нож, найденный на расстоянии 0.80 м от западной стены и 1.20 м от северной. Судя по находкам, нижнее погребение датируется I в. н. э., верхнее — детское — II в. н. э. Между детским гробом и гробом вдоль северной стены найдена в обломках железная обшивка деревянной шкатулки, обломок бронзовой фибулы, бусы из сердолика, пасты, лигнита, обломок серебряного предмета, подвеска из пасты.

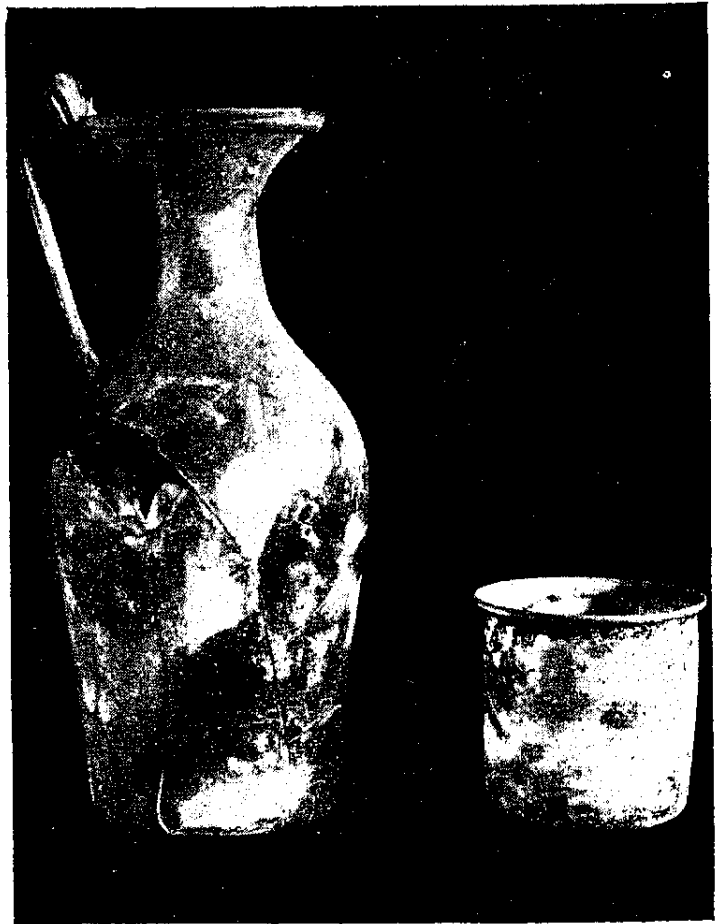
Рис. 117. Стеклянный сосуд и стакан из склепа V.
(I/3 н. в.)

Рис. 118. Глиняная амфора и одноручный сосуд из склепа V (1/3 н. в.).

В юго-западном углу склепа находились остатки разрушенного погребения. Сохранился подстил из раковин и следы дерева от гроба, мелкие разрушенные кости, вдавленные в раковины. На этих остатках обнаружены обломки железной обивки коробки, аналогичные вышеуказанным, донышко чернолакового килика со штампованным орнаментом IV в. до н. э., обделанное для игрушки, такое же донышко стеклянного бальзамария с заглаженными следами излома, точильный брусок, бронзовый ключ, маленький бронзовый браслет, бусы из сердолика, лигнита и стекла с золотой фольгой, краснолаковая римская чашка II в. н. э., перевернутая, лежащая вверх дном; в самом углу глиняный одноручный сосуд с розовой обмазкой типа сосудов склепа II.

Вдоль северной стены обнаружен деревянный гроб (дл. 1.90 м, шир. 0.50 м) на расстоянии 0.30 м от северной стены и 0.95 м от западной стены. Внутренность гроба перерыта. В нем найдено много угольков и зерен пшеницы, фрагмент золотого листика венка, бронзовые пластинки в виде удлиненной лопасти, какие бывают на панцырях, обломок стекла ного бальзамария II в. н. э., бальзамарий II в. н. э., испорченная бронзовая боспорская монета, разломанная бронзовая игла. Около этого гроба были найдены мелкие бусы из пасты и янтаря, аналогичные найденным в детском гробу, бронзовый браслет (диам. 0.05 м), разбитый бальзамарий I в. н. э., бронзовая фибула, обломки железной обивки коробки.

Гроб вдоль южной стены находился на расстоянии 0.30 м от южной стены и 1.40 м от западной, длина его 1.50 м, ширина 0.45 м у западной и 0.35 м у восточной стенки, высота стенок 0.40 м. Содержимое перерыто. У восточной части гроба найдены части черепа и фрагменты золотых листиков венка, одноручный тонкостенный сосуд с белой обмазкой, два бальза-

мария II в. н. э., лежащие горлышками вниз, две монеты Котия I (№ 469) и Савромата I (№ 452); далее в гробу были найдены две бронзовые пряжки, железные гвозди, железный нож, бронзовый ключ, бронзовый браслет, обломки бронзовых фибул и пластинок, круглая буса из пасты.

Около гроба в рушеной земле найден кусок кремня, бронзовый браслет, двойная бронзовая пластинка в виде лопастей у панцыря, две бронзовые пряжки, следы сгнивших костей и деревянных досок; близ этого же гроба найден стеклянный бальзамарий II в. н. э. и обломок бронзовой фибулы.

Находки в склепе IV, так же как и в предшествующих, позволяют отнести его к I—II вв. н. э.

Склеп V (могила № 8). При раскопках дромоса склепа V на глубине 1.20 м обнаружено поперек дромоса погребение в положении малой скорченности головой на север; череп проломлен, кисти и ступни не сохранились. Вещей не найдено.

Грабительская „мина“ прежнего времени имела вид колодца, идущего вертикально вниз в дромос. Закладная плита не обнаружена.

Пятый склеп наиболее глубокий. Глубина пола камеры 5.35 м. Стены склепа сохранились плохо. Сохранился лишь северо-западный угол свода. Высота стены в этом месте 1.20 м, длина камеры 3.00 м, ширина 2.50 м. Дромос имеет вид сводчатого проема длиной 2.10 м, шириной 1.10 м, высотой 2.10 м.

Находки в рушеном грунте, заполнявшем вход и камеру склепа: обломок толстостенных амфор, донышко одноручного глиняного сосуда, обломки посуды из черно-серой грубой глины, среди них плоское дно диаметром 0.13 м такого же типа, как и найденное в склепе I, обломки тонкостенной посуды из лиловато-

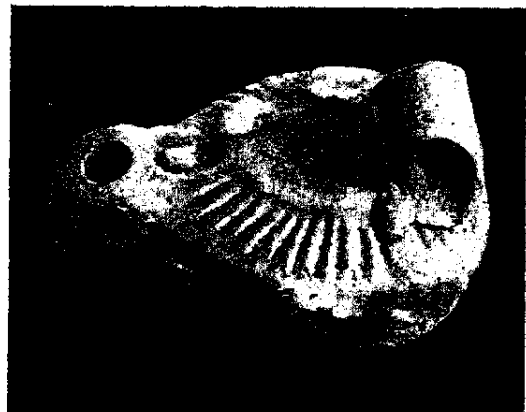

Рис. 119. Светильник из склепа V (3/5 н. в.).

Рис. 120. Светильник из склепа V.

оранжевой глины, обломки стеклянного бальзамария, бронзовая монета плохой сохранности, широкая и плоская ручка большого сосуда такой же формы, как у сосуда с костями в склепе II, бронзовый браслет, обломок бронзовой булавки.

Погребения были ограблены и разрушены. Количества погребений установить не удалось; в различных частях камеры попадались перевернутые доски деревянных гробов и кости. В лучшей сохранности было то, что прилегает к северной стене. Повидимому, вдоль северной стены находилось погребение воина, головой на восток; костяк сильно разрушен. Находки: слева около головы морская губка и на ней две серебряные фибулы (рис. 116), с правой стороны костяка стеклянный стакан II в. н. э., обломки серебряной пластинки, у кисти левой руки большой железный меч и стеклянный бальзамарий II—III вв. н. э.; у ног костяка большой стеклянный одноручный сосуд II в. н. э. (рис. 117), лежащий дном к центру камеры, стеклянный стакан II в. н. э. (рис. 117) и одноручный тонкостенный сосуд, обмазанный в верхней части тонким слоем красно-коричневой краски (рис. 118), железный нож и фрагменты железа. В северо-восточном углу найдены два больших железных гвоздя со следами дерева.

В северо-западном углу найдена глиняная амфора с белой обмазкой и со следами розовой краски (рис. 118), бронзовый браслет, шаровидные бусы из пасты, стеклянный бальзамарий.

Вдоль западной стены видны отпечатки деревянного гроба (дл. 1.10 м, шир. 0.40 м). В пределах этого пятна найдены астрагалы, фрагментированная фибула того же типа, что и в погребении вдоль северной стены, два бронзовых и один серебряный браслет, детские бусы из пасты — голубые шаровидные и реберчатые, большие с глазками, с инкрустацией в виде цветов, гвозди с остатками дерева, бронзовая пряжка, разрушенный хрустальный предмет.

Посередине западной стены, у края этого пятна дерева, найдены два светильника: рим-

ский III в. н. э. с палочным орнаментом на плечах (рис. 119), стоявший в другом открытом светильнике в форме листа со следами копоти (рис. 120).

Вдоль южной стены найдены: разбитый стеклянный бальзамарий II—III вв. н. э., стеклянный стакан II в. н. э., бронзовый перстень с резным камнем с изображением двух ягод на ветке, буса из пасты, две золотые трубочки от венка.

В средней части пола камеры обнаружено перевернутое, повидимому детское, погребение: следы дерева, кости, стеклянный бальзамарий II в. н. э., детский бронзовый браслет, обломок свинцового предмета, обломки железных предметов, железные гвозди.

Характер находок в склепе V указывает на несколько более позднюю дату, чем дата первых четырех склепов, а именно на II—III вв. н. э.

РАЗВЕДКИ БЛИЗ ОБОГАТИТЕЛЬНОЙ ФАБРИКИ

Одновременно производилась работа разведочного характера на участке, к востоку от места постройки Обогагательной (рудопромывочной) фабрики. На этом участке было обнаружено несколько грунтовых погребений.

Могилы № 1. Погребение в насыпной земле; остатки нетронутых костей указывают ориентацию головой на север. Костяк лежал на подстилке из раковин. Близ черепа найдена шестигранная буса из лигнита и цилиндрическая из пасты. При земляных работах в этом

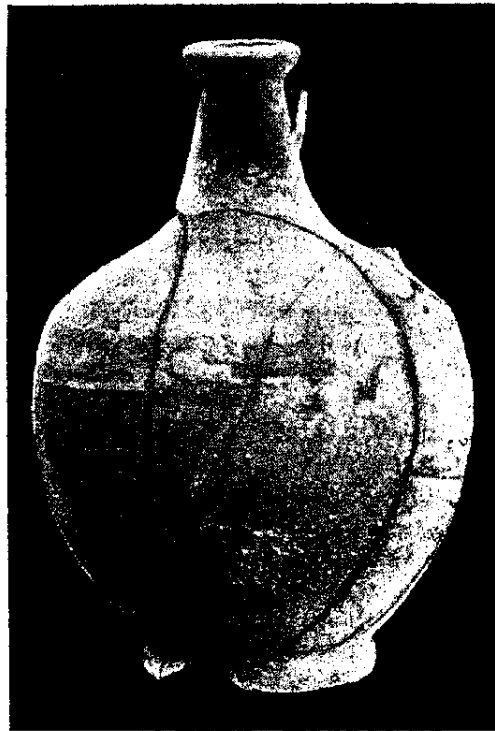

Рис. 121. Глиняный сосуд из могилы № 9 (1/2 в. н. в.).

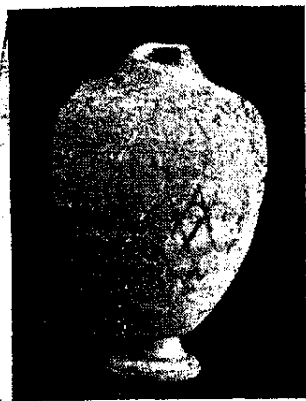

Рис. 122. Сетчатый амфориск из могилы № 9.

месте были вывернуты кости, одноручный краснолаковый римский сосуд, одноручный лепной сосуд, нижняя часть сосуда из лиловоатой глины с черной обмазкой.

Могилы № 3. Погребение в насыпной земле, ногами на юго-запад; череп и левая сторона костяка повреждены. Костяк лежал на подстилке из морской травы, у ног римская краснолаковая чашка.

На расстоянии 0.60 м от ступней стояла каменная плита (перпендикулярно направлению костяка).

Могилы № 4. Детское погребение в материке. Могилы имели вид продолговатого овала, открытого на северо-восток, где лежал череп. Близ черепа найдены четыре бусы из стеклянной пасты. Под черепом — фрагмент чернолакового жидика V в. до н. э.

Разведка на этом участке обнаружила следующие находки: обломки амфор римского и эллинистического времени, римскую краснолаковую чашку, обломки плоскодонной местной посуды и светильника из черно-серой глины, обломок эллинистического светильника, доньшко эллинистического чернолакового канфара, обломок эллинистического сосуда с белой обмазкой, фрагменты чернолаковых сосудов, несколько чернофигурных обломков, обломки терракотовых статуэток раннеримского времени,¹ пантикапейскую монету III—II вв. до н. э., грузило, обломок формы для литья, бусы в виде двух соединенных основаниями конусов из пасты и т. д. Эти находки указывают, что в данном районе имеются погребения всех эпох существования древнего города, от архаической до римской включительно.

Произведена была также небольшая разведочная работа к западу от Обогажительной фабрики. Здесь были раскопаны два полуквadrата, давшие следующие находки: стенки и ручки амфор римского и эллинистического времени, бронзовый наконечник стрелы IV—III вв. до н. э., фрагмент сетчатого лекифа и остатки разрушенной каменной гробницы — шесть плит различных размеров, составляющих одну плоскость длиной в 2.42 м и шириной 1.15 м.

РАСКОПКИ К ЮГУ ОТ КРАСНОЙ ГОРКИ

На этом участке было раскопано пять полуквadrатов, расположенных в шахматном порядке. Раскопки обнаружили некрополь римского, элли-

нистического и классического времени; последний в совершенно разрушенном состоянии.

Могилы № 9. Раскрытая прежними грабителями плитовая двойная гробница, стенки которой сложены из цельных плит известняка; одна стенка общая. Одна часть этой гробницы (большая) имеет следующие размеры: длина продольной стенки 2.20 м, толщина 0.15—0.17 м, длина поперечной стенки 0.82 м, толщина 0.14—0.15 м; длина общей стенки 2.12 м, толщина 0.15—0.17 м, высота стенок 0.85 м. Внутренние размеры могилы: ширина 0.81 м вверху и 0.72 внизу; длина 1.98; дно могилы состоит из одной плиты. При расчистке этой части гробницы найдены только случайные предметы.

Другая часть гробницы, сложенная из таких же известняковых плит, имеет следующие внутренние размеры: длина 1.65 м, ширина 0.48 м. На дне гробницы сохранилась часть костяка ногами на юго-запад; у ног разбитый одноручный сосуд эллинистического времени с белой обмазкой на туловище (рис. 121).

Рис. 123. Стеклянный сосуд из могилы № 17 (3/4 н. в.)

¹ Ср. Winter. Die Typen der figurlichen Terrakotten, II, 78, 3.

У ног костяка к северо-восточной стенке гробницы прислонена тонкая шиферная доска, длиной 0.35 м, шириной 0.24 м.

Могила № 10 представляет слой 0.50×0.60 м, толщиной 0.30 м беспорядочно лежавших человеческих костей (на глубине 0.40 м от поверхности земли). Среди них найден сетчатый амфориск (рис. 122), разбитый краснофигурный арибаллический лекиф с пальметкой IV в. до н. э., два бронзовых наконечника стрел классического времени.

Могила № 11. Погребение в насыпной земле на глубине 0.50 м от поверхности, головой на север. Хорошо сохранившийся мужской костяк, вещей нет, около правого плеча вертикально стоящий камень.

Могила № 12 на глубине 1.40 м от поверхности земли. Плитовая гробница, имеющая вид длинного ящика, расположенного с севера на юг, суживающегося к северу. Длина восточной стенки 2.16 м, западной 2.28 м, южной 1.12 м, северной 0.67 м. Гробница покрыта плитами, из которых сохранилась только часть — четыре плиты у северного конца. Плиты у северного края гробницы подпираются камнем, который направлен острием вверх. Гробница ограблена.

Могила № 13 содержала детское погребение на глубине 1.22 м от поверхности земли, в материке, прямоугольной формы; оно покрыто тремя плитами; у восточного края могилы найдена кость черепа и бусы из пасты.

Могила № 14 — в насыпной земле; с южной стороны ограждена двумя стоящими плитами и тремя мелкими камнями. Сохранились следы деревянного гроба размерами 0.7×0.23 м и полуистлевший детский костяк. Под черепом найден кусок свинца треугольной формы, около руки буса из пасты.

Могила № 15 — в материке, имеет вид удлиненного прямоугольника. Погребение головой на восток, голова повернута к левому плечу. С востока костяк огражден во всю длину

группой каменных плит, стоящих с наклоном к костяку. С правой стороны черепа обнаружена бронзовая серьга.

Могила № 15а — в насыпной земле. Погребение головой на юг, голова склонена к правому плечу. С запада погребение ограждено шестью расположенными в одну линию камнями с различным наклоном к костяку. Находок нет.

Могила № 16 — в твердом грунте на глубине 1.20 м от поверхности земли; плохо сохранившийся костяк головой на юго-восток. Находок нет.

Могила № 17 — в материке, заложена с восточной стороны большой каменной плитой (дл. 1.45 м, выс. 0.48—0.70 м, толщ. 0.12 м) и камнем (дл. 0.40 м, выс. 0.58 м, толщ. 0.14 м). Обнаружен плохо сохранившийся костяк головой на восток; у черепа обломки золотых листиков и две витые золотые серьги; у ног стеклянный сосуд с накладным жгутиком III в. н. э. (рис. 123). Погребение открыто на небольшой глубине от поверхности земли. Над могилой на глубине 0.30 м от поверхности были обнаружены две рядом стоящие глинобитные печи, по всей вероятности, недавнего происхождения; они имеют форму восьмерки, ориентированы с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Наибольшая высота стенок 0.40 м; длина печи 0.50 м, ширина 0.40 м. В юго-западной части одной из печей обнаружены камни со следами огня, лежавшие в золе с углями.

Такая же печь, но хуже сохранившаяся, обнаружена на полуквадрате 3. На дне этой печи найден фрагмент оконного стекла.

На полуквадратах 2 и 3 найдено много разбросанных и раздавленных фрагментов чернолаковой посуды IV в. до н. э., обломки эллинистических амфор, раздавленная амфора с эллинистическим клеймом, фрагменты сетчатых лекифов и т. п. На полуквадрате 4 найдена бронзовая пантикапейская монета с головой силены III—II вв. до н. э.

ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ ДРЕВНЕЙ ТИРИТАКИ

Раскопки древнего городища в Камыш-буруне дали существенные результаты, позволяющие говорить о наличии здесь остатков довольно значительного боспорского поселения, возникшего во второй половине VI в. до н. э. и просуществовавшего вплоть до первых столетий средневековья. Открытие укреплений города и выявленные в них следы неоднократных перестроек свидетельствуют о том, что боспорскими правителями придавалось его оборонно-способностям серьезное значение. В цепи береговых поселений город, существовавший на месте Камыш-буруна, выполнял роль одного из опорных пунктов. Если пока еще не совсем четко определено экономическое значение камыш-бурунского древнего поселения в более ранний период его жизни, то зато достаточно ясно выяснено, что в римское время оно являлось одним из перворазрядных рыбопромышленных центров Боспора.

Какое было древнее название этого поселения? Вопросами боспорской исторической топографии занимались только в начале археологических исследований Боспора. В течение почти ста лет, прошедших с тех пор, проблема изучения поселений Боспора наукой почти совершенно не затрагивалась. В результате этого и создавалось такое положение, что при определении местонахождения того или иного, засвидетельствованного древними литературными источниками, географического пункта обычно ограничиваются ссылками на мнение археологов и путешественников 20—30-х годов XIX в. Между тем в этих первых попытках локализации населенных пунктов Боспора немало было и серьезных погрешностей. Например, место, к которому Дюбрюкс и Бларамберг приурочили древнюю Акру, в действительности, оказалось развалинами Китея, там же, где Дюбрюкс и Бларамберг предполагали Китей, следует видеть Киммерик и т. д.¹ Причиной

таких ошибок являлись не только субъективные моменты, но часто и недостаточная определенность литературных указаний древних писателей, а также и вынужденность пользоваться не вполне удовлетворительными изданиями древних литературных текстов. Все это приводило исследователей, как мы увидим ниже, к большим недоразумениям.

До последнего времени в тех случаях, когда приходилось упоминать об остатках древнего поселения, находящегося в Камыш-буруне, обыкновенно пользовались имеющимся на этот предмет восходящим к 30-м годам прошлого столетия суждением Дюбуа, который считал, что на месте Камыш-буруна в древности был город Диа (Dia). „Ближе к нимфейскому, чем к пантикапейскому некрополю стоит, может быть, очень мало исследованный некрополь около Камыш-буруна, где Дюбуа помещает древнюю Dia“.¹ Высказанная почти сто лет тому назад догадка пошла в ход и не была потом подвергнута критической проверке. Попробуем произвести пересмотр вопроса относительно древнего названия Камыш-бурунского городища. Но начнем его не с разбора мнения Дюбуа, а обратимся непосредственно к источникам.

Древнее поселение на месте Камыш-буруна являлось пунктом, лежавшим на береговой линии. В древности море еще ближе подходило к городищу, чем сейчас, так как Чурубашское озеро, отделяемое теперь от моря плавнями, являлось в древности морским заливом, образующим на юге нимфейский порт, отличавшийся, по Страбону, своими высокими качествами.²

Как известно, наиболее полную и четкую картину расположения поселений на европейском побережье Керченского пролива дает только один перипл, а именно перипл Анонима (безыменного автора), составленный в V в. н. э.³ Начиная от места слияния пролива с Азовским морем, Аноним⁴ перечисляет следующие бере-

¹ Ю. Ю. Мартн. Городища Боспорского царства к югу от Керчи — Киммерик, Китей, Акра. Изв. Тавр. общ. ист., археол. и этногр., II, отд. отт., Керчь 1928, стр. 13 сл.

¹ M. Rostowzew. Skythien und der Bosphorus, S. 233.

² Strab. VII, 309.

³ M. Rostowzew, op. cit., 63 sq.

⁴ Anon. peripl. P. Eux., § 76, Scythica et Caucasia p. 282

говые поселения: местечко Порфмий, далее городок Мирмекий, затем Пантикапей — „известный боспорский город“, имеющий обширную гавань и верфи. Перечислив эти пункты с указанием разделяющего их расстояния, Аноним делает замечание, как бы подводящее черту под вышеперечисленные поселения, расположенные на протяжении береговой полосы пролива от Азовского моря до Пантикапея: „если же плыть по прямой линии, от Боспора¹ до устья Меотийского озера или Танаиса — 60 стадий, 8 миль“. После этого автор перипла переходит к последовательному перечислению населенных пунктов на побережье к югу от Пантикапея:

Ἀπὸ δὲ Παντικαπίου πόλεως εἰς Τυριστάκην πόλιν στάδιοι ξ', μίλια η'.
Ἀπὸ δὲ Τυριστάκης πόλεως εἰς Νυμφαίων πόλιν στάδιοι κβ', μίλια γ', γ'... κτλ.

От города Пантикапея до города Тиристаки 60 стадий, 8 миль. От города же Тиристаки до города Нимфея 25 стадий, 3 $\frac{1}{2}$ мили... и т. д. [перечисляются Акра, Киты и Киммерик].

Итак, ближайшим от Пантикапея к югу назван город Тиристака. Очевидно, что город Тиристака или Тиритака, как называет его Стефан Византийский² (этот вариант названия мы будем применять в дальнейшем в целях единообразия), был прибрежным поселением, поскольку упоминающий Тиритаку перипл перечислял исключительно только пункты, лежавшие на пути плавания кораблей вдоль берегов. Переведем расстояния, указанные в перипле, на современные меры. Некоторую трудность представляет вопрос о том, какие стадии подразумеваются в перипле Анонима. Как известно, кроме аттического стадия, равного 178 м, существовали еще римский стадий (185 м), олимпийский (192 м), эгинский (197 м) и птолемеевский (210 м).³ Так как, по всей вероятности, Аноним пользовался для своего перипла в части, касающейся западного побережья Керченского пролива, одним каким-либо источником, попробуем уточнить размер стадия, используя указание о расстоянии между двумя пунктами, локализация которых точно установлена. Таковыми могут считаться города Пантикапей и Мирмекий.⁴ Перипл Анонима сообщает, что между Пантикапеем и Мирмекием 25 стадий. По прямой линии от Керчи до Карантинного мыса, где находятся развалины Мирмекия, расстояние составляет около 4 км. С этим расстоянием лучше всего согласуется указание

перипла о 25 стадиях, если считать стадий перипла за 178 м, чему равняется стадий аттический. Исходя из этого, мы можем вычислить, что, согласно Анониму, между Пантикапеем и Тиритакой $60 \times 0.178 = 10.680$ км, т. е. почти 11 км. Это расстояние точно соответствует расстоянию между Керчью и Камыш-бурунским городищем. В перипле, как мы знаем, далее говорится, что от города Тиритаки до города Нимфея 25 стадий, т. е. $25 \times 0.178 = 4.450$ км. И действительно, между Камыш-буруном и городищем у селения Эльтигень, к которому приурочивается Нимфей,¹ расстояние равняется 4—4.5 км.

Следовательно, имеются все основания определить местоположение Тиритаки в Камыш-буруне (рис. 1).

Если мы обратимся к нашей литературе, касающейся вопросов топографии Боспорского царства, то увидим, что Тиритаку было принято почему-то относить не к Камыш-буруну, а значительно западнее, за Чурубашское озеро, около бывшего селения Кермеш-келечик. На расстоянии 3—4 км на запад от Чурубашского озера, около теперешней деревни Ивановки (б. Джапар), действительно находятся развалины древнего поселения, следы которого обстоятельно описаны и нанесены на план Дюбрюксом. В настоящее время там еще отчетливо видны остатки прямоугольной в плане цитадели с крепостными стенами и башнями. Внизу, в овраге, вдоль возвышенности, на которой расположено это укрепление, проходит русло высыхающего летом ручья, впадающего в Чурубашское озеро. Бларамберг писал: „Город Тиритака, который, по словам Птолемея, был расположен близ Пантикапея, немного ниже его, на запад, долженствовал, повидимому, находиться на расстоянии почти трех верст на запад от древнего залива, ныне соляного озера Чурубаша, куда впадала река, русло которой видимо в овраге у подошвы возвышенности, окруженной стенами с башнями круглыми и четырехугольными, остатки которых весьма явственны. Этот акрополь или вышгород примыкал к городу, судя по следам фундаментов стен, которые встречаешь при выходе из крепости и которые теряются нечувствительно в траве“.² Так, по почину Бларамберга за городищем к западу от Чурубашского озера и закрепилось определение его как древней Тиритаки.

Допустим, что Бларамберг был прав, помещая Тиритаку на запад за Чурубашское озеро. Попробуем проверить эту локализацию при помощи перипла Анонима. Между Пантикапеем и Тиритакой, согласно Анониму, расстояние равно примерно 11 км. Расстояние же между

¹ Здесь под Боспором подразумевается Пантикапей. — В. Г.

² Steph. Byz., s. v.: *Τυριστάκη, πόλις Πόντου. τὸ ἐπιπέδον Τυριστάκης καὶ Τυριστάκης τῶ συνήθει τῶν πλοῦν.*

³ Изучая данные, сообщаемые Страбоном относительно пергамского побережья, Дёрпфельд установил, что Страбон, обычно применяя аттический стадий (равный около 180 м), в тех случаях, когда пользуется сведениями Деметрия из Скепсиса, применяет стадий, равный 210 м. W. Dörpfeld, *Strabon und die Küste von Pergamon*. Athen. Mitt., 53 (1928), S. 153.

⁴ О локализации Мирмекия см. нашу статью ниже.

¹ В. В. Шкорпил. Нимфей и первый список нимфейских граждан. Зап. Одесск. общ. ист. и древн., XX, стр. 18.

² П. Бларамберг. Замечания на некоторые места древней Тавриды. Зап. Одесск. общ. ист. и древн., IV, стр. 11.

Пантикапеем и тем городищем, которое Бла-рамберг считал Тиритакой, равняется почти 16 км (Дюбрюкс пишет: „Развалины, которые Бларамберг предположительно считает птолемеевской Тиритакой, расположены на юго-запад в 14 верстах от Керчи...“).¹ Получается таким образом значительное расхождение с Анонимом, не менее, чем на 4—5 км, что являлось бы для перипла довольно большой погрешностью при определении небольшого расстояния. Но расхождение с периплом получится еще более разительное, если сопоставить его указания о Нимфее и Тиритаке с тем расстоянием, которое разделяет предполагаемую (по Бларамбергу) Тиритаку от Нимфея, локализация которого связана с Эльтигеном. По Анониму между Тиритакой и Нимфеем 25 стадий, т. е. 4,5 км, а между городищем, что лежит за Чурубашским озером, до Нимфея около 10 км. Для того чтобы согласиться с бларамберговской локализацией Тиритаки, нужно допустить наличие очень грубой ошибки в перипле Анонима. Итак, если принять гипотезу Бларамберга относительно локализации древней Тиритаки, перипл Анонима сразу лишается даже приблизительной точности в указаниях расстояний между городами. Но этот же перипл становится совершенно точным, если допустить, что Тиритака была там, где ныне находится Камышбурун. Спрашивается, какие же были основания у Бларамберга для того, чтобы не считаться с периплом Анонима при решении вопроса о локализации Тиритаки? Почему он предпочел отнести Тиритаку за Чурубашское озеро вместо того, чтобы искать ее в соответствии с указаниями перипла в Камыш-буруне? Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что, касаясь Тиритаки, Бларамберг говорит как о пункте, „который, по словам Птолемея, был расположен близ Пантикапея“, т. е. Бларамбергом отмечается только Птолемей и совершенно при этом не упоминается перипл Анонима, в котором не только поименован город Тиритака, но и даны определенные указания о его местоположении в увязке с Пантикапеем и Нимфеем. Перед нами факт странного игнорирования исследователем столь важного источника. Бларамберг в другом месте своей статьи прямо указывает, что о древнем городе Тиритаке „говорит один только Птолемей“. В связи с этим вопросом мы должны также вспомнить, что первые археологи — и Дюбрюкс, и Бларамберг — доказывали местонахождение Нимфея совсем не там, где этот город в действительности существовал, т. е. не у теперешнего поселения Эльтигень, а значительно ближе

к Керчи — в районе так называемой Павловской батареи, у Ак-бурунского мыса. Дюбрюкс даже оспаривал первенство этого открытия, с которым, повидимому, не соглашался в то время только Стемпковский. Вот что писал Бларамберг о локализации Нимфея: „Так как ни один древнейший писатель не оставил нам ничего положительного в отношении положения Нимфейского порта, за исключением Безъимянного автора перипла Понта Евксинского, то мы принуждены при разрешении этой задачи придерживаться стадиазма писателя, о котором упомянули, и который говорит, что Нимфея отстояла от Пантикапея на 25 стадий (5 верст), по направлению к югу. Эти данные ведут нас из Керчи, неоспоримо древней Пантикапея, к Павловской батарее, в окрестностях которой видимы на высоте, господствующей над морским берегом, частые остатки башен, рвов и стен; эти приметы и множество могильных холмиков, которыми усеяно это место, представляют очевидное доказательство существования древнего поселения довольно значительного“. Эти рассуждения Бларамберга не могут не вызвать недоумения. Дело в том, что отождествление каких-то древних остатков, видневшихся у Павловской батареи (в 4—5 км к югу от Керчи), с Нимфеем у Бларамберга подкрепляется ссылкой на перипл Анонима, который будто бы определяет расстояние между Пантикапеем и Нимфеем в 25 стадий! Между тем в действительности как известно, перипл таких сведений не содержит.

Выяснить это недоразумение мы могли только тогда, когда обратились к изданию текста перипла Анонима, которым пользовались русские ученые в первой половине XIX в. и которым, очевидно, должен был руководствоваться Бларамберг. Во втором томе „Записок Одесского общества истории и древностей“ был напечатан греческий текст перипла Анонима с параллельным русским переводом.¹ Откуда заимствован текст перипла, там не указано, но следует полагать, что он взят из какого-то бывшего тогда в ходу издания. При сопоставлении этого текста с мюллеровским изданием перипла,² откуда он и перепечатан без всяких изменений, В. В. Латышевым в „Scythica et Caucasica“ тотчас же выясняется, что первые наши археологи, занимавшиеся исторической топографией Боспора, вынуждены были пользоваться дефектным изданием текста перипла. В этом издании удивительным образом не повезло именно Тиритаке: упоминание Тиритаки выпало совершенно, но пострадала от этого не только Тиритака, но и соседний с нею Нимфей.

¹ По рукописи Дюбрюкса из бумаг А. Н. Оленина, хранящихся в Архиве ИИМК. В „Зап. Одесск. общ. ист. и древн.“ (II, стр. 54) Дюбрюксом дано несколько иное определение: „В 4¹/₂ верстах к западу от озера Чурубаша или Камыш-буруна и в 16 верстах от Керчи находятся развалины большого акрополя или укрепленного замка, к которому прилегало довольно значительное поселение“.

¹ А. Панагиодор-Никовул. Безъимянного перипла Понта Евксинского и Меотийского озера. Зап. Одесск. общ. ист. и древн., II (1848) стр. 232 сл.

² Geographi Graeci minores, I. C. Müller, Paris, 1855, p. 414. — Fragmenta historicorum graecorum, V. C. Müller, 1870, p. 237.

Неверный текст

(по изд. в „Зап. Одесск. общ. ист. и древн.“)

Если же от Боспора прямо плыть к устью Меотийского озера или Танаиса 60 стадий, 8 миль. От города Пантикапея до города Нимфея 25 стадий, 3¹/₂ миль. [Далее упоминаются города Акра, Киты, Киммерик и т. д.]

Правильный текст

(по изд. Мюллера)

Если же от Боспора прямо плыть к устью Меотийского озера или Танаиса 60 стадий, 8 миль. От города Пантикапея до города Тиристаки 60 стадий, 8 миль. От города же Тиристаки до города Нимфея 25 стадий, 3¹/₂ мили. [Далее упоминаются города Акра, Киты, Киммерик и т. д.]

Итак, выпадение упоминания Тиритаки¹ привело в дефектном издании перипла к искажению расстояния между Пантикапеем и Нимфеем. В то время как расстояние между этими городами в подлинном тексте перипла складывается из двух отрезков: Пантикапей—Тиритака 60 стадий, Тиритака—Нимфей 25 стадий, из чего образуется расстояние между Пантикапеем и Нимфеем, равное 85 стадиям, в приведенном отрывке искаженного текста перипла расстояние между Пантикапеем и Нимфеем равняется только 25 стадиям, поскольку пропущена Тиритака и 60 стадий, отделяющих ее от Пантикапея. Следовательно, стремление Дюбрюкса и Бларамберга приурочить Нимфей к району так называемой Павловской батареи² в значительной степени покоилось

¹ Выпадение Тиритаки из текста перипла является безусловно результатом недосмотра, допущенного в одном из ранних его изданий и повторенного в следующих переизданиях (главные издания перечислены в указанном сочинении Мюллера, стр. II—IV). Ни в одном из древнейших текстов (рукописи Гейдельбергская и Британского музея), на основании которых опубликован перипл Анонима Мюллером, такого пропуска Тиритаки нет, потому что в противном случае у Мюллера было бы указано существование разночтений. Впервые у нас в литературе наличие пропуска Тиритаки в изданиях перипла было отмечено Ф. Бруном. В комментариях к отзыву Кёлера и Грефе об известном сочинении Бларамберга, посвященном описанию развалин боспорских городов, Ф. Брун сделал следующее примечание (Зап. Одесск. общ. ист. и древн., V, стр. 950) относительно того места отзыва, в котором его авторы одобряли фактически ошибочную локализацию Нимфея и нимфейского порта в районе Павловской батареи: „Впрочем они [т. е. Кёлер и Грефе] едва ли ошиблись бы, если бы потрудились искать этот порт на южном берегу озера Чурубаш, где впоследствии были найдены развалины, которые Дюбуа, Ашик и Нейман приписывают Нимфеону. Мнение их [т. е. Дюбуа и др.] нельзя не признать основательным, потому что оно подтверждается свидетельством Безъмянного, по которому Нимфеон... отделил был расстоянием 25 стадий от Тиристаки и, стало быть, 85 от Пантикапея, а не 25 только, как читается в прежних изданиях. Следуя им, Паллас, Бларамберг и Кёлер, подобно Дюбрюксу и Тетбу, смело искали Нимфеон около Ак-буруна, и не подозревая здесь пропуска в измерениях Безъмянного“. (Разрядка наша. — В. Г.)

² Что в районе Павловской батареи (у мыса Ак-бурун) Нимфей не находился, это ясно. Но нельзя не считаться с тем, что какие-то значительные развалины древних построек в районе Павловской батареи существовали. Их видел не только Дюбрюкс. Е. Люценко в одной из своих работ (хранящихся в числе целой серии его интересных рукописей в архиве ИИМК) высказывает

на вышеуказанном неверном издании текста перипла. Но кроме недоразумения с Нимфеем, которое вытекало из неверного текста перипла, естественно возникла также путаница и с Тиритакой, о которой Бларамберг не имел тех определенных указаний, какие мы теперь имеем при наличии точного издания текста перипла Анонима.

Бларамберг имел в своем распоряжении только упоминание Тиритаки, встречающееся у Птолемея. В главе VI книги III (*Γεωγραφικὴ ὁφηγήσις*) Птолемей, перечисляя приморские города Крыма (по Черному морю), отмечает в конце Феодосию и Нимфей, а затем под специальной рубрикой *Κιμμερίου Βοσπόρου*, т. е. „пункты в Боспоре Киммерийском“, упоминает Тиритаку (*Τυριτάκη*), Пантикапей и мыс Мирмекий. Поименованные пункты сопровождаются указанием их широт и долгот. Согласно этим цифровым данным, координаты Тиритаки выражаются цифрами 63°30'—47°40'. Из сравнения их с данными о Нимфее (63°45'—47°30') получается, что Тиритака на птолемеевской карте должна быть помещена на 15' западнее и на 10' севернее Нимфея. Относительно Пантикапея (его координаты 64°—47°55') Тиритака на птолемеевской карте получается на 30' западнее и на 15' южнее. Придавать этим цифрам значение точных обозначений невозможно. В самом деле, если поверить указанным птолемеевским координатам, то придется тогда допустить, что на юго-запад от Пантикапея был залив, который на протяжении чуть ли не нескольких десятков километров вдавался в материк Керченского полуострова. Достаточно взглянуть на то, какими получаются очертания Крыма и Азовского моря при перенесении цифровых обозначений Птолемея на географическую карту, что бы понять всю условность птолемеевских показателей долгот и широт. Укажем на несколько ярких примеров. При размещении на карте поименованных Птолемеем населенных пунктов, согласно приводимым в его *πίνακες* координатам, получается расстояние от Феодосии до Нимфея меньше, чем от Нимфея до Пантикапея, между тем как в действительности эти расстояния относятся примерно как 8:1, если принять за единицу промежуток между Керчью и Нимфеем (современный Эльтигенъ).¹

предположение, что на месте Керчи был только акрополь Пантикапея, а самый город находился у Павловской батареи. Гипотеза эта по существу не заслуживает внимания, но интересна опять-таки как подтверждение наличия близ мыса Ак-буруна значительных следов поселений, являвшегося, повидимому, пантикапейским пригородом.

¹ Если воспользоваться приемом по переводу астрономических данных Птолемея на стадии, предложенным Ф. Брауном [Равыскания в области гото-славянских отношений, I, Готы и их соседи до V века. СПб., 1899, 178 сл.; возражения Ю. Кулаковского см. в его рецензии на указанное сочинение Брауна (ЖМНП, 1901, № 2, стр. 521)], то получим, что от Феодосии до Нимфея около 30 км, от Нимфея до Тиритаки 22 км и от Тиритаки до Пантикапея 38.5 км. С действительностью эти цифры ничего общего не имеют.

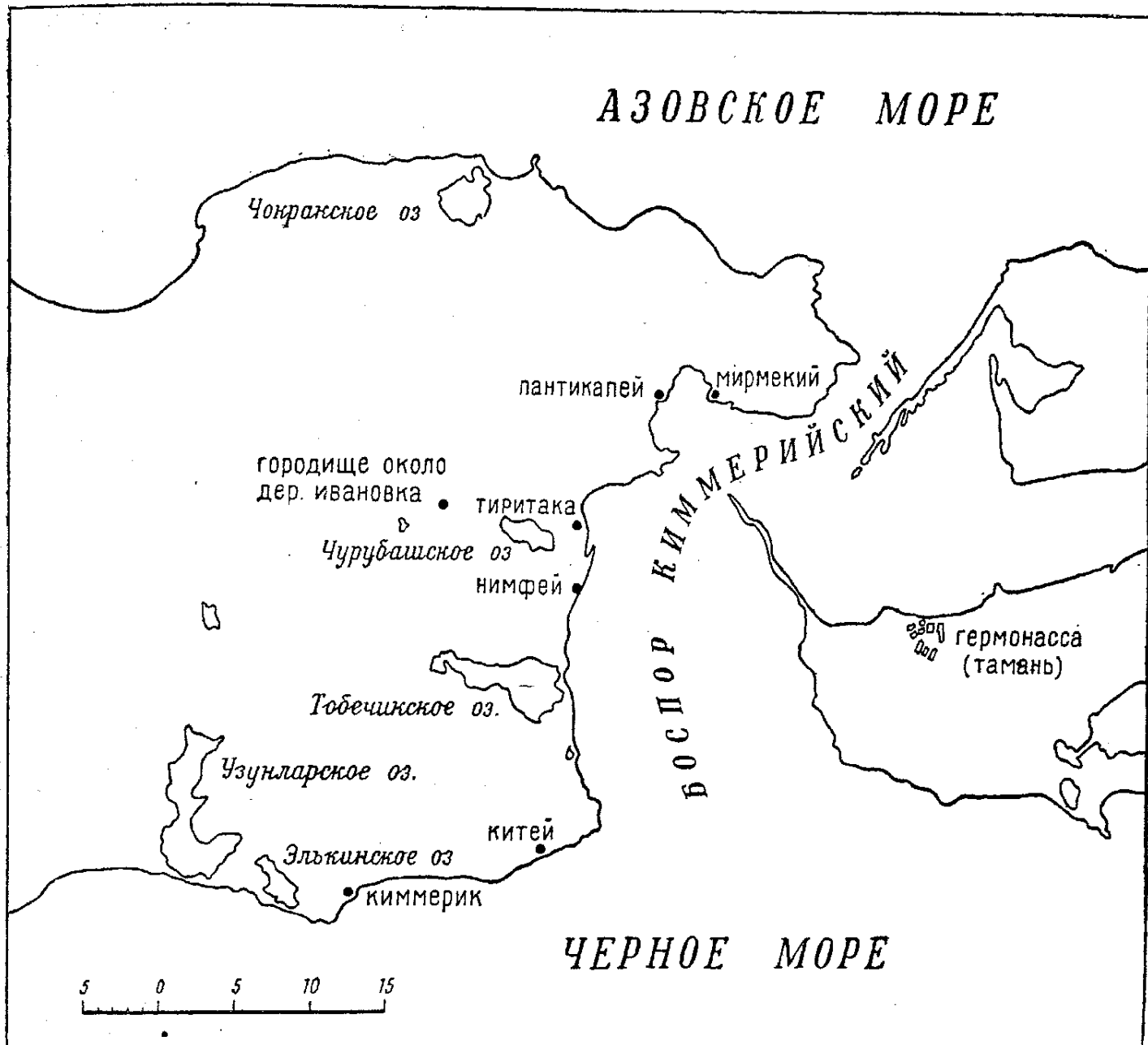

Рис. 1. Карта боспорских поселений на побережье Керченского полуострова.

Не менее ошибочной получилась у Птолемея локализация Мирмекия в цифровых выражениях долготы и широты. Мирмекий, занимая правильно место между Пантикапеем и Парфением, оказался у Птолемея лежащим на том же меридиане, что и Пантикапей, на расстоянии целых 35' к северу от Пантикапея, в то время как в действительности городище Мирмекия лежит почти на той же широте (чуть севернее), что и Пантикапей, но отстоит от последнего на 4 км к востоку, что строго согласуется с указаниями Страбона и Анонима.

Не будем увеличивать примеров погрешностей в цифровых данных Птолемея, касающихся долгот и широт. Причины происхождения этих погрешностей достаточно хорошо выяснены в специальных исследованиях. „Располагая астрономическими данными для сравнительно небольшого числа пунктов и притом всегда неточными, Птолемей разместил на своих та-

блицах, *«πλανητες»*, 8000 географических имен с указанием широт и долгот в точных цифрах, причем наименьшей величиной у него является 5'. Принятие за наименьшую величину такой крупной единицы является наглядным свидетельством о том, как далек был Птолемей от стремления к абсолютной точности. Помимо малочисленности астрономических наблюдений и их неточности Птолемей был обречен на приблизительность самым характером того материала, из которого он должен был заимствовать наибольшее число своих данных, а именно: маршруты путешественников и римские итинерарии. Редуцируя указанные у путешественников расстояния между отдельными пунктами на свой градус в 500 стадий, он принимал в соображение отклонения от прямого направления в плавании по морю, заходы в гавани и т. д. При отсутствии у древних надежного измерителя времени и том условии, что совре-

менный компас у них заменяло наблюдение звездного неба, показания путешественников о направлении пути могли иметь весьма относительное значение, а поэтому и самый материал, какой они представляли, был до крайности ненадежен¹.

Переходя после этого к оценке сведений Птолемея о локализации Тиритаки, мы в праве сделать следующее заключение. Согласно Птолемею, Тиритака была приморским поселением и находилась на побережье Керченского пролива, она была расположена между Нимфеем и Пантикапеем, несколько западнее этих городов с той только разницей, что степень отклонения на запад от Пантикапея была более значительной, чем от Нимфея. Это показывает, что если перипл Анонима требует искать Тиритаку в Камыш-буруне, то сведения о Тиритаке из Птолемея, в пределах их вероятной достоверности, не противоречат показаниям перипла. Стоит только взглянуть на карту, чтобы убедиться, что городище в Камыш-буруне находится именно в таком соотношении с Нимфеем и Пантикапеем, как мы указывали выше и с чем совпадают указания Птолемея, если только не придавать абсолютного значения его цифровым показателям широт и долгот в виду их приблизительности, а иногда и просто чрезмерной отдаленности от истины. Последнее характерно не только для данного конкретного случая с боспорскими городами, но распространяется в известной степени на птолемеевский труд в целом.²

¹ Ю. Кулаковский. Карта Европейской Сарматии по Птолемею. Киев, 1899, стр. 12—13.

² Ф. А. Браун, выполнивший большую работу по осмыслению птолемеевской карты северного Причерноморья и увязке ее с современной географической картой, анализируя цифровые данные Птолемея, пришел к выводу, что у Птолемея „полная точность является результатом скорее случая, чем верного расчета, и требовать ее значило бы требовать невозможного“; несколько ниже Браун отмечает, что „при приурочивании упоминаемых Птолемею пунктов к современным местностям приходится считать неточность в 20—25 верст незначительной, не препятствующей отождествлению. Наибольшая неточность, допускаемая нами в нижеследующем, — 40 верст“ (ук. соч., стр. 64; рецензия Ю. А. Кулаковского на указанное сочинение Брауна в „ЖМНП“, 1901, № 2, стр. 521): „... Птолемей рассматривал свою карту, как приблизительную картину земли, и в своей географии пользуется повсюду лишь приблизительными цифрами“. Ср. также ответ Ю. Кулаковского на рецензию В. В. Латышева (Филол. обзор., 1900, XVIII, отд. отд., стр. 16).

Приблизительный характер карты Птолемея, согласно мнению новейших исследователей, ни в какой мере не умаляет большого исторического значения этого произведения, которое можно правильно оценить не путем сравнения его с нашим современным состоянием географической науки, а исходя из того, насколько труд Птолемея соответствовал уровню географических знаний и научных приемов античного мира. С этой точки зрения должно быть признано, что при всей ограниченности бывших в распоряжении Птолемея средств стоявшую перед ним задачу он разрешил блестяще, отразив сильные и слабые стороны античной географии. В работе Šimek'a („Velká Germanie Klaudia Ptolemaia“, I, Praha, 1930) стр. 1—46 посвящены общей оценке труда Птолемея; там же указана и новая литература.

Бларамберг, помещая Тиритаку на запад за Чурубашское озеро, исходил, как мы теперь знаем, только из упоминания Тиритаки у Птолемея; точными указаниями, имеющимися в перипле Анонима, Бларамберг не располагал. Более того, поскольку Нимфеем, на основании искаженного текста перипла, локализовали в районе так называемой Павловской батареи, тем самым затруднялось определение местоположения Тиритаки, упоминаемой Птолемею между Нимфеем и Пантикапеем.

Так как между Ак-буруном, где предполагался Нимфей, и Пантикапеем искать Тиритаку было невозможно, то отсюда и возникло предположение о том, что Тиритака лежала где-то значительно западнее, за Чурубашским озером. Но при этом допускалось искажение смысла указаний Птолемея: ведь и у Птолемея, несмотря на его цифры долготы и широты, Тиритака отмечена как береговое поселение в Керченском проливе, лежащее между Нимфеем и Пантикапеем. А это никак не подходит к городищу, расположенному к западу от Чурубашского озера и являвшемуся пунктом континентальным.¹

Не располагая точными данными перипла Анонима, Бларамберг и Дюбрюкс невольно внесли путаницу в вопрос о локализации и Нимфея и Тиритаки. Вопрос о Нимфее, однако, был несколько позже пересмотрен и решен правильно,² вопрос же о Тиритаке никого не интересовал, так как ни городище, лежащее к западу за Чурубашским озером, ни Камыш-бурунское городище после Бларамберга и Дюбрюкса не привлекало внимания исследователей. Нужно особо заметить, что Камыш-бурунское городище в виду весьма слабо выраженных внешних признаков не обращало на себя внимания даже таких археологов, как Дюбрюкс, который проявлял большой интерес к изучению развалин древних боспорских поселений.

Очень показательно в этом отношении одно замечание Дюбрюкса, в котором он возражает

¹ Нужно отметить, что и Бларамберг, сознавая это противоречие, в общем, довольно неуверенно склонялся к выводу о возможности приурочения Тиритаки к городищу, лежащему вне береговой линии на запад от Чурубашского озера, но к этому его побуждало, как уже отмечено выше, то обстоятельство, что никто из древних писателей, кроме Птолемея, не упоминал Тиритаку в числе приморских поселений европейской стороны Боспора (в искаженном тексте перипла Анонима Тиритака ведь не фигурировала). Поэтому Бларамберг писал: „Остается отыскать положение древнего города Тиритаки, о котором упоминает один только Птолемей и который по описанию, помещенному в его пинаксе, находится на запад от Пантикапея в среде городов или местечек, тянувшихся по европейскому берегу Киммерийского Боспора. Быть может должно отыскивать следы этого города во внутренности, судя по молчанию, которое хранят в этом отношении все географы, описывающие западный берег Боспора...“ (Бларамберг, ук. соч.), (Курсив наш. — В. Г.)

² Это не помешало Tomaschek'у написать в заметке о Дии, помещенной в R. E. Pauly-Wissowa (s. v. Dia, столбец 299), что Нимфей локализуется „bei dem Vorkprung Aq-Burum südlich von Kerč“.

против попытки Воизиуса (попытка, действительно необоснованной) локализовать Нимфей в 60 стадиях на юг от Пантикапея (заметьте, что это как раз то расстояние от Пантикапея до Тиритаки, о котором говорит перипл Анонима). „Если бы Воизиус, — пишет Дюбрюкс, — был сам на этих местах и видел бы развалины, еще сохранившиеся от древних городов, он бы, верно, судил иначе о расстоянии этих городов, потому что его 60 стадий до Нимфей простираются до Камыш-буруна, где нет никаких развалин...“¹ А несколько далее он отмечает относительно Камыш-буруна следующее: „Неглубокий и неширокий ров на юге и фундамент небольшой стены на возвышении, не имеющем более 150 саж. в окружности, — вот, что нашел я на этом месте...“ В виду этого ни Дюбрюкс, ни Бларамберг и не пытались установить связь этого внешне малозаметного в археологическом отношении пункта с каким-либо поселением, засвидетельствованным литературными источниками. Это уже сделал позднее Дюбуа, высказав предположение, что в Камыш-буруне находятся остатки города Дии.

„Между залеганием железной руды (*mine de fer*)² и деревнею Камыш-бурун — пи ал Дюбуа — находятся развалины Дии, которая занимала таким образом крайний северный пункт, определяющий вход в древний залив Нимфея, ныне озеро Чурубаш“.³ Как видим, Дюбуа не приводит никаких доводов, которые подтверждали бы его утверждение относительно местоположения Дии.⁴ Но совершенно ясно, что основанием для такого заключения Дюбуа послужило указание Плиния, согласно которому за Феодосией „*ultra fuere oppida Cytae, Zephyrium, Acaae, Nymphaeum, Dia*“;⁵ далее Плинием упоминается Пантикапей как существующий город („*restat longe validissimum in ipso Bospori introitu Panticapaeum Milesiorum*“)⁶ в отличие от пре-

дыдущих пунктов, которые считались Плинием „бывшими“. Порядок перечисления городов у Плиния показывает, что город Дия находился между Нимфеем и Пантикапеем. Как известно, в перипле Анонима и у Птолемея это место в перечне населенных пунктов на западном побережье Боспора Киммерийского занимает Тиритака, которая Плинием не упоминается. У Плиния отмечен также и город Зефирий, не встречающийся у других авторов. Но в этом случае характерно то обстоятельство, что Зефирий не нарушает известного по другим источникам порядка расположения боспорских городов. В виду этого упоминание Зефирия у Плиния может быть истолковано как результат более полного перечисления населенных пунктов, в числе которых Зефирий другими источниками не упоминался, может быть, в виду его сравнительно небольшого значения. Иначе обстоит дело с Дией. Дия у Плиния явно занимает то место, которое в перечне населенных береговых пунктов у Анонима и у Птолемея занимает Тиритака. Поэтому вполне понятно, что Бларамберг сделал относительно Дии весьма правдоподобное предположение в виде вопросительного замечания: „этот город не тот ли самый, который Птолемей именует Тиритакою?“¹ Нет ничего невероятного в предположении, что один и тот же город имел два наименования. Достаточно вспомнить, например, что Диоскуриада в римское время была переименована в Севастополь,² Пантикапей в Кесарию, Фанагория в Агриппию и т. д., причем о переименовании Пантикапея и Фанагории нам известно только по эпиграфическим и нумизматическим памятникам, в то время как литературные сведения римского времени все, без исключения, продолжают сохранять прежние названия. Поэтому можно было бы полагать, что у Плиния отражено римское название Тиритаки, которое, однако, не особенно прочно привилось, и поэтому в других источниках мы встречаем, старое, укоренившееся наименование Тиритаки.

Подведем итоги исследованию: 1. Текст изданий перипла Анонима, которым пользовались первые исследователи Боспора, содержал грубые искажения. Отсутствие точных данных этого перипла в распоряжении Дюбрюкса и Бларамберга привело к недоразумениям и путанице при их попытках локализовать Нимфей, а вместе с тем это повело и к неправильному осмыслению указаний Птолемея относительно Тиритаки, которую стали искать в глубине полуострова. 2. На основании данных перипла Анонима, в котором до нас дошли ценные сведения о поселениях западного побережья

¹ П. Дюбрюкс. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Олук включительно при Черном море. Зап. Одесск. общ. ист. и древн., IV, стр. 48.

² Дюбуа имеет в виду высокий обрывистый берег, где расположен теперешний Камыш-бурунский маяк, здесь в обресе берега отчетливо выступает залегающий сравнительно неглубоко мощный пласт железной руды В. Г.

³ Dubois de Montpreux. Voyage autour du Caucase... et en Crimée, t. V, Paris, 1843, p. 246.

⁴ Вслед за Дюбуа стало почти общепринятым считать Камыш-бурунское городище остатками Дии, исходя при этом из непроверенного положения о локализации Тиритаки к западу за Чурубашским озером (Древн. Босф. Ким., стр. СХIV. — Ю. Ю. Марти. Зап. Одесск. общ. ист. и древн., XXXI, стр. 34, прилож. к протокол. 414 заседания. — Minns, Scythians and Greeks, p. 20, ср. карту Ю. Ю. Марти. Сто лет Керченского музея, Керчь 1926).

⁵ Plin. N. H., IV, 86. У равеннского географа (VII в. н. э.). Это название искажено: вместо „Dia“ стоит „Dina“ [ср. замечание Ю. Кулаковского „К вопросу об имени города Керчи (отд. отт., стр. 196 сл.)].

⁶ Plin. N. H., IV, 87.

¹ Бларамберг, ук. соч., 9, прим. 10.

² Agrippa, peripl. P. E., §§ 14 и 25 („Севастополь основан милетянами и прежде назывался Диоскуриадою“). Сводку литературных сведений о Диоскуриаде см. в статье И. А. Орбеля „Город близнецов ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΑΣ и племя возниц ΗΝΙΟΧΟΙ“ (ЖМНП, 1911, № 5, стр. 35 сл.).

Боспора Киммерийского, заимствованные из какого-то хорошо осведомленного раннеэллинистического источника,¹ остатки боспорского поселения в Камыш-буруне должны быть признаны остатками древней Тиритаки. Данные перипла о расстоянии между Пантикапеем — Тиритакой и Тиритакой — Нимфеем настолько точно совпадают с действительными расстояниями между Керчью, Камыш-буруном и Эльтигеном, что не может быть никаких сомнений в правильности вышеуказанной локализации. 3. Указание Птолемея о Тириктаке (=Тиритаке) относится, несомненно, к тому же береговому поселению, существовавшему на месте Камыш-буруна. Сообщаемые Птолемеем координаты местоположения Тиритаки, не имея буквального значения при решении вопроса о локализации Тиритаки, могут быть приняты в расчет только как общее указание на то, что Тиритака была расположена несколько к северо-западу от Нимфея и к юго-западу от Панти-

капея, а это и соответствует местоположению Камыш-бурунского городища. 4. Предположение Бларамберга о возможности приурочения Тиритаки к городищу, находящемуся к западу от Чурубашского озера (Кермеш-келечик), а тем более гипотеза Дюбрюкса, связывавшего Тиритаку с городищем возле деревни Кувурдак, должны быть совершенно отклонены как ошибочные и не находящие никакого подтверждения в источниках: а) пункты, в которых пытались искать Тиритаку Бларамберг и Дюбрюкс, не принадлежат к числу береговых точек; б) поиски Тиритаки внутри Керченского полуострова не могут быть признаны основательными, потому что они основаны на игнорировании точных указаний перипла Анонима. 5. Для локализации упоминаемой Плинием Дии данных пока нет. Поскольку перечень поселений у Плиния касается, судя по контексту, только береговых поселений, упоминание Дии в промежутке между Нимфеем и Пантикапеем, т. е. там, где другие источники отмечают Тиритаку, позволяет думать, что, может быть, Дия — название Тиритаки в раннеримское время.

¹ Restowzew, op. cit., S. 66.

В. Ю. МАРТИ

РЫБОЗАСОЛОЧНЫЕ ВАННЫ ТИРИТАКИ

Восемь из шестнадцати обнаруженных при раскопках Тиритаки ванн были в 1932 г. очищены от заполнявшей их земли и детально обследованы. Множество рыбных остатков, найденных в них, окончательно подтвердили мысль, высказанную еще в начале раскопок, что вся эта прекрасно сохранившаяся система сооружений представляет остатки древнего рыбозасолочного промысла.

Из многочисленных остатков в ваннах лишь остатки, найденные на дне, органически связаны непосредственно с древними процессами производства засола рыбы. Остальные остатки (в преобладающем количестве кости осетровых) случайного происхождения, непосредственно к ваннам отношения не имеют и попали в ванны в процессе заваливания их жилым мусором. С другой стороны, нахождение в мусоре большого количества рыбных костей с несомненностью подтверждают также существование в Тиритаке большого рыбного промысла.

Произведенный анализ остатков дает следующую картину распределения их в ваннах:

Ванна I. Остатков рыбы нет; в верхних слоях мусора в большом количестве створки моллюсков мидий, шедших, повидимому, в пищу и в древнее время (*Mytilus galloprovincialis*).

Ванна II. Рыбных остатков нет; в мусоре створки устриц (*Ostrea taurica*), несомненно, тоже употреблявшихся в пищу.

Ванна III. Остатков рыбы нет; некоторые слои мусора окрашены в зеленоватый цвет, позволяющий предполагать наличие перегнивших органических остатков, повидимому, рыбы.

Ванна IV. В средних слоях мусора кость рыбы из осетровых (*Acipenseridae*).¹

Ванна V. Кости осетровых рыб (*Acipenseridae*); лучи грудных плавников, фулькры, кости плечевого пояса; грудной луч крупного экземпляра севрюги (*Acipenser stellatus*) и крупный экземпляр осетра (*Acipenser Güldenstädti*).

Ванна VI. Кости плечевого пояса, грудные лучи, жаберные крышки operculum, фулькры и щитки осетровых рыб (*Acipenseridae*); в слое от 0.50 до 0.75 м от дна головные кости сельди (*Caspialosa*). В слое между 0.75 и 1.00 м от дна глоточный зуб рыбы из рода *Rutilus* (вероятно, тарани). У дна большое количество чешуи средних размеров сельди (*Caspialosa*).

Ванна VII. Головные кости, operculum, жучки и расслоившиеся кости фулькры осетровых (*Acipenseridae*). В верхних слоях мусора одна кость — dentale — судака (*Lucioperca*).

Ванна VIII. Operculum, костяные лучи грудных плавников осетровых (*Acipenseridae*), единично позвонки судака (*Lucioperca*), paraspheloideum осетровой рыбы, рассеченный вдоль пополам (в настоящее время при засоле красной рыбы также практикуется разрубание головы). В нижнем слое у дна остатки хорошо

Рис. 1. Современные рыбозасолочные ванны открытого типа.

¹ Как в этом случае, так и в ряде других не представляется возможным установление вида; очевидно, в большинстве случаев это кости севрюги (*Acipenser stellatus*).

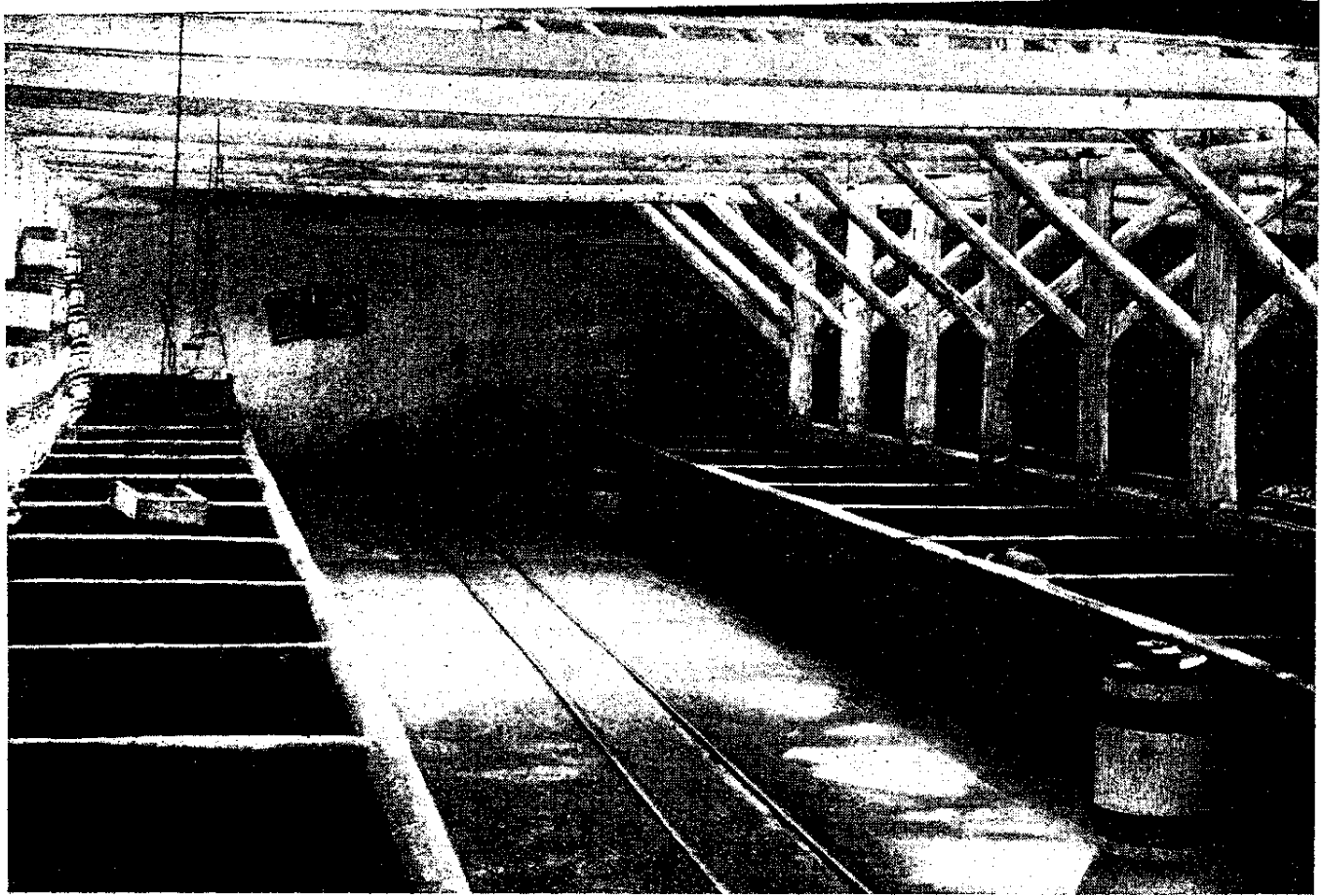

Рис. 2. Современные рыбозасолочные ванны закрытого типа.

сохранившейся головы сельди с ясно различаемыми жаберными тычинками, кости сельди (главным образом головные), масса чешуи и позвонки сельди (*Caspialosa*). В пифосе, найденном в районе рыбозасолочных ванн, в глинистых остатках хорошо сохранившаяся чешуя сельди небольшого размера (до 20 см).

Несомненно, сельдь составляла главный объект обработки. На это указывает огромное количество сохранившейся чешуи сельди, застилающей днища ванн.

На основании расположения ванн, ассортимента рыбных остатков, размеров засолочных сооружений можно сделать следующие выводы.

1. Открытые раскопками древние рыбозасолочные ванны во время их функционирования находились в непосредственной близости к морю; в настоящее время они отстоят от заплеска воды на 1 км, что объясняется продолжающимся в районе Керченского полуострова процессом отступания моря и нарастания берега.

2. 8 рыбозасолочных ванн имеют общую емкость в 102 м³, т. е. единовременную засолочную емкость в 800—820 центнеров рыбы. Принимая во внимание, что этот рыбозасолочный пункт имеет еще 8 аналогичных размеров ванн, общую единовременную пропускную способность можно определить в 1600 центнеров рыбы-сырца. Полагая, что по условиям мигра-

ции рыбы в Керченском проливе и по продолжительности засола в среднем в 15 дней (современные способы посола около двух недель) оборачиваемость промысла могла быть в году восьмикратной (максимум), вся годовая продукция посолочного пункта определяется в 12 800 центнеров. Эта цифра (максимальная) говорит о значительной мощности данного производственного предприятия с обслуживающим персоналом не менее 12—15 человек.

3. При наличии столь крупных переработок рыбы нужно предполагать и значительные количества необходимых подсобных материалов, в первую очередь соли; ее должно было расходоваться при указанной выше предполагаемой цифре переработки не менее 3000 центнеров. Потребление такого количества соли говорит о существовании специального соляного промысла.

4. Переработка такого количества рыбы предполагает и наличие достаточно мощного добывающего промысла. Вероятнее всего промысел в целом в древности базировался на неводном хозяйстве, причем трудно предположить наличие в то время неводов современных размеров; надо думать, что невода были меньшей величины.

5. Как показывают находки рыбных остатков в ваннах, основным объектом промысла была, главным образом, сельдь, что дополняет лите-

ратурные данные, говорящие, почти исключительно, о лове в Керченском проливе красной рыбы.

6. Открытие рыбозасолочных ванн и установление наличия связанных с засолом рыбы производств: добычи рыбы и соли, изготовления орудий лова, — все это говорит о существовании в древней Тиритаке в римское время значительного рыбного промысла со всеми входящими в него подсобными отраслями.

7. Система бетонированных рыбозасолочных ванн применяется в настоящее время на всех рыбных промыслах Керчи. Ванны эти появи-

лись в период гражданской войны и вытеснили прежние малопрактичные деревянные ванны. Бетонированные рыбозасолочные ванны устраиваются в настоящее время иногда на открытом воздухе (рис. 1), иногда в помещении (рис. 2). Современные бетонные ванны отличаются дешевизной и прочностью устройства. В этом отношении открытые древние ванны являются прототипом современных бетонированных ванн. Цементированные раствором из извести, песка и толченого черепка, античные ванны замечательны своей исключительной простотой и прочностью.

МИРМЕКИЙ

ОТЧЕТ О РАСКОПКАХ В 1934 г.

*

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МИРМЕКИЯ

Развалины боспорского поселения Мирмекия находятся на побережье Боспора Киммерийского (Керченского пролива) в 4 км к северо-востоку от Пантикапея (Керчи) у мыса Карантинного.

Местоположение Мирмекия поддается точной локализации благодаря ряду указаний, имеющих в античных литературных источниках. В перипле псевдо-Скилака (§ 68), восходящем к первой половине IV в. до н. э., в числе греческих городов (*πόλεις*), расположенных в Скифии, на ряду с Феодосией, Китеем, Нимфеем и Пантикапеем, упоминается Мирмекий (*Μυρμήκιον*). Мирмекий отмечен в перипле псевдо-Скилака, непосредственно после Пантикапея, что указывает на территориальную близость этих городов. Правильность такого толкования подтверждается Страбоном, в „Географии“ которого упоминание Мирмекия встречается несколько раз. Особенно ценным является имеющееся у Страбона указание на расстояние между Мирмекием и Пантикапеем. Страбон (VII, 309) пишет: „влево для врывающегося в Боспор Киммерийский находится городок Мирмекий (*πολύκιον Μυρμήκιον*) в 20 стадиях от Пантикапея“.

Принимая во внимание, что стадий (аттический) равнялся 178 м, получается, что Пантикапей отделялся от Мирмекия расстоянием около 3.5—4 км.

Упоминание Мирмекия Страбоном в другом месте (XI, 494) интересно тем, что здесь Мирмекий назван не городком, а просто селением или деревней (*κώμη*). Отметив селение Ахиллий на азиатском побережье пролива, Страбон пишет: „Здесь самое узкое место устья Меотиды — около 20 стадий или несколько более; на противоположной стороне находится селение Мирмекий, расположенное вблизи Гераклия, и Парфений“.¹ Вероятнее всего, что называя

Мирмекий селением (*κώμη*) или городком (*πολύκιον*), Страбон, вернее тот источник, которым он пользовался, имел в виду не столько

часть сначала Мирмекий, а затем Парфений. В. В. Латышев на этом основании сделал следующие заключения: „На полуострове, называемом ныне Фонтаном, был город Киммерий; в 20 стадиях от него был расположен Ахиллий как раз в том месте, где Боспор наиболее суживается, так что Мирмекий, лежавший на европейском берегу, отстоял от него только на 20 стадий“ (*Понтика*, стр. 63). Как известно, наиболее узкого места Керченский пролив достигает в районе Еникале, следовательно, по В. В. Латышеву выходит, что Мирмекий лежал где-то в этой части побережья пролива. Приблизительно так в начале XIX в. и определял местоположение Мирмекия Сестренцевич-Богущ на своей карте, приложенной к „Истории о Таврии“, где Мирмекий отнесен почти на самый берег Азовского моря. Однако Латышев противоречил самому себе, так как страницей ранее он писал, что следы Мирмекия сохранились у Керченского карантина, и, главное, противоречил Страбону, который в VII книге совершенно определенно указывает, что между Мирмекием и Пантикапеем 20 стадий. Это расстояние никак не подходит к району Еникале. Недоразумение, получившееся у Латышева (оно повторено А. Hermann'ом в R. E. Pauly-Wissowa s. v. Μυρμηκίον), объясняется тем, что он не сопоставил указания из XI книги с более точными данными, которые имеются у Страбона в книге VII. Указывая там на разделявшее Мирмекий от Пантикапея расстояние в 20 стадий, Страбон далее сообщает, что „вдвое дальше от Мирмекия отстоит селение Парфений (*κώμη Παρθένιον*), у которого самая узкая часть пролива, около 20 стадий; на противоположной стороне в Азии находится селение, называемое Ахиллием“. Из этого видно, что Парфений отстоял от Пантикапея на 60 стадий и был, следовательно, расположен довольно далеко от Мирмекия, причем в наиболее узкой части пролива на европейской стороне Боспора находился именно Парфений, а не Мирмекий. Следовательно, в XI книге Страбона порядок упоминания Мирмекия и Парфения не соответствует действительному расположению этих селений. Значительно более отдаленный от Ахиллия Мирмекий отмечен первым, а более близкий Парфений — вторым. Возможно, что этот порядок перечисления был обусловлен удельным весом поселений: Мирмекий, как более крупный пункт, упомянут первым, а затем уже Парфений, хотя именно последний и находился против Ахиллия. Парфений локализируется в 3 км к северо-востоку от Еникальского маяка [ср. замечания И. Бламберга (Зап. Одесск. общ. ист. и древн., II, 16, прим. 21)].

¹ Это указание Страбона страдает недостаточной точностью, которая породила недоразумения у некоторых исследователей. Говоря о поселениях на европейском берегу в самом узком месте пролива, против селения Ахиллия, бывшего на азиатской стороне, Страбон отме-

Рис. 1. Вид на городище Мирмекия (отмечено стрелкой) с горы Митридата в Керчи (по рисунку 40-х гг.).

политическое или государственно-юридическое положение Мирмекия, сколько сравнительно небольшое экономическое значение этого селения в Боспорском государстве.¹ Можно предполагать, что в более ранний период развития Боспорского царства Мирмекий имел большее значение, чем позже, в римское время. К такому выводу приводит то, что если у Страбона Мирмекий обозначен как *πολίχμιον* или *κώμη*, то у псевдо-Скилака Мирмекий упоминается на ряду с наиболее крупными и экономически важными боспорскими городами.

В так наз. страбоновской хрестоматии, составленной в средние века и представляющей сокращенное изложение труда Страбона, известное уже нам место из VII книги передано так: „Если от Пантикапея подняться к северу на 20 стадий, то там находится городок Мирмекий, за ним селение Парфений в 40 стадиях от Мирмекия, от Пантикапея же в 60“. Следовательно, здесь имеется уточнение местоположения Мирмекия, поскольку указано, что Мирмекий лежит к северу от Пантикапея.

В перипле Анонима, компилятивном труде неизвестного автора ранневизантийского времени, в котором переданы отрывки из периплов еще эллинистической эпохи, имеется (§ 76) упоминание городка Мирмекиона (*Μυρμηκίων*) с близким к страбоновскому указанием рас-

стояния между ним и Пантикапеем: „От Мирмекиона до Пантикапея, известного боспорского города — 25 стадий, 3¹/₃ мили“.

О существовании „киммерийского города“ Мирмекия знал Помпоний Мела (II, 3): „in Bosphorum cimmerica oppida Murmecion, Panticapeon, Theodosia, Hermisium“.

Плиний Старший (N. H. IV, 87), упоминая города, расположенные на побережье Боспора Киммерийского, называет Гермисий и Мирмекий (*Murmesium*).

В географическом руководстве Птолемея (кн. III, гл. VI) перечислены следующие пункты крымского побережья в пределах Боспора Киммерийского: Тириктака, Пантикапей и мыс Мирмекий (*Μυρμηκίων ἄκρον*). Последнее свидетельство показывает, что название города Мирмекия было в римское время присвоено также и мысу, у которого он был расположен. Это дает определенное географическое уточнение местоположения Мирмекия, дополняя сведения Страбона.

В словаре Стефана Византийского отмечается Мирмекий — городок в Таврике (*Μυρμηκίων, πόλις τῆς Ταυρικῆς*) со ссылкой на Страбона, как на источник этого сведения. В конце справки указывается, что Артеמידор называет этот город *Μυρμηκία*.

Наконец, о Мирмекии имеется свидетельство у Иордана в его труде „Getica“ (V, § 32). В обзоре городов черноморского побережья он называет и *Murmesion* (порядок перечисления

¹ Ср. замечания С. А. Жебелева в сборнике „Из истории Боспора“ (Изв. ГАИМК, 104, стр. 8, прим. 5).

городов у Иордана следующий:¹ Boristhenide, Olbia, Callipolida, Chersona, Theodosia, Careon, Myrmicion et Trapesunta). Careon — это, по видимому, Пантикапей, который, как думают некоторые исследователи, во времена Иордана приобрел в местном обиходе („в живой простонародной речи“) это новое туземное название (Careon или, может быть, Carcon).²

Из сопоставления всех приведенных выше свидетельств видно, что Мирмекий, начиная с IV в. до н. э. вплоть до раннесредневекового времени, был известен как городок, находящийся неподалеку от Пантикапея. Определение расстояния между ними в 20—25 стадий, указание Страбона на то, что Мирмекий для въезжающего в Босфор Киммерийский находится влево, замечание страбоновской хрестоматии о расположении Мирмекия к северу от Пантикапея, наконец, связь Мирмекия с мысом, указанная Птолемеем, — все эти данные делают единственно возможной локализацию Мирмекия

¹ Iordanis. De origine actibusque getarum. Monumenta Germaniae historica, V, ed. Mommsen, Berlin, 1882, p. 62.

² А. Васильев. Готы в Крыму. Изв. ГАИМК, I, стр. 340. Ю. Кулаковский. К вопросу об имени города Керчи. Отд. отг., стр. 198 сл.

в районе бывшего Нового карантин, где теперь расположен поселок 1-й Самострой.

С начала археологического изучения Керченского полуострова, т. е. с 20-х годов прошлого столетия, Мирмекий и отождествлялся с остатками древнего поселения, расположенного у Карантинного мыса,¹ получившего свое название от построенного в этом районе в конце 20-х — начале 30-х годов XIX в. так наз. Нового карантин. Дюбрюкс оставил нам ценное описание следов Мирмекия,² которые были хорошо заметны на поверхности в его время. Им же совместно со Стемповским был в 1820 г. снят план городища Мирмекия; очевидно, на основе этого дюбрюксовского плана Бларам-

¹ И. М. Муравьев-Апостол. Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб., 1823, стр. 311: „В четырех верстах на восток от Керчи я нашел развалины весьма древние на небольшом мысе, образующем бухту, к югу обращенную. Здесь полагать надобно стоял Мирмикион, городок, о коем упоминает Страбон и ставит его в 20 стадиях от Пантикапея“.

² П. Дюбрюкс. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно при Черном море. Зап. Одесск. общ., ист. и древн., IV, стр. 15.

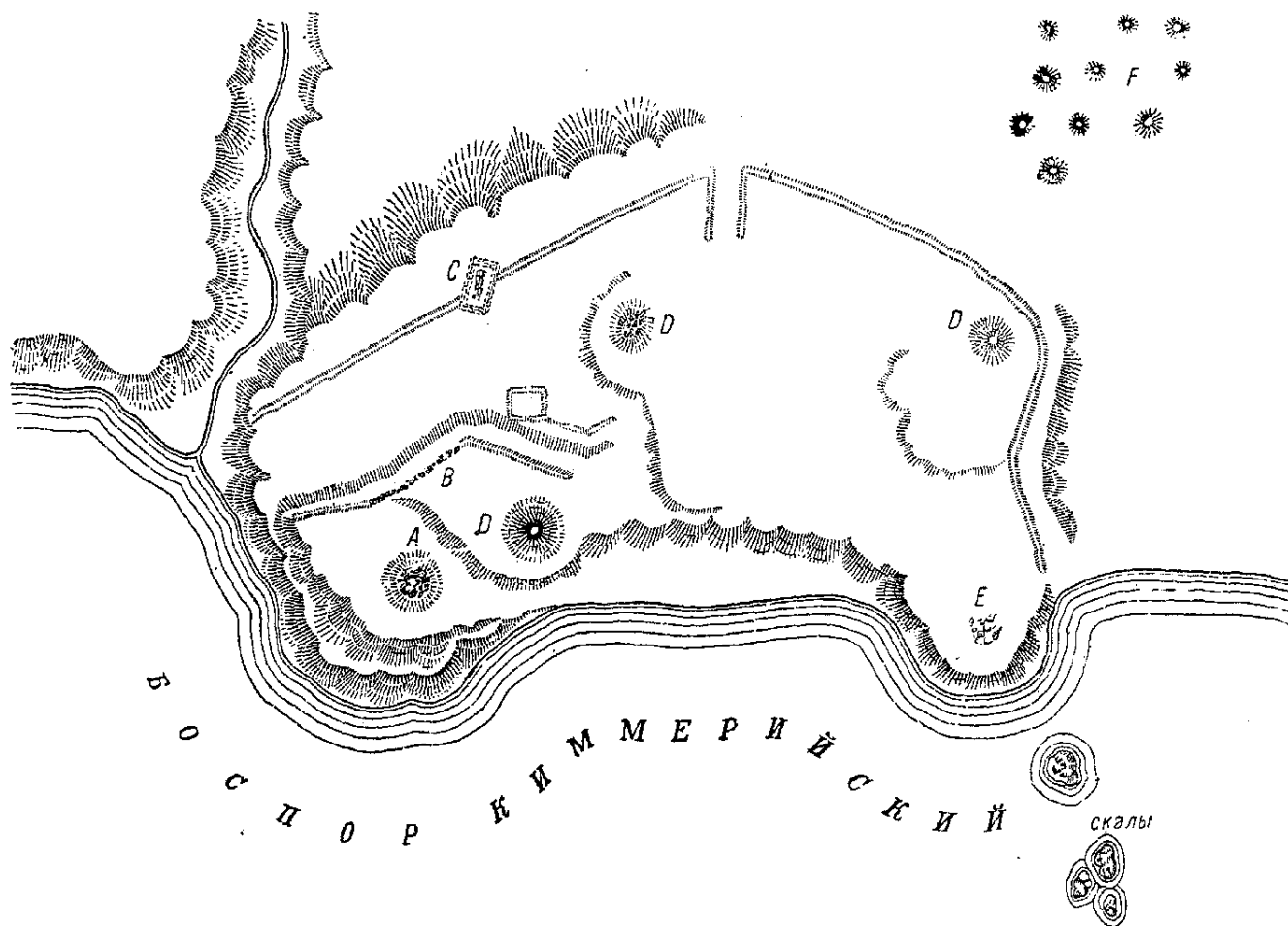

Рис. 2. Схематический план городища Мирмекия по Бларамбергу.

„А — фундамент круглого здания, в котором видны еще три ряда кладки больших тесаных камней без цемента; В — ряд неровных камней, охватывающих фундаменты стены укрепления; С — фундаменты здания, формы параллелограмма, состоящие из кладки тесаных камней на поверхности земли (длина их 18 шагов, а ширина 8); D — башни; E — развалины; F — курганы“.

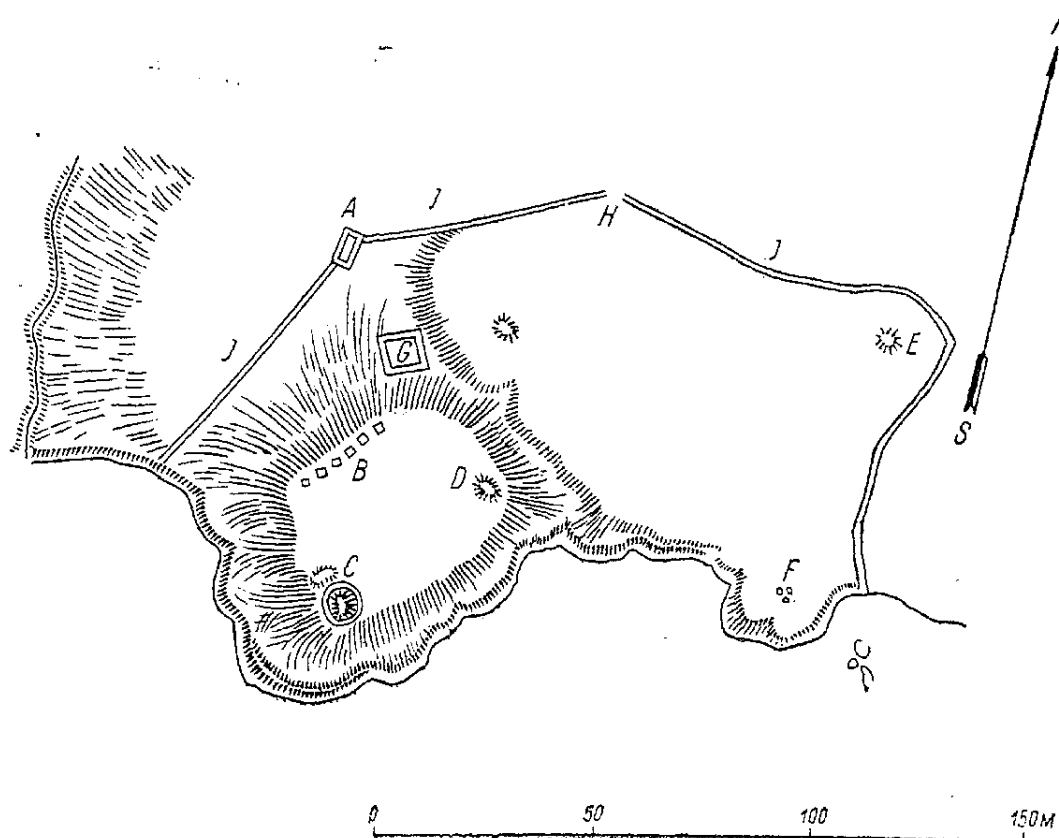

Рис. 3. Схематический план городища Мирмекия, хранящийся в библиотеке ИИМК.

А — четырехугольная башня в 18 шагов длины и 8 ширины, построенная из больших тесаных камней, которых один ряд еще цел; В — остатки стены, составлявшей цитадель, С — три слоя тесаных камней, составлявших круглую башню; D — возвышение, составленное развалившейся башней; E — еще два возвышения; F — мыс с развалинами; G — остатки строения; H — следы ворот; I — главный вал.

бергом был составлен „приблизительный план следов древнего Мирмикиона“, изданный в 40-х гг. прошлого столетия¹ (воспроизведен на нашем рис. 2). Где находится оригинал плана Дюбрюкса — неизвестно. В библиотеке ИИМК хранится, насколько нам известно, нигде не издававшийся план городища Мирмекия, который в деталях несколько отличается от плана Бларамберга (этот план мы даем на рис. 3). В статье Дюбрюкса, посвященной описанию развалин и следов древних укреплений на Керченском полуострове (составлено в 1828—1833 гг.), имеется специальный раздел о Мирмекии. Дюбрюкс правильно, на основании точных указаний Страбона, локализовал Мирмекий возле Нового карантина.² По словам Дюбрюкса, „в то время [т. е. в 1820 г.], когда был снят план, эти развалины [т. е. заметные на поверхности остатки древнего города] были более видны, чем в настоящее время. Ворота находились на севере; место, которое занимали они, очень

ясно сохранилось; здесь также видны башни, фундаменты на поверхности земли, рвы, следы зданий круглых, квадратных, прямоугольных, акрополис, в котором на конце находятся прекрасно сохранившиеся остатки циклопической постройки формы круглой, имевшей в диаметре 8 саж.; есть также вокруг всего этого два-три ряда камней, обтесанных и плотно лежащих один на другом, хотя без всякого цемента и извести. Многие принимали это здание за башню, напротив, другие считают его небольшим храмом“. Далее Дюбрюкс высказывает предположение, не выдерживающее, правда, критики, что это должно быть остатки „храма Гераклеум или Гераклеум“.

Так же, как Дюбрюкс, определял местоположение Мирмекия и Бларамберг: „Развалины, видимые ныне в расстоянии 4 верст от Керчи, или 20 стадий от древней Пантикапея, сообразно с измерением, так верно предполагаемым Страбоном, принадлежат бесспорно древнему Мирмикиону, на погребальных местах которого устроили новый карантин и где открыли недавно множество древних вещей, глиняных, золотых и бронзовых; это последнее обстоятельство устраняет все сомнения насчет положения этого городка, или древнего местечка,

¹ Во II томе „Зап. Одесск. общ. ист. и древн.“ план издан в виде приложения к статье П. Бларамберга (табл. II).

² Дюбрюкс, ук. соч., стр. 6.

в соседстве которого, как говорит положительно Страбон, находился Ираклион...¹

Первоначально строительство карантина велось, повидимому, преимущественно на территории примыкающего к Мирмекию некрополя, но затем некоторые постройки были воздвигнуты непосредственно на территории самого городища, причем при рытье для фундаментов ям и рвов обнаруживались остатки древних сооружений. Об одном таком открытии, зафиксированном в описании путешествия Демидова, сообщает К. Нейман.² При постройке карантина натолкнулись на основание древнего здания, состоявшего из целого ряда кирпичных оснований, со стоящими на них столбами — четыре на одной стороне и по три на двух других; внутри помещение разделялось стенами на ряд комнат.

На месте расположения вышеуказанной круглой постройки на скалистом холме Карантинного мыса в 1834 г. случайно было сделано интересное открытие. По этому поводу Ашик писал: „На месте, называемом Змеиным городком,³ т. е. на выдающемся в море каменном мысе, вблизи которого заметны некоторые развалины древнего Мирмекиона и где теперь устроен Керченский карантин, уцелело осно-

вание круглообразного здания, состоящее из огромных многоугольников, принадлежащих к разряду циклопических. В 1834 г. при перенесении флагштока в Керченском карантине с прежнего места на упомянутый мыс случайно найдены были куски мрамора. Я стал производить разыскания в этом же самом месте, следствием чего было открытие прекрасного, из паросского мрамора, саркофага, отличающегося высшим изяществом резца; здесь же отыскан и другой мраморный саркофаг без всяких особенных украшений“.¹

Упомянутый Ашиком первый саркофаг, украшенный скульптурными изваяниями и рельефами II в. н. э., хранится в Эрмитаже.² В связи с открытием саркофагов Ашик дал новое объяснение значению той крупной монументальной древней кладки, которая уцелела на Карантинном мысе: „Некоторые ученые путешественники почитали эти замечательные развалины остатками башни акрополиса города Мирмекиона; но сделанное здесь открытие двух мраморных саркофагов должно, кажется, уничтожить подобное предположение. С большей вероятностью можно принять эти развалины за надгробный памятник, совершенно сходный с древнею стеною, которою обнесен Золотой курган“.

Наличие этой постройки в районе Мирмекии равно как обнаруженные два склепа с мраморными саркофагами были долгое время единственными археологическими памятниками, известными своей связью с городищем Мирмекии.

На самом городище впервые были произведены А. Люценко в 1863 г. небольшие раскопки, носившие разведочный характер. Об этих работах в „Журнале археологических изысканий около Керчи“ за указанный год говорится как об „исследовании двух обширных насыпей, лежащих на берегу пролива за оградой карантина“. К сожалению, отсутствие в отчете достаточно точной локализации места работ (никаких планов ни городища, ни раскопок при отчете нет) не позволяет определить, где именно копал Люценко в 1863 г. Повидимому, его раскопки находились несколько к северу от той береговой полосы, где позднее, в 1885 г., пробовал копать Гросс.

в 2 км к востоку от Карантинного мыса, а следовательно и от Мирмекии. Настоящим замечанием мы хотим не только внести должную ясность в топографическую номенклатуру, но и отметить наличие следов небольшого древнего поселения на Змеином мысу, что находится в полном соответствии с указанием Ф. Гросса, вопреки высказывавшимся в литературе утверждениям о том, что якобы между Еникале и Мирмекием берег моря не имеет „признаков древнего жилья“ В. Г.

¹ А. Ашик. Воспорское царство, II, стр. 41.

² Изображение и описание саркофага имеется в книге Ю. Ю. Марти „Сто лет Керченского Музея“ (Керчь, 1926, рис. 4, стр. 11—12). Саркофаг издан у К. Robert'a. (Die antiken Sarkophagreliefs, II, S. 26, Taf. VIII—IXa). Литература о саркофаге приведена также у S. Reinach'. (Antiquités du Bosphore Cimmérien, Paris, 1892, pp. 38—39).

¹ П. Бларамберг. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды. Зап. Одесск. общ. ист. и древн., IV, стр. 13. Бларамберг локализовал Гераклий на Темир-горе, где действительно имеются следы древнего поселения, раскопывавшегося П. Хицуновым в 1869 г. и А. Люценко в 1870 г. (Архив ИИМК, дело № 23, 1870). В. В. Латышев приурочивал Гераклий к древнему городищу на мысе Зюк (побережье Азовского моря), где Ю. Кулаковский считал возможным локализовать Зенонов Херсонес, упоминаемый Птолемеем (МАР, 17, стр. 28, IosPE, IV, стр. 123).

² K. Neuman p. Die Hellenen im Skythenlande, I. Berlin, 1855, S. 533.

³ И Ашик и еще ранее Дюбрюкс называли район Карантинного мыса, где находится городище Мирмекий, „Змеиным городком“. Это название перешло и в некоторые новейшие археологические работы по Боспору. Следует однако заметить, что приписывание местности у Карантинного мыса названия „Змеиный городок“ или наименование самого мыса „Змеиным“ является ошибочным. На картах середины XIX в. (см., например, карту, приложенную к „Древностям Босфора Киммерийского“) Змеиногородский военный кордон обозначен на мысе, расположенном в 2 км к востоку от Карантинного мыса, за теперешней пристанью Госметзавода. Принадлежность названия „Змеиный“ именно этому мысу подтверждается и показаниями Ф. Гросса, в программе раскопок которого, составленной на 1885 г. (Архив ИИМК, дело № 10, 1885), указаны между прочим следующие пункты, намеченные для раскопок: „1) Пепелище древнего Мирмекиона, находящееся за Керченским карантинном у берега моря... 2) В двух верстах далее к востоку, по направлению к Еникале, на скалистом мысу Змеиногородка, где в настоящее время находится кордон береговой стражи, также находится пепелище, еще совершенно нетронутое“. Действительно, при осмотре в 1934 г. указанного Гроссом мыса, нами были констатированы с восточной стороны признаки культурного слоя с наличием в нем фрагментов античной керамики. (ср. ОАК, 1891, стр. 43). На ряду с несколькими обломками эллинистической чернолаковой керамики на поверхности был найден обломок боспорской клейменной черепицы (по описи № Д 3456). Опрос жителей подтвердил, что Змеиным мысом называется этот высокий скалистый мыс, расположенный

Краткому описанию результатов „раскопок насыпей“, произведенных в 1863 г. в юго-восточной части Мирмекии, предшествует следующее пояснение: „Насыпи эти находятся в соседстве с карантинном, лежащим, как известно, на месте древнего Мирмикиона. Они незначительны по высоте, но очень глубоки и обширны в окружности. Первая из них, имеющая форму конуса с плоской вершиной, прилегает к ограде карантина с восточной его стороны, вторая — продолговатая тянется по берегу пролива, упираясь в подошву скалистого холма, находящегося в обрыве его. Впрочем, размеры этих насыпей определить трудно, потому что они лежат на поверхности другой сплошной насыпи, древнейшего происхождения,¹ которая простирается от подошвы их чрезвычайно далеко. Насыпи подобного рода состоят из наносов глины, смешанной с золою, черепками битой посуды и морскими ракушками, а потому едва ли заключают в себе гробницы, но в основании их могут быть открываемы фундаменты древних строений и другие памятники, интересные в археологическом отношении, что и побудило приступить к исследованию вышеупомянутых [насыпей]“.

Отсюда видно, что Люценко, приступая к работе, ставил перед собою задачу начать раскопки остатков города Мирмекии. Но работы велись всего в течение 12 дней (с 2 по 14 сентября) и, повидимому, были быстро прекращены потому, что „особенных“ открытий сразу сделать не удалось.

Один раскоп, согласно отчету, „сделан был в середине первой из упомянутых насыпей, длина и ширина раскопа 3 саж., средн. глуб. $7\frac{1}{4}$ арш., с прорезом южной стороны для вывоза из него земли, по длине 7 [саж.], шир. 1 [саж.] и глуб. $\frac{16\frac{1}{5} + 0}{2}$ саж. В основании этого раскопа на глубине $2\frac{1}{2}$ саж. от поверхности насыпи открыто полусожженное и разрушенное каменное строение № 68, от которого уцелела только подвальная часть, дл. 3 [саж.], шир. $1\frac{1}{3}$ [саж.] и выш. 1 саж., с тремя отделениями, служившими, вероятно, кладовыми для хранения зернового хлеба. Кладовые эти длиною и вышиною около $2\frac{1}{2}$ арш., к которым сверху проведены черепичные желоба, имеют сходство с бассейнами. Они покрыты штукатуркой и снабжены полами из пуццоланы, на которых лежала зола, смешанная с углем. Кроме того, все строение окрашено снаружи по штукатурке в темнокрасный цвет. Должно полагать, что оно было построено на пепелище древнего Мирмикиона генуэзцами и разрушено турками. В насыпи над ним най-

дены две ручки от глиняных амфор с надписями...“¹

В альбоме Археологической комиссии за 1863 г. имеется рисунок Гросса (рис. 4), изображающий остатки того сооружения, об открытии которого говорится в вышеприведенном отрывке отчета. Рисунок показывает, что открытое строение находилось на значительной глубине под большой толщей культурного слоя.

Разумеется, предположение Люценко о сооружении этой постройки генуэзцами ни на чем не основано. Сопоставляя описание, имеющееся в отчете, с показаниями рисунка Гросса, следует заключить, что Люценко обнаружил какие-то резервуары-цистерны, относящиеся, очевидно, к римскому времени. Ничего общего с „кладовыми“ они не имели, и Люценко сам должен был констатировать их „сходство с бассейнами“, тем более, что к ним оказались проведены „черепичные желоба“, наличие которых было бы совершенно непонятно, если бы действительно данная постройка служила для „хранения зернового хлеба“. О римском времени свидетельствует ряд технических признаков: стенки и днища внутри резервуаров покрыты обычным для такого рода римских сооружений гидравлическим раствором, состоящим из извести с примесью цемьянки, т. е. толченой керамики, определяемым в отчете в качестве „пуццоланы“; не менее показательны наличие окраски оштукатуренных стенок; с этим техническим приемом приходится встречаться при изучении именно римских хозяйственных сооружений типа цистерн, служивших для хранения вина, для засолки рыбы² и т. д.

Ни отчет Люценко, ни рисунок Гросса не дают возможности выяснить, что представляли собою „черепичные желоба“, соединенные с верхней частью резервуаров, — были ли это керамиковые трубы (за это как будто говорит то, что на рисунке Гросса устье „желоба“, направленное внутрь левого резервуара, изображено в виде кружка) или же это были какие-то особые желоба?

Назначение резервуаров могло быть выяснено путем более широких раскопок. Но этого сделано не было. Обнаруженные в 1863 г. резервуары, вероятно, были связаны с винодельческим хозяйством, но это лишь только предположение.

Второй раскоп в 1863 г., согласно показаниям отчета, был „сделан с восточной стороны второй насыпи, около вершины ее; длина и ширина раскопа 3 саж., средняя глубина 5 арш., с прорезом подошвы для вывозки из

¹ Характеристика стратиграфии культурных наслоений дана неважно: не указано, на основании каких признаков верхняя „насыпь“ (слои?) так резко отделяется от нижней, более древней, чем определяется ее более позднее происхождение. В. Г.

¹ В отчете приводятся надписи двух клейм: 1) *Θεαρί-στος αὐτοῦ(μου) Καλλιθέ(ου)*, эмблема — две виноградные кисти; 2) *Ανδρίμου*.

² Повидимому, краска защищала штукатурку стенок резервуаров от разрушительного действия тех жидкостей, в соприкосновении с которыми находились стенки. Вопрос этот был предметом специального изучения Института археологической технологии (б. ГАИМК).

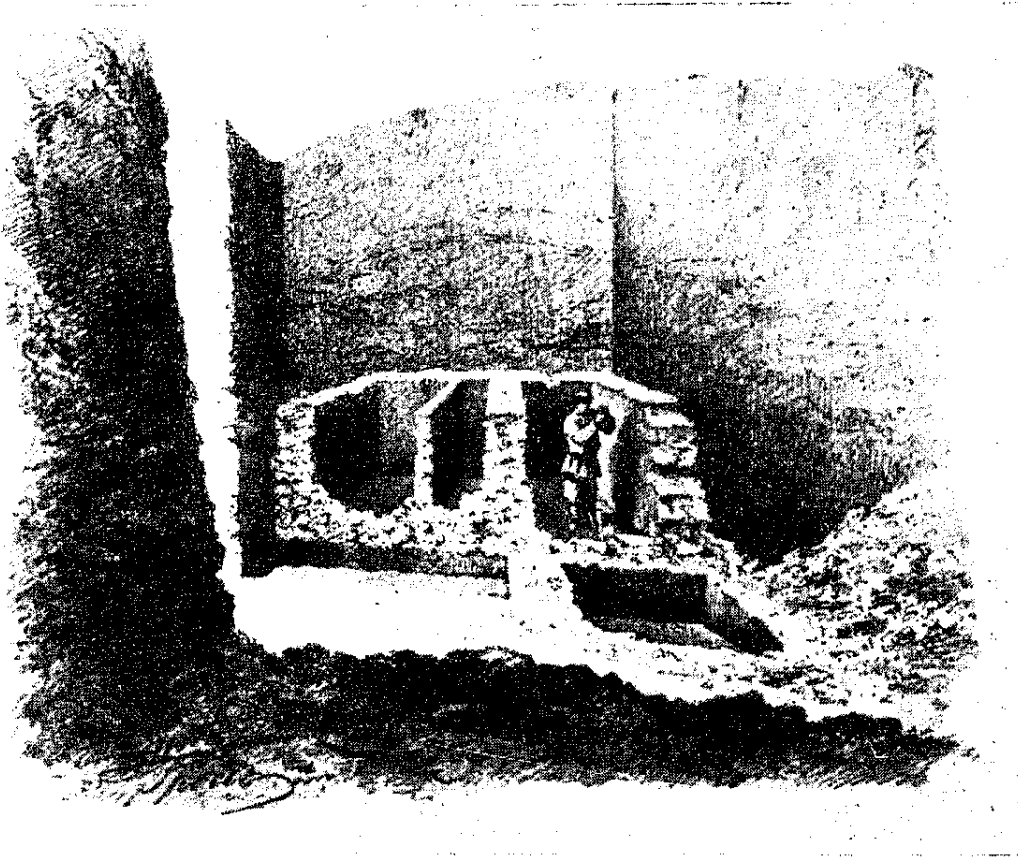

Рис. 4. Раскопки Мирмекия в 1863 г. (рис. Гросса).

него земли, по длине 3 [саж.], шир. 1 [саж.] и глуб. $\frac{1+0}{2}$ саж. и проложением из того раскопа двух минных галлерей,¹ длиною в [общей] сложности $8\frac{2}{3}$ пог. саж.

В этой глубокой насыпи, кроме простых камней, разбросанных по матеруку, ничего не оказалось. Что же могло быть поводом к ее возведению? Примыкая к скалистому холму, образующему со стороны пролива крутой мыс, не служила ли она террасой для сообщения с вершиной его? В верхних слоях этой насыпи найдено пять [клейменных] ручек от глиняных амфор...²

Таковы результаты разведок, произведенных на городище Мирмекия в 1863 г. Последние выводы отчета, конечно, подлежат проверке при дальнейших исследованиях в этой части городища.

В 1885 г. на территории городища Мирмекия, в той же его юго-восточной части, производил раскопки Гросс.

В отчете об этих раскопках он писал следующее: „За оградю Керченского карантина на берегу моря находится пепелище³ напра-

влением от запада на восток на протяжении 40 погон. саж. до выдающегося в море скалистого мыса. Поводом к расследованию сего пепелища послужило следующее обстоятельство. Возле упомянутого скалистого мыса находятся на берегу моря и в воде разной величины каменные глыбы частью природные, частью обрушившиеся от скалы и покрытые морским мохом. Осматривая все это повнимательнее опытным глазом, замечено было, что все эти камни природные или обрушившиеся со скалы, но находятся также и искусственно устроенные на дне морском, направлением к берегу под самое пепелище. А потому, чтобы узнать, куда направляется эта складка и для чего она устроена, и было приступлено к расследованию, которое и выяснило, что под древним пепелищем находится прочно устроенная каменная набережная бывшего древнего города Мирмикиона. Желая узнать длину этой набережной, произведен был раскоп длиною $22\frac{1}{2}$ саж. и шириною 3 саж., при глубине от $1\frac{1}{2}$ до 4 арш. (рис. 5 и 6). Затем для того чтобы узнать, продолжается ли набережная еще далее по направлению в карантинный участок и в видах сокращения расходов, еще были сделаны две небольшие разведки, которые обнаружили, что действительно набережная продолжается по направлению в карантинный участок и, вероятно, до выдающегося там скалистого мыса, на котором теперь находится карантинный флаг. При раскопке же сего пе-

¹ Характерный, типично кладбищенский раскопачный прием (подземные тоннели!), широко применявшийся в дореволюционной русской археологической практике не только при раскопках курганов, но, как видим, и при раскопках городищ. В. Г.

² В отчете имеется перечисление клейм. — В. Г.

³ Так в просторечии называются в Керчи места древних поселений. — В. Г.

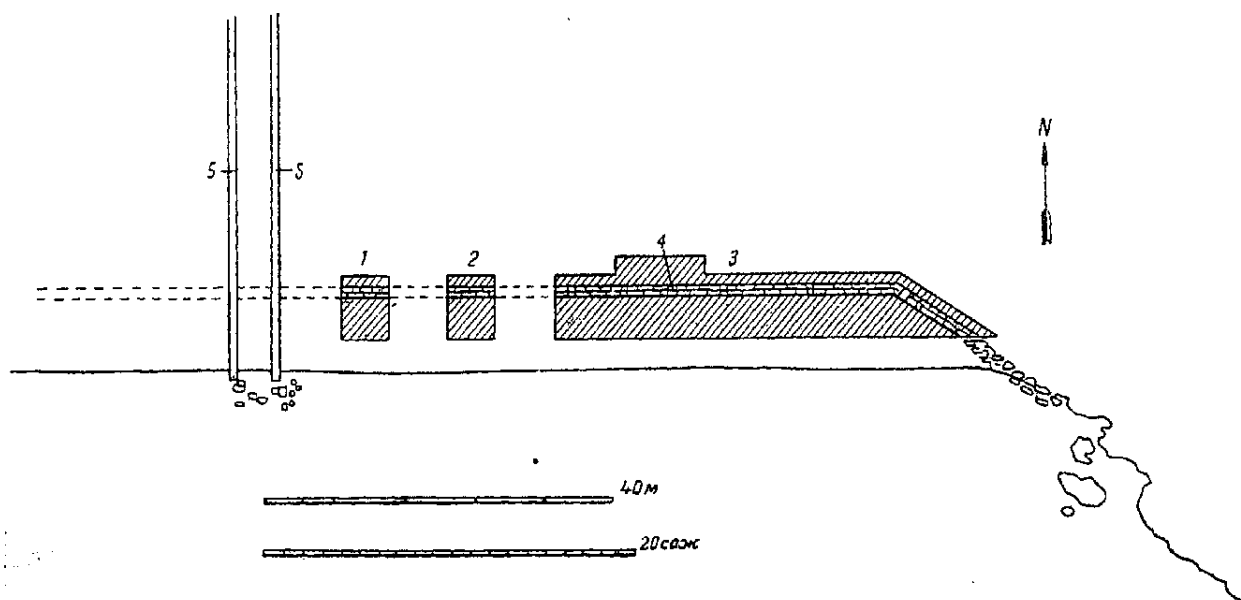

Рис. 5. План раскопок 1885 г. в юго-восточной части Мирмекия.
1, 2, 3 — раскопы, 4 — древняя стена („набережная“), 5 — карантинные стены.

пелища найдено: два обломка от терракотовых статуэток, пять амфорных с клеймами ручек, четыре покрытые окисью медные босфорские монеты и пятнадцать глиняных грузил¹.

Городище Мирмекия окружено обширным могильником, который тянется к востоку (здесь он смыкается с некрополем поселения, которое в древности находилось на Змеиногородском мысу), на северо-восток и север — в сторону металлургического завода им. Войкова и деревни Аджимушкай, а также в направлении Керчи, где мирмекийский некрополь постепенно сливается с некрополем Пантикапея. Раскопки мирмекийского некрополя (рис. 7 и 8) велись с давних пор,² но наиболее существенные выводы были сделаны В. В. Шкорпилом в связи со значительными исследованиями некрополя Мирмекия, произведенными в 1906 г. В. В. Шкорпил определил приблизительное положение западной границы городища Мирмекия и дал общую характеристику могильника, расположенного между Новым карантинном и Карантинною слободкою. Более древняя часть этого некрополя тянется над берегом бухты, вправо (т. е. к югу) от Карантинного шоссе, некрополь же римского времени простирается на месте, перерезанном этим шоссе, и влево (т. е. к северу) от него. Преобладающая форма гробниц: высеченные в скале ящики, покрытые плитами. Находки в погребениях показали, что наиболее древняя часть некрополя, местоположение которого указано выше, относится к IV—II вв. до н. э. с преобладанием гробниц конца IV и первой половины III в. Другая часть некрополя относится к рим-

скому времени и свидетельствует о существовании мирмекийского кладбища и, стало быть, и самого Мирмекия в течение первых трех веков н. э.

В 1906 г. раскопками Шкорпила были открыты три подземные склепа, похожие на склепы, устроенные под северным склоном Митридатовой горы и на скалистых крымских берегах Азовского моря. По вещественным находкам удалось установить, что в Мирмекии этот новый способ погребения установился около начала нашей эры, как и в Пантикапее.¹

В 1906 г. при расследовании мирмекийского некрополя между Карантинной слободкою и Новым карантинном была найдена надгробная плита с надписью, которая является пока единственным монументальным эпиграфическим памятником, происходящим заведомо из Мирмекия.²

Надпись, гласящая: „Πασαφιλικάτος αὐλητῆρις“ („Пасафиликата флейтистка“), относится, по характеру письма, к IV в. до н. э. и интересна как редкий для боспорских надписей случай указания профессии погребенного.

Суммируя все вышеприведенные сведения о Мирмекии, нужно сказать, что существование Мирмекия, при наличии тех данных, которыми можно было располагать до исследований 1934 г., определялось временем приблизительно с V—IV в. до н. э. по III в. н. э.

Проложенная через городище Мирмекия в 1932 г. траншея, прорезав насыпи с культурными отложениями, показала, что отложения достигают небольшой глубины. Одно это уже достаточно ярко свидетельствовало о продолжительности существования Мирмекия и об интенсивности его жизни, что и нашло

¹ Выдержка из отчета Ф. Гросса воспроизведена по рукописному оригиналу, хранящемуся в архиве ИИМК (дело № 10, 1885).

² M. Rostowzew. *Skythien und der Bosphorus*, S. 231.

¹ ИАК, 30, стр. 52—53.

² Издана В. В. Латышевым (ИАК, 23, стр. 44, № 29).

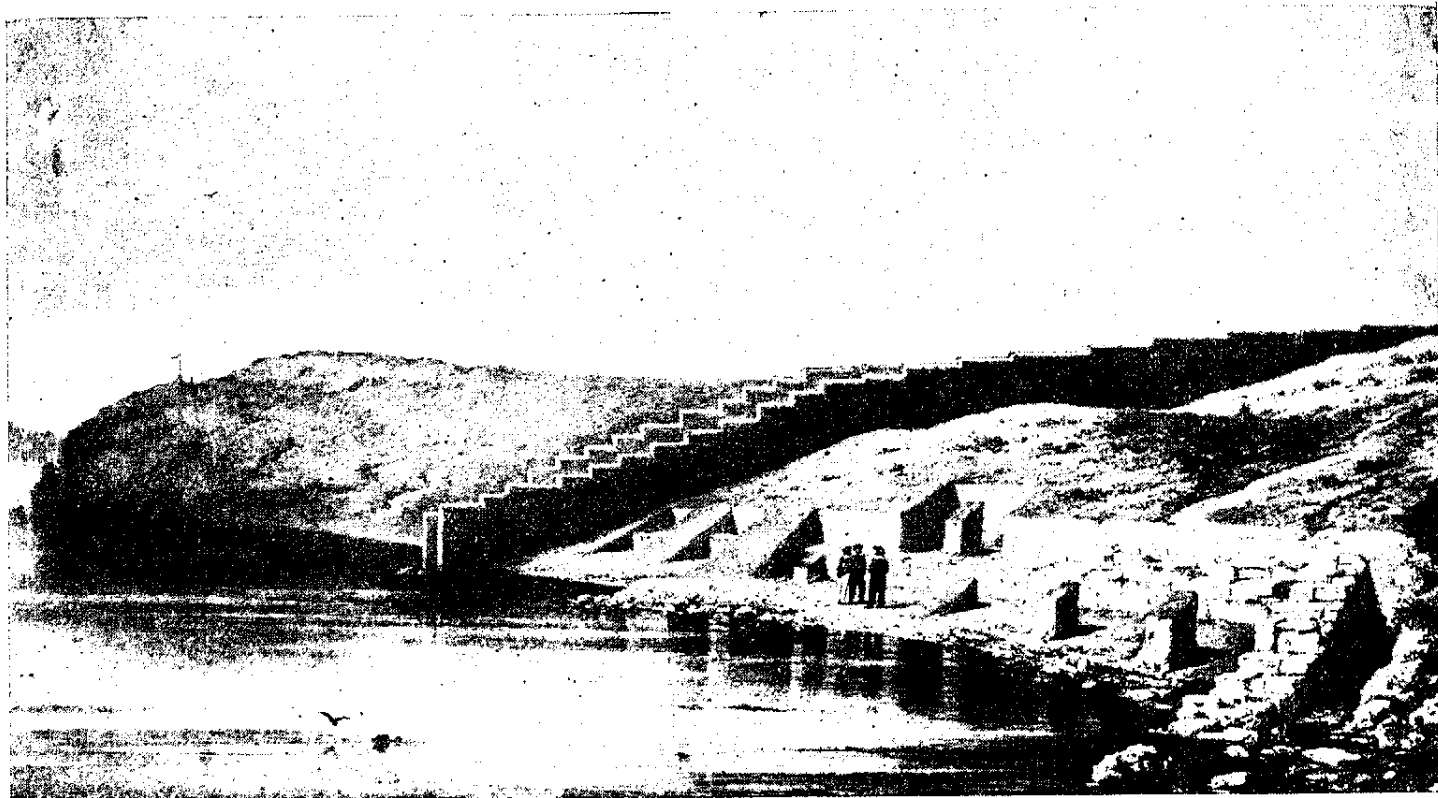

Рис. 6. Раскопки Мирмекия в 1885 г. (рис. Гросса).

свое выражение в мощности культурных отложений.

В 1932 г. во время земляных работ по устройству пляжа в прибрежной юго-восточной части городища, где в свое время производили раскопки Люценко и Гросс, натолкнулись на остатки древних цементированных цистерн, повидимому, хозяйственно-производственного назначения (не те ли это цистерны, которые были открыты в 1863 г.?).

Необходимо отметить, что в 1927 г. по инициативе Ю. Ю. Марти городище Мирмекий было вымежевано и передано в ведение музея для производства археологических раскопок. Вместе с тем музею был передан Керченским горсоветом дом, расположенный в северо-западной части городища и использовавшийся музеем (до 1934 г.) в качестве сторожки.¹ В 1933 г. границы заповедника были уточнены в связи с произведенным вымежеванием археологических заповедников на Керченском полуострове.

Таковы те предварительные данные, которыми мы располагали до начала археологических работ, предпринятых в 1934 г. на городище Мирмекия в связи с возникшим в этом районе строительством, частично затрагивающим городище.

Экспедицией 1934 г. установлено, что размеры городища Мирмекия определялись раньше археологами неправильно. Гросс, напр., считал, что „за оградой Керченского карантина на

берегу моря находится пепелище направлением от запада на восток на протяжении 40 погонных саженей, до выдающегося в море скалистого мыса“. Таким образом, если верить показаниям Гросса, протяжение городища Мирмекия полностью заключается в той приморской полосе, где теперь устроен пляж для купания. Между тем в действительности это лишь незначительная часть всего городища, которое расположено не только с восточной стороны от скалистого Карантинного мыса, но также и к северу и северо-западу от него, широко охватывая возвышенную часть, выступающую в виде мыса в море. Нельзя не отметить и другого указания, имеющегося в литературе, о том, что площадь городища Мирмекия составляет „около 250 × 250 саж.,“¹ иначе говоря, около 28 га. Эта цифра является чрезмерным преувеличением действительных размеров городища, площадь которого, на самом деле, составляет около 7—8 га.

Обследование городища в 1934 г. показало, что Мирмекий охватывал территорию, определяющуюся примерно следующими границами (план городища на рис. 9). С северной стороны граница приблизительно совпадает с линией первой улицы поселка Самостроая, выходящей на западе к Карантинному мосту (граница городища, следовательно, находится в непосредственной близости к северу от участка

¹ К. Э. Гриневич. Археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова. Изв. Таврич. общ. ист., археол. и этногр., I (1927), отд. отт., стр. 6.

¹ Близ этого дома, несколько к востоку от него, находится один из пунктов раскопок 1934 г. (раскоп Б).

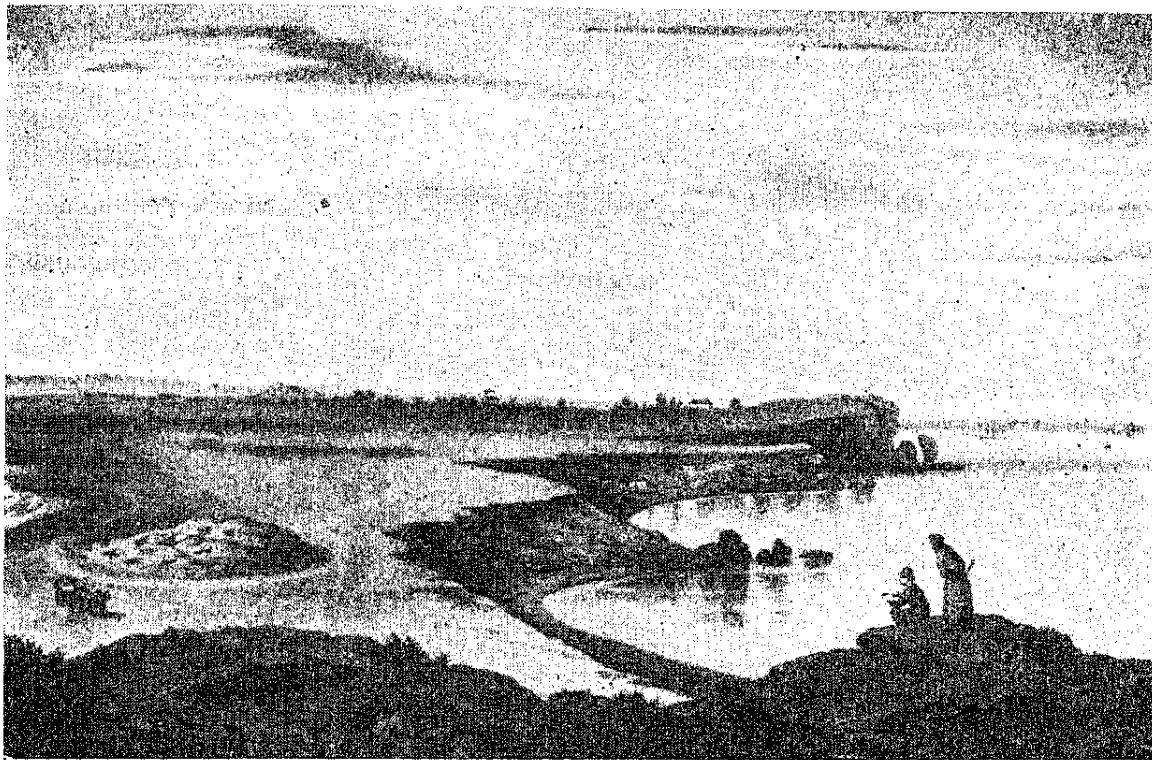

Рис. 7. Раскопки некрополя у Змеиногородского мыса в 1891 г. (Рис. Гросса).

раскопок Б). Из опроса жителей поселка и путем непосредственных наблюдений установлено, что при земляных работах во дворах домов северной стороны указанной улицы встречаются признаки культурных остатков в виде золы, черепков, костей и т. д. Зато в следующей далее на север линии домов (б. РЖСКТ) наблюдалось полное отсутствие признаков культурного слоя. Так намечается на севере граница заселенной в древности территории Мирмекия.

С западной стороны городище ограничивается низиной, где, судя по планам Дюбрьюкса — Бларамберга, еще в 20-х гг. прошлого столетия протекал небольшой ручей (рис. 2 и 3), выходящий, очевидно, из той балки, которая в настоящее время разделяет поселок 1-й Самострой и через которую построен карантинный каменный мост.

Со стороны этой болотистой низменности западный край городища имеет довольно значительный подъем, причем есть основания предполагать здесь несколько иную конфигурацию морского берега в древности. Значительная часть вышеуказанной низменности с западной стороны Мирмекия в античную эпоху, повидимому, являлась морской бухтой. Преобразование ряда бывших морских заливов Керченского полуострова в такие озера, как Чурубашское, Тобечикское и т. д., отделяемых от моря плавнями, т. е. процесс, связанный, следовательно, с отступлением моря, по всей вероятности и в районе Мирмекия нашел свое выражение в образовании того небольшого пространства, которое расположено с западной стороны городища, повидимому, на

месте некогда вдававшегося в материк моря. Ровный переход этой низменной части к морю был нарушен созданием в прибрежной полосе насыпной дамбы, которая, постепенно повышаясь, имеет направление в сторону Карантинного мыса, где и соединяется с более возвышенной частью местности.

Эта дамба (на рис. 9 она обозначена буквой Z) образована искусственно: она насыпана, главным образом, из песка, морской гальки и камней. Возникновение этой насыпи несомненно связано с устройством нового карантинного в конце 20-х — начале 30-х годов XIX в. Постепенный подъем дамбы показывает, что она служила основной дорогой, ведущей от карантинных пристаней в карантин. В местах добычи песка, извлекаемого из дамбы строительством, виден многослойный характер этой насыпи, причем никаких признаков остатков древности, как и следовало ожидать, здесь нет. Дорога по этой дамбе вела непосредственно на ту террасу в западной части Мирмекия, где находилось обширное, вытянутое с северо-востока на юго-запад, какое-то здание карантинного (повидимому, карантинные склады), разобранное в последние годы на камень (вплоть до фундаментов). С востока городище немного не доходило до линии расположения корпусов больницы Госметзавода. Осмотр насыпи по берегу, где теперь устроен пляж (место раскопок Гросса в 1885 г.), показал, что культурный слой (обнаженный со стороны моря, он имеет мощность, достигающую двух метров) здесь тянется до небольшого каменистого мысика (на плане немного правее буквы g), где в насыпи образовался, благодаря каким-то

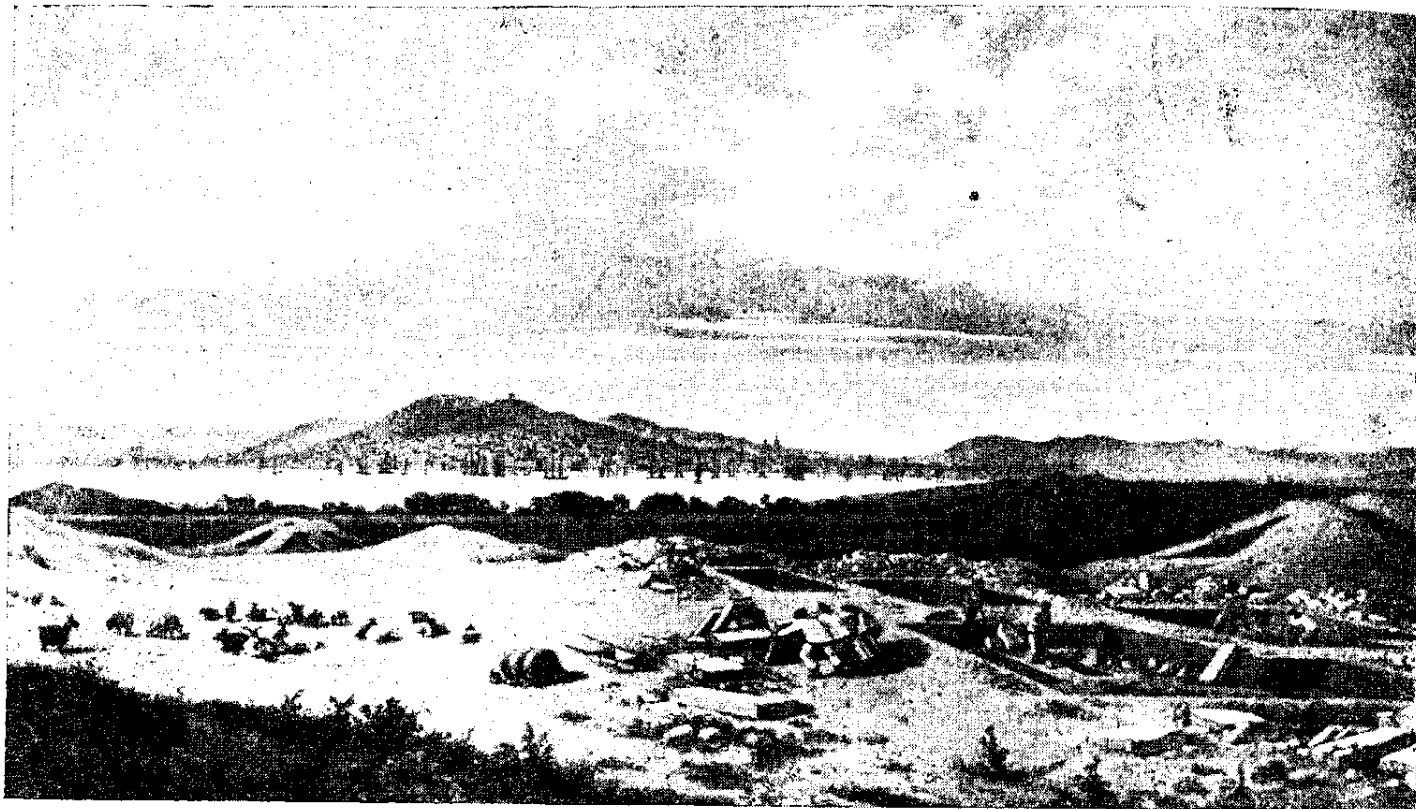

Рис. 8. Раскопки мирмекийского некрополя в 1885 г. (слева у побережья видна возвышенная часть городища Мирмекия).

выемкам земли, большой котлован; иными словами, культурный слой не выходит в восточном направлении далее территории пляжа.

Судя по вышеприведенному описанию Дюбрюкса, в начале XIX в. на поверхности городища еще были явственно видны следы укреплений Мирмекия. В частности интересно отметить, что на плане „следов древнего Мирмикиона“, приложенном к статье Бларамберга, в трех пунктах показаны и отмечены буквой *D* холмообразные сооружения, названные в пояснениях к плану „башнями“ (рис. 2). Одна из этих холмообразных насыпей, показанных на вышеупомянутом плане в центральной части городища, соответствует тому большому кургану, который сохранился в этом месте еще до настоящего времени (на плане городища — рис. 9 — обозначен буквой *X*). В центральной его части имеется обширная выемка, свидетельствующая о производившихся когда-то и кем-то раскопках. Наличие кургана на городище, естественно, вызывает недоумение. Выкопанный весной 1934 г. строительством к северу от кургана большой котлован для фундаментов нового здания показал наличие мощной насыпи с культурными отложениями. Это подтверждает, что курган расположен на территории городища. Его назначение и время сооружения может быть выяснено только посредством специальных раскопок. На основании каких соображений на плане у Бларамберга эти курганы называются „башнями“, остается неясным.

На участках, подвергнутых раскопкам 1934 г., не было обнаружено остатков фортификационных сооружений Мирмекия; однако, следы укреплений, которые в свое время видел Дюбрюкс, позволяют предполагать наличие в Мирмекии стен, охватывавших город. Надо думать, что дальнейшее развитие раскопок Мирмекия приведет к их открытию. В связи с поднятым вопросом относительно городских стен Мирмекия следует обратить внимание на открытую в 1885 г. Гроссом стену в прибрежной юго-восточной части городища,¹ о чем речь была выше. Гросс назвал открытую им стену „набережной“, Ростовцев склонен был видеть в ней „мол гавани“, а Гриневич предполагал „часть какого-то большого здания на берегу моря“. На основании плана раскопок стены и ее изображения на рисунке Гросса видно, что обнаруженная в 1885 г. стена, тянувшаяся на протяжении всего берега с запада (от Карантинного мыса) на восток, имела в ширину около 1.40 м.

Восточный конец стены под тупым углом поворачивает к юго-востоку и постепенно сходит на-нет. Мы думаем, что видеть в этой стене остатки мола нет оснований. Прежде всего, для мола недостаточна мощность стены; кроме того, направление ее восточного конца,

¹ При устройстве пляжа несколько лет тому назад на месте стены, открытой в 1885 г., было сделано ограждение из бутового камня.

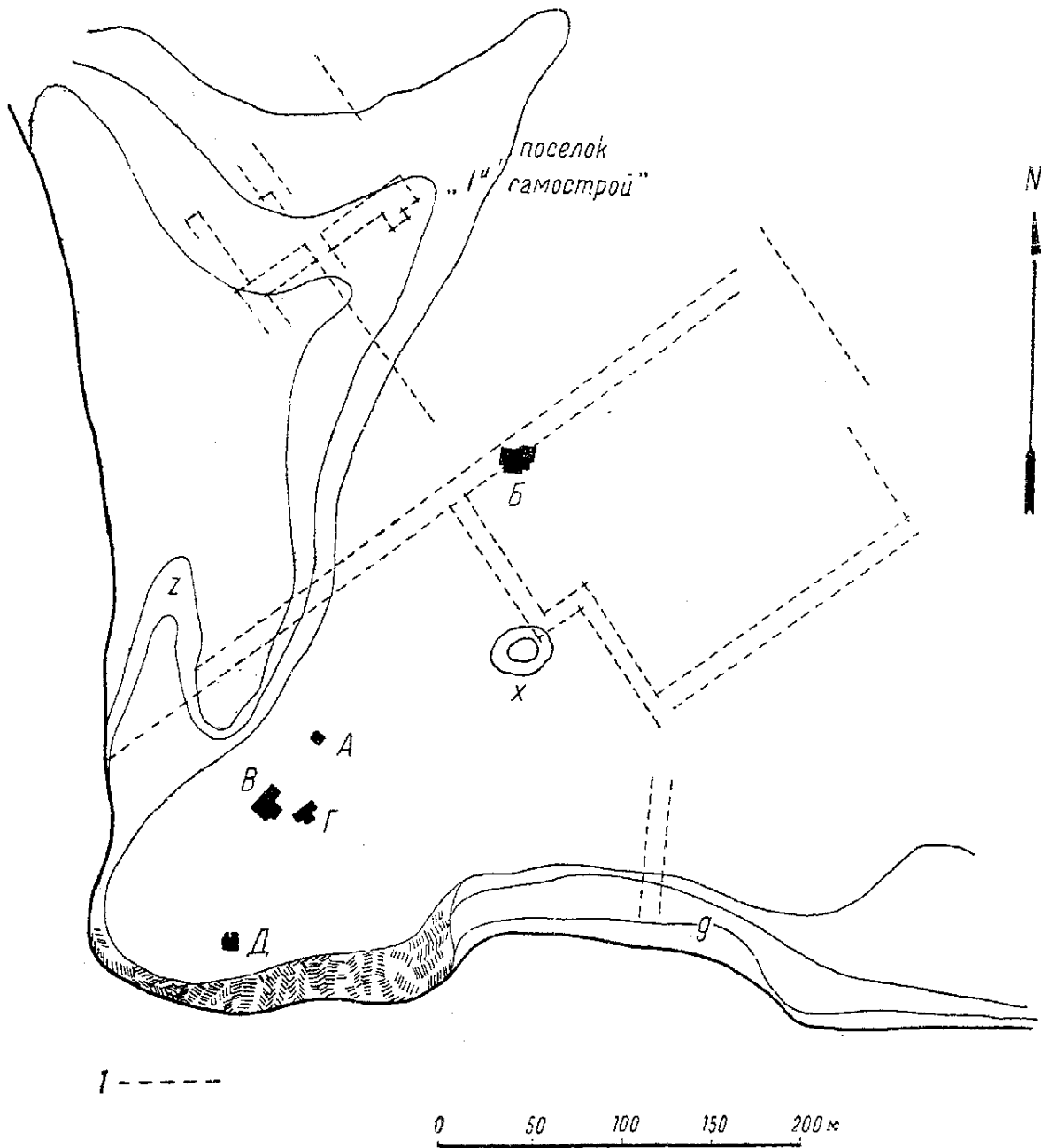

Рис. 9. План городища Мирмекия.

А, Б, В, Г, Д — пункты раскопок 1934 г., X — курган, Z — место раскопок 1885 г. 1 — остатки карантинных стен XIX в.

идущего параллельно берегу, также не вяжется с молотом.¹

Предположение Гросса о „набережной“, в смысле каменного укрепления, рассчитанного против размыва берега морскими волнами, представляется на наш взгляд наиболее вероятным.²

В древности же особенно важно было укрепить берег и защитить его от размыва, поскольку непосредственно в прибрежной зоне за стеной начинался город с его жилыми и

хозяйственными постройками. Возможно, однако, что эта древняя стена „набережная“ входила также в систему укреплений Мирмекии, ограждая город со стороны моря.

Наличие такой стены (толщиной в 1.40 м), если она доходила вплотную до скалистого мыса, могло служить препятствием для проникновения в эту часть города с моря, что усиливало значение возвышенности мыса, где предполагается мирмекийский акрополь. Все эти вопросы можно будет окончательно решить только тогда, когда будет расследована юго-восточная часть Мирмекии.

Раскопочные исследования в 1934 г. в основном были сосредоточены в западной и северной частях городища. В западной части прежде всего был произведен разведочный раскоп на

¹ В этом убеждают также данные об устройстве античных молот, собранные у К. Lehmann-Hartleben'a. (Die antiken Hafenanlagen des Mittelmeeres, Leipzig, 1923, passim).

² Сведения об устройстве античных набережных см. в указанном сочинении К. Lehmann-Hartleben'a.

Рис. 10. Обломок канеллированного барабана с рельефной маской силена.

участке А, целью которого было выявление стратиграфии культурных слоев в данной части городища. Эта задача была выполнена раскопкой одного квадрата. Затем работы были перенесены несколько к югу, ближе к Карантинному мысу (участок В). Необходимость производства здесь расследования определялась начатой строительством постройкой здания, фундаменты которого были заложены к моменту прибытия экспедиции. Так как часть территории городища здесь подлежала застройке, прежде всего надлежало подвергнуть раскопке остатки культурного слоя внутри строящегося здания. В результате этих исследований удалось установить наличие архаического слоя, определявшего время возникновения Мирмекия как поселения. Дальнейшие работы в западной части городища были целиком сконцентрированы на участке В. После расследования внутри помещений, где верхняя часть насыпи была снесена при планировке площадки для постройки, раскопке были подвергнуты части насыпи, прилегающие с южной и юго-восточной сторон. В результате такого расширения раскопок на участке В важные данные, добытые при расследовании остатков культурного слоя внутри здания, получили увязку с полной характеристикой культурных отложений данного района на всех этапах жизни города.

Параллельно с вышеуказанными работами в западном районе городища были произведены значительные по размерам раскопки в северной его части, поблизости от здания, сохранившегося от карантина (принадлежавшего до недавнего времени Керченскому музею). Прошедшая здесь траншея обнажила мощную культурную насыпь и следы древних архитектурных сооружений. Эти наблюдения и послужили основанием для выбора площади раскопок в данном

районе городища. Выбор места и здесь оказался удачным.

Результатом произведенных раскопок (участок Б) было открытие большой античной винодельни с сохранившимся *in situ* основным ее техническим оборудованием.

Кроме того было произведено обследование (участок Г) находящегося на возвышенной части городища вала с каменным ограждением на нем, обозначенном на плане Бларамберга как остатки древнего укрепления. Обследование показало, что каменное ограждение, по видимому, относится к римскому времени. Вал связан был, возможно, с укрепленным акрополем Мирмекия, но для окончательных выводов потребуются дальнейшее продолжение работ, которые в 1934 г. были, строго говоря, лишь начаты.

Наконец, на холме Карантинного мыса (участок Д) экспедицией были расчищены и изучены два вырубленные глубоко в скале склепа, где были найдены в 1834 г. два мраморные саркофага. Произведенные детальные обмеры зафиксировали до сих пор оставшиеся незафиксированными и неизученными древние погребальные сооружения, находящиеся под угрозой уничтожения. Незадолго до прибытия экспедиции Керченскому музею удалось во-время приостановить начатую здесь разработку камня.

В связи с общей характеристикой городища Мирмекия необходимо заметить, что почти на всей его территории приходилось сталкиваться с фактом значительных повреждений верхних пластов культурных отложений, а местами и значительно глубоких разрушений как насыпи, так и скрытых в них архитектурных остатков, причиненных существованием возникшего в начале XIX в. карантина. Часть его построек была воздвигнута непосредственно на территории древ-

него городища, причем разрушение последнего происходило и непосредственно при возведении сооружений и в связи с использованием архитектурных остатков древнего Мирмекия в качестве строительных материалов. Применение при сооружении карантина строительных остатков Мирмекия подтверждается в частности находкой (в западной части городища, вблизи раскопа В)

интересного архитектурного фрагмента, извлеченного из бутовой кладки карантинного здания, разобранного строительством в целях добычи камня. Он представляет собою обломок канеллированного барабана с рельефным изображением маски силена (рис. 10). Повидимому, это часть пьедестала. Характер исполнения рельефной маски указывает на римское время.

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ, Е. И. ЛЕВИ, Е. О. ПРУШЕВСКАЯ

РАСКОПКИ СЕВЕРНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЧАСТЕЙ МИРМЕКИЯ
в 1934 г.

УЧАСТОК А

Место для раскопок было выбрано в западной части городища (рис. 1), на краю выемки, образовавшейся в результате земляных работ строительства весной 1934 г. Выемка врезалась в толщу насыпи и обнажила культурные наслоения, которые здесь были отчетливо видны до раскопок на поверхности высокого обреза.

При предварительном рассмотрении этого обреза были замечены в одном месте выступающие из насыпи части древней цементированной цистерны. Осмотром земли, вывезенной отсюда при земляных работах строительства, было установлено наличие, на ряду с массой античной керамики, огромного количества кусков принадлежащей цистерне штукатурки. Это указывало, что цистерна, остатки которой виднелись в обресе, была уже в значительной части разрушена. Представлялось, однако, вполне целесообразным произвести необходимое изучение общей стратиграфии культурных наслоений в данной части городища так, чтобы одновременно можно было исследовать и остатки вышеуказанной цистерны.

В соответствии с этим над местом расположения остатков цистерны был разбит квадрат размером 5×5 м, одна из сторон которого прошла по краю выемки. Площадь квадрата в процессе работ по мере углубления раскопки постепенно увеличивалась в северо-западном направлении в виду несколько наклонного обреза насыпи со стороны выемки. Таким образом общая площадь расследованного участка составляла $5 \times 6,20$ м = 31 м. Наибольшая достигнутая на этом участке глубина равнялась 4,18 м от поверхности.

На участке А были выявлены три культурных слоя и отдельные керамические находки, относящиеся к средневековой эпохе.

Обнаруженные слои дали следующую стратиграфическую картину: I — римский слой (I—II вв. н. э.); II — эллинистический слой (IV—I вв. до н. э.); III — слой классического периода (конец VI—IV вв. до н. э.).

Только слои III и II сохранились в наиболее неповрежденном состоянии, хотя и не на всей площади раскопа.

К классическому слою относятся две ямы (I и II) и вымостка п^о 4, причем ямы и нижняя прослойка вымостки относятся к более раннему времени, верхняя ее прослойка — к более позднему. Ямы, имеющие почти круглую форму, вырыты в глинистом материке. Они заключали однородный и одновременный керамический материал, состоявший, главным образом, из фрагментов простых амфор (с характерным коротким вздутым горлом, с толстыми округлыми в сечении ручками), относящихся к концу VI — первой половине V в. до н. э., а также из небольшого количества обломков расписной (чернолаковой и ионийской с полосками) керамики того же времени. Там же были найдены обломок ионийского чернолакового светильника, обломок ионийской чашечки, покрытой лаком по внутренней стороне и по краю, обломок кувшинчика с лаковым пояском.

Слои над ямой I оказались разрушенными; яму II перекрывала вымостка, в нижнем горизонте которой был обнаружен керамический материал, одновременный с фрагментами посуды в засыпи ям (ср. преобладающие как в яме II, так и в нижней части вымостки обломки амфор с круглыми в сечении ручками). Очевидно, яма была засыпана во время сооружения вымостки п^о 4, которая, имея ширину 2,60 м, проходит через весь раскоп с юга на север и является частью древней мощеной улицы, находящейся на глубине 2,60 м от современной поверхности (измерения глубин велись от поверхности почвы в юго-восточном углу раскопа).

Материалом для сооружения вымостки послужили мелкий щебень и большое количество обломков амфор в перемешку с другими керамическими обломками и костями животных. Как упомянуто выше, вымостка состояла из двух наслоений, имевших в общей сложности толщину 0,15 м. Первоначальная нижняя вымостка (толщ. 0,05—0,08 м) состояла преимущественно из щебня, обломков амфор, черепиц и толстостенной простой посуды; фрагменты чернолаковой кера-

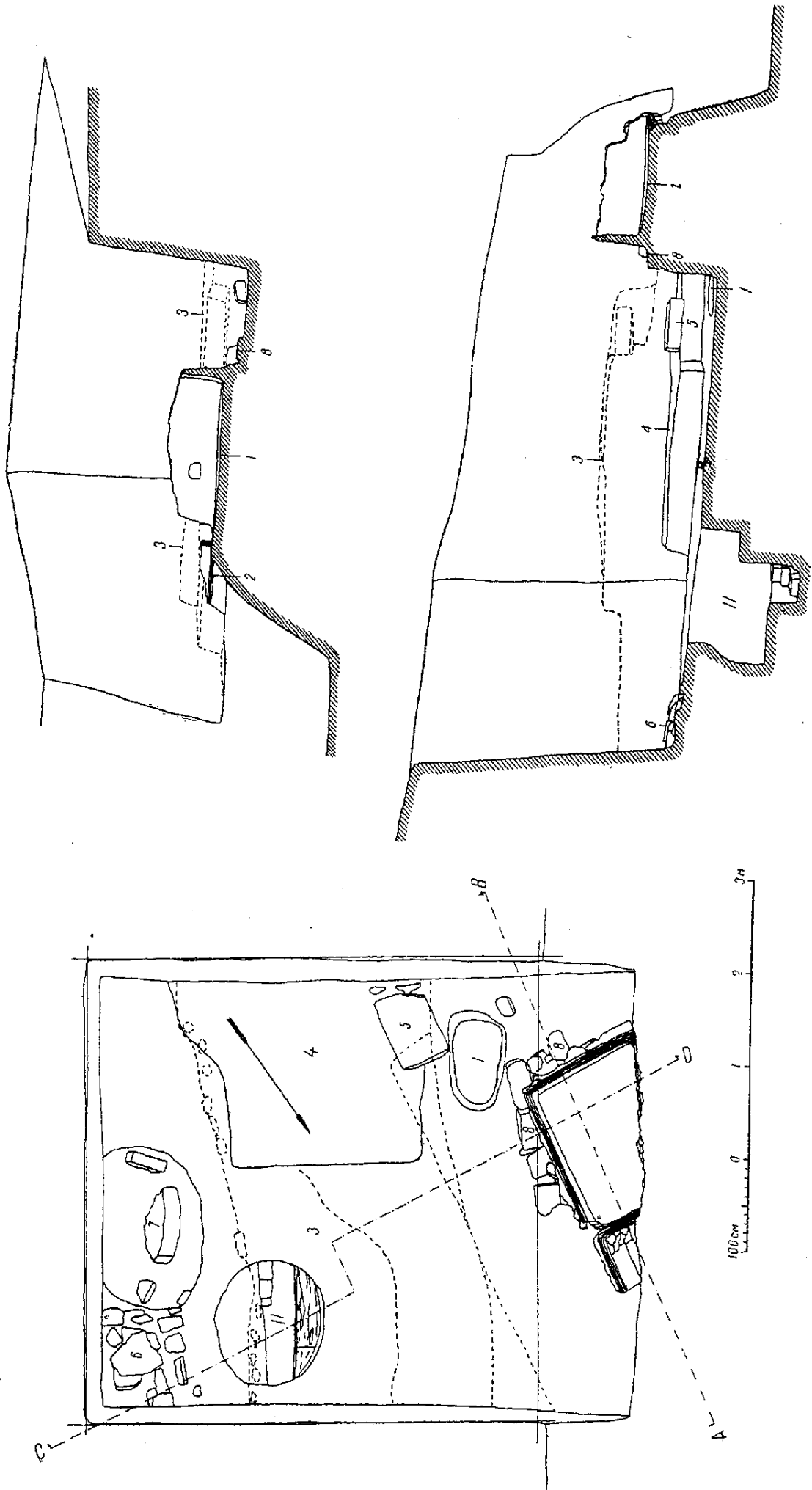

Рис. 1. План и разрезы участка А.

мики являлись довольно редкими включениями. Среди амфорных обломков преобладали ручки, имеющие круглую в поперечном разрезе форму. Встречавшиеся обломки черепиц покрыты темно-красной и коричневой краской. Верхнее наслоение вымостки, которое лежало непосредственно на нижнем и легко при исследовании от него отделялось, заключало, на ряду со щебнем и обломками амфор, значительно большее количество мелких фрагментов чернолаковой керамики первой и, главным образом, второй половины V в. Все это позволяет датировать верхний покров вымостки примерно концом V в. до н. э. Нижний слой относится, несомненно, к более раннему времени, т. е. к первой половине V в.

Эту вымостку перекрывал культурный слой (толщ. около 0.70 м), содержащий обломки чернолаковой керамики, главным образом, IV в., а также III в. до н. э. Здесь же найдена медная пантикапейская монета второй половины IV в. (по описи № Д 1455).

На глубине 1.90 м на указанном культурном слое залегала эллинистическая черепиная вымостка п⁰ 3, по своей ширине и направлению совершенно совпадающая с вымосткой п⁰ 4. Она состояла также из двух напластований, явившихся результатом того, что первоначально сооруженное полотно вымостки через некоторый промежуток времени потребовало ремонта. Необходимо отметить следующую деталь устройства этой вымостки. Вдоль ее восточного края почти на всем протяжении уложен ряд бутовых камней, очевидно в целях предотвращения расползания вымостки. Аналогичный борт имелся, вероятно, и по другую сторону вымостки, но он не сохранился; в процессе раскопок было замечено лишь несколько принадлежавших ему камней. Оба горизонта вымостки состояли из плотно втрамбованных в глину обломков эллинистических амфор с овальными ручками (среди них встречались клейменные), фрагментов чернолаковой эллинистической керамики (реберчатой с росписью белой краской, с резными орнаментами) и „мегарских“ чашек.

Нижний, более ранний, уровень вымостки не содержал материала II в. до н. э., поэтому его следует отнести к III в. до н. э. В верхнем же горизонте имелся керамический материал, доходящий до конца II и начала I в., например, синопские амфорные ручки с астиномными клеймами (по описи №№ Д 1018 и 1019, датирующиеся 121—70 гг. до н. э.). В виду отсутствия в верхнем слое вымостки керамики второй половины I в. до н. э., ее надо отнести ко времени не позднее первой половины этого века. В черепиных вымостках как эллинистических, так и более ранних значительная часть керамического материала была обнаружена в сильно стертom состоянии.

Описанными двумя вымостками ограничиваются на участке А строительные остатки

классического и эллинистического периодов; обнаруженные на нем отдельные камни и небольшие группы их принадлежат к случайным завалам (напр., отдельно лежащий камень п⁰ 5, группа камней п⁰ 6 возле северо-восточной стенки раскопа).

Юго-восточная и северо-западная части раскопа над эллинистической вымосткой п⁰ 3 оказались поврежденными большим количеством ям позднего времени.

В таком нарушенном и перемешанном состоянии были обнаружены остатки римского слоя, залегавшего выше эллинистической вымостки п⁰ 3. Этот слой характеризуется в основном керамическим материалом I и II вв. н. э., который был найден в довольно значительном количестве. Он представлен разнообразными типами самосской и другой малоазийской краснолаковой керамики (рис. 2), а также фрагментами различных амфор этого времени: узкогорлых из светлой глины, с круглыми гладкими и реберчатыми ручками. Найден интересный обломок горла амфоры, покрытого красным лаком.

Иногда попадались более ранние и более поздние экземпляры, но основная масса их относится к I—II вв.

В пределах верхнего культурного слоя, насыщенного огромным количеством створок мидий, были найдены два фрагмента терракот более раннего времени: передняя часть женской головы (сильно обтертая) в высоком калафе, V в. до н. э., большой фрагмент группы Эрота и Психеи позднеэллинистического времени и открытый светильник. Встречались глиняные грузила пирамидальной формы.

Интересной находкой является рельефная костяная пластинка (рис. 3) с вырезанной по контуру головой силена, изображаемой на пантикапейских монетах. Профильное изображение передает тип монет III в. На пластинке имеется маленькое круглое отверстие, в котором со-

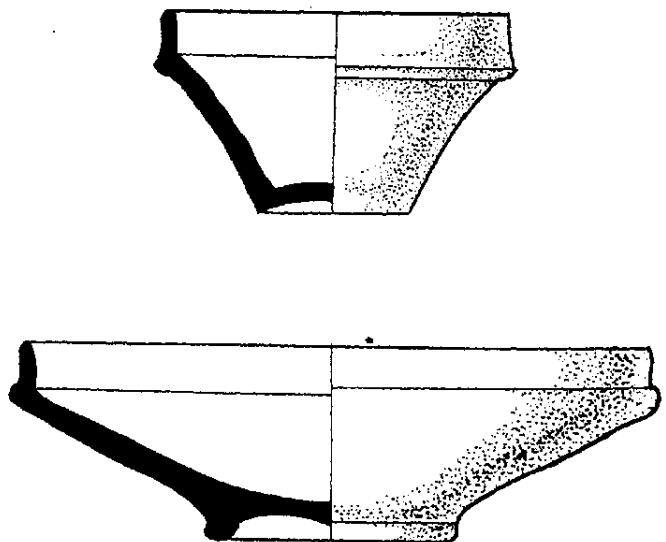

Рис. 2. Образцы краснолаковой керамики из участка А.

хранился кусочек костяного же шпенька. Выполнение пластинки отличается некоторой сухостью; это позволяет предполагать, что пластинка принадлежит III—II вв. до н. э.

Строительные остатки римского времени на участке А представлены частично сохранившимся цементированным бассейном, выступавшим на обресе, как известно, еще до начала раскопок.

Уцелевшие части сильно разрушенной цистерны (рис. 4) дали возможность выяснить ее устройство. Оказалось, что цистерна имела два смежных отделения с общим днищем (один ряд бута на известковом растворе с цемянкой, толщиной 0.15 м), разделявшиеся перегородкой (шир. 0.14 м), от которой остались лишь следы на днище. От северного отделения уцелел только кусок одного угла, примыкающий к соседнему южному отделению, сохранившемуся гораздо лучше. От него остались части двух боковых стенок, образующих угол. В продольной стенке (дл. 1.70 м) имеется сквозное круглое отверстие, расположенное на высоте 0.18 м от дна (высота отверстия 0.13 м, шир. 0.16 м). Другая боковая стенка (дл. 1.40 м) на своем конце, совпадающем с краем облома дна, носит признаки перехода к закругленности угла, следовательно, протяженность этой стенки сохранилась во всю ширину цистерны, внутренние размеры южного отделения которой составляли 1.70 × 1.40 м; наибольшая высота стенок цистерны, в современном ее состоянии, достигает лишь 0.50 м. Следует заметить, что стенки цистерны уцелели только в виде многократных наслоений цемента (известковый раствор с примесью толченой керамики). Кладка стен состояла из очень мелкого бута на таком же растворе; но от нее сохранились лишь отпечатки отдельных камней на тыльной стороне цементного покрытия, а также ряд камней п⁰8, лежавших у основания цистерны и составлявших фундамент основных стен. Как уже отме-

Рис. 3. Костяная пластинка с изображением головы силена.

чено, внутри цистерны обмазка неоднократно обновлялась. Установлено шесть последовательных наслоений; общая их толщина 0.07—0.09 м, толщина отдельных слоев в среднем около 0.01 м. Степень насыщенности известкового раствора примесью толченой керамики в виде очень мелкой крошки в разных слоях не одинакова, она придает раствору розоватый цвет. Внутри цистерны поверхность обмазки как на стенках, так и на дне отделана очень гладко и покрыта яркочерной краской.

Расчистка цистерны не выяснила, для каких целей цистерна служила. Внутри в ней находилась земля, поверх которой лежали большие толстые куски спрессованной морской травы (камки).

Назначение цистерны определяется, как нам кажется, некоторыми деталями ее устройства. Повидимому, это был резервуар для вина, а если это так, то цистерна служила для винодельческих целей. Устроенное в нижней части боковое отверстие позволяло переливать жидкость из цистерны, оставляя осадок на дне.

Для точной датировки цистерны раскопки не дали достаточных указаний. Однако разрешению этого вопроса могут помочь наблюдения над сооружениями подобного типа как в Тиритаке (рыбозасолочные цементированные ванны), так и в Мирмекии (цементированные бассейны в винодельне, открытой на участке Б, о котором будет речь ниже). Эти наблюдения показывают, что строительные растворы с той степенью насыщенности керамической крошкой, которая установлена в бассейне участка А, применялись на Боспоре в римское время. Сопоставление с южным бассейном мирмекийской винодельни участка Б позволяет датировать цистерну примерно I—II вв. н. э.

Рис. 4. Общий вид участка А после расчистки остатков цистерны. На заднем плане виден уровень эллинистической вымостки (вид с юго-запада).

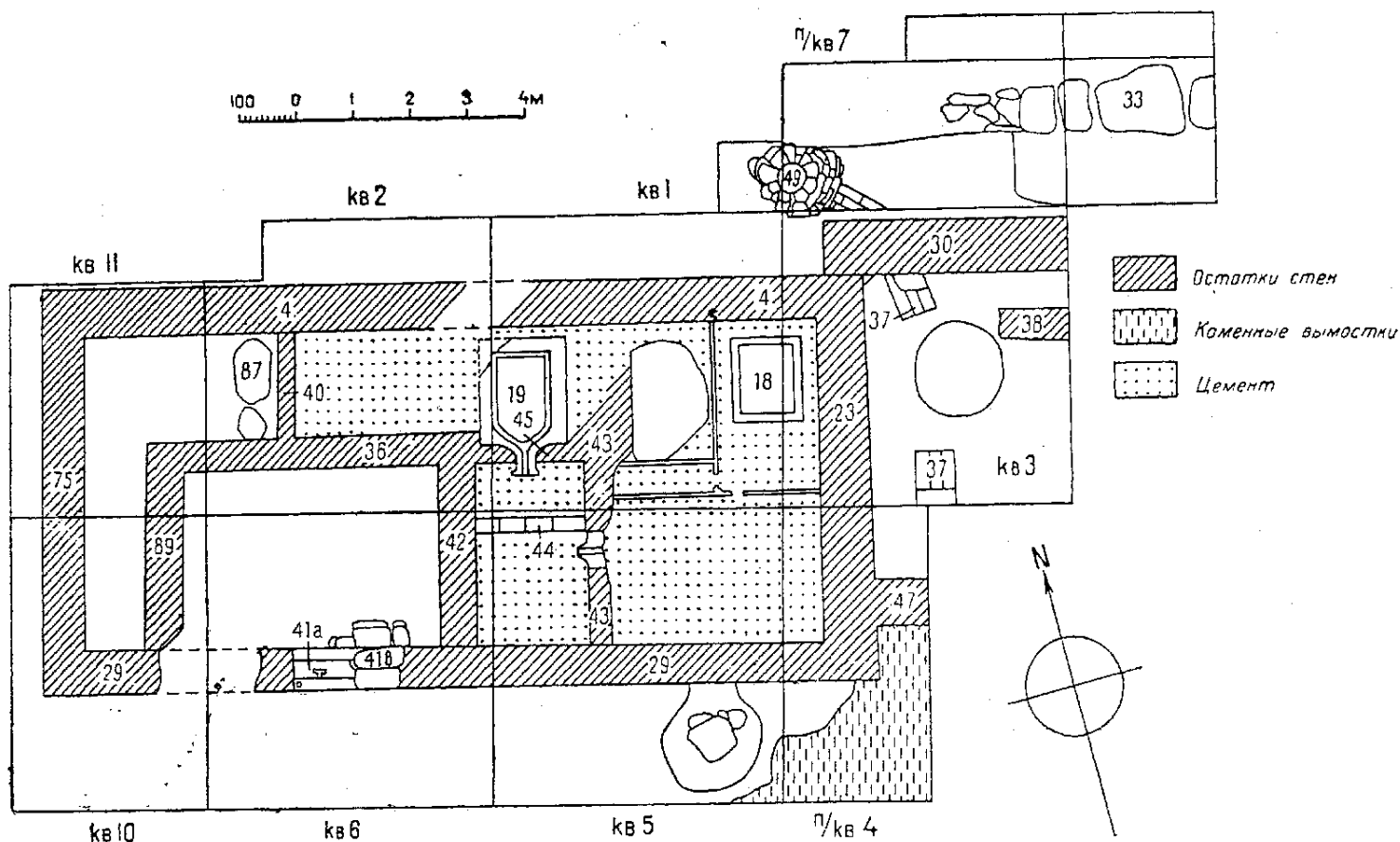

Рис. 5. Схематический план участка Б.

УЧАСТОК Б

При прокладке траншей производившейся на территории городища Мирмекия в 1932 г., в северо-западной его части были вскрыты и частично разрушены массивные древние каменные кладки. В образовавшихся обрезах траншей они отчетливо выступали на глубине 1 м от уровня современной поверхности почвы.

Для их исследования и были предприняты раскопки этого участка. Раскопками вскоре было установлено наличие здесь остатков большой античной винодельни, в которой вышеуказанные кладки составляли часть ее стен. Это открытие вызвало необходимость дальнейшего расширения площади раскопа для полного выявления обнаруженного памятника; в конечном результате была исследована довольно значительная площадь при глубине раскопок от 1.10 до 5.10 м (табл. I и рис. 5).

Как известно, часть территории городища в XIX в. была занята карантинном. Ограждающие его стены проходили когда-то в районе участка Б, и с самого начала раскопочные работы натолкнулись на остатки фундамента одной из этих стен, пересекавшей весь участок в направлении с северо-востока на юго-запад, врезываясь в культурные слои на глубину до 1.50 м. Подошва фундамента лежала местами непосредственно на античных кладках.

Вполне естественно, что там, где проходила карантинная стена, прилегающие культурные слои были сильно нарушены. Несмотря на это, в результате произведенных работ удалось установить на данном участке городища следующую стратиграфию слоев.

Под гумусным слоем I, состоящим из дерна и поддерна, залегает слой II в виде зольно-глинистых отложений эпохи средневековья, перекопанных при постройке карантина. Ниже идет глинистый слой III желтоватого цвета, характеризующийся керамикой римского периода. Под ним залегает слой IV, эллинистического времени, и глинистый слой V, соответствующий классическому времени. Последний лежит на насыпи из чистой земли коричневатого цвета (слой VI) мощностью до 1 м. И наконец на небольшой глубине в восточной части участка выявлен материковый глинистый грунт. Перекрывавшая его насыпь (слой VI) была обнаружена в восточной части (квадрат 3), в западной же (квадрат 6а) она была выявлена при углублении раскопок. Полное отсутствие в этой насыпи культурных остатков, при значительной мощности слоя (до 1 м), заставляет предполагать искусственное его образование, что связано, может быть, с нивелировкой площади под застройку. Непосредственно на этой насыпи залегал наиболее древний культурный слой V. В юго-западной части (квадрат 6) слой V выявлен при раскопке подошвы запад-

ной стены (п⁰ 42) бассейна Па—Пб. Найденный в слое V керамический материал относится к V—IV вв. до н. э. В нем имеется значительное количество чернолаковой керамики, обломки киликов V—IV вв., обломок амфорного горла с раскраской по венчику V в., обломок краснофигурного килика с изображением пальметки V в., обломки стенок канфара и венчика килика с накладным орнаментом IV в., фрагментированный чернолаковый светильник того же времени.

В восточной части (квадрат 3) над слоем чистой земли (VI) также залегал глинистый слой V, который имел здесь зеленоватый оттенок. Обломки чернолаковой керамики (венчик лекифа, обломки киликов, чашки), обнаруженные в указанном слое в квадрате 3, относятся также к V—IV вв. до н. э.; найден один обломок ножки чернолакового килика с пурпурным пояском конца VI в. до н. э. и горло амфоры конца V—начала IV в. до н. э. Таким образом материал наиболее древнего культурного слоя восходит к V в. до н. э. Найденные на данном участке единичные фрагменты посуды VI в. до н. э., в числе которых наиболее ранним является обломок архаического сосуда „клязоменского стиля“ второй половины VI в. до н. э., не меняют общего вывода о заселении данной территории городища в V в. до н. э.

В слое V были открыты (квадрат 3) остатки водосточного канала п⁰ 37. Водосток, расположенный на глубине 3.20 м от современной поверхности почвы, идет в направлении с юга на север, где он соединяется, несколько отклоняясь на запад, с круглым колодезем п⁰ 49. При выходе в колодезь русло канала имеет значительный наклон, свидетельствующий о направлении стока воды, поступавшей из канала в колодезь. Канал построен весьма тщательно (рис. 6). Основание его составляют прямоугольные известняковые плиты (шир. 0.50—0.55 м), посредине которых высечен жолоб (шир. 0.20—0.22 м, глуб. 0.12—0.15 м). К краям этих плит насухо пригнаны поставленные на ребро камни, образующие боковые стенки канала: сверху их перекрывают обработанные плиты; внутри высота канала 0.38 м. На одном уровне с водостоком обнаружена кладка п⁰ 38 из известняка в два ряда шириной 0.55 м, являющаяся незначительным остатком фундамента какой-то постройки V—IV вв. до н. э.

Значительная часть участка Б занята обширным зданием большой эллинистическо-римской винодельни.

Винодельня, уровень пола которой лежит на глубине около 2.10 м от современной поверхности, представляет сооружение, имеющее в плане форму вытянутого прямоугольника.

Внутреннее помещение винодельни имеет в длину 12.70 м и в ширину 5.30 м (табл. I, рис. 7). Вход в винодельню находится с южной

Рис. 6. Водосточный канал.

стороны, пол в входном проеме выстлан плитами (рис. 8, на плане обозначены п⁰ 41б).

Стены винодельни (толщ. 0.70—0.75 м)¹ сложены из известняка и были покрыты в восточной половине помещения раствором известия с цемянкой, о чем свидетельствуют местами сохранившиеся ее остатки. Все прочие части винодельни, т. е. давяльные площадки и оба бассейна I и II, служившие резервуарами, были также цементированы. Площадь восточной половины винодельни разделяется на две основные части посредством жолоба (ширина жолоба 0.025—0.040 м, глуб. 0.07 м), устроенного в цементированном полу и идущего в направлении с востока на запад. Отделяемая этим жолобом южная площадка (γ) имеет гладкую цементированную поверхность с небольшим наклоном к западу. Смежная с нею северная площадка при помощи жолоба, пересекающего ее с севера на юг, в свою очередь делится на два прямоугольные участка. В северо-восточной части (β) расположена впущенная в пол каменная плита п⁰ 18, прилегающая же с западной стороны часть (α) почти целиком

¹ С севера стена винодельни п⁰ 4, с востока п⁰ 23, с юга п⁰ 29, с запада п⁰ 75. Непоследовательность нумерации стен одного здания объясняется тем, что нумерация по всему участку давалась в процессе раскопок постепенно, по мере обнаружения тех или иных строительных остатков.

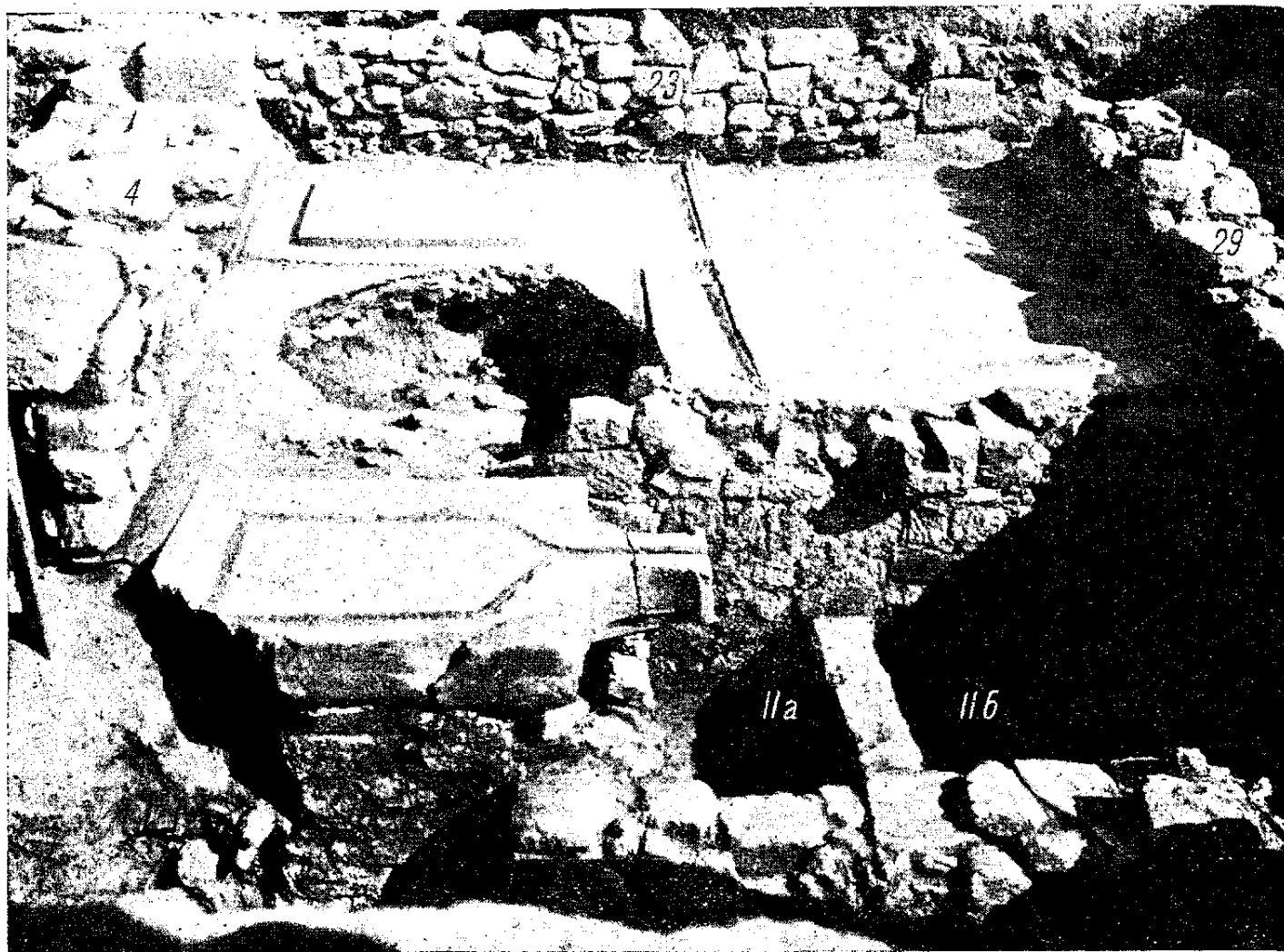

Рис. 7. Общий вид винодельни с запада.

занята круглой ямой (диам. 2.18—2.10 м),¹ причем с южной стороны ее ограничивает жолоб, идущий параллельно основному продольному жолобу на расстоянии 0.30 м, образуя промежуточную полосу (δ). Желоба, разделяющие площадку, не создают совершенно изолированных друг от друга отделений; отделения β, γ и δ соединяются между собой посредством небольших промежутков, около 0.15 м шириной, имеющих между жолобами.

Прямоугольная известняковая плита №18 (1.40 × 1.20 м), находящаяся в северо-восточном углу винодельни (рис. 9), окаймлена по краю шероховато-высеченною полоскою шириной 0.15 м. Центральная же часть плиты сделана на 0.01—0.015 м выше этой полосы и обработана более гладко. Эта центральная часть носит явные следы трения. Плита впущена в цементный пол и лежит на слое песка толщиной 0.03—0.05 м.

В средней части винодельни сохранилась другая плита („тарапан“) №19, представляющая хорошо высеченную из плотного извест-

няка массивную прямоугольную плиту (толщ. 0.25 м, дл. 2.40 м, шир. 1.50 м) с выступающим сливом. Северо-западный угол этой плиты обрублен при рытье траншеи; другой угол, а также слив были отломаны еще в древности; они найдены при раскопках среди камней, заполнявших резервуар IIa—IIб. На верхней поверхности плиты, на расстоянии 0.20—0.28 м от края, высечен жолоб шириной 0.10 м, глубиной 0.02—0.03 м, причем жолоб, идущий с двух сторон, соединяется в общее русло около слива. Плита сверху имеет довольно неровную шерстную поверхность.

Сок, выжимавшийся на давяльных площадках, стекал в резервуар IIa—IIб. Этот вместительный прямоугольный резервуар (рис. 7) разделен внутри перегородкою (№ 44) на два отделения: а) 2.00 × 0.88—1 м, и б) 2.00 × 1.58—1.70 м. Перегородка (шир. 0.25 м), прилегающая к оцментированным стенкам резервуара и сохранившаяся лишь в нижней части (выс. 0.75 м), сложена из тщательно отесанных плит известняка. Оба отделения цементированы несколькими красноватого цвета слоями цемента (раствор извести с цемянкой). На дне северного отделения резервуара (IIa), посредине, сохранилась едва заметная круглая впадина.

Отделение северное (IIa) служило приемником

¹ В этой яме было обнаружено конское погребение позднего происхождения. На позднюю дату указывают как находка в яме полевой посуды, так и характер ее засыпки, шедшей с гумусного слоя

для сусла, стекавшего сюда с расположенного над ним слива давяльной плиты № 19; южная часть резервуара (IIб) наполнялась суслом, поступавшим с цементированной площадки через слив № 46. Размеры слива № 46: дл. 0.55 м, шир. 0.55 м; размеры жолоба: шир. 0.10—0.13 м; глуб. 0.10 м; внутри жолоба отчасти сохранилась обмазка из извести с цемянкой.

Любопытна одна техническая деталь: в древности при установке каменного слива (№ 46) была высечена на верхней его поверхности черта, повидимому, указывающая место, до которого слив должен был быть вделан в кладку стены: нарезка точно совпадает с линией стены резервуара.

Край площадки γ (рис. 10) вдоль резервуара IIб был ограничен невысоким бортом (№ 43) шириной около 0.15 м, сложенным из довольно мелких камней. От этого борта сохранилось лишь несколько камней, выступающих выше уровня площадки. Устройство такого борта было необходимо для того, чтобы виноградный сок с площадки γ мог стекать в резервуар IIб только через слив.

Резервуар I расположен в западной части винодельни. Его размеры: дл. 3.10 м, шир. 1.65 м, глуб. 1.90 м, считая от низа давяльной плиты № 19. Траншеей были сильно разрушены северо-восточный угол резервуара I и средняя

Рис. 8. Плантовый настил (№ 416) входа в винодельню.

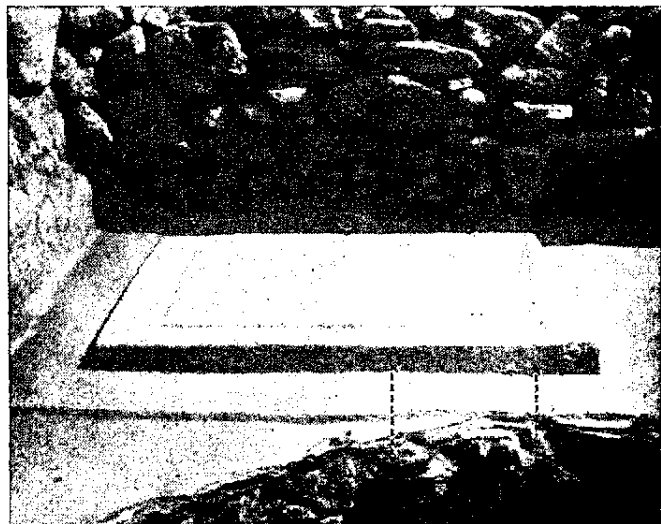

Рис. 9. Плита давяльного пресса в северо-восточном углу винодельни (пунктиром обозначено место вырезки пола, произведенной в целях исследования плиты).

часть его южной стены. Стены и дно резервуара покрыты известковым раствором, содержащим в небольшом количестве примесь толченой керамики и включающей в себя много крупного песка и гальки. Поверх этого слоя стены покрыты тонким слоем белого раствора толщиной 0.001—0.003 м. В тех местах, где верхняя обмазка отпала, на нижнем слое видны врезанные штрихи, сделанные для лучшей его связи с последующим слоем штукатурки. Углы резервуара как вертикальные, так и горизонтальные сделаны валикообразно (рис. 11) путем соответствующего заполнения их тем же раствором. Близ южной стенки резервуара имеется на дне круглое неглубокое углубление диаметром 0.50 м. На дне резервуара оказался слой 0.03—0.05 м коричневатой массы, являющейся, повидимому, винным осадком.

Аналогичный осадок часто встречается на стенках и днищах внутри амфор, в которых хранилось вино.

Далее на запад за резервуаром обнаружены¹ две лежащие рядом массивные каменные плиты (№ 87), расположенные почти на том же уровне, что и цементированные площадки в восточной половине винодельни. Возможно, что плиты № 87 являются остатками пола западной части помещения винодельни.

¹ Расследование западной части винодельни за пределами бассейна I было возможно произвести только во время раскопок 1935 г., так как необходимо для этой цели расширение площади раскопок в западном направлении в 1934 г. затруднялось наличием в данном месте столбов с электропроводами; устранение их в 1935 г. позволило доследовать винодельню и в этой части. Ниже указанных плит № 87 обнаружены остатки двух связанных между собой под прямым углом стен № 89, сложенных на глине. Толщина стен 0.50 м, наибольшая высота 0.63 м. Они являются остатками какого-то более раннего, чем винодельня, сооружения, возможно еще классического времени. В восточном направлении одна из этих стен вплотную подходит к юго-западному углу резервуара I.

Рис. 10. Площадка (γ) для выжимания виноградного сока, вид с востока.

Винодельня была вскрыта в нижних частях культурного слоя III. На ряду с преобладающей римской керамикой в нем встречались фрагменты и эллинистической посуды. Римский материал охватывает периоды от I до IV в. н. э. Преобладают обломки амфор; импортированная керамика представлена также обломками краснолаковой посуды, преимущественно малоазиатского производства. Обильно представлено местное производство как лепной керамикой, так и посудой, сделанной на гончарном круге.

При расчистке в винодельне цементированных площадок (α, β, γ, δ) найдены витые ручки красноглиняных кувшинов, реберчатые амфорные ручки, обломки краснолаковой посуды I—II вв. н. э.

Находки из слоя, перекрывавшего винодельню, дают дату ее разрушения, не разрешая, однако, вопроса о времени возникновения, и лишь детальное изучение данного комплекса в процессе раскопок позволило установить, что винодельня возникла еще в эллинистический период, а в раннеримское время подверглась некоторой перестройке, о чем свидетельствуют: 1) различный состав цемента, покрывающего отдельные части винодельни, и 2) наличие следов перестроек в кладке стен. В то время как верхние слои цемента, покрывающего пол восточной половины помещения, стены винодельни и резервуара IIa—IIб, имеют красноватый цвет от значительного количества примеси

мелкотолченой керамики, обмазка стен внутри резервуара I и сохранившаяся часть цементного пола возле давящей плиты n° 19 по своему составу сильно разнятся от вышеописанной. Здесь, т. е. в резервуаре I, примесь толченой керамики заметна в цементном покрытии (под тонким слоем верхней белой обмазки) в виде редких и довольно крупных вкраплений. В состав этого раствора входит большое количество крупного песка, камешков, гальки, которые отсутствуют в вышеописанном красноватом растворе. В дальнейшем выяснилось, что следы цемента, аналогичного тому, которым покрыты стены резервуара I, имеются почти во всех частях винодельни под цементом красноватого цвета.

Исследование пола в восточной половине винодельни по его разрезу, обнаженному в яме (рядом с плитой n° 19), показало, что пол имеет два отчетливо выраженных основных наслоения (разрез I—Л). Нижний пол, соответствующий, очевидно, первоначальному сооружению винодельни, устроен следующим образом: на бутовый настил, образующий основание, положен слой (толщ. 0.04—0.05 м) известкового раствора с небольшой добавкой толченой керамики, но с значительным содержанием крупного песка; сверху этот слой извести покрыт тонкой белой обмазкой. Картина получается совершенно тождественная той, которая наблюдается в резервуаре I.

И здесь и там основной слой известкового раствора с большим количеством крупного песка покрыт тонким слоем тщательно притертой белой обмазки из раствора извести, принадлежащей к разряду гидравлических (водоупорных), как показало специальное исследование.¹

Этот пол был позже покрыт другим, структура которого будет рассмотрена ниже.

Кладки стен также отражают несколько перестроек. Стена п⁰4 сложена на глине, но в то время как нижние ряды ее кладки довольно старательно обработаны и уложены, верхние ряды, сложенные из более крупных камней, этой тщательностью не отличаются. В восточной части стены п⁰4 примерно три нижних ряда принадлежат первому строительному периоду, и как раз на этих рядах сохранились под слоем красноватого цемента следы более ранней обмазки. Точно так же и в западной части стены п⁰4 (над резервуаром I) заметны следы перестройки верхних рядов кладки (рис. 11).

Стена п⁰23 тоже перестраивалась: та часть ее, которая в настоящее время выше уровня пола винодельни, была перестроена тогда, когда винодельня уже, по видимому, не действовала, лишь на уровне пола нижние ряды кладки принадлежат первоначальной восточной стене винодельни.

Совокупность всех наблюдений подтверждает, что винодельня подвергалась перестройке. Находки, извлеченные из резервуаров, не противоречат этому выводу: в то время как в резервуаре I оказались, главным образом, фрагменты керамики эллинистического периода, в резервуаре П_а—П_б вещественный материал был почти исключительно римский.

В резервуаре I найдены круглые и двустольные амфорные ручки, обломки боспорской „кухонной“ посуды (рис. 12), обломок амфорного горла с раскраской по венчику (III в. до н. э.), обломок ножки чернолакового канфара и буролоковой тарелки (II в. до н. э.). Найдена также медная пантикапейская монета III в. до н. э. (№ Д 1868) и обломок плоской боспорской черепицы с клеймом Левкона II (№ Д 1861). На ряду с этим были найдены: обломок венчика краснолакового сосуда I в. н. э., чашка местной работы I—II вв. н. э., несколько витых ручек от красноглиняных сосудов, а также обломок большого горшка, венчик и плечи которого орнаментированы вдавленными линиями (рис. 13); этот обломок попал, по видимому, вместе с завалом камней, обнаруженным в верхних частях насыпи. Хотя в резервуаре I и были найдены единичные фрагменты римской керамики, но следует подчеркнуть, что предметы, лежавшие внизу,

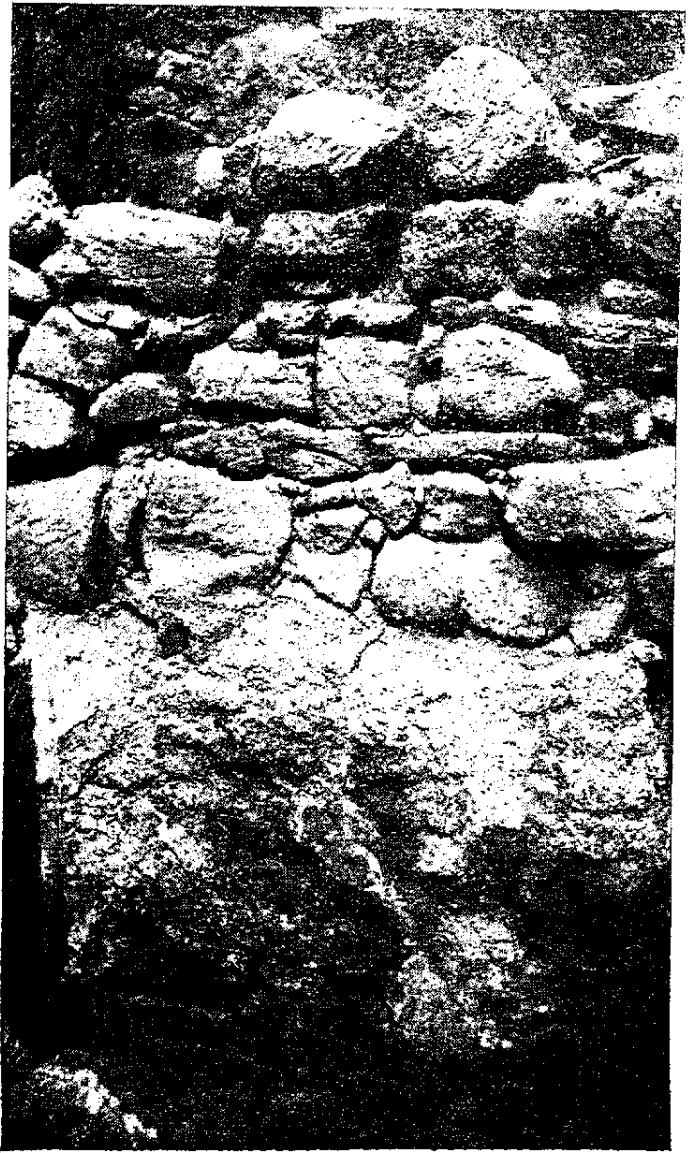

Рис. 11. Резервуар I и часть северной стены п⁰4 над резервуаром, вид с юго-востока.

были исключительно эллинистические. Непосредственно на дне оказались обломки „мегарских“ чаш III—II вв. до н. э. (рис. 14), дно раннеэллинистического чернолакового сосуда и чернолаковый канфар в обломках, принадлежащий концу IV—началу III вв. до н. э. (рис. 15).

Иная картина получается при рассмотрении находок из резервуара П_а—П_б. Здесь в верхних частях насыпи, которая была перемешана с каменными завалами, материал представлен разнообразный: на ряду с раннеримскими обломками краснолаковой посуды, витыми ручками от красноглиняных сосудов, обломками стекла и т. д. имелся и более поздний (амфорные реберчатые ручки и др.) и более ранний, эллинистический материал (обломки красноглиняного амфориска, бальзамария, дно чернолакового килика со штампованным орнаментом). Но все находки из насыпи внутри резервуара П_а—П_б полностью относятся к римскому периоду, за исключением лишь обломка головы позднеэллинистической терракотовой статуэтки. В отделении „б“ найдены обломки стеклянных сосудов I в. н. э., обломки краснолаковой посуды, преимуще-

¹ Результаты анализа см. ниже в заметке „Гидравлические растворы, примененные в мирмекийской античной винодельне“ (стр. 194).

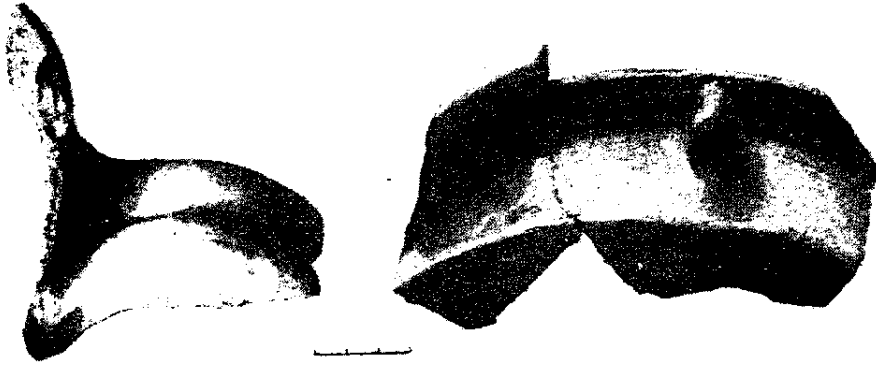

Рис. 12. Образцы эллинистической керамики, найденной в резервуаре I.

ственно первой половины I в. н. э., несколько более поздние реберчатые амфорные ручки и амфорное горло. В другом отделении резервуара II также преобладал раннеримский материал: найденные обломки амфор (рис. 16), краснолаковой и стеклянной посуды относятся к I в. н. э. Там же найдена медная монета Котия I (№ Д 3407).

Картина получается достаточно определенная: резервуар I, в отличие от резервуара IIa—IIб, функционировал только в первый период существования винодельни. Наличие в нижней части засыпи резервуара I исключительно эллинистической керамики указывает на то, что резервуар был засыпан еще в эллинистическое время. Все это заставляет относить сооружение винодельни ко второй половине III—началу II в. В пользу такой датировки говорит, в частности, находка в резервуаре I черепицы с клеймом Левкона II. Частично перестроенная в раннеримское время винодельня, повидимому, действовала уже при одном только резервуаре IIa—IIб, что доказывается отмеченным отсутствием в резервуаре I тех наслоений цемента которые имеются в резервуаре IIa—IIб и на прочих частях (стены, давяльные площадки) винодельни.

Находки в засыпи, заполнявшей резервуар IIa—IIб, доказывают, что винодельня прекратила свое существование приблизительно во II в. н. э.

Рис. 13. Обломок глиняного сосуда из верхней части засыпи резервуара I.

Поперек засыпанного землей резервуара I была обнаружена стена n° 35, сложенная небрежно впритык к стене n° 4; высота кладки 0.95 м, ширина 0.95 м. Назначение этой стены представляется неясным; она сооружена, вероятно, в римское время, может быть в тот период, когда винодельня уже не выполняла своих функций.

Возможно, что производственный масштаб винодельни в эллинистическое время был несколько больше, чем в римский период, поскольку в ее оборудование входило сначала два резервуара, а позднее только один. Менее ясно, каково было первоначальное устройство площадки в восточной части винодельни. Делилась ли площадка на несколько отделений посредством жолобов, устроенных в цементированном полу? На этот вопрос ответ возможен был бы только при условии удаления в этой части винодельни верхних наслоений пола. Хотя первоначальное устройство площадки в деталях остается невыясненным, но не подлежит сомнению, что та операция, которая производилась в этой части винодельни позднее, т. е. раздавливание винограда ногами, применялась и в более раннее время. В этом убеждает в частности наличие под верхним цементным полом первоначального аналогичного пола, сделанного с явным расчетом использования его для вышеуказанной цели. В связи с этим можно полагать, что и каменный слив n° 46, направленный выжатый на цементированной площадке сок в резервуар II, был установлен одновременно с устройством всей винодельни в эллинистическое время. Второй период существования винодельни, как указано, связан с привнесением в ее устройство ряда изменений. К числу переделок, произведенных при переустройстве винодельни, относится, в частности, настил из плит n° 41б во входном проеме. Под этими плитами, ниже на 0.32 м, обнаружен первоначальный

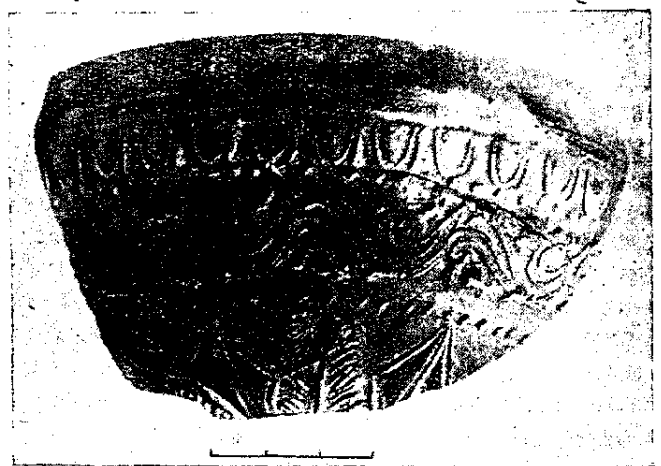

Рис. 14. Обломок „мегарской“ чаши из резервуара I.

Рис. 15. Фрагментированный чернолаковый канфар из резервуара I.

порог № 41а с вырубками для дверной рамы (на плане показана лишь та его часть, которая видна из-под плит № 41б).

При перестройке винодельни в римское время прежняя давящая площадка была перекрыта слоем вертикально поставленных прилегающих друг к другу плоских камешков (галька), залитых раствором с значительной примесью мелкоистолченной керамики. Это „бетонное“ основание было покрыто сверху несколькими слоями цементного раствора, содержащего еще большее количество толченой керамики и образующего ровную, гладкую поверхность площадки.

В связи с указанным переустройством, в северо-восточном углу была положена каменная плита № 18, служившая, вероятно, базой для прессования винограда. Выполнявшая раньше аналогичные функции плита („тарапан“) № 19 была теперь покрыта слоем мелкого бута на известковом растворе с цемянкой (рис. 17) и превратилась таким образом в цементированную давящую площадку, не связанную с действием пресса; однако слив „тарапана“ очевидно служил попрежнему для стока сусла в резервуар IIа.—IIб.¹

¹ Может возникнуть вопрос, не была ли давящая плита № 19 („тарапан“) первоначально обращена сливом в сторону западного резервуара I и лишь позднее, при переустройстве винодельни, когда резервуар I был ликвидирован, направлена к резервуару II, который при этом подвергся расчленению на два отделения? Тщательное изучение прилегающего к плите № 19 слоя цементной заливки, которой заполнен был промежуток между плитой и стеной № 4 при первоначальном устройстве винодельни (за это говорит состав „цемента“), показало отсутствие каких-либо признаков, которые могли бы дать положительный ответ на вышеуказанные предположения. Заливка чрезвычайно плотно прилегает к плите и свидетельствует, что с момента укладки плиты и произведенной при этом заливки раствором прилегающих промежутков расположение плиты, повидимому, не изменилось.

Необходимо отметить, что слив носит следы починки, произведенной в древности. Чинить пришлось потому, что по каким-то причинам слив откололся. Отбитый слив был установлен на свое надлежащее место и скреплен при помощи раствора (известь с цемянкой), следы которого заметны на поверхности откола. Следует предполагать, что этим ремонт не ограничился; повидимому, был устроен каменный или деревянный (ныне не сохранившийся) кронштейн, который поддерживал слив снизу, без чего одной только силой сцепления вяжущего раствора слив вряд ли мог держаться.

Площадка в восточной части винодельни в римское время, как указано, разделялась желобами на ряд отделений. В желоба, очевидно, вставлялись деревянные дощатые перегородки. Внутри одного желоба обнаружены остатки известкового раствора белого цвета, которым закреплялись перегородки в желобах. Перегородки были, очевидно, нужны для того, чтобы разграничить отдельные процессы производства, связанные с выжиманием виноградного сока.

Виноград, поступавший в винодельню, подвергался сначала, несомненно, раздавливанию ногами, которое происходило на цементированной площадке; через слив № 46 сок стекал с площадки в бассейн IIб. Этот способ выжимания виноградного сока, широко применявшийся в античности, засвидетельствован серией греческих вазовых рисунков,¹ на которых пред-

¹ Воспроизведены и комментированы у P. Cloché (Les classes, les métiers, les trafics. Paris, 1931, tab. X—XII).

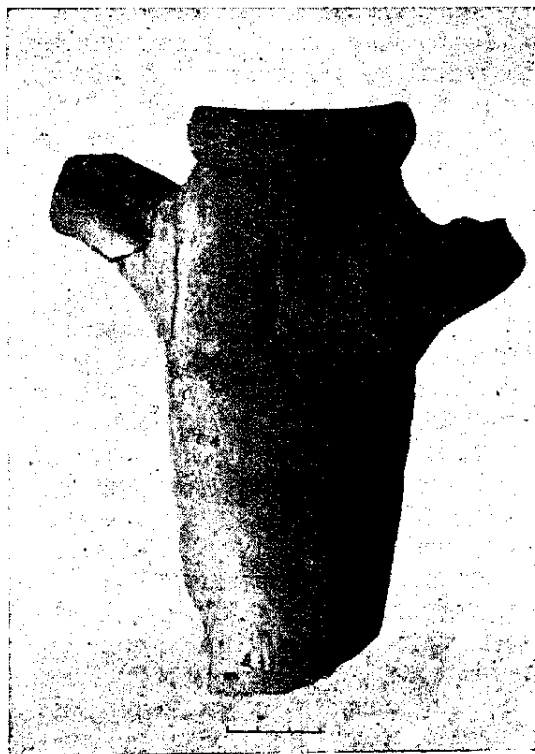

Рис. 16. Горло римской амфоры из резервуара II.

Рис. 17. Слой мелкого бута на растворе, покрывавший поверхность давилной плиты № 19.

ставлены сцены выжимания виноградного сока ногами в деревянных чанах, т. е. переносных давилнях, устанавливавшихся иногда в самых виноградниках, на месте сбора винограда. Такие деревянные чаны прямоугольной формы, на довольно высоких ножках, внутри имели слегка наклонное дно, чтобы жидкость могла стекать через отверстие и выступающий слив в сосуд (*κρατήρ ὑπολήριος*), ставившийся на землю.

Чтобы сохранять равновесие и производить более сильное давление, давилщик, производивший топтание винограда ногами, нередко держался рукой за перекладину, прикрепленную к потолку. Иногда давили виноград несколько человек; для ритмичности своих движений они, под аккомпанемент флейты, пели так наз. *ἐπιλήριον μέλος*.

Указанные простейшие устройства давилни были в ходу, главным образом, в мелких хозяйствах. Развитие античного виноделия и создание крупных винодельческих хозяйств, вырабатывавших большие количества вин, вызывали необходимость устраивать специальные винодельни с обширными площадками для выжимания сока, с большими резервуарами для сусла и т. д. Винодельня Мирмекия и является образцом такого более усовершенствованного устройства, в котором, однако, основной способ переработки винограда был тот же, что и в более примитивном мелком производстве: виноград давили ногами. Правда, этим дело не ограничивалось. В выжимках оставалось еще изрядное количество сока; чтобы его извлечь полностью, требовалось более интенсивное давление посредством пресса. Для этой цели и служила массивная каменная давилная плита (сначала № 19, потом, после перестройки винодельни, ее, повидимому, заменила плита № 18), на которой производилось окончательное выжимание сока при помощи пресса. Устройство и действие его заключалось в том, что на уложенную по середине плиты массу винограда, поступавшего сюда после первичной обработки, производилось давление посредством рычага. Виноград-

ная масса помещалась, вероятно, в мягкую плетеную корзину или мешок, как это нередко делалось и при давлении винограда ногами в переносных давилных чанах.¹ Сверху она должна была перекрываться досками, на которые производилось давление рычагом.

Вопрос, как был устроен давилный рычаг, без привлечения сравнительных данных не может получить должного решения.

Наиболее сложной формой пресса с применением рычага являлось устройство двух пар специальных деревянных стоек (*arborea* и *stipites*), связанных между собой системой балок. Между стойками помещался рычаг в виде массивного бруса, один из концов которого получал точку опоры в задней паре столбов. Для

поднимания такого тяжелого рычага пользовались блоками, а для усиления давления, помимо живой силы, применяли ворот, посредством которого действовали на свободный конец рычага, привязывая его с помощью веревки книзу. Такая система устройства прессов для выжимания виноградного сока и оливкового масла засвидетельствована римскими авторами, и существование ее подтверждается археологическими открытиями.

Нет оснований реконструировать пресс мирмекийской винодельни по вышеуказанному сложному образцу, так как в самой винодельне не обнаружено признаков существования каких-либо специальных стоек или опор для укрепления рычага. Возникает вопрос, где же в таком случае могла быть точка опоры для рычага? Разрешить данный вопрос помогает открытие, сделанное R. Bosanquet при раскопках Преса на Крите, где были обнаружены остатки производства оливкового масла II в. до н. э. В одном из помещений оказалась плита, аналогичная давилной плите № 19 мирмекийской винодельни, отличающейся только несколько меньшими размерами и круглой формой, что не имеет существенного значения. И на той и на другой плите производилось одинаковое механическое давление. Оно осуществлялось посредством рычага, точка опоры для которого была устроена, как убедительно показывает критский памятник, в виде особых выемок в прилегающей каменной стене. Рычагом служил, несомненно, деревянный брус, один конец которого вставлялся в указанные выемки в стене; для увеличения силы давления на другой конец рычага подвешивали тяжести, как это показано на известном афинском вазовом чернофигурном рисунке VI в., изображающем прессование оливок.

Повидимому, так же действовал пресс и в мирмекийской винодельне. Виноградная масса помещалась на каменную плиту и, как уже

¹ P. Clouhé, op. cit., p. 19.

указано выше, подвергалась прессованию посредством рычага, конец которого упирался в каменной кладке стены винодельни. К сожалению, как раз против пресса кладка разрушена и это не дает возможности выяснить более точно соответствующие детали.

Известно, что в нашей винодельне давящая плита № 19 была обнаружена с поверхностью, покрытой слоем бута, залитого раствором извести с цемянкой (рис. 17), который был затем удален в целях изучения устройства плиты. Это дает основание предполагать, что после переустройства винодельни плита № 19 своего первоначального назначения не выполняла и что в это время действовал другой пресс, с которым была связана находящаяся в северо-

восточном углу винодельни плита № 18. Не входя здесь в рассмотрение вопроса, как действовал этот второй пресс, от которого сохранилась указанная каменная плита № 18 (это составит задачу особого исследования), мы можем, однако, заключить, что и в римский период, после некоторого изменения винодельни, процесс выжимания сока состоял попрежнему из двух основных моментов. Сначала виноград топтали ногами на цементированной площадке, а затем он подвергался более сильному давлению посредством специального механического приспособления. Повидимому, и разграничение бассейна II на два отделения было обусловлено тем, что сок вторичной выжимки, производившейся при помощи пресса, было целесообразнее собирать отдельно.

Винодельня, как это было выяснено выше, просуществовала с эллинистического времени до I—II вв. н. э. Уровень пола в винодельне в римское время был лишь немного поднят по сравнению с эллинистическим, но уровень прилегающей к винодельне местности с северной стороны значительно повысился за время существования винодельни, что видно по прилегающим к ней с этой стороны наслоениям, о которых речь будет ниже.

Эллинистические культурные отложения особенно отчетливо выявились в северо-восточной части раскопа. В этом эллинистическом слое IV, сильно нарушенном более поздними земляными работами, преобладающий состав находок относится к III—II вв. до н. э. В нем были обнаружены остатки каменного настила № 54 в виде ряда больших известня-

Рис. 18. Колодец (№ 49) с северной стороны винодельни, вид с северо-запада (снимок 1935 г.).

ковых плит различной величины. При расчистке плит была найдена клейменная амфорная ручка № Д 3529. Плиты эти подходили к верхней части колодца № 49. Колодец круглой формы (рис. 18), сильно расширяется книзу.¹ Глубина колодца невелика, диаметр сверху 0.50 м, внизу 1.64 м. Стенки сложены в верхней части из известняковых плит, тщательно обработанных и пригнанных с внутренней стороны. Кладка средней и в особенности нижней части колодца значительно грубее. Дно его состоит из вязкой глины материка. На высоте 0.95 м от дна колодец соединен с водосточным каналом № 37, описанным выше. Как видно на разрезе III—III, внутрь колодца введен конец канала — нижняя его плита (шир. 0.46 м, выс. 0.20 м) с высеченным жолобом (шир. 0.22 м, глуб. 0.09 м) для стока воды. Верхняя часть колодца (выше канала), отличающаяся несколько большей тщательностью кладки, заставляет предполагать, что колодец подвергался перестройке.

С северной стороны винодельни открыты наслоения черепяных вымосток (№№ 5, 11а, 11б, 11в), их чередование показано на рис. 19.

Черепяная вымостка № 11б принадлежит эллинистическому времени, она вплотную прилегает к лицевой кладке северной стены винодельни. Керамический материал, входящий в состав вымостки № 11б, относится к III в. до н. э. В вымостке оказалось некоторое количество клейменных амфорных ручек (№№ Д 1940—1944, 1950, 1951). На ряду с этим было встречено

¹ Колодец внутри был засыпан землей. Полная его очистка произведена в 1935 г.

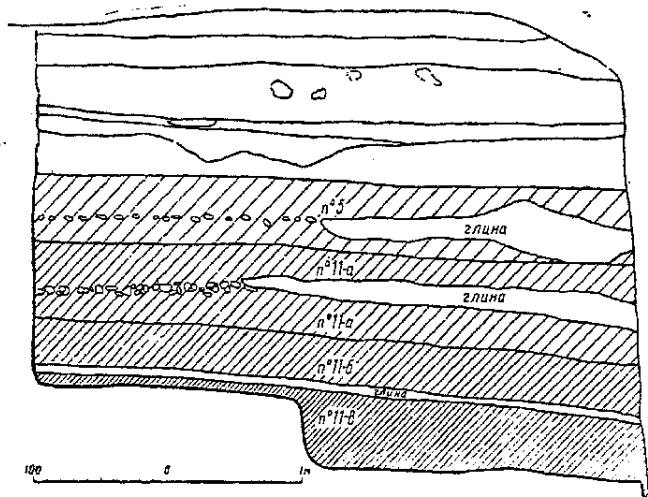

Рис. 19. Стратиграфия наслоений черепяных вымосток на участке Б.

несколько фрагментов чернолаковой посуды III в. до н. э. Несколько ниже, под вымосткой п° 11б, замечен уровень более ранней тоже черепяной вымостки п° 11в, содержащей обломки амфор IV в. до н. э., причем характерным является полное отсутствие клейменных амфорных ручек (образцы амфорных днищ из вымостки см. на рис. 20). Таким образом в эллинистическое время к винодельне примыкала с севера вымостка, уровень которой совпадал с уровнем пола винодельни. Устроенная в позднеэллинистическое время новая вымостка п° 11а была на 0,50 м выше вымостки п° 11б. Вымостка п° 11а также состоит из битой керамики и глины на подстилке из бута, ниже которого положен слой глины толщиной до 0,20 м; вымостка очень крепко утрамбована. Материал, входящий в ее состав, относится к позднеэллинистическому времени. Оказавшиеся среди черепков вымостки п° 11а синопские клейменные ручки амфор (№№ Д1894—1905, 3491) относятся к поздней группе.

С южной стороны винодельни раскопки были приостановлены в 1934 г. на уровне раннеримской черепяной вымостки п° 31, соответствующей по своему уровню вымостке п° 11а с северной стороны. Лежащая ниже ее вымостка п° 58 из камней более или менее крупных размеров, незначительно вскрытая (в квадрате 4) при исследовании ямы с погребением, является, по видимому, остатками более ранней каменной вымостки, примыкавшей к винодельне с юга.

В римский период с севера около винодельни попрежнему проходила улица, причем в течение некоторого времени продолжала служить позднеэллинистическая черепяная мосто-

вая. Об этом свидетельствуют находки обломков краснолаковой римской керамики и римских желобчатых амфорных ручек при расчистке поверхности мостовой п° 11а.

При постройке стен для помещения, расположенного с восточной стороны винодельни, был разрушен юго-восточный угол винодельни.

Стена п° 30 примыкает впритык к северной стене винодельни п° 4, причем угол ее заходит за внешний угол последней. Помещение, частично раскопанное с восточной стороны винодельни, вероятно, являлось в римское время кладовой, что доказывается наличием ямы (зернохранилище?) и присутствием в этом помещении обломков больших пифосов. Помещение было засыпано сплошным завалом камней. Вещественный материал, найденный в пределах помещения, весьма разнороден: на ряду с обломками чернолаковой посуды и монетами III в. до н. э. найдены фрагменты римской керамики III—IV вв. н. э., а на дне ямы вместе с римским стеклом и амфорными реберчатыми ручками найден уже отмеченный небольшой обломок сосуда с чешуйчатым орнаментом „клазоменского стиля“ VI в. до н. э. Стена п° 30 включает в себе кладки, построенные в разное время. Подошва восточной ее части, уходящей далее в нераскопанную еще насыпь, расположена несколько ниже, чем западная часть этой же стены п° 30, которая прилегает к углу винодельни, перекрывая раннеэллинистический водосточный канал п° 37, впущенный в слой V.

Интересно отметить, что на поверхности камней восточной части кладки, отличающейся большой тщательностью работы, имеются остатки цементной обмазки, по своему составу аналогичной покрытию стен резервуара I в соседней винодельне. Это показывает, что при постройке стены п° 30 в римское время в нее были включены остатки стены какой-то постройки (винодельни?) более раннего времени.

По своей структуре вымостка п° 5 аналогична вымостке п° 11б, но расположена выше нее на 0,45—0,50 м. Остатки вымостки п° 5 были за-

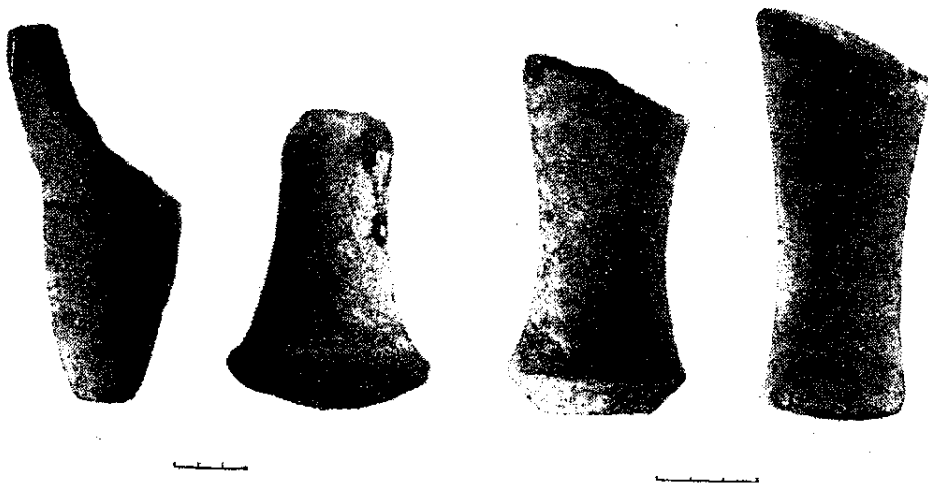

Рис. 20. Днища амфор из черепяных вымосток.

фиксированы во всей северной половине раскопа. Она образована, главным образом, из глины и обломков амфорных ручек и незначительного количества фрагментов других сосудов. Под верхним слоем вымостки вымостки в виде основания сделана подсыпка из бута и мелкого щебня. Материал, включавшийся в вымостку, относится в основном к римскому периоду; количество найденных эллинистических амфорных ручек, в том числе клейменных (№№ Д 1208, 1209, 1210), очень невелико; также в ограниченном количестве входил в ее состав и другой эллинистический керамический материал.

В черепяную мостовую № 5 впущен водосток № 33, открытый раскопками на протяжении почти 5 м; продолжение его уходит на восток в неисследованную насыпь, на глубине 1.10 м от современной поверхности (рис. 21); с западной стороны часть водостока разрушена. Дно его сложено из обломков плит известняка. Боковые стенки сделаны из поставленных на ребро плит. Сверху канал перекрыт большими плитами длиной до 1.00 м,

Рис. 21. Водосточный канал № 33 с частично снятыми плитами перекрытия, вид с запада.

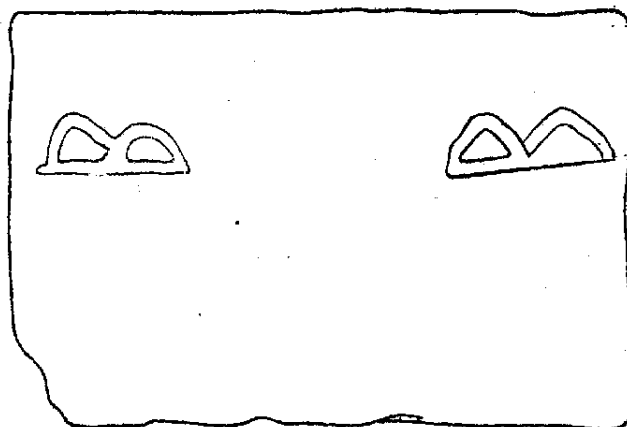

Рис. 22. Буквы, высеченные на верхней стороне одной из плит водостока № 33.

шириной от 0.60 до 1.00 м, высота канала 0.55 м. Почти все камни, из которых сооружен водосток, являются материалом вторичного использования; размеры перекрывающих плит разнообразны; среди них оказались две профилированные плиты, на одной из которых сверху высечены буквы (рис. 22). Водосток сложен насухо; перекрывающие водосток плиты неплотно прилегают друг к другу, образовавшиеся вследствие этого щели заполнены щебнем и черепками.

Более поздние следы жизни на данной территории городища относятся уже к средневековому времени. Культурный слой II, соответствующий этому средневековому периоду, настолько нарушен позднейшими земляными работами XIX в., что в процессе исследования точные границы этого слоя почти не поддавались учету и приходилось только отмечать его перекопанный, рушенный характер. Целый ряд ям, шедших от гумусного слоя, прорезал слой II. Насыщенность слоя II керамическим материалом была незначительна. Преобладал античный материал (что лишний раз свидетельствует о перекопанности слоя), на ряду с которым найдено было некоторое количество средневековой керамики (рис. 23). Из строительных остатков средневекового периода в юго-восточной части квадрата 5 сохранились остатки водостока № 26, который в целях исследования винодельни был удален после соответствующей фиксации. Дно водостока шириной до 0.35 м выложено крупными обломками амфорных желобчатых стенок. Боковые стенки водостока состояли из поставленных на ребро камней, перекрытых сверху плитами, сохранившимися на северном конце водостока.

Остатки сильно разрушенной вымостки № 27 из мелкого бута обнаружены в квадрате 4 на одном уровне с водостоком. При расчистке этой вымостки были найдены обломки поливной посуды.

К средневековой эпохе относятся и обнаруженные в квадрате 3 в том же слое II остатки очага п^о 22, состоящего из двух поставленных на ребро плит, окруженных небольшой каменной площадкой. При расчистке очага обнаружены остатки угля, золы, а также обломок поливного сосуда. Под плитами площадки найдены обломки поливной керамики и красноглиняного сосуда с врезанным волнообразным орнаментом (рис. 24), на основании чего сооружение очага приходится относить ко времени не ранее XIII в. С постройкой очага связывается и группа камней п^о 21 в квадрате 3, представляющих собой остатки какого-то сильно разрушенного сооружения.

О жизни на данной территории городища в средневековое время говорят уже отмечавшиеся находки средневековой посуды. В этой же связи интересно отметить встретившуюся в гумусном слое джучидскую монету Хызр-хана (1359—1361 гг.), чеканенную в Сарае (№ Д 3432).

Повидимому, средневековой эпохе принадлежит и погребение, обнаруженное с южной стороны винодельни в яме п^о 34 со стенками, обмазанными глиной (диам. 1.40—1.70 м). Костяк, лежавший в скорченном положении на левом боку, с закинутой за голову правой рукой, с сильно согнутыми ногами, был покрыт сверху

большой каменной плитой, подпертой по краям камнями меньших размеров. Вещей при костяке не оказалось, земля, которой яма была засыпана, содержала обломки античной и средневековой керамики. Остальные ямы, в которых также оказались погребения, связаны, несомненно, с XIX в., когда существовал карантин. Одна из этих ям была вскрыта в северо-восточной части раскопа (в квадратах 3 и 76), другая в центральной ее части.

Рис. 24. Обломки средневековой керамики.

Как та, так и другая яма шли, начиная с гумусного слоя. В северо-восточной яме неправильных очертаний были обнаружены два костяка, лежавших головой на восток в вытянутом положении. Они лежали около подошвы фунда-

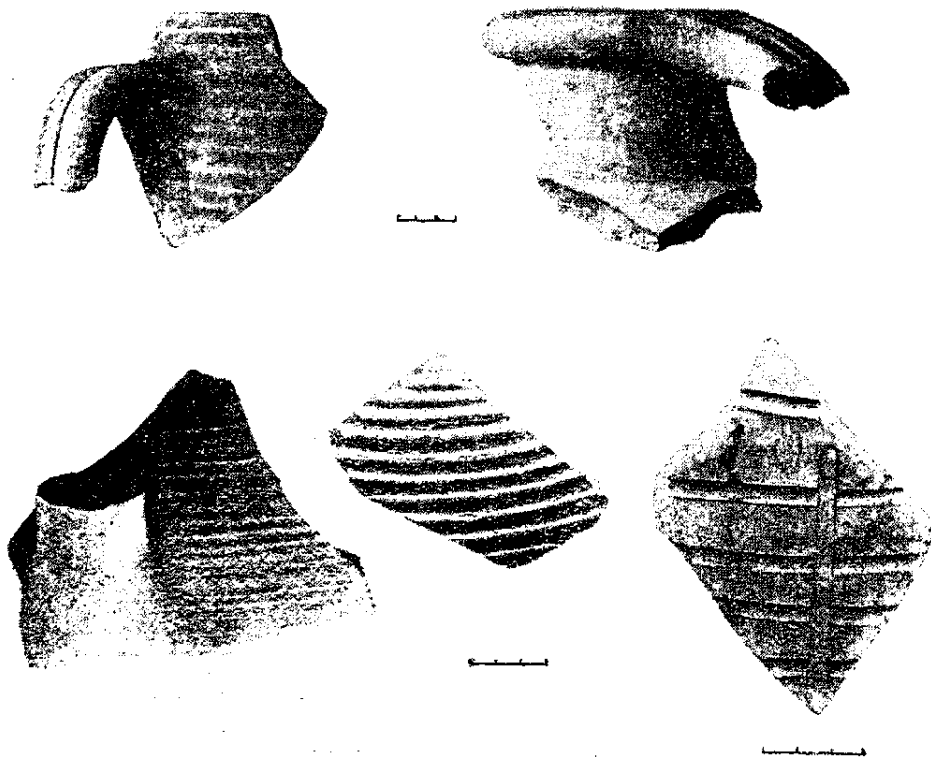

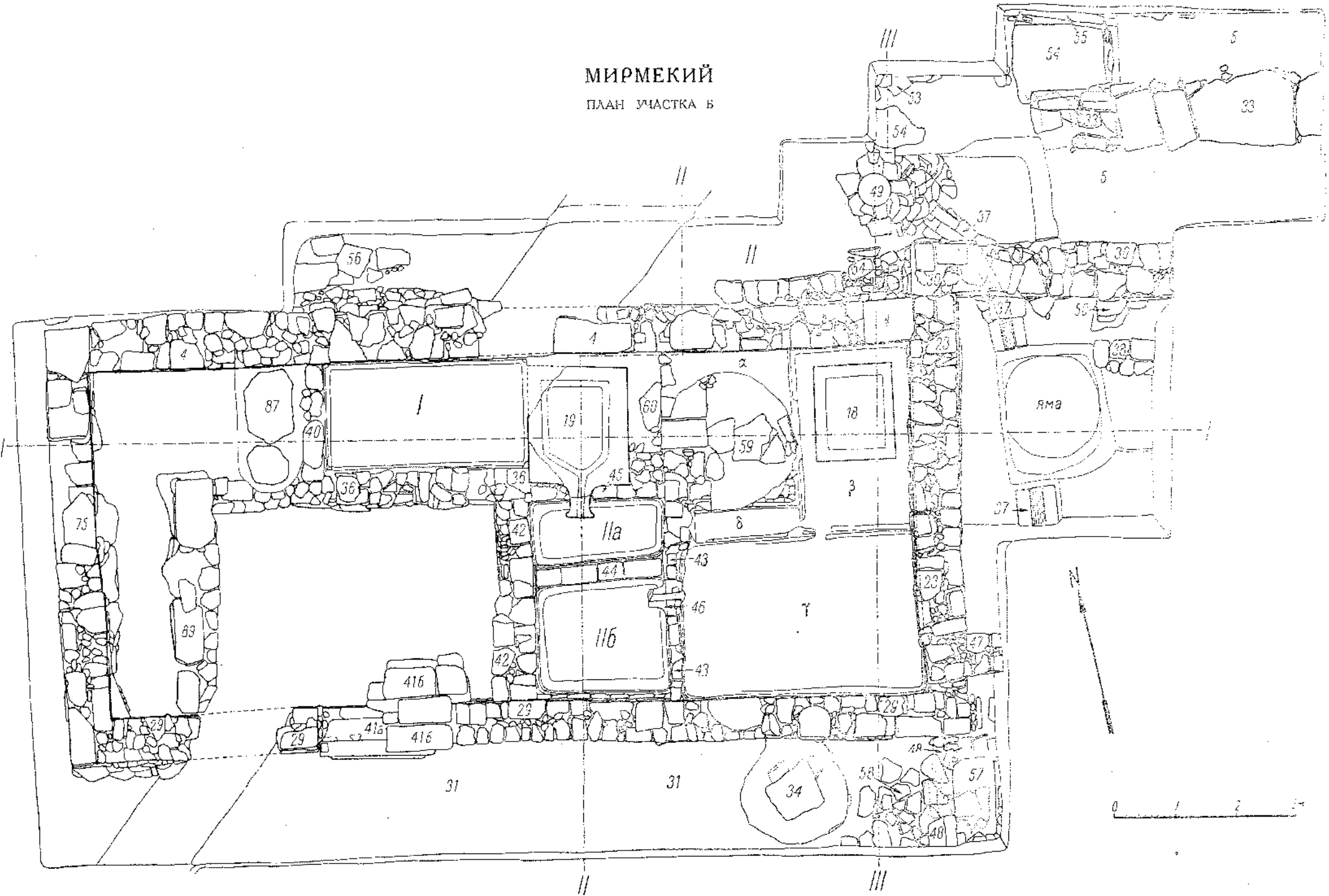
Рис. 23. Обломки сосудов средневекового времени.

мента карантинной стены, с восточной стороны ее, и сопровождалась находками обломков поздней поливной посуды.

Гумусный слой I на данном участке достигал довольно значительной мощности и почти

весь был перерывт ямами. В поверхностном слое на ряду со средневековым материалом найдены обломки поздних турецких курительных трубок и поливной посуды новейшего времени.

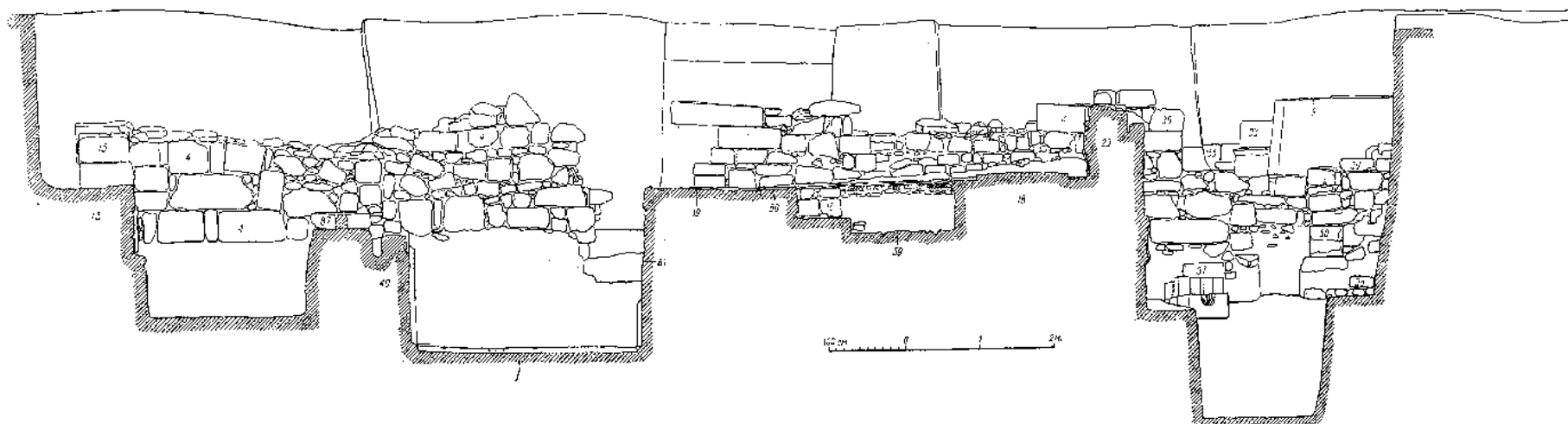
МИРМЕКИЙ
ПЛАН УЧАСТКА Б

МИРМЕКИЙ

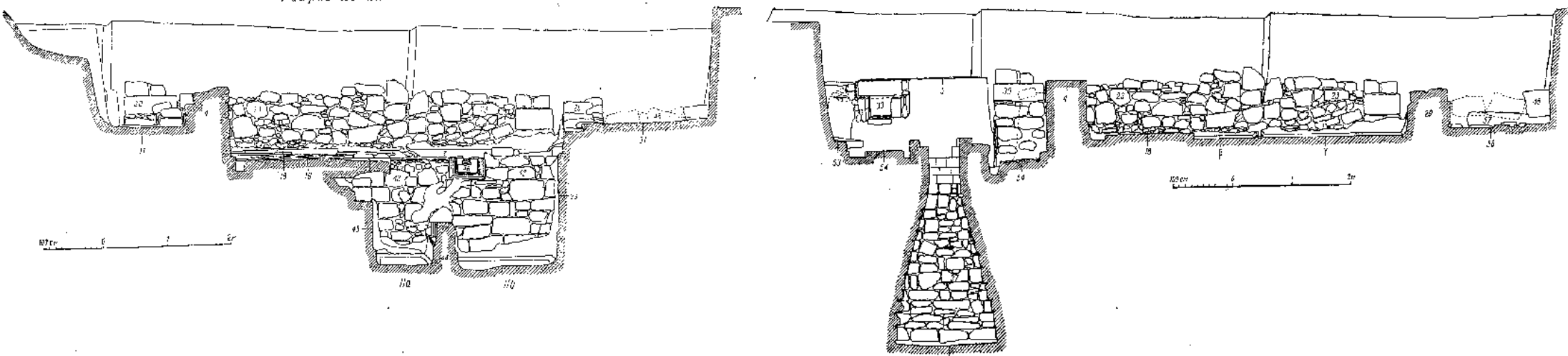
РАЗРЕЗЫ К ПЛАНУ УЧАСТКА Б

Разрез по линии I—I

Разрез по линии II—II

Разрез по линии III—III

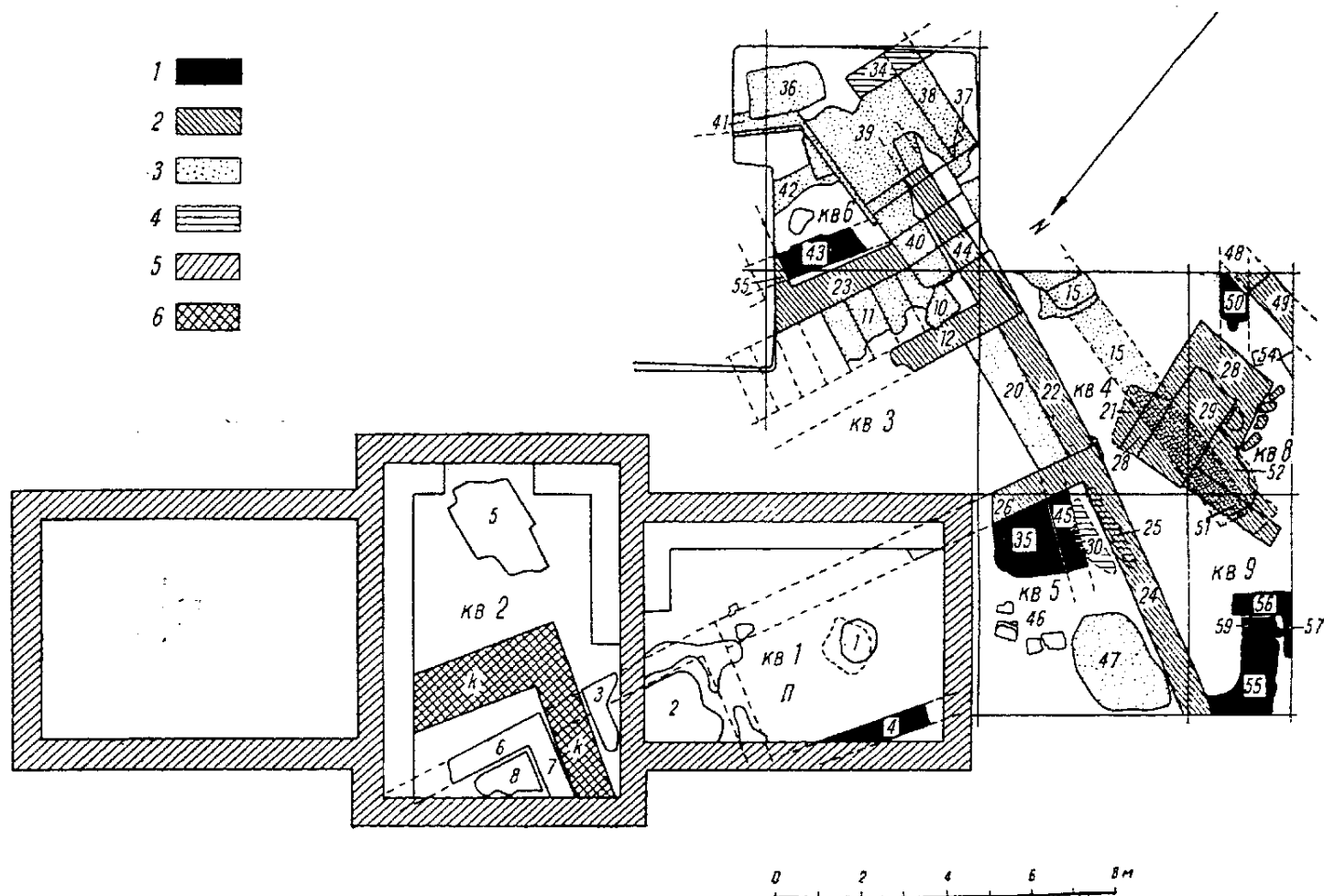

Рис. 25. Схематический план участка В.

1 — классический период, 2 — эллинистический, 3 — римский, 4 — средневековый, 5 — современные постройки, 6 — квадратные стены XIX в.

УЧАСТОК В

Этот участок раскопок находится в западной части городища в том месте, где еще до начала работ экспедиции в 1934 г. строительством были сняты культурные слои почти до материка и на образованной таким образом площадке заложены фундаменты здания (план и разрезы на табл. II, схематический план на рис. 25).

Здесь прежде всего была поставлена задача доследования до материка оставшегося не снятым довольно незначительного пласта культурных наслоений внутри здания. Работы были начаты в крайнем с юго-запада помещении (квадрат 1), в котором при земляных работах строительства был найден клад, состоящий из нескольких десятков пантикапейских медных монет III в. до н. э.¹

В пределах того же здания была, кроме того, исследована площадь соседнего, среднего

помещения (квадрат 2) и затем пространство в 5.0×2.5 м, прилегающее к квадрату 1 с внешней (восточной) стороны фундамента (северо-западная часть квадрата 3). Далее исследованию были подвергнуты уже не тронутые строительством участки, прилегающие к площадке с фундаментом с юго-запада и с юго-востока (квадраты 3, 4, 5, 6 и полуквадраты 8 и 9).

На участке В было раскрыто пять основных культурных слоев. Как правило, всюду, где представлялось возможным (на квадратах 1, 2, 3, 4, и полуквадрате 8), раскопка доводилась до материка, которым здесь является глина зеленоватого цвета, местами с включениями железистых отложений. В одном месте, в яме № 47 на квадрате 5, обнаружена материковая скала.

Культурные слои выявлены следующие: слой I мешанный, с средневековым материалом, II слой римский (I—II вв. н. э.), III слой эллинистический (III—I вв. до н. э.), IV слой классический (конец VI—IV в.), V слой архаический (VI в. до н. э.).

Древнейший слой, непосредственно залегающий на материке, был обнаружен первоначально на квадратах 1 и 3, где он сохра-

¹ По словам очевидцев монеты были найдены в глиняном сосуде, который был разбит при извлечении из него клада. Часть монет собрал Керченский музей, некоторое количество монет (по описи №№ Д 3511—3521) было позднее передано экспедиции рабочими строительства.

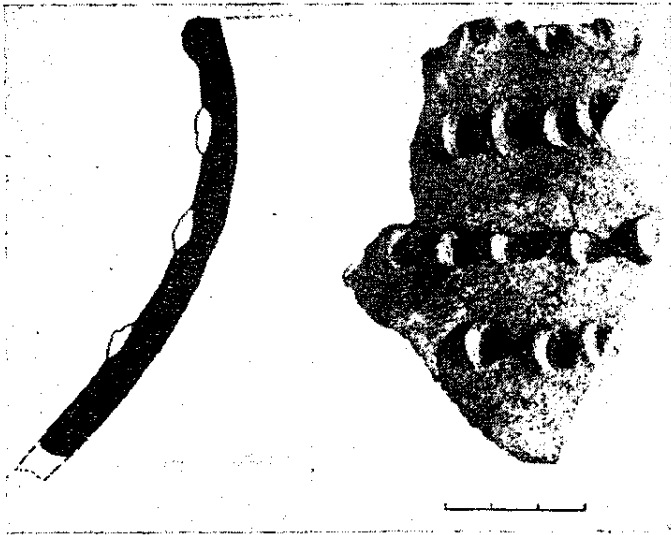

Рис 26. Обломок скифского лепного сосуда.

нился лишь частично, поскольку значительная часть культурных слоев здесь была снята земляными работами строительства. Грунт, относившийся к этому слою, был глинистый, почти черного цвета. Толщина его достигала 0.30—0.40 м. В нем оказались обломки керамики туземной и греческой импортированной. Кроме мелких фрагментов лощеных серых туземных сосудов, были найдены куски двух лепных горшков, т. е. сделанных от руки, без применения гончарного круга. Один из них орнаментирован в верхней части: край венчика украшен рубчиками, ниже три ряда вдавлен (рис 26). Восстановленная из собранных кусков нижняя часть другого горшка имеет плоское дно (диаметр 0.13 м, наибольший диаметр сохранившейся части 0.30 м). Глина обоих горшков грубая, в изломе темносерого цвета, поверхность местами имеет довольно яркий красновато-коричневый цвет. На днище второго горшка имеются желобчатые отпечатки от предмета, на котором сосуд стоял во время его выделки или сушки.

Греческая керамика, кроме обломков стенок простых амфор, представлена главным образом фрагментами двуручных чаш (рис. 27), расписанных внутри по чернолаковому фону пурпурными и пурпурными с белым горизонтальными поясками; снаружи только у одного обломка (все обломки вообще очень небольшие) сохранилась розетка из точек, дающая возможность определенно отнести этот фрагмент к группе родосских скифосов с розетками.¹ К той же или очень близкой к ней группе относятся и обломки, орнаментированные вертикальными черточками. Ряд других обломков принадлежит аналогичным типам

ионийской керамики.¹ Чаши с вышеуказанными пурпурными и полихромными поясками в основной массе принадлежат второй четверти VI в. до н. э.

Находка столь раннего материала на территории Мирмекия обусловила дальнейшее расширение площади исследования в данной части городища на участки, прилегающие с юго-востока и юго-запада к фундаментам строящегося здания, причем на всем протяжении работ исследование древнейшего слоя оставалось на участке В в центре внимания.

На квадрате 1 строительных остатков, которые можно было бы отнести к слою VI в., обнаружено не было. Беспорядочно лежавший местами на поверхности материка в один ряд мелкий щебень, возможно, составлял остатки древней вымостки. На квадрате 1, при расследовании архаического культурного слоя, была выявлена вырытая в материке яма (n° 1), засыпанная светлокорицневатой глинистой землей, причем на этой засыпи, почти над ямой, обнаружено (на высоте около 0.30 м от поверхности материка) сильно обожженное пятно примерно 0.30—0.40 м в диаметре (на плане оно обозначено пунктиром), являющееся, по видимому, остатком очага; под верхней обожженной твердой прослойкой (0.01 м) глины темнубурого цвета оказались положенными черепки стенок амфоры с темным пояском, VI в. до н. э.

¹ Сосуды данной категории происходят из различных центров Ионии; многие группы этой керамики являются, по видимому, произведениями промышленности Родоса. К ним, в частности, и относятся „скифосы с розетками“.

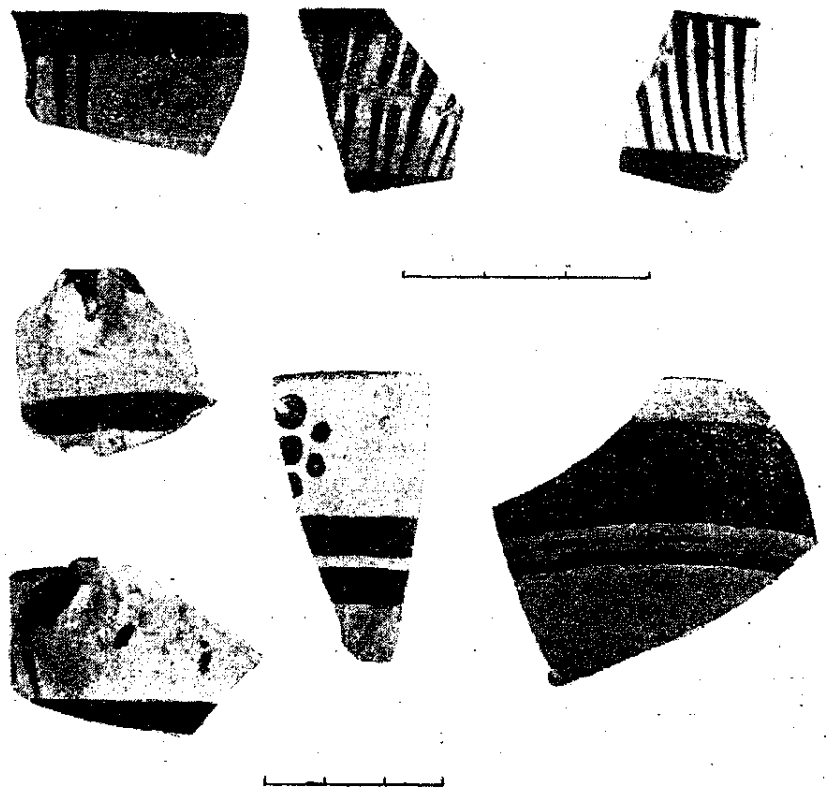

Рис. 27. Обломки греческой керамики первой половины VI в. до н. э.

¹ K. F. Kin ch. Fouilles de Vroulia (Rhodes). Berlin, 1914, tab. XXV, p. 136 sq.

На соседнем квадрате 2 (среднее помещение строящегося здания) продолжения архаического слоя не оказалось. Тут был вскрыт угол бутового на извести фундамента карантинного здания XIX в. Очевидно, при возведении этой карантинной постройки древние культурные наслоения были здесь отчасти снесены и частью перемешаны. Поэтому в квадрате 2 залегающий на материке культурный слой оказался рушеным; он содержал керамику V и конца VI вв., напр., большой фрагмент чернолакового килика (рис. 28) и наряду с ним римский керамический материал (обломки светлоглиняных узкогорлых амфор, фрагменты краснолаковой посуды и т. д.), в то время как на этом же уровне в квадрате 1 залегал архаический слой. Вышеуказанное положение сделало затруднительным определение времени происхождения тех довольно бесформенных строительных остатков, которые вскрылись на квадрате 2. Фундамент карантинного здания перерезывал какие-то древние строительные остатки в виде большого скопления бута, занимающего западный угол квадрата (п⁰ п⁰ 6 и 7; крупный бут как бы образует угловую кладку, внутри — мелкий бут п⁰ 8 на глине). Полоса бута продолжается и далее в квадрате 1, где она залегаєт на материке (п⁰ п⁰ 3 и 2) под слоем светло-коричневатой глины.

Также неопределенной оказалась большая группа бутовых камней п⁰ 5 в юго-восточной части квадрата 2.

Существенные результаты были получены раскопками на квадрате 5, где, как и в квадрате 1, был обнаружен культурный слой VI в. до н. э., сохранившийся, правда, на небольшом участке и перекрытый вымосткой п⁰ 35

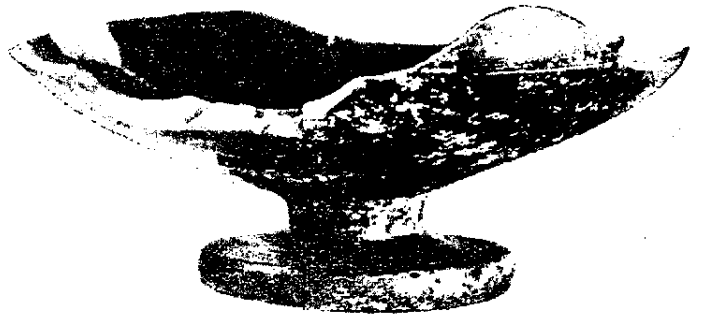

Рис. 28. Фрагментированный чернолаковый килик V в. до н. э.

классического времени; за пределами этой вымостки, в частности в северо-западной части квадрата, слой VI в. подвергся разрушению, отчасти в римское время, к которому относится большая яма п⁰ 47, и в более позднее время вместе с другими античными слоями.

На квадрате 5 грунт, относящийся к слою VI в. и залегающий, как указано, под вымосткой п⁰ 35, был того же характера, как вышеописанный на квадрате 1. Его толщина достигала 0.60 м, причем и здесь древнейший слой залегал непосредственно на материке. Местами в слое наблюдалась черная прослойка из углей и большое скопление золы. Культурные остатки были представлены, главным образом, значительным количеством обломков туземной и греческой керамики. Часть черепков носила следы огня; попадались кусочки черных перегорелых костей. С одной стороны границы слоя VI в. определялись кладкой п⁰ 45, являющейся остатками фундамента классического времени, впущенного в слой земли

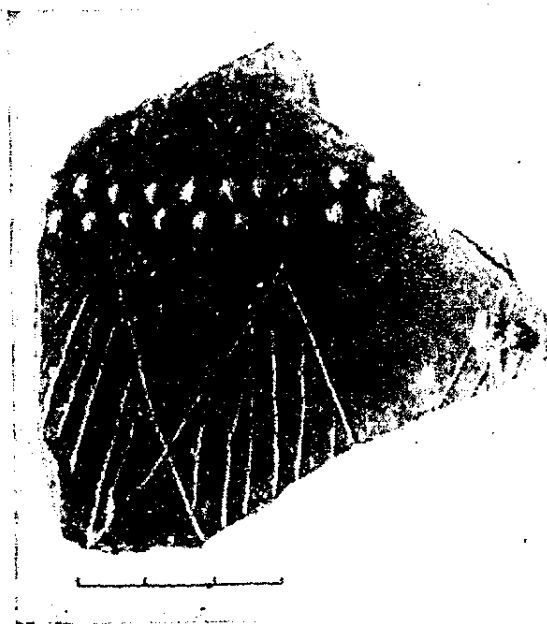

Рис. 29а

Рис. 29б

Обломки орнаментированного скифского сосуда.

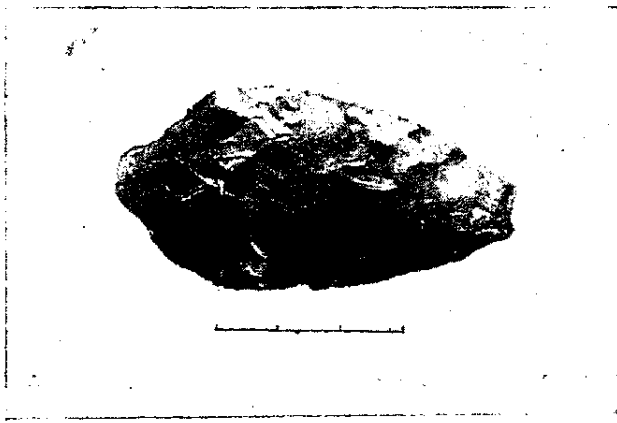

Рис. 30. Кремневый наконечник стрелы.

с культурными отложениями VI в. до н. э. Песчаная прослойка толщиной 0,1 м. отделяла слой VI в. от перекрывавшей его вымостки № 35 классического времени, при расчистке которой были обнаружены некоторые предметы, относящиеся к архаическому периоду.

Тут было найдено одиннадцать обломков большого скифского орнаментированного сосуда (рис. 29а, 29б). Глина светлосерого цвета, наружный толстый слой черепка сильно обуглерожен и имеет черный цвет. Снаружи поверхность сосуда имеет следы неравномерного лощения. Интересно, что на внутренней стороне сосуда тонкая прослойка глины имеет коричневатый (тон ржавчины)-зеленоватый цвет, что, по-видимому, является результатом впитывания стенками какого-то вещества, которое содержалось в сосуде при его употреблении. Найденные фрагменты представляют разрозненные части стенок и поэтому не дают возможности восстановить форму сосуда в целом. Плечи его были украшены двумя рядами мелких круглых впадинок; ниже поверхность сосуда расчерчена острым инструментом: линии перекрещиваются и образуют сетку ромбовидных четырехугольников, причем гладкие ромбы чередуются с ромбами, внутри которых произведена небрежная вертикальная штриховка.

В том же горизонте был найден кремневый наконечник стрелы (рис. 30), относящийся, по определению П. П. Ефименко, к эпохе бронзы, но использованный, вероятно, населением Мирмекия в VI в. до н. э.

Среди импортированной греческой керамики, найденной преимущественно в виде очень мелких обломков на квадрате 5 при исследовании архаического слоя,¹ должен быть прежде всего отмечен обломок расписного сосуда „родосско-милетской“ группы² (рис. 31).

¹ Считаю необходимым подвергнуть в отчете этот керамический материал более детальному рассмотрению в виду исключительной его важности для решения вопроса о времени возникновения поселения на месте Мирмекия.

² В настоящее время Rumpf [Zu den klazomenischen Denkmälern. Arch. Jahrbuch, 48 (1933), S. 55 ff; там же

В обычной для этой керамики технике по светлой обмазке изображена в контурном рисунке голова пасущегося горного козла (эгагра). Справа от головы у нижнего края обломка сохранилась едва заметная темная полоска от шеи, а наверху уцелел маленький кусочек спины. Видно, что козел был изображен с круто выгнутой передней частью спины, причем туловище животного было исполнено в силуэтной технике. Слева от головы на значительном расстоянии изображена крупная розетка (заполнительный орнамент). Голова козла почти соприкасается с лаковым поясом, на котором имеются следы полихромии.

Кроме этого фрагмента были еще найдены следующие образцы ранней греческой керамики: обломок ионийского сосуда с небольшим остатком росписи, выполненной в силуэтной технике по светлой обмазке (рис. 32, 1); часть ручки большого сосуда — келебы (рис. 32, 2); три обломка тарелок (края, орнаментированные меандром), принадлежащих к группе керамики, обычно определяемой как продукция Родоса. Два из них (рис. 33) относятся ко второй четверти VI в. до н. э., третий обломок (рис. 33, нижний фрагмент) принадлежит несколько более позднему времени.

Наиболее многочисленными были обломки двуручных чаш вышеуказанного типа, „скифосов с розетками“ (розетки на наружной стороне чередуются с группами вертикальных черточек), и других сходных с ними типов. Внутри эти чаши имеют отмечавшуюся уже орнаментацию пурпурными (по два на близком расстоянии) или полихромными поясками по темному фону. Всего было найдено около

указана вся новейшая литература об ионийской керамике] предлагает не применять даже такого общего определения в виду того, что вопрос о локализации мест производства отдельных разновидностей этой керамики не может считаться решенным. Новый материал из различных ионийских пунктов вызывает в настоящее время необходимость пересмотра вопросов локализации и датировки всех групп ионийской расписной керамики.

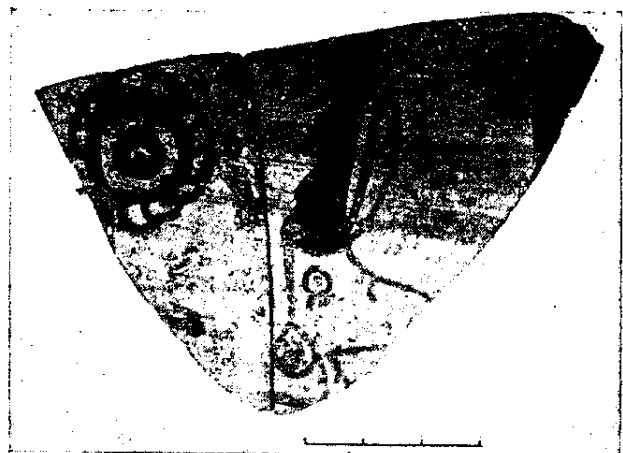

Рис. 31. Обломок „родосско-милетского“ сосуда с изображением эгагра.

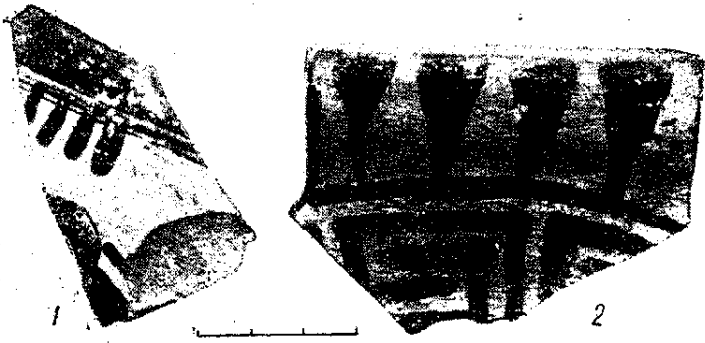

Рис. 32. Обломки ионийской керамики первой половины VI в. до н. э.

60 таких обломков, большинство без характерных остатков росписи наружной стороны. Некоторые обломки относятся к небольшим, довольно толстостенным чашам без ручек. Большинство экземпляров упомянутой выше группы по качеству глины (коричневато-розоватого цвета) относится к керамике, характерной для Родоса. Они датируются так же, как и обломок сосуда с головой эгагра, преимущественно второй четвертью VI в. до н. э.¹

В архаическом слое под вымосткой № 35 были найдены также обломки и других, более простых образцов ионийских чаш (без полихромных поясков) VI в., причем их так же, как и фрагменты некоторых других видов простой ионийской керамики (обломки кувшинчиков, энохой, открытых светильников — все с ornamentацией лаковыми поясками по фону глины), находили и в других частях раскопа В при зачистке материка, а иногда и в классическом слое. Должно быть еще отмечено, что в архаическом слое было найдено несколько очень мелких обломков сосудов стиля Фикеллура (рис. 34 слева) третьей четверти VI в., один незначительный по размерам обломок навкратийского сосуда без ornamentации, один обломок коринфской котилы (рис. 34, справа), оба эти фрагмента датируются второй половиной VI в.

Наконец, в том же слое были найдены маленькие обломки чернофигурных киликов (Kleinmeisterschalen), из которых на одном со-

хранилась часть росписи в виде пальметки, исполненной с применением резьбы и пурпура, и обломки ранней чернолаковой керамики; на другом обломке имеются пурпурные пояски.

Что касается керамики VI в., найденной в других частях раскопа В, то кроме уже отмеченной выше „ионийской“ (общее количество фрагментов которой достигало около 250) было найдено около тридцати чернофигурных обломков (образцы на рис. 35). На двух обломках Kleinmeisterschalen (рис. 36) сохранились части фигур: на одном кулачные бойцы, на другом — мужская фигура с плащом.

Простая импортированная керамика в древнейшем слое представлена обломками амфор, главным образом с припухлым горлом, с окрашенным в красноватый или коричневый цвет валикообразным венчиком и с такого же цвета продольными полосками на ручках; на некоторых горлах и днищах встречались крестообразные знаки (рис. 37).

Итак, несмотря на малые размеры площади с сохранившимися древнейшими культурными отложениями в пределах расследованного участка, можно считать вполне установленным наличие в Мирмекии культурного слоя VI в. до н. э., значительная часть керамического материала которого (рассмотренные выше типы родосской и ионийской керамики) восходит ко второй его четверти, что соответственно может датировать начало древнейшего слоя, а вместе с тем и время возникновения Мирмекии. Хотя

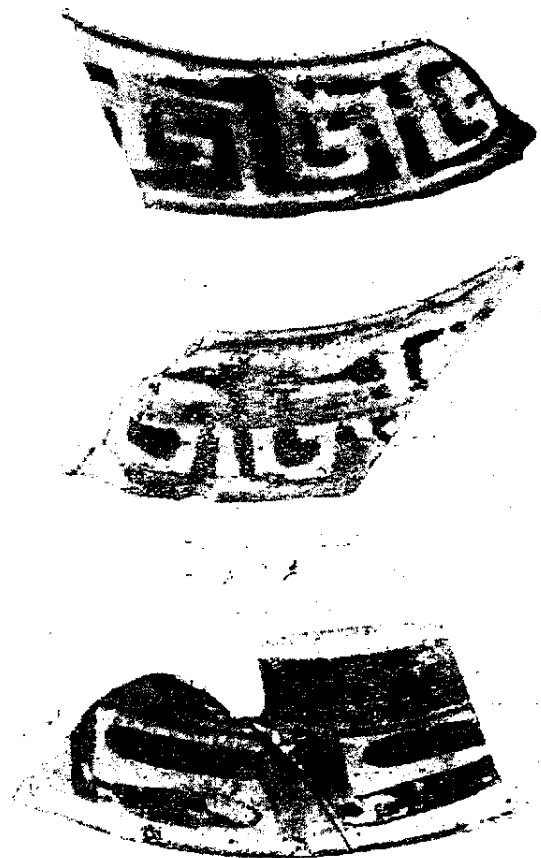

Рис. 33. Обломки родосских тарелок первой половины VI в.

¹ При решении вопроса о датировке мы опираемся не на классификацию керамики, найденной в Врулии, которую дал в свое время Kinch и которая подверглась в последнее время серьезной критике, а на фактические условия находок в обстановке, характерной для первой половины VI в. Некоторые небезинтересные выводы в этом же направлении можно сделать и по находкам в северном Причерноморье. Нельзя не обратить внимания на отсутствие сосудов встретившегося в Мирмекии типа (двуручные чаши) с пурпурными и полихромными поясками и родосских тарелок среди обширного материала ольвийского некрополя второй половины VI в. (в первую половину этого века открыты до сих пор ольвийские погребения почти не заходят). Между тем эти группы керамики встречались в архаическом слое ольвийского городища и в погребениях некрополя на о. Березани, восходящего к более раннему времени.

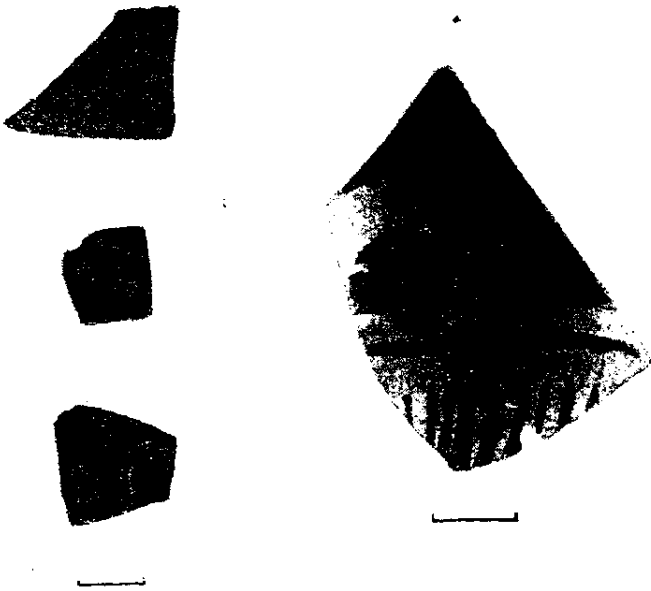

Рис. 34. Обломки сосудов стиля Фикеллура (слева); обломок коринфской котилы (справа).

строительных остатков, относящихся к данному слою, на расследованных участках обнаружено не было, можно, однако, констатировать, что поселение здесь уже существовало около середины VI в., причем в жизни его с самого начала заметную роль играло туземное население, к которому относится лепная скифская керамика. Вместе с тем имеются основания считать, что уже во второй четверти VI в. до н. э. греки здесь жили, а не только импортировали сюда свои товары. За это говорит, кроме наличия большого процента греческой керамики, между прочим еще и такой, на первый взгляд кажущийся незначительным, на самом деле немаловажный факт, как находка двух голов архаических терракотовых статуэток культового назначения (изображения богинь), относящихся еще к первой половине VI в.; одна из них была найдена у подошвы фундамента п^о 45, другая обнаружена в слое V в. до н. э. Обе терракоты — самосские. В археологии северного Причерноморья не зарегистрировано ни одного случая проникновения греческих архаических терракот в быт туземного населения; их наличие является всегда признаком греческой оседлости в данном месте. Это несомненно распространяется и на Мирмекий.

Культурные отложения классического периода (слой II) были выявлены в южном углу квадрата 4 и полу-

квадрата 8. Здесь этот слой представлен преимущественно глинистым грунтом зеленовато-коричневато-го цвета, с вкраплениями кусочков древесного угля, а также в южной части квадрата 5 в виде значительных зольных отложений, содержащих в то же время большое количество керамики.

В отложениях классического слоя гораздо реже встречается туземная керамика. Бросается в глаза преобладание керамики импортированной; особенно много чернолаковой керамики, среди которой имеются обломки аттических киликов V в. до н. э. с резным орнаментом (рис. 38); попадались мелкие краснофигурные обломки, но в этом же слое были также и обломки простой, более ранней ионийской керамики, в том числе открытые ионийские светильники, обломки чернофигурных сосудов.

На квадрате 5, как уже было упомянуто, сохранился на небольшом протяжении фундамент стены п^о 45, впущенный в слой VI в. Фундамент сложен из плоских, грубообработанных крупных известняковых камней. С северо-восточной стороны к самому верхнему ряду камней кладки п^о 45, которым, повидимому, заканчивался фундамент, прилегает вымостка п^о 35. Вымостка состоит из небольшого количества щебня, главным же образом из обломков керамики, преимущественно обломков амфор конца VI и V вв. до н. э., отчасти из тонкой чернолаковой посуды V в., среди которой встречались фрагменты простой ионийской керамики. На основании керамических находок можно заключить, что вымостка в целом отно-

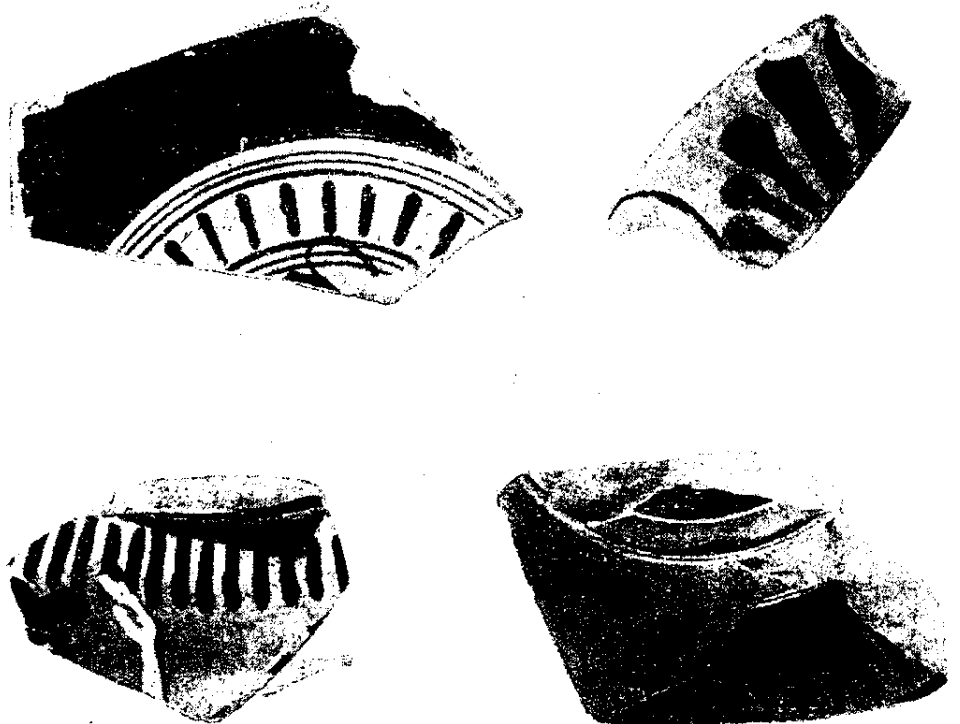

Рис. 35. Обломки чернофигурных сосудов.

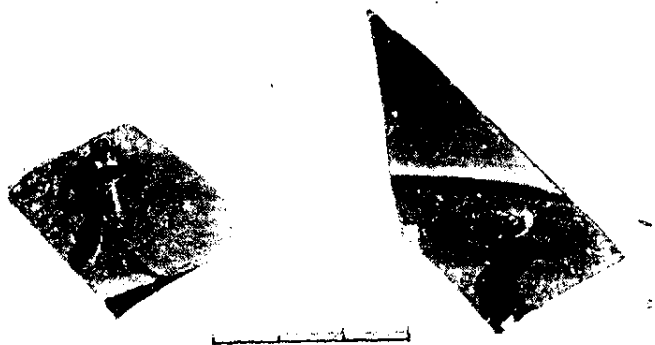

Рис. 36. Обломки чернофигурных сосудов (Kleinmeisterschalen).

сится к V в. до н. э., к тому же времени принадлежит и примыкающая к ней кладка фундамента п⁰ 45.

Обнаруженная в квадрате 1 перерезанная стеной нового здания кладка п⁰ 4, от которой сохранился только один ряд хорошо пригнанных полуобработанных камней, является по всей вероятности частью фундаментов того же здания классического времени, к которому принадлежит кладка п⁰ 45. Подошвы кладок п⁰ 45 и 4 лежат на материке и по своему уровню вполне совпадают.

К классическому периоду должна быть отнесена также кладка п⁰ 50, обнаруженная в полуквадрате 8; она сложена насухо из двух рядов довольно ровных камней; ее подошва лежит на материке. Выше и в другом направлении расположена эллинистическая кладка п⁰ 49. Прилегающий к основанию кладки п⁰ 50 глинистый грунт, заходящий частично и на квадрат 4 (южный угол), содержал фрагменты керамики VI—IV вв., преимущественно V в. до н. э. Из находок заслуживает внимания медный ольвийский дельфинчик (№ Д 3228). Интересно отметить, что этот слой, толщиной более полуметра, очень плотно утрамбованный, на квадрате 4 занимал только южный угол, ступенчато обрываясь по совершенно прямой (параллельно южной стороне кладки п⁰ 28) линии, на основании чего надлежит сделать вывод, что здесь этот культурный слой, повидимому, был срезан более поздними (но в пределах еще эллинистического времени) земляными работами. В результате их и получилось, что на значительной части квадрата 4 к югу от стены п⁰ 22 почти до самого материка доходил позднеэллинистический слой, в то время как в южном углу квадрата и далее в полуквадрате 8 на том же уровне залегания оказался по своему составу и по структуре совершенно иной культурный слой, включавший в себя, как указано, численно преобладавшие фрагменты керамики классического периода.

К югу от стены п⁰ 22 в квадрате 4 под эллинистической насыпью лишь при зачистке непосредственно самой поверхности материка в тонкой желтого цвета

глинистой прослойке были обнаружены мелкие фрагменты керамики второй половины VI—V вв. до н. э.

Отчетливо выраженными оказались культурные отложения V в. до н. э. в полуквадрате 9 и в южном углу квадрата 5 по уровню залегания ниже основания стены п⁰ 24; где поверхность материка образует некоторую впадину. Последняя была в древности засыпана золой, которая, не образуя сплошной массы, перемежается с тонкими горизонтальными прослойками желтой глины. Это скопление золы (оно заходит частично под стену эллинистического здания п⁰ 24) включало в себе массу раковин мидий и большое количество фрагментов хорошей аттической чернолаковой керамики V в. до н. э. На глубине 1.65 м в полуквадрате 9 открыта часть стены п⁰ 56, тщательно построенная (основанием ее служит материк) из мелкого необработанного камня с применением в качестве вяжущего материала глины. Ширина кладки 0.60, наибольшая высота 0.65 м, выявленная длина 1.65 м (продолжение стены уходит в южный борт раскопа). Там же, на уровне стены п⁰ 56, обнаружена вымостка п⁰ 55, состоящая из плиток известняка; вымостка эта частично заходит под основание эллинистической стены п⁰ 24. В небольшом промежутке между стеной п⁰ 56 и вымосткой п⁰ 55 выявлена, повидимому, более ранняя плитовая вымостка п⁰ 59, перекрытая затем вымосткой п⁰ 55. Рядом со стеной п⁰ 56 оказалась более позднего происхождения круглая яма, заполненная на дне камнями, среди которых были найдены обломки эллинистической и римской керамики.

Керамический материал, найденный в культурном слое при расследовании строительных остатков п⁰ 55 и 56 (фрагменты чернолаковой посуды, многочисленные обломки амфор), относится преимущественно к V в. до н. э., включая лишь единичные обломки чернофигурных сосудов и мелких обломков ионийских чаш VI в. Интересен найденный на ряду с указанными образцами греческой керамики обломок тонкостенного сосуда местного производства из темносерой глины с поверхностью, украшенной широкими черными „лучеобраз-

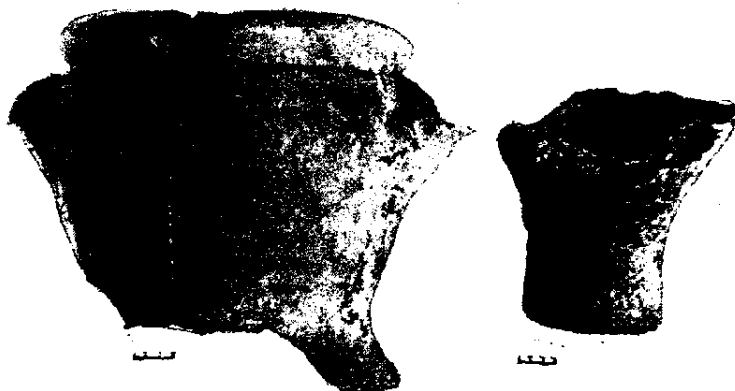

Рис. 37. Горло и днище амфор VI—V вв. до н. э.

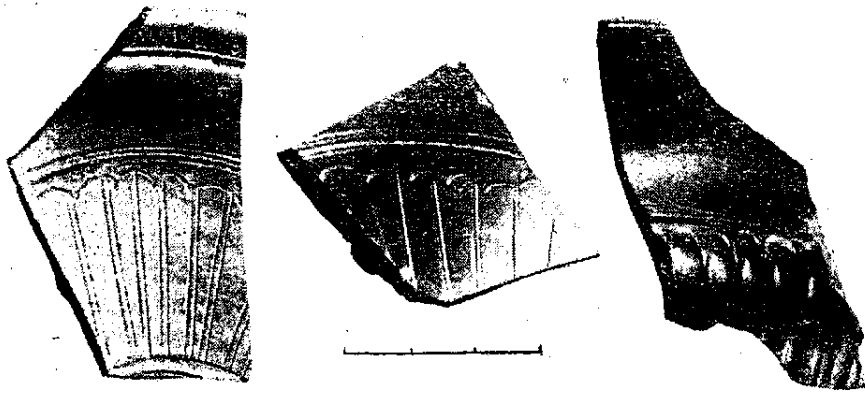

Рис. 38. Обломки аттических чернолаковых киликов с резным орнаментом.

ными" полосами (рис. 39), спускающимися, расширяясь книзу от горла, по туловищу сосуда. Полосы сделаны посредством лощения.

Следующими в хронологической последовательности являются эллинистические культурные отложения и строительные остатки. В одном месте, на небольшом участке, сохранился в ненарушенном виде грунт, относящийся, повидимому, к раннеэллинистическому времени, именно у южного угла квадрата б. Здесь была найдена в раздавленном виде родосская амфора № Д 3343 с клеймом (рис. 40); амфора находилась в лежачем положении и была прикрыта большим обломком боспорской кровельной плоской черепицы. Высота амфоры 0.705 м, наибольший диаметр туловища 0.36 м, диаметр горла по венчику 0.12 м, высота ручек 0.23 м, ширина ручек 0.035 м, толщина 0.03 м. На насыпи, где была найдена родосская амфора, лежала кладка п⁰ 38 римского времени.

Ранее уже отмечено, что эллинистическая кладка п⁰ 26 перекрыла фундамент п⁰ 45 постройки V в. до н. э. и перерезала вымостку п⁰ 35. Сохранившаяся на небольшую длину кладка п⁰ 26 (продолжение ее было снято при земляных работах строительства) образует угол с пересекающей квадрат 5 и уходящей на запад в нерасследованную насыпь кладкой п⁰ 24 шириной 0.70 м. Сложены эти стены из мелкого бутового камня на глине. Под основанием кладки п⁰ 24 были найдены обломки амфор раннеэллинистического времени.

К востоку от стен эллинистического здания п⁰п⁰ 24—26 открыты, на одном с ними уровне, остатки другой постройки того же времени. Это сложенные из бута также впереплет и образующие угол одного здания кладки п⁰п⁰ 12 и 44 (рис. 41),¹ совершенно сходные по технике

¹ Дополнительные раскопки, произведенные в 1935 г. на квадрате б и на примыкающей к нему части квадрата 3, позволили сделать уточнения, касающиеся эллинистических строительных остатков. Для этой цели были частично удалены некоторые верхние строительные остатки римского времени. Выяснилось, что стена п⁰ 44 связана впереплет не только со стеной п⁰ 12, но также и со стеной п⁰ 23 (см. план-деталь на общем плане участка В). Стена п⁰ 44 продолжалась еще и далее на северо-восток, но она была разрушена в римское время при возведении постройки п⁰ 41. Стена п⁰ 23 сохранилась в высоту до 1.85 м.

и по материалу с кладкой стен п⁰п⁰ 24 и 26. Таким образом мы здесь имеем остатки двух близких по времени сооружений, скорее всего, частных домов, которые первоначально разделялись некоторым пространством протяжением 3.40 м. Позднее этот промежуток между двумя домами был перегороден бутовой стенкой п⁰ 22, примыкающей к их углам, образуемым кладками п⁰п⁰ 26—24 и п⁰п⁰ 44—12.¹

Еще позднее стена п⁰ 22 была усилена кладкой п⁰ 20, параллельно к ней пристроенной с се-

верной стороны и небрежно сложенной из грубого бута; при наличии ее толщина стены, перегородивающей пролет между двумя строениями, удвоилась, достигнув 1.50 м.

Как отмечено, кладка п⁰ 26 проходит над фундаментом п⁰ 45; кроме того, под кладкой п⁰ 24 оказались зольные отложения с керамикой V в. до н. э., а непосредственно под подошвой кладки были местами обнаружены обломки амфор IV в. до н. э. Это наблюдение дает *terminus post quem* для данного комплекса построек. Стены п⁰п⁰ 24—26 (а стало быть и п⁰п⁰ 12—44) были построены, вероятнее всего, в эллинистическое время.

Во время раскопок стены п⁰ 44 непосредственно на ней была найдена пантикапейская медная монета II в. до н. э. (№ Д 2847), а на

¹ Доследованием 1935 г. установлено, что стена п⁰ 22 примыкает к углу стен п⁰п⁰ 26—24 впритык, другой же конец стены п⁰ 22 построен в перевязь со стенами п⁰п⁰ 12—44; при этом, вероятно, были частично переложены стена п⁰ 12 и угол стены п⁰ 44 (перестройка сделана грубо).

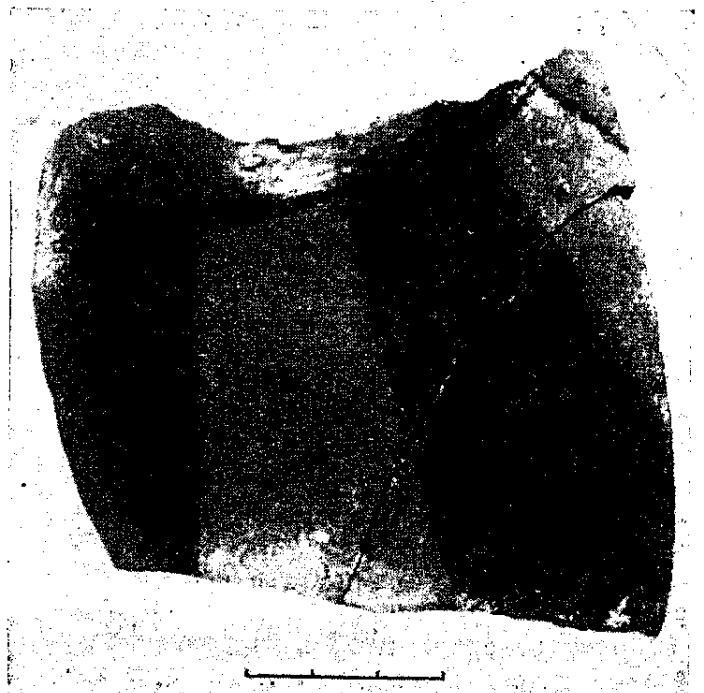

Рис. 39. Обломок сосуда с лощеными полосами.

стене п⁰ 20 обнаружена тоже пантикапейская монета первой половины I в. до н. э. (№ Д 1672).

Позднеэллинистические культурные отложения сосредоточены в виде мощного слоя (толщ. до 1.40 м) к югу от стен п⁰ 22 и 24, где он заполнял почти всю вскрытую раскопками площадь, врезавшись в слой классического периода, как это установлено выше на квадрате 4 и полу-квадрате 8.

В этой насыпи на ряду с массой раковин мидий оказалось очень много фрагментов разнообразной керамики. Имеются экземпляры III в., но преобладающим является материал II и I вв. до н. э. Среди импортированной керамики оказалось большое количество амфорных обломков, в том числе ручки с клеймами (№№ Д 1651, 1723, 1834, 2035, 2149, 2917, 2918); встречались фрагменты „мегарских“ чаш, обломки сосудов с плохим черным лаком, с эллинистическим красным лаком и, наконец, краснолаковая керамика *en barbotine* времени Августа (рис. 42, 1—3) и рельефная керамика (рис. 42, 4). Характерными являются амфорные двустольные ручки; одна из них оказалась с клеймом I в. до н. э. (№ Д 1737). В том же слое были найдены фрагменты терракот, глиняные грузила и точильный камень.

Обращает внимание большое количество керамики местного производства. Она представлена образцами чернолаковой керамики, среди которой особенно много обломков терелок, а также чернолаковой из серой глины; на ряду с этим много простой красноглиняной посуды: глубокие чаши с ручками, закопченные снаружи; красноглиняные кувшины с витой или реберчатой ручкой. Должна быть также отмечена находка значительного количества эллинистических монет, преимущественно пантикапейских (№№ Д 1786, 1835, 2033, 2080, 2129, 2130, 2910, 2911, 2912, 2913, 2914, 2983, 3028).

Под этой эллинистической насыпью обнаружены строительные остатки п⁰ 28, 29, 21, 51 и 52, которые представляют комплекс, занимающий изолированное положение по отношению к другим открытым вокруг него остаткам. Основное место в нем занимает площадка п⁰ 28, которая в плане представляет четырехугольник размерами 2.30 × 3.35 м; она образована из впущенных в материк (на глубину 0.10—0.15 м) мелких плоских камней, твердой породы известняка, которые поставлены на ребро в неглубокой, сделанной в материке выемке (см. на плане). На эти камни положены плоские плиты п⁰ 21 неправильных очертаний. В центральной части на том же основании площадки п⁰ 28 находятся крупные камни неправильной формы, которые составляли кладку п⁰ 29. Некоторые из них находились *in situ*, другие представляли беспорядочное нагромождение. В западной части край сооружения составляет ряд более мелких, сложенных насухо, тесаных камней п⁰ 51, среди которых оказалась плита с триглифами от антаблемента

Рис. 40. Родосская остродонная амфора III в. до н. э.

(рис. 43), принадлежавшего, повидимому, позднеэллинистическому зданию.¹ Связь трех первых упомянутых групп камней можно предположить в виду того, что узкие маленькие камни, подобные впущенным в материк (образующие площадку п⁰ 28), местами заполняли промежутки между камнями, а в нескольких местах еще и подпирали с краев крупные камни кладки.

Вследствие того состояния, в котором было раскрыто данное сооружение, нет возможности сделать вполне определенное заключение об его характере и об его дате. Однако некоторые соображения заставляют предположить, что эти строительные остатки относятся к позднеэллинистическому времени: 1) его оси не совпадают с осями построек классического и раннеэллинистического времени, зато совпадают с осью эллинистической постройки, представленной кладками п⁰ 49; классическая кладка п⁰ 50, вероятно, была разрушена именно при сооружении кладок, связанных с площадкой п⁰ 28; 2) установленная с юга от данного комплекса линия среза классического культурного слоя

¹ Аналогичной формы триглифы позднеэллинистического времени найдены среди архитектурных деталей в развалинах греческого святилища на острове Самосе. W. Wrede. *Vom Misokampas auf Samos*. Athen. Mitt., 54, 1929, S. 83, Taf. XXXII.

Рис. 41. Остатки стен эллинистического времени: п^о 44 между п^оп^о 23 и 12, вид с севера

вполне совпадает с линией южного края площадки п^о 28 и находится от него на близком расстоянии; это позволяет думать, что вырезка была сделана в связи с этим сооружением; 3) за исключением нескольких ранних фрагментов керамики весь материал среди камней данного комплекса и над ними принадлежал эллинистическому и отчасти римскому времени. В виду этого комплекс указанных строительных остатков может быть датирован скорее всего позднеэллинистическим временем, причем все составляющие этот комплекс части приходится относить к системе фундаментов сооружения, для реконструкции которого нет достаточных данных.

Следует отметить, что к северу от стен п^оп^о 22—20 и 24 никакие наблюдения над эллинистическим слоем не были возможны в виду того, что он был здесь совершенно разрушен, главным образом, вероятно, в средневековую эпоху.

Культурные отложения римского периода сохранились на раскопе В лишь на небольших участках. Они характеризуются керамикой I—II вв. н. э. Строительные остатки, связанные с римским слоем, были раскрыты в незначительных размерах, так как для более широкого их исследования требуются раскопки соседних, еще не раскрытых, участков. Поэтому остатки римских

сооружений носят фрагментарный характер и представляют (особенно на квадрате б) ряд кладок (п^оп^о 37, 38, 39, 40, группа камней п^о 42), объяснение которых возможно будет дать лишь после дальнейшего расширения площади исследования. К римскому слою относится снятый в процессе работы лежавший на эллинистической насыпи ряд камней п^о 15, как бы образующих своего рода ограждение. Это ряд грубых больших камней из мшанкового известняка и плит, расположенных в одну линию в направлении с запада на восток. Под некоторые грубые глыбы оказались подложенными плиты и мелкий бут, очевидно, для большей устойчивости крупных камней, составлявших как бы часть какого-то ограждения. Одним из таких мелких подложенных камней оказался поврежденный небольшой каменный „тарапан“ для выжимания виноградного сока.

Также на насыпи возведено (в квадрате 3) в римское время ступенчатое сооружение п^о 11, являвшееся, несомненно, лестницей, примыкавшей в нижней части к стене п^о 23. Обращает внимание наличие в верхней части раскопа громадной (1.80 × 1.15 × 0.28 м) каменной плиты п^о 36, лежащей на втором ряду массивных плит, в свою очередь покоящихся на кладке стены п^о 41, сложенной из крупных камней; высота стены п^о 41 достигает 1.80 м. Повидимому, это часть подпорной стены, служившей для образования верхней террасы. В пазах второго (считая сверху) ряда кладки п^о 41 найдена реберчатая ручка амфоры конца I—начала II в. н. э.; данная находка подтверждает, что стена п^о 41 относится к римскому времени.¹

В отдельных местах (южная часть квадрата 4, место стыка квадратов 4, 5, 8, 9) сохранились культурные отложения римского времени в виде плотного глинистого грунта, содержащего обломки краснолаковой керамики I—II вв. н. э.

Таким образом мы видим, что в римское время (I—II вв.) в западной части Мирмекия жизнь продолжалась, и в связи с этим возво-

¹ В 1935 г. сооружение п^о 41 в виде массивной стены было выявлено в квадрате б на протяжении 3.65 м (в направлении с севера на юг), затем стена п^о 41 образует угол, и дальнейшее ее продолжение уходит на восток в неисследованную часть насыпи. Основание постройки п^о 41 перекрывает эллинистическую черепяную вымостку (см. план-деталь квадрата б, вымостка обозначена штриховкой), обрамленную по краю рядом камней (ср. черепяную мостовую п^о 3, открытую на уч. А). Кладка п^о 40 отходит от стены п^о 41 (на уровне залегания плиты п^о 36) в юго-западном направлении (перекрывая эллинистическую стену п^о 23); параллельно кладке п^о 40 проходит ряд плит п^о 38 (не являются ли камни п^о 15 в квадрате 4 продолжением п^о 38? направление их, несомненно, совпадает). Ограниченное пространство на квадрате б было сплошь заполнено каменными плитами, в расположении которых, однако, никакой системы усмотреть нельзя. Все это заполнение было снято в 1935 г. с целью изучения ниже залегающих культурных отложений и строительных остатков.

МИРМЕКИЙ

ПЛАН И РАЗРЕЗЫ УЧАСТКА В

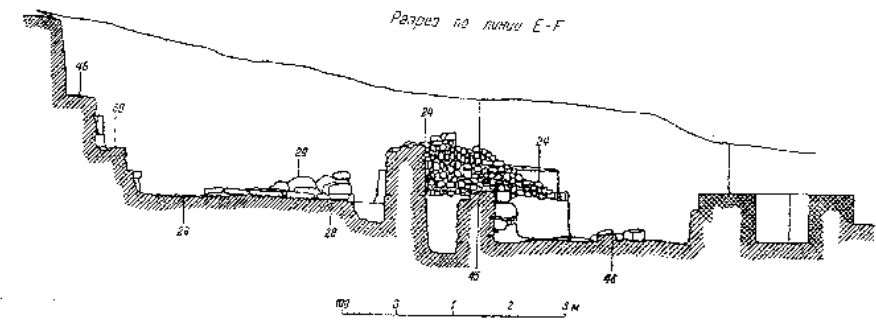
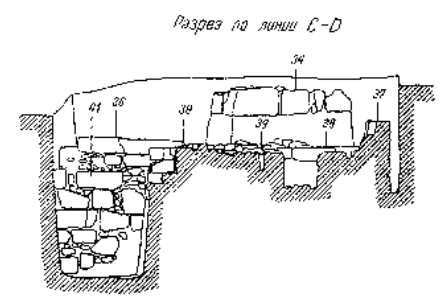
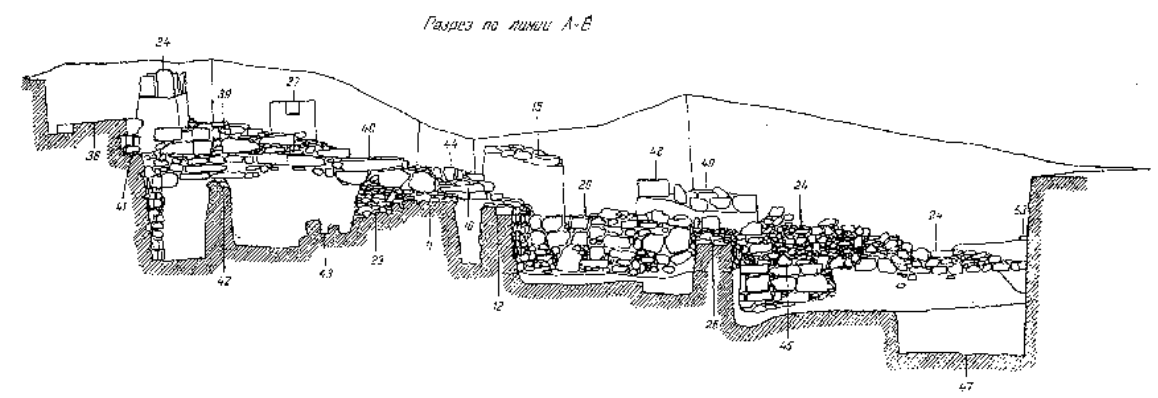
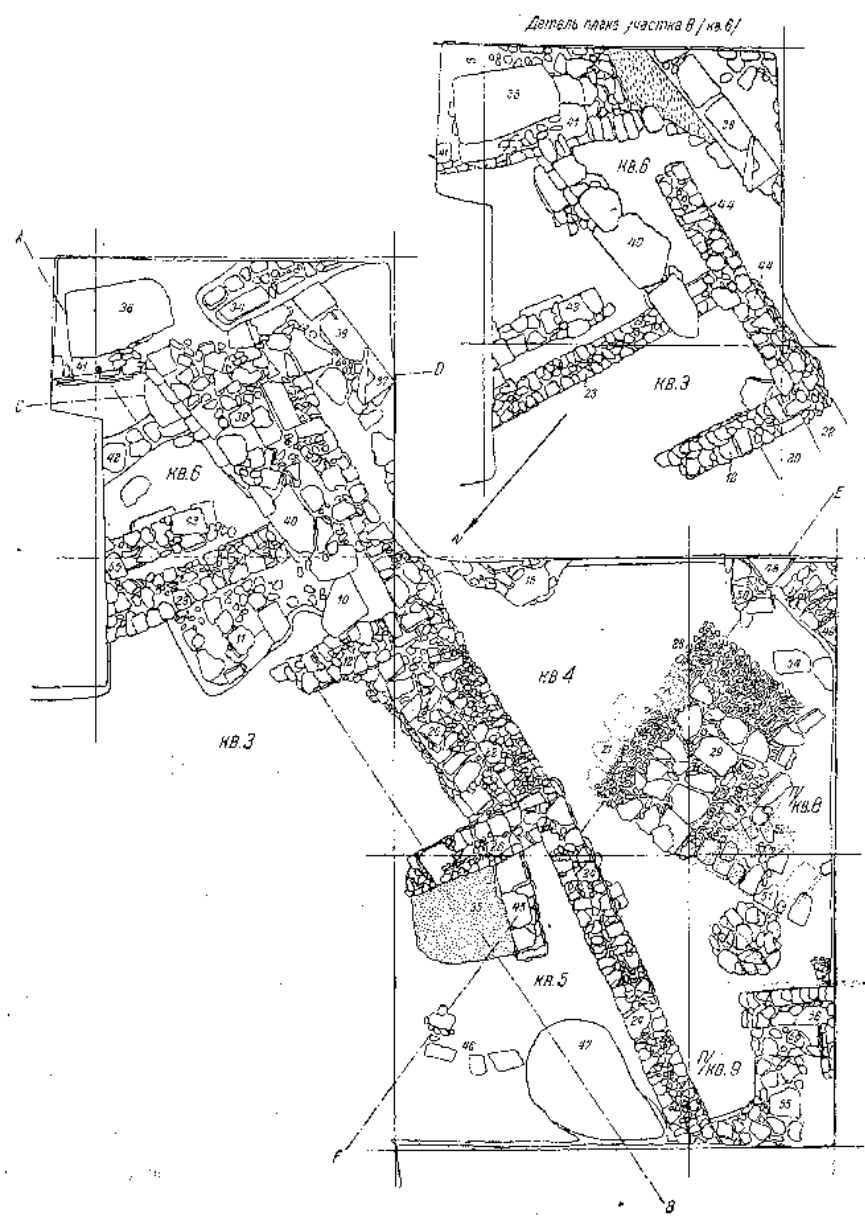

Рис. 42. 1—3 — обломки краснолаковой керамики en barbotine; 4 — обломок краснолакового сосуда с рельефным изображением быка.

дидлись необходимые сооружения, причем уровень почвы значительно повысился к тому времени за счет скоплений более ранних культурных отложений и отчасти, может быть, путем искусственного образования насыпи.

Раннесредневековый период представлен на участке В неизвестного назначения кладкой п⁰ 34, которая состоит из двух рядов стоящих на ребро камней из плотного известняка; к этому же раннесредневековому времени относятся и отдельные незначительные находки обломков амфор с реберчатыми ручками и других сосудов.

Больше следов оставило средневековье, связанное с позднезолотоордынским периодом и несколько более ранним временем (XIII—XIV вв.). Этот слой представлен рыхлым песчаным отложением коричневатого цвета, который сливается местами с современным дерновым слоем. В эту эпоху и произошла, повидимому, значительные разрушения античных слоев и остатков древних зданий.

Завалы камней от разрушенных стен были очень значительных размеров и среди них и под ними были находимы обломки средневековой поливной керамики. Всюду завалы сопровождались землей описанного характера с очень незначительным количеством культурных остатков, к числу которых относятся следы очагов (костров) с большим скоплением золы (квадрат 4).

Наиболее поздние следы жизни на городище Мирмекия, встреченные на участке В, относятся к XIX в. Сюда принадлежат найденные в верхнем слое почвы куски чугунных ядер, обломки современной поливной посуды и т. д. В квадрате 2 оказался угол фундамента карантинной постройки (на плане обозначен буквой К), сложенный на извести из бута, для которого в значительной степени был, повидимому, использован камень античных построек.

УЧАСТОК Г

Дюбрюкс в своем кратком описании Мирмекия, на ряду с заметными в его время на территории городища остатками различных древних построек и укреплений, отмечает также „акрополис, в котором на конце находятся прекрасно сохранившиеся остатки циклопической постройки формы круглой“¹ — имеется в виду известное монументальное сооружение на холме Карантинного мыса, где в 1834 г. были обнаружены склепы с саркофагами. „Следы маленького акрополиса Мирмекиона“ Дюбрюкс упоминает, между прочим, еще и в другом месте своего труда.²

¹ Дюбрюкс, ук. соч., стр. 15.

² Там же, стр. 7.

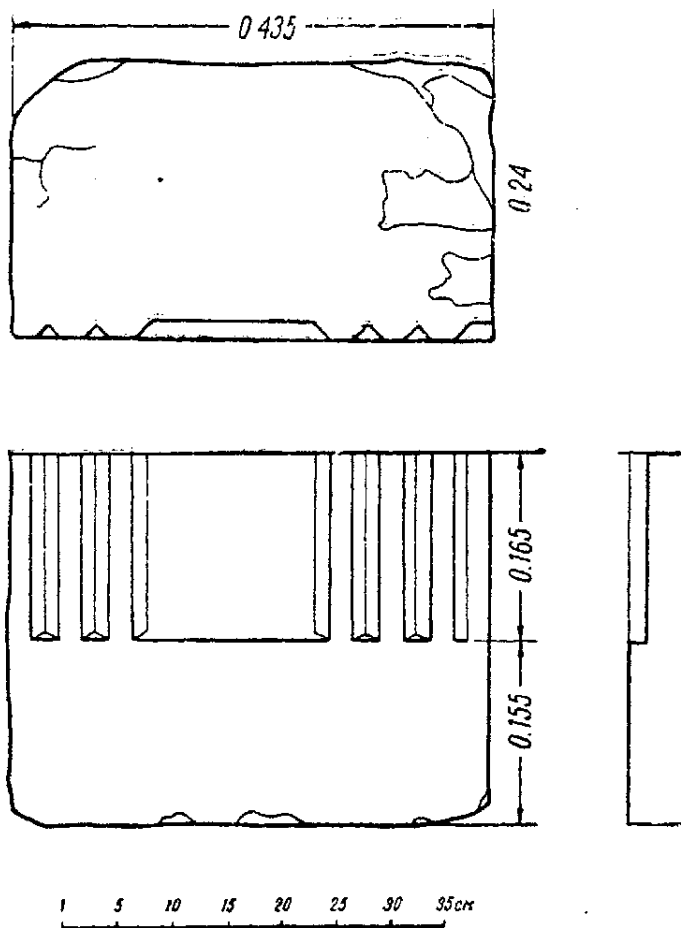

Рис. 43. Плита с триглифами.

Возвышенность скалистого Карантинного мыса с точки зрения общей топографии городища, действительно, могла играть роль акрополя как стратегически господствующего пункта. В частности можно отметить, что холм, где находятся склепы, является превосходным наблюдательным пунктом: отсюда открывается вид во все стороны, в частности в сторону пролива и Черного моря. Вряд ли, однако, Дюбрюкс исходил только из общих соображений, называя акрополь Мирмекия как определенную часть городища. По всей вероятности были видны следы каких-то укреплений, позволявших Дюбрюксу считать наличие акрополя Мирмекия несомненным. Это подтверждается показаниями „приблизительного плана древнего Мирмикиона“, приложенного к труду Бларамберга и воспроизведенного выше на стр. 98. На этом плане изображен „ряд неровных камней, означающих фундаменты стены укрепления“ (отмечен на плане буквой *B*). Местоположение этих остатков укреплений, если даже судить по приблизительному плану Бларамберга, ясно показывает, что целью указанных укреплений могла быть только защита возвышенной части Мирмекия. Таким образом вопрос об акрополе связан в первую очередь с локализацией этих укреплений, определением времени их сооружений и выяснением их устройства и т. д.

Осмотр района предполагаемого акрополя Мирмекия показал, что площадь скалистого мыса, прилегающая к холму со склепами, имеет в общем весьма незначительный культурный слой. Это особенно отчетливо было видно в связи с работой каменоломни, устроенной строительством с восточной стороны мыса (со стороны теперешнего пляжа, где в 1885 г. вел раскопки Гросс). При добыче камня поверхность скалы сверху очищали от земли, слой которой здесь имеет незначительную толщину. Под тонким покровом дерна выступает рыхлая земля с большим содержанием золы, раковин, мидий, мелкого щебня; в небольшом количестве встречаются обломки керамики, преимущественно римской: фрагменты краснолаковой посуды, реберчатые амфорные ручки и т. д. Местами культурный слой совершенно отсутствует и на поверхности выступает голая природная скала. В одном месте, вблизи береговой линии, на поверхности выступают следы кладки из тесаных плит, принадлежащей какой-то древней постройке. Можно ли считать, что столь незначительный культурный слой полностью отражает степень использования данной территории населением Мирмекия в древности? Следует думать, что на таком открытом возвышенном месте золотые процессы за период свыше полутора тысячелетий могли сильно оскуднить земляной покров на сравнительно небольшой скалистой поверхности. К тому же часть земли здесь была использована для возведения двух насыпных брустверов XIX в., расположенных к северо-востоку от склепов.

Не имея возможности произвести широкие исследования в районе предполагаемого акрополя, экспедиция вынуждена была ограничиться в 1934 г. только работами разведочного характера, которые и были осуществлены на участке Г. Основанием для выбора места этого раскопа послужили указанные на плане Бларамберга остатки укреплений в виде „неровных камней“. Местоположение этих камней по всей вероятности соответствует тому месту возвышенной юго-западной части городища, где и сейчас еще отчетливо видны следы каменного ограждения и расположенного перед ним рва. Очевидно, именно эти остатки укреплений имел в виду Дюбуа-де-Монпере, отмечая в своем описании Мирмекия, что „ров со стеной, ограждающий в виде изогнутой линии мыс, заставляет предполагать, что

Рис. 44. Поперечный разрез каменного ограждения.

карополь или укрепленная часть Мирмекия были тут".¹

Повидимому, мы имеем здесь дело с остатками своего рода вала, который тянется с северо-востока-восток на юго-запад-запад, причем в западном направлении „вал“ круто спускается по склону и подходит к раскопу В; в этом месте он, однако, настолько расплылся, что почти незаметен. По гребню „вала“ (разрез на рис. 44) в некоторых местах выступают, иногда чуть заметно, крупные камни.

Таким образом имеются налицо определенные остатки сооружения, практическим назначением которого могла быть защита ограниченной им территории Карантинного мыса. Произведенная раскопка заняла площадь 15×4 м вдоль вышеуказанных камней, выступающих своими верхними частями над поверхностью насыпи. Некоторые блоки были обнажены и выступали из земли еще до раскопки на 0.20—0.40 м. С юго-восточной стороны к середине указанного раскопа затем была присоединена для исследования дополнительная площадь 5×6 м.

На вышеуказанном пространстве был снят дерновый покров, под которым оказался рыхлый песчаный слой земли, содержащий довольно значительное количество керамики. При углублении раскопки по линии вала на 0.50—0.70 м были выявлены основания камней, образующих гребень вала, причем выяснилось, что кроме тех камней, верхушки которых до раскопок виднелись на поверхности, в линию ограждения входят камни, скрывавшиеся землей; на протяжении 15 м было обнаружено шесть каменных массивов, различных по размеру и по обработке. Сюда входят два огромных хорошо отесанных прямоугольных камня из твердого мшанкового известняка (рис. 45). Размеры одного из них: длина 1.77 м, ширина 0.53 м, высота 0.77 м, другой аналогичный блок (верхняя часть его отбита), расположенный на расстоянии 1.80 м от первого, имеет длину 1.07 м, ширину 0.54 м, высоту 0.97 м.²

На ряду с этими камнями поставлены крупные грубо обколотые глыбы известняка; под одну из них, лежащую плашмя, подложены по краям бутковые камни. Очевидно, вал был усилен сверху каменным ограждением, от которого сохранился ряд звеньев в виде отесанных (может быть вторичного использования?) и просто грубо оболваненных блоков камня. Часть камней, повидимому, была позднее взята на строительный материал. При углублении раскопа ниже уровня подошвы камней выяснилось, что насыпь, на которой они стоят (насыпь

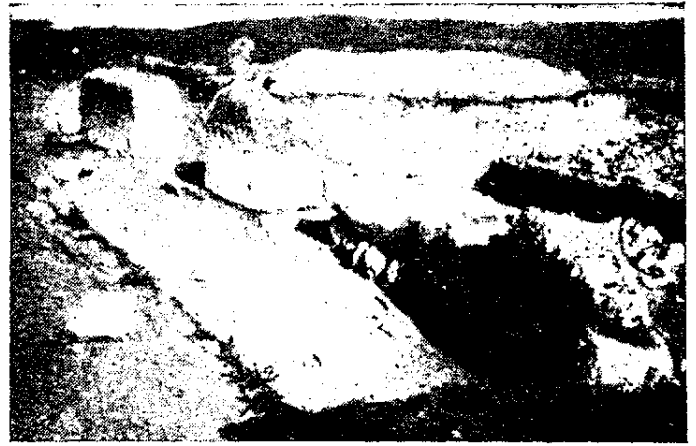

Рис. 45. Общий вид раскопок на участке Г (с запада).

вала), содержит огромное количество мелкого бута и щебня. Такой же бут залегал местами сплошной массой и позади крупных камней, т. е. с юго-восточной стороны, образующих ограждение. Вскрытие верхнего слоя (глуб. 0.40 м) на дополнительном участке с юго-восточной стороны основного раскопа показало также наличие громадного количества мелкого бута и щебня. Здесь же выявились остатки какого-то примитивного сооружения, повидимому очага, от которого сохранились части двух стенок из мелкого бута; внутри ограничиваемого ими пространства оказались остатки жженого сырца и много золы. На уровне указанной кладки найдена медная боспорская монета Савромата I (№ Д 3510). Расследование данного пункта было весьма ограниченным в виду необходимости сосредоточить все силы экспедиции на основных раскопочных участках.

Переходя к выводам, которые можно сделать на основании произведенной разведки, прежде всего нужно отметить, что собранный на участке Г керамический материал охватывает большой период времени; отдельными фрагментами представлены все периоды жизни Мирмекия. До уровня подошвы камней насыпь содержала смешанный керамический материал (глубже он почти совершенно прекратился), вместе с которым был обнаружен один обломок большого чугунного ядра и целое чугунное ядро малого калибра. На ряду с черепками средневековой поливной посуды был античный материал, главным образом в виде фрагментов амфор, которыми представлены все периоды вплоть до римского. Наиболее ранним (конец VI—V вв. до н. э.) является обломок горла амфоры с окрашенным коричнево-бурой „краской“ валикообразным венчиком. Найдено несколько обломков боспорских кровельных черепиц (плоских и калиптеров). Средневековая керамика на ряду с несколькими фрагментами типичной поливной керамики XIV—XV вв. представлена серией обломков плоскодонных простых красноглиняных сосудов. Некоторые обломки поливной посуды относятся, повидимому, к еще более позднему времени.

¹ Dubois de Montpéroux. Voyage autour du Caucase, ... et en Crimée, V, p. 231.

² Эти два блока чрезвычайно близко напоминают камни массивной кладки ограждения, которое было на холме Карантинного мыса.

Рис. 46. Каменная „циклопическая“ кладка на холме Карантинного мыса, вид с северо-запада.

На основании вышеуказанного материала, хронологически очень пестрого и к тому же залегающего в перемешанном виде, попытка определить время возникновения рва с каменным ограждением была бы сейчас преждевременной. Напомним открытый на участке В ряд камней № 15, состоявший преимущественно из грубых глыб известняка. Их направление довольно хорошо совпадает с направлением рва и ряда камней, открытых на участке Г. В связи с этим можно высказать предположение, не представляет ли группа камней № 15 на участке В продолжение линии ограждения, открытой на участке Г. Если бы эту связь дальнейшими исследованиями удалось доказать, то мы получили бы некоторую возможность датировать происхождение данного сооружения, поскольку на основании стратиграфических наблюдений, произведенных на участке В, группа камней № 15 отнесена к римскому времени. Вопрос окончательно может быть решен дальнейшими раскопками.

УЧАСТОК Д (склепы)

Наиболее возвышенной точкой Карантинного мыса является скалистый холм с обрывистыми крутыми берегами. Здесь на холме в 1834 г. были найдены мраморные саркофаги. Еще до этого открытия данный пункт привлекал к себе внимание археологов, поскольку тут находились остатки древнего сооружения, образующего в плане круг диаметром около

17 м, сложенный насухо из громадных тесаных квадров известняка. Во всех наиболее ранних упоминаниях Мирмекия в археологической литературе мы встречаем указание о наличии там этих „остатков циклопической постройки“. Единственный фотоснимок, имеющийся в Керченском музее и воспроизводимый здесь на рис. 46, дает представление о характере этой кладки, в которой отдельные квадры, по словам Дюбрюкса, „имели длину от 1 арш. 2 верш. до 2½ арш., высоту от 12 верш. до 1 арш. 2 верш., толщ. от 1 арш. 8 верш. до 1 арш. 12 верш.“.¹

От аналогичной монументальной кладки Золотого кургана кладка на Карантинном мысу отличалась тем, что она не была полигональной, а состояла из хорошо отесанных правильной формы прямоугольных блоков. На основании этого Дюбрюкс делал такое заключение: „правильность этой постройки показывает, что она гораздо новее Золотого кургана“.

О назначении указанного сооружения на Мирмекийском мысу высказывались самые различные предположения: одни считали, что оно имело в древности фортификационное значение, другие (напр., Дюбрюкс) хотели видеть в нем чуть ли не храм Геракла. Назначение сооружения на Карантинном мысу выяснилось в 1834 г., когда в центральной части холма было открыты склепы и найдены два мраморных саркофага.

¹ Дюбрюкс, ук. соч., стр. 15.

Этим было установлено, что „циклопическая“ кладка являлась мощным ограждением холма, в котором были погребены представители боспорской знати. В настоящее время ничего не сохранилось от монументального ограждения, о котором писали Дюбрюкс и Ашик.¹

В центре холма сохранились лишь склепы, открытые в 1834 г. На площадке холма с южной стороны наверху, близ дромоса, возвышается обработанный массив скалы, в котором ровно высечен уступ, образующий своего рода скамью-сиденье, „кресло“ (рис. 47). Это любопытное, несомненно древнее, сооружение² отмечает Спасский в своей заметке, посвященной Мирмекию. Указывая на отождествление Мирмекиа с местом у Карантинного мыса, „которое находится близ пристани, устроенной для судов, выдерживающих карантин“, Спасский далее подтверждает, что здесь действительно „замечали следы прежних жилищ, и намысу, вдавшемся в пролив, против большого известкового камня с вырубленным на нем залавком, как при горе Опук, остатки круглообразной постройки, которую сперва считали развалинами башни, впоследствии же, по прозвешивании в центре его разработки, удостоверились, что это был склеп над могилой, где в 1½ саж. от поверхности, в двух хорошо выштукатуренных отделениях, и теперь еще не засыпанных, открыли два саркофага из белого мрамора...“³

Экспедицией в 1934 г. была проделана работа по фиксации и изучению склепов, представляющих интересный образец монументальных погребальных сооружений. Эти склепы были использованы в XIX в. в качестве пороховых погребов карантина, в связи с чем были пристроены в дромосе сводчатые перекрытия, устроена новая лестница и т. д. Все эти новые пристройки не сохранились, погребальные же камеры и расположенное перед ними обширное открытое помещение — дромос — уцелели.

Чтобы сделать обмеры склепов и фотографирование (рис. 48), потребовалось прежде

всего произвести расчистку склепов и дромоса от заполнявшей их земли, обломков скалы и камней. Как показывает план (рис. 49), обе камеры своими входами направлены в один общий дромос, представляющий обширное четырехугольное открытое пространство. Пол камер и пол дромоса находятся на одном уровне, глубина которого от поверхности холма достигает 5.17 м. После того как была вырублена в скале, в центре холма, большая выемка — дромос (наибольшая длина 4.10 м, наибольшая ширина 4.80 м), были высечены склепы. Спуск в дромос находился, по видимому, с юго-западной стороны, где в настоящее время видны остатки новой каменной лестницы, устроенной, очевидно, на месте древнего ступенчатого спуска. В дромосе в настоящее время имеется еще целый ряд остатков позднейших пристроек, появившихся в связи с использованием склепов под пороховые погреба. Сюда относятся облицовка западной стены штучным камнем, остатки новой кладки имеются также в промежутке между склепами (на плане все новые кладки XIX в. обозначены штриховкой). На восточной стене дромоса на уровне потолка склепа сделана вырубка, служившая в качестве пят свода; на южной стене дромоса имеются остатки известкового раствора от прилегавшего к стене свода. Все это, повторяем, остатки тех пристроек, которые появились в XIX в.

Переходя к описанию древних склепов, нужно отметить лучшую сохранность восточного склепа (А), отличающегося от западного склепа (Б) и несколько большими размерами.

Склеп А имеет прямоугольную в плане форму. По бокам входа устроены вырубki (шир. 0.55 м), служившие гнездами для плиты, затворявшей вход. Плита, подпирающая слева пята перемычки, современного происхождения; она установлена при использовании склепов в XIX в. Длина склепа 3.38 м, до входа 2.75 м, ширина 1.90 м, наибольшая высота 1.85 м. Пол склепа имеет два вырубленных в нем жолоба, первый — близ входа (дл. 1.30 м, шир. 0.09 м, глуб. 0.07 м); вторая жолобообразная выемка длиной 1.50 м находится в противоположном конце склепа на расстоянии 1.98 м от первой; внутри жолоба заметны следы красной обмазки (раствор извести с примесью толченого кирпича). Через весь склеп по диагонали проходит большая трещина, появившаяся в результате деформации породы, в которой вырублены склепы. Начинаясь у западной стороны входа, она проходит в полу через всю середину к восточной стене, возле которой трещина образует значительную яму; при расчистке ее в 1934 г. были найдены куски мрамора. Далее трещина зияет и на потолке, где она проходит наискось к западной стороне входа. Местами трещина имеет столь значительные размеры, что потребовалась заделка ее. Такая заделка видна на западной стенке, где в трещину

¹ Ю. Ю. Мартин. Сто лет Керченского музея, стр. 12, прим. 2.

² Обработанная в форме „кресла“ скала на возвышенном скалистом мысу Мирмекиа, рядом со склепами, заставляет вспомнить об античных „тронах“ богов в Греции и Малой Азии, которые нередко высекались прямо в скале, причем часто такие посвященные богам „троны“ устраивались именно близ гробниц и некрополей. Это позволяет предполагать, что в представлении древних эти троны были „не столько седалищем небесных богов, сколько богов подземных (δωοὶ χθονίοι) и связаны с культом мертвых“. А. А. Захаров. Троны богов, в древности и их параллель в современном фольклоре. ЖМНП, 1906, май, стр. 184 сл., 189.

³ Г. Спасский. Босфор Киммерийский с его древностями и достопримечательностями. Москва, 1846; в главе „Древние города на Европейской стороне Босфора“ специальный раздел посвящен Мирмекию (стр. 24).

Рис. 47. Скала, обработанная в виде „кресла“.

вмурованы камни на извести с цемянкой. Заделка с помощью аналогичного состава вяжущего раствора видна и в потолке. Кроме того, в потолке, примерно посредине, несколько ближе к западной боковой стене, видны как бы вмурованные куски известняка (или это, может быть, куски растрескавшейся скалы?), в промежутках между которыми виднеются следы известкового раствора с редкими вкраплениями толченого кирпича. Возможно, что эти заделки относятся уже к периоду использования склепа в качестве порохового погреба в XIX в. Но вместе с тем приходится отметить, что применение раствора извести с толченым кирпичом, наблюдающееся в заделках трещины внутри склепа, отличается от того обычного известкового раствора, на котором были выполнены кладки сводов, опор и т. д., устроенные в дромосе, несомненно, в XIX в.

Западный склеп Б, также вырубленный в скале, имеет несколько меньшие размеры (дл. 2.82 м при современном состоянии склепа, шир. 1.07—1.25 м, выс. 1.85 м). Свод склепа у входа обрушился. Следы обвала видны и в задней части склепа; в результате этого обвала длина склепа несколько увеличилась; первоначально она была около 2.25 м. Склеп, повидимому, в древности не был оштукатурен. Имеющиеся местами на стенах остатки штукатурки явно современного происхождения. Обратившись к описанию Ашика, легко установить идентичность данных склепов с теми, которые были открыты им в 1834 г. „Открытые в этом месте саркофаги, — пишет Ашик, — находились на глубине полутора сажень от горизонта земли, в двух

погребах, иссеченных в скале. Погреб, в котором найден лучший саркофаг, отделан тщательно и даже оштукатурен. У дверей погреба устроены пилястры, самые же двери закрывались плотно плитой. С левой стороны этого подземелья устроен был другой погреб, в котором также находился саркофаг из пароского мрамора с крышкой, большей частью изломанной; он не представляет ничего замечательного, кроме небольшого прекрасно сделанного карниза“.¹ Повидимому, пилястрами, Ашик называл те вырубки, которые имеются у входа в большой склеп.

Когда данные о склепах, полученные в результате произведенных обмеров, были сопоставлены уже в Ленинграде с размерами самого саркофага, который по словам Ашика был найден в правом (восточном) склепе, пришлось убедиться в явном несоответствии саркофага и склепа. Дело в том, что высота саркофага с крышкой, даже при теперешнем сильно поврежденном состоянии (отбиты головы фигур, изображенных возлежащими на крышке саркофага), составляет 2.00 м.² Высота целого саркофага равнялась, следовательно, не менее 2.15—2.20 м. Между тем наибольшая высота склепа 1.85 м, и поэтому склеп не мог вместить данный саркофаг. Больше того: найденные при расчистке склепа куски мрамора, принадлежащие, очевидно, саркофагу, стоявшему в склепе, при сравнении с мрамором сарко-

¹ А. Ашик. Воспорское царство. Одесса, 1848, стр. 41.

² Размеры саркофага: дл. 2.68 м, шир. 1.15 м, выс. без крышки 1.30 м, с крышкой (при фрагментированных верхних фигурах) 2.00 м.

фага, хранящегося в Эрмитаже, оказались различными по своему качеству. Мрамор, найденный в склепе, отличается более крупной зернистостью и имеет легкий сероватый оттенок, в то время как плотный мелкозернистый по своей структуре мрамор саркофага имеет яркo-белый цвет с чуть желтоватым оттенком. Все это заставило произвести некоторые архивные разыскания.

Среди бумаг архива Оленина оказалась с датой 7 марта 1835 г. „Записка об открытиях по части древностей в Крымском полуострове“, составленная на основании донесений Карейши, Ашика и Дюбрюкса. В этой сводке донесений, предназначенной для Оленина, имеется краткое изложение „Описания развалин близ Керчи и открытых в 1835 г. древностей“, имевшегося в „всепопданнейшем письме Дюбрюкса“. Из указанного конспекта видно, что в донесении Дюбрюкса имелось „подробное описание саркофагов, открытых весной 1834 г. в мирмекийском акрополисе“.¹

Таким образом находка саркофага в Мирмекии, на Карантинном мысу, подтверждается показаниями Дюбрюкса. Не может, однако, не вызвать удивления то странное обстоятельство, что об открытии, сделанном весной 1834 г., Ашик известил керченского градоначальника только 25 июня 1835 г., и то лишь, повидимому, в результате запроса, последовавшего со стороны последнего. Именно поэтому Ашик в своем рапорте вынужден был дать довольно туманное объяснение: „о сем возможном открытии не доносил я о сию пору вашему сиятельству, потому что разыскания мои на сем пункте были усилены, но так как для дальнейших здесь работ средства музеума истощились, то я вменил себе в обязанность представить описание этих драгоценных памятников, не ожидая других открытий“.² В рапорте Ашика не указывается, при каких обстоятельствах на Карантинном мысу были найдены мраморные саркофаги, оказавшиеся в склепах „в самом центре кругообразного строения“. При чтении его пространного донесения получается вполне определенное впечатление, что открытие саркофагов произвел Ашик. Однако в отношении новороссийского и бессарабского генерал-губернатора Воронцова, направившего полученное им сообщение керченского градоначальника совместно с рапортом Ашика министру внутренних дел Блудову, говорится:

¹ В записке далее указано, что, „Дюбрюкс не говорит кем именно сделано открытие. Так как он не приложил никаких рисунков к этим саркофагам, то из подробного его описания многосложных ваятельных украшений, на гробницах находящихся, едва ли можно извлечь что-либо. По его мнению в сих местах похоронены были жрецы находившегося тут маленького храма, может быть Гераклеума, посвященного скифскому Геркулесу“ (sicl).

² Архив ИИМК, дело № 38, 1835. Рапорт № 94 от 25 июля 1835 г., адресованный керчь-еникальскому градоначальнику.

„Керчь-еникальский градоначальник сообщает мне, что в прошлом годе, при перенесении флагштока в тамошнем карантине с прежнего на другое место случайно отыскан прекрасный саркофаг, отличающийся изяществом художничьего резца, и что директор керченского музея, Ашик, обратив внимание на сей памятник древности, в коем недоставало многих обломанных кусков, продолжал поиски в этом месте, следствием чего было открытие нескольких затерянных обломков и другого саркофага без всяких особенных скульптурных украшений...“¹

Из этого документа с полной очевидностью следует вывод, что саркофаг был найден случайно, без участия Ашика. Поэтому в его рапорте полностью отсутствуют данные, конкретизирующие обстановку открытия саркофага. Очевидно, узнав о находке саркофага и приобретя обнаруженные его части для музея, Ашик, действительно, начал вести расследования внутри кругообразного ограждения на Карантинном мысу, в результате чего и были найдены некоторые куски, принадлежавшие саркофагу, а также был открыт второй склеп, в котором оказался поврежденный простой мраморный саркофаг без скульптурной отделки. Большой склеп, вероятно, был совершенно разграблен. С этим склепом, основываясь на догадке, Ашик и связал найденный ранее без него саркофаг. В действительности же данный саркофаг в этом склепе не мог находиться в виду недостаточных для него размеров склепа. В своем сочинении „Воспорское царство“ Ашик не отрицает случайности открытия саркофага, но изображает это так: „В 1834 г. при перенесении флагштока в Керченском карантине с прежнего места на упомянутый мыс, случайно найдены были куски мрамора. Я стал производить разыскания в этом же самом месте, следствием чего было открытие прекрасного из паросского мрамора саркофага...; здесь же отыскан и другой мраморный саркофаг, без всяких особенных украшений“.²

Получается несоответствие этого сообщения Ашика приведенному выше донесению керченского градоначальника, в котором указывалось, что при перенесении флагштока случайно был найден саркофаг, привлечший внимание Ашика, проделавшего затем в соответствующем месте поиски и обнаружившего несколько затерянных обломков. Следовательно, Ашик нашел лишь несколько обломков, а не саркофаг, открытие которого он приписывал себе. Сообщая в рапорте 1835 г. об открытии саркофага, Ашик умолчал подробности и точное описание обстоятельств

¹ Архив ИИМК, дело № 38, 1835. Отношение № 11069 от 12 августа 1835 г. из Алушки (Управление новороссийского и бессарабского генерал-губернатора) адресовано министру внутренних дел.

² Ашик, ук. соч., стр. 41.

Рис. 48. Входы в склепы после полной их расчистки, вид с юго-запада.

находки.¹ Спустя тринадцать лет он уже смело утверждал о произведенном якобы им открытии. Не подлежит никакому сомнению, что саркофаг действительно был обнаружен в пределах холма на Карантинном мысу. Поскольку саркофаг не мог поместиться в склепах, законно возникает предположение, не находился ли он в обширном дромосе перед склепами? Это предположение подтверждается теми сведениями об открытии интересующего нас саркофага, которые имеются у Дюбуа-де-Монпере. Дюбуа, подобно Дюбрюксу, первоначально объяснял круглое сооружение на Карантинном мысу как остатки культового здания.² Но случай, по словам Дюбуа, помог выяснить истинное назначе-

ние этой постройки: тут имеется в виду произошедшее в 1834 г. открытие погребальных склепов, которое показало, что круглое сооружение на Карантинном мысу являлось своего рода крепидой, воздвигнутой вокруг холма, в связи с устройством здесь склепов для погребения каких-то представителей боспорской знати. Обстоятельства, при которых обнаружили склепы, Дюбуа излагает следующим образом. Когда потребовалось водрузить флагшток в центре круглого сооружения, карантинные матросы, которым было поручено это дело, сначала с трудом забивавшие шест в землю, были затем весьма изумлены, увидя, что шест вдруг неожиданно опустился на значительную глубину. Это обстоятельство вызвало желание рыть и таким образом вскоре был открыт двойной склеп (*double caveau*), который оказался уже давно ограбленным. Однако грабители не могли унести с собой великолепный мраморный саркофаг. Огромный вес его не позволил вытащить саркофаг далее входа первого склепа (*l'entrée du premier caveau*), где он был брошен в обезображенном виде. Следовательно, сообщением Дюбуа подтверждается, что склепы открыты случайно при установке флагштока. Карантинными матросами — вот кем был найден в 1834 г. мраморный саркофаг. Но они его обнаружили отнюдь не в склепе, а в дромосе (*l'entrée*) перед склепом. Это необычное положение саркофага было воспринято как результат деятельности грабителей, которые будто бы хотели вытащить саркофаг, но не справились с такой задачей из-за огромного веса саркофага и выну-

¹ Рапорт Ашика от 25 июня 1835 г. был отправлен Воронцовым вместе с отношением керченского градоначальника министру внутренних дел; последний передал бумаги в министерство двора, откуда было запрошено мнение президента Академии художеств Оленина. Оленин отказался дать заключение о саркофаге на основании одного лишь описания, представленного Ашиком. Тогда по распоряжению Николая I был затребован от директора Керченского музея рисунок саркофага. Ознакомившись с саркофагом по присланному вскоре рисунку, царь этой находкой не заинтересовался. Последовало распоряжение: оставить саркофаг в Керчи, а рисунок передать в Академию художеств. Только в 1851 г., когда была организована отправка из Керчи большой партии древностей в Эрмитаж, саркофаг доставили в Петербург. См. „Список ящикам и тюкам, отправляющимся водой, с керченскими древностями“ в деле за 1851 г., в архиве Керченского музея; под № 13 в списке отмечен „мраморный саркофаг в двух частях и особо тюк с обломками, принадлежащими к саркофагу“.

² Dubois de Montréux, op. cit., V, p. 232.

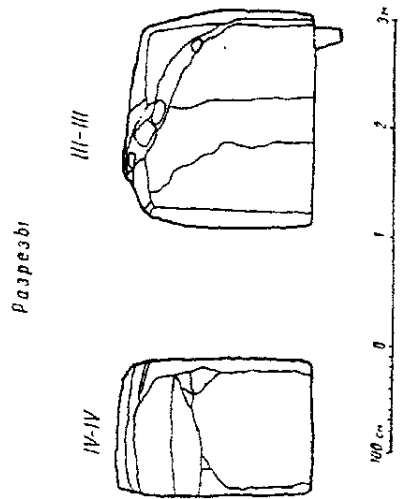
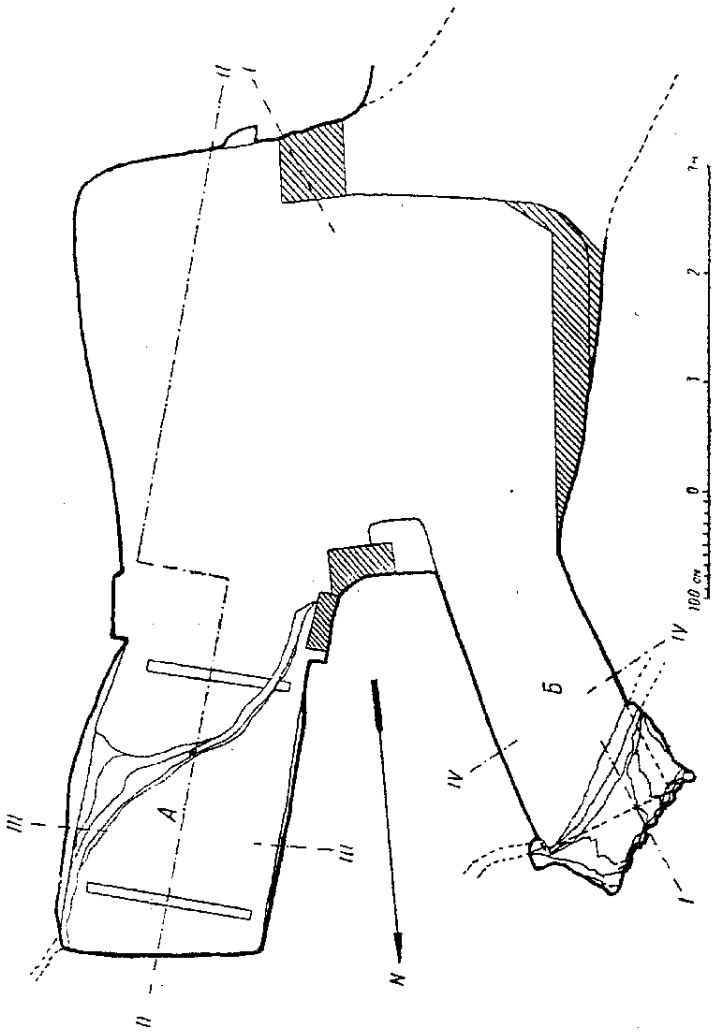
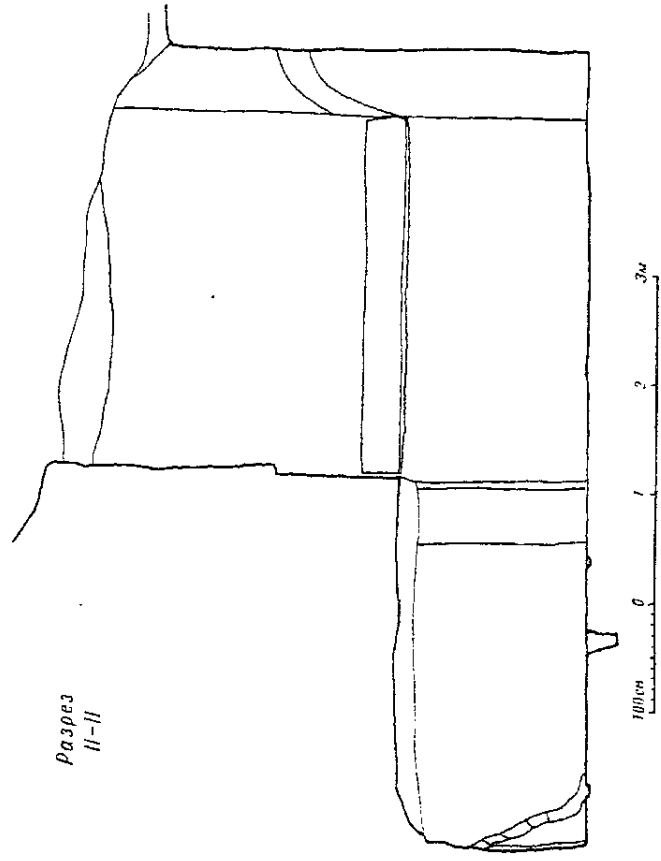
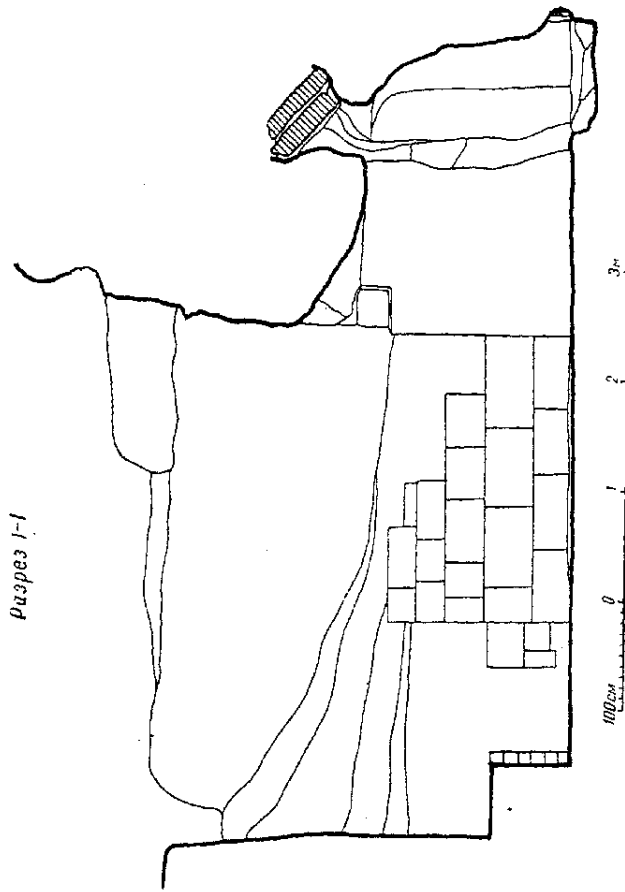

Рис. 49. План склепов.

ждены были поэтому, не осуществив своего намерения, оставить его в дромосе. Так участники и очевидцы открытия саркофага пытались объяснить его местонахождение вне камеры. Эту версию сообщает Дюбуа, несомненно, на основании полученной им на месте информации.

Таким образом в дромосе перед склепом *A* как теперь прочно установлено, находился большой мраморный саркофаг, украшенный скульптурными рельефами и изваяниями. В склепе *B* были обнаружены остатки простого мраморного саркофага. Как было использовано в древности помещение склепа *A*, неизвестно. Пришлось ли поместить большой саркофаг в дромосе из-за несоответствия его величины с размерами предназначенного для него склепа *A*, или же этот склеп был использован, что весьма вероятно, для погребения, хронологически предшествовавшего водворению большого саркофага в дромос, — для выяснения этих вопросов мы не располагаем никакими данными.

В заключение приводим отрывок из очерка П. Беккера о керченских археологических памятниках, напечатанного в 50-х годах прошлого столетия в „Прописях“ Леонтьева; в очерке имеется описание известных уже нам склепов на Карантинном мысе.¹ Это показывает, что после находки саркофага в 1834 г. мыс мирмекийского городища с его склепами и „циклопической“ кладкой стал довольно популярным археологическим пунктом, который привлекал к себе внимание посещавших Керчь туристов и ученых.

„Мы начнем, — пишет П. Беккер, — наше обозрение с восточной оконечности Керченского залива, близ которой выстроен теперешний карантин. Он соединяется с городом посредством шоссе в четыре версты длиною и занимает значительное пространство. В обществе услужливого карантинного чиновника мы прошли через нескольких обширных дворов, засаженных деревьями и окруженных зданиями, в которых живут карантинные чиновники, находят пакгаузы, окурная, комната для путешественников, выдерживающих карантин, и достигли наконец до карантинной башни, высоко стоящей над морем.² В нескольких шагах от этой башни, в направлении к Еникале, лежит могила, о которой говорит Дюбуа..., и которая хотя уже давно была открыта и вещи из нее вынуты, но в его время в ней еще стоял мраморный саркофаг с красивыми рельефами и искусно сделанною крышкою. Подробное описание Дюбуа и приложенные к его сочинению рисунки возбуждают любопытство осмотреть самому это произведение древнего искусства.

¹ П. Беккер. Керчь и Тамань в июле месяце 1852 г. Прописи, III, изд. второе, отдел I, Москва, 1858, стр. 359 сл.

² Как уже выше указывалось, в настоящее время все эти постройки не существуют; потеряв свое практическое значение в виду ликвидации карантина, они были разобраны в 1927—1928 гг. на строительный материал. — В. Г.

Но я не нашел его ни в музее, ни в Керчи и, вероятно, этот великолепный саркофаг... присоединен к петербургской коллекции.¹ Обтесанные камни, которые лежат в несколько слоев на земле, прежде считались, по мнению некоторых, остатками древнего храма. Но это предположение оказалось ложным с того времени, как случайно узнали, что под камнями и по сторонам находится пустота. При дальнейшем разрытии дошли до двух подземных комнат, где оказались следы древнейшего разрытия.² В одной из этих комнат найден описанный Дюбуа саркофаг, который уже не был в целости. Обе комнаты, неправильной фигуры, вырублены в скале и материке. Простота в отделке гробницы, кажется, должна нас привести к заключению, что саркофаг, несмотря на свои наружные украшения и мастерскую отделку, заключал в себе прах богатого частного человека. Одна из комнат служила в новейшее время местом для порохового магазина. Ход в нее и лежащую за нею комнату идет через новую пристройку по лестнице“.

Итоги раскопок Мирмекия в 1934 г. Подводя итоги произведенных в Мирмекии раскопок в 1934 г., можно сделать следующие выводы.

Ростовцев, суммируя результаты раскопок некрополя Мирмекия, производившиеся хотя и без определенной системы, но в течение очень многих лет, указывал, что большинство погребений древнейшей части мирмекийского некрополя датируется временем наибольшего расцвета Боспора, т. е. концом IV и III вв. до н. э. „Более древних погребений до сих пор наблюдено не было. Чернофигурная посуда отсутствует“ — таков общий вывод.³ Раскопки 1934 г. показали, что даже в вопросе хотя бы приблизительного определения времени возникновения Мирмекия предшествовавшие исследования не давали правильного ответа.

Обнаруженная в нижнем слое раскопа В греческая керамика VI в. позволяет говорить о возникновении жизни на территории Мирмекия уже начиная с середины VI в. Важно установленное раскопками наличие привозной керамики в культурном слое совместно с скифской керамикой. Мирмекий, следовательно, являлся тем пунктом, куда в VI в. до н. э. доставлялись греческие промышленные товары, вероятно для сбыта их туземному населению. Важно отметить, что нижний слой, давший находки наиболее ранней греческой керамики, содержал также обломки амфор, показывающих, что уже ранний период греческой торговли с районами будущего Боспорского царства был связан не только

¹ В своем предположении Беккер не ошибся: действительно, в 1851 г. саркофаг был отправлен в Эрмитаж. — В. Г.

² Очевидно, Беккер имеет в виду разграбленное состояние склепов, выявившееся в момент их открытия в 1834 г. — В. Г.

³ M. Rostowzew. Skythien und der Bosphorus, S. 231.

с импортом керамической посуды, шедшей первоначально преимущественно из ионийских центров и Родоса (вероятнее всего через посредничество Милета), но и с ввозом вина, а также, может быть, и масла.

Весьма вероятно, что в древнейшем слое Мирмекия, открытом на участке В, мы имеем следы торговой фактории, возникшей на определенном этапе развития предшествующей „доколониционной“ торговли. Такие фактории могли послужить опорными пунктами для последующей греческой колонизации. Пока нет оснований говорить о существовании на месте Мирмекия „догреческого“ поселения, поскольку в древнейшем слое, залегавшем непосредственно на материке, оказались культурные остатки, содержащие импортированную греческую керамику, хотя и совместно с туземной. Следовательно, наиболее ранние следы поселения в Мирмекии связаны с наличием греческого импорта. Отсюда можно заключить, что оформление на территории Мирмекия определенного поселения было, вероятно, связано первоначально с обоснованием здесь греческого торгово-обменного пункта, где велись торговые операции с окрестным туземным населением. В дальнейшем Мирмекий из первоначальной торговой станции превратился в городское поселение, стянувшее к себе довольно значительное количество населения. Но затем в связи с исключительным ростом хозяйственно-политического значения соседнего с Мирмекием Пантикапея он превратился в одно из рядовых „провинциальных“ поселений (к^ом^и) Боспорского царства.

Вскрытые раскопками 1934 г. участки позволяют сделать некоторые выводы и относительно постепенного роста территории поселения в Мирмекии. Площадь древнейшего поселения (VI в. до н. э.) была, повидимому, довольно незначительна. В самом деле, даже на участке А, близко расположенном от места открытия древнейшего слоя, т. е. от участка В, уже не обнаружено культурных остатков ранее конца VI в., а строительные остатки, говорящие о вполне сложившемся городском населении, относятся к V в. (остатки черепяных мостовых). То же наблюдается и в северной части городища (уч. Б), где наиболее ранним культурным слоем является слой V—IV вв., когда, повидимому, окончательно определились максимальные границы Мирмекия. Правда, мы не располагаем пока данными для характеристики юго-восточной части городища, о которой можно иметь некоторые суждения только по результатам старых раскопок Люценко и Гросса, не дающих ответа на вопрос о культурной стратиграфии. Но и по тому последовательному распространению поселения в северном и с веро-восточном направлениях, которое установлено раскопками 1934 г., можно считать, что в классический период (V—IV вв.) в основном границы города уже определились.

Касаясь вопроса, чем характеризуется хозяйственно-производственная деятельность населения Мирмекия, следует отметить, в первую очередь, обилие в культурных слоях раковин морских моллюсков. В частности на раскопе В очень характерными были зольные скопления классического времени с большим количеством створок мидий, являющихся явно кухонными отбросами. Таким образом, начиная с культурных отложений V в., все последующие наслоения содержат раковины мидий (изредка устриц). Особенно большое количество их встречалось в позднеэллинистических и римских слоях. Нередко они залегают целыми пластами, напр., в римском слое на участке А. Очевидно, моллюски являлись одним из главных продуктов питания широких слоев населения, особенно в более поздние периоды.

Кости млекопитающих, собранные в процессе раскопок, позволяют говорить и о животноводстве как о существенной отрасли хозяйственного быта населения Мирмекия.

Но особенно важную роль в экономике Мирмекия, начиная с эллинистического периода, занимало, повидимому, виноделие и тесно связанное с этим виноградарство. Об этом говорит не только открытие винодельни (на участке Б). Необходимо отметить, что кроме этой винодельни в другом месте обнаружен (на участке В) фрагментированный римский каменный пресс для выжимания виноградного сока, а на участке А открыт частично сохранившийся цементированный бассейн, служивший, очевидно, резервуаром для виноградного сусла.

Наконец, нужно отметить, что раскопки 1934 г. показали наличие в Мирмекии не только античных культурных отложений, но также и средневековых. Жизнь Мирмекия замерла в поздеримское время (III—IV вв.), но на его территории, вернее на его развалинах, появилось население в средние века. Доказательством этого являются обнаруженные почти на всех раскопах (в пределах верхних залегающих) фрагменты средневековой поливной посуды и некоторые строительные остатки (напр., на участке Б). Количественно этот материал еще недостаточен для того, чтобы уже теперь можно было конкретизировать характер этого средневекового селища. Ясно только, что ни в какое сравнение не могут идти остатки средневековья с интенсивной и длительной жизнью античного Мирмекия. Все же наличие на городище Мирмекия следов средневекового поселения заставляет вспомнить, что на итальянских морских картах XIV—XV вв. в Керченском проливе, к востоку от Керчи (фигурирующей на этих картах под именем *Vospro*), отмечен пункт, носящий название *Pondico* (или *Pondicorega*), в котором Брун хотел видеть „не что иное как сокращенное имя древней столицы Боспора“. По мнению Бруна, итальянские моряки под *Pondico* имели в виду развалины Мирмекия, приписывая их Пантикапею, о действительном

местоположении которого даже Паллас (в конце XVIII в.) не имел еще точного представления.¹ Ю. Кулаковский не считал возможным согласиться с этой гипотезой Бруна и писал по ее поводу следующее: „Что же до предположения Бруна будто в имени Pōndico оживило древнее имя Pāntisaraeum, то мы считаем это вполне невероятным.

Имя это умерло и исчезло за много веков до возникновения поселения с именем Pōndico“.²

¹ Ф. Брун. Черноморье, I, стр. 205; II, стр. 306. — Ср.: А. Сибирский. Взгляд на автономию и историю Пантикапей. Зап. Одесск. общ. ист. и древн., VI, стр. 174, прим. I. Одна из итальянских морских средневековых карт, на которой обозначены Vospro и Pōndico, воспроизведена Ю. Кулаковским (Прошлое Тавриды. Киев, 1906, табл. II).

² Ю. Кулаковский. К вопросу об имени города Керчи. Отд. отд., стр. 200, прим. 41.

Против попытки Бруна приурочить Pōndico к древнему Мирмекию (в районе нового карантин) Кулаковский также возражал, считая, что поскольку неизвестно в достоверности, что представляет собою городище у нового карантин, к которому Дюбрюкс приурочил Мирмекий, и что он там нашел, постольку „вопрос о локализации Pōndico остается открытым“.¹

Раскопки 1934 г., установившие наличие в верхнем культурном слое Мирмекия следов средневекового поселения, современного появлению на итальянских картах Pōndico, заставляют отнести к предположению Бруна с большим вниманием и с меньшим скептицизмом, чем это было проявлено со стороны Кулаковского. В самом деле, не имеем ли мы в обнаруженных на городище Мирмекия средневековых остатках развалин Pōndico?

¹ Там же.

ИССЛЕДОВАНИЯ

С. А. ЖЕБЕЛЕВ

ОТКУДА ВЕДЕТ СВОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЕ „МИРМЕКИЙ“?

Что название *Μυρμηκίων* стоит в связи со словом *μύρμηξ*, едва ли подлежит сомнению. Для *μύρμηξ* засвидетельствованы следующие значения: 1) Муравей — наиболее распространенное значение. 2) Сказочное животное в Индии, упоминаемое Геродотом (III, 102, 2): „в песке пустыни водятся *μύρμηκες* величиною меньше собаки, но больше лисицы... Эти *μύρμηκες* роют себе жилища под землею и оттуда выносят песок точно так же, как муравьи у греков; на муравьев они очень похожи и по виду. Выносимый же ими песок золотой“. 3) Подводный риф, ср. Геродот (VII, 183, 2). 4) Рукавица особого рода — то, что у римлян носило название *cestus*. Ясно, что из указанных значений *μύρμηξ* при объяснении названия „Мирмекий“ можно было бы исходить лишь из первого и толковать Мирмекий как „муравейник“, хотя, строго говоря, греческий язык пользуется для обозначения муравейника терминами *μυρμηκῶν* или *μυρμηκία*, *μυρμηκίων* же засвидетельствовано лишь в медицинском языке, в значении „бородавки на ладони (или на пятке)“, да у Никандра в его „*Θηριολογία*“ (ст. 747) *μυρμηκίων* означает особый вид ядовитого паука.

Допустим, что Мирмекий стоит в связи с *μύρμηξ* в значении „муравей“. Что могло побудить дать городку название *Μυρμηκίων*, по словообразованию прилагательное, определяющим существительным которого может быть *πολύρμηκον* (муравьиный городок)? Ответ напрашивается сам собою: отличительные свойства муравьев в представлении античности.

Древние обращали внимание на образ жизни муравьев, свидетельствующий о большом их прилежании, ловкости, об их любви к порядку. Древние удивлялись искусно сооружаемым этими насекомыми обиталищам, муравейникам, защищавшим муравьев от непогоды, от наводнений. Древние восхищались умением муравьев высушивать подмокший в муравейнике корм, прокладывая в муравейнике дорожки, по которым муравьи таскали этот корм, и т. д.

Все эти положительные свойства муравьиной жизни могли служить „добрым предзнаменованием“ при наречении имени Мирмекия, оби-

татели которого, подобно муравьям, должны были быть трудолюбивы, осторожны, предусмотрительны, соблюдать во всем строгий порядок. Ко всему этому могло присоединиться и то магическое значение, которое некоторыми приписывалось муравьям. Фронтон (р. 137, 3, Naber) говорит: „*formicularum et apicularum ostentis res maximae portenduntur*“ („знамениями, даваемыми муравьями, пчелами, величайшие дела предсказываются“). В частности, отмечалось, что муравьи, если наблюдать за их поведением, могли предсказывать погоду, лучше сказать, имеющую наступить непогоду, шторм, наводнение и т. п., что для обитателей прибрежного Мирмекия было очень важно.

Но если, с одной стороны, трудолюбие и порядок муравьиной жизни могли служить прообразом для благоустроенного человеческого общества, то, с другой стороны, в своих отношениях к людям муравьи являлись скорее не друзьями, а врагами людей. Муравьи приносят большой вред сельскому хозяйству; они крадут и портят посейное зерно, и земледельцы старались выкуривать их с полей дымом и уничтожать их иными способами. Если принять в расчет то значение, какое имело на Боспоре сельское, в частности зерновое, хозяйство, странным казалось бы давать городу имя по названию тех живых существ, которые этому хозяйству приносили не пользу, а вред.¹

Это соображение не говорит в пользу того, что название Мирмекия стоит в связи с *μύρμηξ* (муравей). К этому соображению по существу должно присоединить и соображение формальное. В ономастике греческих городов почти не встречаются такие названия их, которые можно было бы с полною уверенностью ставить в связь с названиями из области зоологического мира. Такие названия городов, как *Αἴγος* в Мегариде, *Αἴγιον* в Ахайе, лишь созвучны с *αἴξ* (коза), на самом же деле скорее стоят в связи с собственным именем *Αἴγης* (Эгей), давшим название и Эгейскому морю.

¹ Свидетельства о муравьях и их образе жизни собраны у O. Keller'a (Die antike Tierwelt, II, S. 416 ff.) и в статье A. Marx'a „Ameise“ (Pauly-Wissowa R. E., I, 1894).

Ἀστακός в Вифинии и *Ἀστακός* в Акарнании уже древние ставили в связь с Астаком, сыном Посидона. *Ὀφιοῦς* в Понте вряд ли стоит в связи с *ὄφις* (змея); скорее это название нужно объяснять из местных наречий. Что же касается таких городов, как Кинополь (собачий город), Крокодилополь (крокодилов город), Гиеракомполь (ястребиный город), Ликополь (волчий город), Леонтополь (львиный город), то все эти названия ведут нас в Египет, где, как известно, многие животные были окружены культом.¹

Коль скоро приходится пока что отказаться ставить название Мирмекия в связь с „муравьем“, посмотрим, нельзя ли его возводить к какому-нибудь мифическому эпониму? Да, Мирмеки в мифологии известны; они все перечислены в „Lexikon der Mythologie“ Рошера (II, 3312) или в R. E. Pauly-Wissowa (XVI, 1105). Вот эти Мирмеки: 1) отец Мелиты, эпонима одного из аттических демонов; 2) отец Эфиры, дочери Эпимефея, бывшей эпонимом того города, который потом получил имя Коринфа; 3) в схолиях к Клименту Александрийскому Мирмек — имя некоего мужа, приняв облик которого Зевс соединился с Евримедусой, дочерью Клетора, ставшего эпонимом аркадского города Клетора; от этой связи родился Мирмидон, родоначальник мирмидонян, которые, кто бы они ни были, связаны либо с Фессалией, либо с Эгиной. Вот и все мифические Мирмеки. Вряд ли кто-либо из них мог дать основание для названия Мирмекия, города, не имевшего непосредственного отношения ни к Аттике, ни к Коринфу, ни к Аркадии, ни к Фессалии, ни к Эгине.

На мифологической почве нас постигла неудача. Попробуем обратиться к исторической почве и посмотрим, нет ли исторических Мирмеков? Есть. Лаэртий Диоген упоминает философа Мегарской школы, Аристофан в „Лягушках“ (1506 сл.) — афинского гражданина Мирмека. Эти два упоминания определенно говорят о существовании собственного имени Мирмек.

У нас нет полного свода греческих собственных имен (словарь Папе-Бензелера совершенно устарел). В таком авторитетном пособии, как книга Вецтел'я „Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit“ (Halle, 1917) отмечен всего-навсего один Мирмек, встретившийся в эпидаврийской надписи IV в. до н. э. в дорийской форме *Μύρμαξ*. Так как Эпидавр (в Арголиде) никакого отношения к Боспору не имеет, то я подумывал уже обратиться к указателям собственных имен в „Inscriptiones Graecae“, но счастливый случай избавил меня от этого просмотра, который

в результате мог мне и не дать ничего. По счастью, начал я свой просмотр с милетских надписей, найденных при раскопках Дельфиния. И что же? Одна из этих надписей содержит договор о симполитии между Милетом и малоазийским городом Пидасой;¹ этот договор контрастируют, между прочим, 10 синедров, членов милетского совета. В числе их на 7-м месте назван *Μύρμηξ Ἐκαταίου*. Правда, указанная надпись относится к 80-м годам II в. до н. э. Но для меня важно было то, что удалось найти документально засвидетельствованное имя именно для Милета, роль и значение которого в боспорской колонизации хорошо известны всем. Не во II же только веке имя *Μύρμηξ* вошло в милетскую просопографию; оно существовало, конечно, и раньше, могло существовать и в пору боспорской колонизации.² И тогда я подумал: а что скажут, если название Мирмекия нужно ставить в связь не с *μύρμηξ* (муравей), а с *Μύρμηξ* (Мирмек).³

Столь удачно начатые раскопки на месте Мирмекия уже показали, что возникновение его должно быть относимо к середине VI в. Возможно, что на месте Мирмекия сначала была только фактория, которая затем превратилась в городок. Не может быть, во всяком случае, отвергаема возможность, что эта фактория (или городок) была основана неизвестным нам гражданином Милета, носившим имя Мирмек, который был, таким образом, экистом Мирмекия и дал ему это имя.

При редкости собственного имени *Μύρμηξ* тем интереснее было встретить его в пределах Боспора в двух пантикапейских (IPE II, 173; ИАК, 27, 42, 1) и в двух танаидских (IPE II, 449, 455) надписях. Надписи, правда, поздние, так наз. aetatis Romanae, но это-то и ценно, так как становится ясно, что имя *Μύρμηξ* в течение долгого времени бытовало в Боспоре.

Доказать своего предположения, что Мирмекий обязан своим названием имени своего экиста Мирмека я, конечно, не могу, но подкрепить его некоторыми аналогиями из боспорской топонимики можно. Если присмотреться к ней, то названия боспорских населенных мест или явно туземного происхождения, или легко могут быть выводимы из греческого языка. Такие названия из числа последних, как Нимфей, Гермесий, Зефирий, Гераклий, Парфений, Ахиллий, ведут нас в область „мифологии“. Но некоторые из названий боспорских

¹ Rehm. Das Delphinion in Milet, Nr. 149.

² *Μύρμηξ* как собственное имя засвидетельствовано для Колофона в надписи конца IV в. до н. э. L. Robert. Rev. de philol., X (1936), 162, II.

³ В упомянутом справочнике Бехтеля (стр. 580 сл.) приведен список личных имен, образованных от *Τιερπαταρ*. Вот имена, стоящие в связи с названиями насекомых: *Ἀκοιδίων* от *ἀκρίς* (саранча), *Βροονίων* от *βρόνκος* (кузнечик), *Κάνδαρος* (жук), *Κώνωρ* (комар), *Μέλισσος* *Μέλισσιων*, *Μελισσών* от *μέλισσα* (пчела), *Μύωρ* (овод), *Ψήν* (орехотворка, *Cynips*).

¹ Названия сицилийских Леонтий и аркадского Леонтия, вероятно, обязаны своим происхождением не царю змеев, а какому-то либо мифическому, либо историческому Леонту.

населенных пунктов несомненно историчны. Фанагория, по свидетельству Стефана Византийского, ссылающегося на Гекатея Милетского, получила свое название от Фанагора, ее экиста (*Φαναγόρης* — историческое имя, *Bechtel*, 438); Гермонасса получила имя от своего экиста Гермонакта;¹ Горгиппия названа так, конечно, по имени Горгиппа, одного из членов фамилии Спартокидов; наконец, Плиний (N. H. VI, 18) упоминает о находившейся между Фанагорией и Садами Стратоклии (*Stratoclia*), названной так по имени ближе нам не известного Стратокла (в греческой просопографии очень распространенное имя).

Эти боспорские аналогии, — а из греческой вообще области число их можно было бы во много раз увеличить — укрепляет меня в мысли

о том, что название Мирмекий ведет свое происхождение от слова *Μυρμηξ*,¹ написанного не с малой, а с большой буквы.²

¹ Кстати укажу, что на ряду с формой *Μυρμηξίου* Стефан Византийский (S. V.) отмечает и форму *Μυρμηξία* (с подразумеваемым *πόλις* или *κόμη*), засвидетельствованную очень осведомленным географом II в. до н. э. Артемидором Эфесским.

² На серебряных монетах Пантикапея, относящихся, по определению нумизматов, к концу VI — началу V, а также и к V вв., но не снабженных надписями, встречается в числе других изображений и изображение муравья; на серебряных монетах конца V в., имеющих неразгаданную пока надпись *A — Π — Ο — Α*, также фигурирует муравей. Не ведут ли эти монеты своего происхождения из Мирмекия (на монетах Нимфея конца V — начала IV вв. голова Нимфы), который в начальную пору существования Боспорского государства был самостоятельным полисом и лишь при первых Спартокидах стал своего рода пригородом Пантикапея? Если бы раскопки Мирмекия дали ответ и на этот вопрос!..

¹ Моя статья в ИАН (1930, № 10, 818).

А. Н. ЗОГРАФ

МИРМЕКИЙСКИЙ КЛАД МОНЕТ III В. ДО Н. Э., НАЙДЕННЫЙ В 1934 г.

При разборе монетных материалов Боспорской экспедиции 1934 г. 12 монет в составе находок из Мирмекия, занесенные в опись под №№ Д. 3511—3521 и значащиеся в ней как переданные экспедиции рабочими-землекопами строительства, были отмечены мною особо. Все они единообразием своих типов и однородностью своей сохранности выдавали свою принадлежность к одной находке, вероятно, одному кладу. Пожелание о доследовании размера и состава этого клада было высказано мной в докладе о нумизматических материалах экспедиции 1934 г. В ответ на это пожелание Н. П. Кивокурцев любезно прислал мне 75 монет, переданных, по его словам, рабочими строительства в Керченский музей в июне 1934 г. и, несомненно, принадлежащих к тому же кладу.

Находится ли Мирмекийский клад полностью в нашем распоряжении, исчерпывается ли его состав теми группами монет, которые были представлены экспедиции и Керченскому музею рабочими строительства? На этот вопрос едва ли кто-либо решится ответить с уверенностью. Во всяком случае, складывая вместе 75 монет, полученных Керченским музеем, и 12 штук, ранее вошедших в число находок 1934 г., мы получаем комплекс в 87 монет, без сомнения принадлежащих к одной находке и вполне закономерно могущих быть подвергнутыми исследованию на правах клада. Ниже приводится список монет с указанием их веса и диаметров (см. стр. 156). Здесь мы рассмотрим группы монет, входящих в состав клада.

Первые 11 экземпляров монет (№№ 1—11) представляют монеты типа Б. XXII, 153, лицевая сторона — голова Посейдона, оборотная сторона — прора (рис. 1). Все 11 монет снабжены надчеканками головы Афины или головы сатира. №№ 3—5 имеют обе надчеканки, причем на №№ 4 и 5, где обе надчеканки помещаются на одной стороне и частично закрывают одна другую, ясно видно, что надчеканка с головой сатира наложена позже. Следующая группа в 12 монет (№№ 12—23) имеет голову бородатого сатира влево на лицевой стороне и лук со стрелой под ним на оборотной стороне (Б. XIX, 51) (рис. 2). На №№ 12—16

надпись PANTI, на №№ 17—23 PANT. Однако подозревать здесь разные варианты нет оснований; просто во втором случае надпись не поместилась полностью. Все 12 монет имеют плотные кружки от 2 до 4 мм толщиной и тожественную, довольно аккуратную, фактуру без явных следов отрубка литников. Далее следуют монеты тех же типов (№№ 24—36), но меньшего размера (рис. 3), отчеканенные, повидимому, на специально для них изготовленных или хорошо предварительно переработанных старых кружках, но уже иной фактуры, со скошенным краем и с постоянно остающимися частями литников и следами грубого и спешного разрубления их. Надпись на этих монетах, повидимому, в силу малого размера поля уже всегда почти ограничивается буквами ПАН. Несравненно многочисленнее монеты, отчеканенные штемпелями с теми же типами на монетах других, более ранних типов. Среди последних особенно интересны 3 экземпляра (№№ 38—40, рис. 5 и 6), перечеканенные на монетах типа Б. XXII, 163 сл. Монету тех же типов не перечеканенную, повидимому, представляет № 37 (рис. 4). Если прежние типы — голова Аполлона на лицевой стороне и орел на оборотной — большей частью настолько стерты, что различить их невозможно, то все же монеты легко распознаются по характерной фактуре и по следам прямоугольной надчеканки с треножником. Новые штемпеля в этом случае оказываются настолько меньше монетных кружков, на которых они чеканятся, что на первый взгляд эти перечеканки производят впечатление надчеканок. №№ 41—45 (рис. 7 и 8) можно с большой долей вероятности считать перечеканенными непосредственно из монет типа Б. XX, 80, т. е. самых маловесных, выродившихся монет с типом головы юного сатира на лицевой стороне и лука со стрелой на обороте. Для №№ 46—54 (рис. 9 и 10), повидимому, материалом послужили те же самые монеты, но предварительно подвергшиеся перечеканке типами головы Аполлона и треножника. №№ 55—60 (рис. 11 и 12) представляют, несомненно, монеты тех же типов, но сказать с уверенностью, из каких монет они перечеканены, трудно. Во всяком случае, по размеру и по общим данным фактуры это должны быть

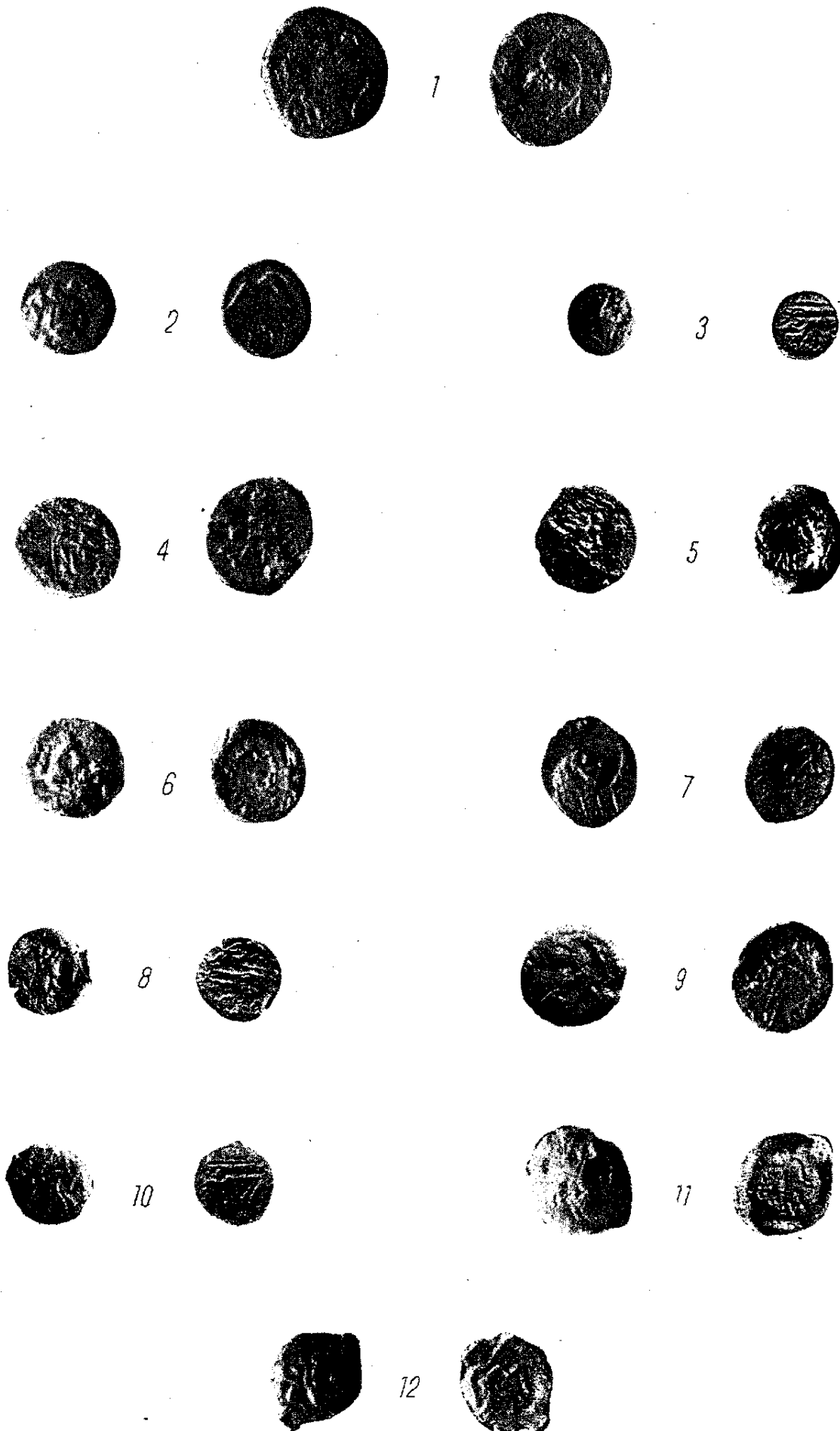

Рис. 1—12. Монеты из Мирмекийского клада.

Рис. 3, 5, 8 и 10 — $\frac{1}{5}$ нат. вел., остальные $\frac{1}{1}$ нат. вел.

перечеканки одной из двух последних предшествовавших категорий. Наконец, последние 27 монет из клада дают на своей поверхности такой беспорядочный набор различных черточек и точек, что распознать в этом хаосе какой-либо тип, новый или первоначальный, совершенно невозможно. Едва ли, однако, следует сомневаться, что это опять перечеканки все тех же категорий, но исполненные особенно спешно и небрежно, что и привело к совершенной неузнаваемости типов. В списке не дается подробного описания этих монет; указываются лишь их индивидуальные веса.

Состоя исключительно из пантикапейских монет и будучи в этом отношении характерным образцом чисто местного клада, Мирмекийский клад не может представить никаких данных для выводов о торговых связях с другими городами. Его значение ограничивается теми сведениями, которые мы можем из него почерпнуть для хронологической группировки самих пантикапейских монет и для состояния денежного обращения в Пантикапее в момент зарытия этого клада. Представляемые им с этой точки зрения отправные данные весьма важны.

Во-первых, факт совместного нахождения в кладах в значительных количествах монет с головой Посейдона, датируемых третьей четвертью III в. (Б., XXII, 153), и монет с головой бородатого сатира (Б., XIX, 51) указывает на одновременность их обращения и тем самым уточняет хронологию этой последней группы монет. Далее, подробное ознакомление со списком клада, надеюсь, достаточно ясно показывает, что главную массу в местном денежном обращении, к моменту зарытия клада, составляли не эти входящие в две первые группы более крупные монеты, а начинающиеся с № 24 более мелкие монеты, в подавляющем большинстве перечеканки, повторяющие типы второй из упомянутых групп и по отношению к ней являющиеся таким же результатом постепенной деградации и измельчания, каким монеты типа Б., XX, 80 оказываются по отношению к монетам типа Б., XX, 74. Очень важен состав монет, послуживших материалом для перечеканки в монеты типа Б., XIX, 38 или XXII, 161, наиболее обильно представленные в кладах. Делать какие-либо хронологические выводы на основе сравнительных количеств, в которых представлены послужившие материалом для перечеканки монеты, незаконно уже в виду слишком большого числа таких перечеканок, которые не поддаются достоверному отнесению к какой-либо определенной группе. Тем не менее, преобладание таких монет (№№ 46—54), в которых следы типа треножника на оборотной стороне обнаруживают изготовление их из перечеканок типа Б., XXI, 123 сл., должно быть отмечено. В то же время наличие ряда экземпляров, прямо перечеканенных из небольших монет типа Б., XX, 80, связывает этот клад и представляемое им денежное об-

ращение с денежным обращением первой половины III в. до н. э. Наконец, нахождение среди перечеканок трех экземпляров, выбитых на монетах типа Б., XXII, 163, и одного экземпляра этой монеты не перечеканенного позволяет уточнить хронологию и этой последней группы. Поскольку два из этих экземпляров имеют следы надчеканки треножника на лицевой стороне и все они очень сильно потерты, можно предполагать, что их обращение уже закончилось ко времени накопления клада.

Для установления точной даты зарытия клада мы не имеем твердых отправных пунктов. Можно только, исходя из присутствия в достаточном количестве больших монет с головой Посейдона и в то же время симптомов еще неизжитой неустойчивости денежного обращения, выражающейся в обилии спешных и небрежных перечеканок, наметить ее где-то в пределах третьей четверти III в., может быть, что более вероятно, ближе к концу ее. Переносить в последнюю четверть дату зарытия, кажется, нет оснований, поскольку в это время и в Ольвии, и в Пантикапее возобновляется чеканка серебра и возвращается известная устойчивость денежного обращения. Учитывая такую предположительную дату и изложенные выше соображения, мы можем с помощью Мирмекийского клада в следующем приблизительно виде представить себе последовательность монетных выпусков в Пантикапее около середины III в. до н. э. Засвидетельствованный многочисленными кладами начала и первой четверти III в. денежный кризис¹ и сопровождающий его процесс деградации и измельчания монет с типами головы юного сатира на лицевой стороне и лука со стрелой на обороте (Б., XX, 74—80) продолжается во второй четверти III в. и приводит к тому, что эти, единственно выпускающиеся в течение долгого времени, монеты, первоначально весившие 8—9 г, мельчают до веса в 1.5—2 г. Дальше деградация этих монет не идет. На смену монетам этих типов еще в течение второй четверти III в. или в конце ее приходят монеты нового типа (голова Аполлона — орел, Б., XXII, 163 сл.) со средним весом около 4 г, но с теми же чертами фактуры, свидетельствующими о быстроте и спешности изготовления. Представляют ли эти монеты тот же номинал, что и деградировавшие до веса в 1.5 г монеты типа Б., XX, 80, или вдвое больший, установить с уверенностью нельзя. Думаю, однако, что более вероятно второе, так как рядом с этими монетами, повидимому, обращаются, конечно не по той же цене, те же измельчавшие малые монеты, но перечеканенные типами головы Аполлона и треножника (Б., XXI, 123 сл.). Возможно, что изменением типов, обращением к изображению исконного Милетского божества, пытались добиться доверия к новым монетным

¹ См. ниже, стр. 159.

сериям, не подкрепленным выпуском монет из драгоценного металла, и, следовательно, чисто условной ценности. Но, конечно, это не помогло. Как показывают прямоугольные надчеканки с треножником, фигурирующие на значительном большинстве монет этого типа (Б., XXII, 165), они очень скоро потребовали подтверждения своей курсовой стоимости, а затем, повидимому, скоро после середины III в., и замены новой группой серий с новыми типами. В этой новой группе серий, представленной в Мирмекийском кладе, высший номинал с головой Посейдона имеет уже большой средний вес, около 7 г, но сохраняет те же черты фактуры и в обилии снабжается надчеканками. Напротив, монеты меньшего размера — с головой бородатого сатира и луком со стрелой — первоначально имеют и хороший средний вес, около 5 г, и плотную аккуратную фактуру без признаков спешности изготовления, и только позже их заменяют более мелкие монеты и небрежные перечеканки.

Очень любопытны монеты клада №№ 38—40. Они перечеканены, как сказано, на кружках, настолько превосходящих размером самые монетные штемпеля, что монеты кажутся, на первый взгляд, надчеканенными. Если учесть, что монеты нового типа (Б., XIX, 38) нередко имеют вес не более 1.5 г и что таким образом из большого кружка весом до 4.5 г можно было бы отчеканить две, а то и три небольших монеты нового типа, самый факт применения без разбора больших и малых кружков, без учета их металлического содержания и ценности, свидетельствует о том, что эта монета неполноценная и носит уже чисто условный

характер. К такому же заключению приводит и наблюдение над быстрым падением веса в монетах одного и того же типа, а следовательно и одного номинала. Общий вывод тот, что в городской чеканке Пантикапея неоднократно в течение III в. давал себя чувствовать денежный кризис, вынуждавший к спешному выпуску больших количеств ходячей медной монеты, что, в свою очередь, вызывало обесценение и измельчение этой медной монеты. Причиной было, так же как и в Ольвии, отсутствие в этом периоде в обращении достаточного количества монеты из драгоценных металлов.¹

С последней четверти III в., после выпуска серебряных тетрадрахм с головой Аполлона, а затем с обильным выпуском драхм во II в., этот кризис прекращается. По крайней мере, в медных монетах конца III и II вв. мы не наблюдаем той картины непрерывной смены надчеканок и перечеканок, какую представляют медные серии начала и середины III в. Если упоминаемые ниже клады Анапский и другие свидетельствуют о начале кризиса, то Мирмекийский клад служит воспоминанием об одной из последних волн его. Пока он стоит одиноко, и надо пожелать находки других близких к нему по времени кладов, которые позволили бы проверить сделанные наблюдения и выводы.

¹ С. А. Жебелев (ИАН, 1934, стр. 671) констатирует начало постепенного увядания Боспорского государства со второй половины III в. Быть может, отмеченная бедность драгоценными металлами и обильная чеканка меди служат первыми симптомами надвигающегося экономического упадка.

СПИСОК МОНЕТ МИРМЕКИЙСКОГО КЛАДА 1934 г.

№№ по пор.	Тип — ссылка на каталог Бурачкова (= Б.)	Диаметр, в мм	Вес, в г	№№ по пор.	Тип — ссылка на каталог Бурачкова (= Б.)	Диаметр, в мм	Вес, в г
1	Б., XXII, 153 слл.; надчеканка голова Афины на лиц. ст. . .	22—25	5.90	39	Тот же тип, перечеканена из монеты типа Б., XXII, 165 (рис. 5)	19.5	4.55
2	То же	22	4.65	40	То же (рис. 6)	17.5	2.48
3	Тот же тип, та же надчеканка на лиц. ст.; на обор. ст. надчеканка головы сатира . . .	24	4.95	41	Б., XIX, 51, на обор. ст. ПАНТ, перечеканена из монеты типа Б., XX, 80 (рис. 7)	17	2.24
4	Тот же тип, на лиц. ст. две надчеканки: голова Афины и голова сатира	23	3.83	42	Б., XIX, 38, на обор. ст. надпись неясна	15—16	2.30
5	То же	22	6.02	43	Б., XXII, 161, на обор. ст. надпись ПА	17	2.43
6	Тот же тип, надчеканка головы сатира на лиц. ст.	25	9.01	44	Б., XIX, 51, на обор. ст. надпись ПАНТ	19	2.41
7	То же	24.5	5.82	45	Б., XIX, 38, на обор. ст. надпись ПА (рис. 8)	15	1.90
8	То же	24	3.98	46	Б., XIX, 51, на обор. ст. надпись ПАНТ, перечеканена из монеты типа Б., XXI, 123 (рис. 9)	17.5	2.31
9	Тот же тип, надчеканка головы сатира на обор. ст.	24	6.82	47	Б., XIX, 38, на обор. ст. ПА (рис. 10)	16	2.08
10	То же	24	4.25	48	То же	15—18	1.94
11	То же (рис. 1)	21	3.38	49	Б., XXII, 161, на обор. ст. ПА, перечеканена из монеты типа Б., XXI, 123	15—16	1.79
12	Б., XIX, 51, на обор. ст. ПАНТ	17	5.65	50	То же	13, 5—15	1.48
13	То же	16.5	5.01	51	Б., XIX, 38, на обор. ст. надпись ПАН (?)	14—16	1.56
14	То же	16	4.18	25	То же	15	2.25
15	То же	16.5	4.31	53	Тот же тип, на обор. ст. надпись неясна перечеканена из монеты типа Б., XXI, 123 (?)	14	1.87
16	То же (рис. 2)	15	3.92	54	То же (?)	15	1.93
17	Тот же тип на обор. ст. ПАНТ	17	5.02	55	Б., XIX, 51, на обор. ст. надпись ПАНТ, перечеканка, по из чего?	19	3.45
18	То же	15	5.58	56	Б., XXII, 161, на обор. ст. надпись ПАНТ (рис. 11)	16—19	2.52
19	То же	15	3.75	57	То же (рис. 12)	14—18	1.55
20	То же	18	3.27	58	То же	15	1.62
21	Тот же тип, на обор. ст. надпись неясна	17	5.15	59	Тот же тип, на обор. ст. надпись неясна	16	1.91
22	Тот же тип, обор. ст. очень испорчена	17	2.92	60	Тот же тип, на обор. ст. надпись ПА	15—16	1.49
23	То же, перечеканка (?)	18	3.25				
24	Б., XIX, 38, на обор. ст. ПАН (рис. 3)	13	2.54				
25	Тот же тип, на обор. ст. ПАН	15	1.85				
26	То же	14	1.70				
27	Б., XXII, 161, на обор. ст. ПАН	16	1.95				
28	То же	14—15	2.19				
29	То же	16	2.26				
30	То же	15	1.81				
31	То же	14—16	2.55				
32	То же	15.5	1.84				
33	То же	15	2.63				
34	То же	15	1.88				
35	Тот же тип, надпись неясна	14	1.69				
36	Тот же тип, надпись неясна	16	2.57				
37	Б., XXII, 165, на лиц. ст. надчеканка треножника (рис. 4)	18	3.63				
38	Б., XIX, 38, надпись ПАН, перечеканена из монеты типа Б., XXII, 165 с надчеканкой треножника	18	3.94				

№№ по пор.	Вес, в г	№№ по пор.	Вес, в г	№№ по пор.	Вес, в г	№№ по пор.	Вес, в г
61 ¹	1.77	68	1.45	75	1.43	82	2.40
62	1.89	69	1.97	76	1.95	83	2.41
63	1.67	70	2.02	77	2.22	84	2.20
64	2.05	71	2.30	78	2.07	85	2.36
65	1.51	72	2.23	79	1.28	86	1.20
66	2.23	73	2.00	80	2.32	87	1.35
67	1.97	74	2.42	81	1.93		

¹ Для №№ 61—87, на которых как новые типы, так и следы прежних, совершенно неразборчивы, дается лишь их индивидуальный вес; размеры их колеблются в пределах от 14 до 17 мм.

МАТЕРИАЛЫ

А. Н. ЗОГРАФ

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК ТИРИТАКИ И МИРМЕКИЯ

в 1932—1934 гг.

Раскопки в Керчи за 1932—1934 гг. дали довольно много монетных находок. Общее число нумизматических материалов из раскопок этих годов, просмотренных мною, доходит до 359 экземпляров. Значительное большинство этих монет (271 экземпляр) в различное время, непосредственно после раскопок, поступили для очистки и экспертизы в Государственный Эрмитаж, где они и были определены мною. В июне 1935 г. мне дополнительно были предложены для просмотра 15 монет из раскопок некрополя Тиритаки 1934 г. (№№ 215—229 по списку), предварительно просмотренные и определенные Л. П. Харко, и 72 монеты, находившиеся в Керченском музее, с различных участков, исследованных отрядом Керченского музея в 1932—1934 гг., предварительно просмотренные и определенные Н. П. Кивокурцевым. В обеих последних партиях заключалось достаточное количество монет, еще не чистенных и в силу этого допускавших лишь самые общие определения. Все подобные экземпляры были мною подвергнуты очистке в Отделе Нумизматики Эрмитажа и все определения и датировки, по возможности, уточнены. При этом для датировки царских боспорских монет была использована детальная хронологическая группировка медных монет на основе сличения царских портретов на меди с таковыми же на датированных статерах, проведенная мною в каталоге богатейшего собрания боспорских монет Эрмитажа.

Исчерпывающее представление о составе каждой группы находок в отдельности дадут прилагаемые ниже списки монет с определениями и датами. Здесь отмечу только, что среди находок в тиритакском некрополе решительно преобладают боспорские царские монеты императорского времени; более ранние пантикапейские монеты автономной эпохи попадают лишь sporadически. Что же касается находок на городищах, то и в Тиритаке, и в Мирмекии на большинстве участков наблюдается обратное взаимоотношение, т. е. значительный перевес в сторону монет автономных.

В дальнейшем, при ссылаках на найденные в раскопках монеты будут указаны порядковые

их номера, под которыми они помещены в прилагаемом ниже списке монет (под порядковые номера отведена первая графа списка).

Немногие монеты, происходящие с участка близ б. Иоанно-Предтеченской церкви в самой Керчи, — приличной сохранности и определяются с достаточной уверенностью; по составу эти находки однородны, представляя поздний материал. Наиболее ранняя среди них — № 294 — монета г. Кесарии (переименованного Пантикапея), времени около начала нашей эры.

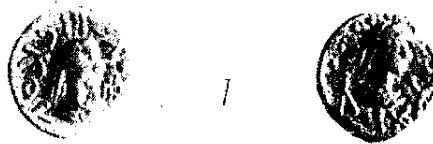

Рис. 1. Боспорская монета времени Рискупорида VI.

Четыре экземпляра — №№ 291, 293, 295 и 296 — монеты поздних боспорских царей Фофорса и Рискупорида VI. Шестая монета (№ 292) оказалась византийской, императора Маврикия-Тиверия (582—602 гг.) и определена Н. П. Бауэром. Отмечаю монету № 295 — деградировавший до чистой меди „статер“ Рискупорида VI, экземпляр хорошей сохранности, но очень грубого исполнения (рис. 1); в силу этого полностью сохранившаяся на нем дата не может быть прочтена с уверенностью.¹ Подобные экземпляры от той же пары штемпелей имеются в собрании Эрмитажа и, включая их в каталог, я принужден был сделать оговорку, что отличия в технике и исполнении от других монет того же царя, так же как и неграмотная передача надписи и даты, заставляют предположить в них если не грубые подделки нашего

¹ Стоит ΔΙΧ; чтению ΔΙΧ или ΔΙΧ препятствует отсутствие достоверных статеров этого царя с этими годами, так как таковые начинаются лишь с 615 г. Боспорской эры. Толкование этой даты как малограмотного подражания подтверждается наличием столь же грубых статеров от того же штемпеля лицевой стороны, носящих на оборотной стороне дату ΔΚΧ (ср. собр. Эрмитажа №№ 189—191).

времени, то какие-либо современные Рискупориду VI подражания. Находка данного экземпляра исключает первую возможность и оставляет лишь вторую.

Среди монет, найденных на тиритакском некрополе (сохранность их неважная) имеется несколько экземпляров автономных III и даже IV вв. до н. э., но преобладают царские боспорские I—II вв. н. э. Из числа последних остануюсь на № 225 — монете с надписью *τῆμαι βασιλέως Κότυρος τοῦ Ἀσπούρου* (Бурачков,¹ XXVII, 112), обычно в силу этого приписываемой правлению Котия I. Между тем, связать эти монеты, носящие знак ценности ΚΔ (24 унции = дупондий), в один ряд выпусков с остальными монетами Котия I (Б., XXVII, 107 сл.), помеченными знаком ΙΒ (12 унций = асс) и не только не уступающими, но в средней цифре даже превышающими их по весу, не представляется возможным. С другой стороны, эти монеты с изображением царских регалий на одной стороне и воинских доспехов на другой так тесно примыкают к наиболее ранним крупным номиналам (знак ΜΗ = 48 унций = сестерций) Рискупориды II (Б., XXVII, 121), что невольно напрашивается мысль о воссоединении их с этими последними в одну серию. Самый смысл надписи, служащей лишь пояснительным текстом к изображенным знакам царского достоинства, не препятствовал бы допущению, что монеты эти чеканены уже после смерти Котия его преемником. Во всяком случае, невозможно допустить появление этих монет ранее 62 г. н. э., к которому относится резкое вмешательство в боспорское монетное дело Нерона, выразившееся в прекращении чеканки монет с царскими монограммами и во введении в обращение впервые на Боспоре взамен прежних ассов (ΙΒ) более крупных номиналов сестерция (ΜΗ) и дупондия (ΚΔ).²

Монеты с городищ Тиритаки и Мирмекия гораздо более разнородны по составу, простираясь от IV в. до н. э. до конца античной эпохи. За эти хронологические пределы выходит лишь монета № 288 из Мирмекия — джучидская монета Хызр-хана (1359—1361 гг.), чеканенная в Сарае (определение О. И. Смирновой). Кроме того, монета № 79 по своей плоской фактуре могла бы быть византийской, но сохранность ее настолько плохая, что никаких следов типа на ней с какой-либо уверенностью разобрать нельзя; только на одной стороне виден как будто контур нимба.

С несколько большей уверенностью определяется, как херсоно-византийская Василия II и Константина XI (?) монета № 207.³ Факт этот тем более заслуживает внимания, что находки этих монет, сколько мне известно, ограничи-

ваются Херсонесом и его ближайшими окрестностями.¹

Сохранность монет из Тиритаки и Мирмекия в общем плохая; экземпляры хорошей сохранности составляют редкие исключения. Правда, количество монет, доставленных в расщепленном или рассыпанном виде и потому не подвергавшихся очистке, или с поверхностью до такой степени разрушенной, что и после очистки определение их оказывалось невозможным, также не очень велико и не превышает обычных для раскопочных материалов с городищ 10—15%. Но зато очень многочисленны монеты, сохранившие лишь такие слабые и незначительные следы типов, что определение их приходится в большей мере основывать на характерных признаках фактуры. Во всех подобных случаях определения в приложенном списке сопровождаются знаком вопроса, как не дающие полной уверенности в их точности.

Все монеты, за исключением № 39, низкопробного биллонового статера, медные; серебряных не попало ни одной. Последнее обстоятельство заслуживает быть отмеченным тем более, что вплоть до конца V в. ту же роль разменной монеты для ежедневного оборота на городских рынках Пантикапея, которую впоследствии стала играть медь, должны были исполнять мельчайшие номиналы серебра, подразделение обола (гемиоболы, тетартемории и гемитартемории). В таких малых серебряных монетках с типом муравья Гиль,² а вслед за ним Орешников предполагали видеть специальную чеканку Мирмекия, в то время как Бертье-Делагард³ не без основания не отделяет их от подобных же монет с типом головы льва, считая и те и другие чеканенными в Пантикапее. Только в случае установления факта, что именно Мирмекий является преимущественным местом находки этих монет с типом муравья, точка зрения Гиля и Орешникова могла бы получить твердую основу.

Естественно, подавляющее большинство среди найденных составляют монеты Пантикапея и именно автономного периода его чеканки, с IV по I в. до н. э.; с них поэтому мы и начинаем обзор монетных находок. Поскольку никакой более или менее систематической хронологической группировки пантикапейской меди в нумизматической литературе не имеется,⁴

¹ Пользуясь здесь случаем исправить досадный, могущий ввести в заблуждение, недосмотр, допущенный в „Списке монетных находок“ (Сообщ. ГАИМК, т. II, стр. 293). Упомянутая там находка херсоно-византийских монет с Голгофой была сделана не при ольвийских раскопках, а при раскопках в Херсонесе 1926 г.

² Ch. Giel. Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands, стр. 24. — Орешников, Нумизм. сборн., III, стр. 50. — Изв. ГАИМК, II, стр. 127 сл.

³ Нумизм. сборн., II, стр. 49 сл., № 61 сл., 73 сл., 79 и др.

⁴ Для серебра она в общих чертах, но без обоснования, дана Бертье-Делагардом в указанной статье (Нумизм, сборн., II).

¹ В дальнейшем будет приводиться зашифрованно — Б.

² Подробнее об этом см. в моей статье о монетной реформе Савромата II [Вестн. древн. ист., 2(3), 1938].

³ Ср.: А. В. Орешников, Труды Моск. нумизм. общ., III, стр. 372, № 59 сл.

нелишним будет, при рассмотрении отдельных групп монет, коснуться мотивов приурочения их к тому или иному отрезку времени.

Наиболее ранними среди найденных монет являются № 100 (тип оборотной стороны — голова барана) и № 107 (тип обор. ст. — голова коня), так как головы сатира на их лицевых сторонах представляют стилистическую стадию в развитии этого типа, предшествующую той, с которой мы встречаемся на первых золотых статерах Пантикапея. Поскольку начало золотой чеканки этого города есть основание относить ко времени около 370 г. до н. э.,¹ выпуск рассматриваемых медных монет можно отнести к началу второй четверти или, вероятнее, еще к концу первой четверти IV в.

Следующую по времени группу составляет серия медных монет,² современная более ранним группам золотых статеров.³ Ее мы можем приурочивать ко второй и третьей четвертям IV в.; выпуск ее был обильным и довольно долговременным. Это доказывается тем, что монеты этой серии в достаточно большом числе имеются в наших собраниях, известны и их находки в кладах.⁴ Серия включает крупный номинал (оборотная сторона — протома грифона), представленный в находках этого года лишь одним экземпляром — № 168, да и то в виду очень плохой сохранности определяемым проблематически, средний номинал (оборотная сторона — протома Пегаса) №№ 95, 177, 227, 228, 245, 260, 277 и ряд мелких номиналов различной величины. Типы оборотных сторон последних: горит с луком (№№ 6, 35, 129, 138, 141, 182, 210, 249 и 282); голова быка (№№ 76 и 118); лук (№№ 137, 176, 184, 275). Ко второй половине IV в. должны быть отнесены и небольшие монеты — №№ 122, 196, 234 — с головой осетра на оборотной стороне, хотя для изящной головы бородатого сатира в плющевом венке они и не находят точной аналогии в золотой чеканке.

Особых замечаний заслуживает следующая группа монет средней величины. Монеты эти с головою быка на обороте (Б., XIX, 35 сл.), по типу головы бородатого сатира без венка на лицевой стороне, непосредственно примыкают к вышеупомянутой серии середины IV в. В то же время в ряде экземпляров эта голова сатира, как и тип оборотной стороны, обнаруживают такие резкие черты детериорации и измельчания типа, что эти экземпляры должны быть отделены от первоначальных значитель-

ным промежутком времени. Таким образом, если начало выпуска этой группы можно предположить еще во второй половине IV в., то, во всяком случае, чеканка ее в значительной мере заходит и в III в.¹ Эта группа представлена в находках 1933—1934 гг. монетами №№ 20, 21, 124, 125, 167, 250, 262, 268, 283.

Наиболее многочисленны как в находках обоих годов, так и вообще в автономной медной чеканке Пантикапея, монеты с типом безбородого сатира на лицевой стороне, имеющие на оборотной стороне либо львиную голову с осетром под ней (Б., XX, 70 сл.), либо лук со стрелой (Б., XX, 73 сл.).

Обилие чеканки и длительность обращения этих монет удостоверяется не только их большим количеством в наших собраниях, но и тем, что они часто носят на себе надчеканки (восьмиконечной звезды на одной стороне и горита на другой), а также целым рядом их находок в кладах.² Время чеканки первой из названных групп (с львиной головой на обороте) — конец IV в. — подкрепляется совершенным совпадением в подробностях головы юного сатира на ее лицевой стороне с головами сатиров на последней, пятой группе золотых пантикапейских статеров.³ Наиболее тщательные по исполнению из числа монет с луком и стрелой на обороте также примыкают непосредственно к этим последним золотым статерам, хотя и воспроизводят те же черты сатира в утрированном виде.

Вероятно, между обеими группами лежит довольно длительный период обращения первой из указанных групп монет в надчеканенном виде, так как именно контрамаркированные экземпляры преобладают в упомянутых кладах. После того чеканятся только монеты с типом лука и стрелы на обороте,⁴ причем быстро нарастает небрежность в их стиле и исполнении и одновременно с этим уменьшается размер и вес монет, опускаясь от средней цифры 8—9 г в наиболее ранних образ-

¹ Такая датировка подтверждается нахождением монет этой группы в перечеканенном виде в кладе, найденном Тизенгаузенем при раскопках в Анапе (ОАК, 1882—1888, стр. XIX) и находящемся в собрании Эрмитажа. Монеты эти перечеканены типами головы юного сатира на лицевой стороне и лука со стрелой — на оборотной, типами, которые в качестве перечеканенных или первоначальных носят и подавляющее большинство монет, встретившихся в кладе. Клад этот подробно исследован Е. О. Прушевской, сделавшей сообщение о нем в Секторе Причерноморья ИИМК в мае 1937 г.

² Из монет этих групп, часто снабженных надчеканками, состоит вышеупомянутый клад, найденный Тизенгаузенем при раскопках в Анапе; три подобных клада от 1869, 1877 и 1879 гг., найденные в Керчи и ее окрестностях, упомянуты в хранящейся в архиве ИИМК рукописи Е. Е. Люденко о керченских монетных кладах.

³ Гильб. Зап. русск. арх. общ., V, табл. IV, 22, 23; ср. в особенности золотую драхму собрания Эрмитажа. — Кенне. Муз. Кочубея, I, стр. 252, № 49.

⁴ Они часто выбиваются на монетах предшествующей группы, причем ясно остаются видными как следы старого типа (голова льва), так и надчеканки.

¹ В дате начала золотой пантикапейской чеканки я решительно расхожусь и с Бертье-Делагардом, и с Редлингом (*Der griechische Goldschatz von Prinkipo. Ztschr. f. Num.* XLI, 1931, стр. 38). Эта чеканка вызвана не возникновением золотой чеканки Филиппа II, а скорее появлением в обращении золотых статеров Лампсака; подробнее об этом в другом месте.

² Б., XIX, 39; XX, 88—93, 96, 97.

³ Ср. Катал. собр. Увар., табл. II, стр. 379.

⁴ Сообщ. ГАИМК, II, стр. 285, № 37.

цах до 1,5—2,5 г в позднейших, наиболее многочисленных монетах этого типа (Б., XX, 80). Не перечисляя здесь всех монет этого типа, встретившихся в раскопках обоих годов, и отсылая за подробностями к приложенному ниже списку, отмечу только число монет каждой группы. Монет первой группы (оборотная сторона — голова льва) встретилось в 1934 г. на обоих городищах 10 экземпляров, второй группы (оборотная сторона — лук и стрела) первоначальных и переходных по стилю и размеру — 15 экземпляров. О наличии или отсутствии надчеканки, в силу плохой сохранности монет, не всегда можно с уверенностью говорить.

Монет второй группы, малого размера и небрежного стиля (Б., XX, 80), найдено в 1933 г. 5 экземпляров, в 1934 г. на обоих городищах всего не менее 33 экземпляров. При этом нельзя не отметить, что в ряде случаев скопления монет в пределах одного участка и слоя почти сплошь состоят из этих последних монет и таких, которые или прямо перечеканены из них, или непосредственно примыкают к ним по фактуре. Таковы находки из Тиритак 1934 г.: раскоп VI, квадрат б-з и 2-в, слой II — №№ 86—93; раскоп VI, квадрат б-з, слой II — №№ 95—100; раскоп VI, квадрат б, слой II — №№ 131—135; раскоп VI, квадраты 12—13, слой II — №№ 151—168.

О сроке, в течение которого завершился этот процесс понижения веса, мы, к сожалению, за отсутствием твердых данных не можем говорить с уверенностью. Можно лишь с одной стороны указать на аналогию ольвийских монет с типом „Борисфена“, где подобный же процесс понижения веса, правда, приблизительно лишь наполовину против первоначального, происходит, повидимому, в течение второй и третьей четверти III в. Аналогию ольвийских „Борисфенов“ тем более нельзя обойти молчанием, что в этой группе монет так же, как и в рассматриваемых пантикапейских, позднейшие маловесные серии запечатлены особыми характерными признаками фактуры. Эти признаки: скошенный край, присутствие литников с обеих сторон со следами отруба, причем нередко на одной стороне монетного кружка литник значительно выдается, с другой же обрублен даже кусок самого кружка,¹ что свидетельствует о необычайной неаккуратности и спешности, с какой уже после чеканки разрубались связанные между собой литниками полосы монетных кружков, прямо из литейных форм поступавшие под штемпеля.

С другой стороны, эти небольшие пантикапейские монеты с типом лука и стрелы на оборотной стороне подверглись дважды также чрезвычайно спешной перечеканке без заботы об изглаживании прежних типов. Типы пер-

вой перечеканки: голова Аполлона на лицевой стороне и треножник на оборотной (Б., XXI, 123 сл. — в находках 1933—1934 гг., №№ 104, 112, 157, 159, 214). Типы второй перечеканки: голова бородатого сатира на лицевой стороне и те же лук и стрела — на обороте (Б., XIX, 51, XXII 161, — в находках 1933—1934 гг., №№ 194 и 280), а также номера описи Д 3511—3521, относящиеся к Мирмекийскому кладу, которому посвящена особая статья (см. выше).

Кроме того теми же признаками фактуры — скошенным краем и обязательным присутствием следов литников — обладают еще две группы пантикапейских монет. Одна носит на лицевой стороне тип головы Аполлона, на оборотной орла с распушенными крыльями и нередко имеет прямоугольную надчеканку с изображением треножника (Б., XXII, 163 сл.,¹ в находках этих годов №№ 103, 120, 134, 149, 153, 206, 217, 235). Другая имеет на лицевой стороне тип головы Посейдона, на оборотной — проры и часто носит круглые надчеканки с головой Афины или сатира (Б., XXII, 153 сл.) — № 204 в находках этих лет и ряд экземпляров в составе Мирмекийского клада.

Близость между собой всех перечисленных групп по времени, в силу указанных соображений, более чем вероятна. Состав Мирмекийского клада позволяет установить последовательность выпуска этих групп. Для абсолютной датировки их, однако, мы пока еще не имеем достаточных данных и можем намечать ее лишь очень приблизительно. Можно думать, что вышеуказанный процесс дегенерации монет с типом головы юного сатира и лука со стрелой на обороте (Б., XX, 74) в маленькие монеты того же типа (Б., XX, 80, 94, 95) завершается в течение второй четверти III в. до н. э., и к концу ее и около середины III в. эти монетки продолжают курсировать лишь в перечеканенном виде типами головы Аполлона и треножника (Б., XXI, 123 сл.), и рядом с ними входят в обращение монеты с головой Аполлона и орла (Б., XXII, 163 сл.). В этих двух группах монет, таким образом, впервые систематически применяется тип головы Аполлона, начиная со II в. приобретающий господствующую роль в пантикапейском монетном деле. В течение третьей четверти III в. эти две группы сменяются в обращении вышеуказанными монетами с головой Посейдона и пророй (Б., XXII, 153 сл.) и с головой бородатого сатира и луком со стрелой (Б., XIX, 51; XXII, 161 и XIX, 38), причем последние часто представляют дальнейшие перечеканки монет вышеотмеченного типа (Б., XX, 80). Эти две группы наиболее обильно представлены в Мирмекийском кладе.

В значительном количестве встретились монеты малого размера следующих двух групп:

¹ См. мою статью в „Numismatik“, I (1932), № 3. Отличие пантикапейской техники от ольвийской заключается лишь в том, что резы полукруглого сечения для разрубания кружков в Пантикапее, повидимому, не применялись.

¹ У Бурачкова всюду голова лицевой стороны этих монет неправильно изображается с бородой, как голова Зевса.

1) голова быка на лицевой стороне и плуг с колосом на оборотной (Б., XXIII, 187 сл. — №№ 70, 117, 251, 259, 261, 273) и 2) голова Афины на лицевой стороне и нос корабля на оборотной (Б., XXII, 175, №№ 12, 14, 85, 123, 128, 256, 271, 281). Относительно этой второй группы мы едва ли ошибемся, если признаем в ней малый номинал к крупным монетам с тем же типом оборота и с головой Посейдона на лицевой стороне (Б., XXII, 153), о которых только что говорилось. Отсутствие их в Мирмекийском кладе едва ли может послужить серьезным аргументом против этого предположения, так как эти мелкие монеты могли считаться не заслуживающими накопления. Что касается первой группы, то как расположение надписи, так и некоторые моменты в ее типологии, связывающие ее с монетами IV в. и золотыми статерами (голова быка, колос), говорят, казалось бы, за значительно более раннюю дату. Однако, разделять эти две группы значительным промежутком времени и отодвигать их далеко назад не позволяет то обстоятельство, что монеты обеих групп нередко служат материалом для перечековки монеты с типом треножника на лицевой стороне и восьмиконечной звезды на оборотной (Б., XXI, 130), которые и по типам, и по распространенной форме передачи городского имени — *ΠΑΝΤΙΚΑΠ* (*παντων*) — и по фактуре, в тех случаях, когда они не перечеканены, несомненно, принадлежат уже в полной мере II в. Одна монета этого типа также обнаружена в находках 1934 г. (№ 113).

К концу III и началу II в., по всей вероятности, принадлежат монеты с типом головы бородатого сатира в плющевом венке на лицевой стороне и рогом изобилия между двумя шапками Диоскуров — на оборотной (Б., XIX, 55, 56), №№ 15, 55, 229, 242 и 278 в находках 1933—1934 гг. Они не имеют признаков фактуры, характерных для первой половины и середины III в.; напротив, своим ровным кружком с прямым краем они приближаются к несомненным монетам II в. Форма надписи находит аналогию в серебряных тетрадрахмах с головой Аполлона (Б., XXI, 103), относящихся к концу III в. Не противоречит датировке границей III и II вв. также их плоскостной, сухой, графический стиль. Правда, тип оборотной стороны их — рог изобилия между шапками Диоскуров — совпадает с монетами городов Понта и Пафлагонии,¹ датируемыми Имхоф-Блумером временем детства Митридата VI. Однако думаю, что здесь мы имеем чисто случайное совпадение, тем более, что есть налицо другие пантикапейские монеты, падающие на эти годы. С другой стороны, Гиль² указывает на присутствие этих монет в одном кладе с упоминавшимися нами перечеканками (Б., XXI, 123 сл.), которые мы датировали серединой III в. Однако,

поскольку Гиль упоминает о нахождении в том же кладе и серебряных драхм, весь состав клада, поступившего к нему через третьи руки, приходится подвергнуть сомнению. Маленькие монеты с типом головы юного сатира в плющевом венке на лицевой стороне и одних шапок Диоскуров на оборотной (надпись также *ΠΑΝΤΙ* — Б., XX, 81 — в находках этих лет №№ 126, 248 и 254) вне всяких сомнений составляют с рассматриваемыми монетами одну серию.

Монеты II в. характеризуются господством головы Аполлона в качестве типа лицевой стороны и типическими признаками фактуры — плоским плотным кружком с ровным прямым краем. Их встретилось довольно значительное количество: в 1933 г. №№ 19 и 41 и в 1934 г. до двух десятков экземпляров (см. список). Преобладают, правда, малые номиналы, преимущественно с типом горита на оборотной стороне (Б., XXI, 114 сл.). Крупным номиналом той же серии (Б., XXI, 113) могла бы быть лишь монета № 109, хотя и в этом случае, в виду неудовлетворительной сохранности, не исключена возможность, что мы имеем одну из носящих также голову Аполлона на лицевой стороне монет митридатовской эпохи.

Что рассмотренная серия монет обращалась в середине и второй половине II в. и явилась непосредственной предшественницей выпусков митридатовского времени, свидетельствуется как их общей типологической и фактурной близостью с этими последними, так и нахождением их в кладах монет митридатовской эпохи.¹

В правление Митридата города Боспорского царства, Пантикапей, Фанагория и Горгиппия, выпускают одновременно медные и низкопробного серебра монеты одних и тех же типов, различающиеся лишь именами городов. Эта единообразная чеканка, в типах (Дионис, плющевый венки, пасущийся олень) отражающая несомненное митридатовское влияние, находит совершенную аналогию в производившихся одновременно с ними в многочисленных городах Понта и Пафлагонии столь же однотипных выпусках городской меди.

Эти выпускавшиеся, без сомнения, по предписанию самого Митридата и служившие прямым дополнением к статерам и тетрадрахмам с царским именем² медные серии городов Понтийского царства обстоятельно исследованы Имхоф-Блумером³ и разбиты им на семь последовательных групп, распространяющихся на все время правления Митридата. По аналогии с ними, опираясь на элементы сходства

¹ Ср. клад, извлеченный землечерпалкой со дна Керченской бухты, описанный Шкорпиллом в отчете Арх. комиссии от 24 IV 1910 г. за № 77.

² Необходимо обратить внимание на преобладание в этих сериях крупных номиналов меди (оболов и тетрадрахм), непосредственно соприкасающихся по ценности с серебром, и незначительное количество в их среде более мелкой меди.

³ Numism. Ztschr., XLV (1912), стр. 183.

¹ Numism. Ztschr., XLV (1912), стр. 172; тб. I, 1 сл.

² Зап. Русск. арх. общ., V, стр. 350.

в фактуре и типах, можно группировать и серии боспорских городов. Однако на Боспоре такого дробного деления провести нельзя, и отчетливо вырисовываются лишь три группы, падающие соответственно на: 1) последние два десятилетия II в., 2) первую четверть I в. и 3) последнее десятилетие правления Митридата и правление Фарнака.

К первой хронологической группе относится среди пантикапейских монет лишь тетрахалк № 178 (типы: бюст Артемиды — олень); впрочем, в виду плохой сохранности, не позволяющей прочесть надпись, эта монета могла бы относиться и к Фанагории, чеканившей монеты с теми же типами. Ту же оговорку в силу неудовлетворительной сохранности приходится повторить и о монетах второй хронологической группы, №№ 102 и 108 (типы: голова Аполлона — треножник с тирсом), тем более, что подобные монеты выпускались одновременно всеми тремя городами Боспорского царства.

К несомненно пантикапейским монетам последнего хронологического периода принадлежат №№ 31, 121, 201 и 236 — крупные монеты (оболы) с типом головы Аполлона на лицевой стороне и орла на молнии на оборотной (Б., XXI, 138 сл.). Подобные монеты в Фанагории и Горгиппии не чеканились, быть может, потому, что именно в эти годы, повидимому, особенно широко развивается выпуск администраторами или агентами Митридата в одном из городов Боспорского царства лишенных городского имени, но снабженных различными монограммами медных оболов с типами головы Диониса на лицевой стороне и богато украшенного горита на оборотной (Б., XXIII, 25 сл.).¹ Три монеты этой последней группы мы также имеем в находках (№№ 114, 226 и 255).

От времени правления Асандра встретились два медных обода — №№ 146 и 241, а также один тетрахалк, № 38, чеканенных или, вернее, наспех перечеканенных им из митридатских монет, еще с титулом архонта, и три пантикапейских городских монеты его времени — №№ 164, 174, 240 (ср. также № 25), фрагментированных и очень неудовлетворительной сохранности, в силу чего определяемых больше по признакам фактуры.

¹ Такой предложенный Имхоф-Блумером (Griech. Münzen, стр. 44) взгляд на эти монеты, безусловно, заслуживает предпочтения перед попытками, исходя из преимущественных находок на Тамани, причислять их к городским монетам Фанагории. Совершенно непонятное и неубедительное применение к ним термина „земские монеты“ Бертве-Делагардом (Зап. Одесск. общ. ист. и древн., XXIX, стр. 118, прим. 1) может быть объяснено лишь настойчивым стремлением этого автора в полемике с А. В. Орешниковым, не ограничившись правильным тезисом, что монеты с монограммой из букв В, А, Е не могут принадлежать Митридату VI, доказать, что он и вообще не нуждался в выпуске своей медной монеты. На деле, параллельная чеканка городской и царской медной монеты, как преследующих различные цели, представляет характерную черту боспорского монетного дела в продолжение I в. до н. э. и около начала нашей эры.

Монеты различных боспорских царей императорского времени, начиная с нескольких, снабженных монограммой из букв В, А, Е (№№ 208, 213 и 239), и кончая монетами последнего царя Рискупорида VI, не столь многочисленны. Они вкрапливаются на обоих городищах среди другого нумизматического материала, попадая преимущественно в верхних слоях, и преобладают только в находках некрополя. Не перечисляю их здесь, отсылая к списку, в котором даны по возможности точные датировки их.

Среди встретившихся при раскопках 1934 г. иногородних монет (в 1933 г. таковых не оказалось ни одной) естественно первое место по количеству занимают монеты Фанагории. 5 экземпляров (№№ 77, 175, 186, 264, 274), в том числе три, разделяющие тип лицевой стороны — голову бородатого сатира — с вышеупомянутыми пантикапейскими перечеканками второй половины III в., относятся ко второй половине III — началу II в. до н. э. Типы их оборотных сторон либо те же, что и в Пантикапее — лук и стрела (Б., XXIII, 9 сл.), либо виноградная кисть (Б., XXIII, 22).¹ Не оставляет сомнений в своей принадлежности Фанагории, в виду достаточно ясных следов надписи, № 263 — тетрахалк второй хронологической группы времени правления Митридата (см. выше).

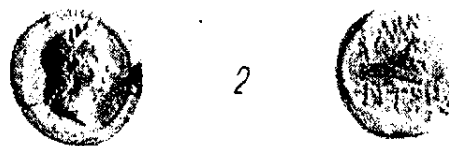

Рис. 2. Монета Фанагории I в. до н. э.

Ко времени Асандра относится № 144 — экземпляр очень хорошей сохранности (рис. 2). Наконец, Мирмекий дал три экземпляра (№№ 243, 253, 289) монет Фанагории, переименованной в Агриппию, датированных временем около начала нашей эры.

Рис. 3. Монета Диоскуриады I в. до н. э.

Монеты Диоскуриады представлены тремя экземплярами (№№ 75, 110 и 231), второй прекрасной сохранности (рис. 3), единственно известного типа монет этого города: шапки Диоскуров на лицевой стороне и тирс на оборотной. Выпуск их относится ко времени Митридата.

¹ В последнем случае лицевая сторона — голова Диониса — у Бурачкова неверно воспроизводится во фригийской шапке.

Встретилось 6 экземпляров монет, принадлежащих митридатовской чеканке городов Понта и Пафлагонии. Монеты эти, благодаря присутствию в их среде типов, поддающихся точной датировке, детально и убедительно, как указывалось, классифицированы Имхоф-Блумером. Монеты №№ 26 и 106, две монеты Амиса с типом бюста Артемиды на лицевой стороне и треножника на оборотной относятся к ранней группе этой чеканки (120—111 гг. до н. э.). № 197 — монета Амиса с типом головы Ареса на лицевой стороне и меча на оборотной — входит в состав третьей группы этой чеканки (111—105 гг. до н. э.). № 150 — монета какого-то города Понта или Пафлагонии (точно, в виду неясности имени города, определить нельзя, типы: эгида на лицевой стороне и Ника на оборотной) — принадлежит четвертой группе этой чеканки (105—90 гг.). Монеты № 94 (Синопа) и № 247 (Амис) представляют тетрахаалки с типами головы Зевса на лицевой стороне и орла на молнии на оборотной и принадлежат самой поздней группе, занимающей последнее десятилетие правления Митридата.

Это распределение монет по группам заслуживает внимания. Само по себе присутствие среди находок в окрестностях Керчи монет понтийских городов митридатовского времени не заключает в себе ничего неожиданного. При обзоре монет, найденных в Ольвии во время раскопок 1926 г., мне приходилось указывать, что на всем северном Черноморье среди находимых там монет городов малоазийского побережья монеты митридатовской эпохи количественно резко выступают вперед, свидетельствуя тем самым об оживлении связи с Малой Азией именно в эту эпоху. Но там же я отметил, что в Ольвии, насколько позволяют судить нумизматические материалы из раскопок, в пределах этих монет митридатовской эпохи решительно преобладают монеты более ранних групп, по датировке Имхоф-Блумера относящихся к 111—90 гг. и, напротив, отсутствуют монеты второй половины правления Митридата — времени самих митридатовских войн. Это приводит к предположению, что в Ольвии наиболее тесные отношения с Малой Азией установились в период, непосредственно следовавший за экспедицией Диофанта, когда борьба с Римом еще только подготавливалась.

Коснувшись там же Керчи, я мог лишь заметить, что недостаточно детальная имеющаяся в литературе регистрация находок митридатовских монет в Керчи и ее окрестностях не позволяет судить о действительном распределении их по группам. С другой стороны, распространенность в их среде также монет и последней поры правления Митридата вытекает уже из того факта, что монеты архонта Асандра столь же часто, если не чаще, чем из более ранних, оказываются перечеканенными именно из этих последних серий монет понтий-

ских городов митридатовского царствования, причем Амис и Синопа особенно часто доставляют материал для этих перечеканок.

Монетные находки всего трех лет раскопок, конечно, еще недостаточны для окончательного вывода; все же вышеуказанное распределение монет по группам, повидимому, подтверждает мое предположение.¹

Интересна монета № 27, представляющая варварское подражание римскому императорскому денарию. Монеты эти часто встречаются в Керчи, на Таманском полуострове и на прилегающей к нему части северо-западного Кавказского побережья. Довольно хороший подбор этих монет в собрании Эрмитажа,² дающих ряд последовательных стадий извращения исходного типа, позволяет с некоторой долей вероятности предполагать, что образцом для этих подражаний послужили денарии Септимия Севера с типом Марса Победителя.³ Этим самым определяется и вероятная дата их — первая половина III в. н. э.⁴

В круг иногородних нумизматических материалов входит и медный „дельфинчик“ (№ 279), найденный в Мирмекии — насколько мне известно, первый случай находки такого в окрестностях Керчи. Оговорюсь, что вопрос о денежном назначении ольвийских дельфинов далеко нельзя еще считать окончательно решенным,⁵ и сведения о находках их за пределами ближайших окрестностей Ольвии могли бы сыграть некоторую роль на пути к его разрешению. Упомянутый дельфин, имеющий обе стороны рельефные и лишенный надписи, принадлежит к четвертой группе (D) принятой мною в каталоге ольвийских монет Эрмитажа классификации дельфинов, группе, отливку которой можно предполагать, начиная с V в. до н. э.

Остановлюсь еще на двух номерах, выходящих из общего ряда нумизматических находок. № 84 представляет, повидимому, гладкий монетный кружок, который по своей совершенно плоской и в то же время плотной фактуре, вероятнее всего, мог бы принадлежать I в. до н. э. или I в. н. э. При значительной высоте

¹ Поскольку вышеупомянутая статья с обзором монетных находок при раскопках в Ольвии 1926 г. не была напечатана, подготовленная для нее сводка находок монет городов понтийского царства на северном Черноморье, пополненная новыми данными, перенесена в статью: „Находки понтийских монет митридатовского времени в Ольвии“ — Институт Археологии АН УССР, Ольвия, т. I, Киев, 1940, стр. 293 сл. В этой же статье подведены итоги более многочисленных находок понтийских монет при раскопках Боспорской экспедиции за 1935—1938 гг. Эти данные решительно подтверждают преобладание в находках на Боспоре монет Амиса и Синопы последней хронологической группы.

² Ср. Орешников. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1892, стр. 35 сл., табл. III.

³ H. Cohen. Monnaies impériales. IV, p. 37, №№ 320—324.

⁴ Орешников (ук. соч.) по другим соображениям датирует их более поздним временем.

⁵ Литературу см. в статье Голубцова (ИАК, 51).

и отчетливости рельефа античных монет стирание их от обращения до такой степени, чтобы всякие следы типа на их поверхности изглаживались, представляется маловероятным; однако, среди римских императорских монет подобные случаи можно наблюдать. Небезинтересно было бы подвергнуть этот кружок обработке по способу Верхаса,¹ позволяющему восстанавливать изображения совершенно стертых монет в тех случаях, когда поверхность их остается гладкой и не разрушена процессом окисления; этому условию указанный кружок отвечает.

Небольшая монета № 173, несмотря на хорошую сравнительно сохранность, представляет загадку. Лицевая сторона ее дает отчетливо видимый профиль головы вправо, и из пантикапейских монет ее скорее всего можно было бы сопоставить с головой Афины на монетах типа Б., XXII, 176, неоднократно встретившихся в раскопках обоих годов. К сожалению, в силу резкого смещения штемпеля влево, левая сторона типа на монете не вышла, и в наличии шлема нет уверенности. В то же время на оборотной стороне виден ряд углублений различной величины и формы, создающих впечатление, что она оттиснута рельефным штемпелем. Наиболее естественно было бы предположить, что монета представляет так наз. случайный „*punctus incusus*“ — результат застревания отчеканенной монеты в верхнем, предназначенном для типа оборотной стороны штемпеле, в силу чего эта застрявшая монета оттискивает на оборотной стороне следующего положенного на наковальню кружка тот же тип лицевой стороны, но во вдавленном виде.² Такие случайные *incusi* особенно часто попадают среди серебряных монет плоской фактуры — римских денариев и монет греческих городов, рано

усвоивших римскую технику чеканки, как Массилия и Диррахий. В кругу медных монет подобные случаи наблюдаются в императорскую эпоху; в собрании Эрмитажа имеются две таких медных монеты Митридата VII (№№ 28, 51). Таким образом, среди греческих монет III—II вв. до н. э. это было бы необычным явлением. Добавлю, что малый размер и смещение штемпеля лицевой стороны не позволяют убедиться в том, что оборотная сторона ее представляет точный негатив рельефа лицевой, а этого в виду возникновения подобных случайных „*puncti incusi*“ в процессе работы одной парой штемпелей, необходимо было бы ожидать.

В нижеследующем списке монет находок 1932, 1933 и 1934 гг. в целях краткости, во избежание повторения описаний, определения даются путем ссылки на соответствующие изображения в изданиях. Наиболее часто встретятся ссылки на „Общий каталог“ Бурачкова, которым, несмотря на изобилие ошибок и неточностей (оговаривать все их невозможно) и бессистемность расположения материала, за отсутствием *Corpus'a* или более нового атласа монет Черноморья, все еще приходится пользоваться. В графе „Определение монет“ имя города помещается лишь в том случае, если монета не принадлежит Пантикапею и не является царской боспорской. Для пантикапейских автономных монет в этой графе прямо дается ссылка на Бурачкова, для царских боспорских — имя царя со следующей затем ссылкой на тип, или датой.

Для монет последних боспорских царей, отсутствующих у Бурачкова и вообще в значительной мере еще не изданных, представляющих деградировавшие, т. е. сохранившие внешность прежних золотых статеров, но со времени Тейрана чеканящиеся уже из чистой меди, статеры, дается точная или приблизительно установленная дата их.

¹ Ср. ИАК, 33, стр. 137 сл.

² Ср. М. Bahrfieldt Berl. Münzbl., XXV (1904), стр. 438.

СПИСОК МОНЕТ,

НАЙДЕННЫХ ПРИ РАСКОПКАХ ТИРИТАКИ, МИРМЕКИЯ И В КЕРЧИ В 1932—1934 гг.

№№ по пор.	№№ монет по инвентарным описям	Определение монет	Датировка	Диаметр в мм	Вес в г	Сохранность	Место находки
1	2	3	4	5	6	7	8

ТИРИТАКА

1932 г.

Участок раскопок (I) крепостной стены и комплекса рыбозасолочных ванн

1	1	Б., XX, 88	Ок. серед. IV в. до н. э.	16	3.59	п.	Случайная находка
2	2	Б., XXII, 161	3-я четв. III в. до н. э.	14—16	1.88	с.	То же
3	3	Фофорс, деград. статер	301 г. н. э.	18.5	6.99	п.	"
4	16	Б., XXII, 151 (?)	II в. до н. э.	11	1.69	с.	I, сл. II, крепостная стена п ^о 1
5	72	Аспург, Б., XXVI, 84	14—37 гг. н. э.	20	6.87	п.	I, сл. I, крепостная стена п ^о 1
6	96	Б., XX, 90 (?), обломана	Ок. серед. IV в. до н. э.	9—12	0.65	б.	I, сл. II, крепостная стена п ^о 1
7	103	Б., XX, 70 (?)	Кон. IV в. до н. э.	20	4.55	о. п.	I, ванна п ^о VI
8	108	Аспург, Б., XXVI, 87	37—40 гг. н. э.	20	4.35	п.	Там же
9	246	Б., XXI, 114	II в. до н. в.	12—13.5	2.72	с.	I, сл. II
10	250	Савромаг I, ср. Б., XXVIII, 159	103—108 гг. н. э.	25.5	8.25	с.	I, сл. I

1933 г.

Участок раскопок городища (V—VI) с восточной стороны насыпи

11	132	Б., XX, 80, 94, 95	2-я четв. III в. до н. э.	12×15.5	—	о. п.	V, кв. 2, сл. I
12	133	Б., XXII, 176	2-я пол. III в. до н. э.	13	1.39	п.	То же
13	191	Б., XX, 80, 94, 95	2-я четв. III в. до н. э.	14×17	1.93	о. п.	V, кв. 2 ю, сл. II
14	306	Б., XXII, 176 (?)	2-я пол. III в. до н. э.	13	2.21	б.	V, кв. 4 в, сл. I
15	370	Б., XIX, 55, 56	Кон. III — нач. II в. до н. э.	18	4.27	с.	То же
16	375	Б., XX, 80, 94, 95	2-я четв. III в. до н. э.	15	1.39	о. п.	V, кв. 4 в, сл. II между стенами п ^о 8 и 14
17	375	Рискупорид VI, деград. статер	20-е гг. IV в. н. э.	20	6.80	п.	V, кв. 4 в, сл. II
18	386	Фофорс, деград. статер	595 (?) г. б. э. = 298 г. н. э.	19	7.61	п.	V, кв. 4 в, сл. I
19	427	Б., XXI, 114	II в. до н. э.	11.5	1.30	п.	То же
20	474	Б., XIX, 35, слл.	Кон. IV — 1-я четв. III в. до н. э.	17	2.26	б.	V, сл. II, при зачистке сев. борта
21	488	Б., XIX, 35, слл.	Кон. IV — 1-я четв. III в. до н. э.	17	3.52	о. п.	То же
22	550	Рискупорид V, медн. мон.	Ок. 547 г. б. э. = 250 г. н. э.	23	6.05	х.	Случайная находка
23	551	Рискупорид VI, деград. статер	617 г. б. э. = 320 г. н. э.	19	6.80	с.	То же
24	618	Б., XX, 70 или 73 слл.	Кон. IV — нач. III в. до н. э.	17—20	—	б.	"
25	949	Б., XXI, 132	3-я четв. I в. до н. э.	19	4.38	с.	VII, кв. 1, сл. I
26	60	Амис, Babelon-Reinach, Rec. Gén., тб., VII, 13 (?)	120—111 г. до н. э.	10—12	1.12	о. п.	VI, кв. 1, вымостка п ^о 1
27	621	Варварское подражание римскому денарию северовской эпохи (ср.: Орешников, Матер. по нум. Черном. поб., тб. III, 42 слл.)	1-я пол. III в. н. э.	14—18	1.00	с.	VI, кв. 1, сл. III
28	700	Б., XX, 94, 95 (?)	2-я четв. III в. до н. э.	10	0.94	б.	VI, в печи у зап. борта

Примечания. 1) В графе „Сохранность“ приняты следующие сокращения: х. — хорошая, с. — средняя, п. — плохая о. п. — очень плохая, б. — безнадежная.

2) В графе „Место находки“ — на первом месте цифрой или буквой обозначается участок раскопок.

1	2	3	4	5	6	7	8
Участки раскопок городища (II—IV) с западной стороны насыпи							
29	38	Б., XX, 74	Нач. III в. до н. э.	20	6.24	п.	II, кв. 3, сл. II
30	45	Римитаалк, ср. Б., XXIX, 188	131—154 гг.	24	8.37	п.	То же
31	89	Б., XXI, 138 слл.	70—60-е гг. — I в. до н. э.	26	13.85	с.	IV, кв. 1, сл. II
32	91	Неопред. (? моногр. В, А, Е — Б., XXIV, 23, но слишком тонка)	Ок. нач. н. э. (?)	18.5	1.89	б.	IV, кв. 1, сл. I
33	94	Воспор, царская	II — нач. III в. н. э.	25	7.65	б.	IV, кв. 1, сл. II
34	104	Котий I, Б., XXVII, 110	45—54 гг. н. э.	21	4.87	о. п.	IV, кв. 2, сл. I
35	110	Б., XX, 91	Ок. серед. IV в. до н. э.	13	1.70	с.	То же
36	114	Б., XX, 80 (?)	2-я четв. III в. до н. э.	16—18	1.90	о. п.	"
37	120	Савромат I, Б., XXVIII, 149	103—112 гг. н. э.	26	10.87	с.	"
38	126	Асандр, Б., XXV, 48	3-я четв. I в. до н. э.	20	6.87	п.	"
39	196	Рискупорид V, деград. статер низкопробного биллона	251 г. н. э.	19	6.65	п.	II, кв. 4, сл. I
40	205	Рискупорид III, Б., XXXII, 283	210—228 гг. н. э.	22	9.30	с.	То же
41	210	Б., XXI, 114	II в. до н. э.	12	2.20	с.	"
42	286	Римитаалк, Б., XXIX, 188	140—154 гг. н. э.	22	7.27	с.	II, кв. 8, сл. I

Раскопки некрополя

43	23	Римитаалк, Б., XXIX, 188	131—136 гг. н. э.	23—26	8.71	с.	Мог. № 1
44	24	Савромат II, Б., XXXI, 246 слл.	Ок. 190 г. н. э.	26	11.30	с.	" № 1
45	126	Котий II, ср. Б., XXIX, 172	123—125 гг. н. э.	22	5.62	п.	" № 2
46	127	Рискупорид III, ср. Б., XXXI, 274, с надчек. головы Каракаллы	210—220 гг. н. э.	27	9.00	с.	" № 2
47	128	Рискупорид II, Б., XXVII, 122 (м. б. и Савромат I)	68—92 гг. (?) н. э.	26.5	10.55	п.	" № 2
48	585	Аспург, Б., XXVI, 84	14—37 гг. н. э.	20	5.91	с.	" № 7, 3-й гроб
49	586	Котий I, ср. Б., XXVII, 107 слл.	45—54 гг. н. э.	23.5	6.20	п.	" № 7, 3-й гроб
50	587	Кесария, Б., XXIII, 1-е	Кон. I в. до н. э.	21—23	5.50	п.	" № 7, 3-й гроб
51	588	Савромат I, ср. Б., XXVIII, 158.	Ок. 117 г. н. э.	22—26	7.87	"	" № 7, близ 3-го гроба
52	589	Рискупорид V, ср. Б., XXXII, 306	Ок. 250 г. н. э.	19.5	5.22	"	" № 7, 4-й гроб
53	590	Фарсанз, деград. статер	253 г. н. э.	20	5.90	п.	" № 7, 4-й гроб
54	661	Фофорс, деград. статер	302 г. н. э.	20	6.67	с.	" № 8, костяк 1
55	658	Б., XIX, 56	Кон. III в. — нач. II в. до н. э.	17	3.95	о. п.	" № 8, костяк 2
56	659	Фофорс, деград. статер	290 г. н. э.	19	6.70	с.	" № 8, костяк 2
57	660	Рискупорид VI, деград. статер	323 и сл. гг. н. э.	19.2	6.72	п.	" № 8, костяк 3
58	662	Рискупорид VI, деград. статер	318—332 гг. н. э.	20	7.22	п.	" № 8, костяк 5
59	663	Рискупорид VI, деград. статер	326 г. н. э.	18—20	6.35	с.	" № 8, костяк 6

Могилы, вскрытые строительными работами под наблюдением Керченского музея

60	22a	Евпатор, Б., XXIX, 198	154—160 гг. н. э.	23	9.37	х.	Мог. № 6
61	226	Римитаалк, Б., XXIX, 188	131—136 гг. н. э.	20—22	6.22	с.	" № 6
62	56	Б., XXII, 114	II в. до н. э.	12.5	2.56	с.	" № 15
63	—	Аспург, Б., XXVI, 86 (?)	14—37 гг. (?) н. э.	22	4.15	о. п.	" № 16
64	155	Римитаалк, Б., XXIX, 188	131—136 гг. н. э.	25	9.48	с.	" № 31
65	178	Аспург, Б., XXVI, 88	37—40 гг. н. э.	23	8.85	п.	" № 35

(Продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8
66	203а	Савромат I, ср. Б., XXVIII, 160	100—104 гг. н. э.	27	9.65	о. п.	Мог. № 40
67	203б	Савромат II, ср. Б., XXXI, 249 сл.	196—210 гг. н. э.	24	5.24	с.	„ № 40
68	221	Рискупорид V, ср. Б., XXXII, 308	Ок. 250 г. н. э.	18	5.78	п.	„ № 42

1934 г.

Участки раскопок городища (V—VI) (опись А)

69	21	Савромат I (?); л. ст., Б., XXVIII 165; об. ст., Б., XXVIII, 166	93—117 гг. н. э.	21—28	5.35	о. п.	V, кв. 6, сл. I
70	83	Б., XXIII, 187, сл. (?)	1-я пол. III в. до н. э.	12.5	1.80	о. п.	V, кв. 6, сл. II
71	392	Рискупорид VI, деград. статер	618 г. б. э. = 321 г. н. э.	20	5.70	с.	V, случайная находка
72	429	Рискупорид VI, деград. статер	624 г. (?) б. э. = 327 г. н. э.	20.5	6.67	с.	VI, кв. 2 сл. I
73	591	Фофорс, деград. статер	583 г. б. э. = 286 г. н. э.	20	6.95	х.	VI, кв. 3, сл. I
74	719	Б., XX, 80, перечек. ср. XXI, 123	Ок. серед. III в. до н. э.	13.2—15	0.92	п.	VI, кв. 1 и 5, сл. II, вымостка п ^о 2
75	720	Диоскуриада, Кене, Муз. Коч. I, 435 (?)	1-я четв. I в. до н. э.	14	1.87	о. п.	То же
76	721	Б., XX, 90 (?)	2-я пол. IV в. до н. э.	10	0.40	о. п.	„
77	729	Фанагория, Б., XXIII, 9 сл. (?)	Кон. III — нач. II в. до н. э.	16—19	2.19	о. п.	„
78	791	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	14—16	1.47	п.	VI, кв. 6 с и 2 в, сл. I
79	809	Неопред. (по фактуре византийская ?)	—	20	4.50	б.	VI, кв. 1, сл. I
80	810	Б., XX, 74 (фрагмент)	Нач. III в. до н. э.	15—20	—	о. п.	То же
81	823	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	14.5	1.42	п.	V—VI, случайная находка
82	844	Б., XX, 72 (?)	Кон. IV — нач. III в. до н. э.	22	4.89	о. п.	VI, кв. 1 и 5, сл. II, под вымосткой п ^о 11
83	877	Б., XX, 75	Нач. III в. до н. э.	21	7.40	п.	То же
84	878	Гладкий кружок	—	20	3.47	—	„
85	879	Б., XXII, 175 (?)	2-я пол. III в. до н. э.	13	1.90	о. п.	„
86	882	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	15—17	1.11	п.	VI, кв. 6 з и 2 в, сл. II
87	903	Б., XXI, 114	II в. до н. э.	10.5	1.27	п.	То же
88	904	Б., XX, 80, перечек. ср. XXI, 123, сл.	Ок. серед. III в. до н. э.	17	2.07	п.	„
89	905	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	14—15	2.03	п.	„
90	906	Б., XX, 74 (?)	Нач. III в. до н. э.	20	5.27	о. п.	„
91	907	Б., XX, 80 (?)	2-я четв. III в. до н. э.	12.5—14	0.97	с. п.	„
92	908	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	14	0.94	п.	„
93	923	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	14	1.59	х.	„
94	924	Синопа, Res. gén., тб. XXVI, 6	2-я четв. I в. до н. э.	19	4.80	п.	VI, кв. 7 ю, сл. I
95	971	Б., XX, 88 (обломана)	Ок. серед. IV в. до н. э.	15—16	—	о. п.	VI, кв. 6 з, сл. II
96	972	Б., XX, 80 (?)	2-я четв. III в. до н. э.	14—16	1.76	п.	То же
97	973	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	15	—	п.	„
98	974	Б., XX, 74	Нач. III в. до н. э.	20	3.76	о. п.	„
99	976	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	15	1.53	х.	„
100	977	Б., XIX, 27	1-я пол. IV в. до н. э.	9.5—11	0.87	о. п.	„
101	984	Фофорс, деград. статер	596 (?) г. б. э. = 299 г. н. э.	20	7.20	п.	VI, кв. 7 ю, сл. I
102	1011	Пантикапей, Фанагория или Горгиппия, Б., XXI, 122 или XXIII, 5, 12	1-я четв. I в. до н. э.	21	6.35	о. п.	VI, кв. 5 в., сл. I
103	1012	Б., XXII, 165 сл. (?)	Серед. III в. до н. э.	17	2.14	о. п.	То же
104	1035	Б., XXI, 123, сл.	Серед. III в. до н. э.	12	1.15	п.	„
105	1036	Б., XX, 70 (?)	Кон. IV в. до н. э.	22.5	6.00	о. п.	„
106	1058	Амис, Res. Gén., тб. VII, 13	120—111 г. до н. э.	14	1.80	о. п.	VI, кв. 5 в., сл. II
107	1059	Б., XIX, 33	1-я пол. IV в. до н. э.	12	1.30	с.	То же
108	1060	Фанагория, Б., XXIII, 12 (?)	1-я четв. I в. до н. э.	19	5.62	о. п.	„
109	1061	Б., XXI, 113 (?)	2-я пол. II в. до н. э.	19—21	6.82	о. п.	„

1	2	3	4	5	6	7	8
110	1109	Диоскуриада, Кене, Муз. Коч., I, 435 (см. рис. 3)	1-я четв. I в. до н. э.	17	5.24	х.	VI, кв. 6 в и 7 в, сл. I
111	1117	Б., XXI, 114	II в. до н. э. *	11—12	1.40	о. п.	VI, кв. 6 в, сл. II, вымостка п ^о 2
112	1140	Б., XXI, 123 сл. (?)	Серед. III в. до н. э.	12—13.5	1.02	о. п.	То же
113	1141	Б., XXI, 130	II в. до н. э.	13.5	1.70	п.	"
114	1144	Воспорск. безымен. Б., XXIII, 25 сл. (моногр. НР)	2-я четв. I в. до н. э.	26	15.12	п.	VI, кв. 7, сл. II
115	1166	Б., XX, 70	Кон. IV в. до н. э.	20	5.46	п.	То же
116	1168	Б., XX, 74	Нач. III в. до н. э.	21	6.85	п.	"
117	1169	Б., XXIII, 187	1-я пол. III в. до н. э.	13	1.35	о. п.	"
118	1170	Б., XX, 90 (? обломана)	2-я пол. IV в. до н. э.	8—10	0.70	о. п.	"
119	1171	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	13	1.47	с.	"
120	1172	Б., XXII, 163 (?)	Серед. III в. до н. э.	16	2.77	о. п.	"
121	1173	Б., XXI, 138 сл.	2-я четв. I в. до н. э.	20—23	5.33	п.	"
122	1174	Б., XIX, 54 (?)	2-я пол. IV в. до н. э.	11.5	1.45	о. п.	"
123	1183	Б., XXII, 176 (обломана)	2-я пол. III в. до н. э.	11—14	1.40	п.	VI, кв. 1 и 5, сл. II, сев. борт
124	1207	Б., XIX, 35 (?)	Кон. IV — 1-я четв. III в. до н. э.	17	2.67	б.	VI, кв. 5, сл. II
125	1256	Б., XIX, 36	Кон. IV — 1-я четв. III в. до н. э.	18	3.12	п.	VI, кв. 6 в, сл. II, вымостка п ^о 2
126	1258	Б., XX, 81	Кон. III — нач. II в. до н. э.	10—12.5	2.32	п.	То же
127	1259	Б., XX, 80 (?)	2-я четв. III в. до н. э.	15	1.95	о. п.	"
128	1279	Б., XXII, 176 (?)	2-я пол. III в. до н. э.	13	2.09	о. п.	VI, кв. 4, сл. II вымостка
129	1299	Б., XX, 91 (? обломана)	2-я пол. IV в. до н. э.	10.5—12	1.22	о. п.	V, кв. 16 з, сл. II
130	1307	Римиталк, Б., XXIX, 188 (?)	131—136 гг. (?) н. э.	22—24	7.20	о. п.	То же
131	1355	Б., XX, 74	Нач. III в. до н. э.	20	6.95	х.	VI, кв. 6, сл. II, вымостка п ^о 2
132	1356	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	16.5	3.17	п.	То же
133	1357	Б., XXI, 114	II в. до н. э.	10—13	1.10	о. п.	"
134	1372	Б., XXII, 163 (?)	Серед. III в. до н. э.	16	2.42	о. п.	"
135	1373	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	15—18	2.54	с.	"
136	1397	Б., XXI, 114	II в. до н. э.			п.	VI, кв. 6, сл. II, вымостка п ^о 2
137	1425	Б., XX, 96	Серед. — 2-я пол. IV в. до н. э.	9	0.46	о. п.	То же
138	1426	Б., XX, 91	Серед. — 2-я пол. IV в. до н. э.	12.5	1.24	п.	"
139	1457	Б., XX, 72	Кон. IV — нач. III в. до н. э.	19	3.43	о. п.	VI, кв. 11 з, сл. I
140	1458	Б., XX, 80, переч. ср. XXI, 123 сл.	Ок. серед. III в. до н. э.	17	1.47	п.	VI, кв. 11 з, сл. II
141	1477	Б., XX, 91 (?)	Серед. — 2-я пол. IV в. до н. э.	12	1.33	о. п.	VI, кв. 6, сл. III
142	1499	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	14	1.75	с.	VI, кв. 11, в завале
143	1509	Б., XXI, 114	II в. до н. э.	12	2.12	п.	V, кв. 9 с и 11 св, сл. I
144	1519	Фанагория, Б., XXIII, 13 (см. рис. 2)	3-я четв. I в. до н. э.	19	7.69	х.	V, кв. 11 св, сл. II
145	1535	Рискупорид VI, деград. статер	622 г. б. э. = 325 г. н. э.	19	6.72	х.	VI, кв. 4, сл. II, расчистка вымостки
146	1556	Асандр архонт, Б., XXV, 45 сл. (?)	Нач. 2-й пол. I в. до н. э.	25	8.28	о. п.	VI, кв. 9 с и 10 с, сл. I
147	1603	Рискупорид VI, деград. статер	Ок. 325 г. н. э.	20	6.70	п.	случайная находка
148	1745	Б., XX, 70 (?)	Кон. IV в. до н. э.	19.5	5.10	о. п.	VI, кв. 12 в—13 з, сл. I
149	1746	Б., XXII, 166	Серед. III в. до н. э.	14	1.93	о. п.	VI, кв. 12—13, сл. I
150	1751	Какой-то город Понта или Пафлагонии, типы: Эгида—Ника	Нач. I в. до н. э.	21	6.07	о. п.	То же
151	1763	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	15	1.77	с.	VI, кв. 12—13, сл. II
152	1764	Б., XX, 80, переч. ср. XXI, 123 сл.	Ок. серед. III в. до н. э.	15.5	1.22	п.	То же
153	1765	Б., XXII, 163	Серед. III в. до н. э.	19—22.5	4.50	с.	"
154	1766	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	14—16	2.17	о. п.	"
155	1767	Неопредел., автономн. эпохи	2-я пол. III — II в. до н. э.	10.5—13	—	б.	"
156	1768	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	14	1.39	с.	"
157	1769	Б., XXI, 123 сл.	Ок. серед. III в. до н. э.	15—17	1.93	п.	"
158	1770	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	13	1.55	о. п.	"
159	1771	Б., XXI, 123 сл.	Ок. серед. III в. до н. э.	15	1.32	о. п.	"

(Продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8
160	1772	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	14.5—16	1.75	с.	То же
161	1853	Б., XX, 76	Нач. III в. до н. э.	21	5.38	п.	"
162	1866	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	15—18	1.35	с.	"
163	1880	Б., XX, 70 (?)	Кон. IV в. до н. э.	15.5	4.12	о. п.	"
164	1881	Б., XXII, 148 (?), обрублена наполовину	3-я четв. I в. до н. э.	15—20	3.40	о. п.	"
165	1900	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	12.5	1.68	б.	"
166	1915	Б., XX, 70	Кон. IV в. до н. э.	19	3.65	о. п.	"
167	1916	Б., XIX, 36 (фрагмент)	Кон. IV — 1-я четв. III в. до н. э.	12—14		о. п.	"
168	1963	Б., XIX, 39 (?)	Ок. серед. IV в. до н. э.	28—21	4.57	б.	VI кв. 12 з—13 з, сл. III
169	1970	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	12—13	1.20	п.	То же
170	2012	Б., XX, 80 (?) распалась при чистке	2-я четв. III в. до н. э.	12—13	—	б.	V, кв. 6, сл. III, у стены п ^o 76
171	2021	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	14	1.09	о. п.	То же
172	2022	Б., XXI, 114	II в. до н. э.	11—12.5	1.75	п.	"
173	2023	Случайный „nummus incusus“, Б., XXII, 176 (?)	III—II в. до н. э.	11	0.95	х.	"
174	2077	Б., XXII, 148 (?)	3-я четв. I в. до н. э.	18	—	б.	VI, кв. 12 з—13 з, сл. III
175	2084	Фанагория, Б., XXIII, 22 (?)	Кон. III—нач. II в. до н. э.	11—12	2.20	о. п.	VI, кв. 12—13, сл. II
176	2086	Б., XX, 96 (обломана)	Ок. серед. IV в. до н. э.	6—9	—	о. п.	VI, кв. 6, сл. III
177	2091	Б., XX, 88	Ок. серед. IV в. до н. э.	17	1.93	о. п.	V, кв. 6, сл. III, у стены п ^o 76
178	2092	Пантикапей или Фанагория, Б., XXII, 170 или XXIII, 20	Кон. II в. до н. э.	19.5—23	5.92	о. п.	То же
179	2103	Б., XX, 74	Нач. III в. до н. э.	18	3.34	п.	То же
180	2146	Б., XX, 74	Нач. III в. до н. э.	20	5.62	х.	VI, кв. 1, южн. борт
181	2147	Б., XXI, 114	II в. до н. э.	12	1.79	п.	То же
182	2197	Б., XX, 91	Ок. серед. IV в. до н. э.	12	1.53	о. п.	VI, при зачистке стены п ^o 76
183	2198	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	16	2.00	с.	То же
184	2201	Б., XX, 96	Ок. серед. IV в. до н. э.	9	0.30	п.	VI, кв. 6 в, сл. III

Участок раскопок (I) крепостных стен комплекса рыбозасолочных ванн

185	180	Рискупорид VI, деград. статер	325 или 326 г. н. э.	19	6.49	с.	I, кв. 3, сл. I
186	220	Фанагория, Б., XXIII, 10 сл. (?)	Кон. III, нач. II в. до н. э.	12	0.88	п.	I, кв. 4, сл. II
187	220	Неопред. автономн. эпохи	Кон. IV—III в. до н. э.	15	1.60	о. п.	То же
188	229	Радамсад, деград. статер	318 г. н. э.	18	7.05	х.	"
189	234	Рискупорид III, Б., XXXII, 283	210—228 гг. н. э.	21—23	7.61	п.	I, кв. 3, сл. II
190	272	Б., XXI, 114	II в. до н. э.	11—13	1.43	с.	То же
191	181	Вероятно, боспорская царская	Ок. серед. III в. н. э. (?)	18—20	4.84	о. п.	"
192	288	Фарсанз, деград. статер	253 г. н. э.	20	6.55	с.	I, кв. 5, сл. I
193	314	Б., XX, 72, 75 (с надчек.)	Нач. III в. до н. э.	20	4.37	п.	I, кв. 6, сл. II
194	329	Б., XXII, 161 (?)	3-я четв. III в. до н. э.	11—13	1.34	п.	I, кв. 5, сл. II
195	329	Савромат I, ср. Б., XXVIII, 149	Ок. 110 г. н. э.	26	9.90	х.	То же
196	364	Б., XIX, 54 (?)	2-я пол. IV в. до н. э.	11.5	0.98	б.	"
197	373	Амис, ср. Res. gén., VII, 20	111—105 гг. до н. э.	20	4.30	о. п.	I, кв. 4, сл. I
198	384	Б., XXI, 114	II в. до н. э.	11	1.23	п.	I, кв. 4, сл. II
199	395	Б., XXI, 116 (?)	II в. до н. э.	10	1.62	п.	I, кв. 7, сл. I
200	401	Б., XXI, 115 или 116 (?)	II в. до н. э.	10—12	0.79	п.	I, кв. 7, сл. I
201	413	Б., XXI, 138 сл.	60-е, 70-е гг. I в. до н. э.	25	12.69	о. п.	I, кв. 7, сл. II
202	414	Б., XX, 70	Кон. IV в. до н. э.	20	5.94	п.	I, кв. 7, сл. II
203	415	Неопред. по факт., Б., XXI, 114 сл.	II в. до н. э. (?)	12	1.57	б.	I, кв. 7, сл. II
204	418	Б., XXII, 153	3-я четв. III в. до н. э.	24	5.89	с.	I, кв. 7, сл. II
205	420	Неопред. по факт., Б., XXI, 114 сл. (?)	II в. до н. э. (?)	10—12	0.95	б.	I, кв. 7, сл. II
206	421	Б., XXII, 163 сл.	Ок. серед. III в. до н. э.	18	3.09	о. п.	I, кв. 7, сл. II

1	2	3	4	5	6	7	8
207	422	Херсоно-византийская, Василия II и Константина XI, ср.: Орешников, Тр. Моск. нум. общ. т. III, тб. X, 60	976—1025 (?)	17—18.5	3.00	о. п.	I, кв. 7, сл. II
208	430	Боспор. моногр. В, А, Е, Б., XXIV, 12 (?)	Около начала н. э.	21	6.83	о. п.	I, кв. 7, сл. I
209	431	Б., XXIII, 187, сл.	I-я полов. III в. до н. э.	12	1.82	о. п.	То же
210		Б., XX, 91 сл.	Ок. серед. IV в. до н. э.	14	2.45	о. п.	"
211	29	Рискупорид II, ср. Б., XXVIII, 132	80-е гг. I в. н. э.	17—21	2.61	п.	Под кладкой п ^о 27
212	49	Б., XX, 79	1-я пол. III в. до н. э.	18	2.67	о. п.	При зачистке вымостки п ^о 44
213	53	Боспор. моногр. В, А, Е, Б., XXIV, 16	Ок. начала н. э.	20—22	10.98	о. п.	При разборке стенки п ^о 19
214	54	Б., XXI, 123 сл.	Ок. серед. III в. до н. э.	13—15	1.20	о. п.	

Раскопки некрополя

215	172	Савромат I, Б., XXVIII, 165	100—110 гг. н. э.	26.5	9.82	с.	Склеп I
216	218	Рискупорид II, Б., XXVII, 122	68—92 гг. н. э.	26.5	11.53	п.	То же
217	285	Б., XXII, 163 сл.	Серед. III в. до н. э.	17	3.68	о. п.	"
218	306	Савромат I, Б., XXVIII, л. ст. 165, об. ст. 164	110—120 гг. н. э.	22—23.5	7.20	о. п.	"
219	345	Савромат I, Б., XXVIII, 165	110—115 гг. н. э.	26	12.65	о. п.	Мог. № I
220	346	Неопред., по фактуре боспорская, Иннифимей или Рискупорид IV	30-е, 40-е гг. III в. н. э.	19.5—22	5.34	б.	Случайная находка на некрополе
221	445	Б., XX, 80 (?)	2-я четв. III в. до н. э.	12	1.30	о. п.	Склеп V
222	452	Савромат I, ср. Б., XXVIII, 159	Ок. 115 г. н. э.	26	13.12	с.	Склеп IV
223	469	Котий I, Б., XXVII, 108	45—54 гг. н. э.	24	4.20	о. п.	То же
224	470	Неопред., поверхн. разруш.	II—I вв. до н. э. (? по фактуре)	12—14	2.83	б.	"
225	573	Котий I или Рискупорид II, Б., XXVII, 112	62—75 гг. н. э.	23	7.10	с.	"
226	656	Безыменн. боспорск., Б., XXIII, 26	70—60-е гг. I в. до н. э.	24	10.14	о. п.	Склеп V
227	719	Б., XX, 88	Ок. серед. IV в. до н. э.	17	3.59	к.	Прирезка в кв. 4
228	791	Б., XX, 88	Ок. серед. IV в. до н. э.	16.5	3.44	п.	Случайная находка
229	845	Б., XIX, 56	Кон. III в. — нач. II в. до н. э.	19	2.96	п.	То же

МИРМЕКИЙ

(опись Д)

230	14	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	13	1.75	о. п.	Б., выкинута на поверхность при рытье траншеи
231	100	Диоскуриада, Кене, Муз. Коч. I, 435	1-я четв. I в. до н. э.	16	2.98	п.	Б., кв. 2, сл. III
232	169	Аспург, Б., XXVI, 84, 85	14—37 гг.	22.5	6.90	о. п.	Б., кв. 1, сл. III
233	364	Б., XX, 80	2-я четв. III в. до н. э.	13	1.23	п.	Б., кв. 3, в перекоп. земле
234	466	Б., XIX, 54 (?)	2-я пол. IV в. до н. э.	10.5	0.90	п.	А, сл. I
235	500	Б., XXII, 163	Серед. III в. до н. э.	18	4.03	б.	То же
236	501	Б., XXI, 138	2-я четв. I в. до н. э.	26.5	14.43	п.	"
237	604	Б., XX, 70	Кон. IV в. до н. э.	19	5.57	п.	Б., кв. 5—6 а, сл. III
238	623	Котий II (?), Б., XXIX, 176 (?)	123—126 гг. н. э.	22	4.74	о. п.	То же
239	724	Боспор. царск. моногр. В, А, Е, Б., XXIV, 13	Около начала н. э.	20	5.83	п.	Б., кв. 4 б, сл. I
240	735	Б., XXII, 148	3-я четв. I в. до н. э.	20—22		б.	Б., кв. 5—6 а, сл. III

(Продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8
241	736	Асандр, архонт, Б., XXV, 46	Нач. 2-й пол. I в. до н. э.	27	15.74	п.	То же
242	808	Б., XIX, 55	Кон. III — нач. II в. до н. э.	18	—	п.	А, мостовая п ^о 3
243	1084	Агриппия, Б., XXIII, 1 f	Кон. I в. до н. э.	22	4.52	п.	Б, кв. 5—6 а, сл. III
244	1290	Б., XX, 73	Нач. III в. до н. э.	19	3.80	п.	Б, выкинута на поверхность при рытье траншеи
245	1291	Б., XX, 88 (?)	Ок. серед. IV в. до н. э.	14.5	—	б.	То же
246	1297	Савромат I, медн. мон., ср. Б., XXVIII, 160	Ок. 412 г. 6. э. = 115 г. н. э.	24—26	10.52	с.	Б, кв. 3, каменн. завал п ^о 28
247	1363	Амис, Ре. gén., тб. VII 9, (моногр. Р, А, I)	2-я четв. I в. до н. э.	20	6.94	п.	Б, кв. 7 б, на востоке п ^о 33
248	1383	Б., XX, 81	Кон. III — нач. II в. до н. э.	14	1.47	о. п.	Б, кв. 7 б, сл. II
249	1455	Б., XX, 91	Ок. серед. IV в. до н. э.	12	1.04	о. п.	А, на мостовой п ^о 4
250	1553	Б., XIX, 35 (? обломана)	Кон. IV — 1-я четв. III в. до н. э.	16	2.12	о. п.	В, кв. 4, сл. II
251	1558	Б., XXIII, 187—189	1-я пол. III в. до н. э.	13	2.27	о. п.	То же
252	1559	Б., XX, 74	Нач. III в. до н. э.	20	5.74	о. п.	"
253	1623	Агриппия, Б., XXIII, 1 f	Кон. I в. до н. э.	21	6.56	п.	В, кв. 4, в яме
254	1624	Б., XX, 81	Кон. III — нач. II в. до н. э.	14	1.73	п.	В, кв. 4, сл. III
255	1672	Боспорск. безыменн., Б., XXIII, 25 сл.	2-я четв. I в. до н. э.	25	15.34	п.	В, кв. 4, на стене п ^о 20
256	1701	Б., XXII, 176	2-я пол. III в. до н. э.	11	1.52	с.	В, кв. 4, сл. III
257	1702	Б., XX, 79 сл.	1-я четв. III в. до н. э.	19	2.55	п.	То же
258	1767	Б., XXIII, 186 (?)	Кон. II в. до н. э.	8—10	0.64	о. п.	"
259	1786	Б., XXIII, 187 (?)	1-я пол. III в. до н. э.	10	1.14	о. п.	"
260	1835	Б., XX, 88	Ок. серед. IV в. до н. э.	15	—	б.	"
261	1868	Б., XXIII, 187	1-я пол. III в. до н. э.	13	1.62	с.	Б, бассейн I, в верхн. части засыпки
262	1914-а	Б., XIX, 35	Кон. IV — 1-я четв. III в. до н. э.	17.5	4.12	с.	Б, мостовая п ^о 11 а
263	2033	Фанагория, Б., XXIII, 12	1-я четв. I в. до н. э.	19.5	3.41	п.	В, кв. 4, сл. III
264	2080	Фанагория, Б., XXIII, 22	Кон. III в. — нач. II в. до н. э.	12	1.53	о. п.	То же
265	2130	Б., XXI, 114, сл. (?)	II в. до н. э.	9—11	0.90	о. п.	"
266	2161	Б., XX, 80 (обломана)	2-я четв. III в. до н. э.	13—15	1.74	о. п.	В, кв. 5, сл. III
267	2209	Б., XXI, 114	II в. до н. э.	12	2.20	п.	В, кв. 5, на уровне верхн. рядов кладки п ^о 24
268	2406	Б., XIX, 35 сл.	Кон. IV — 1-я четв. III в. до н. э.	17	2.30	о. п.	Б, кв. 3, яма, глуб. 4.60 м от поверхн.
269	2847	Б., XXI, 114	II в. до н. э.	12—13	2.50	с.	В, кв. 3, надкладкой п ^о 44
270	2868	Б., XX, 79	1-я четв. III в. до н. э.	17	2.50	о. п.	В, п/кв. 8, сл. III
271	2910	Б., XXII, 175 (?)	2-я пол. III в. до н. э.	13	1.50	о. п.	То же
272	2911	Б., XXI, 114	II в. до н. э.	13	2.16	п.	"
273	2912	Б., XXIII, 188	1-я пол. III в. до н. э.	72	1.40	п.	"
274	2913	Фанагория, Б., XXIII, 10	2-я пол. III — нач. II в. до н. э.	12	0.87	п.	"
275	2914	Б., XX, 96 (?)	Ок. серед. IV в. до н. э.	10	0.25	о. п.	"
276	2983	Б., XXI, 114	II в. до н. э.	11.5	1.47	о. п.	"
277	3026	Б., XX, 88 (?) (обломана)	Ок. серед. IV в. до н. э.	13—16	—	о. п.	"
278	3028	Б., XIX, 55	Кон. III — нач. II в. до н. э.	19	3.64	с.	"
279	3228	Дельфин, двусторонний, без надписи	V в. (?) до н. э.	10—27	1.90	п.	В, п/кв. 8, сл. IV
280	3234	Б., XIX, 51	3-я четв. III в. до н. э.	13	2.37	п.	В, п/кв. 8, сл. III
281	3235	Б., XXII, 177 (?)	2-я пол. III в. до н. э.	10—12	1.67	о. п.	То же
282	3236	Б., XX, 91 (обломана)	Ок. серед. IV в. до н. э.	10—11	0.94	о. п.	"
283	3237	Б., XIX, 35	Кон. IV — 1-я четв. III в. до н. э.	16	2.07	о. п.	В, п/кв. 9, сл. III
284	3240	Б., XXI, 114, сл. (?)	II в. до н. э.	12	1.8	п.	То же
285	3261	Б., XXI, 114	II в. до н. э.	12—13	2.50	с.	В, п/кв. 8, сл. III
286	3262	Б., XXI, 114, сл. (?)	II в. до н. э.	12.5	1.42	о. п.	Б, кв. 5—6 а, сл. IV
287	3407	Котий I, асс. неизд. вариант, ср. собр. Эрм. № 50—54	45—54 гг. н. э.	21	5.97	х.	Б, резервуар II а
288	3432	Джучидская мон., Хызр-Хан, чекап. в Сарас	1359—1361 гг.	18	2.07	х.	Б, кв. 7 б (прирезка „д“) сл. II

1	2	3	4	5	6	7	8
289	3454	Агриппия, Б., XXIII, 1f	Кон. I в. до н. э.	21.5	8.35	п.	Б, в земле из траншеи Г, верхний слой
290	3510	Савромат I, сестерций, Б., XXVIII, л. ст., 165, об. ст. 166	Ок. 412 г. б. э. = 115 г. н. э.	25	14.17	с.	

КЕРЧЬ

(разведки во дворе б. Иоанно-Предтеченской церкви)

291	272	Фофорс, деград. статер	583—589 гг. б. э. = 286—292 гг. н. э.	18	5.50	с.
292	273	Византия, имп. Маврикий Тиберий, фоллис 5-го г.	587 г. н. э.	30	9.80	п.
293	283	Фофорс, деград. статер	286—306 гг. н. э.	18	6.65	о. п.
294	289	Кесария, Б., XXIII, 1e	Кон. I в. до н. э.	19	4.90	о. п.
295	297	Рискупорид VI, деград. статер, подражание (?)	Ок. 320 г. н. э. (?), см. рис. 1	19	6.77	х.
296	298	Рискупорид VI, деград. статер	Ок. 325 г. н. э.	18.5	4.82	п.

Е. М. ПРИДИК

КЕРАМИЧЕСКИЕ НАДПИСИ ИЗ РАСКОПОК ТИРИТАКИ И МИРМЕКИЯ в 1932—1934 гг.

При раскопках 1933 и 1934 гг. Тиритаки и Мирмекия было найдено некоторое количество амфорных ручек, горлышек и боспорских черепиц с клеймами. Часть найденного там материала поступила в Керченский музей и осталась для меня недоступной. В виду однородности найденного в обеих местностях материала, последний в вводной части не разделен, дается лишь общая его характеристика.

Сохранность клейм в среднем очень плохая; они сильно потертые и за немногими исключениями трудно читаются. Издаются в нижеприведенных списках всего 208 клейм.¹ Подавляющее количество составляют клейма с именами астиномов, которые теперь, по весьма вероятному предположению Б. Н. Гракова, принято считать синопскими; их всего 91. Затем по количеству следуют: родосские (46), Книдские (6), Фасосские (5), Херсонесские (3), неизвестного происхождения (26), горлышки с английскими, т. е. вдавленными в глину клеймами (5), боспорские черепицы (26) и граффити (3).

Амфорные ручки являются ценнейшим материалом не только для определения времени слоев, в которых они встречаются, и тех предметов, которые с ними вместе найдены, но и для истории торговых сношений нашего юга с внешним миром. Нужно указать, что находки ручек ясно указывают на самые оживленные сношения Пантикапея с Синопой; в Керчи найдено свыше 4600 синопских ручек или даже больше, так как часть находящихся в Керченском музее ручек до сих пор еще не обрабо-

тана. Второе место после Синопы занимает Родос; ручек родосских найдено около 3000; но так как родосские амфоры всегда клеймились на обеих ручках, причем обе ручки друга дополняли, то это число следует разделить на 2, так что получается 1500 амфор. Приблизительно столько же найдено на Боспоре клейменных ручек, принадлежащих Фасосским амфорам. Книдских ручек найдено несравненно меньше (всего около 160), не говоря уже о таких городах, как Парос, Икос, Амастрида, Эфес, откуда имеются лишь единичные экземпляры или десятки их. Мы видим, стало быть, что и находки 1934 г. вновь подтвердили то же самое соотношение торговых связей Пантикапея с внешними центрами, какое можно вывести из имевшегося ранее материала. Надо еще прибавить, что, судя по крайне ограниченному количеству находимых в Пантикапее херсонесских ручек, с Херсонесом торговые сношения у Боспора были незначительные.

Англифических клейм на амфорных горлах в Пантикапее найдено около 360, происходят они, по всей вероятности, из Гераклеи Понтийской.

Ручки со знаком орла, клюющего дельфина, я давно считал синопскими, но обобщить это определение для всех ручек с именами астиномов не решался, надеясь найти возможность выделить часть их для Пантикапея, в виду громадного количества находимых в нем ручек с именами астиномов, хотя однородность глины и клеймения не давали повода к такому выделению. Обобщение это сделал Б. Н. Граков,¹ давший в конце своего труда хронологическое распределение астиномов с точностью до 50 лет, чего до сих пор мы не имеем ни для одной группы, не исключая даже хорошо обследованной родосской. Но я не согласен с Граковым в определении функций астиномов. Граков их считает

¹ Смерть не позволила Е. М. Придику вполне закончить настоящее издание клейм. Он составил полностью вступительную статью и прочитал большую часть клейм, те из них, которые автор прочесть не успел, а именно: из Тиритаки 1934 г. синопские — №№ (по списку) 7, 8, 13, 19, 25, 27, 28, 37, 38, 42 и 43, родосские №№ 52, 43, 56 и 62, Книдское № 73, английское № 75; из Мирмекия 1934 г. синопские №№ 96, 101, 105, 126 и 134, родосское № 160, Книдское № 174, неизвестных центров №№ 179 и 183 — дополнительно прочтены Б. Н. Граковым. В связи с этим в тексте данной статьи изменена в соответствии с действительным числом находок итоговая цифра публикуемых клейм. Р е д.

¹ Древнегреческие клейма с именами астиномов. Москва, 1929. — Он же. Англифические клейма на горлышках некоторых эллинистических остродонных амфор. Тр. Гос. ист. муз., 1928. — Ср. также мою статью „Die Astynomennamen auf Amphoren- und Ziegelstempeln (Sitzungsber. d. Berl. Akad., 1928, XXXIV).

полицейскими чиновниками, в обязанность которых входило заботиться о чистоте и порядке в городе и на рынке и о сохранности государственных зданий. По моему мнению, представляется маловероятным, чтобы год обозначался по полицейскому чиновнику. Я полагаю, что астиномы в Причерноморье были высшею городской должностью, может быть даже с правом чекана монеты, так как, например, в Херсонесе и Синопе на монетах и на клеймах встречаются те же имена *Ἀπολλῶς* и др. Насколько мы знаем, в греческих городах год обозначался всегда по высшему магистрату, напр., в Афинах по архонту, на Родосе по жрецу Гелиоса и т. д. Я поэтому считаю астиномов чем-то вроде городских голов, бургомистров. Надзирателем рынка был *ἀγορανόμος*, который в редких случаях в синопских клеймах упоминается. Граков упоминает только двоих *Δρόμων* и *Πασιχάρους*, я к ним могу прибавить еще десятиерых: *Ἀλέξανδρος*, *Ἀπατούριος*, *Ἀπολλώνιος*, *Ἀπολλώνιος Πασιάδα*, *Ἀριστόπολις*, *Θεαρίων*, *Θεοπέδης*, *Ἰκέδιος*, *Ἰκέσιος ἀντὶ Μενάνδρου* (Менандр, вероятно, скончался, или до истечения срока лишился должности), *Φιλοκράτης*. В херсонесских клеймах встречается один только агораном, *Ἀπολλώνιος Πασιάδα*. Кроме астинома в синопских клеймах всегда упоминается имя фабриканта, иногда с прибавлением слова *κεραμεύς*. Два раза встречается *ἐργαστηριάρχης*, оба раза с именем *Δημοσθένης*; второй экземпляр найден в Тиритаке при раскопках 1934 г. (см. ниже № А 1282),¹ титул этот — начальник мастерской — встречается также на родосских клеймах. В единичных случаях встречается при имени фабриканта слово *ἐπιβε* или *ἐπιβρα*. *Κεραμεύς* иногда ставят на предметах свои отдельные клейма, но всегда одновременно ставится второе клеймо с именем астинома, по которому датировался год в Синопе. В начале II в. до н. э. на ручках встречается дата по ахеменидской эре, начинающейся с 297 г. до н. э.² Граков предполагал, что эти даты ставились только тогда, когда имя астинома не упоминалось, но это предположение не подтвердилось, так как существует клеймо с датой и с именем астинома *Καθ | βαλ[χιος] | ἀστινόμου | Πασιχάρους*. Нам известны следующие даты: *ΘΚΑΙΡ* (=109) = 188 г. до н. э. *διὰ Ἡρακλέωνος*, *ΒΙΡ* (=112) = 182 до н. э. *διὰ Νουμητίου*; *ΓΙΡ* (=113) = 184 до н. э. *διὰ Στίχου*; *ΚΑΡ* (=121) = 175 до н. э. *ἀστινόμου Πασιχάρους* *ΚΒΡ* (=122) = 175 до н. э. *Ἀλεξάνδρου ἀγορανομούντος*, может быть также еще *ΝΑΡ* (=151) = 146 до н. э. и т. д., но эти даты встречаются очень редко.

Клеймение синопских амфор начинается с конца IV в. и продолжается приблизительно до 70 г. до н. э. Граков в конце своей работы

дает хронологическое распределение астиномов, разделив их на 6 групп: I гр. — с конца IV в. до 270 г., II гр. — 270—220 гг., III гр. — 220—180 гг., IV гр. — 180—150 гг., V гр. — 150—122 гг. VI гр. — 122—70 гг. Это распределение может считаться в общем правильным и обоснованным; по алфавитному списку астиномов и фабрикантов в конце книги Гракова легко определить время того или другого лица.

На клеймах, кроме имен астиномов и фабрикантов, ставились также марки, обычно называемые эмблемами, которые отчасти относятся к астиномам, отчасти к фабрикантам. В инвентарном каталоге клейм, хранящихся в Государственном Эрмитаже, мною издан их целый ряд на фототипических таблицах (IX—XIV), но их несравненно больше, и полный сборник их был бы ценным дополнением к *Corpus ansarum*. Повидимому, имена фабрикантов иногда ставились и отдельно на другой ручке амфоры. К сожалению, цельных синопских амфор мне не пришлось видеть, так что утверждать этого я не могу.

Херсонесские клейма резко отличаются от синопских: 1) дорическим диалектом, 2) глиной и 3) наружным видом самого клейма. Глина очень сходна с родосской; форма клейма продолговатая, четырехугольная. Клеймо так глубоко вдавливалось в сырую глину, что верхняя часть букв первой строки и нижняя часть букв второй строки часто вообще не выходили. Амфоры всегда очень тщательно обожжены и клейма прекрасно вырезаны. Так как в Херсонесе найдено было много верхних частей амфор с обеими ручками, К. К. Косцюшко-Валюжинич¹ определенно мог установить три категории клеймения: 1) на одной ручке имя астинома, например *Διοσκουρίδα ἀστινόμου*; 2) имя астинома на одной ручке и имя фабриканта, или начало имени, или монограмма его на второй ручке; 3) имя астинома и монограмма или начальные буквы имени фабриканта на одной и той же ручке. Первая категория самая обычная, остальные две встречаются гораздо реже. Самое полное собрание херсонесских ручек находится в Херсонесе; в Керчи их найдено очень немного, в Тиритаке и Мирмекии в 1934 г. найдено всего 3 экземпляра.²

С большим торговым центром северо-западной части Черноморского побережья, с Ольвией, торговые сношения Боспора были, повидимому, незначительны; во всяком случае, ручки с колесообразными клеймами и отдельными буквами в клетках, образованных спицами колес, которые я считаю ольвийскими, встречаются в Керчи сравнительно редко; при раскопках 1934 г. не найдено ни одной.

¹ ИАК, вып. 2, стр. 24.

¹ Ср. В. В. Шко р п л. Названия гончарных мастеров в керченских надписях. ИАК, 51, стр. 129 сл.

² Ср. статью Махова (Изв. Тавр. учен. архивн. ком., вып. 48, 1912) с приложением таблицы, на которой изданы факсимиле всех известных клейм; ср. также список астиномов в моей, указанной выше, статье (стр. 367 сл.).

² Г р а к о в. Древнегреческие клейма . . . , стр. 154—155.

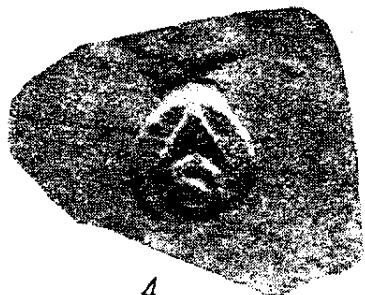
1

2

3

4

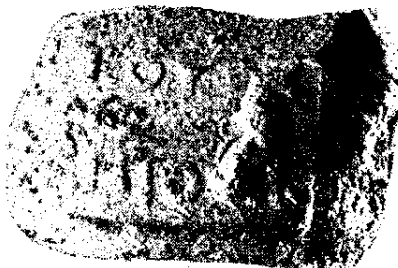
5

6

7

8

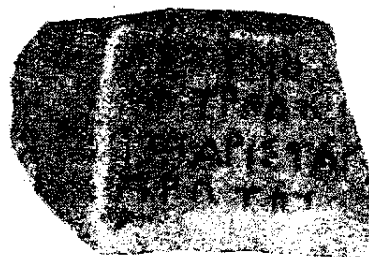
9

10

11

12

13

14

15

1—10—керамические клейма.

Перехожу к торговым центрам области Эгейского моря, доставлявшим массу клейменных амфор в Пантикапей, к Родосу и Фасосу.

Родосские клейма всегда содержат: 1) имя эпонима, т. е. жреца бога Гелиоса, обычно с предлогом *ἐπί* с родительным падежом: напр. *ἐπί Δαμοκλέως* (очень редко стоит именительный падеж, напр. *ἑρως Ἀργίος*); 2) имя фабриканта и 3) имя месяца родосского календаря, обычно в родительном падеже, напр. *Δαλίου*. Всегда клеймились обе ручки, причем три данные распределялись на обе ручки, так что они дополняли друг друга: чаще всего имя эпонима стоит на одной ручке одно или вместе с месяцем и имя фабриканта одно или с месяцем на другой ручке; гораздо реже имя эпонима и фабриканта поставлены вместе на одной ручке и имя месяца отдельно на второй (на клеймах, найденных у нас на юге, до сих пор найдено всего 28 таких клейм, а ручек с одним месяцем около 40). Никогда все три данные не объединены в одном клейме.¹ Клеймение начинается в конце IV в. до н. э.; большинство клейм относится к III и II вв., кончается клеймение около середины I в. до н. э. К сожалению, до сих пор еще не удалось распределить хронологически эпонимов, как это для синопских сделано Граковым. До сих пор имя отца найдено прибавленным только к эпониму *Ξενοφάνης Ἴέρωνος*.

Пока в колониях северного Причерноморья найдено всего около 250 имен эпонимов. Цельных амфор или по крайней мере верхних частей с обеими ручками найдено очень немного, у нас на юге их найдено всего 6 (шестая найдена при раскопках 1934 г. в Мирмекии, но там, на второй ручке, клеймо сбито).

Можно надеяться, что раскопки на острове Родосе прольют свет и на ряд вопросов клеймения родосских амфор.²

Так, недавно в Вилланове (древний *Ἰάλυσος*) найден был склад из 500 амфор.³ Эта находка

дала возможность хронологически определить ряд эпонимов и фабрикантов. Вероятно, на месте находки существовала фабрика этих амфор, изготавливавшихся в громадном количестве для местного употребления и для вывоза. В большем количестве родосские амфоры вывозились в северное Причерноморье и Пергам, в меньшем размере в Аттику, где в подавляющем количестве находятся книдские ручки. Кроме надписей, в родосских клеймах ставились и марки, в особенности цветок, обыкновенно называемый *balustium*, и голова или бюст Гелиоса,¹ но встречаются и другие марки, как кадуцей, гроздь винограда, герма, звезда и др. Иногда на клеймах родосских бывают и буквы и монограммы. Буквы встречаются *B, Δ, E, O, IB, IA, K, KA, Σ A* или *A Σ* или *A — Σ*. Прежде предполагали, что это сокращение названий месяцев, что *B* — сокращение *Βαβυλίου* и т. п., но это объяснение не выдерживает критики, так как с *Δ* начинаются два месяца *Δάλιος* и *Διόσθεος*, с *Θ* тоже два — *Θεομοφόριος* и *Θεοδάσιος*, а с *E, IB* и *IA* ни один месяц не начинается. Вероятнее всего, эти цифры обозначают мастерские больших заводов, так напр. *Δαμοκράτης* встречаются в клеймах фабриканта *B, Δ, E, K* и *KA*, с именем которого только на юге СССР найдено около 200 экземпляров. Что касается монограмм, то их объясняли как сокращения имен месяцев, напр. *[Α] πανάμου*, но это едва ли правильно.

На родосских ручках место производства никогда не обозначается, тогда как такое указание встречается очень часто на фасосских и книдских ручках.

О фасосских клеймах² некоторые исследователи отзываются нередко очень пренебрежительно, утверждая, что фасосские амфоры сделаны якобы очень неярливо; я считаю, напротив, фасосские клейма самыми интересными, благодаря большому разнообразию фабричных марок: на родосских ручках я по материалам из северного Причерноморья насчитал всего 35 разных марок, а в одном Эрмитажном собрании на таблицах со II по VIII мною издано около 200 фасосских эмблем, вообще же, имеется их гораздо больше. Многие из них прекрасно сделаны, так что составить полный свод этих эмблем было бы весьма благодарной задачей. Клейма всегда, или почти всегда, четырехугольные и в редких случаях содержат имя с предлогом *ἐπί*, как *ἐπί Σαύρου*, *ἐπί Τηλεφάνους*, а в большинстве случаев имя или имена гончаров или торговцев, иногда с обозначением мастерской, как напр., *Κλείτος Ἀρασίου*. Клеймение фасосских амфор начинается, вероятно

¹ Stéphan i. *Mélanges Gréco-Romains*, II, p. 8. — Schuchhardt. *Altertümer v. Pergamon*, VIII, 2, S. 425 ff. — E. Pridik. *Zu den rhodischen Amphorenstempeln*. *Klio*, XX (1926), S. 319 ff. Напрасно M. Nilsson [*Timbres amphoriques de Lindos*. Copenhagen (1909)] опять вернулся к неправильному предположению Becker'a и Grundmann'a, что первоначально все данные были объединены в одном клейме. Ср. также: Hiller v. Gärtlingen, R. E. Pauly-Wissowa, s. v. Rhodos, стр. 733—810; в конце Hiller дает список 309 эпонимов.

² Вопрос об установлении порядка родосских эпонимов продвинул был вперед Bleckmann'ом [*De inscriptionibus, quae leguntur in vasculis Rhodiis*, 1907, *Klio* XII (1912), 249 сл. Ср. также Virginia Grace, *The stamped amphora handles found in the American excavations in the Athenian agora 1931—1932. Catalogue treated as a chronological study*]. Grace полагает, что год и месяц на родосских амфорах ставились для облегчения расчетов с государством по уплате налогов за изготовление керамических сосудов. Начало клеймения фасосских амфор автор относит к концу V в. до н. э., а книдских — к III в. до н. э.

³ Издан A. Maiuri (*Annuario della scuola archeologica italiana di Atena*, IV—V, 1924, 249 sq.).

¹ Бюст или голова Гелиоса и цветок — государственный герб Родоса — ставились и на монетах. Цветок столь же часто стоит при имени эпонима, как при имени фабриканта; бюст Гелиоса при имени фабриканта встречается очень редко.

² Dumont. *Inscriptions céramiques de la Grèce*. p. 7. — Schuchhardt, op. cit., p. 424.

в первой половине IV в. до н. э.; может быть, круглые клейма с изображением головы в профиль с именами, *Βιτίων, Δήμηρς, Εὐαγόρηρς, Θεόφιλορς, Θρασσωίδηρς, Ποσίδειορς, Σάτυρορς*. Иногда со вторым клеймом *ἐπι Σατύρου* относятся к первому времени клеймения; я их во всяком случае считаю фасосскими, так как и глина, и форма ручки, и диалект совершенно тождественны; все имена также встречаются на фасосских ручках.

Книдские клейма у нас на юге встречаются сравнительно редко; в моем *Corpus'e* их около 400. Главная масса книдских клейм найдена в Афинах, с которыми Книд имел оживленные сношения. К сожалению, этот материал пока плохо издан у *Dumont'a*; пользоваться его книгой очень трудно: те же самые клейма повторяются во многих местах, порядок расположения их невозможный, указателя нет. В книдских клеймах стоит или имя магистрата с *ἐπι* (иногда с прибавлением титула *δασιουργόρς* или *φρούραρχορς*) и имя фабриканта; встречаются также клейма, где упоминается несколько имен, может быть, торговые товарищества. Клейма по большей части квадратные, реже круглые. Кроме надписей встречаются и знаки, но несравненно меньше, чем на Фасосе; чаще всего

знаки связаны с мореплаванием: нос судна, руль, якорь. К книдским клеймам я предположительно отношу и ряд клейм неизвестного происхождения с носом корабля в середине квадрата и отдельными именами вдоль края квадрата.¹ Milne считал их критскими. Почему? Не знаю. Почти всегда на книдских клеймах прибавлено *Κνίδου*.

На клеймах с островов Пароса, Икоса, Самоса и из городов Эфеса и Амастриды стоит только место изготовления.

Синопские, родосские и книдские клейма ставились только на ручках амфор. На фасосских амфорах клейма иногда встречаются и на горлышках амфор, но они отпечатаны там теми же штампами, которыми клеймились ручки. Имеются амфоры, на которых клейма вдавлены глубоко в сырую глину, так наз. англифические клейма, на горлышках амфор. Они, по вероятному предположению Б. Н. Гракова, происходят из Гераклеи Понтийской, идут с конца IV в. до н. э. на протяжении всего III в. О бо-спорских черепицах теперь имеется труд В. Ф. Гайдукевича.²

¹ Эрмит. кат., XIV, 16.

² В. Ф. Гайдукевич. Строительные материалы Боспора (Боспорские черепицы). Изв. ГАИМК, 104, 1935.

СПИСОК КЛЕЙМ ИЗ РАСКОПОК ТИРИТАКИ И МИРМЕКИЯ 1933—1934 гг.

Примечания. 1) В списке приняты следующие сокращения:

Г — Гайдукевич, Строительные керамические материалы Боспора (Боспорские черепицы). Изв. ГАИМК, 104.
 D — Dumont, Inscriptions céramiques de Grèce. 1872.

ИАК — Известия Археологической комиссии.

Р — Pridik, Amphorenstempel aus Athen. Athenische Mitteilungen, XXI, 1896, 127.

N — Nilsson, Timbres amphoriques de Lindos. 1909.

Э — Эридик, Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках, горлышках и черепицах Эрмитажного собрания. 1917.

2) Хронологические группы синопских клейм Б. Н. Гракова обозначены римскими цифрами в последней графе.

3) В графе „Место находки“ на первом месте цифрой или буквой обозначается участок раскопок.

№ по пор.	Надпись	Эмблема	№ по инвентарной описи	Место находки	Аналогии	Датировка клейма и примечания
1	2	3	4	5	6	7

КЛЕЙМА ИЗ РАСКОПОК ТИРИТАКИ в 1933 г.

1	Синопские клеймо: ἀστὴν[οῦ] Δ[ι] Ἰ[σ] ἐσ[τ] τ[ρ]ί[σ] του Νου[μ] τ[ρ]ί[σ] [Κοι] τ[ρ]ί[σ]		A 651	Подъемный материал		VI (122—70 гг.)
2	Родосское клеймо: [Ἰ] τ[ρ]ί Π[ε] τ[ρ]ί [Δ] ο λ		A 350	V, кв. 4в, сл. I		II — I в.
3	Родосское клеймо: [Ἰ] ε ρ [Δ] ρ	Вокруг розы с шестью лепестками	A 185	V, кв. 2, сл. II		III — II в.
4	Книдское клеймо: [Ἰ] ε ρ [Δ] ρ		A 114	V, кв. 2, сл. I		III — II в.
5	Неизвестного происхождения: A		A 738	Подъемный материал		

КЛЕЙМА ИЗ РАСКОПОК ТИРИТАКИ в 1934 г.

Синопские клейма

6	ἀ[σ]τ[ρ] οῦ Δ[ι] Νου[μ] τ[ρ]ί[σ]		A 942	VI, кв. 6в, сл. II	Ср. Э, 63, № 33 с эмблемою: пос корабля	V (150—122)
7	ἀ[σ]τ[ρ] οῦ [τ]οῦ Ν[ι] κ[η] ν[ος] [Σ] ἰ μ η ρ ἰ	Справа от надписи нос корабля вправо	A 946	VI, кв. 6в, сл. II		V (180—150). Надпись очень стёрта и с большим трудом читается
8	[Δ] οῦ λ ἀ[σ]τ[ρ] οῦ	Орел, клюющий левую фину, влево	A 943	VI, кв. 6в, сл. II	Ср. Э, 82, № 406, 407; ИАК, 11, 61, № 229	I A (конец IV в.)
9	ἀ[σ]τ[ρ] οῦ [Π]ο λ ε	Гроздь справа от надписи	A 815	VI, кв. 5, сл. II		VI (122—70)

1	2	3	4	5	6	7
10	[ἀ]στυνόμου Δημητρίου. [Γ]λαυκίας.	Справа от надписи голова Аполлона влево	A 1335	VI, кв. 6, сл. II, череп. вымостка		IV (180—150)
11	ἀστυνόμου Δημητρίου. Πύθης.	Справа от надписи голова Геракла, покрывшая львиной шкурой, влево	A 1905	VI, кв. 12—13, сл. II		IV (180—150)
12	[ἀστυνόμου] Δημητρίου. Φιλοκράτης.	Справа часть неясной эмблемы, повидимому, голова влево	A 1401	VI, кв. 6, сл. II, череп. вымостка	Ср. Э, 66, № 97. ИАК, 11, 30, № 62. Эмблема в обоях изданных экземплярах — голова, обращенная влево	IV (180—150)
13	[ἀστυνόμου] 'Εκατά[ου . . .] 'Αραβ[ί]ος.	Справа от надписи нос корабля вправо	A 1858	VI, кв. 12—13, сл. II, череп. вымостка		V (180—122)
14	ἀστυνομόντες. [Ἐστιά]του τοῦ [Ἀρτεμιδίου] ἔργασ[τηρί]ου χης [Δ]ημ[ο]σθέ[ν]ης.	Канфар	A 1282	V, кв. 7; VI, кв. 5в, сл. II	Ср. ИАК, 51, 135; клеймо наложено тем же питепелем	VI (122—70). Надпись читается справа налево II (270—220) V (150—122)
15	ἀστυνόμου Εὐχερίστου. Βάχχιος	Вправо от надписи гроздь	A 945	VI, кв. 6, сл. II		VI (122—70)
16	[ἀστυνόμου] [Ἐὐχα]ρίστου τοῦ [Κα]λλισθέου. Ἀρτεμίδωρος.		A 1119	VI, кв. 6в—7, в перекосанной земле		VI (122—70)
17	ἀστυνομοῦ ντος [Ζήν]ιος τοῦ [Ἀτ]θλοδ[ω]ρου [Σ]ύμ[μ]αχ[ί]ος.		A 1235	VI, кв. 6в, сл. II, череп. вымостка	Ср. ИАК, 11, 37, № 104	VI (122—70)
18	ἀστυνόμου Ηρακλείδου τοῦ Ἐκατάου. Ἄτα[τοῦ]ριος.	Справа от надписи женская фигура en face с поднятыми руками	A 1281	V, кв. 7в; VI, кв. 5в, сл. II	Такое же клеймо издало Вескером в "Mélanges Grecs-Romains", I, p. 486, № 20	VI (122—70)
19	[ἀσ]τυνόμου [Ἡρα]κλείδου [τοῦ] Ἐκατάου. [Στέφ]ανος. (Табл. I, рис. 7)	Мужская фигура на базе, идущая вправо; в протянутой левой руке птица или факел	A 987			V (150—122)
20	ἀστυνόμου Ηρακλείδου τοῦ Μιχρίου . . . . . ριος	Справа от надписи женская фигура en face, стоящая на базе с рогом изобилия в руках	A 804	VI, кв. 1, сл. II		V (150—122)
21	[ἀσ]τυνόμου [Ἡρα]κλείδου τοῦ [Μ]ιχρίου	Справа от надписи конь вправо	A 812	VI, кв. 5, сл. II		V (150—122)
22	[ἀστυνόμου] [Ἡρακλείδου] [τοῦ] Μιχρίου	Справа от надписи конь вправо	A 1280	V, кв. 7в; VI, кв. 5в, сл. II		V (150—122)
23	[ἀστυ]νόμου [Ἡρω]νόμου [τοῦ] Ποσ[ε]δων[ίου].	Неясная эмблема справа от надписи	A 1857	VI, кв. 12—13, сл. II, череп. вымостка		VI (122—70)
24	ἀστυνόμου Ηρακλείτου τοῦ [Ἐσ]τιαίου [Ἀγα]θών.	Неясная эмблема	A 1148	VI, кв. 6в, сл. II, череп. вымостка		VI (122—70). Клеймо очень трудно читается. Эмблема, кажется, женская фигура, стоящая de face и держащая в обеих руках по факелу

1	2	3	4	5	6	7
25	[ἀστ]υνόμου Ἰφίος Κτήσω υ. [ἀστ]υνόμου Καλλιχόρου τοῦ [Πρω]- ταχόρου.	Справа от надписи гроздь	A 1814	VI, кв. 1, под стеной п ^о I		III (220—180)
26	ἀστυνόμου [Μαυ]τιδέου τοῦ Πρωταχόρου. [Ναυσ]ιχράτης.	Лев или сфинкс, сидя- щий вправо на двух подставках, справа от надписи	A 1150	VI, кв. бв, сл. II, череп. вымостка	Ср. ИАК, 11, № 148	VI (122—70)
27	[ἀστ]υνόμου [Μαυ]τιδέου τοῦ Πρωταχόρου. [Ἀρ]τιμέδιους.	Лев или сфинкс, сидя- щий вправо на двух подставках, справа от надписи	A 1178	VI, кв. 1—5, сев. борт.	Надпись сильно потеряна, но сохраняющаяся часть читается ясно	VI (122—70)
28	[ἀστ]υνόμου [Μαυ]τιδέου τοῦ Πρωταχόρου [Ναυσ]ιχράτης.		A 813	VI, кв. 5, сл. II		VI (122—70). Клеймо очень стерго
29	[ἀ]στ[υ]νόμου Μνη[σ]ιχλέους. Απ.		A 944	VI, кв. бз, сл. II	Ср. ИАК, 3, 128, № 34	III (220—180)
30	ἀ[στ]υνομόυτος Μ[νη]σιχλέους τοῦ [Ἀρ]τιμέως.	Справа от надписи не- ясный знак	A 1468	V, кв. 9, сл. I		V/VI (150—70)
31	[ἀστ]υνόμου [Π]λεισ[τα]ρχίδου [τοῦ] Ἀπ[τη]μαντοῦ. Ἀκρ[υ]ς? [ἀστ]υνόμου Πολύ[κ]τορος τοῦ Δ[η]μητρίου Πάτ[ρι]ς.	Справа от надписи не- ясный знак	A 1179	VI, кв. 1—5, северный борт		VI (122—70)
32	ἀστ[υ]νόμου Πολύ[κ]τορος τοῦ Δ[η]μητρίου Πάτ[ρι]ς.	Справа от надписи не- ясный знак	A 805	VI, кв. 1, сл. II	Ср. Э, 77, № 317 со знаком бородатой маски	V (150—122)
33	[Πο]λυχάρμου [ἀ]στυνόμου Νο- μηνίου.	Справа от надписи кан- фар, гроздь, колос	A 1891	VI, кв. 12—13з, сл. II	Ср. Э, 95, № 701—703; ИАК, 3, 143, № 74; ИАК, 11, 79, № 327	II (270—220)
34	Ποσειδωνία(υ) ἀστυνόμου Διονυ- σία(υ)	Справа от надписи тре- ножник	A 1629	V, кв. 16з, сл. I	Ср. Э, 96, № 711	III (220—180)
35	ἀστυνόμου Ποσειδέ[υ] τοῦ Θεαρί- ωνος Δίος.		A 803	VI, кв. 1, сл. II		V (150—122)
36	ἀστυνόμου Φημίου τοῦ Θεοπέιτου, (Табл. I, рис. 1)	Обнаженная фигура, си- дящая на высокой базе справа от надписи	A 1501	VI, кв. 5—11з, сл. II		VI (122—70)
37	[ἀ]στυνομόυ υ[τος] Χο [ση]μίνας τοῦ Λεωμέδοντος		A 1095		Восстановление дано ввиду четырёхсторонности клейма, другие синопекские астиномы с именем, начинающимся с Χο — неизвестны	V (150—122)
38	Ἀγάθων		A 1813	VI, кв. 1 под стеной п ^о I		
39	Στέφ[αν]ος	Гроздь винограда	A 1147	VI, кв. бв, сл. II, череп. вымостка		
40	Δορίωνος? ἀστυνόμου . . . . . τω	Орел, обращенный влево	A 1369	VI, кв. б, сл. II, череп. вымостка		II (270—220)

1	2	3	4	5	6	7
41	..... [Ποσ]εἰδωύου.		A 1870	VI, кв. 12—13, сл. II, череп. вымостка		
42	ἀστὴν[όμου] .....:ος .....ος	Справа от надписи не- ясная эмблема	A 1859	VI, кв. 12—13, сл. II, череп. вымостка		
43	....:ος .....:ος		A 1812	VI, кв. 1, над стеной № 1		
44	.....:ος [ἀστὴν]υό(μου?)	Человек, идущий вправо, справа от надписи	A 1126	VI, кв. бв, сл. II, череп. вымостка		
45—46	2 синописские клейма		A 497 и 2387			Оба совершенно стертые

Херсонесские клейма

47	Διοσχο[υρίδα] ἀστὴν[όμου.]		A 1921	V, кв. б, сл. I	Это клеймо встречается очень часто, между прочим имеется на херсонесской амфоре в Историческом музее в Москве; см.: Граков. Эпиграф. Клейма, табл. II, рис. 3; ср. также: Махов, Изв. Тавр. уч. архивн. комиссии, 48, стр. 106, № 30 и табл. Э, 103; № 848 и т. д.	Это клеймо пока еще нигде не издано; у Махова в ук. соч. оно отсутствует, хотя оно мною было списано в Херсонесском музее в 1898 или 1900 г. и Мирсиа внесен в список херсонесских астиномов: см. Sitz. ber. d. Berl. Akad., 1928, XXIV, 168, № 89
48	Μυρσά[ου] ἀστ[υ]νό(μου)		A 693	VI, кв. 1 и 5, сл. II		

1	2	3	4	5	6	7
Родосские клейма						
а) с именами вполнимов						
49	ἐπί Ἀρχιεπισκοπῆς Ὑψηλοῦ ου		Α 690	VI, кв. 1—5, сл. II, череп. вымостка		III—II вв. На Боспоре Архипий встречается второй раз, но на Родосе в Линде часто II (220—180)
50	[ἐ]π' Ἱέρ[ωνος] [Δα]λ[ί]του?		Α 859	VI, кв. 1—5, сл. II, череп. вымостка		
51	Клеймо в виде листа [ἐπί Ἐ]νε[στράτου]. [Ἱ]π[ί]του νος		Α 1806	V, кв. 6, сл. III, у стены по 76	Ср. факсимиле Δ, 104 № 207; Ρ. стр. 132 № 30	II в.
52	ἐπ[ί] Πο[λυ]κράτου Α[ρχ]ιά[του]	Вокруг цветка	Α 888	VI, кв. 63—2в, сл. II		III—II вв.
б) с именами фабрикантов						
53	Ἀντ[ι]μάχου	Киржейон ручкою вправо под надписью	Α 1125	VI, кв. 6в, сл. II, череп. вымостка		II в. Имя Δημητρίου обычно пишется в одной строке; двухстрочное клеймо с его именем, насколько мне известно, пока не встречалось
54	Δαμητρί ου. (Табл. I, рис. 2)		Α 1134	VI, кв. 6в, сл. II, череп. вымостка		
55	[Διοδ] του	Гроздь справа от надписи	Α 1131	VI, кв. 6в, сл. II, череп. вымостка	Ср. Э, 25, № 578 № 173, 3—10 и т. д.	
56	Ξ Τ в прямоугольнике		Α 2141	VI, кв. 1, южный борт		III—II вв.
57	[Πρ]οξέτης του вокруг цветка		Α 1037	VI, кв. 1, в перекопанной земле		
58	[Κάλλ]ωνος или [Ρόδο]νους	Герма под надписью, лежащая голоною влево	Α 1807	V, кв. 6, сл. III, у стены по 76	Для Κάλλωνος ср. Э, 28, № № 690, 270. Для Ρόδοнос Э, 32, № № 820, 369 (4, 7 8). Κάλλωνος мне кажется более вероятным	
59	Κωμωου		Α 816	VI, кв. 5, сл. II	Ср. Э, 29, № 704—705; ИАК, 3, 157, № 42	
60	[Αίν]ου	Гроздь справа от надписи	Α 887	VI, кв. 63—2в, сл. II	Ср. Э, 29, № № 709, 286 (3, 5)	

	2	3	4	5	6	7
61	Μίδα	Справа гвоздь, внизу кадуцей, лежащий вправо	A 1130	VI, кв. 6в, сл. II, черп. вымостка	Ср. Э, 30, №№ 743, 747; №№ 314 (7—17)	II (180—150)
62	Σο[χράτης]	Справа от надписи фрагмента с тарелкою	A 814	VI, кв. 5, сл. II		Очень стертый; лишь на некоторых слабо заметны буквы
63—70	8 фрагментов родосских клейм, одно из них (A 496) в форме пающегося листа		A 496, 691, 1127, 1132, 1269, 1382, 1447, 2141			
Книдские клейма						
71	ἐπὶ Μενεχρά[ ]τεος δρ[ου]. Κνίδα(ον)	Под надписью палица, лежащая вправо	A 1133	VI, кв. 6в, сл. II	Ср. Р, 166, № 203—205 Д, 419 сл. и 343 № 38. Grass, ук. соч. № 705	II в.
72	ἐπὶ . . . . . Ξενο[χ]λεῦς. Κνίδα(ον)	В правом нижнем углу клейма руль	A 1149	V, кв. 6, сл. II, черп. вымостка	В книдских клеймах часто Γ и Ε вместе встречаются в одном и том же клейме, напр., Μ, 167, № 217, где также стоит имя Ξενοχλεῦς со знаком: I Уль	II в.
73	Ἰάσων Πρακλί[του?]		A 263	V, кв. 6, сл. II		II — I вв.
Энглифические клейма на горлаx						
74	Ἰρακλ[ε]ίδας Φελ[ίνος]. (Табл. I, рис. 3)		A 1906	VI, кв. 12—13, сл. II, черп. вымостка		Во второй строке м. б. стояло λύχου или просто Πρακλίδα
75	Ἄ во вращенном круге ⊙ (Табл. I, рис. 4)		A 1660	VI, кв. 1, сл. II		
Клейма неизвестного происхождения						
76	ΑΑ в овале		A 2279	VIII, кв. 1, сл. III	Ср. Э, 108, №№ 165—166	
77	ΑΡΤ в прямоугольнике		A 1890	VI, кв. 12—13а, сл. II, черп. вымостка		

1	2	3	4	5	6	7
78	Φρύνη(χος?) в квадрате		A 861	VI, кв. 1—5, сл. II, черп. вымостка	Ср. Э, 115, № 342; ИАК, 11, 158, № 734	
79	⊙ вдавленное клеймо		A 587	VI, кв. 2, сл. II		
80	○ вдавленное клеймо		A 860	VI, кв. 1—5, сл. II, черп. вымостка		
81	Π Α (Табл. I, рис. 5)		A 692	VI, кв. 1 и 5, сл. II, черп. вымостка		Ср. следующее клеймо (№№ А 692 и 862)
82	Α		A 862	VI, кв. 1—5, сл. II, черп. вымостка		Обе ручки очень небольшие, коринчевато-красной глинны с мелкими блестящими
83		Каудей без надписи но вдавленном круге	A 1904	VI, кв. 12а—13а, сл. II		Восстановление предположительное
84	I(ulius) A(uli) F(ilius) Q. (Табл. I, рис. 6)		A 1135	VI, кв. 6в, сл. II, черп. вымостка		
85—87			A 1094, 1400, 1815			В виду плохой сохранности разобрать не удалось. № А 1400 отрисовано овальную геммою
Клейма на боспорских черепицах						
88	[Βα]στικ[ή]		A 1440	VI, кв. 113, сл. I	Ср. Г, 277, № 95	Надпись читается справа налево
89	Βα[στικη]		A 1456	VI, кв. 113, сл. II	Ср. Г, 279, № 95	Надпись читается справа налево
90	Ἰππο(χράτεας)		A 1858	VI, кв. 1—5, сл. II, черп. вымостка	Ср. Г, 305, № 37	
91	Ἰππο(χράτεας)		A 2925	VI, кв. 6, сл. III близ водостока	Ср. Г, 305, № 36	
92	Λευ(γύρας или δάμας)		A 1347	VI, кв. 6, сл. II, черп. вымостка	Ср. Г, 307, № 47	
93	Λευ(γύρας или δάμας)		A 1885	VI, кв. 12—13, сл. II, черп. вымостка	Ср. Г, 307, № 48	
94	Παιρ(σάδου)		A 1042	VI, кв. 5, сл. I	Ср. Г, 311, № 69	Второе клеймо сбито
95	Ἐρχοντος Ἰχθαίνοντος		A 1467	V, кв. 9, сл. I	Ср. Г, 314, № 93	

1	2	3	4	5	6	7
	Синопские клейма					
96	[ἀστινό]μου [Αἰσχί]νου [[᾽Αγάθω]- νος?	Гроздь справа от над- писи	Δ 20	Б, случайная находка		IV (180—150). Восстано- вление клейма дано по эмблеме, обычной для этого астинома; имя фабриканта может быть иным
97	ἀστινόμου Απολλοδώρου τοῦ Διο- νυσίου		Δ 340	Б, кв. 2, вымостка п ⁰ 11а	Ср. Э, 63 № 37, ИАК, 11, 23, № 26 и др.	V/VI (150—70)
98	[ἀστ]ινόμου Απ ολ λ ω δώρο[υ] τοῦ [Δι]ονυσίου.		Δ 1903	Б, кв. 2, вымостка п ⁰ 11а		V/VI (150—70)
99	[ἀστινό]μου [[᾽Απ]ολλων[ίδου] τοῦ [Ποσειδ]ώνου] [Καλλισθένης]	Справа от надписи гроздь	Δ 139	Б, кв. 1, вымостка п ⁰ 5	Ср. ИАК, 11, 33, № 27	VI (120—70)
100	[᾽Ατ]τάλου [ἀστ]ινόμου [Κι]νό- λιος.		Δ 2149	В, кв. 5	Ср. Э, 87, № 512 с эмблемой: голова вправо	IV (180—150)
101	[Βό]ριος ἀ[στ]ινόμου Πασίχ- [άρος].		Δ 3358	Б, кв. 76, слой IV	Надпись сильно потерта, но чи- тается с уверенностью; не издавалась, но есть в руко- писи IosPE III	III (220—183)
102	[ἀστινό]μου Ἐκατάτου [τοῦ] [᾽Αρτεμιδώ]ρου?	Канфар в правом верх- нем углу клейма	Δ 1584	В, кв. 4, сл. III		V—VI (150—70). Возмож- ны и другие восстано- вления, напр. ᾽Αντιδώ- ρου, τοῦ ᾽Αντιπάτρου или ᾽Αντιπάρου τοῦ ᾽Απολ- λωδώρου
103	Ἐπέλλου ἀστινό(μου) [Πόδ]η[ς]		Δ 1941	Б, кв. 2, вымостка п ⁰ 11б	Ср. Э, 89, № 575	II (270—220)
104	[᾽Ηρακλε]ίτου [ἀστ]ινό(μου) [Νου]μήσιου. (Табл. I, рис. 8)	Лев сидящий, вправо, справа от надписи	Δ 19	Б, случайная находка		II (270—220)
105	[ἀστινό]μου [᾽Ηρω]νόμου τοῦ [᾽Ηρ]ώνου[μου] τοῦ [Ποσει- δ]ώνου[ου]. [᾽Απο]λλ[ω]ώνιος.	Трофей справа от над- писи	Δ 32	Б, кв. 1, сл. I	Ср. Граков, ук. соч., табл. 13, № 2, по которому восста- новлено имя астинома. При- мечательно точное совпадение эмблемы	VI (122—70)
106	[ἀ]στινόμου [Ἐη]ρηκλέους τοῦ Απολλωνίου. Πύθης. (Табл. I, рис. 9)	Собака, бегущая вправо, справа от надписи	Δ 2408	Б, кв. 76, сл. IV	Ср. Э, стр. 71, №№ 194—195	VI (122—70)

КЛЕЙМА ИЗ РАСКОПОК В МИРМЕКИИ 1934 г.

1	2	3	4	5	6	7
107	ἀστυνόμου Ἰχέσιου τοῦ Βαχχίου. Ἡφείστιος	Нос корабля в правом нижнем углу клейма	Δ 129	Б, вымостка № 8		V (150—122)
108	Ἡφείστιος [αὐ]στυνόμου[τος] Ἰχέσιου τοῦ Βαχχίου. (Табл. I, рис. 10)	Орел, стоящий влево, справа от надписи	Δ 337	Б, кв. 2, вымостка № 11		VI (122—70)
109	ἀστυνόμου Ἰχέσιου τοῦ Σαίου.	Верхняя часть статуи с рогом изобилия, низ отбит	Δ 131	Б, кв. 2, сл. III, вымостка № 8	Ср. Э, 72, № 205—207, со знаком: мужчина, облокотившийся на колонну, с рогом изобилия в руке; ИАК, 11, 43, № 141	V (150—122)
110	ἀστυνόμου Ἰππίνου τοῦ Διονυσίου. Δαῖς	Пальма справа от надписи	Δ 1021	А, вымостка № 3	Это клеймо до сих пор на юге СССР не встречалось	VI (122—70)
111	ἀστυνόμου Μητροδώρου. Μνήστιος. (Табл. I, рис. 11)	Справа от надписи часть эмблемы	Δ 3489	В, кв. 4, в позднекаменном завале		II—IV (270—180). По подлиннику можно считать его относящимся к III группе
112	ἀ[σ]τυνόμου Μή[τ]ροδώρου τοῦ Ἀθηνίτου. Στέφανος.	В правом нижнем углу роза с 8 лепестками	Δ 2407	Б, кв. 86, сл. IV		VI (122—70)
113	ἀστυνόμου Μητροδώρου τοῦ Ἀριστέγυρου Πρωτος. (Табл. I, рис. 12)	Конь, вставший на дыбы влево, справа от надписи	Δ 1651	В, кв. 4, сл. III	Это клеймо, насколько я знаю, до сих пор на юге СССР не встречалось	VI (122—70)
114	Μηρίου ἀστυνα μούτος Φιλοκράτους	Трофей	Δ 1896	В, кв. 2, вымостка № 11а		III (220—180)
115	ἀσ[τ]υνόμου Μηρίου τοῦ Ἀρισταγόρου]. Νετύλιος.		Δ 2390	Б, кв. 76, сл. III		VI (122—70)
116	Ἡφείστιος ἀστυνόμου Μιλ[τ]ου Ἰχέσιου		Δ 3484	Случайная находка	Ср. Зап. Олесск. общ. ист. и др., XVIII, 140, № 35	IV (180—150)
117—118	ἀστυνόμου Μνησιχλέους Ἰχέσιου τοῦ	Гроздь в правом нижнем углу клейма	Δ 1894 и 1895	Б, кв. 2, вымостка № 11а	Ср. Э, 75, № 269—272. Вместо Ἰχέσιου можно восстановить также Ἀτάλλου или Διονυσίου и т. п.	III (220—180)
119	Μνήσι μάχου ἀστυνόμου Κινώλιος.		Δ 1943	Б, кв. 76, сл. III	Вместо Μνησιμάχου можно восстановить также Μνησιχλέους; также клеймо имеется Э, 94, № 666—667	III (220—180)
120	ἀ[σ]τυνόμου Μ νήσιος τοῦ Φερμι[ω]ν[ος]. Ἀγιάδ[ων].	Нико, идущая вправо	Δ 1019	А, вымостка № 3	Клеймо очень стерто	VI (122—70)
121	ἀστυνόμου Πρωτεύου τοῦ (Ἰεχρίωνος).	Фигура, стоящая de face облокотившись правую руку на колонку, справа от надписи	Δ 1897	Б, кв. 2, вымостка № 11а		V (150—182). Клеймо удалось восстановить только по своеобразной эмблеме

1	2	3	4	5	6	7
122	[ἀ]στυνόμου Πίσστος τοῦ [Δα]ίσ- χοу. Μενίσχο[ς]	Голова Геракла, обра- щенная влево, в конце второй строки надписи	Δ 1018	А, вымостка п ⁰ 3		VI (122—70)
123	ἀστυνόμου Πίστος [τ]οῦ Δείσ хоу, [Πρό]τος	Треножник, справа от надписи	Δ 36	Б, сл. II		VI (122—70)
124	ἀστυνομῶν[το]ς Προλόχοу [τo]ῦ Μ[ε]νίσχου.	Победа вправо с паль- моу в руке, справа от надписи	Δ 133	Б, сл. III, вымостка п ⁰ 8		VI (122—70)
125	ἀστυνόμου Πρωταγόρου τοῦ Κυ- νίσχου. Μενίσχο[ι]τος. (Табл. I, рис. 13)		Δ 1900	Б, кв. 2, вымостка п ⁰ 11а		VI (122—70)
126	Α . . . τ . ου. ἀστυνό μου Πρω- το[φ]άνους. (Табл. I, рис. 14)	Гроздь справа от над- писи	Δ 21	Б, случайная находка		II (270—220)
127	Πρωκλέους ἀστυνόμου Ἀτοῦος	Бородатая голова Силена влево, справа от над- писи	Δ 1899	Б, кв. 2, вымостка п ⁰ 11а	Ср. ИАК, 11, 82, № 344	III (220—180)
128	[Σα]τύρου ἀσ[τυ]νό[μου] Σάχαρ- [ις] или τίος.	Плющевая гроздь, лист (справа от надписи)	Δ 1942	Б, кв. 2, вымостка п ⁰ 11б		III (220—180). Это клеймо пока не встречалось. Вероятно, Σάχαρις асти- ном и ο перед σ про- пущено
129	[ἀστυνομῶν]τος [. . . . . ο]υ [. . . . . ο]υ	Гроздь в правом нижнем углу клейма	Δ 134	Б, кв. 2, сл. III, вы- мостка п ⁰ 8		IV/V (150—120)
130	[ἀστυνόμου] [Δημ.]οσθένη[ς]	Гроздь справа от над- писи	Δ 2035	Б, кв. 4, сл. III		IV—VI (180—70)
131	Διονύσιος		Δ 69	Б, кв. 2, сл. I		IV—VI (180—70)
132	• Πφαί[στίος]		Δ 1905	Б, кв. 2, вымостка п ⁰ 11а		IV—VI (180—70)
133	Κλέαρχος	Гроздь в правом нижнем углу клейма	Δ 3491	Б, кв. 2, вымостка п ⁰ 11а		IV—VI (180—70)
134	Κληέρχο[ις] (Табл. II, рис. 1)	То же	Δ 1904	Б, кв. 2, вымостка п ⁰ 11		Клеймо одного штампа. с предыдущим
135	Μεθριδά[της]		Δ 973	А, сл. II		V (150—122)
136	[Σινο]πίων	Голова бородатого Ге- ракла в шкуре вправо, справа от надписи	Δ 1901	Б, кв. 2, вымостка п ⁰ 11а		IV (180—150)

1	2	3	4	5	6	7
137—144	Восемь синопских клейм	Неясная фигура с рогом изобилия; неясная голова; без следов эмблемы; нос корабля; канфар; часть головы; без эмблемы; неясная эмблема	Д 1259, 130, 2389, 68, 1951, 338, 1902, 1898			Отдельные читающиеся буквы и неясность эмблемы не позволяют восстановить текст даже приблизительно
145	Μά[τ]ρος ἀλτινό[μου]		Д 468	А, сл. I		
Херсонесские клейма						
Родосские клейма						
а) С именами эпонимов						
146	ἐπὶ Δαμο[κλεῦς,] Δαλίου.		Д 193	Б, кв. 1, яма		
147	ἐπ[ί] [Ϛ]αρ[σ] ιπόλι[ς.]		Д 349	Б, кв. 2, вымостка n° 11а	Ср. Стассе, ук. соч. № 42 Ср. Э, 33, № 29	II (200—190)
148	ἐπὶ Θε[α]ιδῆ το[υ] Θεσμ[ο]φορίου.		Д 2411	Б, кв. 76, сл. IV		
149	[ἐ]πὶ Θε[ρ]άσω[ν]ος. [Σ]μ[ε]νδῆ[του].		Д 456	А, кв. 1, сл. I	Ср. Э, 10, № 196. Гракков предлагает читать 'Ιάσω[ν]ος, но 'Ιάσω[ν] в числе эпонимов до сих пор не встречался и родительный падеж этого имени почти всегда пишется через ο: 'Ιάσω[ν]ος. Поэтому я предлагаю читать Θράσω[ν]ος, хотя Θράσω[ν] как эпоним известен только по эрмитажному экземпляру	
150	ἐπὶ Ξενοφάνε[υ]ς Πατάμου. покруг цеткп		Д 1834	Б, кв. 4		II (200—180)
151	ἐπ[ί] Ξενοφ[άν]του, Χαχ[ι]νθ[ί]ου.		Д 491	А, вымостка n° 3		II (220—180)
152	ἐπ' ἰσρέ[ω]ς Παυτανά. Καρνε[ίου].		Д 363	Б, кв. 3, сл. II		II (80—150)
153	ἐπ[ί] . . . . . Λυ[ριανίου]?		Д 354	Б, кв. 3, сл. I	Ср. N, № 352 (7, 8)	

1	2	3	4	5	6	7
б) С именами фабрикантов						
154	'Αγαθ[οχλαῖος или 'Αγαθ[οβούλου]	В левом нижнем углу клейма ваза	Д 2931	В, п/кв. 9, сл. III		Во второй строке название месяца совершенно стерлось
155	'Αντιγόνο[υ] вокруг цветка	Цветок	Д 3490	Б, случайная находка	Ср. Э, 22, № 483—484	Клеймо это (круглое) отпечтано на одной из ручек цельной амфоры, составленной из многочисленных кусков, собранных при раскопках Мирмекии в 1934 г. (амфора воспроизведена на в отчете о раскопках Мирмекии на рис. 48). Второе клеймо с именем эпонима, к сожалению, сбито
156	'Αἴθιο around flower	В ободке из точек цветка	Д 3343	В, кв. 6	Вместе с этой амфорой у нас в СССР, насколько я знаю, имеется всего 2 родосских амфоры; вторая находится в Гос. Эрмитаже № 421 и изд. Э, 6, № 107 ἐπι 'Αρχιλαΐδα Δα[λ]ίου и Э, 22, № 523, Αρχιτοχλαῖος. Кроме двух цельных амфор, имеются еще 4 горла родосских амфор с сохранившимися обенными ручками: 1) В Одессе с ἐπι 'Αγεστράτου Παύλου на одной и с 'Αφροδίτου на другой ручке, изд. Веккер, Зап. Одесск. общ. XI; 2) ἐπι 'Αντιόχου Θεοδοφόρου и 'Ουρίτου в Херсонском музее; 3) с ἐπι 'Αλεξίμαχου 'Αγρίσιου и 'Αντιμάχου в Историческом музее в Москве; 4) с ἐπι 'Αριστοτέλους, 'Αρτμήτιου и Μενεστράτου, найденная в Ольвии в 1889 г. в коллекции Суручана в Кишеневе. Если бы при находке этих амфор столь же тщательно были собраны все куски, как их собрали в Мирмекии, то, вероятно, удалось бы и их составить. Клеймо 'Αἴθιο найдено на юге СССР еще 6 раз, 3 раза с эпонимом ἐπι Πυρραγορίδη на одном и том же клейме, так что на второй потерянной ручке стояло только имя месяца. Цветок и ободок из точек встречаются на всех клеймах с именем 'Αἴθιο, иногда прибавлены еще монограммы. Ср. N, 372, № 59	

1	2	3	4	5	6	7
157	Ἐρμαίσχοι.	Остаток горны или остаток надписи αλ во второй строке Кадуцей	Δ 1736	В, кв. 4, сл. III	Ср. Э, 26, № 618; N, 420, № 197	Ручка двуствольная
158			Δ 2918	В, п/кв. 8, сл. III	Вероятно, над ним была надпись, напр. Εὐχλείτου, как на армитажном экземпляре. Э, 26, № 622, табл. I, № 29	
159	Ζή(ωνος) в четырехугольнике (Табл. I, рис. 15)		Δ 1494	А, в рушеной земле, на уровне дна цистерны		
160	[Ἰ]ραχλ[έ]του		Δ 1210	А, вымостка п ^о 3		
161	Κλεω νύμου		Δ 506	В, п/кв. 9, сл. III		
162	[Ἰ]ον ασι[μου]?		Δ 2950			Чтение сомнительно, клеймо очень неясно
163	Ῥόδ(ωνος?) (Табл. II, рис. 2)		Δ 1209	В, кв. I—III, вымостка п ^о 5		Эта монограмма встречается в первый раз; ручка двуствольная
164	[Φιλ]οχράτεος или [Ἐν]οχράτεος		Δ 101	В, кв. 2, сл. I		Все клейма прямоугольные, слабо видны отдельные буквы
165—167			Δ 492, 688, 1017			
Φασοσские клейма						
168	Εὐβο(ύλου)? (Табл. II, рис. 3)		Δ 3529	В, случайная находка		Такое клеймо раньше не встречалось на юге СССР
169	Θάσι(ον) Σάτυ(ος) Γλαῦ(χος)	По четырем сторонам канфара	Δ 1723	В, кв. 4, сл. III	Ср. Э, 53, № 392—394	
170	Θάσι(ον) Σάτυ ρος Γ' Λαῦ(χος)	Κανфар	Δ 13	В, случайная находка		
171	Θάσι(ον) Μεσ. . . . λευ или ἐπί Τελεφόνεος	Припавший на передние ноги козла влево. Надпись по двум сторонам этого изображения	Δ 2581	В, кв. 6, сл. III	Ср. Э, 113, № 272—273; 122, № 5	
172	[Θασι(ον) Νύμφη] v. [Ἀριστ]αγόρ ης	По трем сторонам треножника, стоящего на подставке	Δ 1944	В, кв. 2, вымостка п ^о 116	Ср. Э, 46, № 59; по этому клейму я восстановила клеймо потеряное из Мирмекия	

1	2	3	4	5	6	7
Жидские клейма						
173	Круглое клеймо с букранием по середине. Круговая надпись стерта		Д 2917	В, п/кв. 8, сл. III		
174	Ἐπιχρῶς [επ.χ.] ἐπι Ἀνθολ[ὸχου] Κν[ίδου]	Неясный знак во второй части третьей строки	Д 132	Б, кв. 2, сл. III, вымостка п ^о 8		
Энглифические клейма на горлашках амфор						
175	Μῦς, ε[πι] ΓΑΛΛ[ἑτ]α[.] (Табл. II, рис. 4)		Д 3492	Случайная находка		Надпись читается справа налево
176	Ἀρίστ[α] Δῖον		Д 2338	В, кв. 5, сл. III		
177	Γ[Ο]νάσο(υ).		Д 1208	Б, кв. 1—3, вымостка п ^о 5		
Клейма неизвестного происхождения						
178	III в овале		Д 1950	Б, кв. 2, вымостка п ^о 116		
179	Κε		Д 1745	В, кв. 4, сл. III		Первые две буквы узкого прямоугольного клейма
180	Λυχίου.		Д 31	Б, кв. 1, сл. I		
181	Δ в круге		Д 3528	Б, кв. 76, сл. IV		
182	И в круге (Табл. II, рис. 6)		Д 1940	Б, кв. 2, вымостка п ^о 116	Ср. Э, 105, № 52—54; Зап. Одесск. общ., XVIII, 167, № 27	Глина похожа на флосскую
183	· ἀστ[α] или · ἀστ[α] (Табл. II, рис. 7)		Д 959	А, кв. 1, сл. II		Не поддаются прочтению, глина ручки № Д 3357 напоминает книдскую, в овальном штемпеле изображение морской лилии без надписи
184—187			Д 128, 1343 2410, 3357			
Γραφίτι						
188	ΦΑ (Табл. II, рис. 9)		Д 1097	Б, кв. 5	Нацарапано на черепке	

1	2	3	4	5	6	7
189	Δημιτερό(υ) (Табл. II, рис. 10)		Д 2578	В, кв. 6	Надарапано на ручке чернола- кового сосуда	IV в. до н. э.
190	Προμήθεός (Табл. II, рис. 8)		Д 2577	В, кв. 6	Надарапано на донышке черно- лаковой пиксиды	II в. до н. э.
Клейма на боспорских черепицах						
191	Γ'Αστ[υ]δάμας).		Д 1737	В, кв. 4, сл. III	Ср. Г, 301, № 11	На калитере
192	Βασίλική.		Д 2944	В, п/кв. 9, сл. III	Ср. Г, 258	На калитере
193	Βασίλική		Д 3010	В, п/кв. 8, сл. III	Ср. Г, 258	На калитере
194	Βασίλ[ιχή]		Д 3076	В, п/кв. 8, сл. III	Ср. Г, 258	На калитере
195	Βασίλικός		Д 15	Б, случайная находка	Ср. Г, 279, № 99	На калитере
196	Βασίλικός.		Д 2942	В, п/кв. 9, сл. III	Ср. Г, 279, № 99	На калитере
197	Βα[σιλικός].		Д 2946	В, п/кв. 9, сл. III	Ср. Г, 279, № 99	На калитере
198	[Βα]σιλικός.		Д 3080	В, п/кв. 8, сл. III	Ср. Г, 279, № 99	На калитере
199	Ἐπί(Λυκος?)		Д 3457	Случайная находка в за- падной части городища	Это более сокращенный вариант клейма, изданного Г, 303, № 18	На калитере
200	[Κ]αλλιφῶν		Д 2916	В, п/кв. 8, сл. III	Ср. Г, 305, № 39	На калитере
201	Καί(ράνου)		Д 1307	Б, кв. 5, при расчистке ямы № 34	Ср. Г, 307, № 42	На калитере
202	Λεύκωνος		Д 1861	В, кв. 2 в резервуаре I	Это клеймо Левкона II до сих пор не встречалось	На калитере
203	Μάγ[εοι]		Д 3456	Подземный материал с Эменного мыса		Очень потертое клеймо на плоской боспорской черепице; разбивается с большим трудом
204	[Μητ]ρο[δίου]		Д 1237	Б, кв. 5—6а, сл. III	Ср. Г, 309, № 59	Второе клеймо отбито
205	Πατρι(σάδου)		Д 2943	Б, п/кв. 9, сл. III	Ср. Г, 31, № 69	
206	Σατ[υ]ρίωνος]]		Д 2944	Б, п/кв. 9, сл. III	Ср. Г, 313, № 78	
207	[Σ]παρ[τόχου]		Д 1159	Б, кв. 5, сл. III	Ср. Г, 313, № 81	
208	Σα[τυ]ρίωνος]]		Д 2037	В, кв. 4, сл. III	Ср. Г, 313, № 78	

ГИДРАВЛИЧЕСКИЕ РАСТВОРЫ, ПРИМЕНЕННЫЕ В МИРМЕКИЙСКОЙ АНТИЧНОЙ ВИНОДЕЛЬНЕ

[Справка Института археологической технологии (б. ГАИМК)]

Внутренность давяльного отделения древней винодельни, открытой в 1934 г. в Мирмекии, облицована двумя видами „цемента“. Первоначально все части помещения винодельни, в том числе и резервуары для вина, были покрыты белым „цементом“, позднее при перестройке винодельни в раннеримское время действовавшие части внутри винодельни были покрыты розовым „цементом“, резко отличающимся от белого и по своей сохранности и по внешнему виду. Оба „цемента“ исследованы в Институте археологической технологии в 1935 г., и на основании полученных данных можно сделать ряд выводов о природе белого и розового цемента.

Резко различаясь по твердости и механической прочности в том состоянии, в котором они сохранились при раскопках, цементы различны и по химическому составу.

При сопоставлении результатов химического анализа цемента и произведенных необходимых подсчетов получается ряд ценных показателей, вскрывающих и те затруднения производственного масштаба, с которыми имели дело древние виноделы, и технические приемы, которые они применяли для их устранения.

	Белый цемент	Розовый цемент	
SiO ₂	9.39	27.21	Модуль цемента:
TiO ₂	0.10	0.36	Гидромуль
Al ₂ O ₃	1.28	6.12	CaO
Fe ₂ O ₃	2.04	3.24	SiO ₂ + Al ₂ O ₃ + Fe ₂ O ₃
Fe ₂ O ₃	0.14	0.28	Силикатный модуль
MnO	0.05	0.10	SiO ₂
CaO	42.57	31.41	Al ₂ O ₃ Fe ₂ O ₃
MgO	4.27	3.22	Железный модуль
K ₂ O }	0.58	0.24	Al ₂ O ₃
Na ₂ O }			Fe ₂ O ₃
Гигр. H ₂ O . . .	2.00	1.43	Известково-магнезиальный модуль
Потери при прокал. . . .	2.26	1.43	CaO
CO ₂	35.34	24.61	MgO
	99.97%	99.65%	

Модуль цемента

	Белый	Розовый
Гидромуль	3.3	0.8
Силикатный	2.8	2.9
Железный	0.6	1.8
Известково-магнезиальный	9.9	9.7

Особенно характерным является почти полное совпадение силикатного и известково-магнезиального модулей. Микроскопическое исследование шлифов белого и розового цемента, при сопоставлении аналитических данных и сравнений модулей, вскрывает истинную природу обоих цемента. Розовый цвет цемента обуславливается значительной примесью крупинок толченого кирпича или обожженной глины.

Под микроскопом ясно видны обособленные и довольно крупные зерна этой примеси. Эта именно примесь резко отличает розовый цемент от белого. Последний по своим модулям должен быть причислен к категории сильно гидравлических известей (гидромуль 3.3). Таким образом этот образец не может быть назван цементом в строгом значении этого слова. По своему известково-магнезиальному модулю эта гидравлическая известь должна быть причислена к типу магнезиальных известей.

Какие недостатки могут быть у такого строительного раствора, как магнезиальная гидравлическая известь, примененная для облицовки винных цистерн и платформ для выжимания виноградного сока? По водоупорности и механической прочности этот раствор вполне удовлетворил бы древних строителей, если бы в производстве вина не имели места такие неблагоприятные факторы, как содержание значительного количества сахаристых веществ в виноградном соке, присутствие углекислоты и уксусной кислоты. Неизбежна реакция между виноградным соком и материалом, примененным для облицовки.

Образование сахаратов кальция, снижая содержание глюкозы, может замедлить и даже остановить брожение и испортить вкус вина. Разрушение стенок цистерны сахаратами кальция идет быстро. Присутствие уксусной кислоты также вызывает разрушение материала облицовки цистерн и переход части кальция (а возможно и других элементов) в виде уксусно-кальциевой соли в раствор, т. е. в вино.

Предположения историков, приурочивающих белую облицовку к эллинистической эпохе, а розовую к римской, еще более подкрепляются тем, что розовый „цемент“ — действительно цемент, особенно характерный для римской техники,

Розовый цемент должен быть причислен к типу известково-пуццолановых цементов, которые получают прибавлением к извести гидравлических добавок. В данном случае взята кислая гидравлическая добавка в виде кирпичного боя — и это сделано вполне рационально, так как белая облицовка по своему химическому характеру слишком основная и потому особенно легко разъедается кислыми и сахаристыми растворами.

Гидравлическая добавка в виде кирпичного боя особенно излюблена римлянами и является чрезвычайно характерной для сооружений римского времени по всему Причерноморью.

Представляя уже настоящий цемент, розовая облицовка имеет за собою ряд существенных преимуществ: прочность, твердость и большую (в условиях виноделия) кислотоупорность; поэтому так заботливо и облицованы розовым цементом наиболее ответственные места винодельни-цистерны. Количество гидравлической добавки выявляется при пересчетах обоих анализов на содержание глинистого вещества:

	Белый цемент	Розовый цемент
Глин. вещ.	2.24	15.49
Кварц	7.88	19.99
CaCO ₃	75.96	56.04
MgCO ₃	8.94	6.73
Fe ₂ O ₃	2.04	3.24

Глинистое вещество, входящее в состав белой облицовки, не является искусственной добавкой — оно находилось в тонко распределенном состоянии в том материале, из которого была изготовлена белая гидравлическая известь. В розовом же цементе оно было добавлено в количестве 13%.

Изучение данных химического анализа приводит далее к существенным выводам и относительно материала, из которого был изготовлен белый и розовый строительные растворы. Постоянство отношения Ca и Mg показывает, что в обоих случаях был применен один и тот же материал. Таким материалом был магнезиальный известняк, широко распространенный в мощных залежаниях в районе Керчи и по всему кавказскому побережью Черного моря. Свита

известняков, относительно незначительно варьирующих в своем химическом составе, тянется и по большей части Крымского полуострова.

На базе этого минерального сырья еще в дореволюционное время построено несколько цементных и известковых заводов. Это же сырье в свое время было оценено и греческими и римскими колонизаторами Причерноморья. Остается только открытым вопрос: сознательно ли искали и применяли древние строители известняки с повышенным содержанием магнезия, или это было неизбежно по наличию определенных известняков. Это могло бы разъяснить только более обстоятельное знакомство с их залеганием на месте раскопок. То же следует сказать и относительно глин, примененных, как кислая гидравлическая добавка, к гидравлической извести, получаемой из местных известняков.

Ни розовый цемент, ни белый раствор, покрывающие стены цистерн и площадок винодельни, далеко не являются идеальным материалом для хранения такой жидкости, как богатый виноградным сахаром сок, переходящий в процессе брожения то в спиртную, то в кислую жидкость. Все три основные стадии состояния виноградного сока разрушают материал цистерн.

Химические реакции между щелочным материалом стенок цистерн и их жидким содержанием должны были идти достаточно интенсивно. Необходимы были вспомогательные средства для защиты известковых и цементных стенок цистерн нейтральным и достаточно прочным слоем. Несомненно, древние строители такими средствами располагали. Наиболее вероятно, что эти средства относились к порядку органических покрытий, для которых могли употребляться и воск и смолы.¹

Вопрос о них применительно к мирмекийской винодельне остается пока открытым и должен послужить предметом дальнейших исследований.

¹ Применение для этой цели смолы подтверждается указанием, имеющимся в трактате Колумеллы о сельском хозяйстве, который советует покрывать площадки, на которых производится выжимание виноградного сока, смолой для достижения полной непроницаемости.

LES FOUILLES DE TYRITAKÉ ET DE MYRMÉKION EN 1932—1934

Résumé

Le présent compte rendu est consacré aux fouilles exécutées en 1932—1934 à Tyritaké (Kamyč-Bouroun) et Myrmékion par l'Académie N. Marr d'histoire de la culture matérielle. Ces travaux inaugurèrent les fouilles systématiques des localités habitées et des nécropoles de l'ancien Bosphore Cimmérien.

Les résultats obtenus déjà après deux campagnes dans ces villes, dont l'une (Tyritaké) était totalement inconnue avant ces fouilles et l'autre (Myrmékion) à peine connue, ont enrichi la science de données extrêmement intéressantes.

La ville bosphorienne de Tyritaké (selon Ptolémée et le périple d'Anonymos), découverte dans la contrée appelée aujourd'hui Kamyč-Bouroun, est située au bord du détroit de Kertch, à 11 km au sud-ouest de Kertch, entre Panticapée (Kertch) et Nymphée (aujourd'hui Eltighen).

Le nom de la ville de Tyritaké n'est pas hellénique et son origine se trouve évidemment en rapport avec la population locale préhellénique. Les plus anciennes trouvailles (céramique ionienne) faites dans les fouilles de Tyritaké en 1932 ont établi que la ville a été fondée déjà dans la seconde moitié du VIe siècle avant notre ère. Comme monuments de l'époque préhellénique, on a trouvé deux grandes sculptures primitives sous forme de dalles de pierre représentant un homme et une femme, remontant probablement au début du Ier millénaire avant notre ère et se rapportant peut-être aux Cimmériens. La ville grecque était entourée de puissantes murailles et de tours, dont la construction a commencé au V—IVe siècle. Les fouilles dans la partie sud de la ville ont mis au jour une surface considérable avec restes d'ouvrage de fortification. De la tour angulaire I, qui date de l'époque hellénique ancienne, partent vers le nord-est et le nord-ouest des murs de défense. Cette tour, ainsi que la tour III située à 3.60 m au nord-est, a été bâtie avec de grandes dalles de calcaire bien taillées posées à sec; ces tours flanquent des deux côtés les portes de la ville. De la tour I vers le nord part un mur de défense de la même époque, revêtu extérieurement de pierres façonnées en genre rustique. A 21.00 m de la tour I, ce mur vient s'appuyer contre la tour III, puis monte vers le nord-est, mais avec

une épaisseur réduite. Tous ces ouvrages de défense existaient à l'époque hellénique tardive et à l'époque romaine ancienne (jusqu'au IIIe siècle de notre ère), subissant des restaurations et des reconstructions visant le renforcement de leur pouvoir défensif.

Les parties des quartiers de la ville dégagées par les fouilles permettent d'établir, que les maisons d'habitation et les constructions économiques, de même que les rues, étaient généralement orientées du nord au sud et de l'est à l'ouest. Les rues (on en a découvert deux jusqu'à présent) étaient pavées soit de dalles de pierre, soit de fragments de céramique avec de la pierraille. Parmi les maisons d'habitation on distingue un complexe de l'époque romaine ancienne, consistant en une cour soigneusement pavée de grandes dalles de pierre et une série de locaux disposés sur les côtés de la cour.

Les fouilles ont montré que la ville servait au Bosphore de gros centre de pêche et de salaison du poisson. Ayant mis au jour 1/15 environ du territoire de la ville, on y a découvert 24 grands réservoirs pour la salaison du poisson, appartenant à six exploitations, dont une seule, comprenant 3 réservoirs, se rapporte à l'époque hellénique tardive et les autres à l'époque romaine. Particulièrement intéressante est une grande exploitation avec 16 réservoirs, deux puits et un local pour la préparation du poisson, découverte dans la partie sud de la ville près du mur de défense. La capacité moyenne des réservoirs est de 13,175 m³, leur capacité globale dépassant 210 m³. Au fond de quatre d'entre eux on a trouvé des couches tassées de menus os de poissons et d'écaillés, appartenant surtout au hareng de Kertch (*Caspialosa*). Les parois des réservoirs sont faites de petits moellons liés par un mortier rose composé de chaux, de sable et de brique pilée. L'enduit intérieur des parois, maintes fois renouvelé, a la même composition. Les autres réservoirs de l'époque romaine sont faits de la même manière (dans ceux de l'époque hellénique tardive, les parois sont constituées par de grandes plaques calcaires). Le matériel fourni par les fouilles de la ville permet d'affirmer que la vie s'y est poursuivie jusqu'au VI—VIIe siècle de notre ère.

Simultanément, on a effectué des fouilles dans la nécropole, située au nord et à l'ouest de la ville. Ses types de sépultures sont communs dans les cimetières antique du Bosphore, sauf les caveaux romains, qui ont parfois deux chambres, l'une au-dessus ou à côté de l'autre.

Myrmékion était située sur le littoral du Bosphore Cimmérien (aujourd'hui détroit de Kertch), à 4 km au nord-est de Panticapée.

Myrmékion est mentionné par de nombreux écrivains de l'antiquité, Strabon donne des indications sur sa situation exacte. Suivant la supposition de S. Zebelev, le nom de la ville de Myrmékion tire son origine du nom de l'oïkistes Myrmèxe, de façon analogue à certaines autres villes du Bosphore, telles que Phanagorie et Hermonasse.

Déjà au début du XIXe siècle, il a été établi que les restes de l'ancienne Myrmékion se trouvent près du cap Karantinny au bord de la baie de Kertch, ce qui correspond aux 20 stades qui, selon Strabon, séparaient Myrmékion de Panticapée. En 1834, sur le promontoire qui constituait probablement l'acropole de Myrmékion furent découverts des caveaux avec sarcophages en marbre. En 1863 et 1885 de petites fouilles furent exécutées dans les ruines de Myrmékion. Durant de nombreuses années, on a exploré la nécropole, qui entoure l'ancienne ville et s'étend le long du littoral de la baie de Kertch, où elle se réunit avec la nécropole de Panticapée.

Les premières fouilles méthodiques de Myrmékion furent commencées en 1934. Les recherches se faisaient dans la partie occidentale de la ville. La trouvaille de fragments de céramique rhodo-ionienne dans la couche archéologique la plus ancienne a montré que la formation d'une agglomération humaine sur l'emplacement de Myrmékion se rapporte au milieu du VIe siècle avant notre ère. A côté de la céramique étrangère, cette couche a livré des tessons de poterie indigène, scythique. Myrmékion semble avoir été à l'origine un centre de commerce d'échange.

Au Ve siècle avant notre ère, Myrmékion occupait un vaste territoire et était une localité assez importante. C'est à cette époque qu'appartient une série de restes de construction découverts. Parmi la céramique de ce temps, on constate une abondance de fragments de céramique attique, principalement à vernis noire. La trouvaille dans les couches archéologiques anciennes

d'amas de grains de céréales (blé) atteste que Myrmékion s'occupait d'agriculture et du commerce des céréales. Aux époques hellénique et romaine, la vie économique de Myrmékion était étroitement liée à la culture de la vigne et à la fabrication de vin, comme en témoigne la découverte d'une grande fabrique de vin avec tout son outillage bien conservé. Ses parties principales sont: une plateforme cimentée, sur laquelle le raisin était écrasé avec les pieds; des soubassements massifs de presses en pierre, où les derniers restes du jus étaient extraits du raisin; de grands réservoirs cimentés, où s'écoulait le jus. Le jus obtenu par écrasement des grappes avec les pieds n'était pas mélangé avec celui qui sortait de la presse: ils étaient recueillis dans des réservoirs différents. L'analyse a montré que le ciment qui recouvre les murs, la plateforme et les réservoirs se distingue par une grande résistance à l'eau. Cette qualité s'obtenait, à l'époque hellénique, par l'emploi d'une chaux spéciale possédant des propriétés hydrauliques. A l'époque romaine, on mêlait à la solution de chaux une grande quantité de céramique broyée, ce qui lui communiquait les propriétés du ciment.

Myrmékion a existé jusqu'au III—IVe siècle de notre ère. Plus tard, sur les ruines de la ville antique s'est établie au moyen âge une petite agglomération, dont les restes forment la couche archéologique supérieure. On y rencontre, à côté de restes de constructions, des fragments de poterie médiévale vernissée, des monnaies tatars du XIIIe siècle. Il est possible que la petite ville qui existait ici au XIII—XIVe siècle soit celle désignée sous le nom de Pondico sur les cartes italiennes de l'époque.¹

¹ Les fouilles de Tyrîtaké et de Myrmékion se sont poursuivies en 1935—1940 (et doivent être continuées); elles ont fourni un vaste matériel nouveau, qui donne une vive image de l'histoire et de la vie de ces villes bosphoriennes et de leur culture matérielle. Particulièrement intéressante est la découverte de restes de constructions liées à la vie économique des anciens habitants, découverte qui élargit considérablement nos connaissances dans ce domaine. On trouvera un bref exposé des résultats des fouilles exécutées jusqu'en 1936 inclusivement dans le mémoire de V. Gajdukevič „Les villes bosphoriennes de Tyrîtaké et de Myrmékion dans la presqu'île de Kertch d'après les fouilles de 1932—1936“ paru dans la „Revue d'histoire ancienne“ (N° 1, 1937, en russe). Un compte rendu détaillé des fouilles de 1935—1940 avec publication des objets trouvés est actuellement en préparation.

Х е р с о н е с

ПРЕДИСЛОВИЕ

Раскопки Херсонеса, начатые в 1827 г., в первый период, до 1888 г., производились эпизодически. С 1888 г. их вела ежегодно, вплоть до начала империалистической войны 1914 г., Археологическая комиссия. В результате этих раскопок были открыты оборонительные стены, городские кварталы, улицы, христианские храмы; раскопками некрополя вскрыто было свыше 4000 могил и т. д. Раскопана была, приблизительно, четвертая часть всей территории города. Но если мы рассмотрим ежегодные отчеты раскопок и их планы, то увидим, что раскопки каждый год производились в нескольких местах вследствие того, что у первых руководителей раскопок не было определенного плана, рассчитанного на продолжительное время. Правда, такое положение обусловлено было отчасти и тем, что иногда приходилось спешить раскапывать те места, которые монастырь занимал или под постройки или под сад и огороды.

В советский период, после перенесения музея в бывшие монастырские помещения и реорганизации его, раскопки были возобновлены в 1926 г. По составленному тогда плану предполагалось в первую очередь раскопать юго-восточную часть Херсонеса, затем северо-восточную и т. д. В 1926—1928 гг. раскопки согласно этому плану производились в юго-восточной части, но в дальнейшем они были здесь прекращены и переброшены в другие места. В 1928—1929 гг. К. Э. Гриневич производил исследование западной оборонительной стены и начал, но не закончил раскопку большого комплекса древних сооружений на Гераклеяском полуострове. В 1930 г. В. Ф. Смолин избрал местом раскопок холм в западной части Херсонеса и раскопал здесь небольшую базилику, абсида которой была обнаружена еще в 1906 г. Плановость раскопок, таким образом, опять была нарушена.

В 1931 г. вопрос о месте раскопок был пересмотрен заново. Тогда пришли к выводу о необходимости производства раскопок в пер-

вую очередь в тех местах, которые стихийно гибнут. Таким наиболее разрушенным местом является северный берег Херсонеса, в самом низком месте которого, против базилики 1889 г., культурный слой размывается морским прибоем. Особенно интенсивно разрушение происходит здесь в зимний и весенний периоды, когда господствующий в это время северо-восточный ветер вызывает на море сильнейшие штормы. Несомненно, значительная часть территории города под ударами морского прибоя в течение веков уже погибла. Мотивированный таким образом выбор места раскопок Академией истории материальной культуры был одобрен, и Херсонесский музей с 1931 г. приступил к осуществлению нового плана раскопочных работ.

Раскопки, производившиеся на северном берегу в течение нескольких лет под ряд, дали ценные результаты и вполне оправдали выбор места. Раскопками открыт ряд кварталов; обнаружены остатки домов с жилыми помещениями, кладовыми, дворами, цистернами, колодцами и канализацией, развалины базилик и часовен и пр. В помещениях найдены в большом количестве предметы разнообразного назначения: орудия производства, бытовой инвентарь, предметы пищи и т. п. Особенно ценными результатами раскопок оказались для изучения Херсонеса средневековой эпохи.

Раскопками руководил зам. директора Государственного Херсонесского музея Г. Д. Белов. Архитектурные обмеры и чертежи выполнены архитектором музея Н. М. Янышевым и Е. В. Веймарном. Фотографом был А. С. Иванов. Определение и описание монет сделано старшим научным сотрудником музея Л. Н. Беловой (описание монет прилагается к отчету).

В настоящем издании публикуется отчет раскопок за 1931—1933 гг. Отчеты за 1934—1936 гг. опубликованы Херсонесским музеем.¹

¹ Г. Д. Белов. Раскопки Херсонеса в 1934 г. Симферополь, 1936. — Он же. Отчет о раскопках Херсонеса в 1935—1936 гг. Симферополь, 1938.

ОТЧЕТ О РАСКОПКАХ В 1931—1933 гг.

Г. Д. БЕЛОВ

РАСКОПКИ В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ХЕРСОНЕСА В 1931—1933 гг.

1931

В 1931 г. границами раскопанного участка являлись: с запада бывшая французская батарея 1854—1855 гг., расположенная на восточной стороне скалистого мыса, с востока — большая поперечная улица, называемая в дальнейшем „восточной“ (эта улица была хорошо видна на поверхности до раскопок). С южной стороны участок был ограничен широкой ложбиной, которая, повидимому, была пустырем между двумя кварталами: на поверхности ее камней совершенно не было, тогда как по сторонам эта поверхность представляла ряд возвышений, состоящих из камней и углублений, заполненных сплошь камнями. Самые высокие места были над помещениями 20—21 и 10—11 (план на табл. I); направление стен здесь можно было видеть до раскопок. С северной стороны культурный слой берега представляет вертикальный обрыв высотой 2,5—3 м. В обрыве видны многочисленные стены, стоящие на различных уровнях, но большей частью на насыпи, а также каналы водосточков под восточной и западной улицами. Возле самого моря берег представляет обнаженную полосу скалы, шириной 5—7 м. В западном конце участка имеются остатки цистерны А, вырубленной в скале; от нее сохранились западная и южная стены длиной по 5 м и высотой 1,5 м. В восточном конце, возле улицы, находится другая цистерна А, стены которой были разрушены большей частью до уровня поверхности скалы и сохранились только в южном углу. На расстоянии около 15—20 м от берега, против середины участка, на дне моря в хорошую погоду видна вымостка цистерны из больших каменных плит. Все эти данные свидетельствуют о том, что значительная часть берега здесь разрушена морем. В результате многовекового разрушения море образовало тут небольшой залив, ограниченный с запада высоким скалистым мысом. В 1931 г. раскопан участок вдоль берега, длиной 55 м, шириной 10—15 м, общей площадью около 700 кв. м.

Раскопки производились без применения „квадратов“, которые в данных условиях, при

раскопках города, были бы нецелесообразны; естественной раскопчной „единицей“ было принято помещение.¹ Раскопанные в отчетном году помещения на плане обозначены цифрами, цистерны же и колодцы — буквами.

Открытые раскопками архитектурные остатки и найденные материалы относятся к нескольким периодам; самым ранним из них является эллинистический период.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

(III—I вв. до н. э.)

Архитектурные остатки эллинистического периода очень незначительны и сохранились под следующими помещениями (на плане заштрихованы крестообразно): две стены под помещением 4, связанные под прямым углом, стена под помещениями 7 и 2, имеющая направление с юго-запада на северо-восток, и две стены под помещением 9а, связанные друг с другом и выступающие из-под стен помещения 9а на 0,20—0,30 м. Все эти стены одинаковы по кладке, сложены из крупных мало обработанных камней на глине и основаны на скале или стоят на очень тонком слое материковой глины. Остатки стен так незначительны, что выяснить план и назначение помещений, которым они принадлежали, не представляется возможным.

Нижний слой, толщиной до 1,50 м, лежавший непосредственно на скале, состоял или из сплошного щебня, т. е. из кусков рубленой скалы, выброшенных из цистерн и колодцев в то время, как их делали, или из глинистой земли с небольшим количеством материковой щебенки.

Находками в нижнем слое (по счету сверху четвертый слой) были донышки глиняных амфор различной формы, причем ножка дна имеет обычно или цилиндрическую форму с утолщением в виде кольца на конце, или конусовидную также с утолщением или без него.

¹ Под термином „помещение“ мы в дальнейшем имеем в виду как жилые комнаты и кладовые, так и дворы, улицы, цистерны и колодцы.

Среди амфорных ручек имеются ручки местного херсонесского производства и, в меньшем количестве, родосские и книдские. Клейма на ручках встретились следующие: του Ἀρίστωνος | ἀστυνομοῦντος, ἀστυνομοῦντος Δημητρίου | του Ἡροξένου,¹ ἀστυνομοῦντος | Μιησικλέους | Μηρίσκου,² Νάνωνος | ἀστυνόμου,³ Νευμηρίου | Φιλιστίου | ἀστυνόμου.⁴

В большом количестве найдены обломки чернолаковой посуды из темносерой глины; лак на них тусклый, плохой. Преобладают обломки тарелок, солонок и канфаров. Обломки тарелок украшены вдавленным орнаментом из пальметок и насечкой, есть несколько канелированных обломков и нижняя часть арибалла с сетчатым орнаментом. В меньшем количестве встречались обломки посуды с накладным орнаментом. Найдены обломки посуды из бледно-розовой глины, покрытой желтоватой облицовкой и украшенной полосами красного и коричневого цветов. На некоторых доньшках тарелок и солонок имеются граффити.

Под помещением 7, при скале, найдено дно чашки или тарелки из темносерой глины, покрытой плохим черным лаком, украшенной рельефным изображением двух женских бюстов, обращенных друг к другу (рис. 1). Головки отличаются тонким и тщательным выполнением. Аналогичные доньшки были находимы и раньше в Херсонесе. Несомненно,⁵ подобного рода посуда изготовлялась на месте, в Херсонесе.⁶ На скале найдены херсонесские монеты III—II вв. до н. э. (№№ 1—2).

На основании перечисленных находок нижний слой и архитектурные остатки первого периода можно отнести к эллинистическому периоду, к III—I вв. до н. э.

РИМСКИЙ ПЕРИОД

(I—V вв. н. э.)

К римскому строительному периоду относятся следующие архитектурные остатки (на плане заштрихованы вертикально, их разрезы см. на табл. I): а) две стены, связанные под прямым углом, под помещением 16; эти стены принадлежали помещению, внутри которого находилась цистерна Г; б) две стены под помещением 21, связанные друг с другом и составлявшие помещение, внутри которого находилась цистерна Н; стены эти сохранились с северо-западной и юго-западной сторон цистерны; в) две стены под помещениями 10 и 11, свя-

Рис. 1. Дно чернолаковой чаши с изображением двух женских бюстов.

занные друг с другом в северном углу (под стенами верхнего помещения 10), и г) стена между помещениями 7 и 8; находится она под верхней стеной, разделяющей оба эти помещения. Все эти стены сложены из крупных камней на глине и покоятся на слое щебня или на тонком слое глинистой земли; толщина стен от 0.70 до 0.90 м. К этому же периоду, по видимому, относится стена под помещением 9, имеющая направление на северо-северо-восток, сложенная из крупных камней и лежащая частью на стене эллинистического периода, частью на слое щебня; толщина стены 0.90 м. Между этой стеной и параллельной ей стеной под помещениями 10 и 11 находятся водостоки: главная магистраль идет посредине к морю, с нею связаны выходящие из-под юго-восточной стены два канала. Над северным каналом устроена каменная труба-раковина, вделанная в стену помещения; высота трубы 1.20 м, диаметр ее 0.30 м; труба и канал водостока были заполнены крупной рыбьей чешуей. Третья боковая линия водостока шла с наружной стороны помещения 9а. Водостоки сложены из каменных плит; горизонтальные плиты местами провалились внутрь; стенки главной магистрали в середине разрушены; ширина каналов 0.30 м, глубина 0.40 м. В римский период здесь, по видимому, проходила улица, которая в последующее время была засыпана мусорной землей второго слоя.

Третий слой, современный второму строительному периоду, состоял из глинистой, довольно чистой земли желтоватого цвета, толщиной около 0.40 м. Этот слой обычно лежит на четвертом слое, но в нескольких случаях он лежал непосредственно на скале, напр. под по-

¹ Е. М. Придяк. Инвентарный каталог клейм. СПб., 1917, стр. 66, № 101.

² Там же, стр. 75, №№ 277—278.

³ Там же, стр. 140, № 5. — И. Махов. Амфорные ручки Херсонеса Таврического. ИТУАК, № 48, 1912, стр. 23, № 61.

⁴ Махов, ук. соч., стр. 23, № 63 (прим. 1—4 на стр. 6).

⁵ Г. Д. Белов. Терракоты Херсонеса. Херс. сборн., II, стр. 242 сл.

⁶ ИАК, 2, стр. 19 сл.

Рис. 2. Бронзовая статуэтка Асклепия.

мещением 8. Третий слой отсутствовал в тех же местах, где не было четвертого слоя: под помещениями 3, 9а,¹ 12а и 20.

Находки в третьем слое частью были те же, что и в нижнем слое, напр., встречались обломки амфор и чернолаковой посуды, но количественно преобладали обломки краснолаковой и буролаковой посуды; характерными для третьего слоя являются короткие бронзовые гвоздики с широкими шляпками, которые в других слоях не встречаются. Под помещением 2 найдена бронзовая статуэтка Асклепия, опирающегося правой рукой на жезл, обвитый змеей (рис. 2). Фигура Асклепия аналогична изображениям его на херсонесских монетах половины III в. н. э. Углубление статуэтки для ее устойчивости снизу залито свинцом, высота статуэтки 10 см, поверхность местами выщерблена. Монеты в третьем слое найдены следующие: две серебряных, одна имп. Тита (№ 8), другая имп. Коммода (№ 10); бронзовые: г. Томи (№ 12), г. Амастрии (№ 13), имп. Валента (№ 31), Валентиниана I (№ 31), Константа I (№ 27), Константина Великого, Феодосия (№№ 35—36), Аркадия (№ 44), Гонория (№ 39); херсонесские монеты с изображением Девы — III в. (№№ 15—16) и Асклепия (№ 18), позднебоспорские: Фофорса, Рескупорида VI, IV в. н. э. (№№ 20—23).

Особенно отчетливо третий слой представлен

в цистерне О, находящейся в западном конце участка.¹ Цистерна имеет грушевидную форму и книзу расширяется, диаметр ее вверху 1.20 м, внизу 2.90 м; стены цистерны тщательно обработаны, но оштукатурены не были. Цистерна могла быть раскопана только до глубины 2 м; дальше раскопки не производились. Вся цистерна была заполнена землей, в которой найдены следующие предметы: дно пифоса, обломки амфор из желтой глины (доньшки конусовидной формы и длинное узкое горло с такими же длинными ручками); обломки краснолаковых чашек конической формы; верхняя часть энохои; чашки с рельефным орнаментом (рис. 3); краснолаковые тарелочки; на одной из них имеется клеймо в виде двух ступеней, на бортике другой — изображение скачущей влево собачки. Чашки и тарелки сделаны из бледнорозовой глины и отличаются тонкой работой. Найдены также два целых краснолаковых светильника, с изображением на одном быка, вправо, на другом — канфара; носик светильника с волютами; доньшки стеклянных тонкостенных бокалов; железный стержень, согнутый под прямым углом, с утолщением в середине. Засыпь цистерны представляет редкий пример слоя, совершенно однородного и относящегося, судя по находкам, к раннеримскому периоду; следовательно, сама цистерна может быть отнесена к эллинистическому времени. К этому же времени относится и колодез К (под помещением 9а), который был заполнен такой же землей с обломками краснолаковой посуды.

Насыпь третьего слоя датируется по найденным в ней предметам приблизительно I в. до н. э. — IV в. н. э. Таким образом архитектурные остатки этого слоя могут быть отнесены к раннеримскому периоду.

Цистерны Г, М, Н. Эти три цистерны представляют четырехугольные ямы неправильной формы, грубой работы, без следов штукатурки; они вырублены в скале. Цистерны были заполнены мусорной землей, в которой было много обломков посуды и камней. В нижней части насыпи в большом количестве встречались обломки краснолаковой и буролаковой посуды, несколько черепков, покрытых плохим черным лаком; монеты: г. Амиса II—I в. до н. э. (№ 4) и позднеримские монеты Феодосия (№ 37), Гонория (№ 40), Валентиниана II (№ 38), Констанция (№№ 28—29) и др. В верхней части насыпи найдены: обломки тарелок из яркочерной глины, но без лака, со штампованными клеймами в виде креста; монеты Зенона (№ 47), Анастасия (№ 48), Юстиниана I (№ 51), Константа II (№ 57) и Василия I (№ 63); короткие горла амфор с такими же короткими, круглыми в сечении, ручками; большое количество обломков стеклянной посуды и оконного стекла.

¹ Помещения 9а, 12а и 21а находятся под верхними помещениями 9, 12 и 21.

¹ Цистерна находится вне плана раскопа, в 3 м от помещения 21.

В цистерне Н на дне найдено конусовидное дно амфоры с остатками рыбы, в цистерне М — обломок глиняной матрицы для отливки кольцевидных грузил. Следует отметить, что в засыпи этих цистерн совершенно отсутствовали обломки поливной посуды, которые в большом количестве были найдены в более верхних и поздних слоях.

На основании перечисленных находок можно датировать верхнюю часть насыпи цистерн первым периодом средневековой эпохи, нижнюю часть — позднеримским периодом, а постройку и существование самих цистерн возможно отнести к римскому или даже позднеэллинистическому периоду. Тому же времени принадлежит и полуразрушенная цистерна Л, расположенная рядом с цистерной М.

Цистерны А, Б, В, Е, Ж, И. Эти цистерны составляют особую группу, которая характеризуется следующими чертами: цистерны сложены из известнякового плитняка на цементе; стены их оштукатурены цементом красного цвета, представляющим смесь извести, песка и толченой керамики; дно цистерн или вымощено кирпичами или залито слоем цемента; цистерны имеют правильную прямоугольную форму. Но есть и некоторые различия в технике их постройки: дно цистерны А покрыто только цементом, толщиной около 12 см, настолько прочным, что киркой с трудом удалось пробить на две пробную выемку; стены цистерны Б не оштукатурены и дно оставлено невымощенным; дно цистерны В сделано следующим образом: верхний слой, толщиной 5 см, представляет цементную штукатурку, положенную в несколько рядов; под слоем цемента находится вымостка из кирпичей толщиной 5 см, размерами 37 × 38 см;

под кирпичной вымосткой лежит слой цемента толщиной 10 см; общая толщина дна таким образом составляет 20 см. Дно цистерны И вымощено кирпичами, положенными на цементном растворе. Размеры цистерн таковы: цистерна А — длина 4 м, ширина 2.30 м, наибольшая глубина 3.10 м; цистерна Б — длина 3.15 м, ширина 3.10 м, глубина 2.20 м; цистерна В — длина 4.30 м, ширина 3 м, глубина 2.10 м; цистерна И — длина 4.30 м, ширина 2.50 м и глубина 3.30 м. В виду того что в цистерне Б позднее была сложена поперечная стена в северо-восточном конце, а юго-западный конец цистерны В засыпан был землей и отделен от остальной ее части стеной, первоначальная длина этих двух цистерн не могла быть установлена.

Цистерны Е и Ж расположены рядом и отличаются от других своими малыми размерами: цистерна Е — длина 1.15 м, ширина 0.70 м, глубина 0.55 м; цистерна Ж — длина 1.24 м, ширина 0.87 м, глубина 0.50 м (рис. 4). Стены цистерн оштукатурены цементом красного цвета, положенным в 5—6 слоев. Дно вымощено черепицами; в восточном углу цистерны Е вставлено дно пифоса, повидимому, для стока в него жидкости. Цистерны таких малых размеров в Херсонесе обнаружены впервые. Вокруг них устроена четырехугольная площадка, вымощенная штучными плитами, положенными очень аккуратно и прочно на материковой пластичной глине. Вымостка ограждена поставленными на ребро плитами. Устройство цистерн и площадки напоминает винодельни, открытые в Мирмекии. Возможно, что вымостка служила рабочей площадкой для давки винограда, а маленькие цистерны служили для стска виноградного сока.

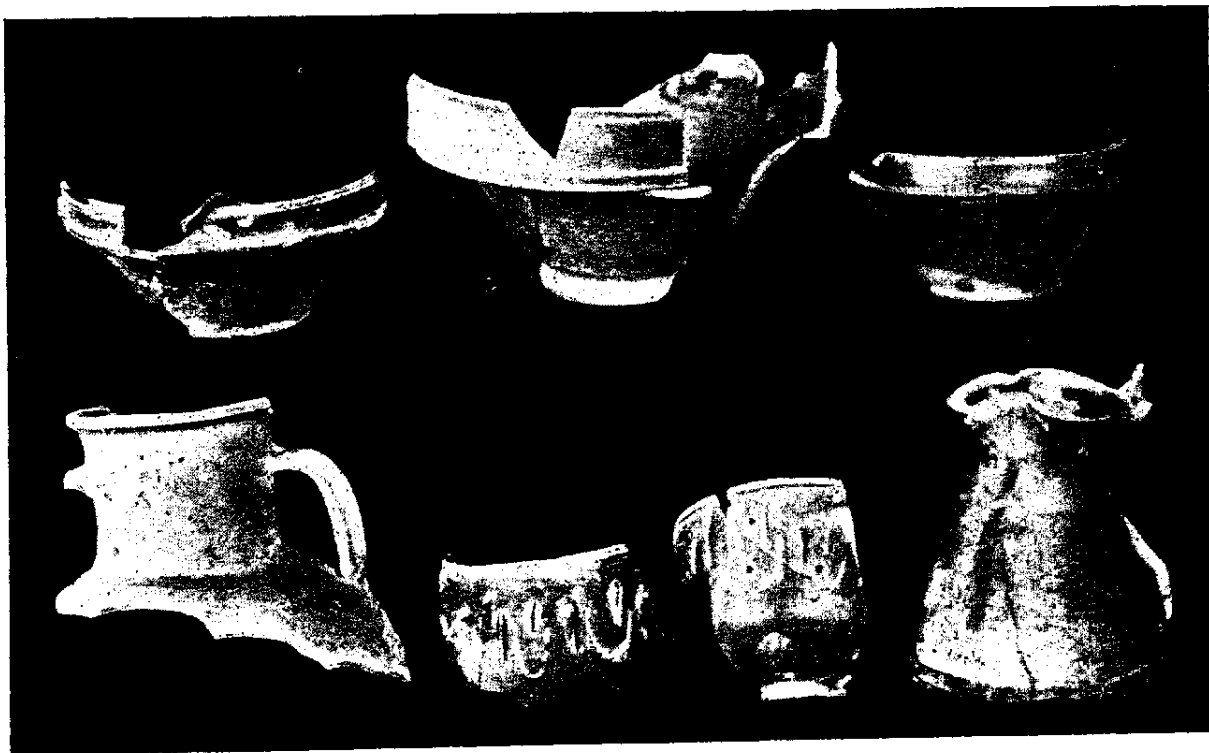

Рис. 3. Краснолаковая посуда из цистерны О.

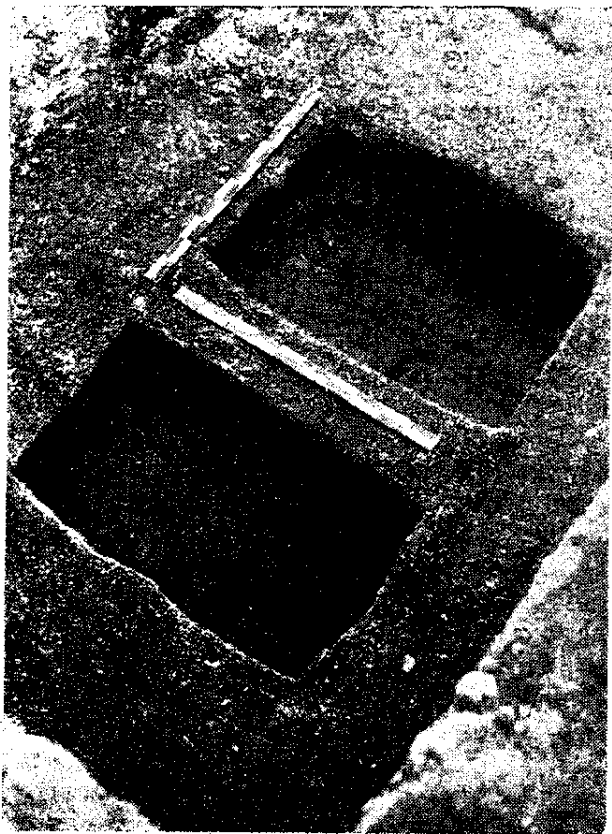

Рис. 4. Цистерны Е и Ж.

На последнее указывает наклонное в одну сторону устройство дна и вставленное в него дно пифоса.

Назначение больших цистерн, повидимому, было одинаковым; все они (за исключением нештукатуренной цистерны Б) служили для засолки рыбы, преимущественно хамсы.¹ При повторном использовании цистерн, в более позднее время, почти все они подверглись перестройке: размеры цистерны А были уменьшены, в обоих ее концах были сделаны стенки из бута на глине. В северо-восточном конце цистерны Б была построена поперечная стена из мелких камней, обмазанная глиной; на этой стене вверху была устроена широкая площадка. Юго-западный конец цистерны В был засыпан землей и мусором и отделен от остальной ее части поперечной стенкой со ступенями внизу. На дне всех этих цистерн был земляной пол, находившийся на высоте 0.50 м от дна, вверху же, повидимому, был деревянный пол (об этом будет сказано ниже). Таким образом назначение цистерн позднее изменилось: они были использованы в качестве подвальных кладовых или погребов. Цистерна И была обращена в мусорную яму, маленькие цистерны Е и Ж также были засыпаны мусором, а над ними была устроена подвальная кладовая Д. Вторичное

¹ Раскопками 1932 г. открыта большая цистерна, аналогичная по устройству описанным: на дне ее был слой остатков хамсы толщиной 0.25—1.00 м. О назначении цистерн см.: М. Тихий. Анчоус Херсонеса Таврического. 1917, стр. 12.

использование цистерн относится к средневековой эпохе.

Найденные на дне цистерн монеты, напр. имп. Лициния (№ 25), Валентиниана II (№№ 32, 34), Феодосия (№ 38), Аркадия (№ 43), Льва I (№ 45), Юстиниана I (№ 50) и др., относятся к IV—VI вв., следовательно, в VI в. цистерны были заброшены. Постройку цистерн можно отнести к ранне-римскому периоду, а использование их для засолки рыбы к I—IV вв. н. э.

На земляном полу цистерн найдены монеты: Василия I (№№ 62—64, 66—67), Льва VI (№ 68—70), Романа I (№№ 72, 75), Константина Порфирородного (№№ 77—79), Романа II (№№ 80—82), Никифора Фоки (№ 85), Иоанна Цимисхия (№ 88) и Василия II (№ 90). Таким образом в течение нескольких веков цистерны были заброшены и в их нижней части накопился мусор, верхняя же часть их позднее, в XIII—XIV вв., была использована в качестве подвальных кладовых.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД

(VI—XIV вв.)

К следующему строительному периоду (VI—X вв.) относятся помещения 9а, 12а и 21а. Эти помещения были покрыты насыпью второго слоя; толщина его достигала 2 м.

Помещение 9а находится под северной частью помещения 9 и переулка. Стены его покоятся на остатках стен эллинистического периода; они сложены из крупных, иногда тесаных камней на глине, с прокладками обломков черепицы во швах; толщина стен 0.80 м. Северная стена помещения не сохранилась, разрушена морем. Земляной пол находился почти на скале, на высоте 0.10 м.

Помещение было засыпано толстым слоем (до 2 м) мусорной земли, состоявшей из обломков посуды, ракушек, костей животных, кухонных отбросов и камней. Характерной особенностью второго слоя является большое количество в нем обломков поливной посуды из белой глины, покрытой поливой зеленого или желтого цвета и украшенной штампованным рельефным орнаментом и изображениями львов, стоящих на задних лапах в геральдической позе, орла, креста, неясных изображений животных, розеток и др. (рис. 5). Здесь же найдены: белоглиняный бокал, покрытый зеленой поливой (рис. 6), большое количество обломков оконного стекла и стеклянной посуды, стеклянных браслетов синего цвета, часть бронзового энколпия, бронзовая пряжка, бронзовый ключ с решетчатой бородкой и бронзовая пластинка с отверстием для ключа, бронзовая игла для вязания сетей и рыболовные крючки, каменная матрица с формами на двух сторонах для отливки грузил и фибул (рис. 7), 5 оселков, костяные шило, шашка. В южном углу на полу найдена золотая дугообразной формы пластинка длиной 5 см, украшенная перегородчатой

эмалью тонкой работы (толщина слоя эмали не более 0,50 мм). На пластинке изображены две птицы, повидимому павлины, обращенные головами к стоящей между ними вазе (рис. 8). Пластинка была в огне, от которого краски эмали потускнели. На полу помещения найдено 73 бронзовых монеты: 1 с изображением Асклепия и Гигиен (№ 19), 1 позднехерсонесская III в. (№ 17), 2 — Константина II (№ 26), 1 — Константа II (№ 55), 15 — Василия I (№№ 62—67), Льва VI (№ 69), 20 — Константина Порфирородного и его же с Романом II (№№ 77—80), 16 — Романа II (№№ 81—84), 6 — Василия II (№№ 90, 91) и 1 — Иоанна Цимисхия (№ 88). На полу слой пожарища — сажа и кусочки угля. Такой же мощности и такого же содержания был второй слой с наружной стороны помещения 9а, под юго-восточной частью переулка и помещения 9 (двор верхнего строительного периода); стена переулка лежала на насыпи второго слоя, на высоте свыше 2 м от скалы.

Помещение 12а находится под северо-восточной частью двора помещения 12; стены его основаны на скале и сложены на глине. Северо-западная стена находится под стеной верхнего помещения 10, юго-западная стена сохранилась лишь в два ряда; северо-восточная стена сохранилась в высоту на 1,35 м и вплотную примыкает к стене римского периода (см. план на табл. I). Пол помещения находился непосредственно на скале. На полу найдены следующие предметы: обломки амфор из красной глины сильного обжига с плоским дном и короткими горлами

и ручками, с широкими плечами, на которых часто имеются граффити; белоглиняная поливная посуда со штампованным рельефным орнаментом и „акварельным“ орнаментом, исполненным темно-коричневой краской при помощи кисти; большое количество обломков стеклянной посуды, браслетов и оконного стекла; грузила и рыболовные крючки; часть тигля для плавки металлов; железные лопата (?) и гвозди; бронзовый наперсток, мраморный пестик и др. Монеты на полу найдены следующие: Василия I (№ 64), Льва VI и Александра (№ 71), Константина Порфирородного (№№ 78—79), Романа II (№ 81) и Василия II (№ 91). Помещение было засыпано мусорной землей второго слоя толщиной около 2 м, по содержанию совершенно аналогичной насыпи над помещением 9а.

Насыпь второго слоя находилась еще в следующих местах: в юго-западном конце цистерны В между внутренней поперечной стеной и юго-западной стеной цистерны (часть насыпи осталась нераскопанной, так как на ней стоит стена верхнего помещения 15). Здесь найдены обломки белоглиняной статуэтки лошади, покрытой желтой поливой, и две белоглиняные крышки для мисок (рис. 9), покрытые одна зеленой, другая желтой поливой; на внутренней стороне одной из них рельефное изображение птицы, повидимому, клеймо мастера. Такая же насыпь была под северо-западной частью помещения 15, в узком промежутке между стенами; здесь найден массивный стержень железного якоря и обломки архитектурных украшений в виде решетки из алебаstra.

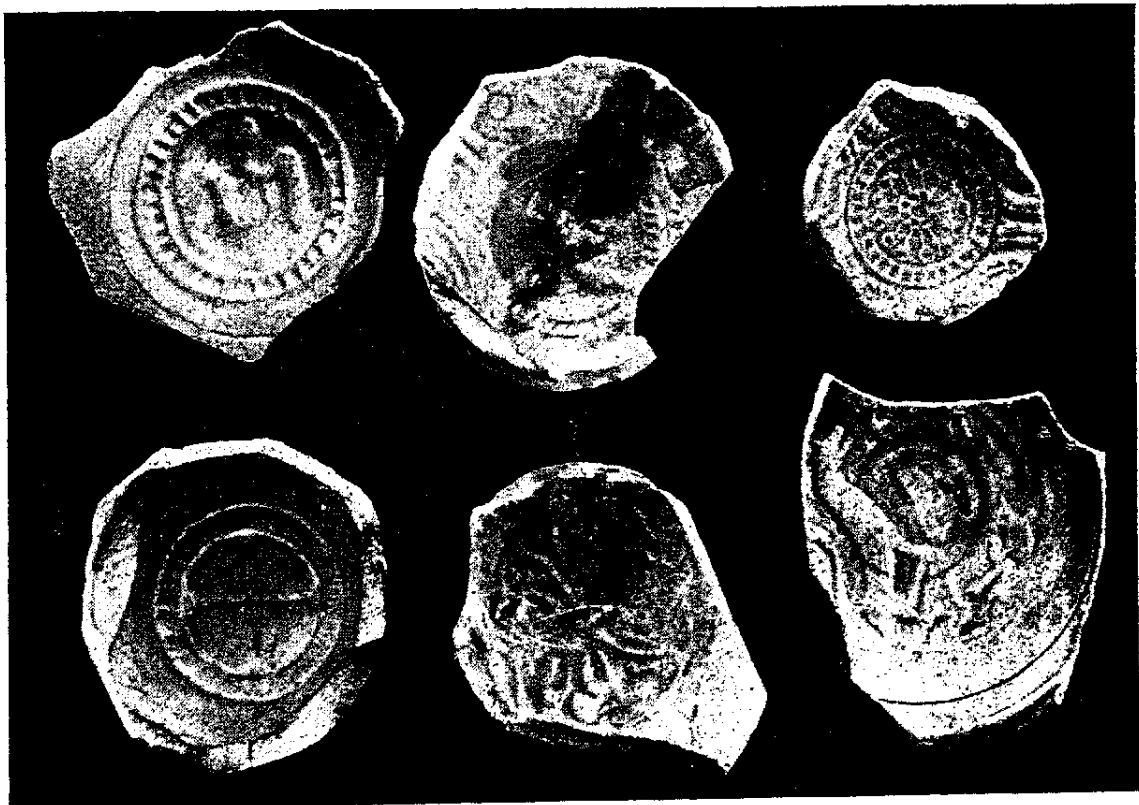

Рис. 5. Довышки белоглиняных поливных мисок с рельефным орнаментом, из второго слоя.

Рис. 6. Белоглиняный бокал.

Цистерна И вся целиком была заполнена насыпью второго слоя и громадным количеством камней. В насыпи найдены доньшки белоглиняных поливных мисок с рельефным орнаментом, энохоя из красной глины хорошей работы и сохранности (рис. 11), два электро-вых перстня, украшенных четырьмя шариками вокруг щитка, камни выпали (рис. 10); бронзовые браслет и часть цепочки из мелких колец; 6 каменных жерновов, из них 4 нижних и 2 верхних диаметром от 0.40 до 0.50 м. На дне цистерны найдено 75 бронзовых монет, из них большинство Константина Порфирородного (№№ 77—80), Романа II (№№ 81—82) и Василия II (№ 90).

В помещении 21а (юго-восточная стена его проходит через цистерну Н, юго-западная находится под стеной верхнего помещения 21, северо-западная стена сохранилась лишь частично, северо-восточная разрушена морем), засыпанном мощным вторым слоем, найдено большое количество обломков стеклянных браслетов синего цвета, доньшки стеклянных рюмок и обломки белоглиняной поливной посуды, напр. кувшин (рис. 13), украшенный „акварельным“ орнаментом, т. е. исполненным темно-коричневой краской при помощи кисти непосредственно по глине, покрытой затем прозрачной матовой поливой (этот условный термин „акварельный“ орнамент мы будем употреблять и в дальнейшем).

Насыпь второго слоя во всех помещениях, где она была, совершенно однородна и представляла землю черного цвета с большим количеством костей животных, ракушек устриц, черепков посуды и камней. Характерными для этого слоя являются следующие находки: белоглиняная поливная посуда с рельефным штампованным орнаментом или „акварельным“ орнаментом; плоскодонные амфоры из красной глины сильного обжига, с короткими горлами и ручками и с граффити на плечах; обломки стеклянных рюмок, чашек, плоского оконного стекла и стеклянных браслетов синего цвета, овально-плоских или круглых в сечении, иногда

витых и граненых; бронзовые и железные предметы и пр. Насыпь второго слоя по своей толщине является наиболее мощной по сравнению со всеми другими слоями; обычно ее толщина 2 м и больше. Произошла она в результате свалки мусора, который свозили в этот район из других мест города после того, как район был разрушен. Стены помещений 9а, 12а и 21а оказались настолько глубоко засыпанными, что совершенно не были видны на поверхности.

Поэтому в следующий строительный период распланировка новых зданий произведена была иногда заново, напр., переулочек прошел над помещением 9а, на высоте выше 2 м от его пола. Монеты, найденные в большом количестве на полу помещений 9а, 12а и др., относятся к IX—X вв.; более поздних монет не найдено. На основании этого можно предполагать, что эти помещения погибли, приблизительно, в конце X в. Находки на полу помещений и в насыпи второго слоя, как то: белоглиняная поливная и стеклянная посуда и пр., должны быть отнесены к последним векам существования этих помещений, т. е. к IX—X вв.

К последнему строительному периоду (XII—XIV вв.) относятся помещения 1—22. Первый слой, их покрывавший, состоял из сплошного завала камней, происшедшего от разрушения стен помещений, толщина слоя была от 0.80 до 1.20 м. Под завалом камней в жилых помещениях лежал слой черепицы; во дворах и на улицах черепицы не было. Пол жилых помещений покрыт толстым слоем пожарища: сажа, куски угля и зола. В слое пожарища на полу находилось большое количество железных гвоздей, бывших в потолке и крыше, обломков поливной посуды, амфор и пифосов, рыболовные принадлежности, остатки пищи, жернова и т. п.

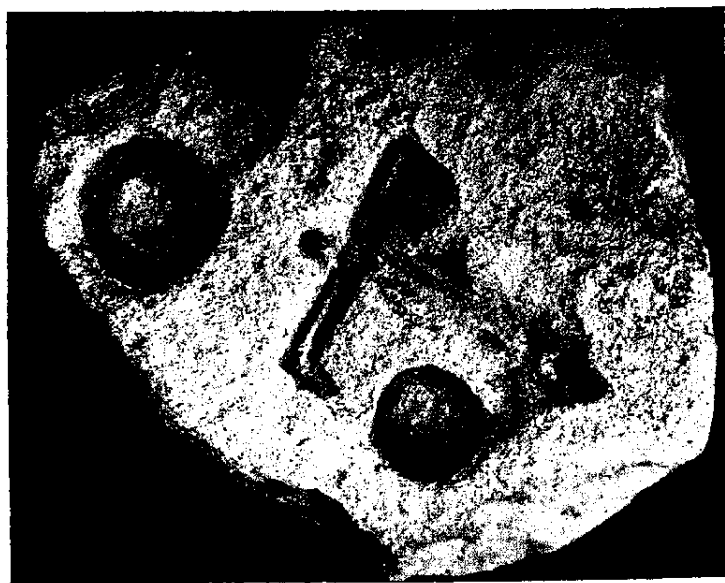

Рис. 7. Каменная матрица для ставки грузил и фибул.

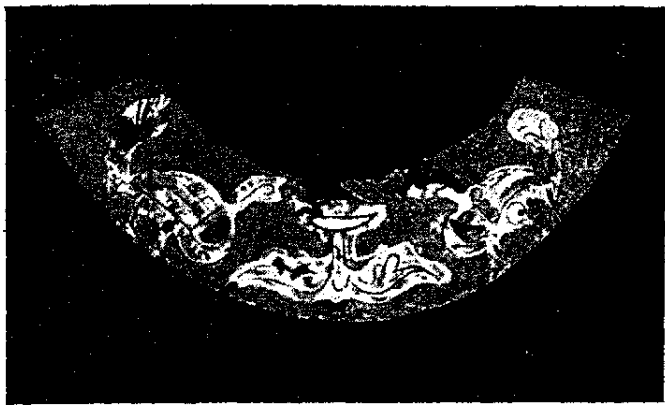

Рис. 8. Золотая пластинка из помещения 9а.

В 1931 г. раскопана северная часть квартала, находящегося между двумя улицами. Часть квартала и улиц в северной части разрушена морем; в северном углу квартала улицы пересекались друг с другом. С южной стороны раскопанных зданий на поверхности имеется широкая ложбина; построек здесь не было; первый слой достигал здесь толщины только 0.20—0.30 м. За ложбиной, к югу от нее, возвышаются большие кучи камней — остатки разрушенных зданий южной части квартала, оставшейся вне участка раскопок данного года. Кроме этого квартала раскопаны были помещения 20—22, находившиеся между западной улицей и бывшей французской батареей; по техническим условиям оставлять этот кусок нераскопанным было нецелесообразно; кроме того, его надо было раскопать и потому, что он сильно разрушается морем.

Улицы. На улицах был раскопан только первый слой, так как имелось в виду, что при будущих раскопках по ним будут проложены рельсовые пути. Толщина слоя на улицах была незначительна — около 0.40 м, насыпь состояла из серой сухой земли с мелким мусором. На подошве улиц найдено большое количество известняковых, хорошо обработанных плит с желобками по краю, служивших, повидимому, для облицовки карниза зданий. На восточной улице найдена известняковая плита с орнаментом в виде рельефной плетенки, украшавшая, вероятно, стену дома (рис. 12). Возле северо-восточной стены улицы в землю был врыт обломок мраморной колонны, длиной 0.60 м, возвышавшийся над подошвой улицы на 0.20 м и служивший, может быть, для сидения. На западной улице найдены каменный якорь в виде плиты с отверстием и известняковая плита с крестообразным вырезом невыясненного назначения. Подошва улиц, в особенности восточной, к середине понижается и имеет вид жолоба, образовавшегося от потоков дождевых вод. Под обеими улицами, в обрыве берега, видны водостоки, сложенные из каменных плит. Ширина улиц: западной 3.50 м, восточной 4.70 м. Переулок, выходящий на западную улицу, в юго-восточном конце представляет тупик

шириною 1 м, посредине ширина его 3 м, в северо-западном конце 2 м. Насыпь состояла из сухой земли серого цвета, мелких камней и небольшого количества мелких обломков черепицы и посуды. На восточной улице, возле северо-восточной стены, была произведена раскопка траншеи с целью определения характера насыпи под улицей. Насыпь состоит из очень плотно утрамбованной земли с чрезвычайно мелким мусором; в разрезе ее видна вымостка улицы из мелких камней; толщина всей насыпи 2.25 м; при скале найдены черепки тускло-чернолаковой посуды. Под кладкой верхней стены имеется кладка на извести.

Дома. Помещения позднего периода имеют ряд характерных особенностей: все они невелики размерами и неправильного плана; противоположные стороны их не равны, углы тупые или острые; кладка стен состоит из мелких бутовых камней, положенных на грязь; толщина стен 0.65 м; следов штукатурки нет совершенно, полы земляные; стены покоятся на насыпи второго слоя и лишь иногда стоят на остатках более ранних стен; дома построены скученно: стены одного помещения вплотную примыкают к стенам другого. В целях увеличения прочности стен во всех почти помещениях применялся следующий прием: на высоте, примерно, 0.50 м от пола в стенах были проложены деревянные балки, которые связывали небрежную кладку стен и, кроме того, связывали в углах соседние стены друг с другом. От этих балок, после пожара, в стенах образовались горизонтальные выемки, в которых местами сохранились куски угля.

Раскопанные в первом слое помещения относятся к нескольким жилым домам-комплексам. Каждый из домов состоит из нескольких, двух или трех, жилых комнат. Возле домов имеются кладовые и дворы; последние, обычно, расположены с противоположной от улицы стороны дома, во внутренней части квартала. Двери домов выходят — одни на улицу, другие во двор (см. план). На участке открыто 6 или 7 отдельных домов. Ниже дается описание каждого комплекса особо, при этом общие черты их (характер слоя, кладки и т. п.), только что изложенные, повторяться не будут.

Рис. 9. Белоглиняные крышки мисок из второго слоя.

Рис. 10. Электровые перстни из второго слоя в цистерне И.

1-й дом (помещения 20, 21 и 22). От этого дома сохранились только три помещения и лишь одно из них целиком, большая же часть помещения 22 разрушена морем, часть помещения 21 — влом французской батареи; возможно, были еще и другие помещения и двор, но они не сохранились. Дверь в дом вела с улицы в помещение 22, а из него была дверь в помещение 20. Около этой двери имеется широкая лестница (шир. 1.30 м), которая, вероятно, вела в соседнее (несохранившееся) и в 21-е помещения; уровень их пола был значительно выше, чем в помещениях 22 и 20. От лестницы сохранились 3 ступеньки, сделанные из длинных широких плит. Посредине пола помещения 20 была большая круглая яма глубиной 0.40 м; возле юго-восточной стены — очаг; здесь лежал толстый слой золы. На полу этого помещения найдены: обломки амфор с высокими, под острым углом изогнутыми ручками и конусовидным корпусом, высокая миска с гравированным волнистым орнаментом по бортику (без поливы), боченковидные глиняные грузила, мраморный пестик, прясло и большое количество обломков черепиц с клеймами в виде креста или креста, вписанного в дугу, монограмм, всадника и др. (рис. 14).

2-й дом (помещения 1, 2 и 7). В дом ведут две двери, одна с западной улицы, другая со двора; вход в помещение 2 был только через 1-е, дверь здесь имела высокий порог. Уровень пола в помещениях ниже, чем на улице, поэтому внутри возле дверей имеется по две ступени. Возле юго-западной стены помещения 1 стояли два столба диаметром 0.20 и 0.30 м; между ними в стене была дверь, позднее заложенная, назначение столбов неясно, может быть на них лежала полка. В северном углу на полу стояла каменная плита с круглым углублением в середине. Подобные плиты были найдены и в других помещениях, вероятно, они служили ступами для размола зерна. На полу найдены обломки большого массивного красноглиняного блюда, покрытого поливой и украшенного гравированным орнаментом и изображением животного с прямыми длинными рогами (рис. 16), обломки других поливных тарелок и амфоры с остатками в ней рыбы. В помещении 2, около восточного угла, на полу стояли два раздавленных пифоса с остатками в них обуглившихся зерен пшеницы. Один из них стоял горлом вниз, горло было замазано

глиной; повидимому, нижняя часть пифоса была разбита еще в древности. На полу найдены обломки поливной посуды: две белоглиняных тарелки, одна с изображением животного (рис. 15), другая украшена растительным орнаментом; белоглиняные высокие чашки в количестве 5; из них 4 чашки являются парными, одинаковыми по величине, форме и орнаменту; последний на всех исполнен темнокоричневой краской при помощи кисти. Одна из чашек целая (рис. 17), лежала дном вверх; под ней оказались обуглившиеся зерна пшеницы, повидимому, чашка с зерном стояла на полке. На некоторых мисках и тарелках имеются граффити в виде креста. Кроме того, в обоих помещениях найдены рыболовные крючки и грузила, прясло, железное орудие невыясненного назначения в виде маленькой мотыги,¹ обломки железных предметов — петля, стержень и др. Во дворе, около стены, найдены глиняные боченковидные грузила в количестве 61, лежавшие кучей: повидимому, во дворе в момент гибели зданий лежала рыболовная сеть. На полу помещений 1 и 2 лежало много обломков черепиц с клеймами в виде всадников двух типов, распятия (?), грубого изображения животного, в виде букв и других знаков (рис. 18). Во двор (помещение 7) выходит с юго-западной стороны еще одно жилое

¹ Совершенно аналогичные орудия имеются в музее из прежних раскопок.

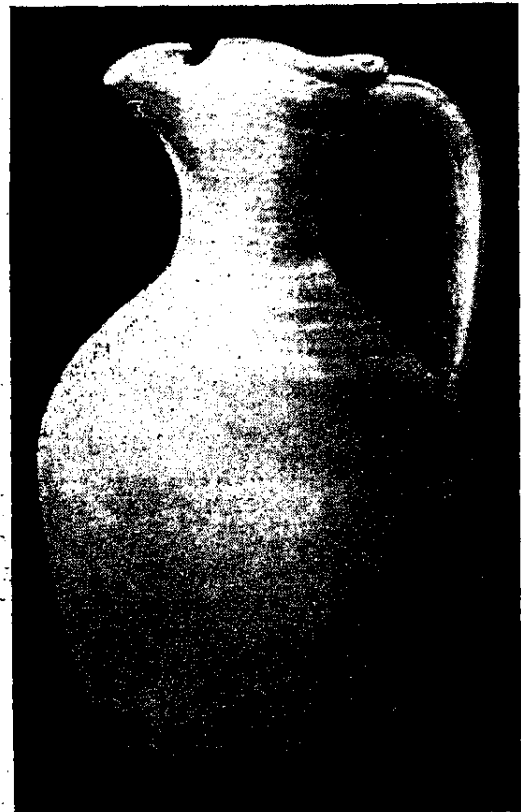

Рис. 11. Энохоя из второго слоя в цистерне И.

помещение, которое, наверно, принадлежало этому же комплексу; раскопка его не была произведена (это отвлекло бы далеко от основной цели — исследовать гибнущую часть берега).

3-й дом (помещения 3, 4, 5, 6 и 8). Жилыми комнатами здесь были помещения 4—6. Один выход вел в переулок, другой во двор (помещение 8). Возле двери, ведущей в переулок, внутри имеются две ступени из широких плит; около северо-западной стены на полу стоит массивная плита с углублением в середине, служившая, как и в помещении 1, повидимому, ступой. Возле юго-западной стены помещения 4 имеется лестница, от которой сохранились три ступени; лестница вела, вероятно, на второй этаж дома. Около лестницы стоял раздавленный пифос с остатками на дне обуглившимся зерен пшеницы. В западном углу на полу найдены в куче: 13 свинцовых кольцевидных грузил и 4 глиняных, 23 бронзовых рыболовных крючка, 2 бронзовые чашечки с тремя отверстиями на каждой, бронзовая цепочка с крючком (первые были для весов, вторая могла быть от лампы), железная гребенка с длинными частыми зубьями, вделанными в деревянную оправу, окованную железом, для обработки льна или шерсти.¹

¹ Аналогичные гребенки меньшего и большего размера имеются в музее из раскопок прежних лет. Одна такая же гребенка найдена в 1933 г., см. ниже рис. 90.

Рис. 12. Известняковая плита с орнаментом в виде рельефной плетеньки.

Рис. 13. Поливной кувшин из второго слоя.

Свинцовые кольцевидные грузила были привязаны, несомненно, к рыболовной сети-намету, крючки же, все одинаковые по величине и форме, принадлежали перемету для ловли камбалы. В помещении 5 найдены мраморная ступка и обломки амфоры с рельефным изображением змеи или дракона. Помещение 6 было кухней: в нем сохранился под печи, вымощенный черепицами, с наклоном внутрь помещения; возле печи и северо-западной стены имеется каменная лавка-скамейка, на которой лежал жорнов; другой жорнов лежал на полу. Пол покрыт был толстым слоем золы.

Помещение 3 было подвальной кладовой: стены его стоят на скале; земляной пол лежал непосредственно на скале; сверху находился второй, деревянный, пол. Дверь в помещение была в северо-восточной стене, из переулка; стена эта в середине оказалась сильно разрушенной, до уровня подошвы переулка. Глубина кладовой от земляного пола до подошвы переулка около 1.50 м. На полу лежал толстый слой обломков черепиц. Возле юго-западной стены на полу лежала раздавленная амфора из ярко-красной глины сильного обжига, с плоским дном и коротким узким горлом. Здесь же стояли: дно пифоса с рыбой и горшок с рыбой. На полу кладовой, в разных местах, найдены следующие предметы: обломки двух поливных мисок, украшенных одинаковым гравированным лучевым орнаментом (рис. 19); обломки поливного блюда с гравированным орнаментом из concentрических кругов (рис. 20); костяные шашки, ручки ножей, игла и пластинка резная с изображением петуха, три прясла, из них одно костяное, другие два из кремня; свин-

Рис. 14. Обломки черепиц с клеймами из помещения 20.

цовые и глиняные грузила; железная острога с тремя зубцами (рис. 23, 5); железная драга из четырех загнутых зубьев (рис. 23, 2) для добывания ракушек со дна моря; железная массивная зубатка для обработки камней (рис. 23, 1); глиняный шарик-игрушка, крышка глиняная; два куса пемзы, обломок ножа, две бронзовых монеты Романа I (№ 73) и Иоанна Цимисхия (№ 88). В земле на полу, в некоторых местах, были найдены остатки рыбы; на стенках внутри глиняных сосудов имеются обгоревшие органические остатки. На полу виден слой пожарища; особенно толстый слой угля и сажки был в южном углу. Некоторые предметы: мелкая посуда, орудия, украшения и др., несомненно, находились на деревянном полу верхнего этажа над кладовой, вместе с которым упали во время пожара вниз и лежали поэтому в насыпи несколько выше земляного пола кладовой.

Помещение 8 было двором для описываемого комплекса; вход во двор был из кухни, наружного выхода не было, — это был внутренний дворик одного дома. Ни черепиц, ни следов пожара на дворе не оказалось. В предыдущий период цистерна И была обращена в мусорную яму; в поздний период свалка мусора продолжалась — верхняя часть насыпи в цистерне представляла собою кухонные отбросы: кости животных, ракушки, остатки рыбы и прочий мелкий мусор, который находился также и на площади всего двора.

Орудия производства, найденные в помещениях этого дома, очень разнообразны. Здесь были рыболовные принадлежности: снасти, сети, острога, драга для ловли ракушек; орудия текстильного производства: прясла для веретен и гребенка для обработки льна или шерсти, игла вязальная или шило; инструмент для обработки камня — зубатка; орудия обработки зерна — жернова и ступа. Нахождение здесь кусков пемзы и маленьких весов может указывать на занятия по изготовлению мелких металлических изделий (?). В кладовых и в жилых помещениях были запасы продуктов: зерно в пифосах и рыба в амфорах и горшках. На основании найденных орудий можно представить довольно полную картину хозяйства этого дома: жители его сами удовлетворяли свои главные потребности — добывали пищу, изготовляли одежду и некоторые другие предметы.

4-й дом (помещения 9, 10, 11 и 12). Дом состоит из двух жилых комнат; из него имеются два наружных выхода: дверь во двор — помещение 9 и широкий пролет, ведущий во двор, — помещение 12. Внутренняя стена, между помещениями 10 и 11, основана на земле, на уровне пола, и имеет незначительную толщину; в наружных стенах были деревянные балки-связи, от которых сохранились выемки. В восточном углу помещения 11 большая площадка для очага, вымощенная черепицами, края обложены камнями. Вымостка имеет следую-

ший разрез, считая сверху: черепица, слой золы толщиной 2 см, слой глины толщиной 2 см, слой гравия толщиной 2—3 см и вымостка из мелких камней. Возле юго-восточной стены на полу стоял очаг круглой формы, сделанный из глины-сырца диаметром 0.35 м, толщиной около 0.10 м (наружного края); внутри очага углубление. Пол помещения неровный, возле юго-западной стены он повышается, около печи большое углубление. На полу помещений найдены: возле северо-восточной стены помещения 10 раздавленный горшок с органическими обгоревшими остатками внутри; обломки двух каменных жерновов, верхнего и нижнего; массивная гранитная круглая плитка, повидимому зернотерка; костяные игла и шило; рыболовные крючки и грузила; оселки, глиняные шарики, часть железного кинжала (?); обломки железных стержней невыясненного назначения, обломки поливной посуды, глиняного кувшинчика с носиком и чашка с вдавленными внутрь краями (рис. 21). Земляной пол во дворе (помещение 9) возле стены дома был обмазан глиной и имел большой наклон на северо-запад. В этом дворе найдено большое количество обломков железных орудий, напоминающих небольшую мотыгу или инструмент для обработки дерева (скобель или топор с поперечным лезвием), кроме того, обломки железных скоб. В помещении 12, возле северо-восточной стены, лежала куча извести. В широком пролете двери, соединяющей помещения 10 и 12, в полу находилась каменная ступа; на расстоянии 1 м от нее к юго-востоку, в полу у стены, была каменная плита, поста-

Рис. 16. Поливное блюдо с изображением животного.

вленная на ребро. Возле ступы лежал обломок мраморной колонны. Другая ступа находилась возле стены помещения 11 (табл. I). Между этими ступами в полу находилась большая плита, которая оказалась перевернутой ступой. Во дворе (помещение 12) находится колодезь 3 (см. план), северо-западная стенка его сверху частично разрушена. Колодезь проходит через насыпь второго, третьего и четвертого слоев; поэтому выше скалы, в насыпи, имеется кладка стен общей высотой до 2.25 м. Колодезь раскопан на глубину 3.75 м; дальше продолжать раскопку было невозможно.

В верхней части колодезь завален камнями, внизу была земля с обломками амфор и поливной посуды из красной глины; в насыпи найдены две монеты Василия I и Романа I (№ 74). Отверстие колодезя сверху имеет длину и ширину 0.90 м, внизу около 1.50 м.

Помещение 12 было общим двором как для 4-го дома, так и для 5-го дома (помещения 16, 17).

5-й дом (помещения 16 и 17) В помещении 17 имеется подвальная кладовая, стены которой сложены из очень мелких камней на глине и обмазаны глиной. Кладовую, повидимому, перекрывал деревянный пол. На земляном полу кладовой толстый слой пожараща — сажи и угля, обломки амфор, поливной посуды, масса железных гвоздей, железные петли и обломки черепиц. На полу помещения 16

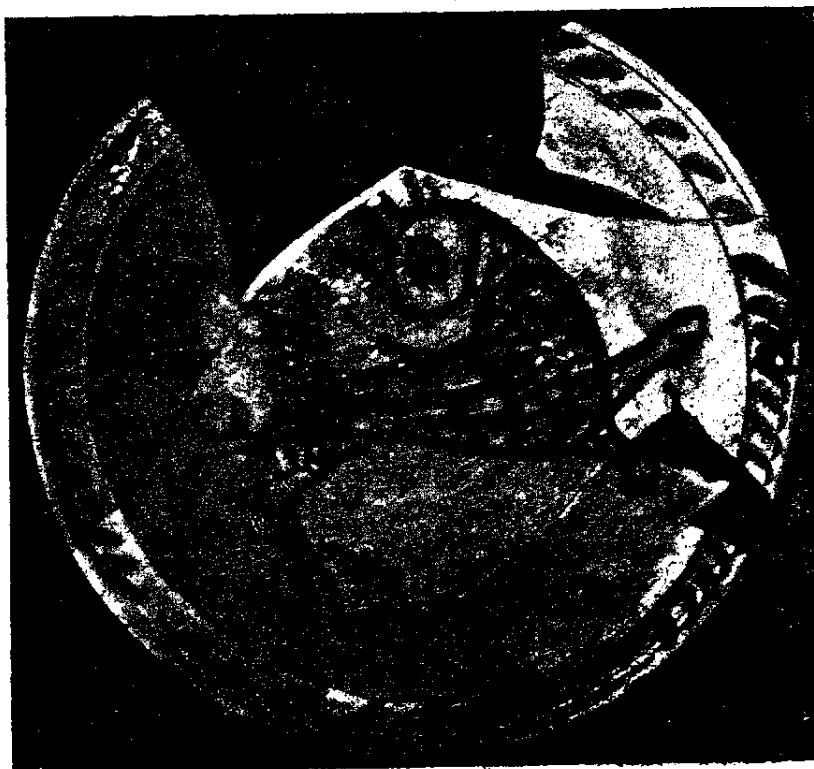

Рис. 15. Белоглиняная тарелка с изображением животного

Рис. 17. Белоглиняная чашка из помещения 2.

найлены костяные шилья и плоский стиль, украшенный резьбой. Среди обломков поливной посуды два кольца, продетых в кольцевидные ручки сосудов в виде звеньев цепочки.

Северо-восточная стена помещений 16 и 17 разрушена морем; из помещения 17 на восточную улицу, вероятно, вела дверь; другая дверь из него выходит во двор. Возможно, что помещения 10—11 и 16—17 представляли один дом: 10-е и 11-е были жилыми комнатами, 17-е служило кладовой, через 16-е шел проход на улицу. Помещение 18 было узким промежутком между помещениями 17 и 19; в нем ничего не найдено. Помещение 19 совершенно разрушено морем; в южном углу его, на глубине 1.20 м, был пол из утрамбованной извести толщиной 5 см.

6-й дом (помещения 15 и 13). Помещение 15 построено частично над цистерной В: юго-западная стена его стоит на насыпи второго слоя цистерны, юго-восточная и северо-восточная стены покоятся на стенах цистерны; последние немного выступают внутрь помещения (табл. I). Нижняя часть цистерны, в северо-восточном ее конце, была обращена в этот период в подвальную кладовую, на дне была насыпь толщиной 0.50 м, и земляной пол; от засыпанной юго-западной части цистерны кладовая была отделена поперечной стенкой, построенной на земляном полу кладовой, с несколькими ступенями. Вверху, несомненно, был деревянный пол, находившийся на уровне пола западной части помещения и лежавший на стенах цистерны и на поперечной стенке. Предположение это подтверждается и тем, что в завале кладовой было найдено много обломков посуды и другие предметы: венчики пифосов, на одном из них имеется граффити в виде букв КР; два сосуда с крупными отверстиями на дне и стенках, повидимому, жаровни: в одной из них были остатки обуглившегося вещества; бронзовый сосуд, сильно скомканный, с двумя крючками на заклепках, вероятно, для дужки; железные пряжки, кольца, замок и цапка или зубатка, с мелкими зубцами по

краю. Все эти предметы находились выше земляного пола кладовой, в завале первого слоя, и упали вниз вместе с верхним полом во время пожара и гибели здания. На полу кладовой лежал толстый слой пожарища: сажа и уголь; в северо-восточном конце была извесь.

В западной, верхней, части помещения стоял большой раздавленный пифос с остатками зерен пшеницы. Возле юго-западной стены находился очаг круглой формы диаметром 0.40 м, сделанный из глины-сырца, с углублением в середине; в нем и около него было много саж, угля и золы. На очаге и возле него лежали обломки обуглившихся деревянных палок; одна из них имеет поперечные углубления, образовавшиеся при длительном вращении; повидимому, это был вертел над очагом. На полу найдены: 20 глиняных боченковидных грузил, рыболовные крючки, куски каната, пряслица, бронзовые перстни, украшенные на щитках 8-лепестковой розеткой (рис. 22), белоглиняный кувшинчик, покрытый зеленой поливой, оселок, глиняный шарик и большое количество железных гвоздей. В восточном углу помещения найдены: втулка железного орудия с остатками дерева внутри, обломки плоского железного круга с ножками, вероятно, подставка для сосудов над очагом. В южном углу лежали два разбитых жорнова и большой тонкостенный кувшин, сильно обгоревший, с обуглившимися органическими остатками внутри (рис. 24).

Первый слой помещения 15, очень типичный для всех остальных помещений первого слоя, состоял из сплошного завала камней, толщиной около 1 м; под камнями лежал слой обломков черепицы, а на полу слой пожарища. На полу кладовой найдено несколько монет: Василия I (№ 65), Льва VI (№ 69), Романа I (№№ 72—73), Константина Порфирородного (№№ 77—80), Романа II (№ 81), Иоанна Цимисхия (№№ 89—90).

В северо-восточной стене имеется длинный порог, с выемками для пят двери, ведущей на улицу, со ступенькой снаружи. В юго-западной стене была другая, узкая дверь, выходящая во двор. Против помещения 13 в этой стене имеется пролет, заложённый камнями; повидимому, здесь была раньше дверь, которую заложили после постройки помещения 13 и тогда сделали другую дверь.

Помещение 13 построено во дворе (последний раскопан частично), впритык к помещению 15, и служило кладовой для хранения посуды. Постройка стен очень небрежная, из мелких бутовых камней на грязи. Узкая дверь — в юго-восточной стене. На полу толстый слой пожарища: уголь, сажа и зола. Вдоль кладовой лежал кусок деревянной балки дл. 0.60 м, на полу было много обломков черепиц и железных гвоздей. Найден железный светильник в виде плоски с четырьмя

носиками на углах и отверстиями на боках для подвешивания (рис. 25). В северо-западном конце кладовой лежало большое количество обломков поливной посуды, из которых склеено 18 мисок и тарелок; посуда лежала большей частью дном вверх: она, повидимому, упала с полок. По глине, технике изготовления и орнаменту посуду можно разделить на две группы. К первой принадлежит посуда из белой глины, украшенная „акварельным“ орнаментом, две одинаковых по форме и величине тарелки, одна с изображением птицы и с граффити на нижней стороне в виде букв КД¹ (рис. 27), другая тарелка с изображением животного (рис. 26); высокая миска с орнаментом в виде мазков с наружной стороны (рис. 28). Такой же формы другая миска, но с поливой голубого цвета, покрытой местами иризацией, отличается от посуды первой группы своей чистой белой глиной, приближающейся к каолину, и, повидимому, является привозной. К другой, более многочисленной группе, относится посуда из красной глины, украшенная

гравированным орнаментом и покрытая блестящей поливой яркозеленого и коричневого цвета: две неглубоких миски с поливой зеленого цвета (рис. 29), несколько глубоких мисок, покрытых желтой поливой, с геометрическим, одинаковым для всех, орнаментом (рис. 30), большое блюдо с орнаментом в виде концентрических кругов, покрытое поливой желтого цвета, и др. Кладовая 13, несомненно, принадлежала помещению 15 и находилась во дворе этого дома.

Разнообразный инвентарь дома дает представление как об орудиях труда и занятиях его жителей (рыболовные принадлежности, пряслица, жернова, зубатка и др.), так и о бытовой стороне их жизни.

7-й дом (помещение 14). В помещении 14 находилась подвальная кладовая, построенная в цистерне Б; в северо-восточном ее конце построена стена, при помощи которой вверху сделана площадка, внизу цистерна была засыпана землей толщиной 0.50 м. Вероятно, кроме земляного нижнего пола, был вверху деревянный пол (аналогично кладовым 3, 15 и 17). На площадке стояло несколько раздавленных пифосов; в некоторых из них находились обуглившиеся зерна пшеницы. На этой же площадке найдены обломки поливной миски из

¹ Граффито КР, иногда КД, имеется на шести мисках и тарелках, найденных в кладовой 13, и такое же граффито имеется на венчике пифоса, найденном в помещении 15 (см. выше); повидимому, эти буквы являются инициалами имени хозяина этого дома.

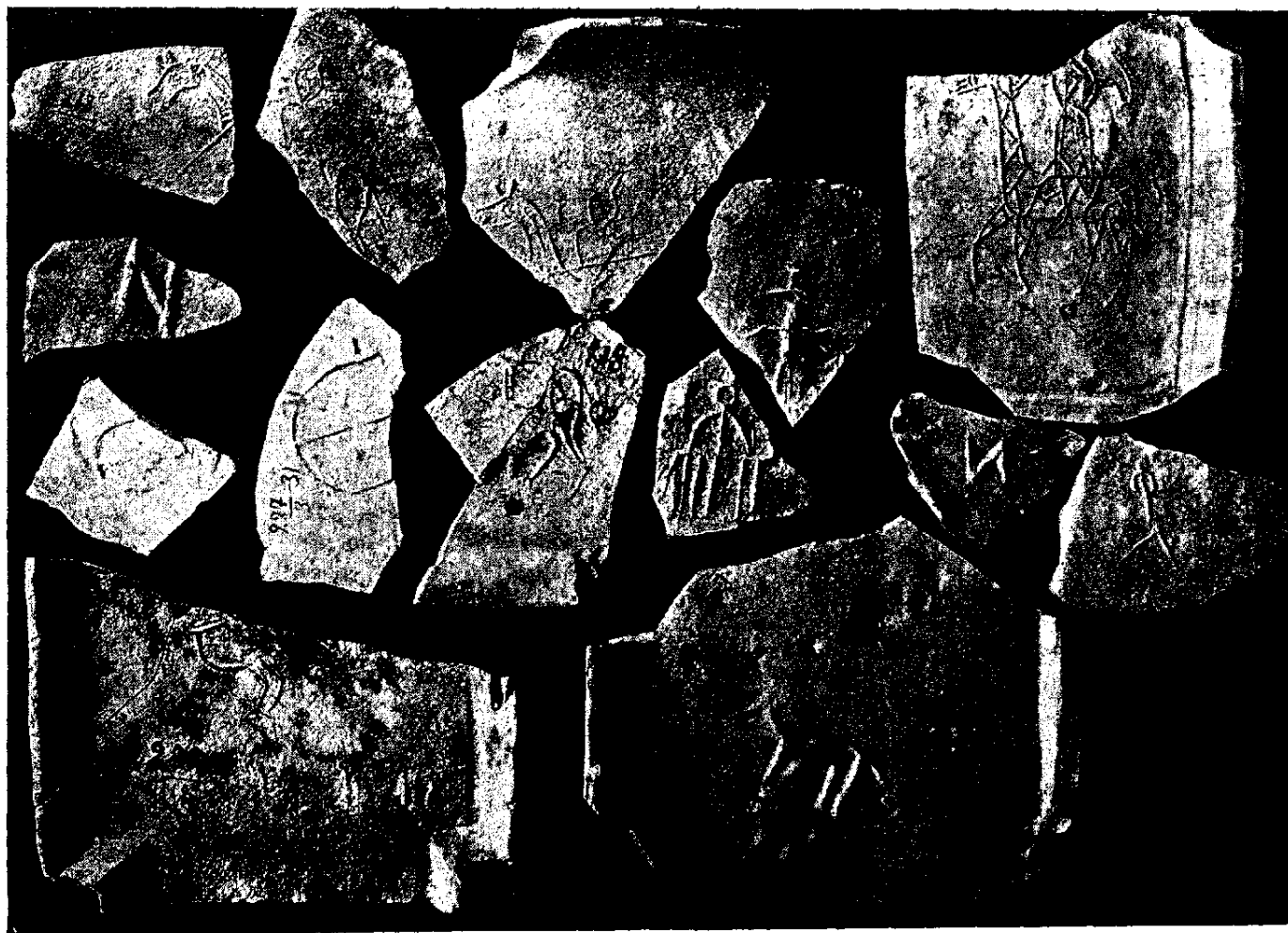

Рис. 18. Обломки черепиц с клеймами из помещений 1 и 2.

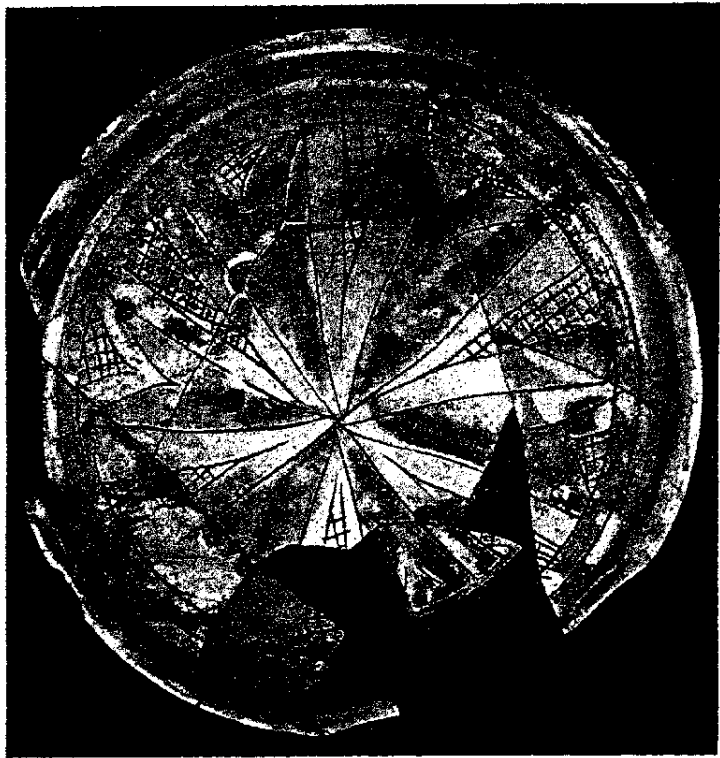

Рис. 19. Поливная красноглиняная миска из помещения 3.

красной глины, украшенной гравированным изображением Феодора Стратилата, на коне, и дракона напротив (рис. 31). Лицо Феодора обращено прямо, вокруг головы нимб, в правой руке щит, в левой меч.¹ На миске 4 пары отверстий: миска была разбита в древности на три части и скреплена. На полу кладовой, внизу, найдены: обломки поливной посуды, амфор и пифосов, железный круглой формы замок, бронзовый ключ с решетчатой бородкой, бронзовая сковородка с железной ручкой (рис. 32), большое количество железных гвоздей и обломков черепиц; на полу толстый слой саж, угля и золы. В насыпи пола и ниже его найдены бронзовые монеты: по одной монете имп. Лициния (№ 25), Константа II (№ 37), Льва V (№ 59), 3—Василия I (№№ 62—63), 15—Романа I (№№ 72—75) и по одной монете Константина Порфирородного (№ 78) и Романа II (№ 82).

Помещение 14 связано дверью с соседним помещением, из которого дверь вела на улицу; последнее помещение, оставшееся в отчетном году нераскопанным, было, вероятно, жилой комнатой дома.

Помещения предыдущего периода, как сказано выше, погибли, вероятно, в конце X в.

¹ В этом изображении мы видим Феодора Стратилата, а не Георгия Победоносца, по иконографическим признакам: Георгий изображается юным, безусым и безбородым, Феодор же Стратилат, как и в данном случае, с бородой и усами. По легенде Феодор совершил такой же подвиг, как и Георгий, — умертвил дракона на своей родине. В IV в. Феодор Стратилат был правителем Гераклеи Понтийской. Культ его был широко распространен в Византии и в древней Руси.

В последующее время они были засыпаны мусорной землей второго слоя, накопление которого здесь происходило в течение продолжительного времени, в результате чего слой достиг большой мощности — свыше 2 м. Поселения в это время здесь не было. Для определения времени возникновения зданий последнего строительного периода мы не располагаем пока необходимыми данными. Монеты, напр., на полу помещений этого периода были найдены всего лишь в количестве двух-трех экз. и могут быть случайными, тогда как на полу помещений предыдущего периода те же монеты были найдены в количестве нескольких десятков в каждом. Другие предметы, как, напр., поливная керамика, найдены в большом количестве, но они еще нуждаются в хронологическом определении.

Датировать здания последнего строительного периода можно пока лишь приблизительно: вероятно, они относятся к последним столетиям существования Херсонеса, т. е., к XIII—XIV вв. Будущие раскопки, можно надеяться, позволят это определение сделать более точным.

ВЫВОДЫ

На основании результатов раскопок 1931 г. можно нарисовать общую картину жизни данного квартала в различные периоды его существования.

1. Раскопанная часть была заселена сравнительно поздно, не ранее конца IV или начала III в. до н. э. К этому периоду относятся небольшие остатки стен зданий, грушевидная цистерна О и колодец К. Находки, относящиеся к этому периоду, свидетельствуют, что

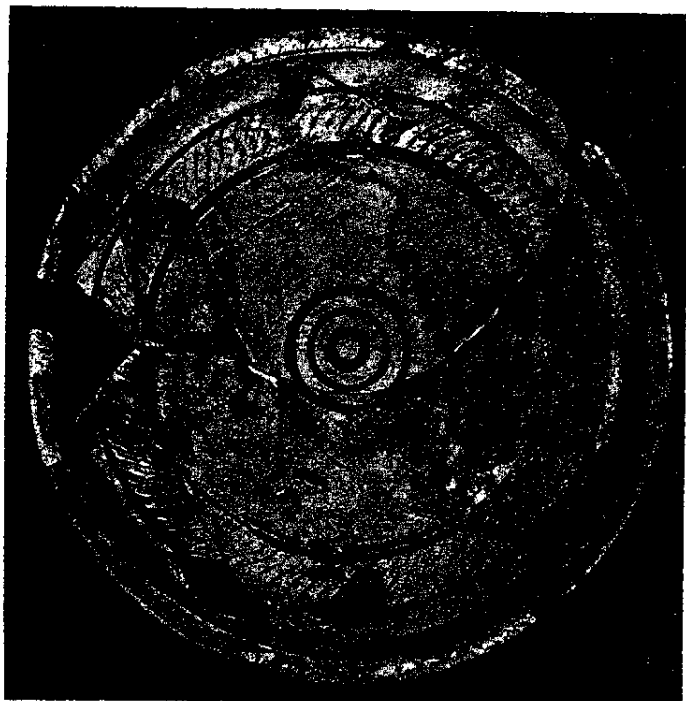
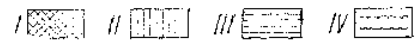
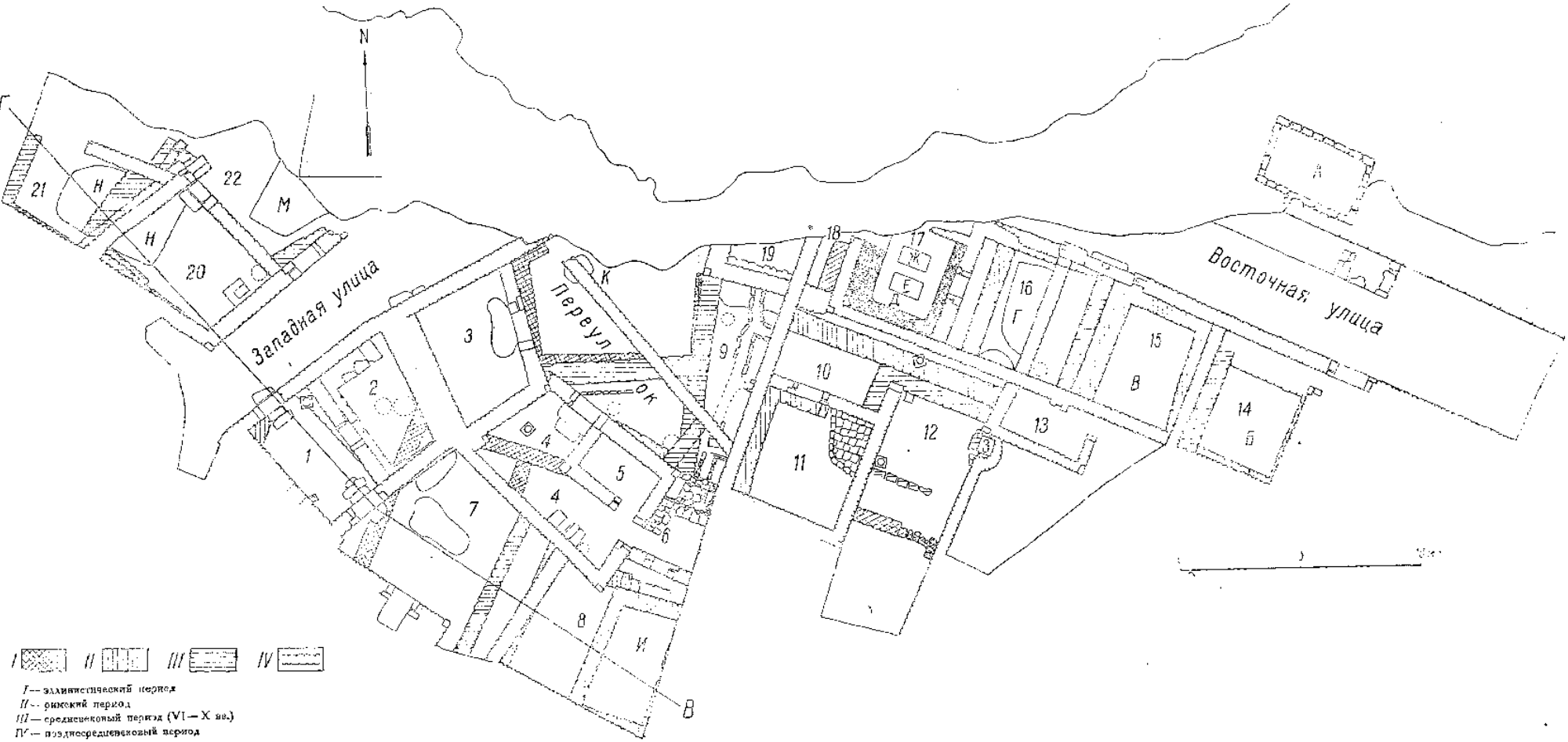

Рис. 20. Поливное красноглиняное блюдо из помещения 3.

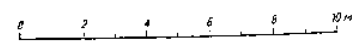
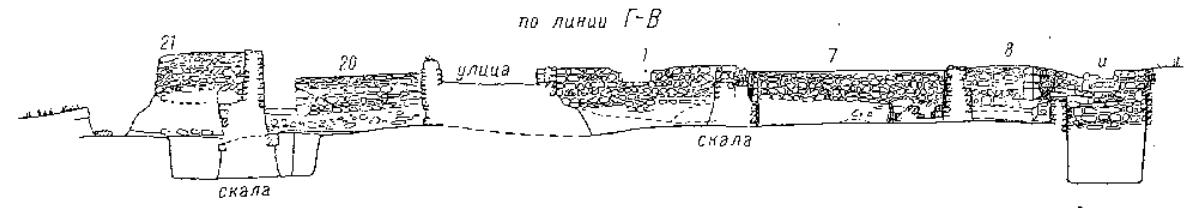
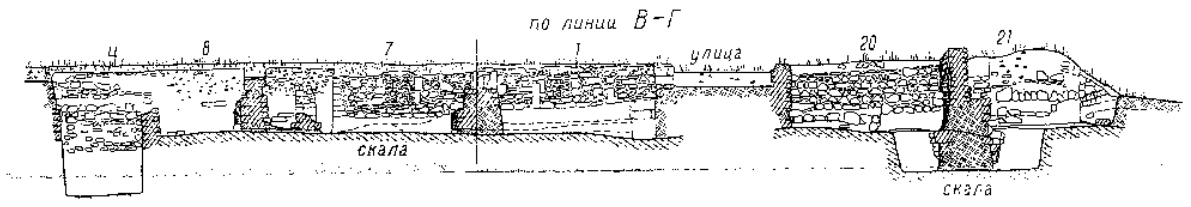
ХЕРСОНЕС

ПЛАН И РАЗРЕЗЫ РАСКОПА 1931 г. НА СЕВЕРНОМ БЕРЕГУ

К ст. Г. Д. Белови

I — эллинистический период
 II — римский период
 III — средневековый период (VI—X вв.)
 IV — позднесредневековый период

в Херсонесе в это время существовало собственное производство амфор и чернолаковой художественной посуды. На ряду с местной посудой были в употреблении и привозная чернолаковая посуда и амфоры. На основании найденных здесь амфорных ручек с клеймами можно предполагать, что торговля Херсонеса в это время происходила главным образом с Родосом и Книдом.

Несколько позднее были вырублены в скале четырехугольные ямы-цистерны Г, Л, М, Н.

2. К римскому периоду принадлежат остатки больших зданий из толстых стен и цистерны А, Б, В, Е, Ж, И. Цистерна О в это время была засыпана землей, а также и колодезь К. В позднеримский период здесь существовало крупное хозяйство; рыболовство, заготовление рыбы в больших оштукатуренных цистернах и экспорт ее достигают большого развития. Найденны также в большом количестве предметы импорта: краснолаковая посуда, стекло, художественная бронза и пр. О расцвете торговли говорят и найденные серебряные и бронзовые римские и боспорские монеты.

3. От первой половины средневековой эпохи сохранились почти целиком фундаменты трех зданий: 9а, 12а и 21а. В них найдены следующие предметы импорта: большое количество стеклянной посуды, стеклянных браслетов, электровые и бронзовые перстни, золотая пластинка и др. О развитии торговли свидетельствуют и многочисленные монеты, главным образом IX—X вв. О развитии местного производства можно судить по найденным здесь матрицам,

Рис. 21. Чашка из помещения 2.

Рис. 22. Бронзовые перстни из помещения 15.

Рис. 23. Железные орудия из помещений первого слоя. 1—зубатка, 2—драга, 3—острога, 4—обломок книжала (?), 5—острога с 3 зубцами, 6—мотыга.

части тигля, большому количеству местной посуды (хорошей работы плоскодонные красноглиняные амфоры). В IX—X вв. появляется впервые поливная посуда; самый ранний ее вид: белоглиняная со штампованным рельефным орнаментом. О рыболовстве говорят вязальные иглы, крючки и грузила, о скотоводстве — большое количество костей животных.

В конце X или на рубеже X—XI вв. над городом или над данной его частью разразилась катастрофа: все здания погибли в пожаре и были разрушены. Этот квартал и вся западная часть Херсонеса, как показывают раскопки прежних лет, надолго запустили и были обращены под свалку городского мусора.¹

4. Через значительный промежуток времени в этом районе вновь возникает строительство: на толстой насыпи второго слоя были построены дома, кладовые и дворы, расположенные очень скученно. Этот район был окраиной города, вся западная часть, расположенная на возвышенности, после X в. заселена не была и продолжала служить местом для свалки мусора. Социальный состав населения и его занятия в этот позднесредневековый период были совсем другие, чем прежде. На основании архитектурных остатков мы можем представить, каковы были здесь дома. Это очень небольшие, неправильного плана и небрежной кладки убогие постройки, очень бедно обставленные внутри: неоштукатуренные стены, земляные полы, очаги или, что было реже, печи без труб и т. д. Главным занятием жителей квартала было, повидимому, рыболовство, которое велось в мелких размерах, для себя: в каждом доме были найдены рыболовные

¹ Ср. К. К. Косцюшко-Валюжинич. ИАК, 4, стр. 67 сл.

Рис. 24. Кувшин глиняный из помещения 15.

принадлежности, а также и остатки рыбы в сосудах. В некоторых домах были инструменты по обработке камня и дерева, орудия текстильного производства и земледелия, орудия для размола зерна и др. О развитии местного гончарного производства раскопки 1931 г. дали особенно ценные материалы. В этот период

1932

Раскопки 1932 г., производившиеся на северном берегу городища, к востоку от участка раскопок 1931 г., являются прямым продолжением последних.

Граница участка раскопок: с юго-западной стороны поперечная улица, обнаруженная раскопками 1931 г.; с северо-востока — другая поперечная улица, параллельная первой; с юго-востока — длинная стена, расположенная между поперечными улицами под прямым к ним углом; с северо-западной стороны — море и полоса скалистого берега шириной около 10—12 м, обнаженного прибором от культурного слоя. Толщина

Рис. 25. Железный светильник из помещения 13.

изготавливается поливная посуда двух видов: белоглиняная с „акварельным“ орнаментом и красноглиняная с гравированным орнаментом.¹ В помещениях найдено большое количество пифосов, почти одинаковых по форме, материалу и технике, повидимому, происходящих из одной или немногих мастерских. Напротив, черепицы отличаются большим разнообразием: различны их форма и размеры, техника изготовления и клейма; очевидно, существовали многие черепичные мастерские, работавшие одновременно, но вполне самостоятельно. Таким образом на основании всех предметов, найденных в этих домах, можно сделать заключение, что жители раскопанного квартала занимались рыболовством, мелкими ремеслами и имели небольшое самостоятельное хозяйство, которое удовлетворяло почти все их главные потребности. Отсутствие монет и предметов импорта свидетельствует, что в позднесредневековый период внешняя торговля Херсонеса прекратилась; если же она и была, то в очень ограниченных размерах; предметы импорта для населения данного квартала были совершенно недоступны, так как оно было очень бедным и принадлежало к низшему классу общества.

Весь квартал погиб от большого пожара, возникшего, вероятно, во время нападения внешнего врага; по состоянию инвентаря помещений видно, что пожар быстро охватил город, что жители бежали из своих домов, бросив все свое имущество. Для точного определения момента гибели этого квартала нет пока данных, но, вероятно, гибель произошла одновременно с гибелью всего Херсонеса, т. е., в конце XIV в.

последнего в обрыве достигает 2—3 м; в обрыве видны многочисленные стены, водостоки из каменных плит, обломки керамики и другие культурные остатки (рис. 33). Высота скалистого материка здесь незначительна: начинаясь возле моря от нуля, скалистый берег на расстоянии 8—12 м от моря, возле обрыва культурного слоя, повышается только на 1—1.50 м. Вследствие этого значительная часть территории города здесь размыва морем (см. планы на табл. II).

Северо-западная часть участка до раскопок представляла неровную поверхность, на которой видны были направления стен, небольшие возвышения, состоявшие сплошь из камней, и ямы, заполненные камнями. Юго-восточная часть участка представляла покрытую густой

¹ Большое количество и разнообразие поливной посуды, найденной в 1931—1933 гг., с одной стороны, и тщательные наблюдения над местонахождением ее в слоях при раскопках, с другой, дают возможность привлечь к изучению этой посуды и материалы из прежних раскопок.

гравой ложбину шириной 10—12 м, поверхность которой была значительно ниже окружающей ее территории; только по середине ее было небольшое возвышение (помещение 11). На поверхности ложбины камней не было. Вид поверхности участка до раскопок дают рис. 33 и разрезы (табл. II), где высота берега и рельеф показаны от уровня моря. Вид обрыва со стороны моря до раскопок дан на рис. 33. Длина раскопанного участка 35 м, ширина 15—30 м, общая площадь около 700 кв. м.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

(III—I вв. до н. э.)

В целях сохранения архитектурных остатков верхнего строительного периода раскопка до скалы в 1932 г. не могла быть произведена под следующими помещениями: I, IV, IX, XI, под часовней и под мозаичным полом базилики. Материковая скала обнаружена под помещениями II, III, VI, VII, VIII, частично под базиликой — в нартексе, в среднем нефе, под могилами №№ 6—8, 10, 12—20, 28—30 и с северо-восточной стороны абсиды базилики.

В помещениях III и VI, служивших кладовыми, земляной пол лежал близко к скале, поэтому слой эллинистическо-римского периода был здесь очень тонким (около 0.10 м) и состоял из желтоватой глины и щебенки. В этом слое найдены обломки глиняной посуды, покрытой плохим черным и красным лаком, обломки

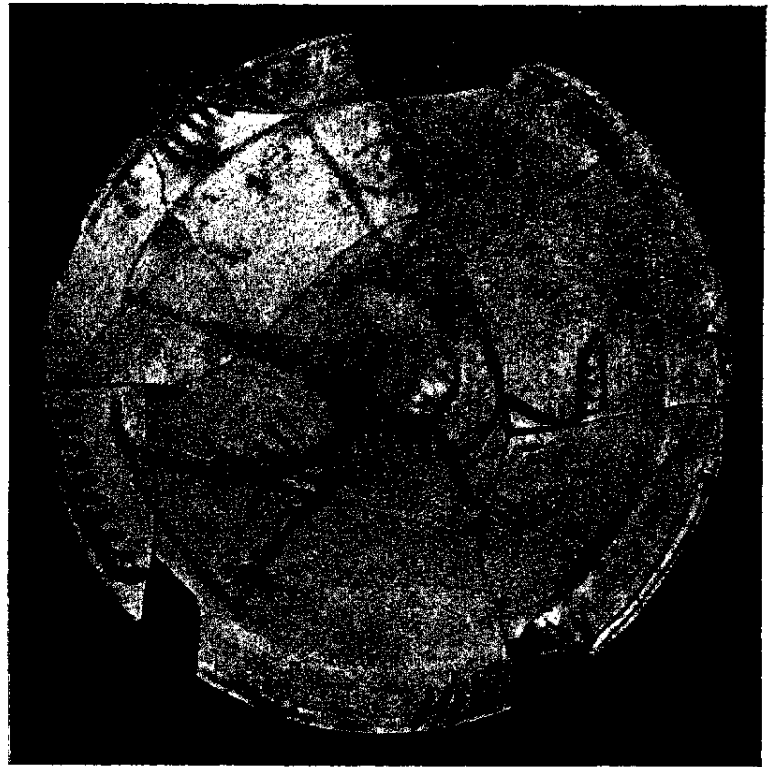

Рис. 27. Белоглиняная тарелка с изображением птицы из помещения 13.

стеклянной посуды и бронзовый короткий гвоздь с широкой шляпкой.

Под полом и внутренней стеной помещения III в северо-западной его части оказалась яма, вырубленная в скале, круглой формы, грубо обработанная, без следов штукатурки (диам. 1.40 м, глуб. 1.80 м). Яма служила, повидимому, для хранения хозяйственных запасов. Вся яма была заполнена крупными камнями. В завале камней найдены кусок стекла, сплавившийся от пожара, бронзовая херсонесская монета (№ 98) с изображением Девы, поражающей лань, относящаяся к половине III в. н. э., обломок дна чернолакового блюда, часть краснолакового светильника с петлеобразной ручкой, обломок краснолакового сосуда и ножка стеклянной рюмки. На основании этих находок существование ямы можно отнести к III—I вв. до н. э.; к тому же времени принадлежит и цистерна O и колодезь K раскопок 1931 г. В северном углу помещения VI, под полом, сохранились остатки стены (дл. 1.80 м, толщ. 0.70 м, выс. 0.20—0.30 м). Стена лежит на скале, сложена на глине и, несомненно, относится к эллинистическому периоду.

Под помещениями II и VII слой глинистой желтоватой земли и щебенки был толще и достигал в помещении VII 0.50 м.

Под помещением VIII, совершенно разрушенным, слой глины и щебенки

Рис. 26. Белоглиняная тарелка с изображением животного.

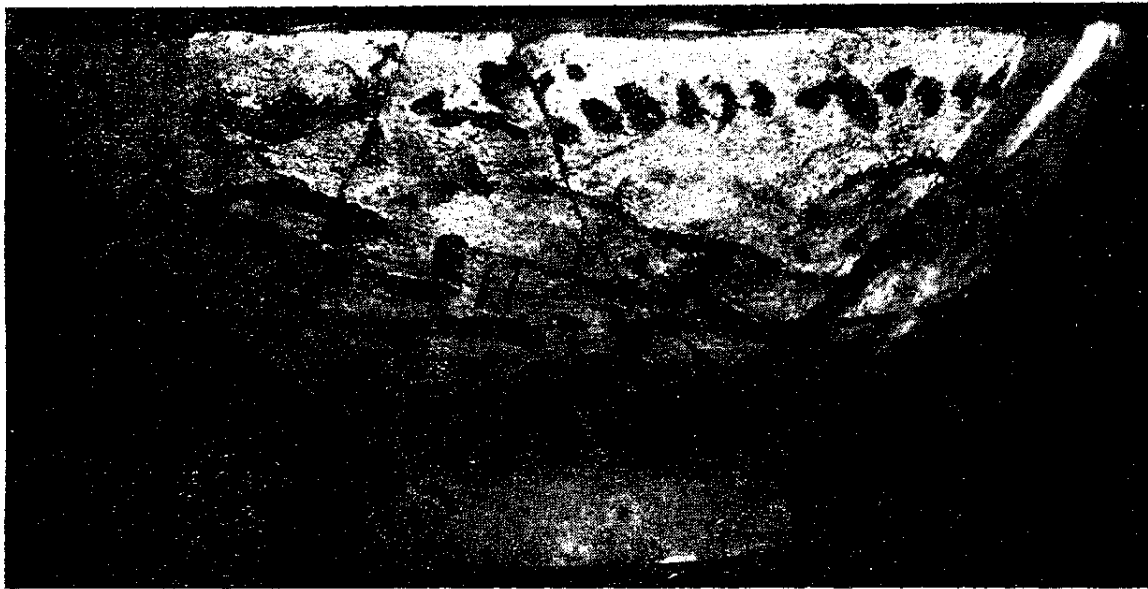

Рис. 28. Белоглиняная миска из помещения 13.

на скале сохранился только в южном углу, остальное размыто морем. При скале найдены обломки посуды, покрытой красным, бурным и тусклым черным лаком.

Наибольшей толщины (до 0.80 м) культурный слой эллинистическо-римской эпохи достигает с северо-восточной стороны абсиды базилики. Здесь он состоит из следующих прослоек, считая от скалы: а) слой глины и щебенки около 0.03 м, б) слой глинистой земли желтоватого цвета толщиной 0.15 м. В этих двух прослойках найдены обломки чернолаковой и краснолаковой посуды и амфор, пирамидальной формы грузило, куски расписной штукатурки красного цвета, обломки стеклянной посуды и оконного стекла, бронзовый рыболовный крючок и бронзовая монета (№ 103) Констанция II. Выше этих прослоек лежат: в) прослойка строительного мусора (отески камней) толщиной 0.15 м и г) слой чистой глинистой земли желтоватого цвета толщиной 0.20 м, по составу и содержанию аналогичный нижележащему слою глины. Здесь найдены обломки посуды, покрытой плохим черным и красным лаком; на одном обломке блюда имеется граффити (рис. 47, 1); оселок из серого камня, костяное шильце с вырезом на толстом конце (рис. 34), бронзовый короткий гвоздь с широкой шляпкой, обломки стеклянных толстостенных сосудов и амфорная ручка с клеймом и изображением справа от клейма виноградной кисти: $\alpha\rho\tau\upsilon\rho\acute{\iota}\mu\omicron\upsilon\varsigma$ ¹ $M\eta\tau\alpha\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\varsigma$ Ἀρτεμίδωρο[υ] .

Под базиликой эллинистическо-римский слой обнаружен в нартексе и в западном углу среднего нефа; слой лежал на скале и состоял из глинистой земли желтоватого цвета и щебенки толщ. 0.70—0.80 м. Находки те же, что и в других местах: обломки посуды, покрытой тусклым черным лаком; из них некоторые украшены накладным орнаментом в виде гирлянды из розовой глины, другие канелюрами и штампованными пальметками; обломки краснолаковой

Рис. 29. Красноглиняная миска, покрытая зеленой поливой.

¹ Е. М. Придик, ук. соч. стр. 75, № 260—261.

посуды; обломки амфор, амфорные ручки; родосская с клеймом и изображением канфара; обломки стеклянной посуды: дно рюмки, обломок с накладными полосками желтого цвета; бронзовые: гвоздь, серьга, кольцо и обломки пластинок; костяные: стиль (один конец обломан) (рис. 34) и гладкий кружок.

Как в раскопках 1931 г., так и в раскопках 1932 г. нижний слой, состоящий из щебенки и желтоватой глины, всегда почти был покрыт слоем чистой глинистой земли толщиной 0.20—0.30 м; оба эти слоя сопутствуют один другому и, повидимому, одновременны по происхождению. В обоих слоях находки одинаковы и состоят из обломков чернолаковой и краснолаковой посуды, обломков амфор и их ручек с клеймами, обломков стеклянной посуды (чаще всего круглые основания рюмок и донышки бокалов), обломков оконного стекла, бронзовых коротких гвоздей с широкими шляпками и глиняных грузил пирамидальной формы. Монет в третьем-четвертом слоях, как всегда, найдено мало; наиболее ранние из них относятся к концу II—началу III в. н. э.: одна, периода элевтерий Херсонеса (№ 99), найдена в третьем слое с северо-восточной стороны абсиды базилики, другая с изображением Девы (№ 28) — в яме под помещением III, третья (№ 100) с изображением Асклепия и Гигиен — в третьем слое под средним нефом; несколько монет относятся к IV в.: одна (№ 102)

Рис. 30. Красноглиняная миска, покрытая желтой поливой.

найдена под полом помещения III, две в третьем слое с северо-восточной стороны абсиды базилики; из них одна (№ 103) Констанция II.

Как общую черту раскопок 1932 г. следует отметить перемешанность находок и слоев, происшедшую при постройке базилики, кладовых и других помещений, основанных на скале, и при устройстве могил. Позднеримские монеты встречались во втором и даже первом слое, были частые случаи находок обломков чернолаковой посуды и античных амфор во втором и первом слоях. В засыпи могил встречались черепки чернолаковой посуды и ранние монеты; напр., в могиле № 5 найдена херсонесская монета (№ 95) митридатского времени, в могиле № 13 — две монеты IV в. От архитектурных сооружений эллинистическо-римской эпохи сохранились лишь ничтожные остатки: стена под помещением VI, под средним нефом базилики в западной его части, под юго-западной стеной помещения III, яма в скале под помещением III, стены под помещением VIII.

Вне участка раскопок, к северу от него, на скалистом берегу возле моря, произведена расчистка и раскопка трех длинных выемок, вырубленных в скале (см. на табл. III), которые отчасти были видны до раскопок в юго-западном конце, так как культурный слой здесь был совершенно размыт морем. Раскопка выемок произведена для того, чтобы по исследованию и нанесении их на план можно было на этот берег вывозить землю из раскопок.

Рис. 31. Красноглиняная поливная миска с изображением Феодора Стратилата и дракона.

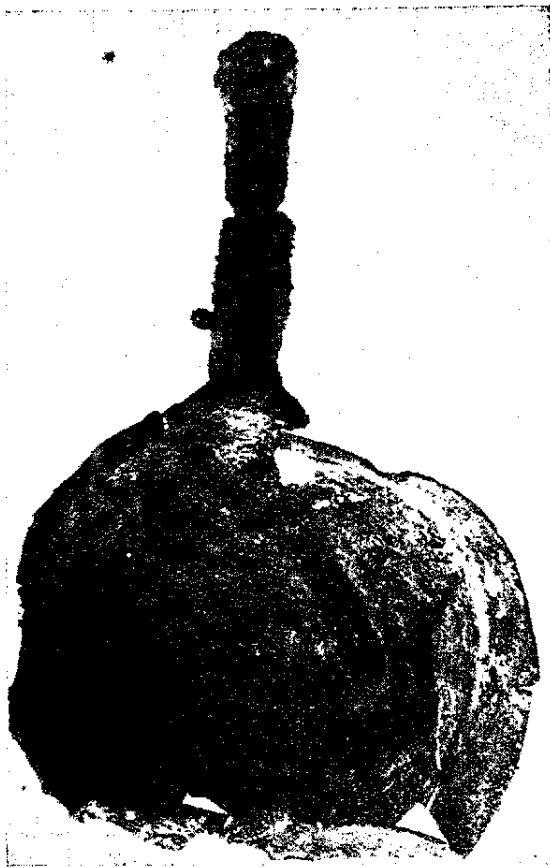

Рис. 32. Бронзовая сковорода с железной ручкой.

Под верхней осыпью на скале и в выемках лежал слой глинистой земли желтого цвета и щебенки толщиной 0.30—0.40 м. В этом слое найдены были амфорные доньшки и ручки с клеймами: *Ἐπιέλλου | ἀστυνόμου | Μανέω*,¹ монограмма (рис. 47, 2); обломок горла с вдавленным клеймом *Ἀριστο | κλέος*. Найдено большое количество обломков посуды, покрытой плохим и тусклым черным лаком, некоторые с накладным орнаментом из розовой глины, исполненным в виде „елочки“; обломки краснолаковой посуды: обломки блюда с рельефным бортиком и горизонтальной ручкой в виде валика, вплотную прилегающей к бортику, пирамидальное грузило с неясным клеймом сверху, сильно обтертое, раковины крупных устриц; обломок сосуда, украшенного тремя полосами красного цвета. Следует отметить, что обломки черной и краснолаковой посуды находятся обычно вместе — в одном и том же слое.

Таким образом большая часть находок принадлежит эллинистическому периоду (III—II вв. до н. э.), и только небольшое количество краснолаковой посуды относится к римскому периоду (I в. до н. э. — II в. н. э.).

Выемки на скале расположены параллельно друг другу, в направлении с юго-запада на северо-восток, и имеют следующие размеры: северо-западная — дл. 8.00 м, шир. 0.50 м, глуб. 0.15 м; средняя выемка — дл. 12.80 м,

шир. 0.20—0.40 м, глуб. 0.20 м; юго-восточная — дл. 15.10 м, шир. 0.40—0.50 м, глуб. 0.15 м. В северо-восточном конце две последние выемки уходят под толстый нетронутый слой и поэтому пока полностью не обнаружены. Расстояние между выемками северо-западной и средней 1.90 м, между средней и юго-восточной 1.50 м.

Назначение выемок пока определить трудно; возможно, под нераскопанной площадью города окажется их продолжение, что позволит в будущем определить их общий план и назначение.

РИМСКИЙ ПЕРИОД

(I—V вв. н. э.)

Цистерна под помещением V. Цистерна, обнаруженная под помещением V, имеет следующие размеры: дл. 6.10 м, ширина в северо-восточном конце 3.60 м, в юго-западном — 2.80 м, глуб. 3 м, объем 58.56 м³. Дно вымощено глиняными кирпичами размером 0.51 × 0.44 м (рис. 35). Вымостка дна производилась от северо-западной стены; поэтому по отношению к юго-восточной стене, вследствие неодинаковой ширины цистерны, ряды кирпичей идут косо. Стены цистерны оштукатурены цементом, состоящим из смеси извести с толченой керамикой и имеющим красный цвет. Вверху цистерны был, повидимому, устроен потолок, остатки которого сохранились в юго-западном конце в виде толстого слоя цемента и мелких камешков. В северо-восточном конце цистерны следов потолка не сохранилось. Позднее потолок обрушился; его остатки в виде цементной обмазки, покрывавшей деревянные доски, обнаружены внизу цистерны на слое мусора.

Первоначально цистерна служила для хранения соленой рыбы: в момент раскопок на дне ее был обнаружен сплошной слой остатков анчоуса (хамсы) толщиной 0.25 м в середине и 0.50 м возле стен (возле юго-западной стены 1 м). В верхней части слой рыбы был коричневого цвета; в нем можно было видеть очертания и позвонки отдельных рыб; внизу на дне рыба настолько спрессовалась, что представляла однородную сплошную массу темнокоричневого цвета, в которой различить отдельных рыб было невозможно. На кирпичях пола находился налет плотной массы желтоватого цвета, повидимому рыбьего жира.

В слое земли толщиной 0.20 м, лежавшей непосредственно на остатках рыбы, в большом количестве найдены обломки амфор из красной глины, покрытых сверху светлой облицовкой, с острым или округлым дном, в последнем случае рубчатым; короткие горла амфор с толстым бортиком и небольшими дугообразными, круглыми в сечении, ручками; высокие узкие горла с длинными ручками (рис. 36); некоторые из амфор сделаны из глины желтоватого

¹ Придик, ук. соч., стр. 88, № 550 слл.

цвета. В этом же слое мусора найдены обломки чернолаковой и краснолаковой посуды, обломки стеклянных рюмок и плоского стекла; античное известняковое надгробие антроповидной формы (рис. 36); обломок мраморной скульптурной группы, сильно обломанной; бронзовые монеты позднееримские (№ 102) и ранневизантийские: Зенона (№ 110), Анастасия (№ 111) и Юстиниана I (№ 112). Перечисленные предметы можно датировать, примерно, IV—VI вв., в течение которых цистерна служила мусорной ямой. Принимая во внимание, что до этого момента в течение некоторого времени цистерной пользовались для засолки рыбы, время постройки цистерны следует отнести к первым векам н. э. Следовательно, засолка рыбы в ней производилась в I—III вв.

После продолжительного периода времени, в течение которого цистерна служила мусорной ямой, она была использована в качестве ямы для раствора извести: в засыпи цистерны имеются два известковых слоя, один на высоте 0.70 м, другой — 0.85 м от пола цистерны; выше их на стенах сохранились толстые налеты извести.

Над верхней известковой прослойкой лежал слой земли темного цвета толщиной около 2.20 м. В этом слое главными находками были: обломки посуды из белой и розовой глины, покрытой зеленой и желтой поливой и укра-

шенной расплывчатым „акварельным“ орнаментом. Большую часть посуды составляют миски на высоком донном кольце и тарелки, встречались также кувшинчики и бокалы. Найдено дно миски, покрытой зеленоватой поливой. На нижней стороне имеется граффито (рис. 37): *Μιχαηλιου τοῦ ἀρχιερέως καλεποῦμου Ζολεροῦ[ῦ]*.

Михаила „архиерея“ (не в смысле архиепископа, а в смысле старшего священника). Последние два слова, вероятно, служат указанием на тот храм или часовню, где Михаил был архиереем.

В большом количестве найдены обломки стеклянной посуды: маленькие ручки в виде ушков от чашек, обломки браслетов темнозеленого, зеленого и синего цвета; куски плоского стекла; куски бронзовых предметов: пластинок с дырочками и петель, со штифтиком, с кольцом на конце; петля и пуговица; кроме того, найдены костяные предметы (рис. 38): шашки, стиль из тонкой кости птицы; цилиндрическое глиняное грузило, пряслице из красной глины, плоское; железные гвозди; кухонные отбросы: кости домашних животных — крупного рогатого скота, свиней и коз, раковины устриц, кости рыб и пр.

Бронзовые монеты найдены следующие: одна позднееримская (№ 102), одна — имп. Зенона (№ 110), одна — Юстиниана I (№ 112), одна — Анастасия (№ 111), одна — Василия I (№ 121)

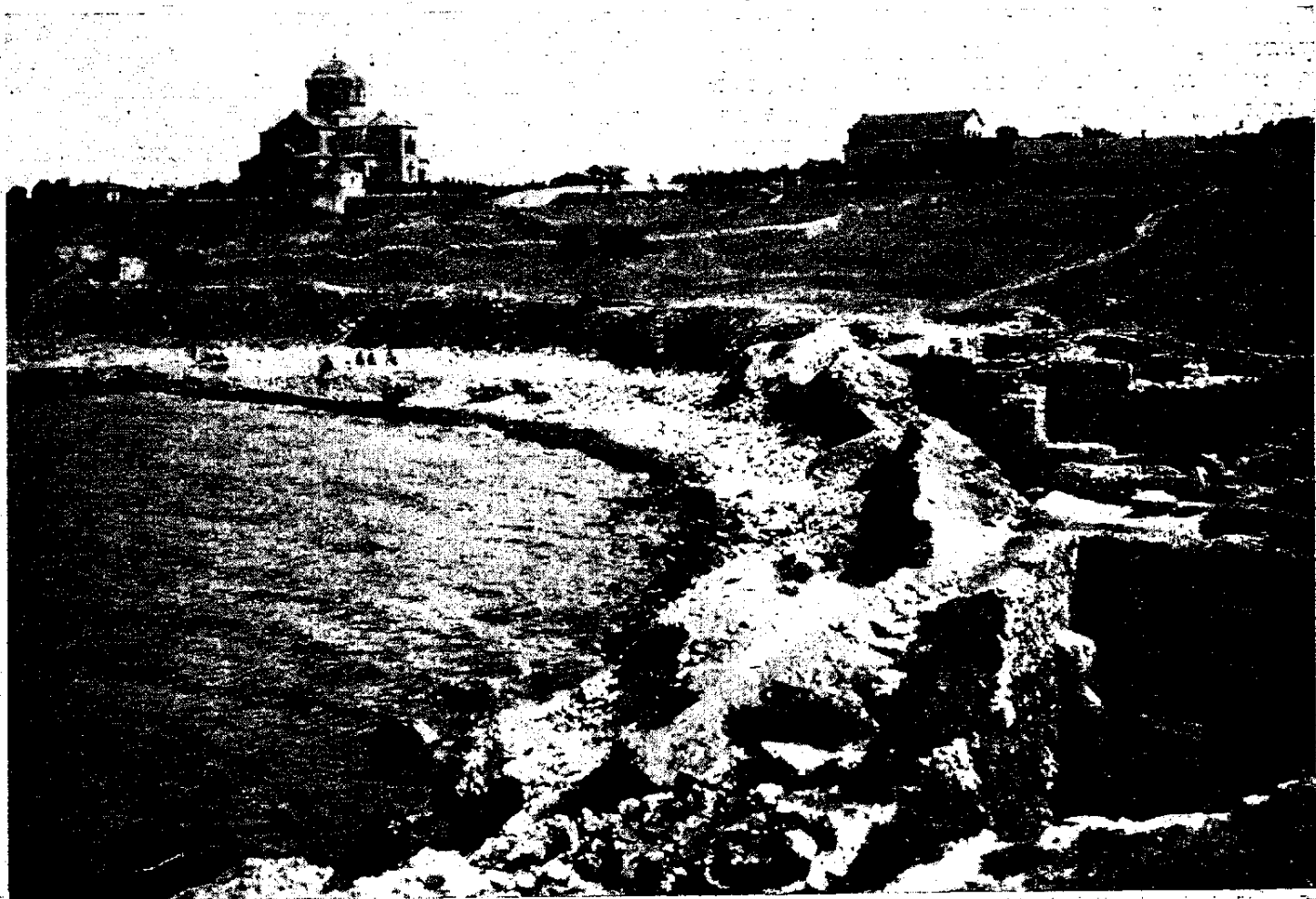

Рис. 33. Общий вид участка 1932 г.; на первом плане квартал раскопок 1931 г.

Рис. 34. Костяное шило и костяной стил.

три — Константина VII Порфирородного (№ 132, 134), тринадцать — Романа I (№№ 126—130), три — Романа II (№ 136), одна — Василия II (№ 142), одна — Мануила I Комнина (№ 145).

Цистерна была в четвертый раз использована для свалки мусора. В этот период поперек цистерны, на расстоянии 3.20 м от юго-западной стены, на высоте 0.70 м от известкового слоя, была построена стена толщиной 1 м, от которой сохранились два ряда высотой 0.50 м. Во швах ее был цемент такого же состава, как в потолке цистерны: возможно, потолок и стена сделаны в одно время,

причем потолок доходил только до поперечной стены; дальше от нее к северо-востоку потолка не было.

Насыпь второго слоя продолжалась выше стен цистерны до уровня первого пола помещения V. Находки в этой насыпи в общем были аналогичны предметам, найденным в цистерне. Но в верхней части слоя встречались и иные предметы, напр. обломки поливных мисок из красной глины с гравированным орнаментом; на ряду с ними встречались обломки посуды из белой и розовой глины с „акварельным“ орнаментом. Найденны обломки посуды без поливы: кувшина с орнаментом в виде гребешков и с изображением змеи, кувшинов, горшков, амфор с гравированным орнаментом, обломки стеклянной посуды и браслетов, известняковое грузило грушевидной формы, цилиндрической формы глиняные грузила, бронзовые рыболовные крючки, обломок железного предмета в виде втулки и ножки, железные гвозди, проколка костяная, шарик красноглиняный, обломок железной подковы, шашка костяная (рис. 38), бронзовый наконечник булавы с пирамидальными шишками (рис. 39), бронзовый крест из пластинок, с отверстиями на концах (рис. 40), бронзовые монеты Василия I (№ 121), Константина VII (№ 132), Романа I (№№ 127—129) и Романа II (№ 136). Второй слой может быть датирован VIII—X вв., следовательно, в VI—VII вв. цистерна служила известковой ямой, вероятно, при постройке базилики, после чего была обращена в мусорную яму.

В последний период существования данного квартала над цистерной был построен двор, под полом которого не видно уже следов цистерны.

Если правильна датировка этой цистерны римским периодом, то к тому же времени следует отнести и оштукатуренные цистерны А, Б, В, Е, Ж, И раскопок 1931 г.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД

I половина: VI—X вв.

Базилика. В результате раскопки второго слоя в юго-восточной части участка открыта большая трехнефная базилика. Базилика занимает все пространство между поперечными улицами и между юго-восточной стеной и помещениями IV—VII, стены которых стоят на стенах базилики. Базилика ориентирована на северо-восток и имеет следующие размеры: наружная длина 26.00 м, ширина 16.50 м, ширина нефов внутри: северного и южного по 2.50 м, среднего 8.75 м, ширина нартекса 3.10 м (табл. II). Положение средней абсиды не соответствует оси базилики, хотя фундамент абсиды построен правильно. Абсида имеет пять граней (если же боковые грани считать продолжением длинных стен, то три грани), сложенных из хорошо отесанных камней на извести (рис. 41). Боковые абсиды базилики пристроены позднее: северо-западная имеет внутри длину 2.25 м, ширину 1.88 м; юго-восточная абсида больше размерами: длина ее 4 м, ширина около 3 м (наружная юго-восточная стена ее находится под водостоком).

Стены базилики покоятся на скале и сложены на извести (стены боковых абсид стоят

Рис. 35. Цистерна под помещением V.

на насыпи), внутри и снаружи оштукатурены известью (она видна снаружи в помещениях VI и VII) и, вероятно, были покрыты внутри росписью, куски которой найдены при раскопках. Толщина наружных стен базилики равна 0.90 м, внутренних — между нефами—0.70 м. С юго-западной стороны, с улицы, в базилику вели три двери: порог средней из них сделан из одной каменной плиты темно-серого цвета длиной 2.46 м. Ширина пролетов: средней двери 2.40 м, северо-западной и юго-восточной 1.32 м.

Из нартекса три двери ведут в нефы; порог средней сделан из такой же плиты, как и в средней наружной двери, но разбит на несколько частей.

На стене, служащей фундаментом для колонн между северным и средним нефами, сохранились на месте три мраморных базы на расстоянии 1.58 м одна от другой (рис. 42). Размеры баз следующие: длина и ширина по 0.55 м, высота 0.23 м. На каждой базе сверху имеются круглые углубления, диаметром 4—5 см и глубиной 4.5 см, с остатками в них железных стержней; от каждого углубления идет желобок на угол базы. На боковых сторонах баз имеются метки: на первой с северо-востока (рис. 47,3), на средней (рис. 47,4), на юго-западной (рис. 47,5) в середине эта метка

Рис. 36. Обломки глиняной посуды из цистерны под помещением V.

выщерблена; поэтому была сделана еще одна метка (рис. 47,6). Возле юго-западной базы лежали мраморный импост и мраморная база небольших размеров с буквой (рис. 47,7) на верхней стороне. Верхний ряд стены сложен из толстых хорошо отесанных плит; в северо-восточном конце стена разрушена. Стена между средним и южным нефами сохранилась в длину больше, почти до самой солеи, но верхний ее ряд разрушен на всем протяжении. Солея средней абсиды сделана из мраморных плит, служивших основанием для алтарных преград. На месте сохранились плиты с юго-восточной стороны, причем угловая плита слегка сдвинута с места, и небольшой кусок с северо-западной стороны; посредине солеи плита лежала выше цементного пола, также сдвинутая с места (рис. 43). Мраморные плиты алтарных преград найдены в большом количестве; после разрушения базилики плиты были использованы для вымостки пола в часовне, построенной в абсиде базилики, и для покрытия могил, находившихся во втором слое.

В боковых нефях пол был вымощен мозаикой, которая частью сохранилась, но в большей части разрушена при устройстве могил.

Мозаика северного нефа представляет геометрический орнамент из кругов, расположенных в три ряда (поперек нефа) и пересекаемых другими кругами. Диаметр кругов 0.60—0.61 м, ширина всего среднего орнамента 1.81 м. Овалы, получившиеся при пересечении кругов, заполнены белыми камнями из мрамора в 5—6—7 рядов и образуют четырехконечные розетки (рис. 44). Внутри каждого круга вписан четырехугольник с вытянутыми углами и вогнутыми сторонами; наружные два ряда его выполнены камнями желтого цвета; середина сделана из 7—8 рядов красного цвета.

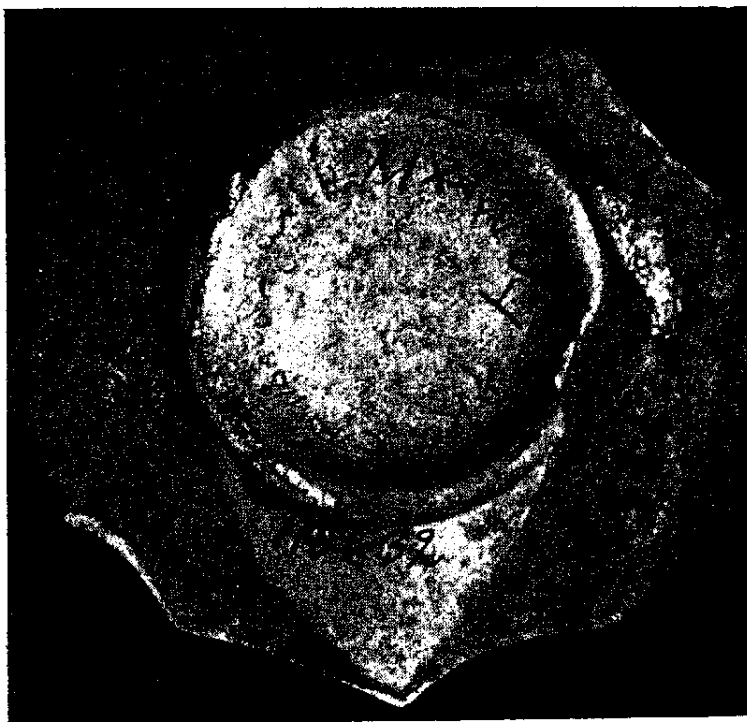

Рис. 37. Дно поливной миски с граффиги.

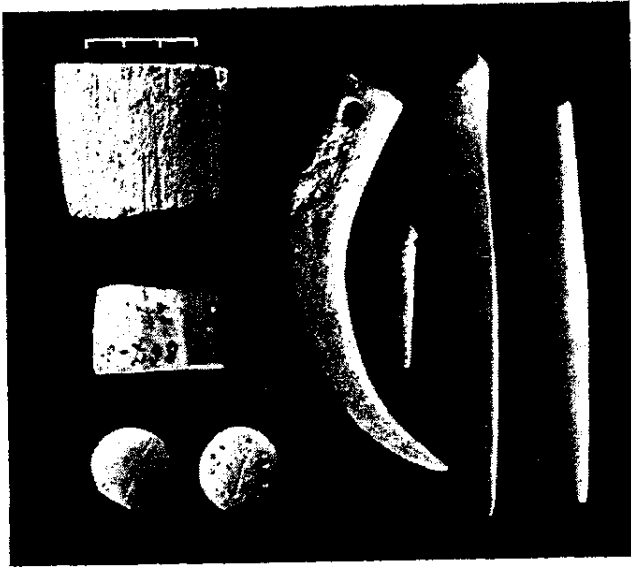

Рис. 38. Костяные предметы из второго слоя.

Края овалов и кругов окаймлены одним рядом камней черного цвета.

Средняя часть орнамента обрамлена возле стен бордюрами. С северо-западной стороны бордюр состоит, считая от середины, из нескольких рядов камней различного цвета: 1 ряд черного цвета, 3 ряда белого, 1 ряд черного, 2 ряда красного и 1 ряд желтого. В середине бордюра помещен растительный орнамент, состоящий из вьюнка с сердцевидными листьями плюща, обращенными поочередно то внутрь базилики, то наружу. Листья и стебель выполнены красными камнями, обрамленными одним рядом черных. Бордюр возле стены среднего нефа имеет такой же орнамент, состоящий из стебля и листьев плюща, отделенных от среднего орнамента одним рядом черного и четырьмя рядами белого цвета. Ширина бордюров по 0.50 м.

Во всем нефе орнамент был одинаков; исключением является только часть мозаики против средней базы, где вместо кругов орнамент состоял из треугольников, прямоугольников, ромбов, полосок и овалов. Вероятно, это место является переделкой или починкой пола, произведенной в более позднее время.

Материалом для мозаики служили: привозной белый мрамор, местный желтый мрамор, местный песчаник черного цвета и красный кирпич — всего 4 цвета. Размеры белых камней несколько крупнее остальных, а именно: белых 22×28 , 25×30 , 27×32 мм, желтых и красных 15×20 , 25×28 мм и т. д. Черные камни сохранились плохо: в верхней части они разрушены, что резко выделяет черные линии на общем фоне мозаики.

Мозаика в северном нефе сохранилась в нескольких местах, лучше всего в северо-восточном конце (дл. около 5 м, шир. 2.90 м); в середине — узкой полосой (дл. 7.50 м); возле стены среднего нефа и возле северо-западной

стены в юго-западном конце (дл. 2 м, шир. 0.90 м) (рис. 44 и табл. II).

В южном нефе орнамент мозаики почти такой же, за исключением следующих особенностей: мозаика выполнена из камней не в 4, как в северном нефе, а в три цвета (без черных камней); внутри вписанных в большие круги четырехугольников помещены не четырехугольники, как в северном нефе, а малые круги, выполненные из желтых камней (рис. 45); листья плюща в бордюре возле наружной юго-восточной стены обращены поочередно то вдоль, то поперек нефа — каждая пара обращена в противоположные стороны; листья выполнены из белых камней и обрамлены рядом красных; стебель тоже красного цвета; все поле бордюра выполнено камнями желтого цвета. Кроме того, нарушение орнамента имеется возле двери, ведущей в нартекс: здесь рисунок состоит из двух пар полукругов, обращенных дугами друг к другу. Мозаика в этом нефе сильно разрушена могилами и сохранилась лишь небольшими кусками (рис. 46).

В среднем нефе мозаика сохранилась в промежутках между солеей и боковыми нефами и в двух местах возле северного нефа.

Между солеей и северным нефом орнамент состоит из пересекающихся кругов, расположенных в три ряда и обрамленных бордюром из четырех рядов белых камней; возле солеи бордюр не сохранился. Овалы, образованные пересечением кругов, вытянутые в направлении с юга на север, выполнены из белых камней; овалы, вытянутые с запада на восток, выполнены желтыми камнями: каждый овал состоит из 4 рядов. Четырехугольники в кругах заполнены красными камнями в 5 рядов, обрамленных рядом черных камней. Диаметр кругов неодинаков: 19×22 , 20×21 см и т. д., рисунок их не всегда правилен; повидимому, позднее пол был потревожен. Камешки мозаики здесь значительно мельче: в среднем 1.5×1.5 см. Длина всего куса мозаики 3.05 м, наибольшая ширина 0.65 м.

Мозаика между солеей и южным нефом по орнаменту аналогична только что описанной, но отличается по цвету. Овалы здесь запол-

Рис. 39. Бронзовый наконечник булавы из второго слоя.

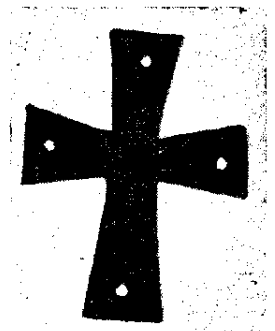

Рис. 40. Бронзовый крест из второго слоя.

нены 6—7 рядами желтых камней, обрамленных рядом черных; четырехугольники в кругах вымощены 10 рядами белых камней, обрамленных рядом черных. Возле бордюра между овалами включены треугольники из белых камней, обрамленные рядом камней красного цвета. Мозаика сохранилась хуже, чем с северо-западной стороны; длина ее 2.15 м, наибольшая ширина 0.50 м.

В северном углу среднего нефа сохранился кусок мозаики, вплотную примыкающий к мозаике между солеей и северным нефом (дл. 0.60 м, шир. 0.45 м). Орнамент бордюра представляет волнистый стебель с сердцевидными листьями; стебель и обрамление листьев выполнены

красными камнями, середина листьев — белыми, поле — желтыми камнями. С внутренней юго-восточной стороны бордюр обрамлен рядом черных и пятью рядами белых камней.

На расстоянии 1.40 м от предыдущего куска мозаики к юго-западу сохранился бордюр мозаики, аналогичный описанному, и часть среднего орнамента, состоящего из полукружий, образующих, повидимому, плетенку; каждое полукружие выполнено тремя рядами камней различного цвета, одно из них имеет че-

Рис. 41. Абсида базилики и часовня.

редование рядов следующее: белый, белый, желтый; другое: белый, желтый, красный; третье: белый, белый, желтый. Размеры сохранившегося куска: дл. 1 м, шир. 0.40 м.

Возле северного нефа, между северо-восточной и средней базами, сохранился кусок бордюра, аналогичного по орнаменту описанному (дл. 0.60 м, шир. 0.27 м). На остальной части среднего нефа мозаика не сохранилась, но цементная основа пола имеется во многих местах; можно предполагать, что в среднем нефе пол

был мозаичный. Мозаика среднего нефа выполнена из таких же мелких камней, как и мозаика возле солеи.

В нартексе следов пола совершенно не сохранилось. В северо-западной боковой абсиде на цементной основе местами имеется вымостка из мелких мраморных плиток; в середине пола углубление (глуб. 0.15 м, дл. 0.80 м, шир. 0.50 м), в котором мраморные плитки были вдавлены в рыхлую землю. Стены абсиды сохранились в два ряда высотой 0.35 м, сложены на извести и внутри хорошо оштукатурены. В юго-восточной боковой абсиде пол вымощен известняковыми плитами на цементе красного цвета: в западном углу сохранились остатки вымостки из черепиц, в середине помещения пол был земляной, смазанный глиной и плотно утрамбованный.

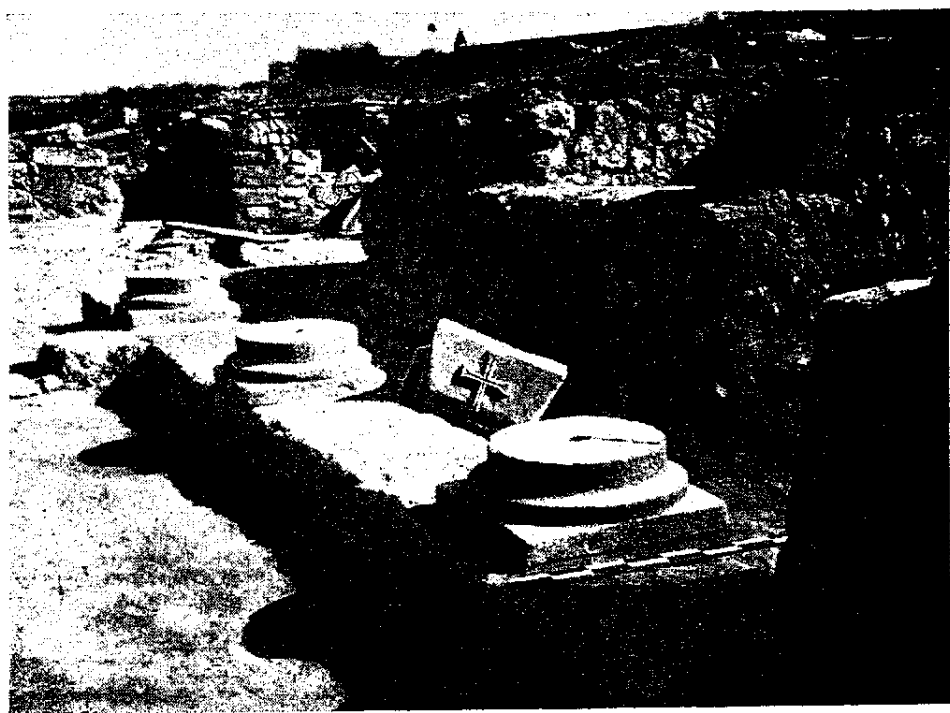

Рис. 42. Мраморные базы на стене между северным и средним нефами; вид с запада.

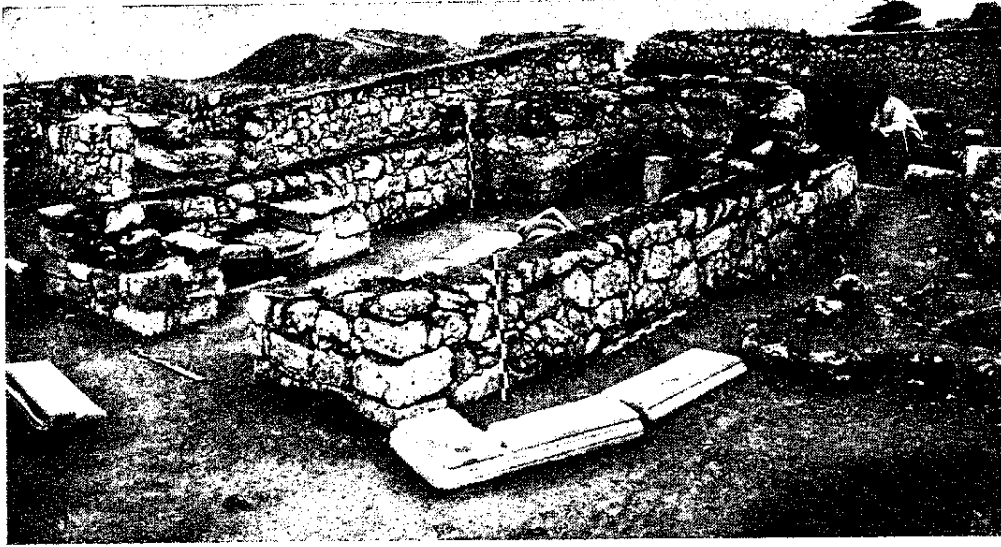

Рис. 43. Мраморные плиты солен базилики и часовня.

Насыпь второго слоя, покрывшая собою архитектурные остатки VI—X вв., находилась на всей территории участка раскопок, за исключением помещений I, III и VI, под которыми второго слоя не было; кроме того, второй слой остался нераскопанным под помещениями IV, XI и под часовней. Второй слой везде представлял однородную (за исключением слоя над базиликой, описание которого

дается ниже отдельно) насыпь, состоявшую из сыроватой мусорной земли темного цвета, не очень твердой, с большим количеством мелких черепков, мелких камней, ракушек, костей животных и прочих отбросов. По характеру мусора и насыпи видно, что образование этого слоя происходило постепенно, в течение продолжительного времени, что обломки посуды и другие предметы являются отбросами, мусором, который вывозили и сваливали здесь на большом пространстве. Подтверждается это тем, что уровень второго слоя

почти везде одинаков как на площади раскопок 1932 г., так и 1931 г., и тем, что стены помещений последующего, последнего, строительного периода возведены были везде на насыпи второго слоя (за исключением глубоких подвальных кладовых в помещениях III и VI раскопок 1932 г.) и кладовой в помещении 3 раскопок 1931 г.

Под помещением II найдены: обломки красноглиняной амфоры со светлой облицовкой и сле-

Рис. 44. Северный неф базилики: мозаичный пол и мраморные базы (вид с северо-востока).

дами краски с граффито на ручке (рис. 47,8), обломки мисок и тарелок из белой глины, покрытых зеленой и желтой поливой, обломки краснолакового блюда, ножка стеклянной рюмки и обломки оконного стекла, бронзовые монеты Юстиниана I (№ 112), Маврикия (№ 113), Василия I (№ 119) и Романа I (№ 127).

Под помещением VII найдены следующие предметы: часть красноглиняной амфоры с длинной плоской ручкой, обломки красноглиняного горшка с обгорелой поверхностью, дно миски из розовой глины, покрытой желтой поливой, куски оконного стекла, грузило глиняное цилиндрической формы, куски мозаики и мраморной плитки.

Под помещением VIII, от которого сохранился только южный угол, толщина второго слоя достигала 0.50 м; слой лежал на нижней стене, выступающей на 0.40—0.70 м из-под верхней стены. На расстоянии 1.40 м от юго-западной стены на нижней стене сохранилось основание, повидимому, маленькой цистерны, шириной 1.15 м. Дно и стенки цистерны высотой 0.50 м оштукатурены чистой известью. На дне лежало множество костей животных, ракушек, черепков и мелких камней.

Находки во втором слое были следующие: обломки красноглиняных амфор с плоским и круглым дном (последние с рифленой поверх-

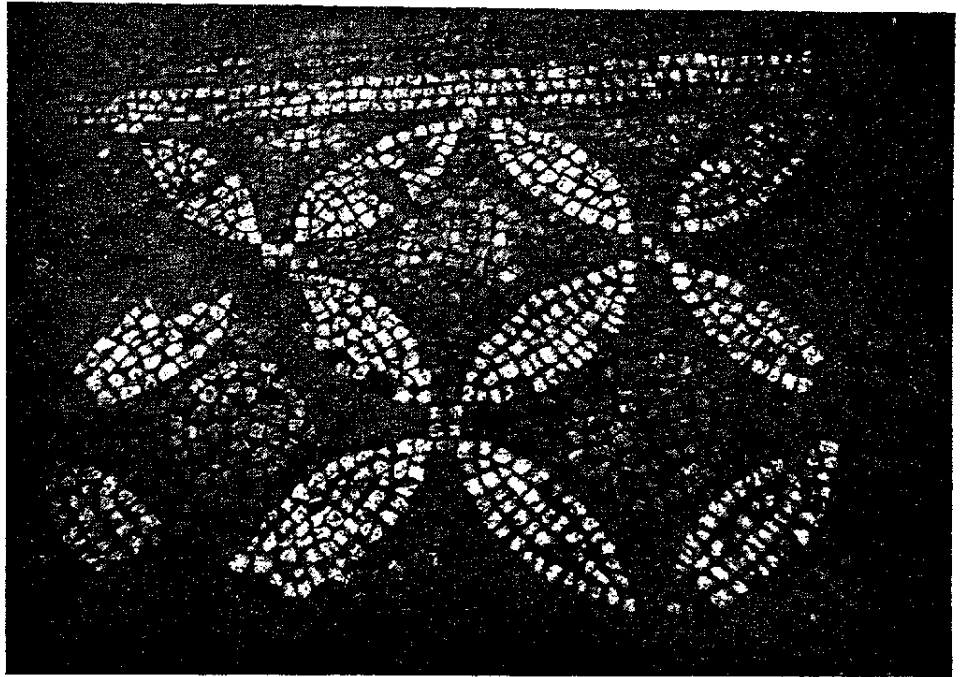

Рис. 45. Мозаика южного нефа (деталь).

ностью), обломок красноглиняного кувшинчика с бурой облицовкой, обломок глиняной жаровни с отверстиями, краснолаковый обломок, обломок белоглиняной миски с голубой поливой, обломки белоглиняной и красноглиняной посуды, покрытой желтой и зеленой поливой, на дне одного из них граффито в виде креста, глиняные грузила — одно пирамидальной, другое цилиндрической формы, основание стеклянной рюмки.

Под помещением IX второй слой раскопан до уровня поверхности водостока, находящегося на глубине 0.70 м от пола. Ниже раскопка не производилась в целях сохранения стен помещения, стоящих на насыпи второго слоя. Найдены: обломки грушевидного одноручного поливного кувшинчика и верхний жорнов из темного гранита с воронкообразным верхом для засыпки зерна и с приводом для вращения; в выступе его сбоку имеется углубление для ручки.

Ширина водосточного канала 0.35 м, высота 0.40 м. Стенки и покрытие водостока сделаны из каменных плит.

В помещении XII найдены: обломки посуды из белой глины, покрытой темнозеленой поливой, обломки горшков из грубой обгоревшей глины и кувшинчика, обломки окон-

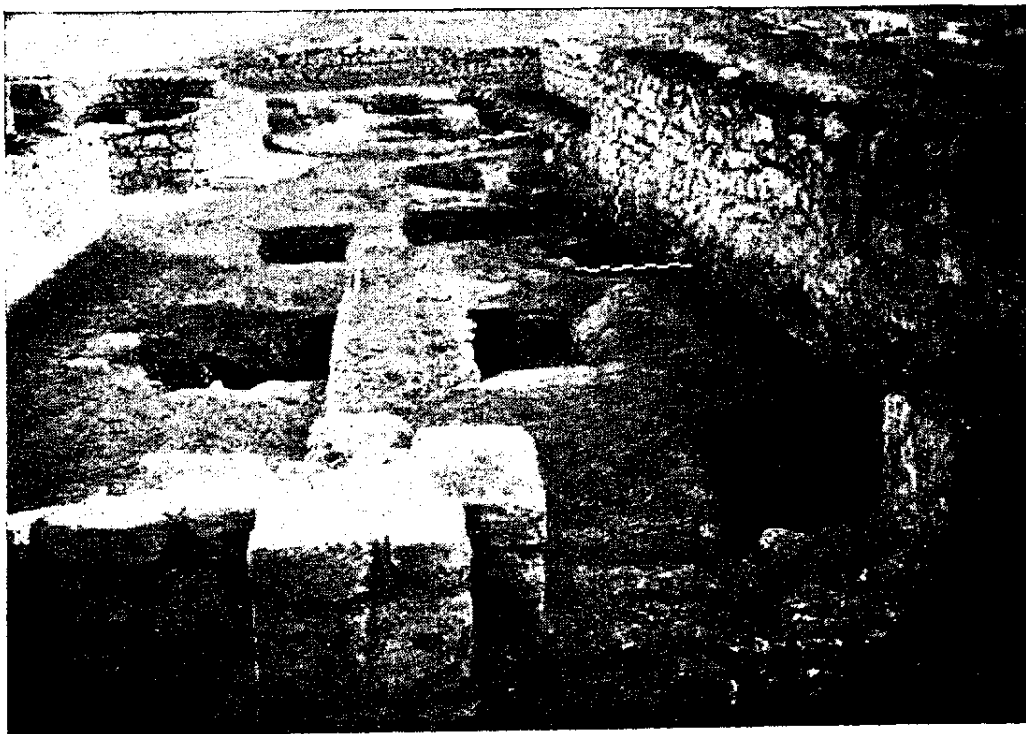

Рис. 46. Южный неф: мозаичный пол и могилы (вид с юго-запада).

Рис. 47. Граффити на посуде и метки на мраморных базах и колоннах.

ного стекла и стеклянное дно сосуда, бронзовый стержень с отверстием на конце, держава (или треножник?) железная с тремя выступами, кусочки штукатурки красного цвета, бронзовые монеты: две — Романа I (№ 127), три — Романа II (№ 136), одна — Константина VII Порфирородного и Романа II (№ 134), одна — Иоанна Цимисхия (№ 140).

Возле абсиды базилики найдены обломки белоглиняных тарелок и мисок (рис. 48), покрытых желтой и зеленой поливой; на дне одной из них граффито (рис. 47,9); часть края большого блюда из желтой глины, украшенного коричневым орнаментом в виде „елочки“ вверху и крупными полосами внизу; обломок стеклянного синего браслета, трехгранного в разрезе; бронзовая пластинка с утолщением в середине и петель, с цепочкой на конце; кусок полевого шпата; обломки стеклянной посуды; кусок глиняного шлака; бронзовые монеты Михаила III и Василия I (№ 116), половина стеклянного кружка с надписью.

Для второго слоя характерны следующие предметы: посуда из белой или розовой (в зависимости от степени обжига) глины, покрытая поливой желтого или зеленого (реже голубого) цвета, украшенная или рельефным изображением животных, розеток, креста и др. (рис. 48) или „акварельным“ орнаментом, исполненным краской темнокоричневого и зеленого цвета. Орнамент этот состоит из крестообразных полос, кругов, животных и птиц, обычно очень расплывчатый и часто поэтому неясный.

По форме посуда представляет собою миски и тарелки на высоком донном кольце, небольшие кувшинчики, последние всегда плохой сохранности (полива и глина обычно осыпаются), плошки в виде чашки с выступом в середине, верхний конец и края которых всегда обломаны. На дне мисок с обратной стороны часто имеются граффити. В большом числе встречались тонкостенные горшки и кувшины с обожженной поверхностью черного цвета, амфоры из красной или желтой глины со светлой облицовкой.

В большом количестве встречались обломки стеклянной посуды, чаще всего рюмок или бокалов; обломки оконного стекла и браслетов; обломки бронзовых предметов: рыболовных крючков, пластинок, сосудов, короткие гвозди с широкой шляпкой, пуговицы и др. Среди кухонных отбросов преобладали кости домашних животных: крупного рогатого скота, овец, коз, кабаньи клыки, а также ракушки устриц и мидий.

Архитектурных остатков под насыпью второго слоя сохранилось мало. Под помещением II имеются остатки стены и лестницы из трех ступеней, высотой 1 м, шириной 1 м, основанных на насыпи. Под помещением VIII имеется часть стены и на ней дно цистерны.

С северо-восточной стороны базилики сохранились: длинная стена, сложенная на извести и имеющая параллельное северо-восточной грани абсиды направление; между этой стеной и боковой абсидой расположено небольшое размеров помещение XII, стены которого сложены на грязи и основаны на насыпи. Возле северо-восточной стены, под полом помещения, проходит водосток, который продолжается вне помещения далее к северо-западу, на 2 м в длину. Другой водосток идет под северо-восточной улицей и заканчивается поглощающим.

Позднее, после гибели базилики, к этому каналу был присоединен канал водостока, проходящего возле верхней юго-восточной стены и над разрушенной юго-восточной стеной базилики. Швы канала, проходящего под улицей, промазаны известью, поздний канал сложен насухо.

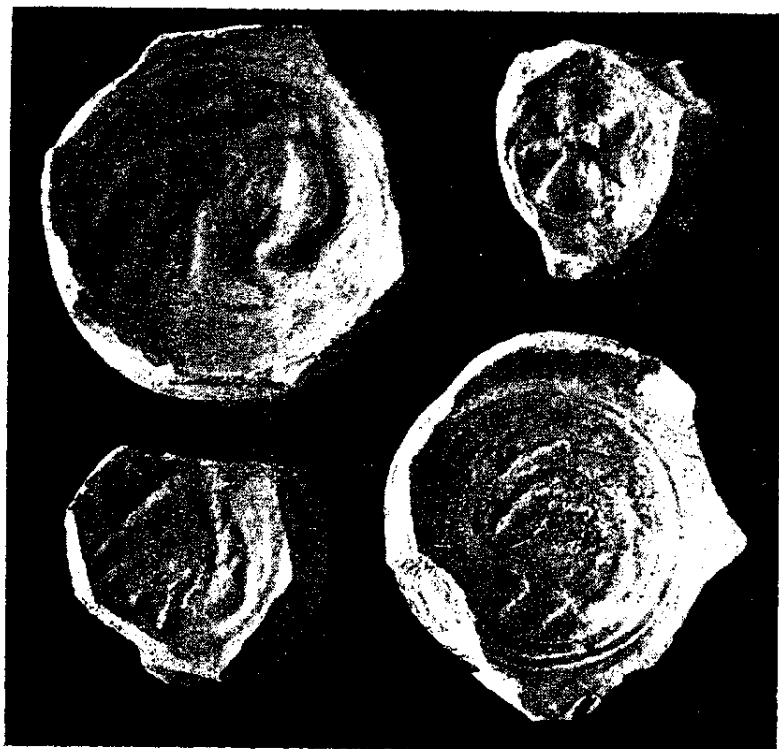

Рис. 48. Донышки белоглиняной поливной посуды.

Насыпь второго слоя, покрывавшая разрушенную базилику, по своему составу резко отличается от насыпи второго слоя остальной части раскопок и представляет сухую землю серого цвета, с большим количеством строительного мусора: известь и песок — продукты разрушившегося раствора, обломки черепиц, кирпичи, обломки мраморных и известняковых плит, мраморных колонн и т. п.

Мелкие же находки в общем аналогичны находкам второго слоя под другими помещениями: в большом количестве встречались обломки белоглиняных мисок и тарелок, стеклянной посуды, браслетов и оконных стекол, обломки глиняных амфор и кувшинов, обломки бронзовых предметов, монеты IX—X вв. и т. д.

В северном нефе, между юго-западной и средней базами и стеной помещения V, в насыпи лежали кирпичи с прослойками цемента, видимо часть обрушившейся арки (рис. 49). В юго-западном конце нефа, возле помещения V, насыпь в разрезе имела следующее строение: сверху сухая твердая чистая земля толщиной 0.20 м, в середине земля с большим количеством извести толщиной 0.30 м, внизу обломки черепиц толщиной 0.25 м.

Находки второго слоя: обломки мисок и тарелок из белой глины, покрытых поливой зеленого и желтого цвета, некоторые из них с рельеф-

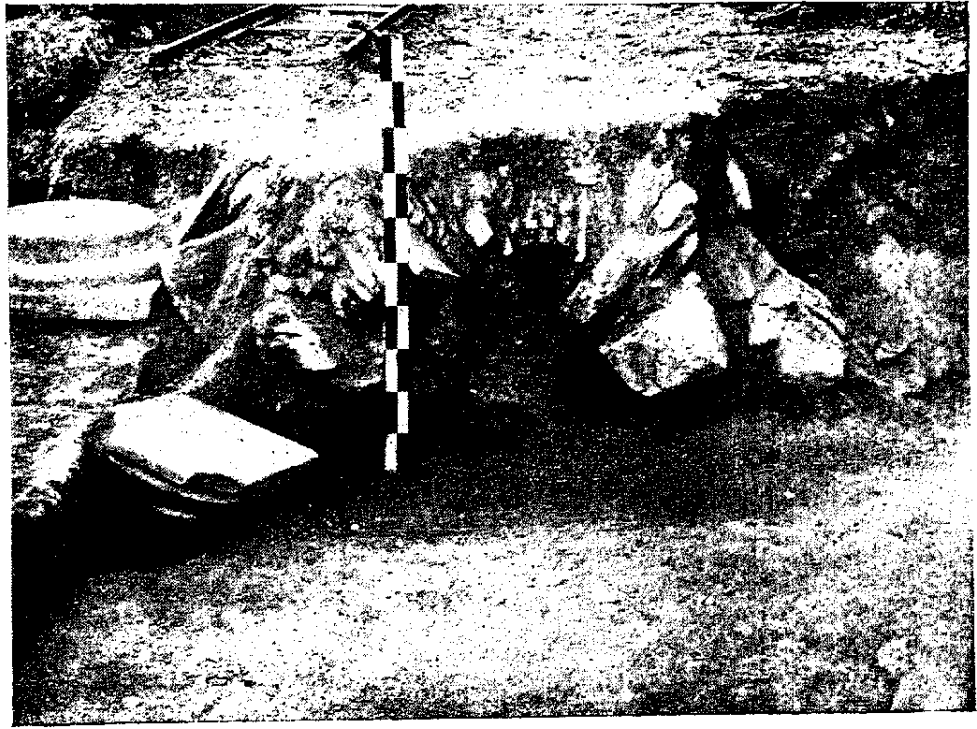

Рис. 49. Часть арки из кирпичей на цементе в северном нефе, во втором слое.

ными изображениями: грифона, животного влево, большая же часть с „акварельным“ орнаментом, обломки стеклянных браслетов и оконного стекла; обломок мраморной плиты с остатками надписи в виде буквы Н; кусок полевого шпата; свинцовые стержни длиной 0.21 и 0.22 м; железные гвозди; обломки калиптера; бронзовые монеты: Василия I (№ 119), Романа I (№ 127), Романа II — Константина VII (№ 134) и Василия II (№ 141).

В насыпи среднего нефа найдены: обломки блюд и мисок из белой глины, покрытых поливой желтого и зеленого цвета, некоторые с рельефным орнаментом, на одном доннышке имеется граффито (рис. 47, 10); дно амфоры острой формы и горло; куски штукатурки красного цвета; кусочек голубой смальты; 2 бронзовых рыболовных крючка; железные гвозди; обломки стеклянной посуды и оконного стекла; шпилька костяная; бронзовые монеты: Юстиниана I (№ 112) и Романа I (№ 129). Возле стены северного нефа, около крайней северо-восточной базы, на полу базилики найдены в куче 17 бронзовых монет: три — Василия I (№ 119), одна — Константина VII Порфирородного (№ 133), две — Константина VII — Романа II (№ 134), три — Романа II (№ 136), одна — Никифора

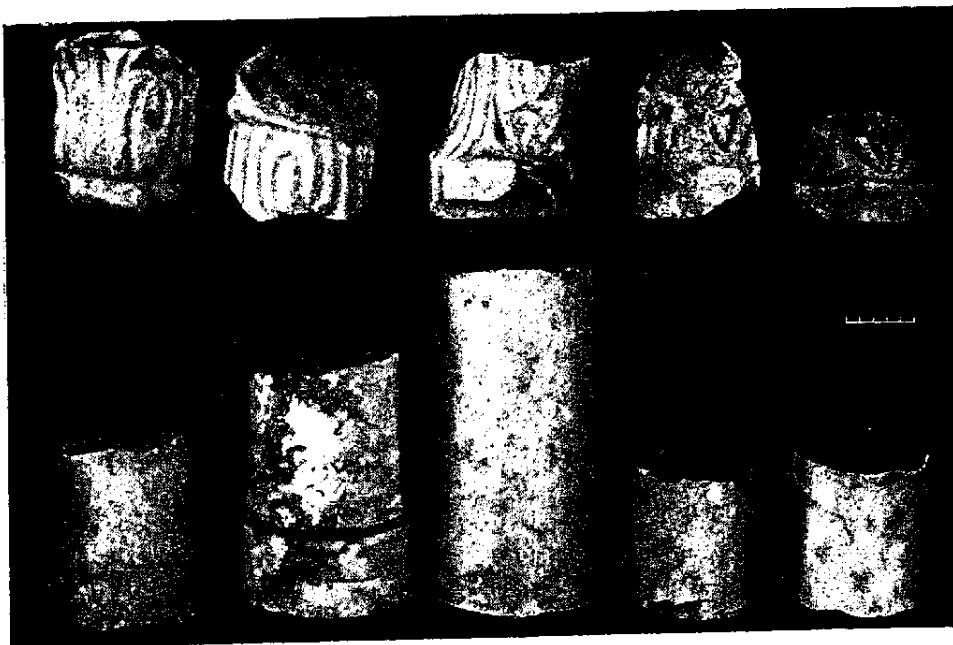

Рис. 50. Обломки мраморных небольших колонн.

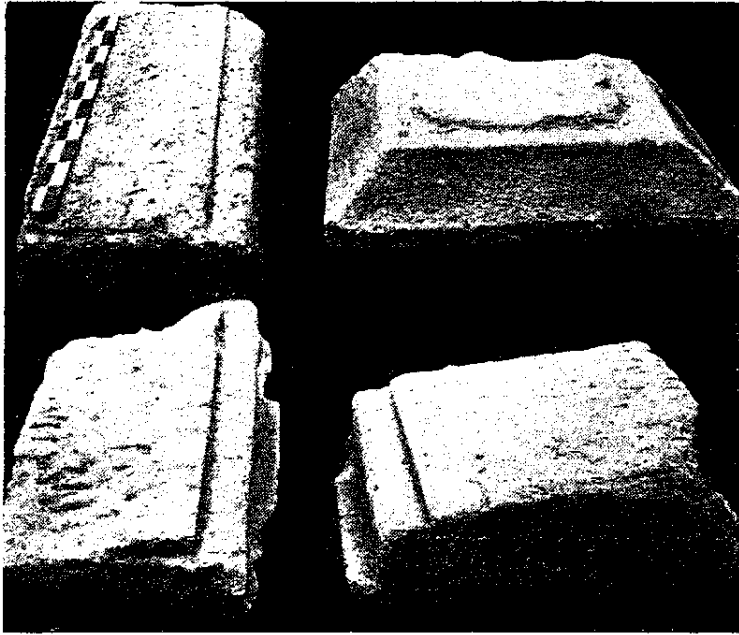

Рис. 51. Импост и плиты известняковые из развалин базилики.

Фоки (№ 139), шесть — Василия II (№№ 141—142).

Возле юго-восточной стены южного нефа лежал кусок арки из кирпичей на известии (между могилами №№ 5 и 7). Находки следующие: обломки белоглиняной посуды, покрытой поливой желтого, зеленого и голубого цвета, обломки амфор и кувшинов, глиняные пробки для амфор, круглые, сделанные из черепков; плашка из розовой глины с выступом; грузила круглое и цилиндрическое; пряслице глиняное; шарик глиняный; обломки стеклянных браслетов, стеклянной посуды, основание рюмки и обломок плоского стекла, костяное шильце, шашка костяная; буса из черной пасты с белыми зигзагами; обломок бронзового сосуда, проволоки с крючком и других предметов; железные гвозди; в южном углу нефа найдены: известняковый нижний жорнов (диам. 0.44 м), разбитый на две части; два обломка верхнего жорнова из мелкозернистого известняка (диам. 0.52 м); дно массивной ступы из гранита синеватого цвета; обломок массивного железного стержня-якоря. Монеты найдены следующие: одна позднеримская, две — Василия I (№ 119), одна — Василия I — Константина VI (№ 122), две — Льва VI (№ 123), три — Романа I (№№ 126, 127, 129), две — Константина VII Порфирородного — Романа II (№ 134), одна — Иоанна Цимисхия (№ 140) и одна стертая, литая в Херсонесе в X в. (№ 143).

Возле юго-западной стены нартекса найден 41 кусок толстого оконного стекла (это указывает на то, что в юго-западной стене базилики были окна и что рамы в них были остеклены толстым стеклом). Здесь же найдены: обломок ножки стеклянной рюмки и витого стеклянного браслета, обломки посуды из белой и красной

глины, некоторые из них покрыты поливой; в западном углу средней части нартекса найдены обломки белоглиняных блюд с желтой поливой, обломки тонкостенных горшков из красной глины с обгорелой поверхностью; горло и дно острой формы красноглиняной амфоры с плоскими ручками, железные гвозди. В насыпи второго слоя найдены многочисленные архитектурные фрагменты, происходящие из разрушенной базилики (рис. 50 и 51). В северном нефе стояли два обломка мраморных колонн, один против помещения IV, другой возле помещения IX (верхние концы их были видны в первом слое — рис. 52). В среднем нефе, возле восточного угла помещения XI, лежала мраморная капитель, верхней стороной вниз, украшенная аканфовыми листьями (рис. 53). В нартексе, в юго-восточной его части найдена мраморная плита с выемкой — основание алтарных преград.

Насыпь второго слоя, по найденным в ней монетам и другим предметам, может быть датирована VIII—X вв. Следовательно, в конце X или на рубеже X—XI вв. базилика и другие здания, находившиеся под насыпью второго слоя, были разрушены. Стены базилики построены в насыпи третьего слоя (I—V вв.), по аналогии с другими базиликами Херсонеса, с которыми наша базилика имеет много общего, постройку ее можно датировать VI в. или началом VII в.

Могилы

В насыпи второго слоя, покрывшего собою разрушенную базилику, раскопками открыто 35 могил (см. план на табл. II).

Могилы № 1. Костяки лежали в беспорядке, друг на друге, головами на юго-запад. При одном из них найдена бронзовая пуговица в виде полого шарика с ушком.

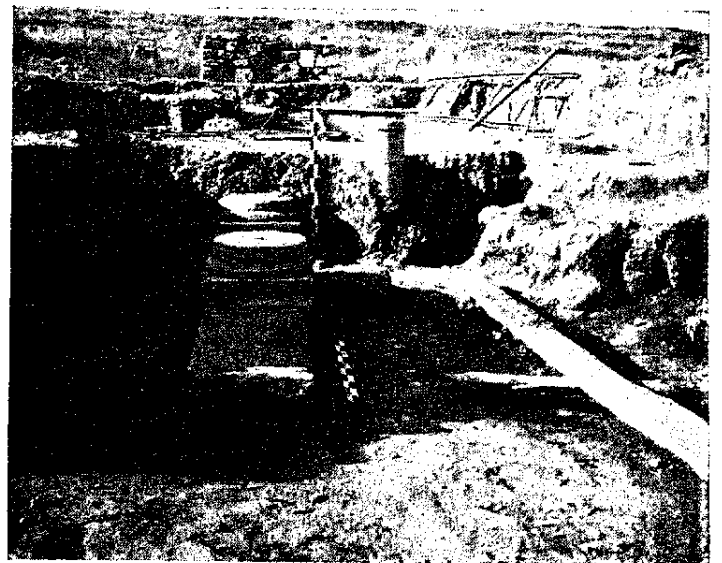

Рис. 52. Колонна в момент раскопки второго слоя; сверху продольная улица, проходившая над северным нефом базилики в XIII—XIV вв.

Могила была в верхней части насыпи, выше пола.

Могила № 2. Детские костяки лежали кучей, в беспорядке; найдено 32 черепа. Среди костей три стеклянных браслета, из них два плоских и один витой, синего цвета и бронзовая монета Константина VII Порфирородного (№ 38).

Могила № 3. Кости лежали кучей, в беспорядке. Размеры: глуб. 0.60 м, дл. 1 м, шир. 0.70 м.

Могила № 4. Покрыта обломками мраморных плит и камнями; северо-западная стенка могилы обложена четырьмя черепицами, стоявшими в наклонном положении. Размеры: длина 1.90 м, шир. 1 м, глуб. 0.90 м. Могила наполнена до верху костями, лежавшими в беспорядке. Среди костей найдены: два бронзовых крестика, обломки стеклянного браслета, стеклянная буса, бронзовая пуговица в виде бубенчика с приставшими кусочками ткани, бронзовая херсоновизантийская монета плохой сохранности (№ 143).

Могила № 5. Покрыта 6 известняковыми плитами; на двух из них имеются выемки и обтеска на концах; возле юго-восточной стенки стояли небольшие плиты в вертикальном положении. Размеры: дл. 2.10 м, шир. 0.80 м, глуб. 0.70 м. Дно могилы вымощено слоем мелких ракушек, морского гравия и песка. Костяки лежали в беспорядке, головами на юго-запад. В земле, покрывавшей кости, при просеивании найдены: обломки стеклянной рюмки, свинцовый и железный гвозди и бронзовая монета с изображением Девы, митридатского времени (№ 95).

Могила № 6. Покрыта сверху каменными плитами, под которыми, на глубине 0.50 м, лежали обломки мраморных алтарных преград, провалившиеся внутрь; боковые стенки обложены камнями и тщательно оштукатурены. Размеры: дл. 2 м, шир. в северо-восточном конце 1 м, в юго-западном 0.85 м, глуб. 1.05 м. Кости лежали в беспорядке, на глубине 0.60 м

Рис. 53. Капитель из мрамора, найденная на цементном полу среднего нефа.

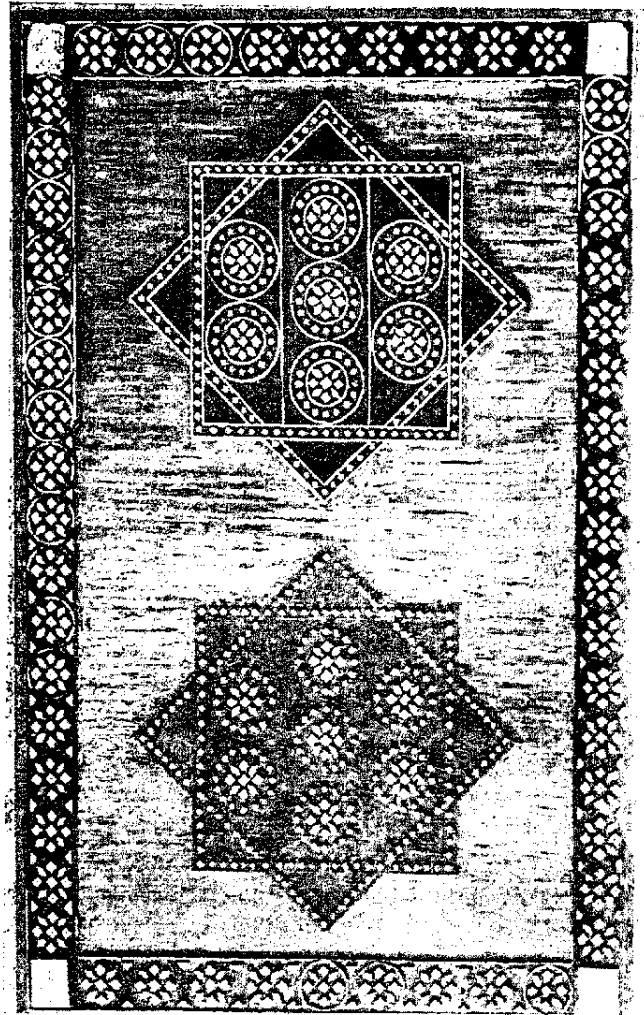

Рис. 54. Орнамент из костяных пластинок, украшавший погребальный покров в могиле № 6.

от мозаичного пола; черепа находились в разных местах могилы.

Под первым слоем костяков на нижних остатках лежали костяные пластинки, составлявшие, по видимому, орнамент погребального покрова длиной 1.20 м, шириной 0.80 м. К сожалению, позднейшими погребениями орнамент был потревожен, но все же удалось зарисовать и сфотографировать большую часть его. Орнамент покрова представляет прямоугольник, стороны которого составлены из тонких костяных полосок; между ними помещены круги (диам. 6 см), образованные такими же тонкими изогнутыми полосками (рис. 54). В каждом кружке мелкие пластинки в форме квадратиков и ромбиков, чередующихся между собой, каждого вида по 4 штуки; в середине квадратик. В промежутках между кружками, по краям, помещены треугольные пластинки. В углах орнамента лежали костяные пластинки длиной 5.7 см, шириной 5 см, украшенные резными рельефными изображениями: стоящего грифона вправо — в южном углу, сидящего грифона — в западном, льва — в восточном и лани — в северном, обращенных влево. Каждое изображение помещено в рамке (рис. 55); на углах или на краях пластинок имеются костяные

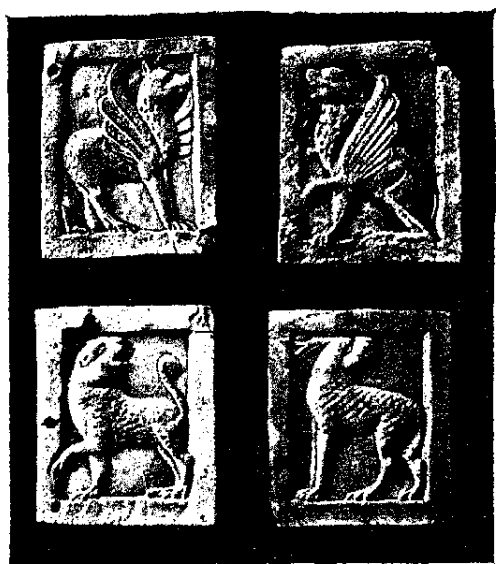

Рис. 55. Костяные резные пластинки из могилы № 6.

штифтики длиной до 1.2 см, по 4 или 6 штук на каждой.

В средней части орнамента помещены два прямоугольника, пересекаемых двумя другими прямоугольниками; углы последних при этом выходят за пределы первых. В середине каждого прямоугольника находится по три ряда кружков, которых в среднем ряду пять, а в боковых по два, а также по два кружка между прямоугольниками. Каждый кружок (диам. 9 см) включает в себе малый кружок (диам. 5 см); между ними помещены мелкие квадратики, углами к окружности. Внутри малого кружка квадратики и ромбики размещены так же, как в кружках боковых полос. Крайние полосы прямоугольников состоят из двух рядов тонких пластинок, между которыми помещены мелкие квадратики. Размеры пластинок: крупных квадратов 1×1 см, мелких 0.7×0.7 см и 0.6×0.6 см, ромбиков 1.5×1 см, треугольников 1.5×1.1 см, толщина пластинок 4—4.5 мм.

Северо-западная и средняя части орнамента сохранились плохо, поэтому невозможно было, напр., установить, выходили или нет углы пересекающихся прямоугольников в сторону длинных полос; неясным также осталось положение угла в середине с северо-восточной стороны; противоположный же ему угол с юго-западной стороны сохранился вполне. Таким образом орнамент не сохранился полностью, однако хорошо сохранившиеся его части, тщательно зафиксированные зарисовками и фотографиями, сделанными на месте в процессе раскопок, дали возможность реконструировать орнамент почти целиком из тех пластинок, которые были найдены в могиле (рис. 54). В настоящее время этот орнамент выставлен в Херсонесском музее.

Почти на одном уровне с орнаментом в северо-восточном конце могилы лежал обломок

мраморной алтарной преграды. Ниже орнамента на скале находилось еще несколько погребений; всего найдено 15 черепов, из них три детских. В насыпи могилы при просеивании найдены: обломки оконного стекла, ручка стеклянного сосуда, железные нож и гвоздь и бронзовая монета Василия II (№ 141).

Могилы № 7. Покрывается четырьмя большими известняковыми плитами, одна в форме трапециевидной капители, другая с профилем в виде выемок и желобка. Стенки обложены каменными плитами, на которых внизу сохранились остатки штукатурки. Размеры могилы: дл 1.90 м, шир. 0.85 м, глубина в юго-западном конце 1.10 м, в северо-восточном 0.90 м. Под плитами был слой чистого песка толщиной 0.30 м. Костяки лежали в беспорядке; насчитано 58 черепов, лежавших большей частью в юго-западном конце. В насыпи могилы найдены: кусочки бронзовой цепочки, донышки стеклянных сосудов и 13 бронзовых монет: шесть — Василия I (№№ 117, 119—121), две — Льва VI — Александра (№ 125), две — Льва VI (№ 123), одна — Романа II (№ 135) и две плохой сохранности, оставшиеся неопределенными.

Могилы № 8. В северо-восточном конце покрыта двумя черепицами и мраморной плитой, стенки обложены мраморными плитами (обломками алтарных преград) и черепицами. Под плитами была рыхлая земля и песок. В могиле, на глубине 0.55 м, лежал костяк, головою на юго-запад, на спине, со скрещенными на груди руками, череп был раздавлен. Размеры могилы: дл. 2 м, ширина в юго-западном конце 0.70 м, в северо-восточном 0.60 м, глуб. 0.70 м.

Могилы № 9 покрыта четырьмя известняковыми плитами, из них одна по краю имеет профиль в виде рельефного валика. Стенки могилы аккуратно обложены плитами и внутри оштукатурены; могила устроена впритык к грани абсиды базилики. Под плитами в могиле была рыхлая чистая земля и песок. Костяки лежали головами на юго-запад; из 13 че-

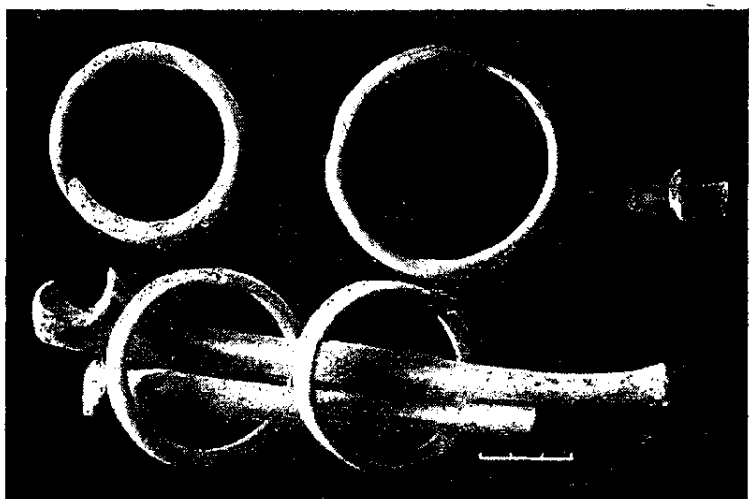

Рис. 56. Стеклянные браслеты из могилы № 15.

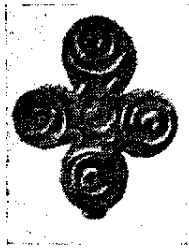

Рис. 57. Бронзовый крест из могилы № 16.

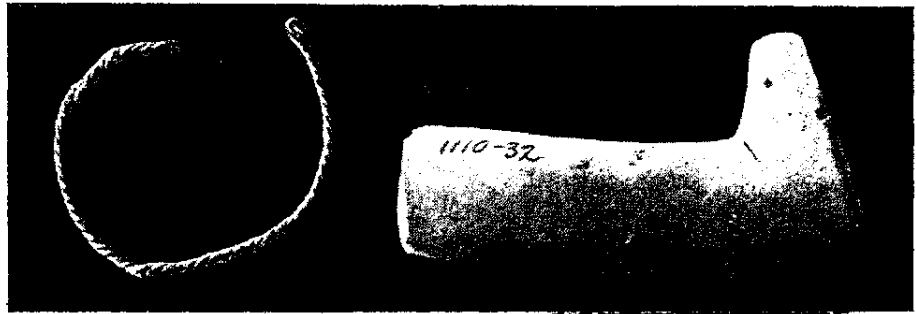

Рис. 58. Вещи из могилы № 18. Браслет из бронзовой витой проволоки и костяной предмет в виде ножи.

репов было два детских. Размеры могилы внутри: дл. 1.80 м, шир. 0.55 м, глуб. 0.60 м.

Могилы № 10. Находилась в западном углу среднего нефа базилики, частично под стеной первого слоя, костяки ориентированы на северо-запад, лежали в беспорядке; из 10 черепов 4 было детских. Дл. могилы 2 м, шир. 0.80 м; она устроена в насыпи, и обкладки из камней не было.

Могилы № 11. Находилась возле северной грани абсиды базилики и ориентирована с запада на восток. Могилы покрыта большой плитой с профилем в виде выкружки-желобка по краю, длиной 1.54 м. Стенки могилы сложены из мелких камней. Размеры внутри: дл. 2 м,

шир. 0.45 м, глуб. 0.50 м. В могиле, заполненной песчаной землей, было три остова, лежавшие головами на запад: в одном из черепов зубы сохранились полностью. На суставах пальцев найдены обломки бронзовых проволочных колец.

Могилы № 12. Находилась в юго-восточном нефе; узкие стенки обложены черепицами, длинные внизу сложены из камней, сверху из черепиц, положенных горизонтально в два ряда. Размеры: дл. 2.15 м, шир. 0.75 м, глуб. 0.60 м. Покрытия сверху не было; могила была засыпана песком; черепа в количестве 16 лежали в юго-западном конце.

Могилы № 13. Стенки могилы обложены сверху мелкими камнями, дно вымощено также

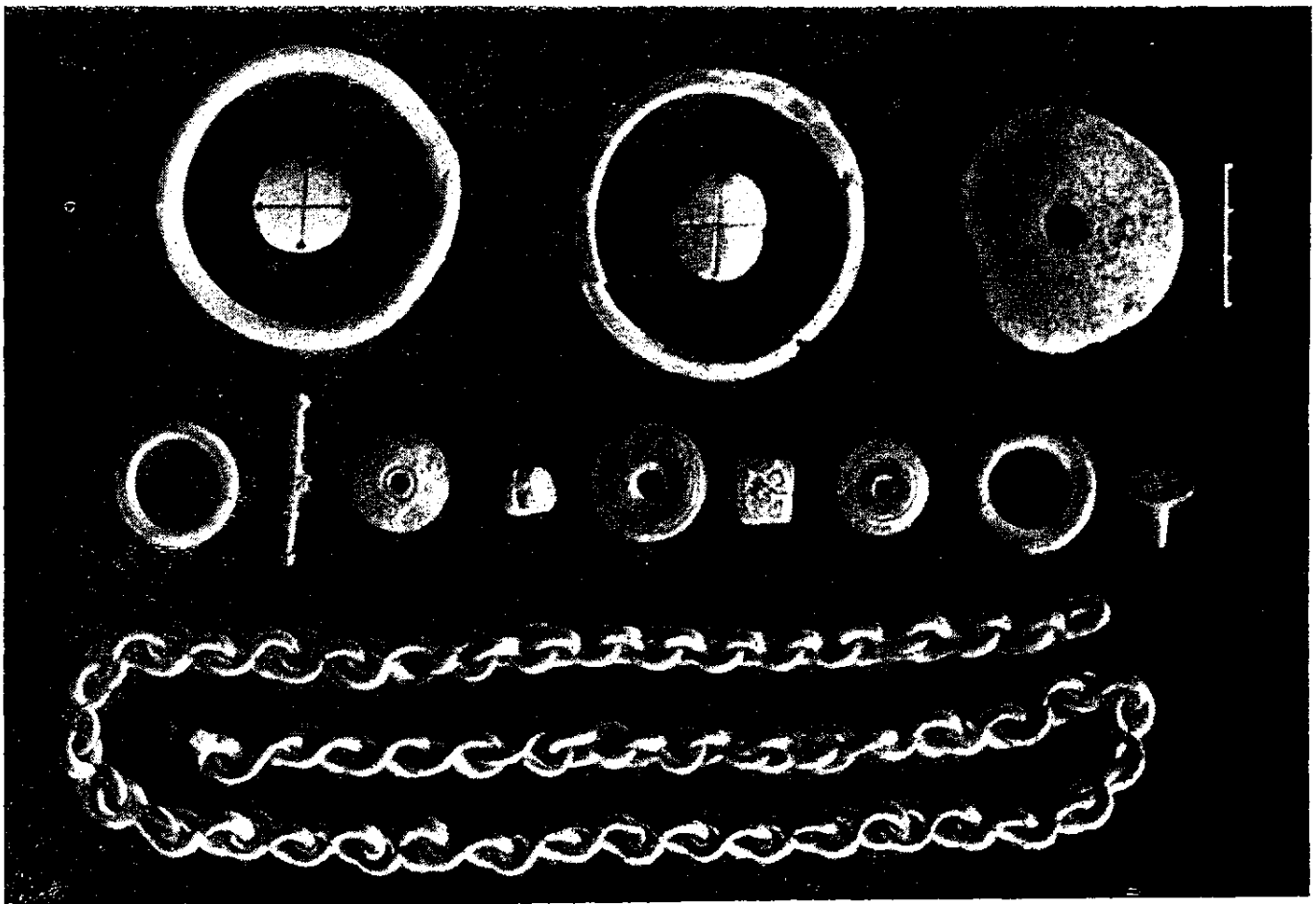

Рис. 59. Стекланные браслеты, костяные пуговицы, бронзовая цепь и пр. из могилы № 20 и костяные шашки из могилы № 19.

Рис. 60. Ещи из могилы № 20. Серебряная подвеска; пастовые и лигнитовые бусы.

камнями, перекрытия не было. Размеры: дл. 2.10 м, шир. вверху 0.90 м., внизу 0.70 м, глуб. 1 м. Кости лежали в беспорядке; под верхними погребениями находился слой земли, под которой были более ранние погребения, головами на юго-запад; всего насчитано 60 черепов. В насыпи найдены: две монеты Василия I (№ 119), одна — Константина Порфирородного — Романа II (№ 134) и одна поздне-римская (№ 102), железный крючок.

Могилы № 14 (в среднем нефе). Обложена плитами; покрытия не было. Размеры: дл. 1.95 м, шир. 0.75 м., глуб. 0.75 м. Кости лежали в беспорядке, напр., тазовые кости — возле северо-восточной стены; черепов насчитано 35; из них большинство находилось в юго-западном конце. Могилы устроены на скале.

Могилы № 15. Покрывается четырьмя известняковыми плитами и обломками мраморных алтарных преград; стенки обложены плитами, дно — скала. Размеры: дл. 2.20 м, ширина в юго-западном конце 0.70 м, в северо-восточном — 0.55 м, глуб. 0.70 м. Всего насчитано 29 черепов, лежавших в юго-западном конце. Среди костяков один был больших размеров (длина бедренных костей 0.53 м) с огромным черепом; на верхнем конце бедренной кости этого скелета болезненные наросты. Берцовая кость другого остова имеет следы перелома и сращения. На одном из черепов имеется несколько углублений, повидимому, происшедших от ударов и потом заросших. Найдены синие стеклянные браслеты, круглые в сечении; из них два на руке костяка и три в насыпи (рис. 56).

Могилы № 16. Покрывается большими каменными плитами, из которых одна профилирована, и обломками мраморных преград. Стены обложены плитами и оштукатурены; дно вымощено камнями. Костяки лежали головами на юго-запад; всего было 13 черепов, из них два детских;

нижних челюстей при черепках не было (что является обычным для большинства погребений). В насыпи могилы найдены: бронзовый крест с круглыми концами и с рельефным орнаментом в виде спиралей (рис. 57), с гнездышками для камней, внутри полый, длиной 4.4 см; обломок чернолакового сосуда с канелюрами, край краснолаковой мисочки и кусок плоского стекла.

Могилы № 17 (в северном углу нартекса). Находилась в верхней части на-

сыпи второго слоя, внизу была обложена небольшими плитами. Костяки лежали в беспорядке, головами на северо-запад; всего было 22 черепа, из них 6 детских. Найдена бронзовая монета поздне-римская (№ 101). Размеры могилы: дл. 2.10 м, шир. и глуб. 0.70 м.

Могилы № 18. Обложена черепицами: 6 по юго-восточной стене, 5 по северо-западной, 2 в юго-западном конце, и каменной плитой в северо-восточном; устроена на скале. Размеры: дл. 2.05 м, ширина в юго-западном конце 0.75 м, в северо-восточном 0.63 м, в середине 0.85 м, глуб. 0.45—0.55 м. Вверху была твердая земля второго слоя с массой мелких камней; под насыпью лежали плиты, покрывавшие могилу и провалившиеся внутрь. Кости сильно истлели; поэтому количество погребений установить было невозможно. В насыпи найдены: браслет из бронзовой витой проволоки, костяной предмет в виде ножки (рис. 58).

Могилы № 19. Обложена каменными плитами, аккуратно установленными на скале. Размеры: дл. 1.90 м, шир. 1 м, глуб. 0.60 м. Черепа, в количестве 14, лежали в юго-западном конце; кости, почти все истлевшие, лежали на глубине 0.40 м. В верхней части насыпи найдены: бронзовая монета Василия I (№ 121), костяные шашки с вырезанным крестом и углублениями на концах (рис. 59), в юго-западном конце глиняная энохоя, горлом на юг, высотой 17 см.

Могилы № 20. Небрежно обложена мелкими камнями, устроена на скале. Размеры: дл. 1.80 м, ширина вверху 0.60 м, внизу 0.35 м, глуб. 0.60 м. Костяки лежали головами на юго-запад,

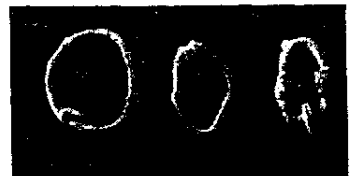

Рис. 61. Бронзовые сережки из могилы № 21.

сохранились плохо. В верхней части насыпи найдена бронзовая цепь из толстых проволочных звеньев в виде восьмерок; на одном конце завязан узел (рис. 59). На костяке, лежавшем на скале, найдены бусы составляющие две низки: одна из лигнитовых бус, круглых и восьмигранных (рис. 60); другая состоит из 4 крупных бус из стекловидной пасты, украшенных цветными зигзагами и шишечками, расписанными красной, белой и голубой красками, 2 небольших круглых бусы из темносиней стеклянной пасты с белым пояском вокруг, 4 рубчатых из египетской пасты, 2 сердоликовых и 2 мелких стеклянных (рис. 60); серебряная подвеска конусовидной формы (рис. 60); бусы костяные в виде полушарий, украшенных резьбой (рис. 59). Кроме того найдены: 2 стеклянных браслета (рис. 59), бронзовые пряжки круглой формы; на одной из них сохранился кусок ткани; бронзовый стержень (коромысло весов?) с выступом посередине и шариками на концах, длиной 3.8 см (рис. 59). В головах, под плитой юго-западной стенки, найден раздавленный стеклянный бальзамарий; в юго-западном конце лежали обломки сгнивших деревянных досок; в насыпи найдены 4 устричных раковины с просверленными отверстиями (рис. 59), бронзовая монета Константина VII Порфирородного (№ 133).

Могилы № 21. Обложена со всех сторон тесаными плитами, в северо-восточном конце —

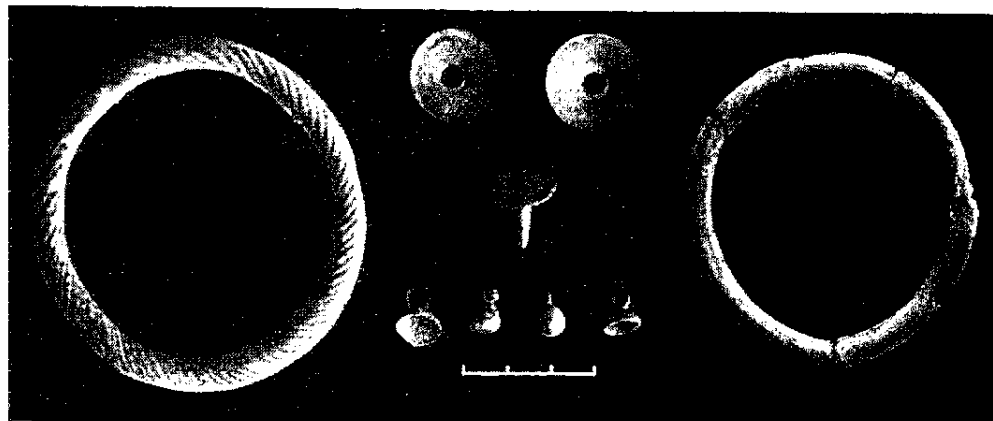

Рис. 62. Вещи из могилы № 24. Стеклянные браслеты; костяные пронизи; бронзовые пуговицы и гвоздь.

черепицей. Размеры: дл. 1.65 м, ширина в северо-восточном конце 0.35 м, в юго-западном 0.48 м, в середине 0.52 м, глуб. 0.40—0.45 м. Костяки лежали в беспорядке; черепов было 13. При просеивании земли найдены две бронзовые сережки овальной формы и две круглой, все из тонкой проволоки (рис. 61).

Могилы № 22. Размеры: дл. 2 м, шир. 0.75 м, глуб. 0.25 м. В верхней части насыпи лежал костяк, головой на северо-запад.

Могилы № 23. Размеры: дл. 1.70 м, шир. 0.60 м, глуб. 0.30 м. Костяки лежали в беспорядке, в насыпи; два черепа находились возле юго-западной стены и один возле северо-западной.

Могилы № 24. Находится в западном углу часовни, сооружена из хорошо тесаных плит, покрыта такими же плитами; из них одна мраморная, взятая из солей абсиды базилики, лежала лицевой стороной вниз. В северо-восточном конце сверху лежали еще две плиты с желобками на краях, обращенными вниз. Снаружи гробница была оштукатурена; плиты положены на извести. Внутренняя северо-западная стенка гробницы вверху сложена из 5 рядов кирпичей на извести; ниже их поставлены плиты; дно вымощено плитами. Размеры: наружная длина 2.15 м, шир. 0.70 м, внутри: дл. 1.85 м, шир. 0.47 м, глуб. 0.85 м. В верхней части гробница была заполнена рыхлой чистой песчаной землей; ниже земля была тверже. В верхнем ряду лежали 6 черепов в юго-западном конце; в нижних рядах 15 черепов лежали в различных местах в беспорядке; кости сгнили, черепа плохой сохранности. Найдены среди костей: 4 стеклянных синих браслета, два витых и два с рубчиками, 2 пронизи костяные в виде кружков, украшен-

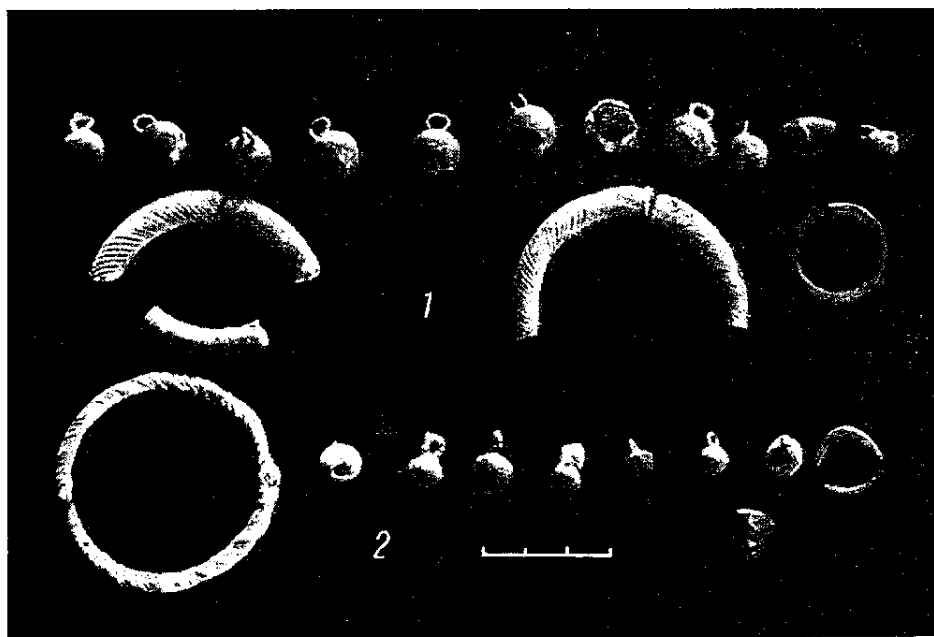

Рис. 63. Вещи из могил №№ 25 и 26. 1 — бронзовые пуговицы, бронзовое проволочное кольцо, обломки стеклянных браслетов (мог. № 25); 2 — стеклянный браслет, бронзовые пуговицы (мог. № 26).

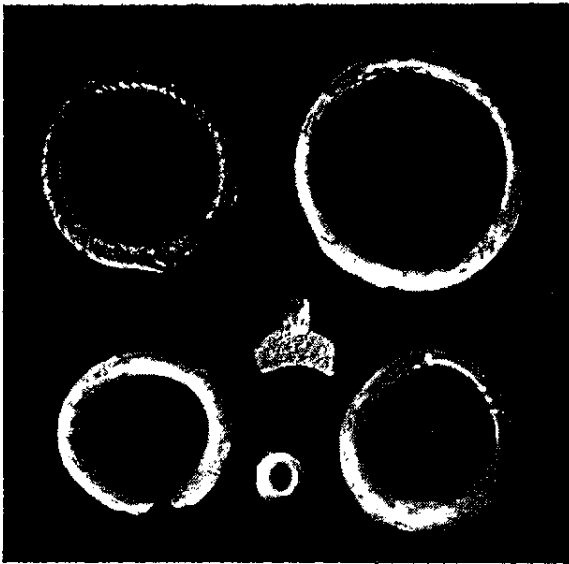

Рис. 64. Вещи из могил №№ 31, 33 и 35.

Вверху — два стеклянных браслета (мог. № 31);
слева внизу — стеклянный браслет (мог. № 33);
справа — стеклянный браслет, стеклянная буса
и серебряная лунница с ушком (мог. № 35).

ных врезанным орнаментом, 5 бронзовых шаровидных пуговиц с ушками, бронзовый короткий гвоздь с широкой шляпкой (рис. 62).

Могилы № 25. Находится в южном углу часовни. Построена из каменных плит и покрыта плитами, которые сохранились на концах могилы нетронутыми, в середине же были разбиты; на одной из них вырезан квадрат из нескольких линий, пересеченных другими линиями; снаружи гробница была оштукатурена. Размеры снаружи: дл. 2.35 м, шир. 0.85 м; внутри: дл. 2.15 м, шир. 0.63 м, глуб. 1.00 м; дно земляное. Вверху гробницы лежал завал камней, под которым была рыхлая земля. Костяки лежали в беспорядке: 10 черепов находились в юго-западном конце, 3 посредине и один в северном углу. В земле найдены: 12 бронзовых пуговиц, бронзовое проволочное кольцо, обломки двух витых стеклянных браслетов (рис. 63) и обломки посуды, покрытой плоским черным лаком.

Могилы № 26. Находится между могилы № 25 и восточным пле-

чом часовни, обложена мелкими плитками; размеры: дл. 0.60 м, шир. 0.50 м, глуб. 0.80 м. В могиле было 11 детских черепов; кости лежали в беспорядке. В насыпи и среди костей найдены: витой синий стеклянный браслет, обломок стеклянного сосуда, серьга бронзовая со стеклянной бусой, 6 бронзовых пуговиц, кусочки темнокрасной краски (рис. 63, 2) и обломки чернотемной и краснотемной посуды.

Могилы № 27. Находится в северном нефе, обложена большими плитами (перекрытия не было), устроена в верхней части насыпи второго слоя; плиты стоят выше пола базилики. Костяки лежали головами на юго-запад; всего 13 черепов. Размеры: дл. 2.05 м, шир. 0.55 м, глуб. 0.70 м.

Могилы № 28. Сверху завалена камнями; на глубине 0.60 м от мозаичного пола находилось перекрытие из черепиц; дно земляное. Размеры: дл. 1.90 м, шир. 0.45 м, глуб. 0.70 м. Костяки лежали в беспорядке. В насыпи найдены два железных гвоздя с остатками сгнившего дерева, повидимому досок гроба.

Могилы № 29. Устроена в насыпи ниже пола; обкладка из плиток была только с северо-западной стороны; дл. 2 м, шир. 0.90 м, глуб. 0.95 м. Сверху была рыхлая земля, в которой найдена часть мраморной ступы. Костяки лежали голо-

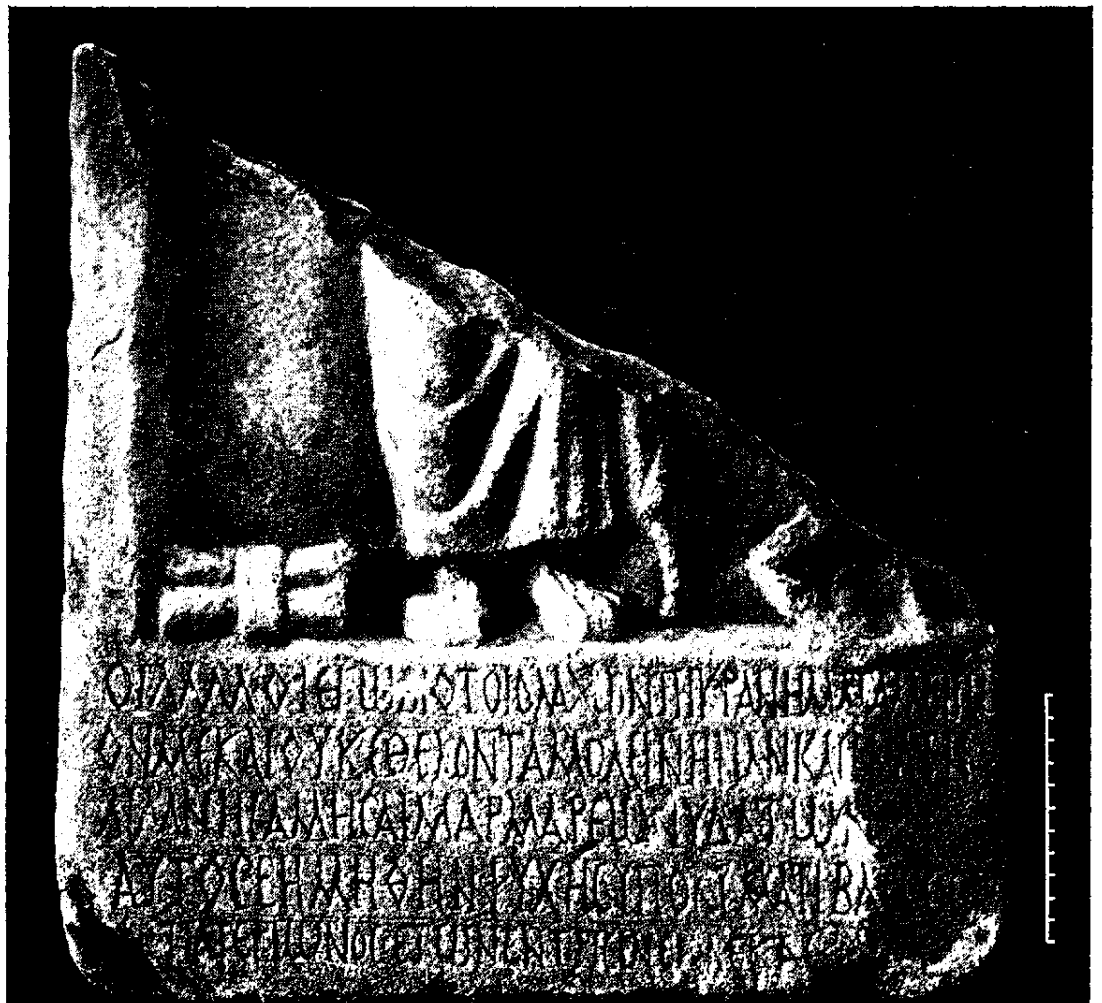

Рис. 65. Нижняя часть мраморной надгробной плиты из обкладки могилы № 34.

вами на юго-запад; всего было 3 черепа, из них один детский.

Могила № 30. Обложена тесаными плитами и оштукатурена, устроена на скале. Размеры: дл. 1.90 м, шир. 1 м, глуб. 0.80 м. Костяки лежали в беспорядке: три черепа в северо-восточном конце, лицом вниз, один в юго-западном конце, на боку. На дне могилы найден обломок свинцового предмета — пирона.

Могила № 31. Большая часть ее находится под стеной первого слоя; не закрыт только северо-восточный конец. Могила аккуратно обложена плитами, дно вымощено 4 черепицами. Размеры: дл. 2 м, шир. 0.65 м, глуб. 0.57 м. Могила была сплошь заполнена костями, лежавшими в беспорядке; черепа в количестве 16 находились в разных местах могилы. Среди костей найдены два стеклянных браслета (рис. 64).

Могила № 32. Покрыта большой известняковой плитой с профилем в виде овала и желобка, длиной 1.50 м, и другой, необработанной, плитой, длиной 0.70 м. Стенки могилы обложены мелкими камнями; дно вымощено обломками черепиц. Размеры могилы: дл. 1.75 м, шир. в концах 0.40 м, в середине 0.53 м, глуб. 0.40 м. В могиле лежал один костяк головой на юго-запад.

Рис. 66. Часовня (внутренний вид с юго-запада).

Могила № 33. В насыпи могилы лежал один детский костяк головой на юго-запад; при нем найдены стеклянный витой браслет голубого цвета (рис. 64); в юго-западном конце лежал кирпич размерами 0.31 × 0.20 × 0.25 м. Размеры могилы: дл. 1.40 м, шир. 0.28 м, глуб. 0.25 м.

Могила № 34. Обложена мелкими камнями и покрыта плитами.

Для обкладки северо-западной стороны употреблена нижняя часть мраморной надгробной плиты с рельефным изображением мужской фигуры и справа другой фигуры, от которой сохранились ноги; слева лежит предмет неопределенного назначения. Внизу вырезана греческая пятистрочная стихотворная надпись (рис. 65), хорошо сохранившаяся и относящаяся по характеру письма к III в. н. э.

*Οἰκμοῖ ἐγὼ βιοτοῖο λαχὼν πικρὰ νήματα μοιρῶ
"Ὅν με καὶ οὐκ ἔδελοντα μολεῖν ἠράνκασεν" Ἀτῆ
Δίμνην ἀμῆσαι μαρμαρέων ὑδάτων.*

*Αὐτότε ἐμῆθην ψυχῆς ὑπὸ κόματι Βάσσοϋ
Πατεριῶνος ἑτῶν ἐν τρισὶν ἐπὶ δέκα ἑ[πτὰ].*

Свободный перевод: „Увы! Получив в удел горестные нити жизни, я разделяю [их]. Хотя я не хотел отправиться [в плавание], но Ата заставила меня перерезать блестящие воды моря. И тут-то перерезана была моя жизнь под волною. Басс, сын Патериона, 37 лет“.

Примечания к надписи: 1-й, 2-й и 4-й стихи — дактилические гексаметры, 3-й и 5-й стихи — дактилические пентаметры. В 1-м стихе, по ошибке, резчик вырезал лишнее *μ*. *Πικρὰ νήματα* относится и к *λαχὼν* и к *μοιρῶ*. Во 2-м стихе первое слово *ὄν* лишнее, оно прибавлено

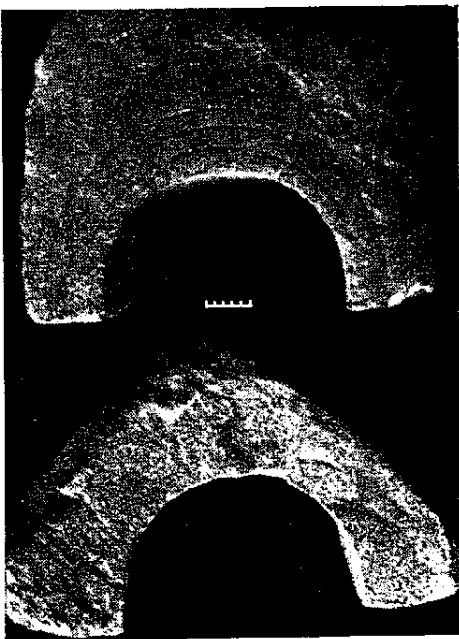

Рис. 67. Известняковые перекрытия окон в часовне.

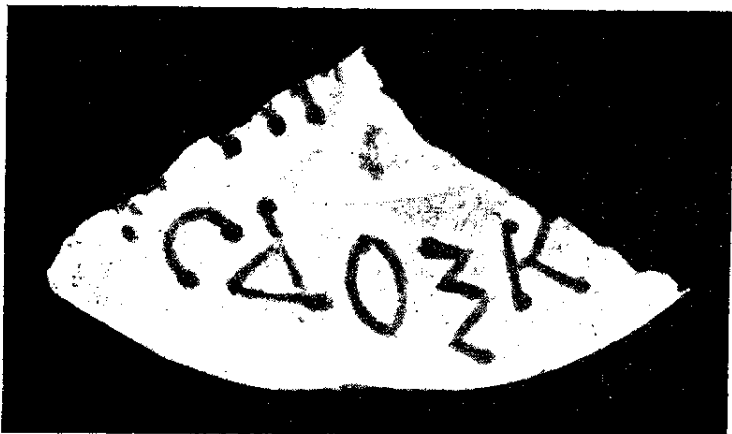

Рис. 68. Мраморный обломок крышки церковного сосуда с частью надписи.

чтобы выдержать размер. Стих 3-й. *λίμνη* обычно озеро, болото. Но у Гомера *λίμνη* употребляется иногда и в значении „море“. *Ἀτῆ* — Ата, богиня несчастья. 4-й и 5-й стихи. *Βάσσος* и *Πατριῶν* — имена, в херсонесской просопографии не встречавшиеся, но известные в общегреческой просопографии. Восстановление последнего слова *ἑπτὰ* только и возможно по требованию размера. Остатки первой буквы *ε* усматриваются на камне. Самое числительное „37“ выражено так: „лет в трех на десять + семь“.

В могиле лежали 4 костяка головами на юго-запад, руки верхнего костяка лежали на груди. На суставе пальца кольцо из бронзовой проволоки. Размеры могилы: дл. 1.55 м, шир. в юго-западном конце 0.37 м, в северо-восточном 0.25 м, глуб. 0.50 м.

Могилы № 35. Покрыта тремя плитами, из которых две имеют профиль в виде овала; стенки обложены каменными плитами, поверх которых в юго-западном конце лежал один ряд обломков черепицы. Размеры могилы: дл. 1.70 м, шир. и глуб. по 0.75 м. Костяки лежали в беспорядке; черепа находились в разных местах могилы; всего было 25 черепов, из них один детский. Найдены: стеклянный плоский синий браслет, стеклянная буса цилиндрической формы, серебряная лунница с ушком (рис. 64).

Раскопанные могилы можно разделить на три группы. Могилы первой группы (№№ 18, 19 и 20) находятся в нартексе, устроены на скале, покрыты насыпью второго слоя и являются наиболее ранними; вероятно, они одновременны базилике. Отчасти это подтверждается и тем, что кости в них сильно истлели, чего не наблюдалось в других могилах.

Могилы второй группы, наиболее многочисленной, находятся ниже мозаичного пола, который, при устройстве их, был прорублен, часть могил опущена до скалы, большая же часть расположена в насыпи третьего слоя. Могилы этой группы устроены вскоре после разрушения базилики, когда второй слой был еще небольшой толщины и видны были стены бази-

лики, возле которых могилы были устроены в шахматном порядке (напр., 4—8, 12—13).

К третьей группе относятся могилы, находившиеся выше мозаичного пола, в насыпи второго слоя. Они были устроены в то время, когда накопилась уже значительной толщины насыпь второго слоя (№№ 1, 17, 22, 23, 27).

Погребальный инвентарь в могилах в общем довольно беден (во многих могилах совершенно отсутствовал) и однообразен. Найденные в них монеты не всегда могут служить для их датировки, так как попали в них случайно вместе с насыпью (напр. монеты римского периода); вторая группа монет, которые могут быть одновременны погребениям, относятся ко времени со второй половины IX до первой половины XI в. Устройство могил в общем одинаково: большинство их обложено каменными плитами или черепицами и покрыто сверху известняковыми или мраморными плитами, взятыми из разрушенной базилики.

Вторая половина средневековья:
XI—XIV вв.

В результате раскопок первого слоя на площади, под которой находятся остатки базилики, открыты: северо-восточная поперечная и продольная улицы и площадь между ними, часовня и помещение XI.

Часовня. Часовня ориентирована, так же как и базилика, на северо-восток и имеет настолько небольшие размеры, что полностью поместилась в абсиде базилики. Размеры часовни: длина юго-восточной и северо-западной стен снаружи по 5.65 м, ширина часовни сна-

Рис. 69. Надгробная плита с изображением креста.

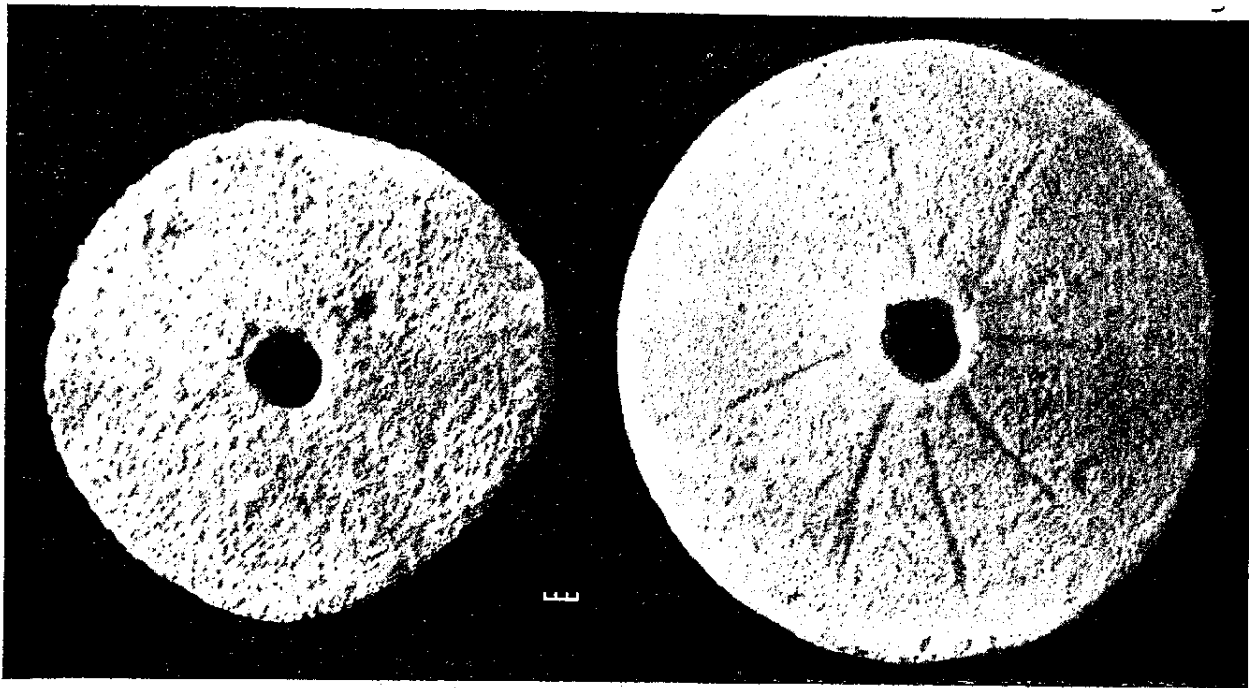

Рис. 70. Жернова: справа из помещения I, слева из помещения VI.

ружи 4.20 м; длина наружных заплечий: юго-восточного 0.75, северо-западного 0.82 м; длина абсиды 1.50 м, внутренний поперечный диаметр абсиды 1.95 м, ширина двери в юго-западной стене 1.45 м, толщина длинных стен 0.60 м, юго-западной стены 0.70 м; сохранившаяся высота стен: абсиды 1.10 м, длинных стен 0.75—1.15 м, юго-западной 0.55—0.75 м (рис. 41, 43, 66).

Стены сложены из бутовых, частью из тесаных камней, на углах из крупных тесаных плит. В абсиде один ряд (второй сверху) сложен в „елку“ (рис. 41 и 66). Стены основаны на насыпи, кладка на гряды; на высоте 0.70 м от пола в длинных стенах были деревянные балки-прокладки, от которых остались выемки и выше которых стены поэтому не уцелели и сохранились лишь частично (на рис. 66 слева в стене видна выемка от сгоревшей балки). Пол в середине часовни вымощен обломками мраморных алтарных преград, расположенных в виде дорожки (рис. 66). В абсиде стоит мраморный столб для престола, которым служила мраморная база, упавшая с него во время пожара и гибели часовни и глубоко врезавшаяся углом в пол. Столб украшен с двух сторон желобками; высота его над полом 0.46 м, ширина 0.20 × 0.22 м. База имеет размеры 0.54 × 0.54 м, высота 0.25 м; сверху на ней вырезана монограмма (рис. 47, 11),

сбоку буква (рис. 47, 12). На расстоянии 0.65 м от плеча абсиды, на земляном полу часовни, сохранилась вымостка из мелких плиток в один ряд, представляющая собою, по видимому, солею абсиды (см. план). В западном и южном углах часовни устроены гробницы, описанные выше (№№ 24—25). На полу абсиды найдено большое количество кусков штукатурки, покрытых росписью желтого и темно-синего цвета с красными полосами по белому фону, с белыми кружками по желтому и красному фону и др.

Рис. 71. Обломки черепиц с клеймами из помещения I.

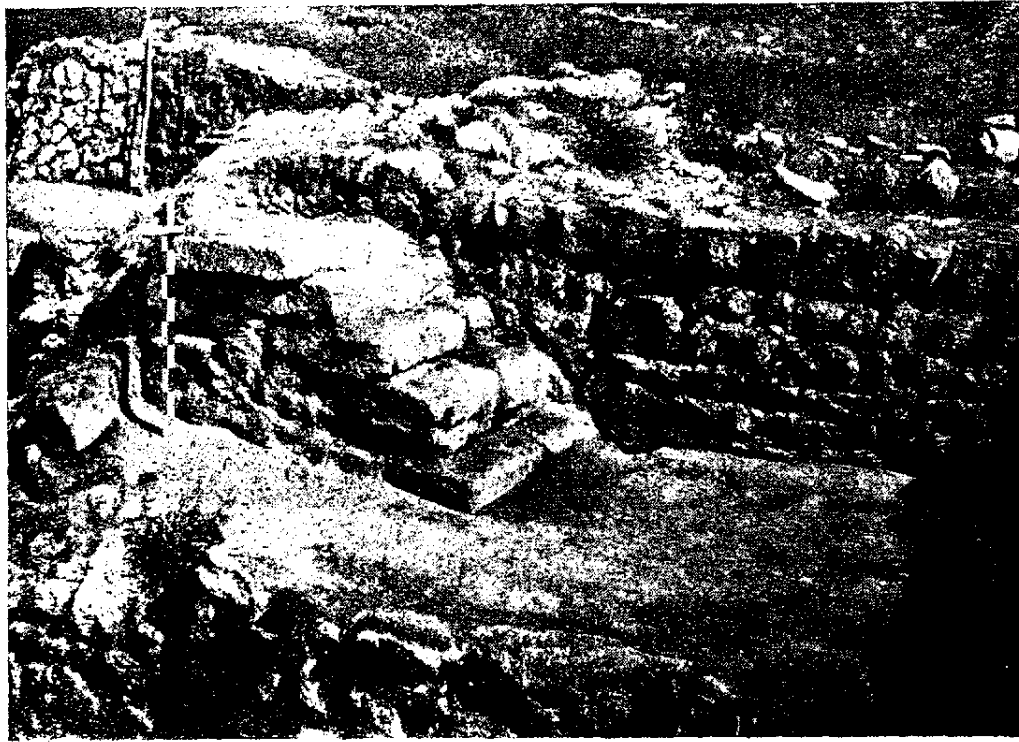

Рис. 72. Лестница в помещении I; вид с запада.

До раскопок часовня была покрыта завалом камней, в завале много штучных тесаных плит, клинбев арок различных размеров со следами извести во швах и штукатурки на лицевой стороне. На полу часовни против входа лежала известняковая плита (рис. 66), возле северо-западной стороны двери обломок мраморной колонны; возле юго-восточной гробницы лежал обломок мраморной алтарной преграды. На северо-западной стене часовни, возле абсиды, был известняковый свод — перекрытие окна (шир. 0.37 м, выс. 0.28 м, диам. 0.21 м), украшенный тремя врезанными линиями вокруг свода (рис. 67 вверху); другой свод окна найден возле северо-западной стороны двери (рис. 67 внизу). В насыпи на полу найдены следующие предметы: 3 глиняные грузила пирамидальной формы, обломки чернолаковой посуды — тарелок и „мегарской“ чашки, обломок широкого горла амфоры с двойной ручкой, дно красноглиняной тарелки, покрытой ангобом, но оставшейся без поливы, на дне графито (рис. 47, 13), обломок витого стеклянного синего браслета, свинцовая палочка, кусок кремня; бронзовые монеты: города Диоскуриады, митридатовского времени (№ 96), Романа I (№ 129) и Никифора Фоки (№ 139).

Помещение XI. До раскопок помещение представляло бугор, возвышавшийся среди большой площади. Внутри помещения находился завал камней толщиной 0.80—1.00 м.

Стены помещения основаны на насыпи второго слоя, сложены небрежно из мелких бутовых камней на грязи, в углах друг с другом не связаны, построены впритык. В северо-западной стене, на высоте 0.40 м от пола, выемка, образовавшаяся от сгоревшей деревянной балки.

В северо-восточной стене, в северном углу, широкая выступающая наружу плита, служившая, по видимому, порогом двери, шириной 1.07 м. Сохранившаяся высота стен: 0.40—1.00 м. Размеры помещения внутри: дл. 4.20 м, шир. 3.60 м.

При раскопке найдены: горшок с рыбой хамсой, стоявший в южном углу, на полу — обломки поливной посуды, горло амфоры с желобчатыми плечами, боченковидное грузило, бронзовая монета Василия I (№ 118), небольшая известняковая плита с вырезанными перекрестными линиями на углу.

В восточном углу помещения находится печь, сложенная из мелких бутовых камней на грязи, длиной

2 м, шириной 1.45 м; длина и ширина внутри 0.80 × 0.80 м; толщина стен: юго-западной 0.60 м, северо-западной 0.35 м, высота печи 0.45 м. Внутри печи и возле нее на полу лежал слой золы. Пол помещения земляной, очень плотно утрамбованный, местами золистый; в южном углу имеется глиняная обмазка. Посредине помещения, на расстоянии 0.50 м от западного угла печи, в полу каменная плита.

Помещение XI находится на расстоянии 4.65 м к юго-западу от часовни, построено, очевидно, одновременно с ней и служило сторожкой при часовне и кладбище; только при таком его назначении могут быть понятны малые его размеры, примитивность постройки и внутреннего устройства и отсутствие других к нему пристроек.

Северо-восточная поперечная улица. Первый слой на северо-восточной поперечной улице состоял из завала мелких камней и рыхлой земли. Толщина слоя 0.30—0.50 м.

Находки следующие: обломки посуды из красной и белой глины, покрытой желтой поливой, некоторые с гравированным орнаментом; обломки стеклянных браслетов синего и зеленого цвета, оконного стекла и стеклянной рюмки; бронзовая проволока с крючком; осколки чугуновых ядер и картечь; три цокольных плиты с желобками по краю и бронзовые монеты: позднерхсонесская (№ 97) и Константа II (№ 114).

Ширина улицы 2.70—3.00 м. Северо-восточная стена сложена из мелких бутовых камней на грязи и продолжается по одной линии на всем протяжении раскопки, местами сильно наклонилась к северо-востоку.

Площадь вокруг часовни и помещения XI. Возле наружной стороны абсиды часовни лежал слой толщиной до 0.25 м и шириной 1.50 м из обломков черепиц. Здесь найдены: мраморный обломок крышки (?) сосуда с надписью и изображением креста на выпуклой стороне (рис. 68, буквы надписи на концах имеют углубления, сделанные буравчиком); нижняя часть известняковой надгробной плиты с выемкой для вставной плитки; обломки черепиц с клеймами (рис. 98, 1—4), обломки белоглиняных мисок, покрытых желтой поливой, на одной графито (рис. 47, 14); кость рыбы, ядро каменное диаметром 0.035 м, свод окна, разбитый на две части.

Между часовней и помещением XI в завале мелких камней, образующих первый слой, были найдены обломки черепиц с клеймами (рис. 98, 1, 5—7) и с изображением птицы; обломки белоглиняных мисок, покрытых желтой и зеленой поливой; обломок красноглиняной тарелки с желтой поливой и с дырочкой для скрепления; обломок мраморной капители с частью аканфowego листа; обломок мраморной плитки с желобчатым профилем; бронзовые монеты — одна Феодосия I (№ 105), другая Романа I (№ 127). Возле западного угла часовни, на глубине 0.35 м, найдена известняковая надгробная плита с изображением процветшего креста с расширяющимися концами; плита лежала изображением вниз, высота ее 0.39 м, ширина 0.30 м, толщина 0.08 м (рис. 69).

Между помещением XI и юго-западной поперечной улицей на всей площади нижней границей первого слоя является строительный

мусор, состоящий из большого количества извести и песка. В первом слое на этом участке находилось много костей домашних животных: крупного рогатого скота, овец, кабаньи клыки; зубы лошади, а также кости птиц и ракушки устриц. Находки: каменные ядра (диам. 5—7 см, одно 15 см), два цилиндрических грузила, обломки миски, покрытой желтой поливой, обломки массивных ступок мраморной и гранитной, обломки мраморной колонны розового цвета, костяная пуговица с 6 отверстиями, обломок красноглиняной жаровни с отверстиями, обломок стеклянного браслета синего цвета, обломок мраморной плитки с прямоугольным выступом, бронзовые монеты — позднееримская (№ 102) и Васялия I (№ 122).

Вокруг часовни, помещения XI и кладбища построена была ограда из стен, основанных на стенах базилики: с юго-западной стороны — от поперечной улицы, с северо-западной — от продольной улицы и с юго-восточной стороны.

Продольная улица. Между оградой, помещением XI и часовней, с одной стороны, и стеной помещений V, IV, VI и VII — с другой, в позднесредневековый период была продольная улица, которая начиналась от помещения IX, пересекала поперечную улицу и уходила далее на юго-запад. До раскопок середина улицы представляла ложбину между оградой, помещением XI и часовней, с юго-востока, и помещениями IV—VII, с северо-запада (рис. 52, вид с северо-востока).

При раскопке первого слоя на улице найдены следующие предметы: обломки черепиц с клеймами (рис. 98, 5, 16), с изображением всадника

Рис. 73. Известняковые плиты с гравированным орнаментом и раскраской из помещения III.

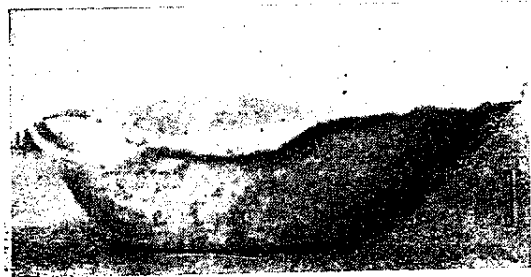

Рис. 74. Бронзовая чашечка из помещения III.

влево, на другой — вправо, стреляющего из лука; обломки посуды из красной и белой глины с желтой и зеленой поливой; острое дно амфоры; бронзовый рыболовный крючок; бронзовая монета Константина VII Порфирородного (№ 134). Возле стены помещений VI—VII, на улице, на расстоянии 0.40 м от двери помещения VI, открыта кладка в один ряд камней (дл. 2 м, шир. 0.25—0.30 м). Против двери, на расстоянии 0.60 м от нее, на улице оказалась овальной формы яма, величиной 1.40 × 0.60 × 0.30 м, заполненная углем, золой и большим количеством костей животных; сверху лежали обломки черепиц. Следы пожара были видны также возле северо-западной стены на прикладке; здесь найдены железные гвозди длиной 6—16 см, обломок железного замка и железного орудия в виде мотыги. Возле стены помещения V имеется утолщение (дл. 2.50 м, толщ. 0.40 м), сохранившееся на одной высоте с основной стеной. На улице обнаружены два обломка мраморных колонн, врытых в землю: один против помещения IV, с буквами на ободке нижнего конца (рис. 47, 15), врыт был в землю узким концом; высота его над поверхностью улицы 0.30 м (рис. 52, вид с северо-востока); другой обломок выступал над поверхностью улицы на 0.15 м.

Юго-западная поперечная улица. Продолжена раскопка поперечной улицы, разделяющей участка 1931 и 1932 гг., до юго-восточной стены — границы раскопок 1932 г., на 13.50 м от продольной улицы. Толщина слоя 0.45—0.65 м.

На всем протяжении в земле находились карнизные плиты с желобками по краю; на перекрестке улиц лежали клинья арок и другие крупные камни, встречались они также и далее в юго-восточном конце.

На улице найдены: обломок мраморной массивной ступы, дно белоглиняной миски с граффито О, обломки верхнего и нижнего жерновов из конгломерата, состоящего из крупного гравия, сцементированного известняком, одна из частей бронзового энколпия, бронзовые монеты: одна Гонория или Аркадия (№ 107, стерта), одна — Феодосия I (№ 106), три — Романа I (№ 129), одна — Романа II (№ 141) и одна восточная (№ 146).

В северо-западной половине участка раскопками открыт квартал жилых помещений (I—IX), большая часть которых разрушена морем. Квартал был ограничен поперечными улицами с юго-запада и северо-востока, продольными с юго-востока и северо-запада (последняя улица сохранилась только на участке раскопок 1931 г.).

Помещение I. В нижней части слоя, покрывавшего помещение, встретилось большое количество крупных строительных камней — тесаные плиты, брусья и клинья арок. На глубине 0.60—0.80 м лежал слой обломков черепицы, под ним на полу следы пожара — уголь и зола, а также обломки посуды, толстых кирпичей (толщ. 6.5—7.5—8.5 см) и железные гвозди. При раскопке найдены: каменный верхний жорнов хорошей сохранности (диам. 0.45 м, толщ. 0.10 м), лежавший в западном углу, на верхней стороне имеется 8 радиальных бороздок, в отверстии остаток железного стержня (рис. 70); обломки черепиц с клеймами (рис. 98, 1, 8, 10) и с изображениями птиц и всадника влево (рис. 71); кувшинчик красноглиняный, одноручный с носиком, глиняный кувшин (горло и ручка отбиты) грубой работы; тарелка красноглиняная, покрытая желтой поливой по ангобу (полива сильно осыпалась), с 7 парами дырочек для скрепления, разбитая на 8 частей; обломки красноглиняных амфор с линейным желобчатым орнаментом, кувшинов, блюда с горизонтальной ручкой, горло энохи; костяной наконечник конусовидной формы с углублением внутри, челюсть рыбы и челюсть лошади, железные гвозди.

Пол помещения земляной, твердо утопанный; стены сложены из крупных и мелких камней на грязи; следов штукатурки нет. В восточном углу имеется лестница в 5 ступеней (рис. 72).

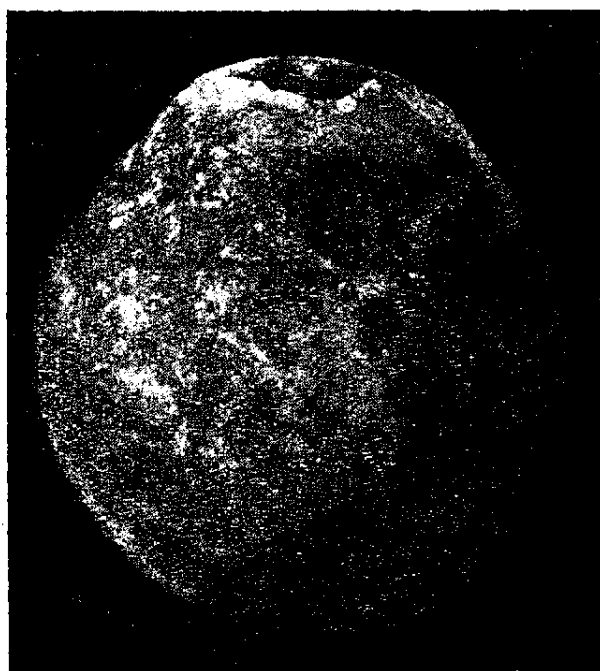

Рис. 75. Глиняный сосуд для хранения ртути.

высотой 0.90 м, шириной 1.05 м; наверху сохранилась площадка из одной большой плиты ($1.10 \times 0.72 \times 0.13$ м). На расстоянии 2.20 м от юго-восточной стены в помещении имеется коридор, находящийся ниже пола на 1.20 м (дл. 4.25 м, шир. 1—1.10 м); конец его не доходит до юго-западной стены на 1.20 м. В северо-восточном конце одна ступенька, в западном углу коридора в кладке лежит большой кусок мрамора — часть большой ступы, поперек на краю — цокольная плита с желобком. Северо-западная и северо-восточная стены помещения сохранились незначительно, северный же его угол совершенно разрушен (см. план).

На уровне пола коридора, к северо-востоку от него, сохранилось частично небольшое помещение, образованное стенами помещений I и II, к юго-

Рис. 76. 1 — Кувшин; 2 — каменный топор из помещения IV; 3 — сосуд для продеживания; 4 — часть миски белоглиняной; 5 — курильница из помещения VI.

восточной стене приложена внутренняя стена на извести, с наклоном внутрь; возможно, перекрытие было сводчатое. Размеры помещения: дл. 2.40 м, шир. 1.05 м. Пол покрыт цементом, состоящим из извести и песка с небольшим количеством толченой керамики. В марте 1930 г., после сильного шторма, здесь были видны человеческие кости; можно предполагать, что помещение было гробницей.

Помещение II. Северный угол разрушен морем; длина юго-западной стены 3.80 м, юго-восточной 3.50 м, высота стен 1—1.10 м. Стены сложены из мелких бутовых камней на грязи. В юго-восточной стене дверь шириной 0.80 м, соединяющая помещения II и V. Пол земляной, плотно утрамбованный, с углублением с северо-запада на юго-восток; на полу следы пожара — уголь и сажа. На полу лежали обломки черепиц, некоторые с клеймами (рис. 98, 1, 12—14), с изображением всадника влево, обломки поливной посуды, два цилиндрических груза и одно пирамидальное, обработанный козий рог с отверстием на остром конце.

Помещение III — кладовая. До раскопок на поверхности была яма глубиной до 1 м. В нижней части завала, заполнявшего помещение, и на полу встречались плиты и клинья арок из инкерманского (мшанкового) известняка, с гравированным орнаментом в виде завитков; плиты окрашены в красный цвет (рис. 73).

Пол помещения — земляной — находился на самой скале; стены сложены из бутовых камней на грязи; юго-восточная стена построена позднее, впритык к другим стенам; кладка ее из мелких камней; внизу обломок мраморной колонны; стена основана на насыпи (выше пола) и состоит из двух частей, заходящих друг за друга. В верхней части стены была дверь (от нее сохранился юго-западный косяк), соединявшая помещения III и V. Возле стены

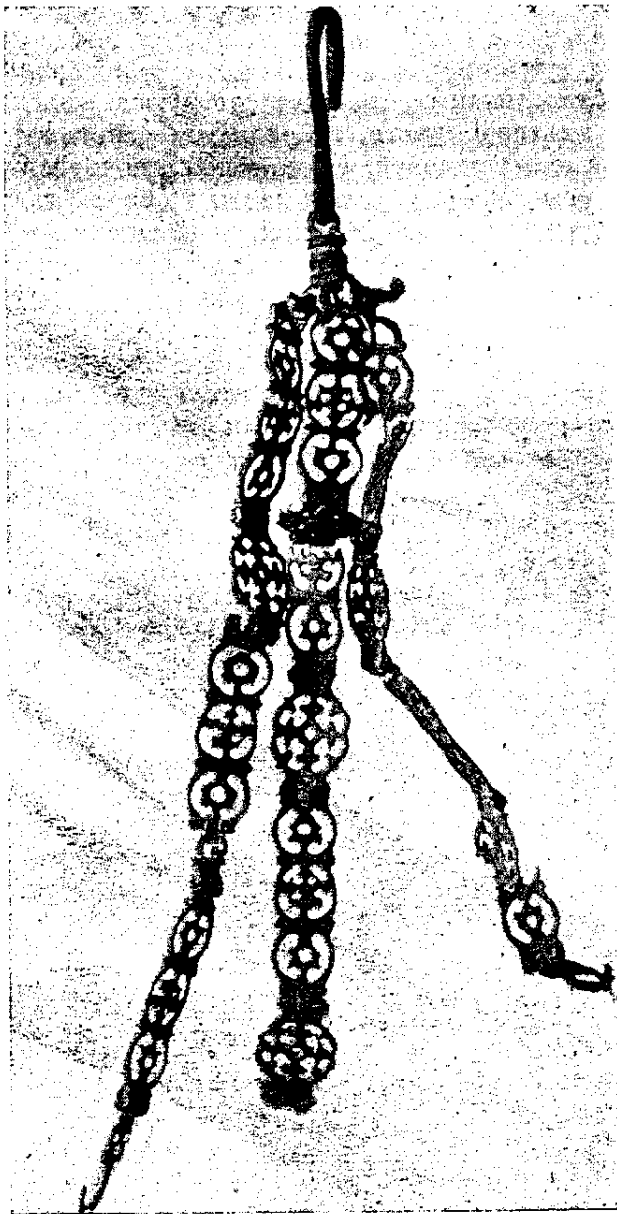

Рис. 77. Бронзовые цепи от лампадки.

Рис. 78. Бронзовая икона с изображением Иисуса.

против двери на полу остатки лестницы (выс. 0.60 м, 0.70 м), состоящей из 4 ступеней. Возле северо-западной стены пристроена внутренняя стенка (выс. 1.55 м в северо-восточном конце и 0.60 м в юго-западном конце). Под юго-западной стеной сохранились два ряда крупных камней, относящихся к более древней стене (выс. 0.55 м, шир. 0.30—0.40 м). В северо-восточной стене горизонтальное углубление, образовавшееся от сгоревшей балки, куски от которой были обнаружены в момент раскопок.

Помещение служило кладовой, вход в которую вел со двора, т. е. из помещения V. На уровне внутренних северо-западной и юго-восточной стен и выемки для балки в северо-восточной стене был, вероятно, верхний деревянный пол. В других, аналогичных этому, помещениях-кладовых имеются такие же внутренние стены, назначением которых, по видимому, было поддерживать деревянный пол верхнего помещения.

В северо-восточной и юго-западной частях помещения на полу лежали обломки черепиц, образуя слой толщиной 0.25—0.50 м. Черепицы и камни носят следы пожара и сильно обуглились; пол, особенно в восточном углу, покрыт толстым слоем сажи, в северном углу на полу лежали обуглившиеся куски деревянных балок. На черепицах имеются различные клейма (рис. 98, 7, 15—19). В завале камней найдены: плоская глиняная со следами желтой поливы; обломки красноглиняных амфор: горла, доньшки, плоские и шаровидные, последние с желобчатым орнаментом; обломки кувшина с орнаментом в виде елочки на горле и зигзага на плечах, внутри горла по вертикали имеется перегородка; обломки кувшина с орнаментом в виде гребешков; обломки пифоса из

темнокрасной глины с кольцевидным орнаментом на горле, массивные ручки амфоры, почти круглые в разрезе; обломки поливной посуды красноглиняной и белоглиняной; тарелки из белой глины; миски из красной глины; обломки кувшина из белой глины, покрытого голубой поливой с орнаментом, исполненным темно-коричневой краской, на дне граффито; обломки стеклянной посуды; железные гвозди; маленькое каменное ядро; два оселка; небольшая известняковая ступа грубой работы, стоявшая возле юго-западной стены; здесь же лежали 5 боченковидных и пирамидальное грузила, бронзовая чашечка (рис. 74), обломки бронзового ситечка и бронзовая дуга с дырочками на концах; две бронзовые монеты Василия I (№ 112).

Помещение V—двор. До раскопок на поверхности была большая яма, сплошь заполненная камнями. Первый слой представлял завал бутовых камней, в котором попадались обломки черепиц, некоторые с клеймами (рис. 98, 15—16, 18—20), с изображением птицы, животного вправо и др. Клейма и дуги на черепицах исполнены высоким рельефом. В завале камней найдены: обломки красноглиняных плоскодонных амфор и кувшинов, мисок красноглиняных и белоглиняных, покрытых поливою зеленого и желтого цвета, тарелка красноглиняная с зеленой поливой, вскипевшей и почерневшей от огня, дно и обломки миски из белой глины, покрытой голубой поливой, край миски грубой лепной работы, два грузила цилиндрической формы, два плоских с отверстиями на концах и желобком посередине, грузило известняковое круглое; обломки мраморные: алтарных плит, колонн и капители с остатками аканфowego листа; железные гвозди и петли, челюсти и кости лошади, козий рог, глиняный шарик, буса стеклянная боченковидная. Непосредст-

Рис. 79. Шиферная иконка с изображением Георгия.

венно на земляном полу лежал слой черной земли, угля и сажи толщиной 0.10—0.15 м. Против двери помещения II найден обломок мраморной колонны (дл. 0.87 м, диам. 0.26 м). В западном углу найдены обломки известняковой ступы, перегоревшей в огне; нижняя часть мраморной маленькой колонны; шаровидный глиняный сосуд с массивными стенками, употреблявшийся для хранения ртути (рис. 75). В слое пожара на полу найдены: обломки красноглиняной миски, покрытой коричневой поливой с орнаментом из зеленых кругов, на дне графито (рис. 47, 16); обломки белоглиняной миски с высоким донным кольцом,

Рис. 80. Посуда в западном углу помещения VI.

покрытой голубой поливой внутри и зеленой снаружи; обломки тарелки с вскипевшей от огня зеленой поливой, с гравированным орнаментом по краю и дырочками для скрепления; обломки красноглиняных мисок, покрытых желтой поливой, с гравированным орнаментом; обломки тонкостенного сосуда из коричневой глины с гравированным орнаментом по бортику в виде прямых и волнистых линий; обломки черноглиняного горшка с плоской ручкой, тонкостенного кувшина с плоской ручкой; пряслице из шифера лилового цвета; красноглиняные шарики; в восточном углу лежало много костей животных — крупного рогатого скота и овец.

Пол посредине значительно ниже, чем возле стен; особенно высоко пол поднимается в южном и западном углах и возле северо-

восточной стены. В восточном углу находится лестница, от которой сохранилось 7 ступеней (выс. 1.20 м, шир. 0.90 м). В юго-восточной стене была дверь на улицу, позднее заложенная. Дверь в северо-западной стене соединяет помещения V и II; в той же стене, в юго-западном конце, была дверь в помещение III, от нее сохранился лишь один юго-западный косяк. Стены сложены из бутовых камней на грязи. В юго-восточной стене, на уровне порога двери, была деревянная балка, от которой осталась длинная выемка; такая же балка была и с наружной стороны стены. Стены сохранились в высоту на 0.90—1.35 м.

Помещение V было двором; на это указывают его большие размеры, неровный пол, сравнительно малое количество черепиц. Из двора ведут две двери, одна в кладовую — помещение III, другая в помещение II. Возможно из помещения II была дверь в следующее за ним помещение, которое не сохранилось. Таким образом помещения II, III и V представляют один дом, занимавший угол квартала между поперечной и продольной улицами.

Помещение IV. Размеры помещения: дл. 4.85 м, шир. 2.25 м, высота сохранившихся стен 0.50—1.10 м. Стены сложены из бутовых камней на грязи. На глубине 0.40—0.60 м, внутри помещения под завалом камней, толщина которого достигала 1 м, лежал слой обломков черепиц, в особенно большом количестве возле северо-восточной стены и посредине помещения, толщиной до 0.50 м. Возле юго-западной стены в завале встретились крупные строительные

Рис. 81. Глиняные горшок и кувшин из помещения VI.

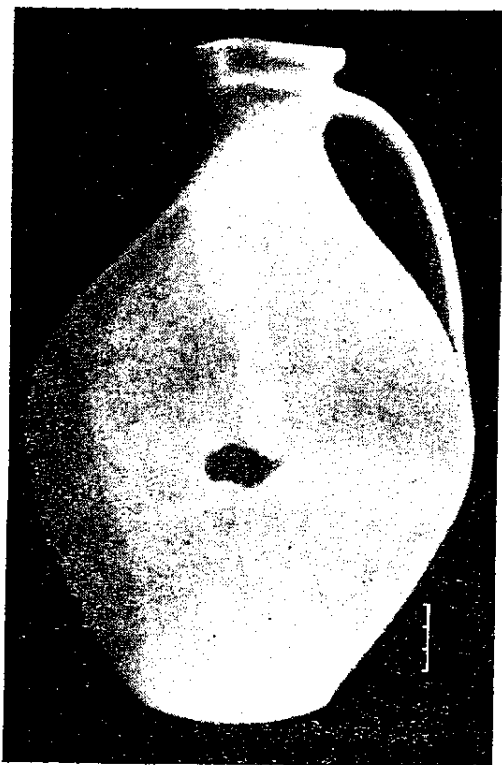

Рис. 82. Глиняный кувшин из помещения VI.

плиты и клинья арок; на боковых сторонах клиньев, во швах, сохранились остатки раствора из чистой извести.

На полу помещения найдены: обломки черепиц с клеймами (рис. 98, 8, 12, 21, 22), обломки больших красноглиняных блюд; одно из них покрыто желтой поливой и украшено гравированным орнаментом в виде волнистых линий; другое украшено спиральным рельефным орнаментом (фон выскоблен) и покрыто зеленой поливой; обломки тарелки красноглиняной, с гравированным орнаментом по бортику, покрытой желтой, сильно осыпающейся поливой по ангобу, с 6 парами дырочек для скрепления; обломки миски и тарелки, покрытых светложелтой поливой; верхняя часть тонкостенного кувшина, украшенного на плечиках гравированным орнаментом в виде прямых и волнистых линий и углублений (рис. 76, 1); обломки плоскодонных и круглодонных амфор, горшков; часть каменного топора (рис. 76, 2); обломки оселка из темносинего камня; костяная проколка, бронзовый массивный рыболовный крючок; железные гвозди; обломки стеклянной посуды, из них две ножки рюмок; обломок стеклянного синего браслета; стеклянная подвеска грушевидной формы; глиняное цилиндрическое грузило; бронзовые монеты: Зенона (№ 110), Льва VI — Александра (№ 124) и позднеримская IV в. (№ 104).

В северном углу помещения находился очаг с массой золы и угля; на очаге стояли 6 горшков из красной глины грубой работы, от которых сохранились только их нижние части, и лежал железный предмет в виде небольшой мотыги. В северном углу, возле очага, най-

дены бронзовые цепи, крючки и держава лампадки (рис. 77). Возле очага на земляном полу имеется глиняная обмазка. В западном углу, вдоль юго-западной стены, находится вымостка пода печи, сложенная из камней и черепиц. Размеры пода печи: дл. 1.75 м, шир. 1.10 м, выс. 0.25 м. На расстоянии 0.90 м от печи к юго-востоку на полу находится раздавленное каменное корыто размерами $0.47 \times 0.37 \times 0.28$ м. Возле северо-восточной стены на полу лежит большая каменная плита, служившая, очевидно, скамейкой, размерами $0.75 \times 0.60 \times 0.30$ м. В юго-восточной стене в углу дверь шириной 0.97 м, ведущая на улицу; возле нее две ступени. В южном углу на полу вымостка из больших каменных плит; в нижнем ряду стены большая тесаная плита, относящаяся к кладке стены базилики. Северо-западная стена против печи не сохранилась или, может быть, здесь была дверь в следующую комнату, разрушенную морем.

В помещении IV раскопка ниже пола не производилась в целях сохранения его деталей, а также для сохранения нижних слоев в виде контрольной площади. Помещение IV было жилой комнатой; на это указывают: очаг, печь, большое количество посуды и других предметов быта.

Возможно, что помещение IV относится к одному комплексу помещений I—V: в таком случае вход с улицы был через помещение IV, из него через промежуточное — несохранившееся — в помещение II, затем V и III. Особенностью дома является наличие нескольких

Рис. 83. Глиняная плоскодонная амфора из помещения VI.

лестниц, служивших, вероятно, для сообщения с жилыми комнатами, находившимися над нижними помещениями.

Помещение VI — кладовая. Все помещение сверху донизу было завалено камнями и обломками черепиц и посуды; слой завала достигал 2.30 м толщины. Непосредственно на полу лежал слой обломков черепиц, толщиной около 0.40 м, упавших с крыши здания, и огромное количество глиняной посуды. В нижней части завала встречались строительные фрагменты: клинья арок, цокольные плиты с желобками по краю и простые тесаные плиты.

В верхнем завале камней найдены: обломки плоскодонных амфор, горшков, кувшинов, посуды из белой глины, покрытой желтой и зеленой поливой, обломки черепиц с клеймами (рис. 98, 12, 6, 16, 22), в том числе изображение всадника влево и т. д. Разнообразие предметов и принадлежность их к разным периодам указывают на то, что они попали в помещение случайно, во время свалки мусора.

На высоте 0.50 м от пола, на расстоянии 0.25 м от юго-западной стены, под нишей, в завале камней найдена бронзовая икона круглой формы, диаметром 18 см, с загнутыми краями и отверстиями для гвоздей, указывающими на то, что икона была набита на деревянную доску. На иконе помещено изображение Христа в бюст, благословляющего правой рукой и держащего Евангелие в левой (рис. 78). По сторонам надпись: $\overline{IC}$ слева и $\overline{XC}$ справа; на нимбе изображен крест из широких полос. Фигура одета в хитон и плащ, который накинут на левое плечо и частью лежит на правом. Длинные волосы, тщательно расчесанные, с пробором посередине, волнистыми локонами падают на плечи; лицо и вся икона отличаются хорошей тонкой работой. На нимбе, волосах, одежде и на полях иконы сохранилась позолота.

На расстоянии 0.80 м от юго-западной и северо-западной стен, на высоте 0.20 м от пола, найдена лежащая на камне, лицевой стороной вниз, шиферная темного цвета иконка, высотой 8 см (нижний конец отбит), шириной 6.2 см, с рельефной по краям рамкой, срезанной внутрь. На иконе изображен стоящий Георгий с копьем в правой руке и со щитом овальной формы в левой (рис. 79). Фигура одета в кафтан, достигающий до колен, и чешуйчатый панцырь, перевязанный поясом; на плечи накинут плащ, скрепленный пряжкой на груди, широкой полосой спускающийся сзади, ниже колен. Кафтан внизу и на обшлагах украшен каймой в виде полос и косых линий, с зубчиками между ними. Нижний конец панцыря украшен поперечными парными линиями, между которыми вырезаны вертикальные бороздки и кружочки, такой же орнамент на рукавах панцыря, достигающих до локтей. Курчавые волосы, тщательно исполненные, с показанием отдельных волосков, низко спускаются на широкий лоб, лицо обращено

прямо. Одежда — кафтан, панцырь, — а также нимб и ноги покрыты позолотой, сохранившейся, примерно, на одну треть. Работа иконы очень тонкая и художественная. На левой стороне образовался толстый слой ржавчины от приставшего к иконе железного гвоздя, окрасившей левый край с обеих сторон в красно-коричневый цвет; по излому видно, что конец иконы был отбит в древности. Обе иконы относятся, по видимому, к XI—XII вв.

Посредине помещения лежал нижний жорнов (диам. 0.21 м) из простого известняка розового цвета. Возле северо-западной стены стояла доска из алебастра (дл. 0.65 м, шир. 0.45 м). На полу помещения находилось большое количество посуды, стоявшей, главным образом, в западной его части (рис. 80).

Помещение служило кладовой для хранения посуды, может быть, было складом посуды при магазине, помещавшемся в верхней его части. Часть посуды, вероятно, стояла на полу верхнего помещения и провалилась в подвальное помещение при пожаре, на что указывает положение некоторых, главным образом мелких, сосудов, лежавших дном вверх или находившихся в завале камней выше земляного пола кладовой. На полу кладовой, покрытом толстым слоем золы и углей, стояли крупные сосуды: пифосы, амфоры и др. Почти все сосуды не имеют следов их употребления.

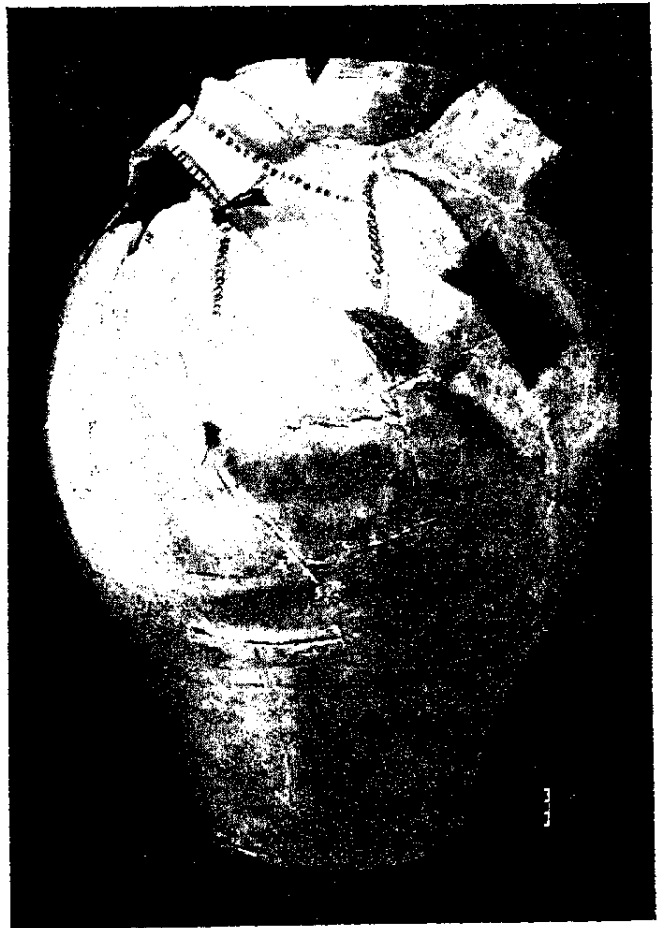

Рис. 84. Глиняная амфора из помещения VI.

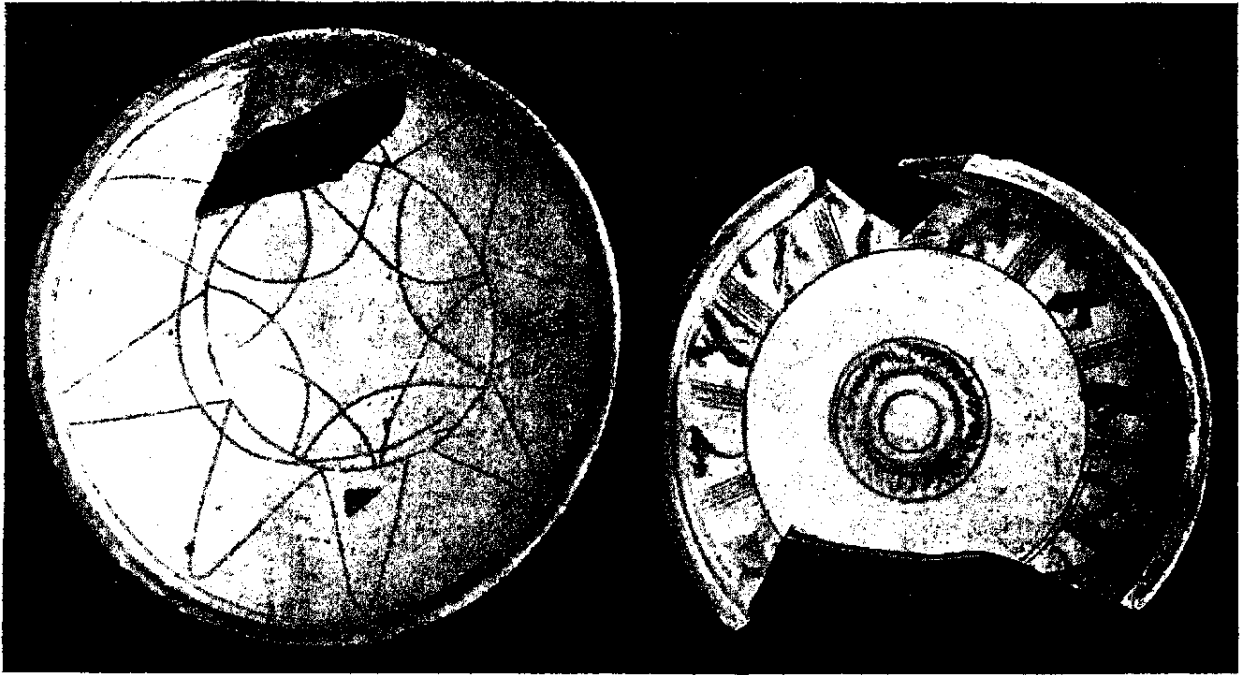

Рис. 85. Поливные миски из помещения VI.

Среди посуды, которой насчитывается свыше 50 экземпляров, имеется несколько групп, отличающихся друг от друга по глине, форме и технике изготовления. Одна группа состоит из небольших тонкостенных одноручных горшков с темнубурой поверхностью (рис. 81); другая из кувшинов такого же материала и техники, с орнаментом из прямых и волнистых линий или же без него (рис. 82); третью группу составляют круглодонные амфоры с рубчатым орнаментом на плечах; к четвертой группе относятся плоскодонные амфоры из красной глины, отличающиеся крепким обжигом и хорошей работой, облицованные желтой глиной или без облицовки, украшенные гравированным линейным орнаментом или без него (рис. 83); пятую группу составляют плоскодонные амфоры и кувшины из красной глины, хорошей работы и крепкого обжига, украшенные рельефными налестками с углублениями (рис. 84); аналогичные сосуды встречались в помещениях, соседних с помещением VI, напр., в помещении V; шестую группу составляют пифосы из темнокрасной глины, венчик которых украшен углублениями сверху или кольцевидным орнаментом сбоку; к седьмой группе относится поливная посуда: миски из красной глины, одинаковые по величине, форме и технике (рис. 85); к восьмой — обломки поливных тарелок и кувшинов из розоватой или белой глины с „акварельным“ орнаментом.

Кроме перечисленной посуды на полу найдены: сосудик из красной глины (выс. 0.036 м, диам. 0.087 м), облицованный желтой глиной, с отверстиями на дне и на нижней части стенок для процеживания и маленьким носиком для сливания жидкости (рис. 76, 3); куриль-

ница из белой глины, с треугольными отверстиями, снаружи покрытая светлозеленой поливой (рис. 76, 5); обломки стеклянной посуды и браслетов, железные гвозди, нож, костяная пластинка с вырезанными кругами, щиток краснолакового светильника с изображением канфара, кости рыб, животных и птиц, массивный бронзовый колокольчик (рис. 86).

В южном углу обнаружено большое количество крупных костей рыбы — белуги и др. При расчистке швов в юго-западной стене, на высоте 1 м от пола, найдена бронзовая монета Льва VI и Александра (№ 125).

Стены помещения сложены из бутовых камней на гязи. Кроме основных стен, возле юго-восточной и юго-западной стен имеются внутренние стены высотой 1.80—1.90 м, служившие фундаментом для деревянного пола верхнего помещения. В юго-западной стене, на высоте 0.95 м — ниша (выс. 0.50 м, шир. 0.48 м, глуб. 0.70 м). Юго-восточная внутренняя стена в восточном углу заканчивается лестницей в 7 ступеней. В качестве одной из ступеней, второй сверху, использован мраморный импост с крестами на узких сторонах (рис. 87). Размеры импоста: дл. 0.72 м, шир. 0.57 м, выс. 0.26 м, основание квадратное 0.39 × 0.39 м.

В юго-восточной стене имеется дверь шириной 1.30 м, выходящая на улицу; камни почернели и потрескались от огня. Другая дверь в северо-западной стене шир. 0.40 м.

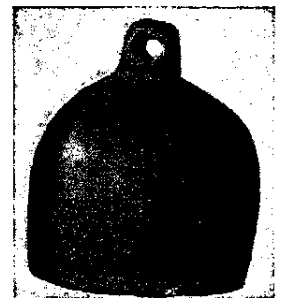
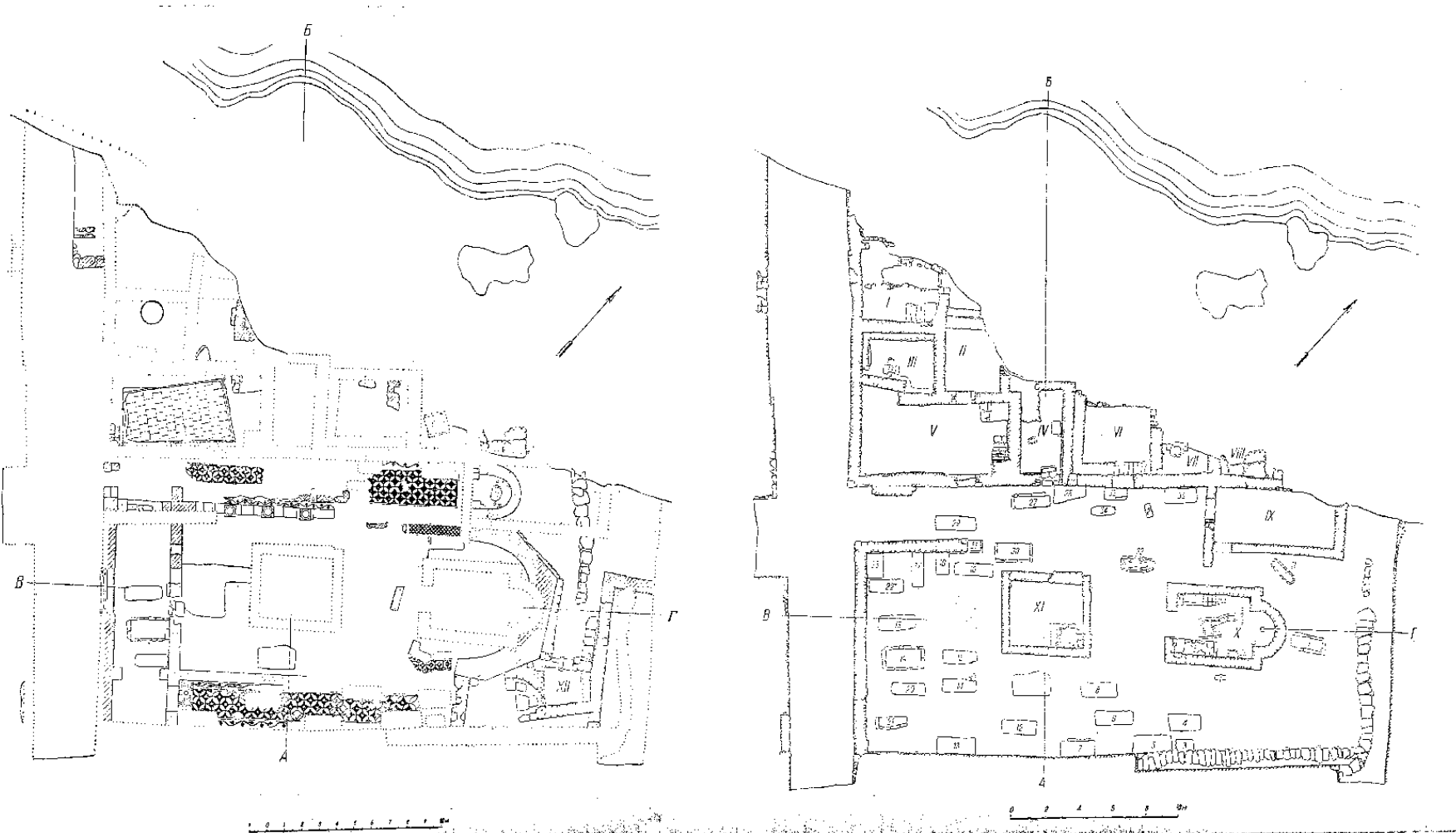

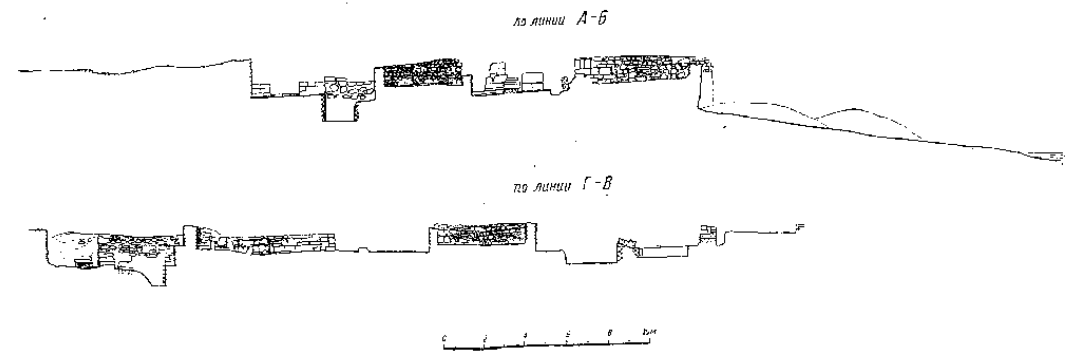
Рис. 86. Бронзовый колокольчик из помещения VI.

ПЛАНЫ И РАЗРЕЗЫ РАСКОПА 1932 г. НА СЕВЕРНОМ БЕРЕГУ

Архитектурные планы различных и ранне-средневековых периодов

Архитектурные планы различных средневековых периодов

0 1 2 3 4 5 6 7 м

Северный угол помещения разрушен морем до основания; северо-западная стена сохранилась плохо, северо-восточная — лучше. Наружная юго-восточная стена стоит на стене базилики, сложенной на извести и оштукатуренной (возле лестницы, рис. 87). Внутренние стены помещения были обмазаны грязью, сохранившейся в нижней их части.

Помещение VII. Северо-западная стена помещения не сохранилась, она совершенно разрушена морем. Юго-восточная стена принадлежит базилике: сложена на извести и оштукатурена; дверь в ней при устройстве помещения была заложена. Пол покрыт слоем обломков черепиц, толщиной около 0.20 м, лежащим на толстом слое угля и сажки. Возле юго-восточной стены на полу имеется глиняная обмазка пола желтого цвета. Возле северо-восточной стены, на расстоянии 0.90 м от восточного угла, на полу лежало небольшое количество остатков рыбы. На полу найдены: обломки черепиц с клеймами К, В, изображение всадников вправо и влево, обломки красноглиняных амфор, поливных мисок и кувшина из белой и красной глины, краснолаковый обломок с рельефным орнаментом, большое количество железных гвоздей, астрагал.

В помещении находится колодец диаметром 0.70 м снаружи и 0.40 м внутри (рис. 88). На стенах колодца сверху лежали обломки железного стержня, приставшие к плитам.

После раскопки второго и третьего слоев обнаружена вся верхняя часть колодца, состоящая из пяти рядов кладки высотой 1.50 м с юго-восточной и 1.75 м с северо-восточной стороны.

Верхние три ряда сложены из плит, вытесанных полукругом и положенных на ребро; в четвертом ряду лежит одна плита, отверстие которой имеет диаметр 0.57 м, наружные размеры $1.05 \times 1.05 \times 0.20$ м; пятый ряд лежит на скале, размеры $1.30 \times 1.30 \times 0.20$ м.

Диаметр колодца к низу становится постепенно шире: в скале он равняется 1.20—1.30 м. Углубление колодца в скале имеет неправильную форму, стенки обработаны грубо. Внутри весь колодец заполнен камнями и небольшим количеством рыхлой земли. В колодце найдена на глубине 3 м от верха медная монета — 2 копейки Павла I, 1801 г.

(№ 147). Следовательно, окончательно был засыпан колодец в очень позднее время — в XIX в.

Помещение VIII. От него сохранился только южный угол, остальные стены разрушены морем; первый слой здесь не сохранился.

Помещение IX. Размеры помещения: дл. 7.20 м, шир. 3.10 м. Стены сложены из бутовых камней на грязи, северный угол разрушен морем; в юго-восточной стене возле южного угла есть пролом шириной 0.80 м. Дверь (шир. 1.25 м) в помещении вела с юго-западной стороны, с продольной улицы, которая упиралась в помещение IX. На полу под завалом камней лежал слой сажки, угля и черной земли — следы пожара, толщиной 0.20 м, в котором найдены: обломки черепиц с клеймами в виде изображения всадников; бронзовая держава для люстры, обломки красно- и белоглиняной поливной посуды, красноглиняных горшков и амфор с граффити, стеклянной посуды синего и зеленого цвета, железные гвозди, рыболовный крючок, цилиндрическое грузило, рога быка. В восточном углу в завале было много обломков толстых кирпичей различных размеров; возле юго-восточной стены на полу лежал нижний жорнов из ракушечника (диам. 0.40 м) выпуклой стороной вниз. На полу же стояла мраморная база (диам. 0.40 м, выс. 0.13 м). В слое встречались известняковые плиты с выемками и валиком по краю, обломок ступы.

ВЫВОДЫ

1. Архитектурных остатков эллинистического периода в квартале 1932 г., как и в квартале 1931 г., сохранилось очень мало. Мелкие на-

Рис. 87. Юго-восточная стена с лестницей в помещении VI.

Рис. 88. Кладка колодца в помещении VII после раскопки до скалы.

ходки нижнего слоя (керамика, монеты и пр.) относятся к III—I вв. до н. э. и подтверждают наш вывод в отчете 1931 г., что этот район был заселен сравнительно поздно, не ранее III в. до н. э.

2. Громадная цистерна, с большим количеством оставшейся в ней соленой хамсы, датируется ранним римским периодом (вероятно, I в. н. э.). Эта цистерна, совершенно аналогичная оштукатуренным цистернам, открытым в 1931 г., подкрепляет наше предположение (см. выше) о времени существования и о назначе-

нии этих цистерн: все они принадлежат раннеримскому периоду и служили для засолки рыбы. Большое количество таких цистерн свидетельствует о широком развитии рыболовства и о вывозе рыбы.

3. В период раннего средневековья в квартале была построена базилика (VI—VII вв.), которая просуществовала до конца X в. В конце X в., или на рубеже X—XI вв., во время сильного разрушения, постигшего, вероятно, весь город, базилика погибла.

4. В следующий период базилика была покрыта толстым слоем мусора, который свозили сюда (вероятно, из центральной части города, которая стала отстраиваться после катастрофы) в течение долгого времени (примерно, в XI—XII вв.). Руины базилики в этот период были обращены под кладбище: здесь устроены были могилы-усыпальницы, погребения в которых совершались в большом количестве в течение нескольких столетий.

5. Несколько позднее (примерно, в XIII в.) на развалинах базилики и около нее, на толстом мусорном слое, были построены: часовня, при ней сторожка и помещения I—IX. Таким образом в это время происходит вновь расширение территории города и заселение района, пустовавшего, повидимому, в течение двух столетий (XI—XII вв.). Характерно, что планировку зданий и улиц в этот период производили часто заново, не считаясь с архитектурными остатками предыдущего периода, погребенными под мощной мусорной насыпью: напр. над северным нефом базилики прошла улица и т. д.

Характеристика зданий и их инвентаря, социального состава населения и его занятий в поздний период, данная нами для того же времени в 1931 г., вполне приложима и в отношении позднего строительного периода квартала раскопок 1932 г.

Раскопки 1932 г. дали ряд ценных материалов как для истории архитектуры (базилика, жилые дома, кладовые, цистерна), так и для истории хозяйства, быта, погребального обряда искусства и для истории города в целом.

1933

Раскопки 1933 г. являлись продолжением раскопок 1931—1932 гг. и производились на северо-западном берегу Херсонеса, к востоку от участков раскопок предыдущих лет. Раскопанный в 1933 г. участок находится между двумя поперечными улицами, которые являются границами раскопанного квартала с юго-западной и северо-восточной сторон. С юго-восточной стороны границей служит сплошная стена, с северо-западной — море (табл. III).

На поверхности участка, в юго-восточной его части, находилась большая яма, длиной около

8 м, глубиной около 1.50 м. Другая яма была в южном углу участка. Обе ямы сверху заполнены камнями. Середина участка представляла бугор, имевший направление с юго-запада на северо-восток. На поверхности его видна была кладка стены. Под прямым углом к продольному бугру в северо-восточном конце участка находился поперечный бугор, также с остатками стены на поверхности. Поперечный бугор заканчивался на берегу отвесным обрывом высотой около 2.50 м; бугор выступает к морю на 3 м внизу и на 5 м вверху из общей

линии берега. По сторонам бугра были глубокие, почти до скалы, выемки с наклонной поверхностью к морю; повидимому, здесь были ямы позднего происхождения, от которых сохранились только юго-восточные стороны. В юго-западном конце берег представлял обрыв культурного слоя, размытого морем. Между морем и культурным слоем находится обнаженная скала, сильно разрушенная прибоем; ширина скалистой полосы берега около 10—15 м (см. план и разрез на табл. III). В 1932 г. здесь на скале были расчищены три длинных выемки (см. план).

Размеры раскопанного участка: дл. 32 м, шир. от 10 до 20 м, общая площадь около 500 кв. м. В 1933 г. на данном участке был раскопан только первый слой.

Раскопки начаты были с западного угла участка, от поперечной улицы, раскопанной в 1932 г., и производились сначала от моря, а потом в юго-восточной части квартала. Всего раскопано 12 помещений, принадлежавших, повидимому, двум жилым комплексам.

Помещение I—двор. Стены, ограничивающие это большое помещение, имеющее неправильный план, сложены из небольших бутовых известняковых камней на грязи; кладка юго-восточной стены лучше других; в ней была деревянная балка для связи; от нее после пожара образовалась в стене горизонтальная выемка. В стене две двери, ведущие в помещения II и III. Юго-западная стена плохой кладки и меньшей толщины (0,50 м), чем другие; эта стена была, очевидно, забором,

Рис. 89. Кладовая в помещении II (вид с северо-запада).

отделявшим помещение от улицы. Сохранившаяся высота стен 0,40—1,00 м.

В южном углу помещения находится печь. Основание печи, размерами 1,45 × 1,45 м, сложено из камней (выс. 0,40 м). Под печи вымощен в северо-восточном конце кирпичами и мраморной плиткой, в остальной части сделан из сырой глины, потрескавшейся на мелкие куски. Выше пода сохранились частично стены печи; в нижнем ряду имеются крупные кирпичи, кладка остальных рядов из обломков черепиц. Печь была круглой в плане и имела сводчатое перекрытие; стенки имели наклон внутрь, сохранились с юго-восточной и юго-западной сторон на высоту 0,15—0,30 м; верх разрушен, так как печь находилась близко к поверхности, всего на глубине 0,30 м.

С северо-восточной стороны печи на полу высокая площадка, размерами около 1,80 × 1,75 м; на ней возле северного угла печи лежит камень. На полу возле печи много золы, сажи и кусков угля. Следы пожара особенно хорошо видны в дверях: плиты косяков сильно потрескались и получили красноватый цвет. В остальной части пол помещения слабо утопанный, обломков черепиц на нем не найдено, очевидно, крыши над этим помещением не было. По всем данным это был двор помещений II и III.

Находки на полу: около печи на площадке лежала глиняная амфора конусовидной формы с желобчатой поверхностью внизу и мелкорифленой на плечах; в восточном углу лежал известняковый жорнов; в северо-восточной части найдена часть мраморной ступки с ушком; обломки глиняной посуды, покрытой поливой желтого цвета по красной глине, с гравированным орнаментом и прозрачной поливой по белой глине, с „акварельным“ орнаментом, обломки стеклян-

Рис. 90. Железная гребенка из помещения III.

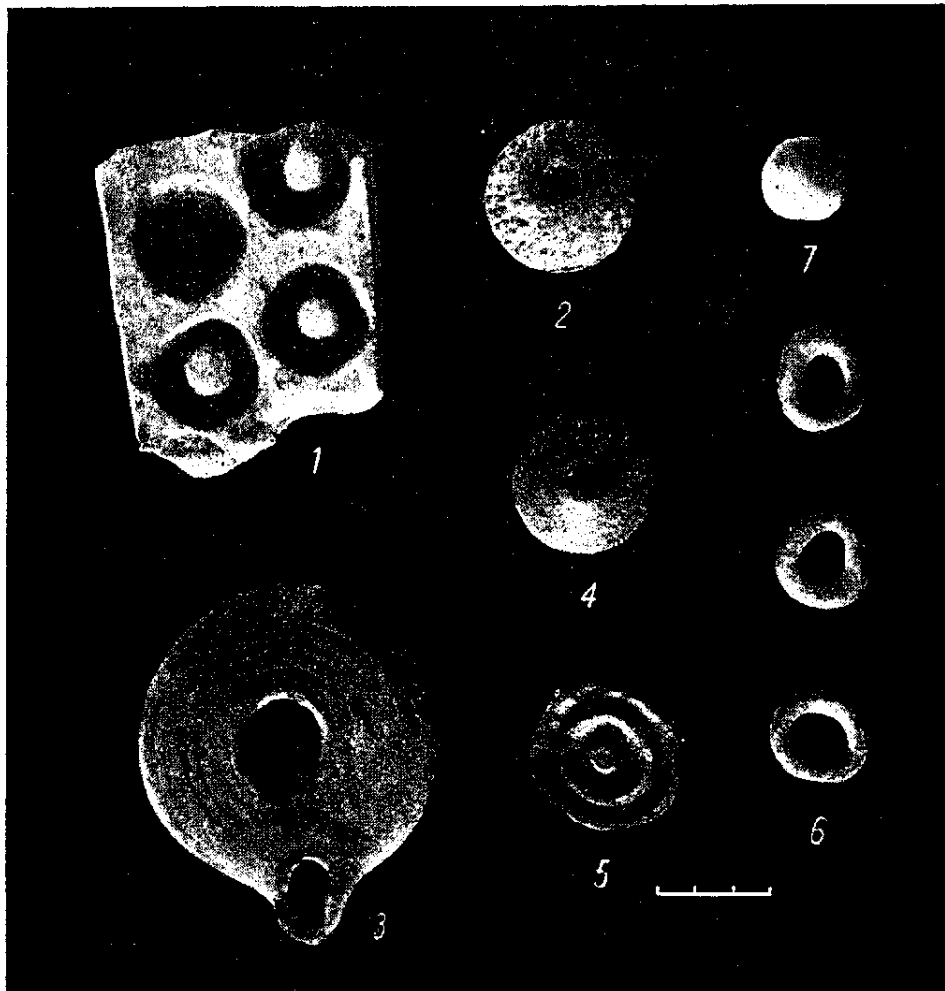

Рис. 91. Вещи из помещений IV, V, VII и VIII.

1 — матрица глиняная для отливки свинцовых грузил; 2 — прясло глиняное; 3 — светильник глиняный; 4 — прясло глиняное; 5 — глиняная матрица; 6 — свинцовые кольцевидные грузила; 7 — глиняный шарик.

ных браслетов, двух витых синего цвета и одного круглого в сечении черного цвета; железные гвозди; осколки чугуновых ядер и картечь; кости и рога крупного рогатого скота; на полу возле печи найдена бронзовая монета Юстиниана I; на черепицах встречались клейма в виде буквы К и распятия.

Помещение II. На поверхности до раскопок была глубокая яма, повидимому, времени Крымской войны 1854—1855 гг., вытянутая с юго-запада на северо-восток через помещения II, III и частично XI. В яме были найдены обломки французских глиняных флажек, стеклянной цветной посуды и некоторые военные принадлежности. Нетронутый культурный слой частично сохранился возле северо-западной и юго-западной стены. Слой представлял завал камней толщиной 1.10—1.50 м, под которым на полу помещения лежал слой обломков черепиц.

Стены помещения сложены из небольших бутовых камней на грязи, сохранились в высоту на 0.70—1.00 м. Северо-восточная стена помещения и часть пола при устройстве ям были разрушены (см. план). В стенах были деревянные балки; от них остались выемки

на высоте 0.70 м от пола. От северо-восточной стены сохранились лишь небольшие остатки в концах. В восточном углу была дверь в помещение III; здесь стоит косяк двери в виде большой плиты на ребро. Возле юго-западной стены, на расстоянии 2 м от западного угла, на полу лежали два ряда плит, а между ними и северо-восточной стеной на полу вдоль юго-западной стены лежал обломок мраморной колонны.

В западном и северном углах помещения на полу небольшие ямки; в них были куски угля, кости рыб и домашних животных — астрагалы. На полу найдены: обломок глиняного светильника с рубчиками, железные гвозди; во шве северо-западной стены найдена бронзовая монета плохой сохранности. Вдоль юго-западной стены, в южном углу, на полу лежали куски сгоревшей балки. Пол помещения твердый, сильно утоптаный, с наклоном от юго-западной стены к северо-востоку.

Кладовая в помещении II. В юго-восточном конце помещения подвальная кладовая. До раскопок здесь была глубокая яма, заполненная камнями.

В нижней части завала камней, которыми было засыпано помещение кладовой, встречались штучные, хорошо отесанные плиты; в двух из них имеются в выемках по два железных пилона; найдено также несколько клинбев арок с гравированным орнаментом и остатками раскраски красного цвета.

Непосредственно на полу, в рыхлой земле, лежали в большом количестве обломки черепиц, посуды, железные гвозди, куски угля и масса сажи, окрасившей пол в совершенно черный цвет.

Наружные северо-восточная и юго-западная стены кладовой являются продолжением стен помещения II, кроме того, в кладовой имеются внутренние стены (рис. 89), опущенные ниже пола помещения II на 1.70 м. На внутренних стенах, несомненно, был деревянный пол, что подтверждается обилием сажи и кусков угля. По своему устройству кладовая совершенно аналогична помещениям III и VI раскопок 1932 г. и помещению III раскопок 1931 г.

На внутренних стенах кладовой сохранилась глиняная обмазка; во швах проложены обломки черепиц. В юго-западной стене небольшая ниша, на высоте 0.85 м от пола. Пол кладовой плотно утрамбованный, золистый, в нем не-

сколько углублений: три возле юго-восточной стены, одно в восточном углу и одно возле северо-западной стены посередине; в углублениях, по видимому, стояли пифосы.

Находки в кладовой: на слое обломков черепиц лежало каменное корыто дном вверх; на полу обломки пифосов, возле юго-восточной стены, на бортике одного из них, вырезаны буквы; обломки красноглиняных плоскодонных амфор с гравированным орнаментом из прямых и волнистых линий; дно амфоры с остатками обуглившегося органического вещества; обломки горшков и кувшинов с сильно обгоревшей поверхностью, тонкостенных; миска красноглиняная,

с волнистым орнаментом по краю; дно белоглиняной миски с „акварельным“ орнаментом и дно красноглиняной миски с гравированным орнаментом и блестящей поливой; грузила глиняные, одно пирамидальной формы и 6 боченковидных; каменный кружок с конусовидно отесанными краями — пробка или растиралка; два железных замка, из них один круглый, плоский, другой цилиндрический с планкой и тонкой трубкой, параллельной цилиндру; костяная ручка ножа; обломки стеклянной посуды и браслетов; гвозди железные и

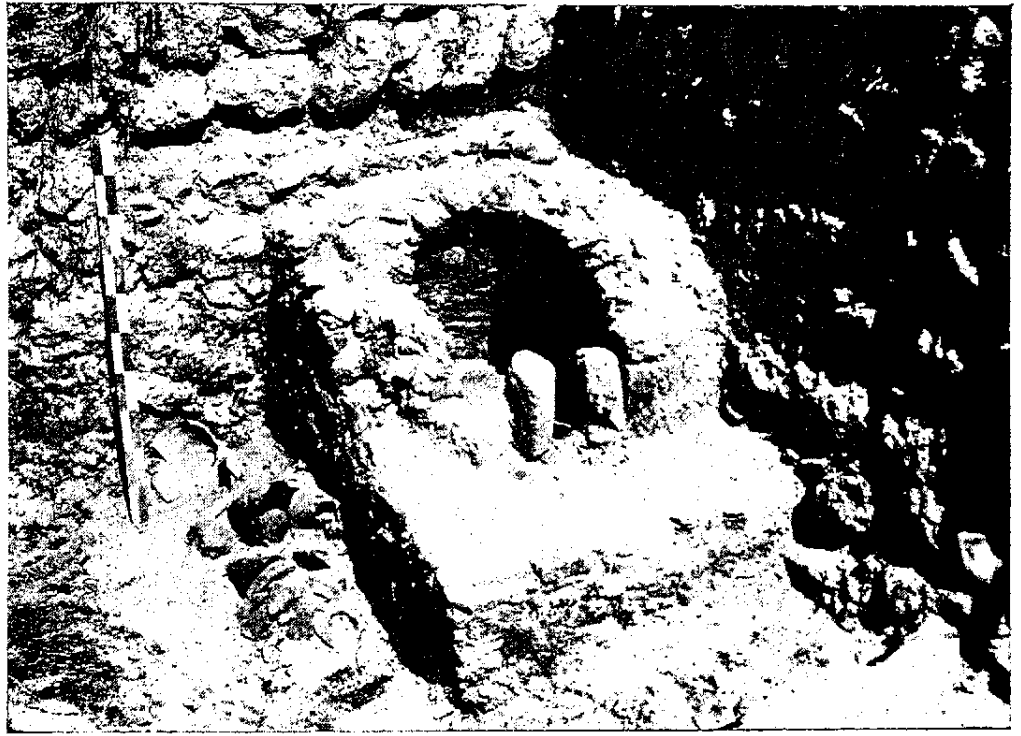

Рис. 92. Малая печь в восточном углу помещения V.

один бронзовый; обломки черепиц с клеймами в виде изображения животного вправо и др.; бронзовая монета выпукловогнутая Мануила I Комнина. На полу в разных местах найдено большое количество костей крупных домашних животных — астрагалы; в северном углу и возле северо-западной стены на полу лежали кости камбалы; везде на полу куски угля ясеня и дуба.

На основании этих находок можно считать, что кладовая служила для хранения посуды и других предметов и запасов пищи.

При этом большие сосуды стояли на нижнем земляном полу, мелкая же посуда и некоторые другие предметы, напр. корыто, находились на верхнем деревянном. Деревянный пол, судя по внутренним стенам кладовой, был выше пола помещения II на 0.20—0.30 м. Как кладовая, так и все помещение II в целом было покрыто одной крышей.

Помещение III. Культурный слой сохранился нетронутым только возле северо-западной стены и в юго-восточном конце помещения, посередине помещения слой перерезан ямой (ширина около 5 м). В яме насыпь представляла мусорную землю с мелкими камнями, черепками и ракушками. В ней найдены: несколько

Рис. 93. Большая печь в северном углу помещения V.

Рис. 94. Устье большой печи.

обломков человеческого черепа; обломки стеклянных браслетов; железная втулка и обломок железной округлой пластины с тремя отверстиями; железная гребенка с длинными, часто посаженными зубьями, вделанными в деревянную планку, покрытую железной оправой (рис. 90), аналогичные гребенки были найдены в 1931 г.

В сохранившемся культурном слое возле северо-восточной стены найдены: дно поливной миски с графито в виде буквы К, железные гвозди, железный крючок с петлей, обломки черепиц с клеймами В, Е, К.

Стены помещения сложены из небольших бутовых камней; на высоте 0.55 м в стенах были деревянные связи, углубления для которых были выровнены обломками черепиц. Сохранившаяся высота стен: 0.70—1.00 м. План помещения неправильный; к юго-востоку оно сильно суживается: длина северо-западной стены 4 м, а противоположной ей юго-восточной стены только 2.20 м. Северо-западная часть помещения III была покрыта крышей; в ней был очаг, пол здесь утопанный; несомненно, это было жилое помещение.

Пол в юго-восточном конце слабо утопанный, без следов пожара и без обломков черепиц; крыши над юго-восточным концом не было. Напротив, в северо-западном конце на полу было много обломков черепиц и кусков угля. Повидимому, юго-восточный конец представлял особое помещение, отделявшееся от северо-западного помещения стеной, разрушенной при устройстве ямы. В юго-восточную часть вела дверь из помещения II, кроме того, наверно, была дверь и из северо-западной части помещения III.

В северном углу находится очаг, сложенный из каменных плит; с юго-западной стороны для стенки очага использована часть ступы. Размеры очага: дл. 1.25 м, шир. 0.50 м. В середине очага была зола, кости домашних животных и олений рог.

Помещение IV. Повидимому, оно служило двором для помещения V. План двора неправильный; юго-западная стена имеет в середине излом и сохранилась плохо; высота сохранившихся стен 0.40—0.90 м; северо-западная стена не сохранилась. Под завалом каменной толщиной 0.50—0.90 м на полу найдены: обломки железных пластинок, обломки белоглиняной с „акварельным“ и красноглиняной с гравированным орнаментом поливной посуды; на одной из них граффито К; матрица глиняная с кольцевидными углублениями на 4 сторонах для отливки свинцовых грузил (рис. 91, 1);

обломок стеклянного синего браслета; прясло глиняное конусовидной формы, украшенное насечкой (рис. 91, 2); оселок из коричневого камня; опиленный олений рог; ядрышко светло-серого цвета; железные гвозди. Возле юго-восточного косяка двери, ведущей в помещение V, на полу, рядом с плитой, стоявшей ребром, лежала глиняная плохого обжига энохоя. В плите имеется большая выемка с отверстием на одном конце и выступом на противоположном. Плита служила, вероятно, раковиной для воды; ее размеры: дл. 0.60 м, шир. 0.52 м, выс. 0.15 м, глуб. 0.08 м. Возле юго-западной стены лежал головой на юго-запад человеческий остов, сильно истлевший; череп в обломках, кости рук и ног лежали отдельно, в беспорядке. В западном углу частично сохранился водосток из каменных плит: дл. 1.90 м, ширина канала внутри 0.20 м, глуб. 0.30 м. Между водостоком и северо-восточной стеной на полу был толстый слой саж и обломков черепиц.

Помещение V. До раскопок здесь был высокий бугор, на середине которого находилась северо-восточная стена помещения V. Внутри помещения слой состоял из сплошного завала камней (толщ. 1—1.70 м). Под камнями лежал толстый слой обломков черепиц, на полу — слой саж и куски угля.

Кладка стен помещения из бутовых камней на грязи; во швах обломки черепицы. Северо-восточная стена между печами и нижние ряды остальных стен обмазаны желтой глиной. В стенах деревянные связи; выемки для них находятся на высоте 1 м в юго-восточной стене и 0.55 м в остальных стенах. Верх северо-восточной стены сильно наклонился внутрь и вскоре после раскопки упал. Сохранившаяся высота стен: 1.20—1.80 м. Западный угол помещения находится на обрыве и разрушен более других. План помещения неправильный: длина юго-западной стены 6 м, северо-восточной 5.10 м. Длина юго-восточной стены 3.65 м, северо-западной 2.90 м.

В помещении две печи: большая в северном углу и малая в восточном. Малая печь имеет следующие размеры: длина фундамента 1.20 м, шир. 0.95 м, высота шестка 0.30 м, ширина его 0.35 м. Диаметр печи внутри 0.70 м, выс. 0.50 м; размеры устья печи 0.30 × 0.30 м. Фундамент печи и северо-западная стена ее сложены из мелких камней и обмазаны желтой глиной (рис. 92). Стенки самой печи сложены из обломков черепиц и амфор, сильно обтертых, повидимому, в море; кладка на глине. Глиной же был обмазан и свод; в момент раскопки осыпавшаяся глина была обнаружена на полу печи. Под вымощен 4 черепицами, положенными кверху оборотной стороной. В нижнем ряду кладки есть крупные кирпичи; всего сохранилось около 15 рядов из обломков черепиц. В устье печи стоят на насыпи два каменных столбика из коричневого песчаника; один из них, западный, помещается на глиняном кувшине: повидимому, столбики были поставлены в то время, когда печь уже была истоплена; они служили заслонкой устья. Западный угол печи разрушен обвалом камней. На полу печи найдены куриные кости. На полу возле шестка лежали кости крупных домашних животных.

Большая печь (рис. 93) имеет следующие размеры: длина фундамента 2.30 м, шир. 1.65 м, ширина шестка 0.70 м, выс. 0.50 м. План печи внутри почти круглый, диаметр ее с юго-запада на северо-восток 1.40 м, с северо-запада на юго-восток 1.20 м, высота внутри 0.50 м. Основание печи и юго-восточная стена сложены из камней на глине; стены печи внутри сложены из обломков черепиц (в нижнем ряду есть несколько крупных

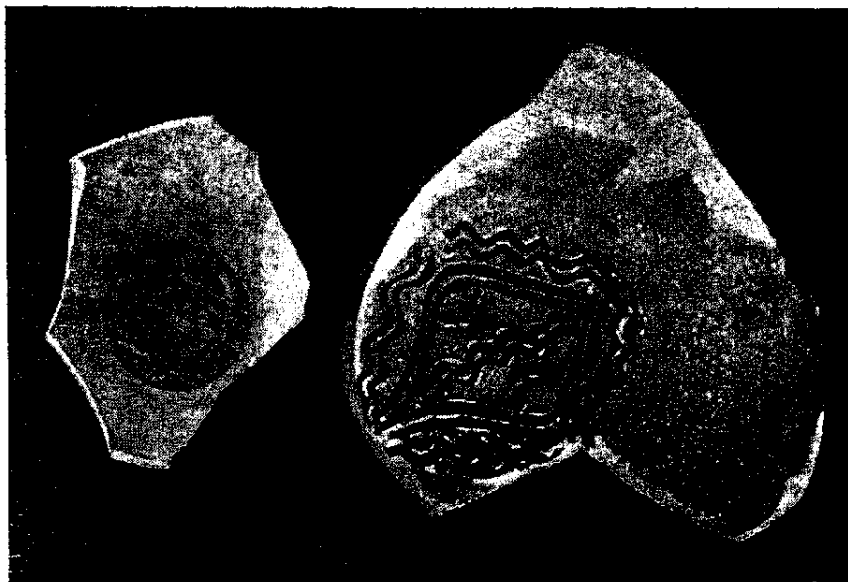

Рис. 95. Поливная посуда из красной глины с гравированным орнаментом.

кирпичей); кладка, на желтой глине, сохранилась в 15—17 рядов. Верх свода и южный угол разрушены обвалом. Под печи вымощен тремя рядами черепиц; их размеры 0.33 × 0.40 и 0.30 × 0.38 м. Устье печи, размерами 0.35 × 0.35 м, устроено из песчаниковых плит и перекрыто такой же плитой, найденной во время раскопки на шестке; при обвале и разрушении печи юго-западный косяк ее принял наклонное положение (рис. 94). На полу печи лежала желтая глина, упавшая со свода. Внутри печи был завал камней, рыхлая земля и мелкие ракушки конусовидной формы и улиток. На шестке лежали крупные куски угля — часть широкой деревянной балки (рис. 93). На полу возле шестка много саж, золы и кусков угля.

С северо-западной стороны малой печи на полу находилась раздавленная глиняная посуда:

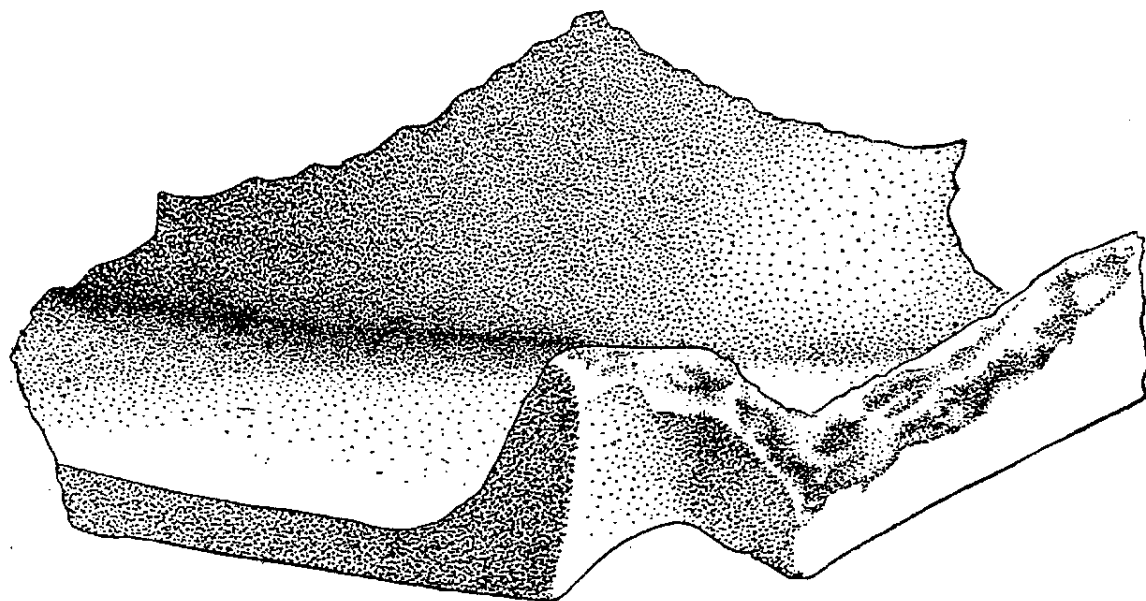

Рис. 96. Черепица с отверстием для трубы из помещения V.

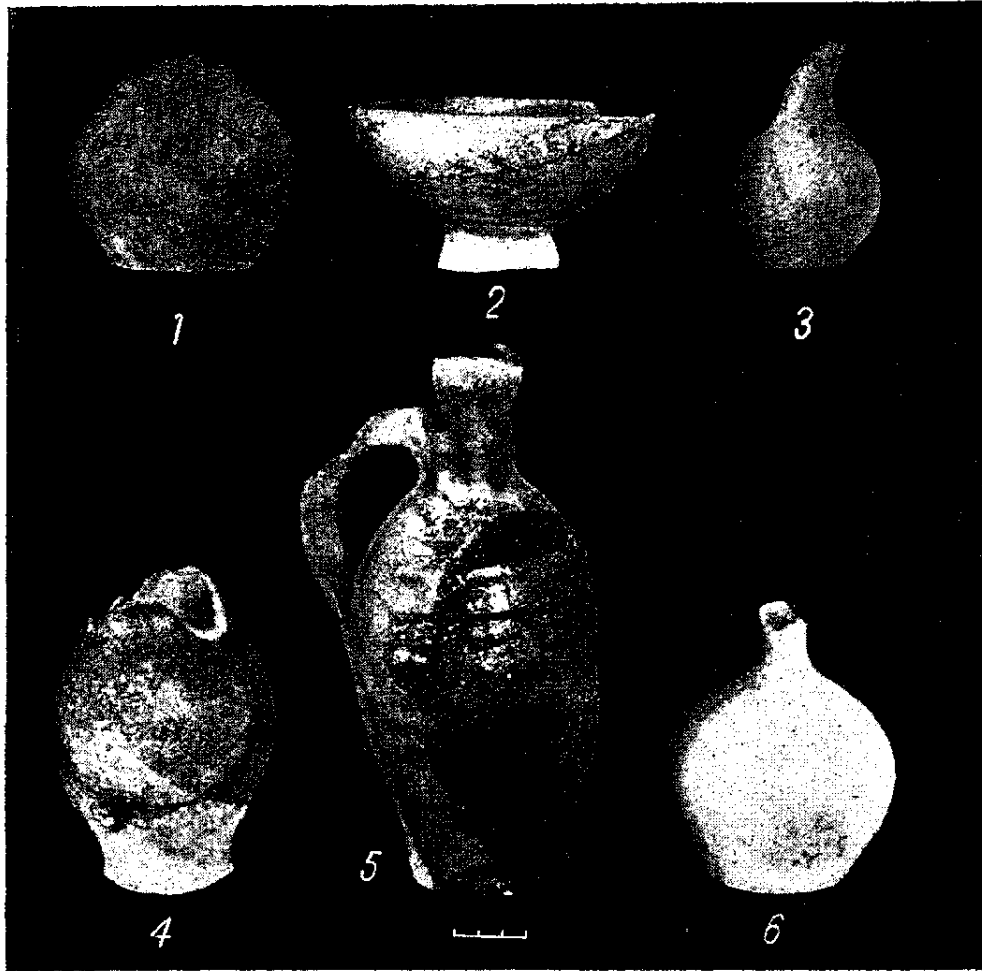

Рис. 97. Кувшины из помещения V и белоглиняная чашка из помещения IX.

две амфоры конусовидной формы с рифленой поверхностью на плечах и желобчатой внизу; два тонкостенных обгорелых горшка; доньшки поливных мисок с гравированным орнаментом (рис. 95); железный предмет в виде обоюдоострого меча с втулкой, в которой сохранились остатки деревянной ручки; железный крючок, большое количество железных гвоздей. Возле юго-восточной стены — глиняный светильник с плоским щитком и маленьким носиком (рис. 91, 3) и каменный оселок темносинего цвета. На восточном углу малой печи — глиняный кувшин (рис. 92). На шестке большой печи — миска из красной глины с гравированным орнаментом, покрытая светлозеленой поливой. Вверху на западном углу большой печи — полукруглая черепица — калиптер, на своде печи — обломок плоской черепицы с отверстием для трубы (рис. 96). Между юго-западной стеной и большой печью на полу найдены: кувшин белоглиняный, покрытый зеленой поливой (рис. 97, 5); два маленьких кувшинчика без поливы (рис. 97, 1 и 3); обломки кувшина с длинным носиком в виде трубочки, украшенного рельефным орнаментом; обломки другого кувшина с гравированным орнаментом в виде горизонтальных и вертикальных линий, обломки стеклянных браслетов.

В южном углу лежали: глиняный сосуд с крупными отверстиями на дне и стенках; обломки бело- и красноглиняных мисок, покрытых поливой; пестик из камня коричневого цвета, обломки мраморных алтарных плит. На черепицах клейма (рис. 98, 1, 8, 3, 24, 32) и изображение птицы.

Пол помещения плотно утрамбованный, черный от толстого слоя сажи и угля. Пол неровный; большая яма находится между печами и глубокая яма возле западного угла малой печи, сильно осевшего в яму. Порог в двери в один ряд камней; косяки двери сильно потрескались от огня.

Наличие двух печей в одном помещении указывает на его назначение: повидимому, здесь была пекарня, выпекавшая хлеб на продажу. Это тем более вероятно, что и третья печь, находившаяся в помещении I, принадлежала, повидимому, одному и тому же дому и, следовательно, одному хозяину.

Помещение VI. Первый слой состоял из завала кам-

ней; под камнями лежала масса обломков черепиц, на полу большое количество обломков глиняной посуды, железных гвоздей и слой сажи. От помещения сохранилась только юго-

Рис. 98. Рельефные клейма на черепицах из помещений позднесредневекового периода.

восточная стена, смежная с помещением V, остальные стены разрушены морем и при устройстве в этом месте позднейшей ямы.

Найдены на полу: обломки пифоса с кольчатым орнаментом на плечах, обломки двух амфор с высокими дугообразными ручками; обломки горшка; большого блюда с схематическим изображением животного; обломки мисок из красной глины с гравированным орнаментом и одна из белой глины с „акварельным“ орнаментом; обломки белоглиняных кувшинчиков, покрытых зеленой поливой, плохой сохранности. В северо-западной части помещения найдены 4 бронзовых рыболовных крючка, дно конусовидного стеклянного сосуда и верхняя часть стеклянного флакона, обломки плоского стекла, железная втулка-обломок. Посредине пола большая яма глубиной до 0.40 м; местами на полу сохранилась глиняная обмазка желтого цвета.

В южном углу, возле юго-восточной стены, находится очаг, устроенный из двух больших плит, поставленных на ребро с наклоном наружу; между плитами лежали несколько мелких камней, зола, сажа, уголь и кости животных — астрагалы. На больших плитах имеются поперечные желобки, расположенные друг против друга и служившие для перекладки

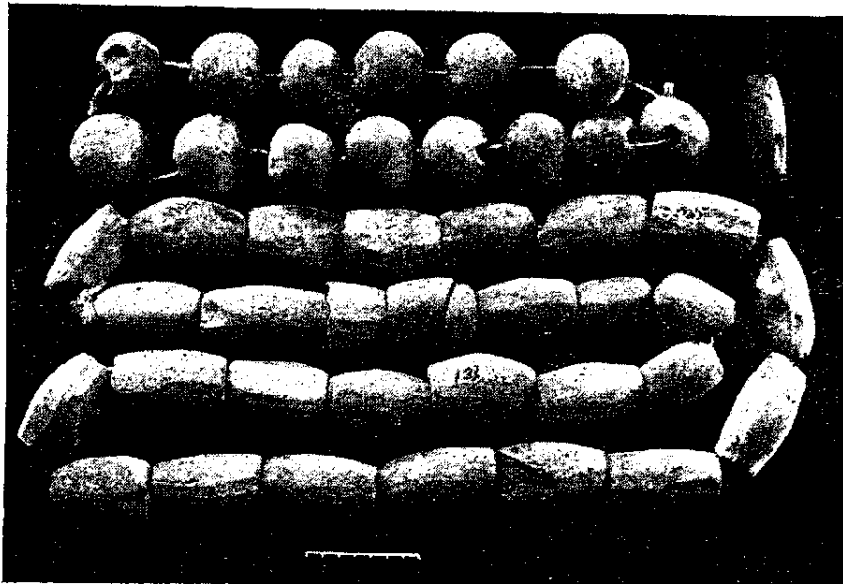

Рис. 100. Шаровидные и боченковидные грузила из помещения VIII.

или вертела над очагом. С юго-западной стороны очага в полу стоит большая плита с углублением в середине; размеры плиты: $0.65 \times 0.55 \times 0.40$ м, диаметр углубления 0.21 м, глуб. 0.33 м. Из центрального углубления идет небольшое сквозное отверстие, горизонтально расположенное и выходящее наружу с северо-западной стороны. Плита служила, вероятно, ступой для размола зерна (аналогичные ступы были найдены как в 1931 г., так и в 1933 г., в помещении VIII).

Помещение VII. На полу лежали обломки черепиц, сажа и большое количество обломков глиняной посуды: амфора с конусовидным корпусом и рифленой поверхностью; красноглиняная тарелка, покрытая желтой поливой, с гравированным изображением мужской фигуры в фас, с нимбом вокруг головы и большим крестом в руках; миска с гравированным изображением женского бюста, покрытая светложелтой поливой, с граффито на дне (рис. 47, 17); обломки мисок, покрытых желтой поливой, с таким же граффито на дне; обломки двух белоглиняных мисок; 5 глиняных грузил цилиндрической формы и два свинцовых кольцевидных грузила (рис. 91, б); костяная ручка ножа; обломок бронзовой чашки, железный предмет с втулкой и крючком (рис. 99); бронзовый предмет в виде плоской коробки, полый внутри, открытой с широкого конца, с ушком на противоположном конце; держава железная с тремя кольцами от цепочек; две железные петли; звенья железной цепи, вероятно, от весов; гвозди железные и обломки железных предметов; на черепицах имеется клеймо в виде сапога (?); кости животных — бараньи.

На полу, около северо-восточной стены глубокая яма; северный угол помещения разрушен; поэтому от северо-западной и северо-восточной стен сохранились только нижние ряды в западном и восточном углах высотой

Рис. 99. Железный предмет с втулкой и крючком.

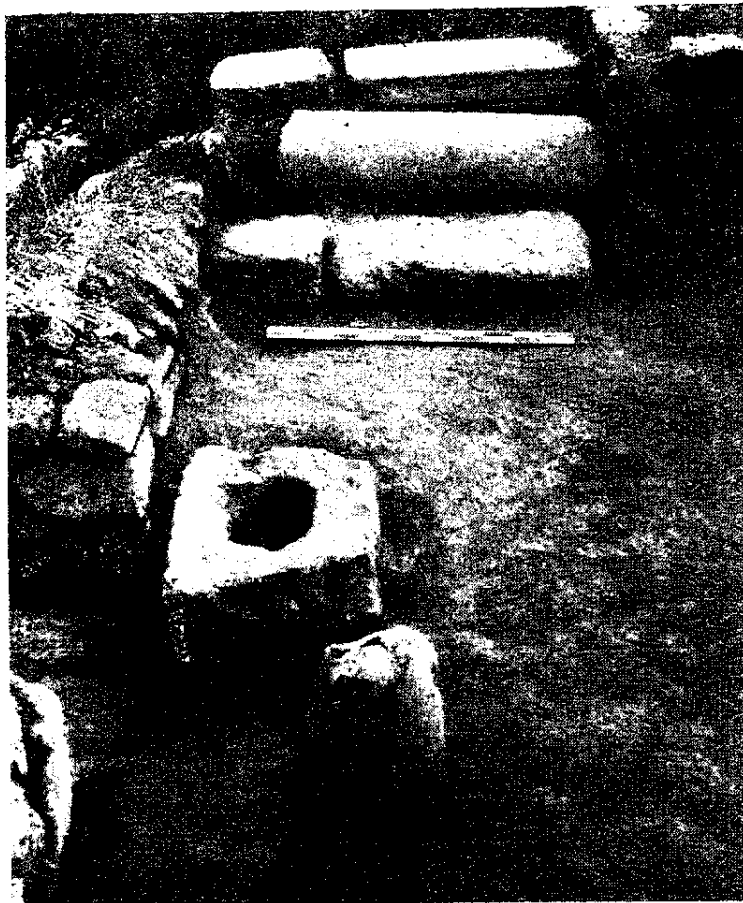

Рис. 101. Лестница из помещения VIII на улицу, на первом плане ступа и столб для опоры рычага с пестом (вид с юго-запада).

1 м; высота стен в южном углу 1.80 м. В юго-восточной стене дверь, позднее заложённая камнями; помещение перестроено: в юго-западной стене внизу имеется один ряд кладки более раннего помещения, юго-западная стена построена впритык к юго-восточной. На высоте 1.15 м в юго-восточной стене имеется выемка от сгоревшей деревянной связи. Уровень пола этого помещения значительно ниже пола соседних помещений VI и VIII. Так как северо-западная и северо-восточная стены разрушены, то невозможно установить, были ли двери в помещение VI и на улицу.

Помещение VIII. Кладка стен из бутовых камней; в восточном углу на нижних рядах сохранились остатки известковой штукатурки. План помещения неправильный: длина юго-западной стены 5.55 м, противоположной северо-восточной стены — 5 м. Сохранившаяся высота стен 0.80—1.10 м. На полу, под сплошным завалом камней, обнаружено большое количество обломков черепиц. Возле северо-западной стены, на полу, лежала раздавленная амфора с остатками кефали. Возле северо-восточной стены около ступени двери найдены глиняные грузила — 30 боченковидных и 14 шаровидных (рис. 100). На расстоянии 1.50 м от двери к юго-западу, на полу, лежал нижний жорнов (диам. 0.48 м), разбитый пополам. Около северо-восточной стены найдены: желез-

ный замок круглой формы, прясло глиняное конусовидное (рис. 91, 4), оселок с отверстием на конце. На расстоянии 2 м от восточного угла, возле той же северо-западной стены, лежал маленький глиняный кувшинчик с шаровидным корпусом (выс. 0.12 м). В южном углу на полу был кусок обуглившегося дерева (дл. 0.50 м). На полу помещения найдены: обломки красноглиняной поливной посуды; на одной из тарелок графито X; обломки блюда с дырочками для скрепления; обломки белоглиняной посуды с осыпавшейся поливой; обломки глиняного кувшина с рельефным орнаментом; матрица глиняная с двумя концентрическими кругами (рис. 91, 5); глиняный шарик (рис. 91, 7); каменное ядрышко белого цвета; верхняя часть стеклянного синего флакона; обломки стеклянных браслетов — круглого и витого в сечении; железный стержень-обломок; железное орудие в виде широкого долота со втулкой; железные гвозди и бесформенные железные обломки; на черепицах имеются клейма в виде знаков (рис. 98, 23, 25, 27, 28).

В северо-восточной стене имеется дверь на улицу (шир. 1.40 м). Для порога двери использована мраморная плита (дл. 0.90 м), с остатками орнамента на внутренней стороне в виде углублений, расположенных группами по 3 шт. в один ряд (рис. 101). Средней ступенью у двери служит обломок мраморной колонны (дл. 1.20 м, диам. 0.27 м), нижняя ступень сделана из двух известняковых плит.

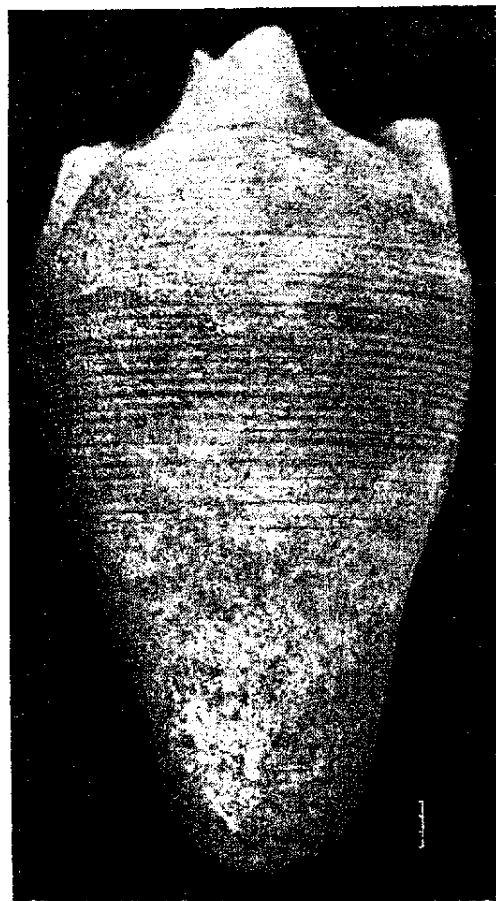

Рис. 102. Амфора из помещения IX.

Возле северо-западной стены, против заложенной двери, в полу стоит массивная каменная ступа (дл. 0.63 м, шир. 0.50 м), с углублением в середине, диаметр которого 0.23 м, глубина 0.35 м. На расстоянии 0.25 м от ступы к юго-западу стоял столб (выс. 0.46 м) с маленьким углублением наверху. Ступа, несомненно, служила для размола зерна, а столб был опорой для рычага с пестом.

Середина пола вымощена несколькими каменными плитами. Имеются еще две двери, ведущие одна в помещение IX (ширина ее 0.65 м), другая в помещение X (ширина ее 1.10 м); в обеих дверях имеются пороги из камней в один ряд.

Помещение IX—кладовая. Кладка стен из мелких бутовых камней на грязи, на высоте 0.80 м в стенах были деревянные связи. Пол помещения, плотно утопанный, покрыт толстым слоем сажи и углей, которые покрывали и лежавшие на полу обломки черепиц. В помещении оказалось большое количество посуды, орудий и других предметов. Посуда стояла возле стен. У двери возле северо-восточной стены лежала конусовидная амфора (рис. 102) с рифленой поверхностью. Возле юго-западной стены лежали обломки плоскодонной амфоры с широким горлом, украшенной рельефным орнаментом на плечах и кольчатым на венчике. В южном углу лежали обломки пифоса и целая черепица с клеймом (рис. 98, 27) и следом лапы собаки. Возле юго-восточной стены стояли три конусовидных амфоры с рифленой поверхностью и одна круглодонная амфора больших размеров. Во всех амфорах остатки рыбы. Возле той же стены лежали обломки двух глиняных сосудов с крупными дырками на стенках и дне (рис. 103); белоглиняная чашка, покрытая прозрачной поливой (рис. 97, 2); обломки нескольких, находившихся в северном углу, белоглиняных кувшинчиков, покрытых зеленой поливой; кувшинчик из коричневой глины с гравированным орнаментом. Кувшинчики и чашка лежали выше пола в насыпи и упали, повидимому, сверху, с полки. В северном углу лежали: бронзовый предмет в виде кружка со стержнем, ключ, бронзовая крышечка с трубочкой вверху, смятая, плоский

Рис. 104. Железные сошники из помещения IX.

железный замок круглой формы и масса обломков черепиц в слое сажи. На расстоянии 1 м от северного угла, возле северо-восточной стены, в углублении пола, лежали два массивных железных сошника друг на друге, острыми концами вниз (рис. 104), размеры одного: дл. 0.39 м, шир. 0.13 м, другого: дл. 0.33 м, шир. 0.12 м. Сошники сильно заржавели и покрыты приставшими к ним обломками черепиц, кусками угля и землей. Вместе с сошниками лежали следующие предметы: железная втулка—обломок; железная рукоятка меча или кинжала; три железных замка круглой формы; замочная петля и планка с отверстием для петли; обломки железных гвоздей; длинная и узкая бронзовая пряжка; бронзовый гвоздь. Около углубления с сошниками на полу лежали три черепицы; из них две кверху оборотной стороной, с клеймами в виде изображения всадников влево, на одной поперек, на другой вдоль черепицы; четвертая целая черепица стояла возле северо-восточной стены рядом с сошниками. С юго-восточной стороны углубления, возле северо-восточной стены, в насыпи, среди обломков черепиц, выше пола, найдено 102 бронзовых рыболовных крючка, лежавшие кучей; некоторые из них спаялись вместе с кусками

Рис. 103. Бронзовая миска и глиняный сосуд из помещения IX.

Рис. 105. Очаг в помещении X; вид с юго-востока (в стене выемка от сгоревшей деревянной балки).

железа в одну массу; длина крючков от 6 до 7.5 см. В восточном углу, несколько выше пола лежала бронзовая миска с вертикальными бортиками (рис. 103). На полу в различных местах найдены: глиняные грузила, одно пирамидальной и три боченовидной формы; маленький оселок шоколадного цвета, овальной формы, с начатыми с обеих сторон углублениями для отверстия на конце; костяной круглый предмет, украшенный поперечными вырезами; ракушки устриц; кости камбалы и домашних животных, бараньи астрагалы. Возле юго-восточной стены, в насыпи выше амфор, найдена бронзовая монета Василия I. На черепицах имеются клейма (рис. 98, 10, 29, 35) и изображение птицы.

По большому количеству найденных в помещении предметов можно считать, что оно служило кладовой, где хранились как орудия — сошники, рыболовные крючки и грузила, так и посуда с запасами рыбы, амфоры, мелкая глиняная и бронзовая посуда, различные металлические изделия — замки, оружие и пр., а также черепицы. Помещение занимает вос-

точный угол дома и имеет только одну дверь, соединяющую его с помещением VIII.

Помещение X. В юго-западном конце в завале камней, заполнявшем помещение, сверху лежала плита $0.55 \times 0.50 \times 0.33$ м, с отверстием в середине, диаметром 0.13 м. На полу обнаружен слой обломков черепиц, сажа и куски угля. Возле северо-западной стены находится очаг (рис. 105), сооруженный из плит, поставленных на ребро вдоль стены, и плит, положенных под прямым углом к стене, на концах очага. На очаге — кости крупного рогатого скота, кабаньи клыки, кости камбалы и пр. Стена над очагом обмазана глиной желтого цвета; выемка в стене для деревянной связи также

обмазана и выровнена глиной. Против северо-западного косяка двери, ведущей в помещение VIII, выступ в два ряда кладки; в углу, между этим выступом и северо-восточной стеной, на полу стояла черепица и лежал точильный камень.

Возле юго-западной стены, вплотную к ней, стояли: обломок толстой мраморной колонны с рельефным пояском вверху и углублением сверху и массивный известняковый ку-

Рис. 106 Помещение X и часть помещения XII (вид с северо-востока),

бической формы (рис. 106); колонна и камень, вероятно, служили сиденьями. С северо-западной стороны колонны на полу лежал большой точильный камень, вытертый со всех четырех сторон. Между кубическим камнем и колонной в полу плита (рис. 106), в южном углу на полу в горизонтальном положении черепица, оборотной стороной кверху, с клеймом. На обломках других черепиц также были клейма (рис. 98, 7, 30, 18). На полу найдены обломки красноглиняной миски, покрытой желтой поливой, с гравированным орнаментом в виде заштрихованного кольца и железные гвозди. На всех камнях очага и стен следы огня; камни потрескались и стали красноватого цвета, края же мраморной колонны и кубического камня от сильного огня откололись.

Кладка юго-западной стены не одинакова и свидетельствует о перестройке помещений: в западном углу виден конец северо-западной стены помещения XI, между стеной помещения XI и стеной помещений IV—V промежуток шириной 0.20 м, заполненный камнями. Следовательно, эти помещения строились одновременно и принадлежали различным домам. Против кубического камня был, очевидно, угол стены, сложенный из штучных плит (хорошо виден шов кладки), и немного выступающий внутрь из общей линии стены (рис. 106). В юго-восточном конце стена заканчивается еще одним выступом, сложенным также из штучных плит. Кладка между этими двумя выступами небрежная; повидимому, здесь была дверь, позднее заложённая. В юго-западной части помещения широкий (1.80 м) пролет, соединявший помещения X и XII.

Помещение XI. Кладка стен из бута. Сохранившаяся высота стен 0.60—1.00 м. Кладка северо-восточной стены небрежная: стена силь-

Рис. 108. Канал водостока под юго-западной поперечной улицей (вид с юго-востока).

Рис. 107. Поглотитель уборной во дворе XII.

но наклонилась, построена она, вероятно, позднее при перестройке помещений X и XI — последнее соединяется дверью с помещением XII. Юго-западная стена разрушена, поэтому, невозможно установить, была ли дверь в помещение III. На полу лежали в большом количестве обломки черепиц, сажа и куски угля: особенно много сажи и угля было возле северо-восточной стены. В полу широкая яма. Возле северо-западной стены на полу жорнов (диам. 0.45 м). На расстоянии 1 м от северо-западной и северо-восточной стен на полу большая песчаниковая плита, служившая точильным камнем, с вытертым углублением на одной стороне; другой точильный камень стоял возле северо-западной стены. Пол помещения плотно утопанный и золистый. На полу найдены: белоглиняный кувшин, покрытый зеленой поливой, плохой сохранности; обломки красноглиняного блюда, покрытого желтой поливой, с гравированным растительным орнаментом; доньшки белоглиняных мисок с „акварельным“ орнаментом, на одном граффито Л; обломки красноглиняной поливной посуды с дырочками для скрепления, обломки кувшина с рельефным

Рис. 109. Старый канал (слева) и поздний канал (справа) (вид с севера).

орнаментом. Возле северо-восточной стены массивная железная цепь в согнутом виде; сохранилось 10 звеньев, длина которых 0.25 и 0.12 м, причем длинные звенья чередуются с короткими; к одному из звеньев прикреплен железный крючок.

Помещение XII — двор. Кладка стен состоит из небольших бутовых камней. Сохранившаяся высота стен 0.60—1.10 м. На полу лежало вверх дном каменное корыто размерами 0.35 × 0.25 × 0.20 м. Найдены два точильных камня из коричневого песчаника, обломок жорнова, три каменных ядра (диам. 0.09, 0.14 и 0.16 м), обломки мраморных алтарных преград с крестами, обломки красноглиняной посуды, покрытой желтой поливой, с гравированным геометрическим и растительным орнаментом, железные гвозди, кусок обгоревшей штукатурки. Обломки черепиц были только в восточном углу.

Пол помещения слабо утопанный, следов пожара на нем не было. Помещение было без крыши и служило двором для соседних жилых помещений VIII—XI.

В восточном углу двора — поглотитель уборной (рис. 107). Для него была вырыта овальной формы яма в насыпи второго слоя; длина ямы 3 м, наибольшая ширина 1.50 м, глубина 1 м. В яме сделаны стенки высотой 0.40 м, сложенные из небольших бутовых камней на грязи. Длина поглотителя 3 м, ширина 0.40—0.45 м. Сверху поглотитель был покрыт большими плитами, среди которых обломок мраморного сильно истертого порога. Поглотитель внутри в верхней части заполнен землей, проникшей в щели между плитами, ниже была земля темного цвета, более плотная, чем сверху, повидимому сгнившие экскременты; на

дне поглотителя морской песок и мелкие ракушки спиральной формы. Наверху, на полу двора, с северо-западной стороны поглотителя, лежат несколько камней в один ряд, вероятно остатки фундамента забора или деревянной стенки, отделявшей уборную от остальной части двора.

Юго-восточная стена двора имеет ломаную линию: в восточном углу выступает наружный угол помещения, расположенного к востоку от двора. На расстоянии 5.85 м от него к юго-западу имеется наружный угол другого помещения, оставшегося за пределами участка раскопок этого года; промежуток между этими помещениями позднее был за-

горожен стеной-забором, отделившим двор с юго-востока (кладка забора построена впритык к описанным углам помещений).

Поперечная улица. Поверхность до раскопок представляла широкую ровную площадь с небольшой ложбиной посредине улицы. Против улицы устроена яма позднего времени (как и в помещениях II—III, вероятно, времени Крымской войны): поэтому линия берега, по сравнению с бугром с юго-западной стороны, далеко отступает от моря (см. план).

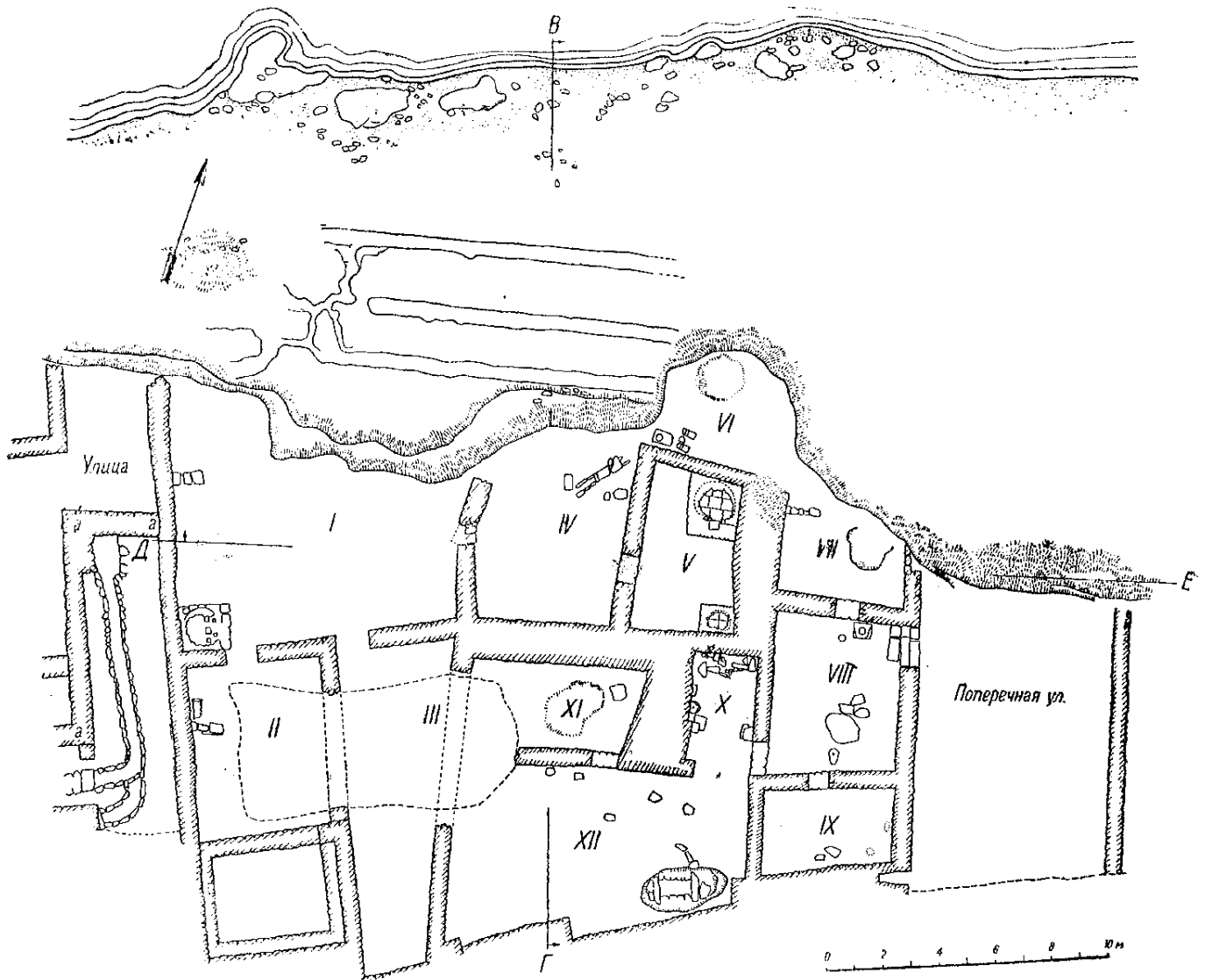
Возле помещения VIII на улице найдены: обломки поливной красноглиняной миски с гравированным орнаментом из кругов, обломки стеклянного браслета, железный замок цилиндрической формы, свинцовые кольцевидные грузила и обломок оселка коричневого цвета.

В кладке юго-западной стены находилась большая мраморная плита размерами 0.90 × 0.76 × 0.32 м, профилированная с трех сторон (с четвертой стороны обломана). Возле этой стены была давно уже раскопана небольшая траншея (глуб. около 0.60 м, шир. 1 м и дл. около 2 м), повидимому, с целью достать мраморную плиту. Для извлечения плиты из кладки стены пришлось раскопку углубить до 1 м, плита находилась в стене между помещениями VIII и IX и стояла ребром.

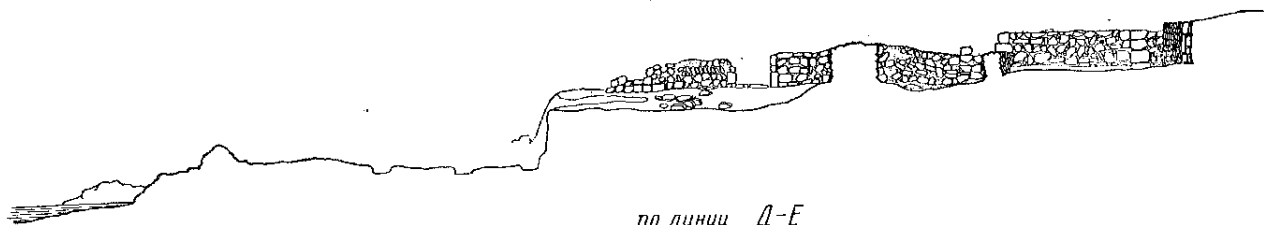
Северо-восточная стена улицы сильно разрушена. До раскопок над стеной, вдоль ее, было углубление, образовавшееся от разборки стены, камни которой были взяты на постройку каменного забора вокруг монастырского огорода, находившегося рядом с кварталом раскопок 1933 г. Для обнаружения северо-восточной стены пришлось раскопать возле нее небольшую траншею, глубиной 0.30 м, во вто-

ХЕРСОНЕС

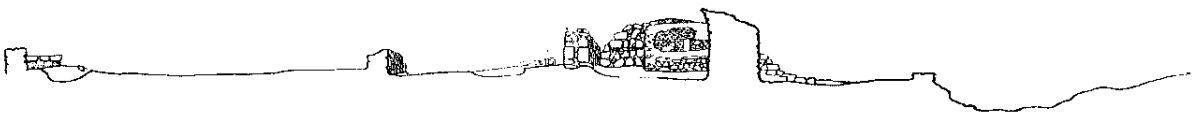
ПЛАН И РАЗРЕЗЫ РАСКОПА 1933 г. НА СЕВЕРНОМ БЕРЕГУ

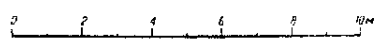
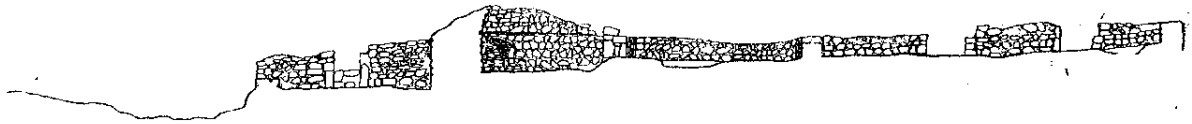
по линии В-Г

по линии Д-Е

по линии Е-Д

ром слое; остатки стены обнаружены. Насыпь второго слоя представляла здесь почти сплошной строительный мусор — отески камней и известь.

Раскопка улицы произведена в длину от обрыва к юго-востоку на 10—11 м, ширина улицы 7 м, — это самая широкая улица из раскопанных в Херсонесе.

В 1932 г. был обнаружен водосток, покрытый плитами, расположенный на разрушенной юго-восточной стене базилики и выходящий на поперечную улицу с северо-восточной стороны участка раскопок 1932 г. В 1933 г. плиты водостока были вскрыты: под ними оказался канал (шир. 0.30 м, глуб. 0.35—0.50 м) (рис. 108). Водосток заканчивается поглотителем возле стены, преграждавшей путь дальше к северо-западу.

Стенки водостока сделаны из известняковых плит (крепкий плитняк), поставленных на ребро; швы промазаны чистой известью. Стенки поглотителя сложены из плит на ребро на грязи; ширина ямы 0.80 м, дл. 0.90 м, глуб. 1.10 м. На дне ямы твердая земля и камни. Поглотитель заполнен намывной землей.

В юго-восточном конце улицы обнаружен второй канал водостока, уходящий под нераскопанную юго-восточную стену (план и рис. 109). Стенки этого канала обмазаны известью, стенки же канала, идущего вдоль базилики, сложены на грязи. Следовательно, юго-западная линия водостока является более поздней, чем южный канал. Последний первоначально шел с юга; позднее на повороте он был заложен (рис. 109 слева) и к его продолжению под улицей был присоединен поздний канал.

ВЫВОДЫ

1. Характеристика слоя. Насыпь первого слоя (толщ. 1—1.50—1.80 м), покрывавшая раскопанные помещения, произошла в результате их гибели. Этим объясняется состав насыпи: первый слой представляет обычно завал камней, упавших внутрь здания при разрушении его стен. Типичным завалом такого рода был первый слой в помещениях V, VI, VII, VIII, IX, X и др.: здесь завал был почти без земли. Под камнями всегда лежал слой обломков кровельной черепицы; под черепицей на полу находились обломки посуды и прочий инвентарь помещений, куски угля и саж, образовавшиеся вследствие пожара. Таков первый слой в жилых помещениях, покрытых крышами. Содержание слоя в помещениях нежилого характера было другое: здесь преобладала земля, в которой находились, где больше, где меньше, мелкие камни, мелкие и в небольшом числе обломки черепиц, изредка обломки посуды и другие предметы и в большом количестве мусор — мелкие черепки, ракушки, кости и т. п., попавшие сюда случайно и неодно-

временно, в результате векового образования насыпи. Примером слоя этого рода может быть насыпь в помещениях I, III (юго-восточный конец), IV и XII и на улице. Камни и обломки черепицы в этих помещениях были только возле стен. Следов пожара здесь нет (ни кусков угля, ни саж), помещения не имели крыш, следовательно, не было материала для огня.

2. Архитектура зданий. План почти всех зданий неправильный: противоположные стороны неравны, углы тупые или острые; особенность эта характерна как для жилых помещений, так и для остальных.

Кладка стен одинакова во всех зданиях: стены сложены из небольших или совсем мелких бутовых камней на грязи, т. е. в качестве связующего раствора была взята земля, смоченная водой. Ни в одном здании нет ни глины, ни извести во швах. Сложенные таким образом стены были в целом не прочны: камень мелок, связующий раствор не крепок; кроме того, стены сложены на насыпи, а потому и фундамент неустойчив. Вследствие этого для укрепления стен применялся везде следующий прием: в стенах прокладывались горизонтальные балки из дерева, иногда с одной внутренней стороны, чаще же с обеих сторон, обычно на высоте 0.55—0.80 м от пола. Такие деревянные балки, связывая кладку каждой стены в отдельности, соединяли в тоже время и все стены между собою и тем самым придавали зданию большую прочность. Возможно, этот прием связи стен употреблялся и в антисейсмических целях. Были ли подобные пояса-связи в верхних частях зданий, установить не удалось, так как ни одно здание полностью не сохранилось.

Остатки известковой штукатурки на стенах внутри зданий имеются только в немногих помещениях, напр. в помещении VIII. Стены помещения V, повидимому, были обмазаны внутри желтой глиной, которая обнаружена на северо-восточной стене и на нижних рядах других стен. Обмазка стен из смеси грязи с глиной имеется еще в кладовой помещения II. В помещении X была обмазана желтой глиной северо-западная стена, над очагом. Стены в остальных зданиях, вероятно, имели обмазку из грязи, на которой сложены и сами стены.

Дверные пролеты имеют ширину от 0.80 до 1.10 м. Пролеты окон нигде не сохранились, так как стены сильно разрушены. Вследствие этого невозможно определить и высоту помещений внутри, плохая кладка стен и небольшие размеры помещений говорят о том, что высота стен была незначительна.

Крыши во всех жилых зданиях были черепичные. Судя по тому, что слой обломков черепиц обычно находился возле одной из стен здания и черепицы имели наклон в одну сторону, а также принимая во внимание незначительную ширину зданий, можно предполагать,

что крыши были построены чаще всего на один скат. По обильному слою сажи и массе кусков угля можно считать, что в жилых зданиях были и потолки.

Полы в помещениях были везде земляные, иногда смазанные глиной, напр. в помещении VI; в жилых комнатах полы были золистыми и плотно утопанными; во дворах подошва менее твердая и незолотая. Частичная вымостка из плит имеется на полу помещения VIII.

Отопление помещений производилось большей частью очагами, которые имеются в помещениях III, VI, X; вероятно, очаги были и в помещениях II и VIII, в углах которых найдены кости и зола. В помещениях I и V находятся описанные выше печи.

В нескольких случаях наблюдается перестройка зданий: заложена дверь между помещениями VII и VIII, перестроены помещения X—XII; здесь, повидимому, была дверь из помещения X в XI, которая позднее была заложена стеной; построен забор для двора XII с юго-восточной стороны и др.

Раскопанные помещения принадлежали, повидимому, двум жилым комплексам: к одному из них относились помещения I—VI, к другому помещения VII—XII.

3. Инвентарь помещений. В жилых комнатах и в кладовых найдено большое количество орудий и бытовых предметов. Имеются орудия земледелия: железные сошники, жернова и ступы для размола зерна. В большом количестве найдены орудия рыбной ловли: грузила (в помещении VIII—44), крючки (в помещении IX свыше 100); следовательно, здесь были как сети, так и переметы. Найдены орудия текстильного производства: прясла для веретен, железная гребенка для обработки шерсти. Следует отметить наличие большого количества железных предметов: замков в помещениях VIII—IX, невыясненного назначения железные предметы с втулками (один из них напоминает долото, другой похож на скобель и др.), имеется железное оружие (большой наконечник копья, рукоятка кинжала или меча) и пр. В большом количестве находились в помещениях, особенно в восточном комплексе (помещения X, XI и VIII), точильные камни крупных размеров и оселки, все со следами длительного употребления. Возможно, здесь была кузница или мастерская по обработке металлов. Находка двух формочек для отливки металлических колец, вероятно, грузил, подтверждает такое предположение. Местом для мастерской могло служить помещение X: очаг возле северо-западной стены мог служить и горном, а мраморная колонна и кубический камень могли быть использованы в качестве наковальни и рабочей площадки.

Глиняная посуда найдена в большом количестве, но во всех помещениях одинаковых типов. Амфоры с конусовидным корпусом, украшенным на плечах рифлением и желобками в нижней

части, находились во многих помещениях (I, V, VI, VII, IX), все они одинаковы по форме, размерам и материалу и происходят из одной мастерской. Почти во всех амфорах найдены остатки рыбы. Пифосы, найденные в кладовой помещения II и в помещениях VI и IX, также одинаковы по форме, величине и материалу. Тонкостенные горшки и кувшины с сильно обгоревшей поверхностью и всегда почти плохой сохранности, найденные в нескольких помещениях, одинаковы по материалу и работе. Среди поливной посуды имеется несколько видов, различных по материалу, технике и форме. Наибольшее число составляют миски и тарелки из красной глины, покрытые ангобом и поливой, или прозрачной или желтого цвета. Орнамент на этих мисках и тарелках всегда гравированный: геометрический или растительный, или дает изображения животных, птиц, человека. На донышках снаружи в нескольких случаях имеются одинаковые граффити. К другому виду поливной посуды относятся миски и тарелки из белой глины, покрытые прозрачной поливой и украшенные „акварельным“ орнаментом. Изображения расплывчаты и неопределенны, так как целых экземпляров не сохранилось. Третий вид поливной посуды составляют кувшины из белой или светлосерой глины, покрытые поливой зеленого цвета, плохого обжига, вследствие чего эти кувшины всегда отличаются плохой сохранностью; найдены они почти во всех помещениях.

Клейма на черепицах различны (рис. 98), но они повторяются в целом ряде помещений; по материалу, форме, величине и технике изготовления черепицы разделяются на несколько видов и происходят, несомненно, из различных мастерских.

4. Занятия и социальный состав населения. На основании найденного в помещениях инвентаря—орудий труда и предметов быта—можно считать, что население квартала занималось как сельским хозяйством, земледелием и скотоводством, так и рыболовством и некоторыми ремеслами: текстильным, кузнечно-слесарным. О занятиях земледелием говорят сошники, орудия обработки зерна—ступы и жернова; о скотоводстве—кости домашних животных и птиц; о рыбной ловле—многочисленные грузила, крючки и запасы рыбы; наличие оленьих рогов и оружия может указывать на занятия охотой; о ремеслах свидетельствуют прясла, гребенки для шерсти, металлические изделия и инструменты, точильные камни и т. д.

Разнообразие орудий труда и занятий характеризует хозяйство раскопанных комплексов как хозяйство натуральное, удовлетворявшее, по возможности, все свои потребности собственными силами и средствами. Жители этого квартала сами сеют хлеб и обрабатывают землю, сами размалывают зерно примитивным спосо-

бом — ручными жерновами и в ступах, сами пекут хлеб, ловят рыбу и имеют ее запасы в кладовых, держат домашний скот и птицу, сами изготавливают себе одежду и производят некоторые необходимые в хозяйстве орудия и предметы и т. п. Не исключена возможность, что жители сами строили свои дома: примитивность техники постройки, неправильность их плана и т. п. свидетельствуют о том, что постройки были выполнены не специалистами, а „кустарным“ способом. Отрицательные признаки, напр. отсутствие монет (несколько найденных монет являются случайными и не одновременными постройкам) и предметов импорта вообще, говорят об отсутствии внешней торговли и подтверждают высказанное выше определение описываемого хозяйства, как хозяйства мелкого и самостоятельного. Раскопки предыдущих лет в этой части Херсонеса дают в первом слое такую же картину.

Открытые в первом слое дома относятся к последним векам существования Херсонеса (XII—XIV вв.). Материалы из раскопок послед-

них трех лет, производившихся в северо-западной части Херсонеса, накопились в столь значительном количестве, что на их основании можно сделать следующие предварительные выводы: а) экономическое положение населения Херсонеса в последние века его существования находилось на очень низком уровне; б) жители города или, по крайней мере, данного района, бывшего в это время окраиной города, вели самостоятельное мелкое хозяйство, удовлетворявшее их главные потребности: они занимались не только ремеслами, но и сельским хозяйством и рыболовством; в) Херсонес в целом утратил свое прежнее значение крупного торгового центра, бывшего некогда посредником между югом и севером, и превратился в небольшой город, экономически тесно связанный лишь с местной небольшой областью.¹

---

¹ В VII вып. „Советской археологии“ мною дана сводная характеристика хозяйства и быта позднесредневекового Херсонеса на основании материалов из раскопок 1931—1937 гг.

Л. Н. БЕЛОВА-КУДЬ

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА 1931—1932 гг.

№№ по пор.	Определение монет	Диаметр в см	Количество	Датировка	Где найдена
1	2	3	4	5	6

Монеты из раскопок 1931 г.

1	Херсонесская. Б., XIV, 21	1.4	1	Серед. III в. до н. э.	На скале в пом. 12
2	Херсонесская. Б., XV, 64	1.8	1	II в. до н. э.	На скале в пом. 7
3	Херсонесская. Б., XIV, 11—12	1.4	1	Кон. II в. до н. э. — нач. I в. н. э.	Сл. II в переулке
4	Амис. Wroth, Cat. Gr., pl. III, № 6	1.9	1	Кон. II в. до н. э. — нач. I в. н. э.	Цист. Н.
5	Херсонесская, стертая. Сохранилась надпись: XEP	1.3	1	II в. до н. э.	Сл. III в пом. 11
6	Херсонесская. Нум. сб., т. III, тб. л. II, 34—35	2.5	1	Кон. I в. н. э.	Сл. III в пом. 16
7	Херсонесская. Б., XVI, 120	2.5	1	1-я пол. II в. н. э.	Сл. III в пом. 16
8	Денарий имп. Тита. Cohen, I, 352, № 100	1.7	1	79—81 гг.	Сл. III в пом. 7
9	Митридата VIII Б., XXVI, 90	2.5	1	41—46 гг.	Сл. III в пом. 15
10	Денарий имп. Коммода. Cohen, III, 55, № 15	1.6	1	180—192 гг.	Сл. III в пом. 11
11	Римская, стертая. Л. ст. — голова вправо; об. ст. — богиня во весь рост вправо	1.5	1	I—II вв. н. э.	Сл. IV в пом. 1
12	Томи. Л. ст. — голова Аполлона в венке вправо, впереди лира, в точечном кругу; об. ст. — Диоскуры на лошади вправо, в точечном кругу. Head, p. 235	1.9	1	I — вв. н. э.	Сл. III в пом. 11
13	Амастрия. Л. ст. — мужская голова с остроконечной бородкой, вправо; об. ст. — A [M] A C T [P] I A N O N. Два рога изобилия, между ними скипетр	1.8	1	То же	Сл. III в пом. 3
14	Римская, испорчена окисью. Л. ст. — голова императора вправо, об. ст. — неясная круговая надпись	2	1	II—III вв. н. э.	Сл. III в пом. 16
15	Херсонесская. Б., XVI, 101	2.2	1	Серед. III в. н. э.	То же
16	Херсонесская. Б., XVI, 112	1.7	1	2-я пол. III в. н. э.	Сл. III в пом. 11
17	Херсонесская, испорчена окисью. Об. ст. — Дева, пускающая стрелу, вправо	2.2	1	Кон. II в. — нач. III в. н. э.	На полу в пом. 9а
18	Херсонесская. Б., XVI, 117	1.9	1	Кон. II в. — серед. III в.	Сл. III в пом. 11
19	Херсонесская. Б., XVI, 117—118	2.0	1	Кон. II в. — серед. III в.	На полу в пом. 9а
20	Фофорса, 592 г. б. э.	1.9	1	295 г. н. э.	Сл. III в пом. 15
21	Рискупорида VI, 620 г. б. э.	2.0	1	323 г. н. э.	Сл. III в пом. 15
22	Рискупорида VI, 618 г. б. э.	1.8	1	321 г. н. э.	Сл. III в пом. 11
23	Боспорские. Стертые и выщербленные Л. ст. — бюст имп. Александра в венке; об. ст. — Виктория с венком и пальмовой ветвью, идущая вправо. Надпись стерта. Cohen, VI, 47, № 12, вариант	1.8	2	IV в. н. э.	Сл. III в пом. 9а
24	Л. ст. — бюст имп. Александра в венке; об. ст. — Виктория с венком и пальмовой ветвью, идущая вправо. Надпись стерта. Cohen, VI, 47, № 12, вариант	2.1	1	Нач. IV в. н. э.	Сл. II в пом. 8

(Продолжение)

1	2	3	4	5	6
25	Л. ст.— IMLICL [ICINIVS PFAVG], голова императора Лициния вправо; об. ст.—IOVICONSERVATORI, Юпитер влево; в правой руке у него Виктория с венком, а в левой скипетр. Cohen, VI, 61, № 81 сл. . . .	2.3	1	305—323 гг.	Цист. Б
26	Л. ст.—CONSTANTIN, голова императора Константина II в диадеме вправо; об. ст.—CLORI . . . . . Два воина с военными значками .	1.8	1	337—340 гг.	Сл. III в пом. 9а
27	Имп. Константа I. Cohen, VI, 266, № 128	1.7	2	337—350 гг.	Сл. III в пом. 2; переул.
28	Л. ст.—DNCQNSTANT [IVSPFAVG], голова императора Констанция II в диадеме, вправо; об. ст.—император поражает врага, влево	1.5—1.3	2	337—361 гг.	Цист. М.
29	Имп. Констанция. Cohen, VI, 353—54, № 47	1.6	1	То же	То же
30	Имп. Валентиниана I. Cohen, VI, 404, № 50	1.7	1	364—375 гг.	Сл. III в пом. 11
31	Л. ст.—DNVALENS [PFAVG], бюст имп. Валента в диадеме вправо; об. ст.—SECVRITAS [REIPVBLICA], Виктория с венком в правой руке и с ветвью в левой, идет влево. Cohen, VI, 420, № 72	1.7	1	364—378 гг.	Сл. III в пом. 11
32	Л. ст.—[DNVALEN] — TINIANVSPFAVG, бюст Валентиниана II в диадеме вправо; об. ст.—REPARATIO REIPVB, император держит сферу с Викторией в левой руке, правую подает женской фигуре в башенной короне. Под чертой: MNTB. Cohen, VI, 447, № 44	1.7	1	364—378 гг.	Сл. III в пом. 11
33	Имп. Валентиниана II, Cohen, VI, 446—447, № 40	2.2	1	383—392 гг.	Сл. III в пом. 15; цист. В
34	Л. ст.—DNVAL [ENTINIANVSPFAVG], бюст имп. Валентиниана II в шлеме со щитом и копьем вправо; об. ст.—CONCORDIA AVGG, два императора во весь рост и впрямь с длинным крестом	2.2	1	383—392 гг.	Цист. М
35	Имп. Феодосия I. Cohen, VIII (2 изд.), 161, № 54	1.9	1	То же	Цист. А
36	Л. ст.—DNTHEODOSIVSPFAVG, бюст имп. Феодосия I в диадеме, вправо; об. ст.—император с лабаром и сферой	2.3	1	378—395 гг.	Сл. III в пом. 8
37	То же	2	1	378—395 гг.	Сл. III в пом. 16
38	Имп. Феодосия I. Cohen VIII, 155, № 19	2	1	То же	Цист. М
39	Л. ст.—DNHONORIVSPFAVG, бюст имп. Гонория в диадеме, вправо; об. ст.—император во весь рост и впрямь с лабаром и сферой. Под чертой: SMKГ.	2.3	1	То же	Сл. II в пом. 8; цист. И
40	То же. Об. ст. испорчена	2.1	2	395—423 гг.	Сл. III в пом. 8
41	Римская, испорчена окисью	1.6	1	То же	Цист. М
42	Римская, стертая. Бюст императора в венке, вправо. Об. ст.—GLORIAEXERCITII, два воина с трофеями. Под чертой: CONSA	2.2	1	IV в. н. э.	Сл. III в пом. 16
43	Имп. Аркадия Т., I, тб. 3, № 78—89	1.9	1	То же	Сл. III в пом. 11
44	То же. Т., I, тб. 4, № 112	2.1	2	395—408 гг.	Сл. III в пом. 8
45	Имп. Льва I Т., II, тб. 8, № 29	2.1	1	То же	То же
46	Императрицы Веряны, жены Льва I Т., II, тб. 9, № 58	2	3	457—474 гг.	Сл. III в пом. 15; цист. И
		2.2	2	То же	Сл. III в пом. 8

1	2	3	4	5	6
47	Л. ст. — DNZENOP[ERAVG], бюст имп. Зенона в диадеме вправо; об. ст. — CONC[ORDIAA], император с лабаром и сферой толкает пленника вправо	1.7	3	474—491 гг.	Сл. III в пом. 10; цист. Н
48	Имп. Анастасия Т., II, тб. 14, № 66—68	1.2—1.4	4	491—518 гг.	Цист. Н
49	Византийская. Л. ст. стерта; об. ст. — хризма	1.2	1	VI в.	Сл. II в пом. 21
50	Имп. Юстиниана I. Т., IV, тб. 26, № 514—515	1.3	9	527—565 гг.	Сл. III в пом. 4, 8, 21; цист. И
51	Имп. Юстиниан I. Тр. Нум. общ., III, тб. VIII, № 1—3 (херсонесские)	1.3—1.5	3	То же	Сл. III в пом. 8; цист. Н
52	Имп. Маврикия. Тр. Нум. общ., III, тб. VIII, 10 (херсонесская)	2.7	1	582—602 гг.	Сл. II в пом. 11
53	То же. Тр. Нум. общ., III, тб. VIII, № 11—12	2.3	2	То же	Сл. II в пом. 8
54	Имп. Ираклия Т., VI, тб. 46, № 75	2.3	1	610—641 гг.	Сл. II в пом. 4
55	Имп. Константа II. Wroth, Cat. Byz., I, tab. XXXI, № 15—17	1.7	1	641—648 гг.	Пом. 9а
56	Имп. Константа II. Wroth, Cat. Byz., I, tab. XXXII, № 1	1.8	1	То же	Сл. III в пом. 8
57	То же. Wroth, Cat. Byz., I, 226, № 93—96	1.8	2	"	Цист. Н и Б
58	Имп. Константина IV. Wroth, Cat. Byz., II, tab. XXXVII, 3—4		1	668—685 гг.	Сл. III в пом. 8
59	Имп. Льва V. Wroth, Cat. Byz., II, tab. XLVII, 19—20	1.8	3	813—820 гг.	Сл. II в пом. 7, 9а; цист. Б
60	Византийская, стертая. Об. ст. 4-строчная надпись	2.5	1	IX—X в.	Сл. II в пом. 10
61	Имп. Михаила III и Василия I. Тр. Нум. общ., III, тб. IX, 14 (херсонесские)	1.2	2	842—867 гг.	Вост. ул.; цист. И
62	Имп. Василия I. Тр. Нум. общ., III, тб. IX, 18—19 (херсонесские)	1.4	5	867—886 гг.	Цист. Б; пом. 5 и 9а
63	То же. Тр. Нум. общ., III, тб. IX, 20—21	1.6—1.8	28	То же	Сл. II в пом. 9, 10, 11, 15; 16, 20, 22; цист. Н, Б и И
64	То же. Т., IX, тб. 72, № 17	1.9	4	"	Сл. II в пом. 9а, 12 и вост. ул.; цист. И
65	То же. Тр. Нум. общ., III, тб. IX, 22	1.7	5	"	Сл. II в пом. 8, 9а, 15, 20, цист. Б
66	То же. Тр. Нум. общ., III, тб. IX, 17	1.1	1	"	Цист. Б.
67	Имп. Василия I и Константина VI. Тр. Нум. общ., IV, тб. IX, 23 (херсонесские)	2.1—2.3	7	"	Сл. II в пом. 8а, 9а, 14, 18, 21, 22; цист. Б
68	Имп. Льва VI. Тр. Нум. общ., III, тб. IX, 24 (херсонесские)	1.6	2	886—911 гг.	Сл. II в пом. 7; цист. И
69	То же. Тр. Нум. общ., III, тб. IX, 25—26	1.7	4	То же	Сл. II в пом. 9а, 10, 15, 16
70	Имп. Льва VI и его брата Александра. Тр. Нум. общ., III, тб. IX, 27 (херсонесская)	1.7	1	"	Цист. И
71	То же. Тр. Нум. общ., III, тб. IX, 29	1.7	4	"	Сл. II в пом. 9а, 11, 12
72	Имп. Романа I. Тр. Нум. общ., III, тб. IX, 33 (херсонесские)	2.5	6	919—944 гг.	Сл. II в пом. 2, 15, 20, 21; цист. Б
73	То же. Тр. Нум. общ., III, тб. IX, 34—35	2.5	42	То же	Сл. II в пом. 2, 3, 7, 12, 14, 15, 16, 20, 21, переул.; цист. Б
74	То же. Тр. Нум. общ., III, тб. IX, 36	2.3	8	"	Сл. II в пом. 2, 9, 20, 21, 22; колодец 3
75	То же. Тр. Нум. общ., III, тб. IX, 37	2.1	8	"	Сл. II в переулке, в пом. 5, 11, 21, 22; цист. Б
76	Л. ст. стерта [бюст имп. Романа I, впрямь]; об. ст. — ΡΩΜΑ hehθewBA SILEVS ΡΩ MAIΩh	2.5	1	"	Сл. II в пом. 9

(Продолжение)

1	2	3	4	5	6
77	Имп. Константина VII Порфирородного. Тр. Нум. общ., III, тб. X, 44—45 (херсонесские)	1.7	13	944—959 гг.	Сл. II в пом. 9а, 11, 12, 15, 21, 22; цист. И
78	То же. Тр. Нум. общ., III, тб. X, 47 .	1.5—1.8	18	То же	Сл. II в пом. 1, 4, 7, 9, 9а, 10, 11, 12, 15, 16, цист. Б
79	Имп. Константина VII и Романа II. Тр. Нум. общ., III, тб. X, 48 (херсонесские)	1.8	41	948—959 гг.	Сл. II в пом. 4, 7, 8, 9, 9а, 11, 12, 15, 16, 17, 20; переул.; цист. И
80	Херсоно-византийские, стертые и перегоревшие	1.8—2	20	X в.	Сл. II в пом. 9а, 11, 15; цист. И
81	Имп. Романа II. Тр. Нум. общ., III, тб. X, 51 и В, 15 (херсонесские) .	1.8	68	959—963 гг.	Сл. II в пом. 1, 2, 3, 7, 9а, 10, 11, 12, 15, 16, 17, 19, 20, 22, вост. ул., зап. ул.; цист. И, Б
82	То же. Тр. Нум. общ., III, тб. X, 52 .	1.8	9	То же	Сл. II в пом. 9а, 16, 17 переул.; цист. И, Б
83	То же. Тр. Нум. общ., III, тб. X, 53 .	1.8	1	"	Сл. II в пом. 9а
84	Имп. Романа II и Василия II. Тр. Нум. общ., III, тб. X, 55—56 (херсонесские)	1.8	3	"	Сл. II в пом. 9а, 20
85	Имп. Никифора Фоки. Тр. Нум. общ., III, тб. X, 57 (херсонесские)	1.8	11	963—969 гг.	Сл. II в пом. 9а, 11, 21; цист. И
86	Л. ст. — бюст имп. Никифора Фоки впрямь; об. ст. — $\eta\iota\chi\eta\phi$ $\epsilon\eta\theta\epsilon\omega$ БΑ $\Sigma\iota\lambda\epsilon\nu\sigma\rho\omega$ $\mu\alpha\lambda\omega\eta$	2.5	2	То же	Сл. II в пом. 9а, 15
87	Имп. Иоанна Цимисхия. Тр. Нум. общ., III, тб. X, 58 (херсонесская) .	1.6	1	969—976 гг.	Цист. И
88	Анонимная, византийская; [имп. Иоанна Цимисхия] Wroth, Cat. Byz., II, 477	2.4	4	То же	Сл. II в пом. 3, 9а, 21, цист. Б
89	То же (имп. Иоанна Цимисхия или его ближайших преемников), Schlumberger, I, 309	2.8	1	X в.	Сл. II в пом. 15
90	Имп. Василия II. Тр. Нум. общ., III, тб. X, 59 (херсонесские)	1.7	20	976—1025 гг.	Сл. II в пом. 2, 5, 7, 9, 9а, 11, 15, 16, 17, 20, 21, переул.; цист. И
91	То же. Тр. Нум. общ., III, тб. X, 60 .	1.7	7	То же	Сл. II в пом. 9, 9а, 10, 12, 16, 21
92	Имп. Василия II и Константина VIII. Тр. Нум. общ., тб. X, 62 (херсонесские)	2	1	976—1025 гг.	Сл. II в пом. 10
93	Имп. Василия II и Константина VIII. Wroth, Cat. Byz., II, тб. LVI, № 11. У края монеты дырочка	2.3	1	То же	Сл. II в пом. 16
94	Имп. Константина X. Wroth, Cat. Byz., II, 517, тб. LXI, № 8	2.5	1	1059—1067 гг.	

Монеты из раскопок 1932 г.

95	Херсонесская. Б., XVI, 97	1.9	1	2-я четв. I в. до н. в.	Мог. № 5
96	Диоскуриада. Wroth, Cat. Gr., тб. I, № II	1.5	1	Кон. II в. — 2-я четв. I в. до н. в.	Часовня
97	Херсонесская. Б., XVI, 120	2.5	1	1-я пол. II в. н. в.	Вост. поперечн. ул.
98	Херсонесская, стертая. Л. ст. — Дева, поражающая лань, влево; об. ст. — бодающий бык влево	2.1	1	2-я пол. II в. — 1-я пол. III в. н. в.	Колодец в пом. III
99	Л. ст. — $\epsilon\lambda\epsilon\nu\theta\epsilon\rho\alpha\varsigma$, голова в венке вправо, впереди лира; об. ст. — $\chi\epsilon\rho\varsigma$ [ONHCOPY]. Дева, пускающая стрелу вправо, справа у ее ног олень. Сохранность плохая	1.8	1	2-я пол. II в. — 1-я пол. III в. н. в.	Сл. III с сев. стороны базилики
100	Херсонесская. Б., XVI, 117	1.9	1	То же	Сл. III в средн. нефе

1	2	3	4	5	6
101	Римская, испорчена окисью. Л. ст. — голова императора в лучистой короне, вправо	2	1	III—IV вв.	Мог. № 17
102	То же, стертые	1.2—2.2	5	III—IV вв.	Сл. II в пом. III; цистерна
103	Л. ст. — бюст императора (Констанция II?) в диадеме, вправо; об. ст. — веноч, в нем VOT—XX—MVLG—XXX	1.5	2	IV в.	Сл. III с сев.-вост. стороны базилики; мог. № 13
104	Л. ст. — бюст императора вправо; об. ст. — REPARATIO REIPVB, император протягивает руку женской фигуре, сидящей у его ног	2	1	То же	Пом. IV
105	Л. ст. — DN THEODOSIVSPFAVG, бюст имп. Феодосия I в диадеме вправо; об. ст. испорчена окисью	2.3	1	378—395 гг.	Между часовней и юго-вост. стеной
106	Императрицы Флакциаллы. Cohen, VI, 463, № 5	2.1	1	IV в.	Зап. поперечн. ул.
107	Л. ст. — бюст императора (Аркадия или Гонория) в диадеме вправо; об. ст. — император с лабаром и сферой в руках толкает ногой пленника вправо	2.3	1	Кон. IV в.—1-я четв. V в.	То же
108	Л. ст. стерта; об. ст. — крылатая Виктория тащит за волосы пленника вправо	1.2	1	То же	Зап. поперечн. ул.
109	Имп. Льва I. Т., II, тб. 8, № 29	1.9	1	457—474 гг.	Сл. II в пом. III
110	Л. ст. — DN ZENOPERA VG, бюст имп. Зенона вправо; об. ст. — CONCORDIA, император с лабаром и сферой толкает ногой пленника вправо	1.7	4	474—491 гг.	Пом. IV, V; цистерна
111	Имп. Анастасия. Т. I, тб. 14, № 61—62	1.4	1	491—518 гг.	Цистерна
112	Имп. Юстиниана I. Тр. Нум. общ., III, тб. VIII, № 1—3 (херсонесские)	1.3—1.6	4	527—565 гг.	Сл. III в пом. II, V; цистерна в средн. нефе базилики
113	Имп. Маврикия. Т., V, тб. 41, № 348 (херсонесская)	2.3	1	582—602 гг.	Сл. II в пом. II
114	Имп. Константа II. Т., VII, стр. 760, № 200	1.9	1	641—668 гг.	Сл. II на вост. поперечн. ул.
115	Л. ст. — ON TH; об. ст. — Пл (херсонесская, встречается впервые)	1.3	1	2-я пол. IX в.	Пом. V под стеной
116	Имп. Михаила III и Василий I. Тр. Нум. общ., III, тб. IX, 14 (херсонесская)	1.1	1	842—867 гг.	Возле абсиды базилики
117	Имп. Василия I. Тр. Нум. общ., III, тб. IX, 17 (херсонесская)	1.5	1	867—886 гг.	Мог. № 7
118	То же. Тр. Нум. общ., III, тб. IX, 18—19	1.3	1	То же	Сл. I в пом. XI
119	То же. Тр. Нум. общ., III, тб. IX, 20, Т., IX, тб. 72, № 17	1.6—1.8	12	„	Сл. II в пом. II, III, на мозаичном полу базилики; мог. №№ 7, 13; сев.-зап. абсида к сев.-вост. от абсиды
120	То же. Тр. Нум. общ., III, дополн. тб. B, № 9	1.6	3	„	К сев.-вост. от абсиды базилики; мог. №№ 7 и 19; сл. II в пом. V
121	То же. Тр. Нум. общ., III, т. IX, 22	1.8	4	„	Мог. №№ 7 и 19; сл. II в пом. V
122	Имп. Василия I и Константина VI. Тр. Нум. общ., III, тб. IX, 23 (херсонесские)	2—2.3	2	„	Сл. II в южн. нефе; между зап. ул. и пом. XI
123	Имп. Льва VI. Тр. Нум. общ., III, тб. IX, 25—26 (херсонесские)	1.5	4	886—911 гг.	Сл. II возле часовни, под мозаикой; мог. №№ 5 и 7

(Окончание)

1	2	3	4	5	6
124	Имп. Льва VI и Александра. Тр. Нум. общ. III, тб. IX, 27 (херсонесская).	1.6	1	886—911 гг.	Пом. VI
125	То же. Тр. Нум. общ., III тб. IX, 29.	1.7	3	То же	Сл. I в пом. VI; мог. № 7.
126	Имп. Романа I. Тр. Нум. общ., III, тб. IX, 33 (херсонесские).	2.5	2	919—944 гг.	Цистерна; на мозаике в базилике
127	То же. Тр. Нум. об., т. III, тб. IX, 34—35	2.4	12	То же	Сл. II в пом. II, V, XII; цистерна; на мозаике в базилике; зап. поперечн. ул.
128	То же. Тр. Нум. об., т. III, тб. IX, 36	2.3	12	"	Сл. II в пом. V, VI
129	То же. Тр. Нум. общ., III, тб. IX, 37.	2.1	3	"	Сл. II в пом. V; цистерна; зап. поперечн. ул.; в часовне; на мозаике в базилике
130	Имп. Романа I. Wroth, Cat. Byz., II, тб. LI, 9—12	2.4	1	"	Цистерна
131	Византийская с 4-строчной надписью, сломана	2.2	1	IX—X вв.	Сл. II в средн. нефе с юго-вост. стороны пом. XI
132	Имп. Константина VII Порфирородного. Тр. Нум. общ., III, тб. X, 44—46 (херсонесские)	1.7	3	944—959 гг.	Цистерна; сл. II в средн. нефе возле южн. угла, пом. XI; мог. № 12
133	То же. Тр. Нум. общ., III, тб. X, 47.	1.6	2	То же	На цементн. полу средн. нефа; мог. № 20
134	Имп. Константина VII Порфирородного и Романа II. Тр. Нум. общ., III, тб. X, 48 (херсонесские)	1.8	16	"	Цистерна; продольн. ул.; на мозаике сев. нефа; на цементн. полу возле пом. XI; нартекс; мог. № 13; пом. XII
135	Имп. Романа II. Тр. Нум. общ., III, тб. X, 50 (херсонесская)	1.7	1	959—963 гг.	Мог. № 7
136	То же. Тр. Нум. общ., III, тб. X, 51 и дополн. B, 15	1.8	11	То же	Сл. II в пом. V, XII, на зап. поперечн. ул.; на мозаике и на цементн. полу базилики; в цистерне
137	То же. Тр. Нум. общ., III, тб. X, 52 .	1.8	2	"	На цементн. полу и на мозаике в базилике
138	Имп. Романа II и Василия II. Тр. Нум. общ., III, тб. X, 55 (херсонесская) .	1.7	1	960—963 гг.	На мозаике в базилике
139	Имп. Никифора Фоки. Тр. Нум. общ., III, тб. X, 57 (херсонесские)	1.8	2	963—969 гг.	Часовня; на цементн. полу базилики
140	Имп. Иоанна Цимисхия. Тр. Нум. общ., III, тб. X, 58	1.7	2	969—976 гг.	На мозаике в базилике пом. XII
141	Имп. Василия II. Тр. Нум. общ., III, тб. X, 59 (херсонесские)	1.6	6	976—1025 гг.	Зап. поперечн. улица; на цементн. полу базилики; сев. неф; мог. № 6
142	То же. Тр. Нум. общ., III, тб. X, 60 .	1.6	5	То же	Цистерна; на цементн. полу в базилике; сев. неф
143	Херсоно-византийские, стертые, со следами монограммы и креста	1.7	2	X в.	На мозаике в базилике; мог. № 4
144	Имп. Константина X Дука. Wroth, Cat. Byz., II, tab. LXI, 9	2.6	1	1059—1067 гг.	Сл. II в цистерне
145	Имп. Мануила I Комнена. Wroth, Cat. Byz., II, tab. LXX, 8		1	1143—1180 гг.	Сл. II в цистерне
146	Восточная, с надписью на обеих сторонах	2.7	1	—	Зап. поперечн. ул. Колодец в пом. VII
147	2 копейки имп. Павла I	3.5	1	1801 г.	

В настоящий список монет вошли 437 экз. из раскопок 1931 г. и 152 экз. из раскопок 1932 г., всего 589 монет. Монеты, не поддающиеся определению вследствие их очень плохой сохранности, в список не внесены. Все монеты, за исключением нескольких римских серебряных денариев, медные, поэтому название металла не указывается.

- Б. — Бурачков П. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям на северном берегу Черного моря. Одесса, 1884.
- Нум. сб., т. III — Орешников А. В. Эскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. Нумизмат. сборн., т. III, Москва, 1914.
- Тр. Нум. общ., т. III — Орешников А. В. Херсоно-византийские монеты. Труды Моск. нумизмат. общ., т. III, Москва, 1905.
- Т. — Толстой И. И. Византийские монеты, вып. I—IX, СПб., 1912—1914.

В графе „Определение монет“ дается обычно ссылка на издание, в котором данный тип монеты воспроизведен. В тех случаях, когда под руками не было необходимых изданий, дается описание монеты.

В списке монет употребляются следующие сокращения:

- Cohen — Cohen H. Description historique des monnaies frappées sous l'empire romain, t. I—VI, Paris, 1859—1868.
- Head — Head B. V. Historia numorum. Oxford, 1887.
- Schlumberger — Schlumberger. L'épopée byzantine à la fin du dixième siècle. Paris, 1896—1905.
- Wroth, Cat. Byz. — Wroth, W. Catalogue of the imperial Byzantine Coins in the British Museum. London, 1908.
- Wroth, Cat. Gr. — Wroth, W. Catalogue of Greek Coins. Pontus, Paphlagonia etc. London, 1889.

FOUILLES DE CHERSONÈSE TAURIQUE (CRIMÉE) EN 1931—1933

Résumé

Les fouilles de Chersonèse, commencées en 1827 et interrompues en 1914, ont été reprises en 1926. A cette époque, elles étaient menées d'une manière épisodique, en plusieurs points et sans plan unique. En 1931, la question du lieu des fouilles fut révisée, et il fut décidé de les exécuter en première ligne dans les endroits en voie d'être détruits par les forces de la nature. On reconnut comme la partie la plus menacée le rivage nord de Chersonèse, où, aux points les plus bas, la couche archéologique est directement entamée par les vagues de la mer. C'est là qu'en 1931 furent entreprises les fouilles, qui avaient pour but d'étudier la partie riveraine de la ville. Elles ont mis au jour un quartier d'une superficie de 700 m² environ.

Les restes architecturaux les plus anciens sont les murs supportant les locaux supérieurs 4 et 7, la citerne piriforme O et le puits K. Dans la couche inférieure, près du fond rocheux, on a trouvé des anses d'amphores avec marques de fabrique de Chersonèse, Rhodes et Cnide et des fragments de poterie à laque noire, tant importée que locale.

Cette première période de construction va de la fin du IVe au IIe siècle avant notre ère.

A la période suivante se rapportent les murs de maçonnerie massive sous les pièces supérieures 9, 10 et 12 et les citernes A, Б, В, К, Ж et И. Le fond des citernes est pavé de briques liées par du ciment ou simplement par du mortier, de 0.12 à 0.20 m d'épaisseur. Les murs des citernes sont enduits d'un crépi rouge de même composition — mélange de chaux, de sable et de céramique finement pilée, fort durable. Les

citernes E et Ж se distinguent par leurs petites dimensions; elles sont placées l'une à côté de l'autre et servaient probablement à la conservation des sortes supérieures de poisson; quant aux grandes citernes, elles étaient destinées à la salaison de l'anchois („kamsa“). Le grand nombre des citernes témoigne d'un large développement de l'industrie de la pêche et de l'exportation du poisson hors de Chersonèse à l'époque romaine.

Aux premiers siècles de notre ère, la citerne O et le puits K ont été ensevelis sous de la terre pure, dans laquelle on a trouvé de la céramique à vernis rouge d'un travail fin; ils datent du Ier siècle avant notre ère — IIe siècle de notre ère. En d'autres points, on a trouvé dans cette 3e couche des monnaies d'argent et de bronze des I—IVe siècles de notre ère et une statuette en bronze d'Asclépiade en pied, tenant dans la main droite un bâton autour duquel s'enroule un serpent.

Les citernes peuvent être datées des I—IVe siècles de notre ère.

A la base de la seconde couche, on a dégagé les pièces 9a, 12a et 21a, dont les murs, bien bâtis, sont établis sur la roche. Cette couche, remplie de débris, est caractérisée par une poterie d'argile blanche vernissée, ornée d'un dessin estampé ou peint au pinceau, pouvant être datée des IX—Xe siècles; elle semble être de production locale. Dans la pièce 9a, on a trouvé sur le sol une grande quantité de monnaies des IX—Xe siècles et une plaquette en or ornée d'émail cloisonné d'un travail soigné, sur laquelle sont représentés deux paons avec un vase entre eux; cette plaquette date des X—XIe siècles.

Les édifices de cette période ont péri à la fin du Xe siècle et ont été ensevelis dans la suite sous une couche de détritiques de 2 m d'épaisseur.

Dans la période suivante furent bâtis sur ce remblai les édifices 1—22 appartenant à plusieurs complexes de maisons d'habitation. Les murs en sont d'une construction négligée, les pierres unies avec de la boue; leur plan est irrégulier, leurs dimensions trop petites, le mobilier assez pauvre, le plancher en terre, les murs intérieurs non crépis. Dans cette période tardive (XII—XVe siècles), ce quartier fut reconstruit sur un nouveau plan. En règle générale, les cours sont intérieures; dans la cour N° 12 se trouve un puits, commun aux maisons 10—11 et 15, 13. Les citernes de l'époque romaine, en partie ensevelies sous la 2e couche, étaient parfois utilisées alors comme caves.

Dans les pièces, on a trouvé en grande quantité: des instruments de travail, tels qu'assortiments complets de hameçons et poids de filets, bateaux, drague pour la pêche des coquillages, laie pour le travail de la pierre, objets servant au tissage, etc., de la poterie en argile rouge vernissée, ornée d'un dessin gravé.

Dans la pièce 14 on a trouvé une écuelle vernissée intéressante par le sujet du dessin exécuté à l'intérieur: Théodor Stratilat à cheval tuant un dragon.

Les édifices de la période supérieure ont péri dans un grand incendie, apparemment lors de la destruction de Chersonèse à la fin du XVe siècle: partout sur le plancher on voit une épaisse couche de débris: morceaux de charbon, suie, morceaux de bois carbonisé, objets et murs brûlés.

En 1932, les fouilles ont été poursuivies à l'est du quartier exploré en 1931; elles ont mis à découvert une surface de 700 m² environ.

Les restes architecturaux de l'époque hellénique sont rares — ils ont été détruits lors de la construction de la basilique. Dans la terre glaise près de la roche on a trouvé des anses d'amphore avec la marque des astinomes de Chersonèse et des fragments de poterie à vernis noir du III—IIe siècle avant notre ère.

Près de la rue ouest se trouve une grande citerne, dont le fond est pavé de briques liées par du mortier et les parois enduites d'un crépi rouge — mélange de chaux, de sable et de céramique pilée. Le fond de la citerne était couvert d'une couche d'anchois salé de 0.25 à 1 m

d'épaisseur. Le poisson représentait une masse compacte de couleur brune. L'espèce a pu être déterminée d'après les colonnes vertébrales. Après que la citerne eût cessé de servir pour la salaison du poisson, on l'a utilisée comme fosse à ordures. Directement sur le poisson gisaient de la vaisselle de l'époque romaine tardive et des monnaies de Zénon et de Justinien Ier. Au VIe siècle, lors de la construction de la basilique, on en a fait un four à chaux; la quatrième fois, on l'a employée comme dépôt de provisions; la cinquième fois, au X—XIe siècle, elle fut définitivement transformée en fosse à ordures. La découverte de cette citerne avec restes de poisson est d'une grande importance pour la détermination de la date de construction et de la destination de pareilles citernes, qu'on rencontre en grand nombre sur le territoire de la ville. Il est indubitable qu'elles se rapportent aux I—IVe siècles. Au IIIe siècle appartient une pierre funéraire en marbre avec épitaphe en vers.

La construction de la basilique découverte dans la partie est du quartier remonte au VIe siècle. Dimensions de la basilique: longueur 26 m, largeur 16.50 m. Elle est à trois nefs, avec narthex et abside pentagonale. De la colonnade nord in situ se sont conservées trois bases en marbre et à côté d'elle une imposte; le jubé en marbre de l'abside subsiste partiellement. Les nefs latérales ont un plancher en mosaïque, dont l'ornement géométrique est exécuté en quatre couleurs (blanc, rouge, jaune et noir) dans la nef nord et en trois couleurs (sans le noir) dans la nef sud. Comme détails architecturaux, on a trouvé des chapiteaux en marbre, des impostes, des coins d'arcs avec ornement gravé et polychrome. La basilique a péri approximativement à la fin du Xe siècle et fut recouverte plus tard par une épaisse couche de détritiques de construction.

Quelque temps après, on a élevé sur les ruines de la basilique une chapelle, qui a trouvé place toute entière dans l'abside de la basilique. Dans la chapelle et sur l'emplacement de la basilique furent édifiés 35 tombeaux-mausolées; dans la partie ouest de la chapelle fut construite une maisonnette de garde avec four dans l'angle est.

Les tombes sont disposées dans un certain ordre. Elles renferment jusqu'à 10, 15, 25, voire 35 et 60 crânes, alors que les longs os sont très peu nombreux. Cela montre que lors du transfert des restes du mort du cimetière au mausolée près le temple, on estimait suffisant de

prendre seulement le crâne. Dans la tombe N° 6, le drap funéraire était garni d'un ornement en lamelles d'os: aux angles — grandes lamelles avec figurations de griffons, d'un lion et d'une biche; bandes latérales avec ronds et carrés se recoupant dans la partie moyenne de l'ornement, également avec ronds, faits de petits carrés, losanges et triangles encadrés de lamelles droites et recourbées. Pareil ornement a été rencontré pour la première fois à Chersonèse et constitue un monument remarquable de l'art médiéval local de la sculpture sur os. Le drap appartenait vraisemblablement à une personne riche. Dans la tombe N° 20, on a trouvé des perles: un fil de perles en pâte incrustée de couleurs et un autre de perles en lignite; en outre, il s'y trouvait une pendeloque en argent. Les autres tombes ont fourni des boutons en bronze vides à l'intérieur des rondelles en os ornementées et des monnaies des X—XIe siècles. Les tombes datent de la fin du Xe siècle, du XIe siècle et des siècles suivants.

Dans la partie riveraine du quartier, on a décelé dans la première couche des complexes de locaux se rapportant évidemment à deux maisons. Les pièces III et VI étaient des caves à provisions, avec plancher supérieur en bois. La cave VI est particulièrement intéressante: on y a trouvé plus de 50 vases d'argile variés. Une telle abondance de poteries permet de conclure qu'à cette époque tardive aussi l'art de la poterie atteignait un grand développement à Chersonèse. Les tuiles avec marques diverses le confirment. Dans le même sous-sol on a découvert deux petites icônes, une en ardoise, avec image de St Georges armé d'une lance et d'un bouclier, l'autre en bronze avec image de Jésus-Christ. Toutes deux sont couvertes de dorure, se distinguent par un travail fin et peuvent être datées du X—XIe siècle. La pièce VII renfermait un puits, d'une profondeur de 3.60 m jusqu'au niveau de l'eau. Dans d'autres pièces on a trouvé des meules, des mortiers pour écraser le grain, des ustensiles de pêche, une quantité de poterie: dans la pièce IV — des chaînettes de bronze avec globe impérial appartenant à une lampe d'église.

Sur le plancher des pièces de cette période, on constate également des traces d'incendie, comme dans ceux du quartier mis au jour en 1931; il est hors de doute que les deux quartiers ont été détruits par le feu en même temps (lorsque la ville entière périt dans les flammes à la fin du XVe siècle).

En 1933, les fouilles ont continué sur le rivage nord de Chersonèse, à l'est de celles de 1932. Seule la 1e couche (supérieure) a été enlevée sur 500 m² environ; elle comprenait une accumulation de décombres formée lors de la destruction des édifices. Leur plancher était couvert de suie, de morceaux de charbon, d'objets brûlés et de débris de tuiles.

Les murs sont en petits moellons liés avec de la boue, avec des poutres de bois intercalées pour relier les murs. Le plan des édifices est ordinairement irrégulier, leurs dimensions petites, les planchers en terre, les murs non crépis, parfois avec un enduit d'argile.

Les locaux dégagés par les fouilles appartenaient à deux maisons. Dans le premier se trouvait un four, dans la pièce V — deux fours: un petit dans l'angle est et un grand dans l'angle nord. Ces fours sont construits avec des briques et des fragments de tuiles, liés avec de l'argile; ils possédaient un avant-four cintré; l'âtre était garni de carreaux de terre cuite. Le toit avait une ouverture pour la cheminée (on a trouvé des carreaux percés d'un orifice rond avec un tuyau de cheminée). La présence de deux fours de cuisine dans une seule chambre et d'un troisième four dans une autre pièce de la même maison indique qu'il y avait ici une grande boulangerie, qui fabriquait le pain pour la vente. De pareils fours sont rares dans les maisons de Chersonèse à l'époque tardive; à l'ordinaire, les chambres étaient chauffées par de simples foyers de pierres.

La seconde maison est située dans la partie est du quartier. Dans la pièce VIII se trouvait un mortier pour écraser le grain et à côté un pilier avec enfoncement pour l'appui d'un levier à pilon. Semblables mortiers ont été découverts dans de nombreux pièces de cette période au cours des fouilles de 1931—1932. La pièce IX servait de dépôt de provisions: sur le plancher près des murs se trouvait un grand nombre d'amphores contenant des restes de poisson. Ici même gisaient les engins de production: deux socs d'araire en fer, plus de 100 hameçons en bronze, plus de 40 poids de filet, une multitude d'objets métalliques: cadenas, pitons, écuelle de bronze, etc. La pièce X avait un foyer; sur le plancher, près du mur ouest, étaient placées une partie de colonne en marbre et une pierre cubique, qui servaient probablement de sièges de travail — peut-être y avait-il ici une forge ou un atelier. La pièce XII était

une cour, à l'angle est de laquelle se trouvait le puisard de la fosse d'aisances.

Le mobilier nombreux et varié (instruments de travail et objets usuels) permet de tirer certaines conclusions sur les occupations et la composition sociale des habitants de cette maison. Ils pratiquaient l'agriculture, l'élevage, la pêche; étaient artisans: forgerons-serruriers, constructeurs, tisserands.

C'était le régime de la petite exploitation se suffisant à elle-même; le commerce a complètement cessé à cette époque (on ne rencontre pas d'objets importés).

Ces pièces datent des derniers siècles de l'existence de la ville, c'est-à-dire des XII—XVe siècles approximativement.

Les observations sur la période médiévale tardive faites au cours de trois années de fouilles peuvent être étendues dans une certaine mesure à la ville entière: 1. Le niveau économique de la population de Chersonèse dans les derniers siècles de son existence était très bas. 2. Par leurs occupations et leurs sources d'existence, les habitants ont passé dans une large mesure à l'état de ruraux: économie naturelle de petites exploitations autonomes se suffisant à elles-mêmes. 3. D'une manière générale, Chersonèse a perdu son ancienne importance de gros centre commercial et s'est transformée en une petite ville qui n'avait de liens économiques étroits qu'avec ses alentours immédiats.

СПИСОК ОПЕЧАТОК

<i>Страница</i>	<i>Столбец</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>	<i>По чьей вине</i>
37	левый	4 сверху	к насыпи к югу и юго-западу этого участка	к насыпи. К югу и юго-западу от этого участка	Редакции
38	правый	10 „	на небольшой глубине	до глубины	Автора
56	„	15 „	западной стенки	у западной стенки	„
93	левый	20 „	подтверждают	подтверждает	Корректора
125	„	5 и 6 сверху	вымостки вымостки	вымостки	„
144		под рисунком	посла полной их расчистки,	после полной их расчистки,	Типографии
147	левый	18 снизу	населения,	поселении,	Автора
150	„	3 сверху	’Οφιούς	’Οφιούσх	„
150	правый	4 снизу	Βρονχίων от Βρόνχος	Βροχίων от Βρόγχος	„
165	под № 6	графа 3	XX, 90	XX, 91	„
170	под № 229	графа 6	296	2.96	„
174	левый	13 снизу	182	185	„
174	„	11 „	175	176	„
178	правый	8 сверху	Κνίδου	Κνίδου	„

Археологические памятники Боспора и Херсонеса